Е. Д. ЧЕРМЕНСКИЙ

ИСТОРИЯ СССР

ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

Е. Д. ЧЕРМЕНСКИЙ

ИСТОРИЯ СССР

ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

Пособие для учителей

Издание третье,
исправленное и дополненное

Военно-Ученый Архив

https://t.me/warlib_site

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1974

9(С) 17 (07)
Ч—48

Черменский Е. Д.

Ч—48 История СССР. Период империализма. Пособие для учителей. Изд. 3-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1974.

446 с.

Пособие содержит большой фактический и историографический материал по истории России периода империализма. Значительное место в нем уделено рассмотрению таких проблем, как эволюция государственного строя России, вопросы внешней политики, классы и партии в Государственных думах.

Ч $\frac{60501—654}{103(03)—74}$ 108—74

9(С) 17 (07)

ОТ АВТОРА

Изучение периода империализма в истории нашей Родины имеет весьма существенное значение. Именно в это время окончательно сложились исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции — тот уровень производства и та расстановка классовых сил, которые обеспечили возможность ее победы и явились исходным пунктом для успешного строительства социализма. Задача курса истории СССР периода империализма заключается в том, чтобы на конкретном материале показать закономерность победы Великой Октябрьской революции, оказавшей огромное влияние на судьбы всего мира.

Методологической основой изучения истории России конца XIX — начала XX в. являются труды В. И. Ленина. Развивая учение К. Маркса и Ф. Энгельса о законах общественного развития, В. И. Ленин раскрывает их применительно к эпохе империализма. В его трудах сочетаются качества исторического источника, публицистики и научного исследования. Они содержат глубокий анализ общих закономерностей империализма и особенностей российского империализма, экономической и классовой структуры России, всех крупных событий политической жизни страны, истории рабочего движения и развития революционной партии пролетариата.

История России эпохи империализма изучается в двух главных направлениях: в плане социально-экономической истории, т. е. тех объективных условий, в которых происходило созревание материальных предпосылок социалистической революции, и истории освободительного движения в третий, пролетарский период, когда рабочий класс, единственный последовательно революционный класс, повел решительную борьбу против самодержавия и помещичье-капиталистического строя. Этот период, начавшийся в конце XIX в., отличался небывалым размахом и новыми формами классовой борьбы трудящихся, которых возглавила революционная марксистская партия. В ходе трех революций сложился союз рабочего класса и крестьянства — решающая сила уничтожения эксплуататорского строя в нашей стране. Российский пролетариат становится передовым отрядом международного рабочего движения. В развитии марксизма наступил новый, ленинский этап.

Изучение исторических предпосылок Октябрьской революции должно сочетаться с изучением роли и эволюции политической надстройки в России, т. е. царизма. Необходимо изучать также и внешнюю политику России, так как международная обстановка оказывала непосредственное влияние на все внутренние процессы, происходившие в стране.

Предлагаемая вниманию читателей книга написана на основе курса лекций, читаемого автором на историческом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. По сравнению с имеющимися учебниками в ней гораздо больше места отводится рассмотрению таких проблем, как эволюция политического строя России, борьба по вопросам внешней политики, классы и партии в Государственных думах. Эти вопросы едва затронуты в советской историографии и вместе с тем составляют предмет специальных научных интересов автора.

В новом издании переработке подверглись все главы, значительно расширена историография по наиболее сложным и дискуссионным проблемам истории России периода империализма. При подготовке третьего издания широко использованы новые материалы из фондов центральных государственных и других архивов, а также новейшие публикации и монографическая литература.

Профессор *Е. Д. Черменский*

ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА. НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

1. Историография. Изучение характера и особенностей монополистического капитализма в России имеет большое научное значение. Без глубокого анализа этого завершающего периода российского капитализма нельзя понять объективные условия перемещения центра революционного движения в Россию и победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Всесторонний анализ империализма как последней, высшей стадии капитализма был сделан В. И. Лениным в его классическом труде «Империализм, как высшая стадия капитализма». В. И. Ленин подчеркивал, что «коренная экономическая черта, *суть* империализма» заключается в смене свободной конкуренции монополией [1].

Смена свободной конкуренции монополией означала, что некоторые основные свойства капитализма начали превращаться в свою противоположность. Если свободная конкуренция являлась важнейшим фактором, обеспечивавшим развитие производительных сил в условиях капитализма, то монополия стала главным тормозом такого развития. Капиталистические производственные отношения перестали соответствовать уровню развития производительных сил и превратились в оковы общественного прогресса. Прогрессивная историческая миссия капитализма была исчерпана. «Капитализм из прогрессивного стал реакционным,— писал В. И. Ленин,— он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода» [2].

Вызвав в экономической жизни тенденцию к застою и загниванию, монополии породили в политике поворот к реакции. В. И. Ленин указывал, что «политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом... является поворот *от* демократии *к* политической реакции. Свободной кон-

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 163.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 314.

куренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция» [1].

В условиях империализма невиданно обостряются все противоречия, свойственные капиталистическому обществу, противоречия, которые неотвратимо ведут это общество к гибели. Поэтому империализм, по определению В. И. Ленина, есть умирающий капитализм. Обострение противоречий между трудом и капиталом, между колониями и метрополиями, наконец, между самими империалистическими державами, ослабляя капитализм, создало условия для его свержения.

Особенностью капитализма на его высшей стадии развития является превращение его в мировую систему. «Производительные силы общества и размеры капитала переросли узкие рамки отдельных национальных государств... Весь мир сливается в один хозяйственный организм, весь мир разделен между горсткой великих держав» [2].

В. И. Ленин не ограничился установлением общих закономерностей империализма. Он показал и конкретные особенности империалистической стадии развития капитализма в отдельных странах, в том числе и в дореволюционной России, определил ее место в мировой системе империализма.

Ленинская концепция российского империализма тесно связана с положением о закономерности победы социалистической революции в России. В. И. Ленин отмечал, что основные черты Октябрьской революции имеют «не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение» [3]. К такому заключению В. И. Ленин пришел в результате тщательного изучения итогов социально-экономического развития России в эпоху империализма.

В. И. Ленин характеризовал Россию как страну, «в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» [4]. Но при этом В. И. Ленин подчеркивал, что в России развитие капитализма в различных отраслях народного хозяйства происходило крайне неравномерно. Рядом с «самым отсталым землевладением, самой дикой деревней» здесь в начале XX в. сформировался «самый передовой промышленный и финансовый капитализм» [5], «что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно» [6], — писал В. И. Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». В этой же работе он показал, что в России, как и в других странах, в годы

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 93.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 282.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 3.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 378.
[5] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 417.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 191.

первой мировой войны сложилась система государственно-монополистического капитализма, который представляет «полнейшую материальную подготовку социализма».

Таким образом, экономическая отсталость России была относительной отсталостью империалистической страны, а Октябрьская революция была закономерным итогом развития противоречий, свойственных капитализму на его высшей, империалистической стадии развития.

В дореволюционной русской буржуазной литературе наряду с откровенными апологетами империализма (Гливиц, Фармаковский, Рафалович, Гужон) были и слегка замаскированные защитники монополий, вроде Гольдштейна [1] и Кафенгауза [2], которые, стремясь затушевать господство империализма и его глубокие корни, выдвигали явно несерьезные «реформы» в виде полицейского надзора над трестами и банками.

Большое внимание буржуазных ученых привлекал вопрос о роли иностранных капиталов в экономическом развитии России. При этом во многих работах развивалась версия о якобы прогрессивной роли иностранных капиталов, оплодотворивших русскую промышленность усовершенствованной западноевропейской техникой и передовой организацией производства [3].

После победы Октябрьской революции буржуазные ученые занимались по-прежнему открытым восхвалением иностранных капиталов, приток которых в страну связывался с восстановлением капиталистических отношений [4]. Известное значение сохраняют до сих пор статистико-экономические работы П. В. Оля [5], подсчитавшего размер вложений иностранных капиталов за ряд лет и по всем отраслям народного хозяйства предреволюционной России. Цифры Оля широко используются советскими исследователями. Но в его подсчетах преувеличен удельный вес иностранных капиталов в экономике России. В этом сказалось неверие Оля в возможность экономического развития страны без помощи иностранного капитала.

Одновременно с работами, продолжавшими традиции предреволюционной буржуазной литературы, выходят исследования, вызванные потребностями социалистического строительства. Здесь в первую очередь следует назвать работы Г. В. Цыперови-

---

[1] См.: И. М. Гольдштейн. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. М., 1912.

[2] См.: Л. Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности. М., 1910.

[3] См., например: Б. Ф. Брандт. Иностранные капиталы в русской промышленности, т. 1—2. СПб., 1898—1899.

[4] См.: В. С. Зив. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пг., 1917; В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919.

[5] См.: П. В. Оль. Иностранные капиталы в России. Пг., 1922; его же. Иностранные капиталы в народном хозяйстве дореволюционной России Л., 1925.

ча «Синдикаты и тресты в России» (Пг., 1918) и А. В. Венедиктова «Организация железной и угольной промышленности» (в сб. «Тяжелая индустрия в СССР». М. — Л., 1926), в которых рассматривалось развитие русских монополистических объединений. Появление этих работ было обусловлено тем, что учетно-распределительные органы капиталистических монополий в соответствии с указаниями В. И. Ленина использовались советскими хозяйственными учреждениями при организации социалистического планирования, учета и распределения. Названные работы имели для своего времени положительное значение, однако ни одна из них не ставила вопрос о финансовом капитале в России и его особенностях в целом. Эта проблема впервые была поставлена М. Н. Покровским.

Под влиянием гильфердинговской концепции финансового капитала[1] М. Н. Покровский видел проявление империализма не столько в хозяйничанье монополий, сколько в высоких таможенных пошлинах и стремлении раздвинуть таможенные границы возможно дальше. Исходя из такого понимания империализма, М. Н. Покровский относил начало империалистической эры в России самое позднее к 90-м годам XIX в., когда два главных, по его мнению, признака империализма: «чрезвычайно высокие таможенные пошлины, чрезвычайно интенсивный протекционизм, с одной стороны, и стремление раздвинуть границы территории — с другой, имелись у нас уже безусловно налицо»[2].

К исходу 20-х годов в изучении монополистического капитализма в России обозначилось два направления. Одно из них[3] ведущую роль в процессе формирования финансового капитала в России отводило иностранному капиталу, а в вопросе о взаимоотношениях банков и промышленности следовало за Гильфердингом. «Международный банковский капитал,— писал Н. Н. Ванаг,— подчинил себе русскую промышленность через русские акционерные коммерческие банки, своей вывеской скрывавшие существо происходившего»[4].

Из такого представления об особенностях формирования финансового капитала в России вытекала и периодизация развития империализма в России. Процесс сращивания банковского капитала с промышленным значительно усилился в годы депрессии после первой русской революции. К этому времени и от-

---

[1] Гильфердинг дал ошибочное определение финансового капитала как господства банков над промышленностью и не показал роли концентрации производства и централизации капиталов в образовании монополий.

[2] М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М., 1924, стр. 118—119.

[3] См.: Н. Ванаг. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России. М., 1925; С. Ронин. Иностранный капитал и русские банки. К вопросу о финансовом капитале в России. М., 1926.

[4] Н. Ванаг. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М., 1925, стр. 25.

носили Н. Н. Ванаг и С. Л. Ронин вступление России в стадию империализма.

Признав полное подчинение русских банков иностранному капиталу, Ванаг и Ронин пришли к заключению, что в России не было самостоятельной системы финансового капитала, а то, что мы называем российским империализмом, являлось частями трех могущественных систем финансового капитала: французской, английской и немецкой. Но отсюда следует, что Россия фактически превратилась в начале XX в. в колонию или, в лучшем случае, в полуколонию западноевропейских империалистических государств.

Тезис о колониальном характере зависимости России от иностранного империализма являлся основой для отрицания материальных предпосылок социалистической революции в нашей стране. Недаром М. Н. Покровский, который одно время разделял выводы Ванага и Ронина, заявлял, что в октябре 1917 г. пролетариат России победил наперекор законам экономического развития.

В обстановке ожесточенной классовой борьбы, разгоревшейся в стране в связи с проведением индустриализации и коллективизации, вывод об экономической незрелости России для пролетарской революции был использован троцкистами для обоснования их капитулянтской «теории» о невозможности построения социализма в России. Именно этим объясняется острый характер полемики, развернувшейся во второй половине 20-х годов вокруг проблемы российского империализма.

Против взглядов Ванага—Ронина выступил Е. Л. Грановский [1]. Несмотря на значительный приток иностранного капитала, внутреннее накопление в народном хозяйстве России имело решающее значение, в результате чего шел процесс «национализации капиталов», т. е. их ассимиляции, или обрусения.

Если Ванаг и Ронин относили вступление российского капитализма в империалистическую стадию к периоду после революции 1905 г., то Грановский допускал ошибку противоположного характера: он отодвигал этот процесс к середине 90-х годов. Грановский явно переборщил насчет концентрации производства и сращивания банковского капитала с промышленностью в 90-е годы. Как известно, В. И. Ленин придавал решающее значение в превращении российского капитализма в империализм промышленному кризису 1900—1903 гг.

К началу 30-х годов в советской историографии утвердилась ленинская оценка российского капитализма как «среднеразвитого». Н. Н. Ванаг и некоторые другие сторонники теории «денационализации» признали ошибочным тезис о полуколониальной

---

[1] См.: Е. Л. Грановский. Монополистический капитализм в России. Л., 1929.

зависимости предреволюционной России от западноевропейского империализма.

Но уже в 1934 г. в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» И. В. Сталин выдвинул утверждение о полуколониальном положении России. В дальнейшем этот тезис развивался в первом томе «Истории гражданской войны в СССР» (1936) и кратком курсе «Истории ВКП(б)» (1938).

Значительным шагом вперед с точки зрения привлечения конкретного материала по истории империализма в России явился труд П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР» (т. II). Автор изучил историю крупнейших российских синдикатов — «Продаметы» и «Продугля». По мнению Лященко, монополистические объединения в России не достигли высших организационных форм, трестов, остановившись в своем развитии на объединениях синдикатского типа, и часто по существу являлись лишь филиалами иностранных монополий. На этом основании Лященко делал вывод о слабости и неразвитости монополистического капитализма в России и полуколониальной зависимости ее экономики от иностранного капитала.

Но в 50—60-х годах традиционное представление о низком уровне монополистического капитализма в России было решительно поколеблено рядом исследователей, которые привлекли новые материалы по истории российских монополий. В частности, В. И. Бовыкин [1], исследовав процесс концентрации промышленного производства в России к концу XIX в., установил, что в 80—90-е годы возникло около двух десятков картельных соглашений в металлургической, металлообрабатывающей, каменноугольной, нефтяной и сахарной промышленности. Эти соглашения оказались недостаточно прочными и в период промышленного подъема 90-х годов распались, подготовив почву для возникновения ряда синдикатов в начале XX в. Вместе с тем автор установил, что уже в 90-е годы начался процесс сращивания русских коммерческих банков с промышленностью на основе взаимозависимости и взаимозаинтересованности.

В то же время была опровергнута и концепция [2] о подчинении государственного аппарата в России капиталистическим монополиям. Большинство современных исследователей считают, что речь может идти лишь о союзе царизма с монополиями в результате совпадения или переплетения их интересов, без всякого «подчинения» первого последним.

Своеобразие классовой расстановки сил в России в эпоху империализма заключалось в том, что, в то время как полити-

---

[1] См.: В. И. Бовыкин. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967.

[2] См.: А. П. Погребинский. Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959, стр. 104; Я. И. Лившин. Монополии в экономике России. М., 1961, стр. 152—154, 179, 210.

ческая власть оставалась в руках полуфеодального дворянства, выразителем интересов которого было царское самодержавие, в экономике страны господствующие позиции заняла монополистическая буржуазия.

В этих условиях самодержавие могло управлять страной только в союзе с монополистической буржуазией. «Горстка крепостников-помещиков,— писал В. И. Ленин,— возглавляемая Николаем II, была у власти, в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала...» [1]

Самодержавие шло на этот союз, так как в условиях экономического господства империалистической буржуазии и исключительной остроты классовых противоречий в стране без поддержки буржуазии невозможно было дальнейшее сохранение политической власти помещиков-крепостников и их экономических привилегий. «Как ни азиатски-дико наше самодержавие, как ни много в нем допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков, а все же самодержавное правительство есть правительство капиталистической страны, связанной тысячами неразрывных нитей с Европой, с международным рынком, с международным капиталом. Зависимость самодержавия от буржуазии всея России есть самая сильная материальная зависимость...» [2] — писал В. И. Ленин.

Со своей стороны монополистическая буржуазия шла на союз с самодержавием, во-первых, потому, что она смертельно боялась революции в России, а во-вторых, потому, что она тысячами экономических нитей была связана с самодержавием, которое своей покровительственной политикой предоставляло монополиям дополнительные способы ограбления широчайших народных масс.

Формула союза самодержавия с капиталистическими монополиями на основе взаимной заинтересованности позволяет правильно решить и вопрос о существовании государственно-монополистического капитализма в России.

В историко-экономической литературе получила известное распространение концепция о невозможности развития в России государственно-монополистического капитализма в условиях политического господства помещиков-полукрепостников, интересы которых во многом не совпадали с интересами буржуазии. Действительно, в России не было одностороннего подчинения государственного аппарата монополиям. Представление о диктате монополий противоречило бы всем ленинским положениям о социальной природе самодержавия. Но политическое господство помещиков не исключало сращивания частных и государственных монополий, сближения и взаимопроникновения отдельных звеньев государственной власти и монополий на основе

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 384.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 10.

обоюдных уступок. Это и обусловило формирование в России в период первой мировой войны системы государственно-монополистического капитализма, специфической чертой которого было преобладание царской бюрократии в Особых совещаниях по обороне, топливу, перевозкам, продовольствию и т. д.

До настоящего времени остается нерешенной проблема российского военно-феодального империализма [1]. Некоторые исследователи, ссылаясь на оплетение монополистического капитализма в России густой сетью докапиталистических отношений, определяют российский империализм как военно-феодальный.

В действительности же в экономических признаках империализма в России не было ничего феодального. Вообще невозможно представить себе монополистический капитализм, который имел бы феодальные черты. В. И. Ленин подчеркивал, что «основные формы общественного хозяйства... в России те же, как и в любой капиталистической стране...» [2]. Нельзя смешивать общую отсталость экономики России с уровнем развития в ней монополистического капитала!

Определение «военно-феодального империализма» как национальной разновидности монополистического капитализма снимает глубочайшее противоречие общественно-экономического строя России в начале XX в.— противоречие между достигшим высокого уровня развития промышленным и финансовым капиталом и средневековым, крепостническим землевладением. Если рассматривать «военно-феодальный империализм» как некий синтез или сплав монополистического капитализма с остатками крепостничества, тогда следует признать наличие соответствия между базисом и надстройкой царской России в эпоху империализма. Но из такой трактовки термина «военно-феодальный империализм» неизбежно вытекает отождествление или смешение задач буржуазно-демократической и социалистической революций, стирание граней между ними.

В. И. Ленин, исходя из противоречивого характера экономики России в период империализма (противоречие между высокой ступенью развития капитализма в промышленности и банковом деле и архаическими формами землевладения), разработал учение о буржуазно-демократической революции и закономерности ее перерастания в социалистическую революцию. Обилие феодальных пережитков в экономике страны, находившихся в вопиющем противоречии с развивающимся капитализмом, делало необходимым и неизбежным буржуазно-демократическую революцию. Наличие же «новейше-капиталистического империализма» создавало необходимые материальные предпосылки для перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

---

[1] См. сб. «Об особенностях империализма в России». М., 1963.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 272.

В. И. Ленин проводил четкое разграничение между понятиями «капиталистический» и «военно-феодальный» империализм. Он называл военно-феодальным империализмом не систему монополистического капитализма в России, а царскую политику внешних захватов и национального угнетения. Характерно, что, говоря о военно-феодальном империализме, В. И. Ленин обычно берет слово «империализм» в кавычки, подчеркивая этим условность применения в данном случае термина «империализм» и его ограничительный смысл. В работе «Социализм и война» В. И. Ленин писал: «В России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм» [1]. Из этих слов В. И. Ленина можно заключить, что он вовсе не ставил знака равенства между российским империализмом в целом и военно-феодальным империализмом, а обращал внимание на сочетание в России капиталистического империализма с военно-феодальным, подчеркивая преобладание последнего. Конкретно это означало, что военно-феодальное по своему происхождению и природе царское самодержавие грабило завоеванные народы не столько при помощи вывоза капиталов, предоставления займов, получения концессий и тому подобными методами, свойственными монополистическому капиталу, сколько путем открытого захвата земель коренного населения и расхищения их правящей военной и гражданской бюрократией, консервации патриархально-феодальных отношений, при помощи всевозможных форм внеэкономического принуждения, опирающихся непосредственно на применение военной силы. В основе завоевательной политики царизма, по выражению С. Ю. Витте, было главным образом стремление «к захватам того, что, по мнению правительства, плохо лежит». История поставила монархию Романовых в такие условия, которые позволяли ей почти беспрепятственно устремляться на восток. Несомненно, это имел в виду В. И. Ленин, когда говорил о России, что у нее «монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев... отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала» [2]. Конечно, такие методы в той или иной степени применяются и монополистической буржуазией, но наиболее характерны они для эпохи феодализма, для средневекового «империализма», экономически отсталого и внешне более грубого по сравнению с новейшим капиталистическим империализмом.

Сделанный нами обзор литературы показывает, что в последнее время значительно усилилось внимание историков и экономистов к изучению монополистического капитализма в Рос-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 318.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 174.

сии. Наибольшие результаты получены в изучении экономики империализма — различных форм монополистических объединений, связей банков с предприятиями, финансовой политики царизма, развития государственно-монополистических тенденций. Можно считать доказанным, что главные закономерности, формы и этапы развития монополий в России в основных чертах были те же, что и в других империалистических странах.

Однако изучение проблемы монополистического капитализма в России еще далеко от своего завершения. Не затронут изучением ряд важнейших аспектов проблемы, например влияние преобладающей роли монополий в экономике на эволюцию государственного строя, на развитие буржуазной идеологии и буржуазных партий, рабочий вопрос в системе государственно-монополистического капитализма. Очень важно показать связь внешней политики царизма с новыми экономическими процессами в начале XX в., с интересами различных групп финансовой олигархии.

2. Экономическое развитие России в конце XIX — начале XX в. Россия позже главных европейских стран вступила на путь капитализма. Однако после отмены крепостного права развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых государствах Европы целые века. И это было вполне закономерно, так как развитие капитализма в молодых странах ускоряется возможностью использовать готовые результаты технического прогресса и свободные капиталы стран, ранее вступивших на путь капитализма.

Основной чертой развития сельского хозяйства в пореформенный период были рост торгового предпринимательского земледелия и связанная с ним специализация отдельных экономических районов страны. В начале XX в. степные губернии Юга и Заволжья окончательно определились как районы производства зерна на рынок, преимущественно на экспорт. Северные, прибалтийские и центральные губернии стали районом скотоводства и молочного хозяйства. Северо-западные губернии специализировались на производстве льна, а возделывание сахарной свеклы концентрировалось на Украине и в Центрально-черноземной зоне.

В. И. Ленин указывал, что аграрный капитализм в России развивался двумя путями. Помещичье хозяйство медленно перерастало из крепостнического в буржуазно-юнкерское, обрекая крестьянство на десятилетия мучительной кабалы и бесправия, при выделении малочисленного слоя зажиточных крестьян гроссбауэровского типа. Такой путь был характерен для Пруссии, и поэтому Ленин назвал его прусским. Но аграрный капитализм развивался и на основе крестьянского хозяйства, превращавшегося в фермерское. Этот тип аграрной эволюции был распространен в США, поэтому Ленин называл его американским.

Некоторые исследователи утверждают, что американский путь аграрной эволюции в России был лишь возможностью, которая могла быть реализована только в результате победы буржуазно-демократической революции. Реальной была лишь борьба крестьян за этот путь. Буржуазная же аграрная эволюция и в помещичьем, и в крестьянском хозяйствах шла будто бы исключительно по прусскому пути.

В действительности преобладание в России прусского пути аграрной эволюции, основанного на максимальном сохранении помещичьего землевладения и кабальных приемов эксплуатации, вовсе не исключало реального существования американского пути. Ленин писал о борьбе двух путей или видов капиталистического аграрного развития, подчеркивая при этом, что «историческая борьба этих видов еще не кончена». Особенно успешно американский путь развивался в тех районах России, где не было крепостного права, например в заселявшихся после реформы 1861 г. степях Заволжья, Новороссии и Северного Кавказа. Здесь рост капиталистического землевладения шел несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре [1]. Правда, не один из двух аграрных путей — ни прусский, ни американский — в России так и не победил [2]. Великая Октябрьская революция сняла вопрос о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве, положив начало социалистическим преобразованиям в деревне.

Рост торговой специализации земледелия способствовал разложению крестьянства. За счет уменьшения численности середняков создавались сельская буржуазия и сельский пролетариат.

Разорение крестьянства, терявшего рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь, заставляло помещиков переходить от отработочной системы к капиталистическим формам хозяйства. В помещичьих экономиях выросло применение машин, минеральных удобрений, селекционных семян.

С развитием капиталистических отношений в деревне значительно выросли продажные и арендные цены на землю. За сорок лет после реформы 1861 г. цена на землю возросла в 7,5 раза, а по некоторым районам — даже в 10—12 раз.

С переходом к собственным запашкам помещики отнимали у крестьян и отмежевывали земли, которые до того были в пользовании крестьян, хотя по уставным грамотам числились за помещиками. Крестьяне лишались выгонов, выпасов, лугов и прочих угодий. В ряде случаев помещики при переходе от отработочного хозяйства к капиталистическому прекращали сдавать

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 217; т. 47, стр. 228.

[2] Подробнее см.: И. Д. Ковальченко. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX — начале XX века. «История СССР», 1973, № 2.

землю в аренду. В западных губерниях помещики сгоняли с земли мелких наследственных арендаторов, так называемых чиншевиков.

По мере разложения крестьянства и роста товарности земледелия увеличивались денежные доходы крестьян от продажи продуктов своего хозяйства и от заработков. Таким образом, развитие капитализма в деревне расширяло внутренний рынок для промышленности, а это в свою очередь обеспечивало быстрые темпы ее роста.

С 1893 г. начался мощный промышленный подъем, продолжавшийся до конца 90-х годов. Продукция всей крупной промышленности в целом за 1893—1900 гг. выросла почти вдвое, а отраслей тяжелой промышленности — даже в 3 раза.

Бурные темпы промышленного подъема 90-х годов, кроме общей предпосылки — разложения крестьянства в связи с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве, объяснялись усиленным железнодорожным строительством, протекционистской политикой царского правительства и сильным притоком иностранного капитала.

За десять лет, с 1893 по 1902 г., было открыто для движения около 25 тыс. верст железных дорог, что почти удвоило протяжение железнодорожной сети, существовавшей к началу промышленного подъема 90-х годов (около 29 тыс. верст к концу 1892 г.). Развитие отдельных промышленных районов было неравномерным. Исключительно быстро росла горная и горнозаводская промышленность юга России. За 1890—1899 гг. доля Донбасса в общей добыче угля увеличилась с 49,9 до 69,5%, доля Юга в общей добыче железной руды — с 21,6 до 57,2%, в выплавке чугуна — с 24,3 до 51,8%, в производстве железа и стали — с 17,8 до 44%.

Другую картину представлял Урал. Несмотря на удивительное разнообразие и богатство природных ресурсов, Урал все более оттеснялся капиталистическим Югом. В противоположность Уралу крупная промышленность Юга выросла уже после отмены крепостного права, в последние десятилетия XIX в. Доля Урала в металлургическом производстве снизилась с 67% в 70-х годах до 28% в 1900 г.

Однако темпы роста промышленности в 90-х годах далеко не соответствовали потенциальным возможностям огромной страны с неисчерпаемыми природными ресурсами, многомиллионным трудолюбивым населением и значительными достижениями отечественной научно-технической мысли. В России выплавлялось чугуна в 1900 г. в 4,5 раза меньше, чем в США, и в 3 раза меньше, чем в Англии и Германии. Россия продолжала оставаться аграрной страной. По данным переписи 1897 г., в сельском хозяйстве России было занято 78% всего населения, а в промышленности и торговле — лишь 17%. Городское население составляло всего лишь 13,4%.

В России существование крепостнического хозяйства затянулось и ликвидация его проведена была сверху, без буржуазной революции, с сохранением сильнейших остатков крепостничества.

Экономическая отсталость России, особенно недостаточное развитие железных дорог и тяжелой индустрии, не только ухудшала позиции помещиков как главных экспортеров хлеба на международном рынке, но и ослабляла военную мощь царизма. Крымская война показала, что без развития крупной промышленности и железных дорог царизм и впредь будет обречен на поражение. В этих условиях царизм еще в период домонополистического капитализма в отличие от основных капиталистических стран должен был форсировать развитие крупной промышленности с помощью активного вмешательства государственного аппарата в хозяйственную жизнь. Это вмешательство вылилось в систему поощрения, или «вскармливания», буржуазии с помощью запретительных пошлин, казенных заказов и субсидий, в первую очередь тех отраслей промышленности, которые были связаны со строительством и эксплуатацией железных дорог или развитием военной техники.

Начиная с 70-х годов непрерывно повышались пошлины на иностранные товары. По изданному в 1891 г. таможенному тарифу особенно значительно были повышены пошлины на железо, машины, химические товары, хлопок. Этот тариф превратил таможенную систему из защитительной, какой она была на первых порах, в запретительную, благодаря чему импорт, например, металла практически стал невозможен. Высокий таможенный барьер помогал монополистам взвинчивать цены и получать наивысшие прибыли за счет ограбления внутреннего потребителя.

Сторонники таможенного протекционизма утверждали, что установление запретительных пошлин приведет к упрочению экономической независимости России. Но этого не случилось. Иностранные капиталисты взамен товаров стали усиленно вывозить капиталы и открывать в России свои предприятия. «Таможенные пошлины высоки,— прибыли необъятны,— писал В. И. Ленин,— вот иностранный капитал и переселяется *внутрь* России» [1].

Протекционистская политика царизма в ущерб общему развитию производительных сил в стране привлекала капиталы в те отрасли промышленности, которые были связаны преимущественно с выполнением железнодорожных и военных заказов (черная металлургия, общее и транспортное машиностроение). Отвечая интересам верхов буржуазии, наиболее сросшихся с царизмом, таможенный протекционизм в целом имел отрицательное, реакционное влияние на экономическое развитие страны.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т 21, стр. 366—367.

Другим источником монополистических сверхприбылей была система казенных заказов. До начала XX в. казна ежегодно объявляла торги на поставку металла, необходимого для строительства и эксплуатации железных дорог, и поставки передавались тем заводам, которые предлагали наиболее выгодные условия. В 1902 г. этот порядок был изменен. Выдача заказов перешла в ведение созданного при министерстве путей сообщения особого Комитета по распределению между заводами заказов на рельсы, скрепления и подвижной состав для железных дорог, куда вошли и представители промышленников. Этот комитет распределял заказы между заводами по списку, в который вошли только 11 наиболее привилегированных заводов (8 на Юге и 3 на Урале). Цены на рельсы и железнодорожное оборудование устанавливались казной значительно выше вольного рынка. Одновременно промышленники добились запрещения заказывать за границей рельсы и подвижной состав. Казна потребляла также более трети всей добываемой в России нефти и почти половину каменного угля.

Кроме запретительных пошлин и переплат на казенных заказах, «кормление» буржуазии царизмом осуществлялось также путем экспортных премий сахарозаводчикам и нефтепромышленникам, возврата пошлин на хлопок и краски экспортерам хлопчатобумажных изделий, установления льготных железнодорожных тарифов и гарантии определенной доходности частным железнодорожным обществам, выдачи «неуставных» ссуд из Государственного банка и т. п.

Результатом покровительственной политики было ускорение процесса монополизации в особо привилегированных отраслях и торможение развития других отраслей промышленности, не патронируемых правительством. В то же время обеспечение высоких прибылей монополистам за счет казны вело к значительному росту налогового бремени и уменьшению покупательной способности масс.

Экономическая и политическая отсталость царской России благоприятствовала проникновению в страну иностранного капитала. Обилие природных ресурсов, широкий рынок сбыта и дешевая рабочая сила обеспечивали иностранным капиталистам получение более высокой нормы прибыли, чем у себя дома. Предвкушая высокие барыши, иностранный капитал широким потоком хлынул в Россию. Наибольший интерес иностранный финансовый капитал проявлял к ведущим отраслям тяжелой промышленности — металлургической, каменноугольной, нефтяной, горнорудной и машиностроительной. По подсчетам Е. Л. Грановского, иностранный капитал по отношению ко всему акционерному капиталу составлял в 1900 г. в горнопромышленных, металлообрабатывающих и машиностроительных предприятиях 72,2%, тогда как в текстильной промышленности — только

19,1% [1]. Первое место по вложениям в русскую промышленность занимали франко-бельгийские капиталисты. В 1900 г. на их долю приходилось 57,3% всей суммы иностранных капиталов, вложенных в акционерные предприятия. Затем следуют германские капиталы — 24,1%, английские — 15%. Франко-бельгийские капиталы господствовали в каменноугольной и металлургической промышленности юга России, германские капиталы — в электротехнической и химической промышленности, а английские — в нефтяной промышленности и в производстве цветных металлов.

Зависимость царской России от иностранного капитала не ограничивалась проникновением его в промышленность. Еще более непосредственную угрозу для независимости страны представляли внешние займы. В целях финансирования железнодорожного строительства царское правительство с конца XIX в. усиленно прибегало к заключению займов за границей. В течение 90-х годов внешний долг России возрос на 1 млрд. руб. Размеры ежегодных переводов за границу процентов и погашения по займам составляли в начале XX в. 100 млн. руб. С помощью иностранных займов и капиталовложений в промышленность царизм рассчитывал не только преодолеть экономическое отставание России, но и укрепить свои политические позиции. С. Ю. Витте, сторонник «индустриализации» страны при сохранении самодержавия, формулируя основы экономической политики царизма, в докладе царю (февраль 1900 г.) писал, что «при нашей бедности капиталов внутри страны, при необходимости значительную часть народных сбережений расходовать на государственные потребности, особенно на усиление боевой готовности и на развитие железных дорог, необходимый рост нашей крайне отставшей промышленности может совершаться не иначе, как при непосредственном содействии иностранных капиталов». Если последние направятся на расширение отечественной промышленности, подчеркивал Витте, то «в судьбах ее заграничные капиталисты будут заинтересованы и в периоды политических осложнений» [2].

Однако с помощью иностранных капиталов царизму не удалось вырваться из тисков внутренних противоречий и преодолеть экономическое отставание страны. Правда, в период подъема 90-х годов, когда в стране ощущался недостаток собственных накоплений, иностранный капитал в известной мере способствовал строительству железных дорог и развитию ведущих отраслей тяжелой промышленности. Но уже в начале XX в. он превратился в тормоз экономического прогресса. Только часть прибавочной стоимости оставалась на месте и шла в фонд накопления иност-

---

[1] См.: Е. Л. Грановский. Монополистический капитализм в России. Л., 1929, стр. 99.

[2] «Историк-марксист», 1935, т. 2—3 (42—43), стр. 135—136.

ранного капитала, действовавшего в России. Большая часть прибавочной стоимости уходила за границу.

Отвлечение за границу громадных и непрерывно растущих ценностей сокращало возможность новых капиталовложений в России и тем задерживало развитие ее производительных сил.

В 1900 г. разразился мировой экономический кризис, который распространился и на Россию. Здесь его действие сказалось несравненно сильнее, чем в какой-либо другой стране. В двух главных капиталистических странах, США и Германии, промышленное производство уже в 1902 г. вернулось к уровню 1899 г. и с 1903 г. начался новый промышленный подъем. В России же кризис как раз в 1902 г. достиг наибольшей глубины, а в последующее время, вплоть до 1909 г., промышленность находилась в состоянии застоя.

Разрушительный и затяжной характер промышленного кризиса в России объяснялся наличием остатков крепостничества, сохранением в руках помещиков земли и власти. Крепостническое угнетение крестьян в Европейской России, усиливая их обнищание, задерживало развитие капитализма «вглубь», т. е. рост капиталистического земледелия и промышленности на данной территории.

Нищая и голодная деревня, естественно, в очень слабой степени могла быть покупателем промышленных изделий. Подъем промышленности в 90-х годах происходил в значительной части за счет бюджетных ресурсов и заграничных займов.

Предвестником промышленного кризиса явилось вздорожание кредита из-за затруднений в сбыте товаров. Учетный процент Государственного банка в конце 1899 г. поднялся до 7 против 5% в начале года. Частные банки стали сокращать учетные и ссудные операции и требовать срочного возвращения выданных ссуд. Летом 1899 г. обанкротились крупные банково-промышленные концерны фон Дервиза, Мамонтова и Алчевского. Отсутствие свободных денег и вздорожание кредита привели к переполнению рынка ценными бумагами. Курсовая стоимость банковских и промышленных бумаг стремительно полетела вниз. Стеснение в кредите заставило промышленников реализовать товарную продукцию, не считаясь с ценой. Вследствие избытка товаров происходило непрерывное падение рыночных цен. Это привело к массовому закрытию предприятий и сокращению производства.

За три года (1901—1903) было закрыто свыше 3 тыс. предприятий, на которых было занято 112 тыс. рабочих. В очень значительных размерах сократилось железнодорожное строительство. В 1903 г. было построено 0,6 тыс. верст против 3,2 тыс. верст в 1899 г. Учреждение акционерных обществ резко уменьшилось. Если в 1899 г. было учреждено 325 акционерных обществ, то в 1902 г. — всего 78.

Кризис начался в легкой промышленности, но с наибольшей силой он поразил отрасли тяжелой индустрии — металлургиче-

скую и машиностроительную. Если в целом промышленное производство в России за период кризиса 1900—1903 гг. сократилось на 5%, а потребление хлопка совсем незначительно — на 0,6%, то выплавка чугуна уменьшилась на 15%, прокат рельсов — на 32%, производство паровозов и вагонов — на 25—37%.

В период кризиса в промышленных кругах раздавались голоса о необходимости повернуться лицом к массовому рынку. «Крестьянская изба есть лучший рынок»,— заявил один промышленный деятель на так называемом «железном» съезде в 1903 г. Однако большинство промышленников, учитывая слабую покупательную способность крестьянства, полагало, что «на крестьянских лаптях далеко не уедешь» и что самым лучшим средством для преодоления кризиса может быть только увеличение казенных заказов и субсидий.

И царское правительство охотно пошло навстречу капиталистам, желавшим поправить свои расстроенные дела за счет «казенного пирога». Министерство финансов в 1899 г. создало объединение частных петербургских банков во главе с Государственным банком. Это объединение занялось скупкой на петербургской бирже акций и облигаций ряда крупных предприятий, в которых банки были наиболее заинтересованы, чтобы спасти их от краха.

Своей системой казенных заказов, банковских ссуд, при которой предпочтение отдавалось небольшому числу крупнейших предприятий, царское правительство способствовало возникновению монополий в русской промышленности.

Объективные предпосылки перехода к монополистическому капитализму сложились в России еще в конце XIX в.

По уровню концентрации промышленности Россия превзошла самые передовые в то время капиталистические страны — США и Германию. В России на предприятиях с числом рабочих свыше тысячи работало в 1902 г. 47,6% всех рабочих, в то время как в Германии в 1907 г. этот процент равнялся 15, а в Соединенных Штатах Америки — 17.

Исключительно высокий уровень концентрации промышленности объясняется прежде всего отсутствием в России — стране молодого капитализма — давления старого, основного капитала. В 90-е годы возникло 40% фабрично-заводских предприятий, преимущественно в новых районах. При отсутствии старого промышленного аппарата капиталистам выгодно сразу применять те формы крупных предприятий, которые отвечали достигнутому уровню техники и организации соответствующего производства. Поэтому развитие важнейших отраслей промышленности, особенно металлургии, топливного дела и машиностроения, происходило в форме крупнокапиталистического и комбинированного производства, минуя в новых промышленных районах мануфактурную стадию. В тяжелой индустрии создание крупных предприятий поощрялось концентрированными размерами железнодорожных и военных заказов царского правительства. Сам

масштаб этих заказов и предоставление их на определенный срок вперед, а также выдача крупных авансов и кредитов способствовали образованию мощных акционерных компаний. Многие металлургические и машиностроительные заводы Юга строились в расчете на крупные казенные заказы. В ряде отраслей иностранный капитал переносил в Россию новейшие организационные формы крупного производства в виде акционерных обществ, а частью и передовую технику, чтобы облегчить себе борьбу за господствующее положение в соответствующих отраслях промышленности. Необходимо также иметь в виду, что низкий уровень заработной платы русских рабочих делал во многих процессах производства более выгодным применение мускульной силы рабочих, чем машин. Низкое органическое строение капитала сочеталось с использованием новейших организационных форм крупного капитала. Поэтому концентрация рабочей силы в России была более высокой, чем концентрация производства.

Наряду с концентрацией производства и промышленного капитала происходил процесс концентрации банков, который был обусловлен ростом их связей с промышленностью на почве финансирования — скупки акций, выдачи долгосрочных кредитов и ссуд под ценные бумаги.

Концентрация производства и банков подготовила почву для монополистических соглашений в промышленности.

Первые монополистические соглашения синдикатского типа имели место уже в 80—90-х годах XIX в. Однако рост цен на промышленные изделия во время подъема 90-х годов не стимулировал образования синдикатов, которые тогда носили временный, непрочный и неустойчивый характер. Лишь с наступлением экономического кризиса 1900—1903 гг., ускорившего процесс концентрации производства, монополии постепенно охватили все отрасли промышленности.

Экономический кризис привел к гибели множества мелких и средних предприятий. Стремясь приостановить падение цен и сохранить прибыли, капиталисты стали объединяться в монополистические союзы, преимущественно в форме легальных акционерных обществ для продажи изделий тех или иных отраслей промышленности. При этом инициативу соответствующих переговоров и разработку условий соглашения часто брали на себя «представительные» и общественные организации крупной буржуазии — биржевые комитеты, отраслевые съезды промышленников и т. п. С деятельностью Совета съездов горнопромышленников юга России связано создание самых мощных синдикатов царской России — «Общества для продажи изделий русских металлургических заводов» (Продамета», 1902) и «Русского общества торговли минеральным топливом Донецкого бассейна» («Продуголь», 1904). В возникновении синдиката железноделательных заводов Урала («Кровля», 1907) большую роль сыграл Совет съездов горнопромышленников Урала, а в оформлении

нефтепромышленных картелей, подготовивших образование синдиката «Нобель-Мазут», — Совет съездов бакинских нефтепромышленников. Съезды волжских судовладельцев и биржевые комитеты приволжских городов содействовали образованию пароходных монополий. Монополистические сверхприбыли обеспечивались путем установления высоких монопольных цен при ограничении производства. С этой целью вводилась система синдикатских квот, а также особые премии, которые выдавались контрагентам за приостановку производства или за отказ от долей участия. Нарушение соглашения влекло за собой крупный штраф или неустойку. Всего накануне революции 1905 г. в стране насчитывалось свыше 30 гласных и большое число тайных монополий.

В первые годы XX в. монополии возникли преимущественно в наиболее концентрированных отраслях тяжелой промышленности. Но сосредоточение в их руках важнейших источников топлива и сырья оказывало глубокое воздействие на всю систему российского капитализма. Вследствие установления монопольных цен на уголь, нефть и металлы происходило перераспределение части прибавочной стоимости, полученной на немонополизированных предприятиях, в пользу монополий. Это побуждало объединяться капиталистов и других отраслей промышленности.

Господство монополий утверждалось в ожесточенной конкурентной борьбе. Для устранения аутсайдеров монополии прибегали к всевозможным ухищрениям — от выдачи «отступных» за отказ от конкуренции до установления специально пониженных «боевых цен» и бойкота. Скрытая борьба велась и внутри монополий за увеличение доли участия отдельных групп.

В период промышленного кризиса банки принимали активное участие в «финансовой реорганизации» пошатнувшихся предприятий.

С помощью банков списывались убытки предприятия, после чего его основной капитал увеличивался путем выпуска новых акций. При этом банки оставляли у себя «контрольный пакет» акций, дававший им возможность подчинить себе «реорганизованные» предприятия. Таким образом, банки становились влиятельными акционерами, а нередко и вершителями судеб промышленных предприятий. Участие банков в промышленных предприятиях, а промышленных монополий в банках приводило к переплетению банковского и промышленного капитала, к возникновению финансового капитала и финансовой олигархии.

Возникновение капиталистических монополий на основе высокой концентрации производства и капиталов, слияние банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала и олигархии — все эти признаки империализма были в начале XX в. налицо и в России. Но империализм здесь имел и свои особенности, обусловленные сохранением значительных остатков крепостничества как в области экономики (крупное сословное дворянское землевладение и связанные с ним крепост-

нические методы эксплуатации крестьянства), так и в политическом строе страны (царское самодержавие).

В России в отличие от многих государств Западной Европы эпоха капитализма наступила не вслед за победоносной буржуазной революцией, а после реформы 1861 г., проведенной крепостниками. Эта реформа не уничтожила до конца феодальных производственных отношений, давно уже превратившихся в тормоз для развития производительных сил страны. Обострение конфликта между капиталистическими производительными силами и остатками крепостнических производственных отношений составляло основное содержание всего пореформенного экономического развития России. Без всесторонней оценки этого фактора нельзя понять своеобразных черт российского империализма.

Пережитки крепостничества задерживали капиталистическую эволюцию русской деревни и отрицательно влияли на развитие народного хозяйства в целом. Их экономической основой были крепостнические латифундии, которые по-прежнему оставались преобладающим типом помещичьего землевладения. В конце XIX в. 30 тыс. крупных помещиков имели 70 млн. десятин земли, или в среднем 2333 десятины на одно помещичье хозяйство. Оборотной стороной помещичьего многоземелья была острая земельная нужда крестьян: у 10,5 млн. разоренных крестьянских хозяйств было 75 млн. десятин, или в среднем 7 десятин на одно хозяйство.

В пореформенный период в связи с ростом населения происходило измельчание крестьянских наделов. Надел не только не обеспечивал расширенного производства, но даже не мог полностью удовлетворить текущие расходы крестьянской семьи.

Страшным бичом в деревне была чересполосица. После отмены крепостного права у крестьян была отрезана значительная часть их наделов, причем помещики старались отрезать не только лучшую землю, но и все, без чего не могло обойтись крестьянское хозяйство: выгон или дорогу к выгону, доступ к воде, лес, луг. В результате крестьяне не могли ни проехать, ни прогнать скота, не нарушая помещичьих «прав». Это вынуждало крестьян платить разорительные штрафы за потравы или арендовать на кабальных условиях — исполу и за отработки — барскую землю. В. И. Ленин в 1906 г. писал: «В общем и целом современное помещичье хозяйство в России больше держится крепостнически-кабальной, чем капиталистической системой хозяйства. Кто отрицает это, тот не сможет объяснить теперешнего широкого и глубокого революционного крестьянского движения в России»[1].

Сохранение отработок и их неизбежного спутника — кабалы вместо свободного найма облегчалось тем, что крестьяне и после освобождения остались низшим сословием. Их могли сечь, они были лишены права свободного передвижения и распоряжения

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 249—250.

наделом, платили особые налоги и исполняли великое множество натуральных повинностей.

Хотя пережитки крепостничества особенно давали о себе знать в центре России, они мешали развитию производительных сил в масштабе всей страны. В частности, они тормозили освоение новых земель и решение экономически важной задачи колонизации окраин.

Крестьяне отработками, кабальной арендой, зимней наемкой и непосильными податями были доведены до нищенского, голодного уровня жизни. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал, что «крестьянство наше страдало гораздо больше от недостаточного развития капитализма, чем от капитализма»[1]. Платежи с надела нередко превышали его доходность. Поэтому крестьянин бежал от надела, даже откупаясь от него. Об обнищании крестьян свидетельствовал рост недоимки казенных сборов, несмотря на свирепое их выколачивание. К среднему окладу недоимки составляли 22% в 1871 г. и 119% в 1896—1900 гг.

Таким образом, особенность исторического развития России заключалась в сочетании развитого монополистического капитализма с рутинными, отсталыми формами полукрепостнических отношений в сельском хозяйстве. Это коренное противоречие экономического развития страны получило предельно четкое выражение в классической ленинской формуле: «Самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»[2].

За сорок лет после отмены крепостного права рабочий класс России вырос более чем в 3 раза. Особенно значительным был его рост в период промышленного подъема 90-х годов. В 1900 г. численность рабочих фабрично-заводской промышленности составила 1692,3 тыс. человек, горнозаводской промышленности — 506,5 тыс., рабочих и служащих на железных дорогах — 554,4 тыс. человек.

Важной особенностью формирования пролетариата в России была высокая степень его концентрации на крупных предприятиях. В 1901 г. на крупных предприятиях (свыше 500 рабочих), составлявших 5,9% всех предприятий, вошедших в подсчет, сосредоточено было 48,7% общего числа рабочих. Уровень концентрации рабочих России был выше, чем в самой развитой капиталистической стране мира — Соединенных Штатах Америки.

Произошли крупные качественные изменения в рабочем классе. Возросло число рабочих, окончательно порвавших связь с деревней. Были созданы значительные кадры постоянных рабочих, единственным источником жизни которых сделался промышленный труд. Потомственных рабочих относительно больше всего было среди металлистов. Медленнее шел процесс

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 167.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 417.

образования постоянных кадров на предприятиях, расположенных в сельской местности,— в пищевой, текстильной и каменноугольной промышленности. Но и здесь усиливался процесс разрыва связи рабочих с землей.

Развитие крупной промышленности на окраинах превращало такие районы, как Украина, Польша, Баку, Прибалтика, в крупные очаги пролетарского революционного движения.

Низкая заработная плата и продолжительный рабочий день вместе с тяжкими жилищными условиями и антисанитарным состоянием производственных помещений приводили к росту профессиональных заболеваний, массовому травматизму, преждевременному одряхлению и смерти.

Положение рабочих ухудшалось из-за отсутствия у них элементарных гражданских прав, полицейской охраны интересов капитала. До 1905 г. стачки находились под запретом, и участие в них каралось по закону тюремным заключением от 2 до 8 месяцев. Рабочие лишены были возможности создавать организации даже для защиты своих экономических интересов.

Жестокая капиталистическая эксплуатация в соединении с полицейским произволом порождала в рабочем классе России ненависть к угнетавшему его самодержавному строю и делала его аккумулятором революционной энергии огромной силы.

3. Перемещение центра мирового революционного движения в Россию. Царская Россия, в которой развитые формы промышленного и финансового капитала сочетались с сильными пережитками крепостничества и зависимостью от иностранного капитала, не была классической страной империализма. Однако вследствие своеобразия исторического развития она сделалась в начале XX в. средоточием всех противоречий империализма и центром мирового рабочего движения и революционной мысли, родиной ленинизма — марксизма эпохи империализма и пролетарских революций.

В начале XIX в. центр международного рабочего движения находился в Англии. Обострение социальных противоречий в результате промышленного переворота привело к возникновению чартизма, который был первым широким, действительно массовым, политически оформленным, пролетарски-революционным движением [1]. Английской буржуазии путем подкупа верхушки рабочего класса за счет своих монополистических прибылей удалось притупить остроту революционного рабочего движения и ввести его в мирное, тред-юнионистское русло. Центр революционного движения переместился во Францию. Французские пролетарии доказали это в 1848 г. во время июньского восстания в Париже и в 1871 г., когда они впервые в истории совершили пролетарскую революцию. Но в этих двух выступлениях, имевших всемирно-историческое значение, «Франция как бы исчерпала си-

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 305.

лы пролетариата...»[1]. Отныне ведущая роль в международном рабочем движении перешла к Германии, вступившей после франко-прусской войны 1870—1871 гг. на путь бурной индустриализации. Международное значение Германии как центра рабочего движения в последней трети XIX в. нашло яркое выражение в том, что марксизм стал знаменем социалистического движения пролетариата. Обогащенное идеями марксизма, германское рабочее движение в течение десятилетий было образцом социалистической организованности, и европейский пролетариат, в том числе и русский, учился на опыте немецкой социал-демократической партии. Германия остается центром рабочего движения до начала XX в., когда он переместился в Россию.

Еще в начале 60-х годов XIX в. Маркс, учитывая всю глубину общественных противоречий в России в связи с грабительским характером крестьянской реформы, выражал надежду, что Россия будет застрельщиком грядущей европейской революции. «Будем надеяться,— писал Маркс в 1863 г.,— что на сей раз лава потечет с востока на запад, а не наоборот...»[2]. Эта надежда превратилась в твердое убеждение в 70-е годы, когда на Западе торжествовала реакция, а в России назревала вторая революционная ситуация. «Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции»[3], — писал Маркс в 1877 г. В предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1882) Маркс и Энгельс утверждали, что Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе. Наконец, в беседе с Г. А. Лопатиным в сентябре 1883 г. Фридрих Энгельс отметил, что «Россия, это — Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива *нового* социального переустройства»[4].

Идеи Маркса и Энгельса о международном значении русской революции развил в новых условиях В. И. Ленин. Он писал: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»[5].

Перемещение центра революционного движения в Россию закономерно вытекало из особенностей развития здесь капитализма и формирования пролетариата, его идеологии.

В отличие от Западной Европы в России не образовался

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 305.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 266.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 230.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 490.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 28.

сколько-нибудь значительный слой рабочей аристократии, при помощи которой буржуазия могла бы вносить раскол в рабочее движение. Объясняется это прежде всего хозяйничаньем в ключевых отраслях российской промышленности иностранного капитала, который полученные им в России сверхприбыли обращал на подкуп «своих» рабочих. В. И. Ленин придавал огромное значение этому обстоятельству, связывая слабость оппортунизма с особенностью мировой системы империализма, состоящей в выделении «кучки богатейших империалистических стран, паразитически наживающихся грабежом колоний и слабых наций» [1]. В результате буржуазия «слабых наций» могла лишь весьма узкий круг привилегированных рабочих делать «участником дележа империалистической добычи». Именно это, подчеркивал Ленин, «до известной степени облегчает возникновение глубоких революционных движений в странах, которые подвергаются империалистическому грабежу, которым угрожает раздел и удушение их гигантами-империалистами (такова Россия)...» [2].

В. И. Ленин отмечал, что усиление ревизионизма в рабочем движении вызывается зигзагами буржуазной тактики в рабочем вопросе, а именно переходом от метода насилия к методу «либерализма». Широкое распространение реформистских идей в английском рабочем движении связано с либеральной рабочей политикой буржуазии, преследовавшей цель создать у рабочих иллюзию классового мира. В России жестокая капиталистическая эксплуатация в соединении с «азиатски-девственным» деспотизмом царизма придавала классовым противоречиям необычайную остроту и делала беспочвенной оппортунистическую пропаганду социальной гармонии.

Русский рабочий страдал не столько от капитализма, сколько от недостаточности его развития, от пережитков крепостничества в экономике и политическом строе России, порождавших самые зверские формы капиталистической эксплуатации и полицейского угнетения, и поэтому был непосредственно заинтересован в их уничтожении. Невероятное разорение и обнищание крестьянства, придавленного крепостническими латифундиями, делали и его непримиримым врагом помещичьего строя. Общность экономических и политических интересов в борьбе против самодержавно-помещичьего строя создавала объективную основу для революционного союза пролетариата и крестьянства. Борьба угнетенных нерусских народов за свое национальное освобождение усиливала революционный натиск на самодержавие. С другой стороны, страх перед революционным пролетариатом побуждал русскую буржуазию мириться с сохранением пережитков крепостничества, с деспотизмом самодержавия.

Таким образом, пролетариату и руководимому им крестьян-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 371.
[2] Там же.

ству в России противостоял контрреволюционный блок помещиков и буржуазии во главе с застарелой, обветшалой политической надстройкой — полуфеодальным царизмом. Российскому пролетариату предстояло возглавить буржуазно-демократическую революцию, уничтожить самодержавие и стать передовым отрядом международного рабочего класса в борьбе против империализма, за социализм. Невиданно высокая концентрация производства создавала благоприятные условия для роста классовой сознательности, организованности российского пролетариата и формирования его как гегемона революции.

Следующие обстоятельства подготовили быструю и решительную победу в рабочем движении России марксизма над всеми враждебными ему теориями и течениями.

Рабочее движение в России развивалось в условиях, когда идеи марксизма восторжествовали на Западе. Русские марксисты имели большие возможности для изучения, проверки и обобщения опыта международного рабочего движения. Большое значение для творческого восприятия марксизма на русской почве имел богатый и горький опыт демократического этапа освободительного движения, опыт «блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России»[1]. В 40—80-х годах XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что в Англии, Франции и Германии буржуазии удалось почти совершенно вытравить из народного сознания традиции чартизма и революционной эпохи 1848—1849 гг. Этого не случилось в России, где среди передовых рабочих и демократической интеллигенции были живы традиции борьбы великих предшественников русской социал-демократии — В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и славной когорты революционеров 70-х годов.

Важнейшим источником для формирования ленинизма явилось революционное творчество русских народных масс, равного которому по богатству и разнообразию форм не знала всемирная история. Ни в одной стране мира пролетариат не развивал такой бурной стачечной энергии, как в России. С 1895 по 1916 г. ежегодно в среднем бастовало 543 тыс. фабрично-заводских рабочих, тогда как в Англии соответственно —369 тыс., в США — 341 тыс., во Франции — 167 тыс., в Германии — 154 тыс. Всего за это время в России бастовало 10 млн. 652 тыс. рабочих, из них 60% были участниками политических забастовок. Если в Западной Европе политические стачки были средством борьбы за частичные реформы, например за всеобщее избирательное право, то в России эти стачки затрагивали наиболее глубокие стороны политической жизни страны. Они происходили под лозунгом свержения царизма и завоевания демократической республики и поэтому имели общенародное значение.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7.

4. «Искра». Второй съезд РСДРП и его всемирно-историческое значение. Накануне величайшей народной революции 1905—1907 гг. на основе теории марксизма В. И. Ленин создал партию нового типа, партию большевиков, под руководством которой российский пролетариат превратился в ведущую политическую силу страны и стал авангардом международного рабочего движения.

В создании революционной партии нового типа огромная заслуга принадлежит основанной по инициативе В. И. Ленина газете «Искра», первый номер которой вышел в декабре 1900 г. Эпиграфом газеты стали слова из ответа декабристов А. С. Пушкину: «Из искры возгорится пламя». «Искра» была не только «коллективным пропагандистом и агитатором», но и «коллективным организатором». Сеть агентов и корреспондентов «Искры» послужила тем ядром, вокруг которого происходило собирание сил партии.

Одними из самых деятельных и энергичных агентов ленинской «Искры» были И. В. Бабушкин и Н. Э. Бауман. Под видом коробейника с большой корзиной через плечо Бабушкин появлялся в Орехово-Зуеве, Шуе, Иваново-Вознесенске и в других местах, стараясь установить самую тесную связь между «Искрой» и рабочими. Через его руки прошло много рабочих корреспонденций, напечатанных в «Искре». Бауман по поручению В. И. Ленина неоднократно приезжал в Россию, организовывал транспортировку «Искры», вдохновлял местных искровцев в их революционной работе. Будучи направлен в 1901 г. в Москву для укрепления партийной работы, Бауман вел решительную борьбу с «экономистами» и зубатовцами.

Задачи растущего рабочего движения настоятельно требовали творческого развития марксизма. В. И. Ленин разработал идеологические основы марксистской партии, со всей силой подчеркнул значение соединения массового рабочего движения с марксизмом. Он доказал, что только партия, руководимая революционной теорией, может выполнить роль передового борца и вождя трудящихся.

В своей знаменитой книге «Что делать?», вышедшей в 1902 г., В. И. Ленин разгромил идеологию «экономизма» как русскую разновидность международного оппортунизма. В. И. Ленин разоблачил обман «экономистов», утверждавших, что социалистическая идеология может возникнуть в процессе развития стихийного рабочего движения. В действительности она возникает из науки и вносится в рабочее движение социал-демократией. Поэтому всякое преклонение перед стихийностью рабочего движения, недооценка роли «сознательного элемента», т. е. партии, облегчает порабощение рабочего класса буржуазной идеологией.

Ленин показал, что «экономисты», ставя во главу угла практической деятельности социал-демократии «экономическую борьбу рабочих с хозяевами и правительством», фактически пришли

вслед за своим учителем Бернштейном к отказу от теории классовой борьбы, от революции, от диктатуры пролетариата, от социализма. Тем самым они хотели превратить социал-демократию из партии социальной революции в партию «социальных реформ».

Ленинская «Искра» призывала молодое рабочее движение идти по пути смелой и последовательной революционной борьбы против царизма и капитализма, борьбы за диктатуру пролетариата. Выдвигая эту задачу, В. И. Ленин подчеркивал огромное значение крестьянства как союзника рабочего класса.

В отличие от «экономистов», пытавшихся ограничить задачи рабочего класса защитой только профессиональных интересов, Ленин требовал, чтобы пролетариат, как единственно последовательный революционный класс капиталистического общества, стал вождем всех трудящихся и эксплуатируемых масс.

Для подготовки рабочего класса к этой роли социал-демократия должна была прежде всего сама выйти из состояния местной раздробленности и кустарничества, в котором ее хотели удержать «экономисты». Организационно сплотить партию должна была не очень широкая и возможно более конспиративная организация профессиональных революционеров, способная руководить всей освободительной борьбой пролетариата.

«Искра» развернула успешную борьбу против бернштейнианцев, «экономистов», эсеров, бундовцев и других врагов революционного рабочего движения, за создание марксистской партии в России.

«Искра» не ограничивалась агитацией на экономической почве, а воспитывала политическое сознание и революционную активность масс путем всесторонних политических обличений, освещая с точки зрения революционного марксизма все случаи произвола и угнетения.

«Искра» писала о крепостнической кабале в деревне и о произволе земских начальников, о выколачивании податей и порке крестьян, о полицейской борьбе с голодающими и с теми, кто хотел действительно помочь голодающим, об истязаниях солдат и отдаче студентов в солдаты, о преследовании сектантов и гонениях на народных учителей. «Искра» разоблачала взяточничество чиновников, зверское обращение полиции с городским «простонародьем».

«Искра» поднимала голос протеста против травли великих русских писателей Л. Толстого и М. Горького, против разжигания царскими властями национальной вражды и преследования национальной культуры. Разоблачая все эти преступления самодержавия, «Искра» будила чувство политического протеста, поднимала на борьбу против самодержавия не только рабочих, но и все демократические слои населения

Идейное объединение рабочего класса под знаменем революционного марксизма необходимо было закрепить выработкой

программы партии. Проект программы, составленный Г. В. Плехановым, отличался абстрактностью и объективизмом. Плеханов ограничился общей характеристикой капитализма и не дал анализа особенностей русского капитализма. В проекте, предложенном Плехановым, отсутствовало важнейшее положение марксизма о диктатуре пролетариата.

Во время обсуждения в редакции «Искры» проекта программы в него по настоянию В. И. Ленина был внесен пункт о диктатуре пролетариата, четко указано на руководящую роль рабочего класса в революции и особо подчеркнут пролетарский характер партии. Ленин написал также всю аграрную часть программы.

После опубликования 1 июня 1902 г. проекта программы большинство социал-демократических организаций, в том числе Петербургский, Московский и другие комитеты РСДРП крупных промышленных центров, выступило с заявлениями о своей солидарности с проектом партийной программы и о признании «Искры» своим руководящим органом.

Победа искровского направления в социал-демократических организациях в России сделала возможным созыв II съезда партии.

Съезд открылся 17 (30) июля 1903 г. в Брюсселе, а затем его заседания были перенесены в Лондон.

Принятая съездом Программа партии определила задачи пролетариата как на период буржуазно-демократической революции — свержение самодержавия и установление демократической республики (программа-минимум), так и на период социалистической революции — завоевание диктатуры пролетариата (программа-максимум). В ожесточенной борьбе с оппортунистами В. И. Ленин и его сторонники добились включения в Программу важнейшего положения марксизма о диктатуре пролетариата. РСДРП была единственной в мире партией, Программа которой содержала требование установления диктатуры пролетариата. Программа определила задачи партии в области аграрного вопроса: учреждение крестьянских комитетов для возвращения крестьянам тех земель, которые были отрезаны при проведении реформы 1861 г. и служили в руках помещиков орудием полукрепостнической кабалы в деревне. Программа сформулировала также положение о праве наций на самоопределение.

На съезде обнаружились глубоко принципиальные расхождения по вопросу о формулировке первого параграфа Устава партии. Мартов и его сторонники стремились к созданию организационно расплывчатой, мелкобуржуазной партии. В. И. Ленин отстаивал создание монолитной, боевой, строго дисциплинированной революционной партии пролетариата. Незначительным большинством голосов первый параграф Устава был принят в редакции Мартова.

В конце съезда, после того как было отклонено требование Бунда о построении партии на федеративных началах, бундовцы, а за ними и «экономисты» покинули съезд. Это изменило соотношение сил на съезде, и при выборах руководящих органов партии В. И. Ленин и его сторонники получили большинство, и их стали называть большевиками.

«Всемирно-историческое значение съезда,— указывается в постановлении Центрального Комитета КПСС «О 70-летии II съезда РСДРП», — состоит в том, что на этом съезде завершился процесс объединения революционных марксистских организаций и была образована партия рабочего класса России на идейно-политических и организационных принципах, которые были разработаны В. И. Лениным. Возникла пролетарская партия нового типа, партия большевиков, великая ленинская партия» [1]. «Большевизм, — писал В. И. Ленин,— существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» [2].

5. Массовое революционное движение в 1900—1903 гг. Вступление капитализма в России в империалистическую стадию развития, совпавшее с экономическим кризисом, ознаменовалось резким обострением классовой борьбы. Под руководством революционной социал-демократии рабочий класс переходит к открытой массовой политической борьбе — уличным демонстрациям и политическим стачкам. Встав на путь открытых политических выступлений, он впервые противопоставил себя всем остальным классам и царскому правительству. Его борьба, пробуждавшая к политической жизни крестьянство, студенчество, демократическую интеллигенцию, приобретает общенародное значение.

Наиболее ярко переход рабочих к массовой политической борьбе проявился в открытом праздновании 1 Мая в 1900 г. рабочими Харькова, которые выдвинули требования 8-часового рабочего дня и политических свобод. Первомайские стачки и демонстрация рабочих Харькова, в которой участвовало до 10 тыс. человек, оказали значительное влияние на рабочее движение в главных промышленных центрах страны.

Новую страницу в истории рабочего движения России открыла героическая Обуховская оборона. Поводом для выступления рабочих военного Обуховского завода в 1901 г. явилось увольнение администрацией 26 рабочих, не явившихся 1 Мая на работу. В ответ на это 7 мая по призыву группы социал-демократов забастовало 3,5 тыс. человек. Они предъявили администрации требования официального признания 1 мая праздничным днем, введения 8-часового рабочего дня, возвращения на завод уволенных товарищей и др. После безрезультатных объяснений с начальни-

---

[1] «Правда», 13 апреля 1973 г.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 6.

ком завода обуховцы вышли на Шлиссельбургский тракт, остановили движение конки, заняли дворы по обе стороны улицы и овладели двумя шлагбаумами узкоколейной железной дороги, пересекающей тракт. Эта часть тракта и явилась ареной кровавых схваток рабочих с полицией и войсками. Рабочие мужественно отбивали атаки конных и пеших городовых и эскадрона жандармов камнями, кусками железа, всем, что попадало под руку. Только после прибытия Омского пехотного полка выступление обуховцев было подавлено. Начались аресты.

Историческое значение Обуховской обороны состояло в том, что это было первое открытое сражение рабочих с полицией и войсками, первый опыт баррикадной борьбы в России. Боевое выступление обуховцев опровергло оппортунистические взгляды о невозможности уличной борьбы пролетариата при современной военной технике. «Уличная борьба возможна, — указывал Ленин, — безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода» [1].

Следующей крупной вехой в истории революционного движения России явилась стачка рабочих в Ростове-на-Дону в ноябре 1902 г. Она была подготовлена Донским комитетом РСДРП, во главе которого стояли искровцы С. И. Гусев и И. И. Ставский. Инициатором стачки явились рабочие главных мастерских Владикавказской железной дороги. Забастовав 4 ноября, они предъявили ряд экономических требований: 9-часовой рабочий день, повышение расценок, отмена штрафов. На следующий день забастовали рабочие Аксайского завода сельскохозяйственных орудий и другие предприятия города.

Пользуясь смятением властей, Донской комитет РСДРП организовал грандиозные митинги, каких еще не знали в России.

Лишь после прибытия в город крупных казачьих частей царские власти перешли в наступление. Начались аресты. Много рабочих было выслано из города.

Ростовские события явились первым отдаленным раскатом надвигающейся революции.

Рабочие шли в первых рядах освободительного движения. В 1901—1903 гг. из каждых 100 человек, привлекавшихся за «государственные преступления», 46 были рабочими.

Массовые выступления рабочих внушали страх правящим верхам. Во «всеподданнейшем» отчете министра внутренних дел Д. С. Сипягина «по обозрению» ряда центральных губерний в 1901 г. признавалось, что в рабочем классе «пустили уже достаточно глубокие корни» революционные идеи и что «настойчивая и непрерывная» деятельность социал-демократов «может малопомалу подточить в фабричной среде склад веками сложивше-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 19.

гося народного миросозерцания, который составляет опору всего государственного строя».

На рост рабочего движения царизм отвечал прежде всего усилением полицейских репрессий. В Вильно по приказанию генерал-губернатора фон Валя были высечены арестованные участники первомайской демонстрации 1902 г. Весной следующего года всю страну облетела весть о кровавом злодеянии царской администрации в Златоусте.

Рабочие Златоустовского оружейного завода 11 марта 1903 г. начали экономическую забастовку в связи с введением новых расчетных книжек, ухудшавших условия их труда. Трое депутатов рабочих были арестованы. Когда возмущенные рабочие пришли на площадь перед домом начальника горного управления, требуя освободить их выборных, по приказанию уфимского вице-губернатора Богдановича войска произвели несколько залпов. Пострадало 160—200 человек, из них было убито и умерло от ран 60.

С целью быстрого и решительного подавления выступлений рабочих был усилен состав полиции, расквартированы войсковые части в «наиболее угрожаемых пунктах», создавались специальные полицейские формирования из казаков за счет предпринимателей.

Вместе с тем царское правительство считало необходимым для обмана рабочих идти по пути традиционной «попечительной» политики. Эта политика должна была, как писал В. И. Ленин, «внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше классов... печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных и т. п.» [1]. Предполагалось издание закона о государственном страховании рабочих, введение на предприятиях института фабричных старост, отмена наказаний за экономические стачки, создание касс взаимопомощи и специальной правительственной газеты для рабочих, чтобы «прочно и твердо взять в свои руки все нити, управляющие жизненными интересами этих слоев населения, и дать им в полной мере почувствовать свою твердую, но вполне беспристрастную и справедливую опеку» [2].

В соответствии с этим 2 июня 1903 г. был опубликован закон «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности». Владелец предприятия обязан был за свой счет обеспечить увечного рабочего: при временной потере им трудоспособности — пособием в размере $^1/_2$ его заработка, а в случае полной потери — пенсией в размере $^2/_3$ годового заработка. Но если несчаст-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 74

[2] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д 696, лл. 17—19.

ный случай произошел по «злому умыслу» или «грубой неосторожности» рабочего, последний лишался вознаграждения. Эти оговорки открывали предпринимателям широкие возможности уклоняться от обеспечения увечного рабочего. Но даже и в таком виде закон был определенным завоеванием рабочего класса.

Почти одновременно, 10 июня 1903 г., был издан закон «Об учреждении старост в фабричных предприятиях», который распространялся на частные фабрично-заводские, горнозаводские и горные предприятия, подчиненные контролю фабричной и горной инспекции. Предприниматели могли, по предварительному распределению рабочих заведения или промысла на разряды, предоставлять этим разрядам право избирать из своей среды кандидатов в старосты, из числа которых управление предприятием утверждало одного старосту. Выбор старост закон обставил многими ограничениями. Кандидатами в старосты не могли быть рабочие моложе 25 лет. По закону старосты должны быть представителями рабочих по вопросам об исполнении условий найма, но отнюдь не изменения их. Рабочие намеренно разъединялись на разряды, чтобы затруднить организацию рабочих, посеять рознь между отдельными профессиями, рабочими разных национальностей, разной квалификации. Не удивительно, что рабочие повсеместно отказывались от выборов «фабричных дворников», как они метко окрестили старост. По официальным данным, в марте 1905 г. фабричные старосты были на 30—40, а в Петербурге на 2—3 предприятиях.

Следуя по пути «попечительной» политики, самодержавие насаждало в рабочей среде так называемый «полицейский социализм». Идея создания легальных рабочих организаций под опекой полиции принадлежала жандармскому полковнику С. В. Зубатову. Сначала студент, вращавшийся в революционных кружках, затем провокатор и, наконец, начальник Московского охранного отделения, Зубатов при поддержке московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова стал проводить в Москве опыты «полицейского социализма».

В беседах с арестованными рабочими Зубатов уверял, что царское правительство якобы «внеклассовое», что оно не связано с фабрикантами и может действовать в интересах рабочих, лишь бы последние отказались от борьбы против самодержавия и добивались удовлетворения своих нужд мирным и законным порядком. Такая программа была сродни бернштейнианству и «экономизму», полицейской разновидностью которого в сущности и являлась «зубатовщина». Недаром Зубатов советовал политическим заключенным читать книгу Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии».

Характеризуя зубатовскую политику заигрывания с рабочими, В. И. Ленин писал: «Обещание более или менее широких ре-

форм, действительная готовность осуществить крохотную частичку обещанного и требование за это отказаться от борьбы политической, — вот в чем суть зубатовщины» [1].

В 1901—1902 гг. в Москве созданы были «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», «Общество взаимной помощи текстильщиков» и др. В уставах этих обществ говорилось, что удовлетворение нужд рабочих должно совершаться на началах полюбовного соглашения рабочих с хозяевами.

Сперва в зубатовских организациях принимали активное участие либеральные профессора Московского университета — А. А. Мануйлов, И. Х. Озеров, А. Э. Вормс, В. Э. Ден и др. Они читали лекции о профессиональных союзах, о кооперации и биржах труда, о коллективных договорах и третейских судах, о фабричном законодательстве на Западе и в России. Хотя сами лекторы развивали идеи социального мира вместо классовой борьбы, лекции невольно привлекали внимание рабочих к наболевшим вопросам их жизни. Царское правительство поняло опасность подобного «просвещения» рабочих и запретило лекции профессоров. Вместо них духовенством и реакционными публицистами Л. А. Тихомировым и другими стали устраиваться «религиозно-нравственные» беседы в духе доктрины «официальной народности».

Чтобы удержать рабочих под своим влиянием, зубатовцы не останавливались перед самой безудержной демагогией. Так, на демонстрации 19 февраля 1902 г. у памятника Александру II в Кремле зубатовец Ф. А. Слепов, обращаясь к рабочим, говорил: «Правительство обещает вам 8-часовой рабочий день, а со временем возьмет в свои руки все фабрики, отдаст их вам, и вы будете хозяевами своего труда».

Московские промышленники послали министру финансов жалобу на «натравливание» полицией рабочих на хозяев. Фабричная инспекция пыталась бороться с зубатовщиной. Витте поддерживал инспекцию, но по собственному признанию, «ничего существенного к уничтожению этих затей сделать не мог. Великий князь делал все, что хотел, ничем не стесняясь» [2]. Даже Сипягин не мог совладать с зубатовщиной. С другой стороны, рабочие начали терять терпение и перестали верить лживым обещаниям зубатовцев.

В начале 1902 г в. Москве поднялась широкая волна стачек. Ткачи на фабрике Ю. П. Гужона потребовали увеличения заработной платы и, получив отказ, забастовали. Трепов хотел заставить фабриканта, французского подданного, уступить рабочим, но тот пожаловался своему консулу. Московский биржевой комитет послал Витте заявление, что фабриканты вынуждены

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 37.
[2] С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 217.

будут закрыть свои предприятия, если правительство не избавит их от полицейской опеки.

Ленинская «Искра» предсказывала, что «стиснутая между стачечным движением и оппозицией фабрикантов зубатовская политика потерпит полное банкротство»[1]. Царское правительство нашло, что московская администрация в своем заигрывании с рабочими зашла слишком далеко, и перевело Зубатова в конце 1902 г. в Петербург. Активная деятельность зубатовцев в Москве прекратилась.

Огромную роль в крахе зубатовщины сыграла деятельность революционных социал-демократов. Видные искровцы И. В. Бабушкин, Н. Э. Бауман и другие посещали зубатовские собрания, открывая глаза рабочим на истинные цели их организаторов. Под влиянием социал-демократов рабочие перестали верить «иудам рабочего дела», как заклеймила «Искра» зубатовцев.

Высшей точкой развития рабочего движения накануне первой русской революции были общие стачки в городах юга России в июле — августе 1903 г.

Застрельщиками этих стачек, начинавшихся по призыву местных социал-демократических комитетов, были рабочие крупных предприятий, и прежде всего металлисты. Среди требований бастующих первое место занимали требования политической свободы, 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы. Сочетание экономических и политических требований обеспечивало широкую базу движения. Во время стачек происходили многолюдные митинги и уличные демонстрации, сопровождавшиеся столкновениями с полицией и войсками.

Необычайный размах стачечной борьбы в 1903 г. на юге России объяснялся тем, что промышленность здесь развивалась в условиях обильного притока иностранного капитала и отличалась высокой концентрацией пролетариата. Жестокая эксплуатация рабочих «своими» и иностранными капиталистами сочеталась с национальным гнетом царизма. Если учесть далее, что экономический кризис достиг наибольшей глубины именно на юге России, то станет ясно, почему классовые противоречия здесь были обострены до предела и привели к невиданному по силе и масштабам взрыву революционной борьбы.

1 июля рабочие Баку начали стачку, охватившую затем весь юг страны. Забастовали рабочие механических заводов и нефтяных промыслов. К ним присоединились железнодорожники, моряки, рабочие конки, булочники, торговые служащие, печатники, телефонистки. 1 июля не вышли газеты. Город остался без электрического освещения. Торгово-промышленная жизнь огромного нефтяного района замерла. Бастовало около 50 тыс. человек. Полиция и нефтепромышленники пытались спровоцировать бастующих на поджоги и разрушение нефтяных вышек, на гра-

[1] «Искра», 1902, № 19.

бежи и убийства. Но подавляющая масса рабочих проявила замечательную выдержку и дисциплинированность. Для предотвращения неорганизованных действий учреждены были рабочие патрули и стачечный суд. Прибывший в Баку с чрезвычайными полномочиями шеф жандармов фон Валь признал, что с появлением прокламации Бакинского комитета РСДРП, предостерегавшей рабочих от разрозненных выступлений, сразу же прекратились поджоги нефтяных вышек.

Благодаря интернационалистской линии кавказских искровцев бакинская стачка стала яркой демонстрацией классовой солидарности всех рабочих без различия профессий и национальностей. В устной и печатной агитации бакинские искровцы разоблачали маневры царских властей, которые пытались натравить друг на друга рабочих разных национальностей. В прокламации Бакинского комитета РСДРП от 10 июля разъяснялось, что «стачка может иметь успех только при дружном согласии всех национальностей: рабочий русский, армянин или татарин — все братья по труду, у них один общий враг — капиталисты и самодержавное правительство».

Вдохновленные примером бакинцев, на борьбу против царизма и буржуазии поднялись рабочие Закавказья и Украины. В июле бастовали рабочие Закавказской железной дороги, Тифлиса, Чиатурских марганцевых рудников, Батума, Одессы, Киева, Николаева, Елизаветграда. В августе в стачечную борьбу вступили рабочие Екатеринослава и Керчи. Всего бастовало около 200 тыс. человек.

Ленинско-искровские организации РСДРП выпускали специальные листовки к солдатам с призывом переходить на сторону рабочих. В прокламации Екатеринославского комитета РСДРП «К солдатам» говорилось: «Вы — наши братья, вы — те же крестьяне, но только одетые в солдатские мундиры. Сняв мундир, вы вместе с нами будете тянуть лямку, вместе с нами бороться; наши враги — ваши враги. Вы дали клятву защищать отечество. Защищайте же его от угнетающего и разоряющего его правительства... Пусть не подымется ваша рука на ваших братьев!» [1]. Когда в Одессе на места бастующих матросов торгового флота были посланы военные моряки, комитет РСДРП распространил среди них прокламацию, призывая к пассивному сопротивлению. Прокламация имела успех. В Киеве солдаты, оцепившие железнодорожные мастерские, были засыпаны листовками, вследствие чего начальство приказало отодвинуть войска подальше. Рабочие и их жены при первой возможности обращались к солдатам со словом убеждения. Эта агитация не оставалась безрезультатной. Охранка сообщала о «глухом недовольстве солдат

---

[1] «Всеобщая стачка на Юге России в 1903 году». Сборник документов. М., 1938, стр. 169.

тем, что их ведут против своих». Были случаи, когда солдаты после команды стрелять в рабочих поднимали ружья вверх.

Царское правительство зверски подавило всеобщую стачку на юге России. Плеве требовал от местных властей любой ценой восстановить движение, «если надо, то по трупам». В Киеве, Екатеринославе, Керчи, на станции Михайлово Закавказской железной дороги полиция и войска расстреливали рабочих.

Всеобщая стачка 1903 г. не принесла непосредственных экономических улучшений, но она имела огромное значение для роста классового сознания рабочих. Массы трудящихся убедились в том, что царизм — заклятый враг народа, что без его уничтожения нечего и думать о свободе.

В результате стачки неизмеримо выросло влияние искровских организаций РСДРП, которые были в самой гуще рабочей жизни. Стачка показала гигантскую силу солидарного пролетарского натиска. «Буржуазия и правительство, — писал В. И. Ленин, — содрогнулись при виде грозной рабочей армии, которая одним ударом останавливала всю промышленность громадных городов» [1].

Массовые стачки на Юге в 1903 г. были сломлены с помощью солдат, которые еще являлись послушным орудием в руках царского правительства. Но репрессии не поколебали воли пролетариата к борьбе. Один из рабочих, привлеченный к суду, заявил: «Раздвинутся стены этого здания, и рабочие массы услышат меня. Повсеместные беспорядки в России не случайное явление, они звенья той цепи, в которую мы собираемся заковать самодержавие» [2].

В. И. Ленин писал в связи с летними выступлениями рабочих в городах Юга в 1903 г.: «Опять стачки сливаются с политической демонстрацией, но на еще более широком базисе. Стачки охватывают целый район, в них участвуют более сотни тысяч рабочих, массовые политические собрания повторяются во время стачек в целом ряде городов. Чувствуется, что мы накануне баррикад...» [3].

В России официальная статистика стачек велась с 1895 г. Регистрация стачек производилась на промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции. На этих предприятиях было занято 70% всех фабрично-заводских рабочих. При всей своей неполноте данные фабричной инспекции дают представление о важнейших закономерностях стачечной борьбы в России в рассматриваемый период.

За десятилетие (1895—1904) общее число участников забастовок составило 431 тыс. По отдельным годам число стачечников колебалось от 25 тыс. (1904) до 87 тыс. (1903). Подавляю-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 183.

[2] «Всеобщая стачка на Юге России в 1903 году». Сборник документов. М., 1938, стр. 191.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 251.

щее большинство стачек в этот период носило экономический характер. Число участников экономических стачек составляло 93%, а политических —7%. При этом следует отметить, что успешность стачек была еще незначительной. Из общего числа участников экономических стачек добились полного или частичного удовлетворения своих требований лишь 48%. Главную массу забастовщиков составляли текстильщики. На их долю приходилось 237 тыс., или 53% всех участников стачек. За ними шли металлисты (117 тыс., или 27% всех участников стачек). Однако по энергии и революционному напору во время стачек металлисты были впереди. У них процент участников стачек по отношению к общему числу рабочих-металлистов составлял 46, тогда как у текстильщиков — 33. В авангарде стачечного движения шли рабочие Петербургского фабричного округа. В этом округе было занято 25% всего числа фабрично-заводских рабочих, но они дали 46% всех участников стачек. Крупные предприятия давали большее не только абсолютное, но и относительное число участников стачек.

За пролетариатом в массовую борьбу против помещиков стало вступать обездоленное крестьянство. Всего за пятилетие (1900—1904) было зарегистрировано 670 крестьянских выступлений, из них 340 приходилось на 1902 г.

Наиболее крупные крестьянские выступления имели место в Полтавской и Харьковской губерниях. С 28 марта по 2 апреля 1902 г. в Полтавской губернии было разгромлено 36 имений, а в Харьковской — 24. В движении приняли участие 165 селений с населением 150 тыс. человек.

Основной причиной выступлений были острое малоземелье крестьян и жесточайшая кабала. После отмены крепостного права в Полтавской губернии у крестьян было отнято в пользу помещиков 37% фактически находившейся в их пользовании земли, в Харьковской —28,3%. В Полтавской губернии, где прежде всего возникли волнения, средняя величина крестьянских наделов за 40 лет (1861—1901) сократилась на $^1/_3$. Общее число безземельных крестьянских дворов только за 1893—1900 гг. выросло с 41,4 тыс. до 101,3 тыс. 72% всех крестьянских хозяйств не могли обеспечить себя продовольствием даже при хорошем урожае. Полтавская губерния занимала одно из первых мест по числу арендаторов земли. Наиболее распространенным видом аренды помещичьей земли была «продовольственная», или «голодная», аренда за отработки.

Крестьяне толпами, достигавшими несколько тысяч человек, появлялись в экономиях помещиков и забирали хлеб, сено, скот и инвентарь.

В выступлениях крестьян под влиянием революционной пропаганды замечалась известная организованность и солидарность действий. Перед выступлением собирались сходы, которые выносили приговоры о разгроме помещичьих имений. Нападая на по-

мещичьи усадьбы, крестьяне ссылались на то, что «вышли такие права», что так в «листках написано», что им «принадлежит вся земля» и что «довольно панам пановать». Среди крестьян выделялись вожаки, преимущественно из уволенных в запас солдат, которые пытались организовать сопротивление карателям. В селе Ковалевке Полтавского уезда бывший унтер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка Павел Драч, обращаясь к солдатам, говорил, что они «не должны стрелять в крестьян, так как им есть нечего и у них земли нет».

Борьба полтавских и харьковских крестьян нашла отклик и в других губерниях. На Черниговщине крестьяне приступили к дележу помещичьих земель. В Киевской губернии крестьяне на тайных сходках решили не идти на работу к помещикам, прогоняли и избивали нанявшихся батраков, оказывали сопротивление межеванию. В мае 1902 г. вспыхнуло восстание в Озургетском уезде Кутаисской губернии. В деревнях были созданы революционные комитеты, под руководством которых развернулся бойкот помещиков.

Дифференциация крестьянства накладывала свой отпечаток на классовую борьбу в деревне. Громя помещиков, беднота не щадила и богатых односельчан. Особенно враждебно она относилась к кулакам, которые сдавали крестьянам арендованную у помещиков землю мелкими участками по цене в 2—3 раза дороже уплаченной ими самими.

Под воздействием рабочего движения деревенская беднота стала использовать пролетарскую форму борьбы — демонстрацию. В «Искре» было опубликовано несколько корреспонденций о таких демонстрациях. Росла тяга сознательной части крестьян к совместным выступлениям с рабочими. В селе Пречистый Бор Тверской губернии в мае 1903 г. около 200 человек крестьянской и фабричной молодежи прошли по селу с пением «Дубинушки» и криками «Долой царя!».

В 1902 г. на базе народнических кружков и региональных объединений возникла партия социалистов-революционеров. Официальными органами ее стали газета «Революционная Россия» и журнал «Вестник русской революции» (1901—1905). Лидерами эсеров были А. Р. Гершуни, Б. В. Савинков, В. М. Чернов. Эсеры требовали уничтожения самодержавия, признавали крестьянство классом социалистическим по своей природе, защищали общину как ячейку социалистического строя, и ссылаясь на малочисленность пролетариата в России, отрицали его историческую роль гегемона революции.

В программе партии предусматривалась отмена частной собственности на землю и переход ее в «общенародное достояние». Это требование объективно отражало революционные стремления крестьянства, боровшегося за ликвидацию помещичьего землевладения. Но вопрос о землепользовании эсеры решали с утопических позиций домарксовского социализма. Возрождая иллю-

зии старого народничества, эсеры расхваливали общину как «барьер» против концентрации земельной собственности и пролетаризации крестьянства, доказывали способность общины развивать «коллективные инстинкты» и на этом основании осуществление социализма предлагали начать с деревни.

Разумеется, такая точка зрения была мелкобуржуазной утопией. Для осуществления социализма необходимо уничтожение капитализма и обобществление всех средств производства. Обобществление же только земли и уравнительное землепользование без имущественного равенства не уничтожили бы эксплуатации и разорения крестьянской массы. Бедняк, получив землю, не смог бы ее обработать и неизбежно попал бы в кабалу к кулаку, концентрировавшему в своих руках средства производства. Таким образом, на деле эсеровская программа социализации земли ничего общего с социализмом не имела и объективно расчищала почву для капитализма фермерского типа.

В области тактики эсеры, исходя из народнической теории «героев» и «толпы», признавали основным средством борьбы против царизма индивидуальный террор. Эсерами было совершено несколько крупных террористических актов. Но террор был бесцельным и вредным, особенно в начале XX в., когда в России развернулось массовое революционное движение, так как он сковывал революционную инициативу масс, обрекал их на пассивность. Разоблачая утопичность программы эсеров и авантюризм их тактики, революционная социал-демократия вместе с тем допускала временные соглашения с ними в отдельных случаях борьбы против самодержавия.

6. Земско-либеральное движение. Как известно, сила экономического развития заставила самодержавие в 60-х годах прошлого века открыть дорогу капитализму, освобождая «сверху» крестьян и осуществляя ряд других буржуазных реформ. Однако все эти преобразования были лишь первым шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную. Теряя свойства исключительно крепостнического режима, вводя, в частности, местные представительные учреждения буржуазного типа — мы имеем в виду земство, — царизм оставался диктатурой дворян-помещиков и охранял в первую очередь их классовые интересы и сословные привилегии.

Безусловно, в своей финансово-экономической политике царское правительство во многом считалось с интересами набиравшей силу буржуазией. Но лейтмотивом этой политики было сохранение земли и паразитических доходов помещиков-крепостников. Политически же буржуазия, несмотря на растущую концентрацию экономической мощи в ее руках, до 1905 г. была бесправной.

Высшее государственное управление было «запретной зоной» для буржуазии. Даже в органах земского самоуправления торгово-промышленная буржуазия занимала второстепенное место,

не соответствующее ее удельному весу в экономической жизни страны. Это достигалось вследствие неравномерности земского представительства.

Тем не менее, несмотря на устранение от участия в государственной власти, буржуазия до революции 1905 г. не решалась стать в открытую оппозицию самодержавию. От этого буржуазию удерживало прежде всего переплетение ее экономических интересов с интересами помещиков. Но как эволюция самодержавия в буржуазном направлении не означала, что оно уже превратилось в буржуазную монархию, так и переплетение интересов дворянства и буржуазии вовсе не означало, что наступило уже полное слияние или гармония их интересов. Ленин указывал, что «...широко понятые интересы *всей* буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию» [1]. Оппозиция эта возникла и до революции 1905 г. развиваясь преимущественно в русле земских учреждений.

Невольно возникает вопрос: почему оплотом либеральной оппозиции в России явилось дворянское земство, а не городская буржуазия, как это было на Западе?

Среди дворянства преобладали полукрепостники, которые без труда могли захватить руководящую роль в земстве. Но «диких» помещиков земская деятельность — школьное дело, медицина, агрономия, дорожное строительство — не привлекала, и они попросту не являлись на выборы.

В результате земство стало цитаделью капиталистического помещика, который был непосредственно заинтересован в расчистке густой заросли крепостнических пережитков в деревне, а это было невозможно без реформы государственного строя.

«Земская» окраска русского либерализма обусловлена была и тем, что капиталистические помещики благодаря активному участию в земстве значительно раньше, чем городская буржуазия, начали сплачиваться в политическую силу. К тому же расширение культурных функций земских учреждений вместе с «оскудением» поместного дворянства увеличивало значение в земстве так называемого «третьего элемента», т. е. наемных служащих: статистиков, врачей, учителей, агрономов и т. д., которые нередко пополнялись лицами, репрессированными царским правительством. Широкое участие интеллигенции в земской жизни повышало оппозиционность земства и усиливало его роль как центра общебуржуазной фронды. Ленин отмечал, что буржуазная интеллигенция «более способна выражать широко понятые, существенные интересы всего класса буржуазии в отличие от временных и узких интересов одних только «верхов» буржуазии» [2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 267.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 199.

Несмотря на возрастающее несоответствие политики полуфеодального царизма с более широко понятыми интересами всей буржуазии, земско-либеральная оппозиция самодержавию до начала XX в. была крайне анемичной. Самым значительным ее проявлением были адреса некоторых губернских земских собраний в 1894—1895 гг. по случаю восшествия на престол Николая II. В этих адресах, в выражениях самых верноподданнических, говорилось о необходимости единения царя с народом, о желательности, чтобы «правда доходила до государя». Царь назвал эти робкие ходатайства «бессмысленными мечтаниями». Окрика Николая II было достаточно, чтобы либералы присмирели.

Политическая трусость русской буржуазии объясняется тем, что она вступила на общественную арену не в эпоху подъема капитализма, как это имело место в большинстве стран Западной Европы, а на последней стадии капитализма, в период империализма, когда формирование пролетариата, его политическая консолидация и рост классовых противоречий происходили несравненно более быстрыми темпами.

На рубеже XX в. пролетариат России уже осознал свои классовые интересы и создал партию нового типа, возглавившую борьбу трудящихся масс за уничтожение не только царизма, но и капитализма. Буржуазия опасалась, что своими оппозиционными выступлениями она может поколебать авторитет государственной власти и невольно развязать силы революции. Страх перед пролетариатом парализовал политические притязания буржуазии. Поэтому она мирилась с деспотизмом царизма, рассчитывая на его естественную эволюцию.

Подъем рабочего движения в начале XX в. заставил либералов усомниться, в состоянии ли царское правительство защитить имущие классы от революции. Это вызвало оживление земско-либерального движения.

В 1899 г. в Москве возник полуконспиративный кружок земских деятелей «Беседа», сыгравший видную роль в становлении буржуазного оппозиционного движения. Первоначально в кружке обсуждались деловые вопросы земской жизни. В начале 900-х годов в связи с ростом революционного движения в кружке происходили дискуссии об общей политике правительства и способах воздействия на ее направление.

Политические взгляды «собеседников» отличались известной пестротой. Среди них были конституционалисты, будущие лидеры кадетской партии — князья Павел и Петр Долгоруковы, Д. И. Шаховской, Е. Н. и С. Н. Трубецкие, Г. Е. Львов, Н. Н. Львов, эпигоны славянофильства, сторонники «истинного» самодержавия Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, Н. А. Хомяков, Ф. Д. Самарин. Общей почвой, объединявшей всех участников «Беседы», была надежда на мирное обновление политического строя России. По словам секретаря кружка В. А. Маклакова,

«они старались проводить свои реформы, опираясь на самодержавную власть, а не стремясь ее ослабить и опрокинуть» [1].

Летом 1901 г. участники «Беседы» — князья Долгоруковы, В. И. Вернадский, И. И. Петрункевич, князь Д. И. Шаховской вместе с литераторами А. А. Корниловым, В. Я. Богучарским и другими решили создать за границей свободную прессу для борьбы за конституцию. Редактором был приглашен П. Б. Струве. Первый номер журнала, названного «Освобождением», вышел в июне 1902 г. в Штутгарте (Германия).

В передовой статье «От редактора» указывалось, что задачей либерального органа является борьба за политическое освобождение России: «Как в XIX в. до 1861 г. «Аннибаловой клятвой» времени была борьба за освобождение крестьян, так наше время должно твердо помнить свою «Аннибалову клятву» — борьбу за политическое освобождение России». При этом Струве подчеркивал, что «борьба за свободу может восторжествовать только как широкое национальное движение», как «общее дело детей и отцов, революционеров и умеренных». Таким образом, в борьбе за конституцию либералы намеревались опираться на демократические силы.

В июне 1903 г. в Швейцарии состоялось совещание группы земцев, основавших и субсидировавших «Освобождение» с бывшими «легальными марксистами» и народниками. Решено было создать союз различных групп, связанных общей задачей — освобождением России от самодержавного режима, — но сохраняющих свободу мнений по программным и тактическим вопросам, — «Союз освобождения».

Рядом с ним организовалась группа земцев-конституционалистов, первый съезд которой происходил в ноябре 1903 г. в Москве. Новая организация ставила своей задачей подготовку обращений земских собраний к царю с ходатайствами о даровании конституции.

В январе 1904 г. в Петербурге нелегально состоялся учредительный съезд «Союза освобождения», на котором был избран высший орган Союза — Совет. В него вошли в равном числе земцы-конституционалисты (князь Петр Долгоруков, Н. Н. Ковалевский, Н. Н. Львов, И. И. Петрункевич, князь Д. И. Шаховской и И. В. Лучицкий) и мелкобуржуазные демократы (В. Я. Богучарский, Е. Д. Кускова, Л. И. Лутугин, С. Н. Прокопович, А. В. Пешехонов и В. В. Хижняков).

В советской исторической литературе можно встретить определение «освобожденчества» как движения буржуазной интеллигенции. По мнению И. Ф. Гиндина и К. Ф. Шацилло, развитие капитализма в России породило «новый настоящий буржуазный либерализм», носителем которого в отличие от дворянско-зем-

---

[1] В. Маклаков. Из прошлого. «Современные записки», т. XVIII. Париж, 1932, стр. 357.

ского либерализма второй половины XIX в. стала новая буржуазная интеллигенция в лице «освобожденцев» [1].

Определяя «освобожденчество» как течение в среде буржуазной интеллигенции и противопоставляя его на этом основании земскому либерализму, И. Ф. Гиндин и К. Ф. Шацилло ссылаются на В. И. Ленина. Процитировав одно место из статьи Ленина «Задачи революционной молодежи», где говорится о появлении в России «новой» буржуазно-либеральной интеллигенции в лице «легальных марксистов» и об ее отличии от «старой» народнически-либеральной интеллигенции, названные авторы уверяют, что речь здесь идет якобы об образовании «нового буржуазного либерализма».

Но В. И. Ленин никогда не рассматривал «освобожденчество» как движение интеллигенции и нигде не противопоставляет его земскому либерализму. Напротив, Ленин трактует «освобожденчество» как органическую, неразрывную часть земско-либерального движения. Он писал: «До 17-го октября была одна широкая либерально-буржуазная партия земцев, собиравшихся на свои знаменитые полулегальные съезды и издававших за границей журнал «Освобождение». После 17-го октября участники земских съездов раскололись...» [2]. Ленин подчеркивал полупомещичий облик «Союза освобождения» [3], благодарил либеральных помещиков, пытающихся основать «земскую конституционную партию», «за то, что они убрали от русской социал-демократии г. Струве, окончательно превращая его из квазимарксиста в либерала...» [4].

Нам представляется, что «освобожденчество» было только этапом в развитии земско-либерального движения. Ядро «Союза освобождения» составляли земцы-конституционалисты, но в новой организации они действовали в блоке с мелкобуржуазными «попутчиками» из бывших «легальных марксистов» и народников. В отличие от «Беседы», которая не стремилась «демократизироваться», освобожденцы искали контакта с демократическими силами с целью подчинить их либеральному влиянию и направить в русло мирной борьбы за политические реформы.

До 1902 г., когда у либералов не было ни своего органа, ни нелегальной организации, революционная социал-демократия, по выражению В. И. Ленина, «будила» либералов, занималась «встряхиванием» и «расшевеливанием» их оппозиционного духа, толкала на путь протеста и политических обличений царско-полицейского произвола.

---

[1] См.: И. Ф. Гиндин. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. «История СССР», 1963, № 2, стр. 80; К. Ф. Шацилло. Русский либерализм на рубеже двух веков. В сб. «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России». М., 1970, стр. 170—172.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 205.

[3] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 219.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 441.

В 1901 г. в журнале «Заря» была опубликована статья В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», посвященная критике предисловия Струве к изданной за границей секретной записке Витте под заглавием «Самодержавие и земство». В записке содержались возражения против проекта министра внутренних дел И. Л. Горемыкина о введении земства в северо-западных губерниях. Витте доказывал, что земство несовместимо с самодержавием, так как оно конституционно по самому своему духу. Во имя самодержавия Витте отрицал земство.

В полемике со Струве В. И. Ленин разоблачил непоследовательность и лицемерие либералов, которые давали «Аннибалову клятву», т. е. клятву непреклонной, непримиримой борьбы с самодержавием за политическую свободу, и в то же время питали иллюзию о возможности мирной эволюции самодержавия в направлении парламентской монархии путем постепенного расширения прав земства, которое Струве вслед за Витте рассматривал как «зародыш конституции». Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что «в интересах политической борьбы мы должны поддерживать всякую оппозицию гнету самодержавия, по какому бы поводу и в каком бы общественном слое она ни проявлялась. Для нас далеко не безразлична поэтому оппозиция нашей либеральной буржуазии вообще и наших земцев в частности» [1]. После же того как либералы обзавелись своим органом и выступили с особой политической платформой, задача революционных социал-демократов изменилась: главным стало разоблачение половинчатости и политиканства либералов, их стремления к сделке с царизмом на основе частичного «обновления» государственного строя страны.

7. Кризис самодержавия. Верховная власть в России до 1906 г. всецело и нераздельно принадлежала императору, который осуществлял диктатуру дворян-помещиков и сам был крупнейшим землевладельцем страны. Последним русским царем был Николай II. Трусливый, вечно колеблющийся, вероломный и жестокий, он был прозван в народе «кровавым» за непрестанные попытки потопить в крови разгорающееся пламя революции.

Мировоззрение Николая II представляло какую-то смесь бескрайнего абсолютизма с богословской мистикой и фатализмом. Воспитанный на идеях Победоносцева, царь был убежден в божественности своей власти, которую он обязан, как сосуд с драгоценной влагой, не расплескав ни одной капли, передать наследнику. Всякое умаление или ограничение царской власти он считал преступлением перед богом. Хорошо знавший последнего царя председатель II Государственной думы кадет Ф. А. Головин в своих воспоминаниях пишет: «Ради сохранения власти в своих руках в возможно полном объеме он не останавливается ни перед

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 71.

чем... Политика Николая II всегда сводилась к тому, чтобы в крайних случаях идти на минимальные уступки обществу, а данные торжественные обещания не выполнять, если окажется малейшая к тому возможность»[1]. Действительно, не прошло и трех месяцев после «дарования» конституции 17 октября 1905 г., как царь во всеуслышание заявил, что его «самодержавие осталось таким же, каким было встарь».

Мистическая настроенность Николая II и его жены росла, по мере того как под ударами революции у них ускользала почва под ногами. Ощущение бессилия, обреченности, безвыходности своего положения побуждало искать помощи у сил сверхъестественных, ждать какого-то чуда, которое их спасет. Это открывало доступ к царскому двору всевозможным проходимцам под видом прорицателей, блаженных, старцев.

1 ноября 1905 г., в разгар революции, Николай II записал в свой дневник: «Познакомились с человеком божьим Григорием из Тобольской губ.»[2]. Это и был Распутин, сибирский варнак со шрамом от побоев за конокрадство. Изгнанный из родного села, он после нескольких лет бродяжничества по монастырям появился в Петербурге, где имел в роли «старца» большой успех в пресыщенном и развращенном «высшем свете». Архимандрит Феофан, инспектор духовной академии, ввел Распутина в царский дворец. Это случилось в тот момент, когда революция достигла своей кульминации и испуганные царь и царица думали, что наступили последние времена. По словам Распутина, они уже стали «складывать вещи, чтобы куда-то спрятаться. Позвали меня и спросили. А я долго их уговаривал плюнуть на все страхи и царствовать... Когда я пришел к ним после успокоения, они оба упали пред мною на колени и стали целовать мне руки и ноги». Царь сказал: «Григорий — ты Христос!»[3]. Таким образом, в представлении царской четы Распутин явился как бы спасителем династии: он бог, сошедший на землю именно для этой цели.

Вступив на престол в 1894 г., Николай II продолжал политический курс своего отца, являясь выразителем интересов наиболее реакционных и авантюристических кругов дворянской знати. В январе 1895 г. в речи перед депутациями от земств он назвал их ходатайства о том, чтобы «до высоты престола могли достигать выражения потребностей и мыслей народа», «бессмысленными мечтаниями» и заявил, что будет идти по стопам Александра III и охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял их его «незабвенный родитель».

Во главе важнейших отраслей государственного, преимущественно военного, управления стояли родственники царя —

---

[1] «Записки Ф. А. Головина». «Красный архив», 1926, № 6(19), стр. 125—126.

[2] ЦГАОР СССР, ф 601, оп. 1, д. 249, л. 71.

[3] Бывший иеромонах Илиодор (Сергей Труфанов). Святой чорт. «Голос минувшего», 1917, № 3, стр. 25.

великие князья, которые по закону ни перед кем и ни в чем не отчитывались. Так, главнокомандующим Петербургским военным округом и императорской гвардией был дядя Николая II — великий князь Владимир, под руководством которого произошел расстрел рабочих 9 января 1905 г. Другой царский дядя, московский генерал-губернатор великий князь Сергей, ярый реакционер, человек крайне ограниченный и безнравственный, в феврале 1905 г. был убит бомбой, брошенной Иваном Каляевым. Генерал-адмирал русского флота, бесславно погибшего в Цусимском бою, великий князь Алексей прожигал жизнь в невероятных оргиях и кутежах.

Под стать Романовым была и высшая бюрократия. Один из виднейших сановников царской России — Горемыкин сожалел о том, что 9 января 1905 г. число жертв было слишком незначительно, если бы их было не 1600, а 16 тыс., считал он, «беспорядкам» был бы положен конец.

Среди высших государственных учреждений первое место принадлежало Государственному совету (1810—1917). По составу он был бюрократически-аристократическим. Члены и председатель Совета назначались царем из высших сановников. В него входили также министры. До своей реорганизации в 1906 г. Совет являлся высшей законосовещательной инстанцией. Законодательной инициативой он не обладал. Предварительное обсуждение законопроектов, которые вносились министрами по воле царя, происходило в департаментах, игравших по существу роль подготовительных комиссий: департаменте законов, рассматривавшем законопроекты общегосударственного значения, департаменте гражданских и духовных дел и департаменте государственной экономии. В 1901 г. был образован департамент промышленности, наук и торговли. Рассмотренные в них законопроекты поступали в общее собрание Государственного совета. Мнения большинства и меньшинства членов представлялись в виде «меморий» — так называлось краткое изложение журнала заседаний — царю, причем им иногда утверждалось мнение меньшинства. Так было с положением о земских начальниках и с классической системой образования, предложенной графом Д. А. Толстым, которые были проведены вопреки мнению большинства членов Государственного совета.

До 17 октября 1905 г. в России не было объединенного правительства — кабинета министров с первым министром во главе. Правда, еще в 1802 г. одновременно с учреждением министерств был образован Комитет министров. Он состоял из всех министров, с 1810 г. — председателей департаментов Государственного совета. Задачей комитета было совместное обсуждение дел, требовавших согласования между несколькими ведомствами. В действительности комитет этот очень мало способствовал объединению правительства. Зато через него, в обход Государственного совета, проводились законы, относительно которых ми-

нистры опасались оппозиции даже «звездной палаты»: «Положение об усиленной и чрезвычайной охране» (1881), «Временные правила о печати» (1882) и др.

В 1857 г. был учрежден еще Совет министров, оформленный в 1861 г. Созываемый по усмотрению императора и под его председательством в неопределенном, не стабильном составе, Совет практически не осуществлял возложенной на него задачи — объединения и координации действий министров. Уже с 70-х годов Совет собирался редко, а с 1882 до 1905 г. и вовсе бездействовал.

Как паллиативная мера для согласования действий правительственных органов преимущественно по вопросам внешней политики, собирались непериодические особые совещания под председательством царя или одного из приближенных к нему лиц. Обычно эти совещания созывались для решения одного какого-либо вопроса и каждый раз в разном (и произвольном) составе.

К высшим государственным учреждениям относился также Сенат. Он был учрежден Петром I в 1711 г. как верховный орган управления. После его смерти роль Сената ограничивается в связи с созданием таких учреждений, как Верховный тайный совет (1726—1730), Кабинет (1731—1741), Конференция при высочайшем дворе (1756—1761), Совет при высочайшем дворе (1769—1801). В начале XIX в. с учреждением министерств и Комитета министров Сенат окончательно потерял значение высшего органа государственного управления, превратившись в орган надзора за законностью действий правительственных лиц и учреждений и высшую кассационную инстанцию по судебным делам. Сенату принадлежало также право обнародования законов.

Из центральных государственных учреждений самым влиятельным было министерство внутренних дел. Особое положение этого министерства было обусловлено тем, что ему было вверено «охранение внутренней безопасности», т. е. главнейшая функция полицейского государства, каким была царская Россия. Департамент полиции, созданный в 1880 г. на базе печально знаменитого III отделения, был руководящим органом политического сыска. Министру внутренних дел принадлежало право учреждения гласного полицейского надзора, право административной ссылки, разрешение периодических изданий и наложение на них взысканий, контроль не только за законностью, но и за целесообразностью постановлений органов земского и городского самоуправления.

Видное место в системе высшего государственного управления занимало министерство финансов, особенно в 90-х и в начале 900-х годов, когда во главе его стоял самый крупный деятель последних двух царствований С. Ю. Витте. До 1905 г. в министерстве финансов, кроме заведования различными источниками государственных доходов и распределения их между отдельными

ведомствами, было сосредоточено и управление всей внутренней и внешней торговлей и промышленностью, за исключением подведомственной военному и морскому министрам и кабинету царя.

Витте, вступив в 1892 г. на пост министра финансов, направил свои усилия на форсированное развитие капитализма в России при сохранении самодержавия, пытаясь подвести под него новый, более прочный базис. Одним из важнейших путей решения этой задачи Витте считал расширение сферы влияния российского капитала: он был инициатором сооружения Сибирской железнодорожной магистрали и экспансии на Дальнем Востоке, которая привела к русско-японской войне.

Царская администрация на местах — генерал-губернаторы, гражданские и военные губернаторы, градоначальники, судебный персонал, земские начальники, офицерский корпус в армии и полиции — комплектовалась из дворян. Значительную роль в системе губернского и особенно уездного управления играли предводители дворянства, избиравшиеся на сословных дворянских выборах. Уездный предводитель дворянства был первым лицом в уезде. Он председательствовал в важнейших коллегиальных административных органах — воинском присутствии, в училищном совете и на уездном земском собрании. Дворяне-помещики были полными хозяевами и в земстве.

Подъем рабочего движения в начале 900-х годов показал, что режим полицейской нагайки стал сдавать. Участились конфликты между правящей феодальной верхушкой и либеральной буржуазией. Страна вступила в полосу революционной ситуации. В этих условиях царизм прибегает к лавированию. Об этом свидетельствовала прежде всего его политика в крестьянском вопросе. Внутри правительства боролось два течения. Одно из них во главе с Витте, обеспокоенное узостью внутреннего рынка из-за обнищания деревни, все понижающейся «платежеспособностью» крестьян, а главное, ростом крестьянских выступлений, считало необходимым постепенное уравнение крестьян с другими сословиями в гражданских и личных правах. Другое течение, выражавшее интересы крепостнического дворянства, по-прежнему смотрело на крестьянство как на «быдло», т. е. как на безвольное, бессловесное и покорное стадо, опекаемое помещиками, и яростно возражало против всяких уступок в «духе времени». Еще в 1898 г. Комитет министров в связи с «чрезмерным напряжением» платежных сил крестьянства по предложению Витте принял решение об образовании Особого совещания для рассмотрения вопросов о дополнении и развитии законодательства о крестьянах. Добиваясь от царя утверждения этого решения, Витте в письме к царю убеждал его «завершить» освобождение крестьян и сделать из крестьянина, этого «раба произвола, беззаконности и невежества», «персону», т. е. устранить юридические пережитки крепостничества в деревне: телесные наказания, круговую поруку, выкупные платежи, неотчуждаемость наделов, запрещение

выхода из общины и т. д. Однако попытка Витте поставить на обсуждение крестьянский вопрос тогда успеха не имела. Только в январе 1902 г. было учреждено Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством Витте, а на периферии — губернские и уездные комитеты с правом приглашать для участия в своих занятиях в качестве «сведущих лиц» земских деятелей. Большинство членов особого совещания высказалось за буржуазные преобразования, рассчитанные на постепенное (не насильственное) разрушение общины и насаждение частной собственности на землю. Некоторые комитеты, устрашенные перспективой «разорительной жакерии», кроме отмены правовых ограничений, затруднявших выход из общины, возбудили вопрос о смягчении крестьянского малоземелья. Имелось в виду облегчение условий покупки земли при помощи Крестьянского банка, наделение крестьян за счет свободных казенных земель, переселение. Таким путем либеральные помещики думали «парализовать» аграрное движение.

В противовес виттевскому совещанию редакционная комиссия министерства внутренних дел под председательством ярого крепостника А. С. Стишинского выработала свой проект пересмотра крестьянского законодательства. Этот проект считал, что община лучше всего отвечает сравнительно низкому уровню крестьянского хозяйства. В области права, суда и управления проект проводил линию на углубление сословной обособленности крестьян.

Плодом неуклюжего балансирования правительства в крестьянском вопросе явился царский манифест от 26 февраля 1903 г., по поводу которого Ленин напечатал в «Искре» статью «Самодержавие колеблется...». В манифесте подчеркивалось, что «в основу трудов по пересмотру законодательства о сельском состоянии должна быть положена неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения». Но вслед за этим говорилось об «изыскании способа к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины» и об освобождении крестьян от круговой поруки в уплате государственных, земских и мирских сборов.

Несмотря на известные колебания, путеводной звездой для правящих кругов по-прежнему оставалась традиционная политика крестьянского цезаризма.

До 1905 г. самодержавие выдавало себя за защитника слабых против сильных, бедных против богатых. Оно старалось, писал В. И. Ленин, «представить себя в глазах народных масс стоящим «над классами», охраняющим интересы широкой массы крестьян, оберегающим их от обезземеливания и разорения» [1]. Главными компонентами этой политики была сословная обособленность крестьянства, неприкосновенность общинного строя и неотчуждаемость надельных земель. Особенно рьяно царизм охранял

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 260.

крестьянскую общину, используя ее в своих административно-полицейских и фискальных целях. По словам Победоносцева, вдохновителя политической реакции 80-х годов XIX в., «одна общинная связь охранит крестьянское население от обезземеливания, а Россию — от грозящей опасности» [1], т. е. от революции. Цезаристская или охранительно-попечительная политика строилась на использовании неразвитости капиталистических отношений в деревне, патриархальности крестьянского быта, темноты народных масс. Русский абсолютизм не только стремился использовать крестьянскую темноту в своих интересах, более того, он ее всячески культивировал. Императрица Александра Федоровна, например, считала, что «школа для народа — дело опасное, народная вера пропадет».

К сожалению, в советской исторической литературе можно встретить ошибочную трактовку отдельными исследователями социальной базы русского абсолютизма. На советско-итальянской конференции историков 1968 г. А. Я. Аврех утверждал, что «определяющее значение классовой борьбы для становления абсолютизма в России не доказано» и что последний эволюционировал и превращался в буржуазную монархию в силу своей «внутренней природы». Отрицая воздействие классовой борьбы на становление и эволюцию самодержавия в России, Аврех приходит к парадоксальному выводу о том, что «массовой социальной опорой русского абсолютизма на протяжении веков было крестьянство» [2]. Точка зрения Авреха была поддержана на конференции Н. И. Павленко и П. В. Волобуевым [3].

Но, мы знаем, самодержавие являлось диктатурой помещиков-крепостников, злейших врагов пролетариата и крестьянства. Совершенно непостижимо, как мог царизм, защищавший интересы класса эксплуататоров, опираться на класс угнетенного и эксплуатируемого им крестьянства и отражать его интересы?!

Концепция Авреха — Волобуева — Павленко была подвергнута на конференции серьезной критике в выступлениях академиков М. В. Нечкиной и Л. Б. Черепнина [4]. В частности, М. В. Нечкина справедливо указала, что наивный монархизм участников крестьянских войн XVII—XVIII вв. «раскрывается в своем объективном значении как идеология борьбы крестьянства с угнетающим его крепостным правом и со всеми его защитниками, в числе которых на первом месте самодержавие». М. В. Нечкина обратила внимание также на совпадение точки зрения Авреха — Волобуева — Павленко со взглядами Карамзина, Погодина и других представителей «официальной народ-

---

[1] «Русский вестник», 1889, № 9, стр. 68.

[2] «Документы советско-итальянской конференции историков 8—10 апреля 1968 г. Абсолютизм в Западной Европе и в России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX в.». М., 1970, стр. 221—224.

[3] Там же, стр. 185, 195—197.

[4] Там же, стр. 254—255, 277.

ности», изображавших царизм идеологом крестьянства: царь-батюшка является народным печальником, ревнителем интересов народа и т. п. [1].

* * *

Кризис «верхов» отразил глубокие противоречия в социально-экономическом строе России и показал, что форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия насквозь прогнила и окончательно себя изжила.

Наряду с противоречиями между развивающимся капитализмом и остатками крепостничества в России в начале XX в. обострился конфликт между возросшими производительными силами и буржуазными производственными отношениями. Наличие двоякого рода противоречий в экономике страны и связанных с ними двух социальных войн — общенародной борьбы с самодержавием и остатками крепостничества, с одной стороны, и классовой борьбы пролетариата с буржуазией — с другой, — обусловило закономерность буржуазно-демократической революции и создавало объективные предпосылки ее перерастания в социалистическую революцию.

Под руководством революционной социал-демократии российский пролетариат поднимался на штурм царского самодержавия. Массовые рабочие стачки и демонстрации будили к политической жизни и революционной борьбе широкие массы крестьянства. В стране назревала народная революция.

---

[1] См.: «Документы советско-итальянской конференции историков 8—10 апреля 1968 г. Абсолютизм в Западной Европе и в России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX в.». М., 1970, стр. 255, 257.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904 — 1905 гг.

1. Историография. После второй мировой войны в буржуазной исторической литературе, особенно в США, широко распространяется лживая версия происхождения русско-японской войны 1904—1905 гг. Россия объявляется главным агрессором, а другие империалистические державы, в частности США,— «защитниками» территориальной неприкосновенности Китая, добивавшимися якобы лишь свободы торговли с ним. Фальсифицируя действительный ход событий, зарубежные буржуазные историки утверждают, что Япония, воюя против России, защищала будто бы принцип «открытых дверей» или «равных возможностей» для торговли всех наций в Маньчжурии.

Советские историки выступают против подобного извращения и стремятся дать действительно объективную картину событий, которые привели к империалистическому конфликту на Дальнем Востоке в начале XX в.

Среди работ по истории империалистических противоречий на Дальнем Востоке конца XIX— начала XX в. выделяется по богатству фактического материала, исчерпывающей полноте научного анализа и яркой форме изложения книга Б. А. Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907», вышедшая вторым изданием в 1955 г. Эта книга подводит итог научным изысканиям, которые автор вел более трех десятилетий. Его первая крупная работа в этом плане «Россия в Маньчжурии (1892—1906)» вышла в свет в 1928 г. Исходя из оценки русско-японской войны, данной в трудах В. И. Ленина, Романов убедительно доказывает, что война была порождена столкновением империалистических интересов России и Японии и, хотя эту войну непосредственно развязала Япония, за ее спиной стояли империалисты Англии и США. Достоинство книги Романова заключается в том, что происхождение русско-японской войны он рассматривает в тесной связи с магистральной линией развития международных отношений конца XIX— начала XX в., определявшейся назреванием англо-германского империалистического антагонизма. Готовясь к решительной схватке, Англия и Германия были крайне заинтересованы в привлечении России с ее неисчерпаемыми людскими и материальными ресур-

сами каждая на свою сторону на случай мировой войны. А этого можно было достигнуть только ценой такого военного ослабления царизма, которое не позволило бы ему сохранить за собой роль стороннего зрителя и «третьего радующегося», готового воспользоваться взаимным истощением главных претендентов на мировое господство для усиления собственных империалистических позиций. Отсюда и проистекала политика подталкивания России к войне с Японией со стороны Германии и натравливания Англией и США Японии на Россию.

Необходимо также отметить книгу А. Доброва «Дальневосточная политика США в период русско-японской войны», вышедшую в 1952 г. Автор использовал наряду с известными уже документами, мемуарами, исследованиями также неопубликованные архивные материалы: донесения русских дипломатов из Вашингтона, Пекина, Токио, директивы министерства иностранных дел послам России. А. Добров убедительно опровергает утверждения американских историков относительно нейтралитета, который якобы соблюдали США в период русско-японской войны. На большом фактическом материале он показывает, как американские империалисты рассчитывали с помощью японских штыков, не пожертвовав «ни единой жизнью и ни одним центом», ослабить Россию, установить «равновесие сил» на Дальнем Востоке, отстоять принцип «открытых дверей» и равных возможностей в Китае, обеспечить и закрепить господство американского капитала сначала в Маньчжурии, а затем и во всем Китае. Мирное посредничество президента США Рузвельта Добров правильно объясняет не боязнью усиления Японии, как утверждают американские буржуазные историки, а стремлением уберечь ее от поражения. Книга Доброва не лишена недостатков — на них обращала внимание критика,— которые проистекают из недооценки автором противоречий между США, Англией и Японией. В ряде мест заметна идеализация отношений японского и американского империализма, затушевывание противоречий между ними, слабо освещена роль Англии, одного из главных подстрекателей японского агрессора.

В 1961 г. вышла книга Л. Н. Кутакова «Портсмутский мирный договор». Это первое специальное исследование истории заключения и последствий Портсмутского мира. Автор разоблачает политику японского империализма, который хотел представить Россию единственным государством, создавшим угрозу миру на Дальнем Востоке. В книге показано, что уступка Южного Сахалина Японии была, с одной стороны, следствием поражения царизма в войне, а с другой — результатом недальновидности правящих кругов России, не понимавших огромного значения Сахалина.

2. Политика России на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. Со вступлением капитализма на рубеже XX в. в империалистическую стадию все большую роль во внешней

политике капиталистических государств начинают играть монополии и финансовый капитал. К этому времени был завершен раздел мира между великими державами и на очередь дня стал вопрос о переделе уже поделенного мира.

Определяющим фактором международной обстановки в конце XIX— начале XX в. становятся противоречия между Англией и Германией. Юнкерско-буржуазная Германия, обогнавшая Англию в промышленном развитии, но менее обеспеченная источниками сырья и рынками сбыта, переходит от континентальной политики к мировой, к созданию колониальной империи: она требует для себя «места под солнцем», перераспределения колоний и сфер влияния. С другой стороны, Англия, несмотря на утрату своей промышленной монополии, стремится не только удержать, но и расширить свои колониальные владения. Франция, восстановив равновесие в Европе при помощи союза с Россией, также переходит к активной экспансии в Африке и Азии, что приводит к обострению ее противоречий с Англией. На Дальнем Востоке завязывается борьба между Россией и Японией. На путь экономической экспансии и прямых захватов в бассейне Тихого и Атлантического океанов стали и США, спровоцировавшие в 1898 г. войну с Испанией.

Усилению позиций царизма на Дальнем Востоке содействовало сооружение Сибирской железной дороги. Постройка этой величайшей в то время магистрали протяжением свыше 7 тыс. *км* началась в 1891 г. одновременно от Челябинска и Владивостока. Приступая к осуществлению проекта Сибирской железной дороги, царское правительство имело в виду в первую очередь интересы экономического развития Сибири и Дальнего Востока, а также укрепление обороны своих дальневосточных границ. Вместе с тем правящие круги России связывали с постройкой Сибирской магистрали надежды на расширение внешних рынков. Витте в докладе царю в 1892 г. указывал, что с сооружением Сибирской железной дороги путь в Китай сократится до 18—20 дней вместо 45 дней через Суэцкий канал, а это выдвинет Россию на первое место «не только как посредника в торговом обмене», но и как крупного экспортера капитала в страны Азиатского Востока. Сооружение Сибирской железной дороги шло быстрыми темпами. Уже в 1901 г. намечалось открыть движение по всей ее линии.

В своей политике на Дальнем Востоке русский царизм столкнулся с другим хищником — японским империализмом, стремившимся также к захватам в Восточной Азии.

После незаконченной буржуазной революции 1868 г. в Японии феодальный строй сменился капиталистическим. К власти пришел реакционный блок полуфеодальных помещиков и крупной буржуазии, стремившийся путем ускоренной милитаризации страны создать необходимые условия для развития самостоятельной и крайне агрессивной внешней политики. Японские милитаристы выдвинули программу создания «великой Японии», в

состав которой должны были входить вся Полинезия, Филиппины, Зондский архипелаг, Австралия, Сиам, Монголия, Маньчжурия, Корея, русские Приморье и Забайкалье, Сахалин и Камчатка. Ближайшей задачей японские милитаристы ставили захват Кореи и Маньчжурии, в которых они видели рынки сбыта и источники сырья для своей промышленности, а также плацдарм для дальнейшей агрессии в Китае и на русском Дальнем Востоке. Англия и США всячески натравливали японцев на Россию, рассчитывая использовать взаимное истощение их в будущей войне, чтобы подчинить себе огромные территории Восточной Азии. Стремясь захватить форпост на азиатском континенте до завершения строительства Сибирской магистрали, японские милитаристы воспользовались народным восстанием в Корее, чтобы под предлогом помощи корейскому народу начать войну против Китая. Россия, которой невыгодно было вместо слабой Кореи иметь своей соседкой сильную Японию, пыталась дипломатическим путем склонить воюющие стороны к мирному соглашению на основе сохранения статус-кво в Корее. Опираясь на поддержку США и Англии, Япония отвергла посредничество России. 13 июля 1894 г. японцы, не объявляя войны, напали недалеко от Чемульпо на транспорты с китайскими войсками. Одновременно японцы высадили свои войска в Сеуле, арестовали королевскую семью и, создав марионеточное правительство, заставили его объявить войну Китаю и обратиться к Японии за «помощью».

Японские войска, не встречая серьезного сопротивления, овладели Кореей, Ляодунским полуостровом, штурмом взяли крепость Порт-Артур, захватили часть китайского флота и стали угрожать Пекину. Феодальный Китай был вынужден просить мира. Во время мирных переговоров, которые происходили в городе Симоносеки, японские захватчики потребовали от Китая, помимо выплаты огромной контрибуции в 200 млн. лян, признания полной независимости Кореи от Китая и уступки Японии острова Тайвань, островов Пэнхуледао и Ляодунского полуострова с Порт-Артуром. Разгромленный Китай дал согласие на эти грабительские условия.

Захват Японией Ляодунского полуострова создавал непосредственно угрозу русскому Дальнему Востоку. Для обсуждения создавшегося положения 30 марта 1895 г. в Петербурге состоялось особое совещание царских министров. Министр финансов Витте предложил предъявить Японии ультиматум об уходе с Ляодунского полуострова, а в случае отказа начать военные действия против Японии на море. Участники совещания согласились с Витте.

В пересмотре Симоносекского мирного договора была заинтересована также Германия, настойчиво стремившаяся овладеть тихоокеанским рынком. Поэтому и она не хотела допустить, чтобы Япония заняла преобладающее положение в Северном Китае. Германская дипломатия в то же время стремилась отвлечь вни-

мание России от европейских дел на Дальний Восток, чтобы столкнуть Россию с Англией, ослабить силы России на восточной границе Германии и изолировать Францию в Европе. По всем этим причинам германское правительство заявило о своей готовности присоединиться к любому шагу, который Россия сочла бы нужным сделать, чтобы заставить японцев уйти из Маньчжурии. Франция, будучи жизненно заинтересованной в военном союзе с Россией, обещала действовать по отношению к Японии также заодно с Россией. 11 апреля 1895 г. Россия, поддержанная Францией и Германией, в ультимативной форме потребовала от японского правительства отказа от аннексии Ляодунского полуострова с Порт-Артуром. Поскольку Россия, Германия и Франция имели на Дальнем Востоке значительные военно-морские силы, Япония сочла благоразумным капитулировать, заявив о своем согласии вернуть Ляодунский полуостров Китаю за вознаграждение в 30 млн. лян.

Захват Японией Тайваня явился началом борьбы «великих держав» за установление сфер влияния в Китае. Используя военную слабость «небесной империи» и предательскую, антинациональную политику ее господствующих классов, Англия, Германия, Франция, Россия стремились усилить свои позиции в Китае.

Ближайшим объектом экспансии царской России явилась Маньчжурия. Лучшим способом сделать ее своей сферой влияния русские правящие круги считали строительство в Маньчжурии железных дорог. В 1895 г. укладка полотна Сибирской железной дороги дошла до Читы (за исключением участка вокруг южной части озера Байкал), и возник вопрос, вести ли дорогу дальше к Владивостоку по русской территории, вдоль амурской дуги или направить ее по кратчайшему и наиболее удобному направлению — через Маньчжурию. Противники «маньчжурского» варианта из военных и помещичьих кругов ссылались на «громадный политический риск» проведения железной дороги по чужой территории. Напротив, инициатор постройки Сибирской железной дороги Витте был горячим сторонником трансманьчжурской линии. Он рассчитывал, что строительство железной дороги через Маньчжурию заложит прочную базу для расширения сферы влияния царизма на Востоке. Выступление России в 1895 г. в защиту «неприкосновенности» Китая от японских посягательств казалось Витте достаточным основанием для того, чтобы укрепить влияние России в Китае, тем более что вскоре после японо-китайской войны Витте оказал новую «помощь» маньчжурской династии. Для уплаты контрибуции Японии Китай искал займа на иностранных денежных рынках. Россия предложила свою гарантию уплаты процентов Китаем. Это помогло Китаю в июле 1895 г. заключить на парижской бирже заем в 400 млн. франков.

Вслед за тем парижские банкиры, принявшие участие в займе, просили Витте, чтобы Россия помогла им в деле расширения

банковской деятельности в Китае. Это желание французских финансистов соответствовало интересам русского банковского и промышленного капитала. Витте полагал с помощью банка, в котором руководящая роль принадлежала бы России, добиться упрочения русского экономического влияния в Китае в противовес тому огромному значению, которое успели приобрести здесь англичане. В 1895 г. министерством финансов был создан Русско-Китайский банк. Учредителями его были группа французских банков, а также Петербургский международный коммерческий банк. Из 6 млн. руб. основного капитала банка $^5/_8$ были размещены во Франции и $^3/_8$ — в России. Зато в правлении банка было только три представителя французских акционеров, пять членов и председатель правления были русскими. Такая «покладистость» французских банкиров объясняется тем, что царское правительство обещало льготы французской промышленности и поддержку французским банкам в Китае в случае международных осложнений.

После получения Китаем гарантированного Россией французского займа и учреждения Русско-Китайского банка царское правительство вступило в переговоры с Китаем о разрешении провести железную дорогу через Маньчжурию.

22 мая 1896 г. в Москве был подписан русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии и о постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Истинные цели этого договора маскировались ссылкой на обязательство царского правительства не допустить новых захватов Японии в Китае. Статья первая русско-китайского договора предусматривала военный союз, который вступал в силу в случае нападения Японии на Китай, Корею или Россию. Чтобы облегчить доступ русским войскам в угрожаемые пункты, Китай предоставлял Русско-Китайскому банку концессию на сооружение железной дороги через Маньчжурию в направлении на Владивосток с русской колеей. Для постройки и эксплуатации этой дороги Русско-Китайский банк образовал общество Китайско-Восточной железной дороги. Формально это общество было частным акционерным предприятием, но фактическим строителем и хозяином дороги являлась казна, взявшая целиком на себя весь акционерный и облигационный капитал общества.

В мае же 1896 г. был подписан договор с Японией о совместном протекторате над Кореей, а через месяц с правительством Кореи было заключено соглашение о передаче руководства финансами страны русскому советнику и обучения армии русским инструкторам.

В 1897 г. был создан Русско-Корейский банк, управление корейскими таможнями было изъято из рук англичан и передано русским.

Еще во время московских переговоров о заключении союзного договора Китай согласился на сооружение ветви от магистра-

ли КВЖД к одному из южно-маньчжурских незамерзающих портов. Правда, китайские представители настаивали тогда на узкой колее, на что царское правительство ответило отказом. Между тем вопрос о приобретении Россией незамерзающего порта после японо-китайской войны получил большое значение. До этого времени русские военные суда пользовались для своих зимних стоянок рейдами и бухтами Японии. Теперь это стало невозможно. Русские военно-морские круги были заинтересованы в приобретении открытого и незамерзающего порта в Китае. Для противодействия японской агрессии в Маньчжурии исключительное значение имел Порт-Артур, из которого флот мог контролировать важнейшие операционные линии японских армий в случае их высадки в Маньчжурии.

Международная обстановка в 1897—1898 гг. была благоприятной для царизма. Германское правительство стремилось отвлечь внимание России от Запада и заставить ее расходовать свои силы в других местах. Вильгельм II льстиво называл в своих письмах Николая II «адмиралом Тихого океана». Германская дипломатия рассчитывала, что Россия в свою очередь не будет препятствовать приобретению Германией военно-морской базы в китайских водах. Впрочем, царское правительство, возможно, еще долго медлило бы и колебалось, если бы его не подтолкнул пример Германии. 2 ноября 1897 г. Германия захватила бухту Цзяочжоу на южном побережье Шаньдуна. Этот агрессивный акт Германии побудил царское правительство действовать более решительно. 4 декабря 1897 г. русская эскадра бросила якорь на рейде Порт-Артура. Царская дипломатия вступила в переговоры с Китаем о передаче России Порт-Артура на условиях аренды.

Еще до прихода русской эскадры в Порт-Артур китайское правительство обратилось к России с просьбой о предоставлении Китаю гарантии по займу в 100 млн. лян для внесения очередного взноса по японской контрибуции. Царское правительство согласилось удовлетворить просьбу с условием предоставления железнодорожной и промышленной монополии русскому капиталу в Маньчжурии.

В ответ на попытку России «закрыть двери» иностранному империализму в Северный Китай английское правительство заявило, что оно «твердо решило любой ценой и, если нужно, силой удержать китайский рынок открытым для себя». Япония тоже заняла воинственную позицию. Тогда царское правительство решило отказаться от гарантии китайского займа в пользу Англии и от своего преобладающего влияния в Корее в пользу Японии. По соглашению с Японией от 13 апреля 1898 г. Россия обязалась не препятствовать развитию торговых и промышленных отношений между Японией и Кореей.

По договору 15 марта 1898 г. Россия получила в аренду Порт-Артур с правом создания в нем военно-морской базы и порт

Далянвань, позднее переименованный в Дальний. Китайское правительство предоставило также концессию обществу КВЖД для постройки ветки от одной из станций магистральной линии к Порт-Артуру. Вслед за этим Англия захватила Вэйхайвэй, заключив с Китаем договор об «аренде» этого порта на срок, пока Россия будет удерживать Порт-Артур. Не располагая в тот момент необходимой военной силой для захвата сфер влияния в Китае, где закрепились другие империалистические державы, США в ноте государственного секретаря Хэя от 6 сентября 1899 г. под флагом защиты целостности и независимости Китая провозгласили политику «открытых дверей и равных возможностей» для торговли всех государств в Китае. Суть этой политики заключалась в том, что правительство США, признавая чужие «сферы влияния», вместе с тем требовало от заинтересованных в Китае держав признать порядок, согласно которому портовые сборы, тарифы, таможенные пошлины должны быть одинаковыми для товаров всех стран. При этом условии американские империалисты рассчитывали благодаря возросшей мощи своей промышленности одержать победу в экономической борьбе над своими конкурентами и в конечном счете занять господствующее положение на всем китайском рынке. Вместе с тем американский принцип «открытых дверей» преследовал цель отвлечь внимание китайского народа от происходившего раздела страны и представить США в роли спасителя независимости Китая.

В ответ на колониальную экспансию империалистических держав в Китае вспыхнуло народное восстание, возглавленное тайным обществом «Ихэтуань» и направленное против иностранной агрессии и капитулянтской политики продажного цинского режима.

Восстание ихэтуаней приобрело наибольший размах в северо-восточных провинциях Китая — Шаньдуне и Чжили. В середине июня восставшие вошли в Пекин и осадили посольский квартал. Движение ихэтуаней распространилось и на Маньчжурию. Царское правительство под предлогом охраны КВЖД ввело туда свои войска. Войска империалистических держав якобы для «защиты дипломатических представителей» двинулись из Тяньцзиня на Пекин. Столица Китая была оккупирована, пекинские дворцы разграблены.

Буржуазная пресса всех стран прикрывала разбой империалистов лицемерными криками о «ненависти китайцев к европейской культуре», о «цивилизаторской миссии» империалистов в Китае и т. д. В разгар этой шовинистической травли рабочий класс России поднял свой голос в защиту китайского народа. В № 1 «Искры» была напечатана статья В. И. Ленина «Китайская война», проникнутая горячим сочувствием к китайскому народу и ненавистью к его угнетателям.

Правительства одиннадцати государств 25 августа (7 сентября) 1901 г. навязали Китаю грабительский договор, унижавший

национальное достоинство Китая. По этому договору Китай обязался уплатить в течение 39 лет контрибуцию в 450 млн. лян при 4% годовых, что в итоге составляло 1,5 млрд. руб., а также казнить руководителей восстания и воздвигнуть «искупительные» памятники убитым иностранным дипломатам.

Единый фронт империалистических государств против революционно-освободительного движения китайского народа отнюдь не снял противоречий между ними. После подавления восстания ихэтуаней борьба за господство в Китае вспыхнула с новой силой.

Царское правительство опасалось, что его соперники на Дальнем Востоке — европейские и американские империалисты — воспользуются незаконченностью укреплений Порт-Артура для усиления своих позиций в Китае. Поэтому при переговорах в Пекине правительство России заняло «сдерживающую» линию. Оно не поддержало тяжких и унизительных для Китая требований других держав и, в частности, настаивало на снижении денежных претензий к Китаю. Царское правительство уже в ноте от 12 августа 1900 г. заявило, что, поскольку порядок в Пекине восстановлен, оно отводит свои войска и ожидает, что и другие державы последуют его примеру.

Еще до окончания общих пекинских переговоров царское правительство начало сепаратные переговоры с Китаем об условиях вывода из Маньчжурии русских войск. Царская дипломатия добивалась, чтобы китайское правительство не предоставляло в Маньчжурии, Монголии и Западном Китае никаких концессий на постройку железных дорог, разработку рудных месторождений и каких бы то ни было промышленных предприятий иностранным державам без согласия русского правительства. Кроме того, царское правительство стремилось получить для общества КВЖД концессию на сооружение и эксплуатацию железнодорожной линии от одного из пунктов КВЖД по направлению к Пекину. В русском проекте соглашения были также пункты, обязывающие Китай не иметь в Маньчжурии войск. Содержание русских предложений было сообщено Китаем Англии и Японии. Прикидываясь сторонником «неприкосновенности» Китая, Япония обещала «при всех случаях» оказать ему содействие в том, чтобы добиться своевременного очищения Маньчжурии от русских войск.

Агрессивная позиция Японии в отношении России объясняется тем, что большая программа японских вооружений к этому времени была завершена и Япония в военном отношении была готова к нападению на Россию. Учитывая, однако, уроки 1895 г. когда Япония потерпела дипломатическое поражение, действуя в переговорах с Китаем изолированно, без консультации с западными державами, японское правительство теперь в своем конфликте с Россией стремится заручиться поддержкой этих держав.

Вот почему оно тщательно маскировало собственные агрессивные планы в отношении Кореи и Маньчжурии лицемерными заверениями о своей верности американской доктрине «открытых дверей». 12 марта 1901 г. Япония заявила резкий протест в Петербурге по поводу того, что Россия заключает какое-то соглашение с Китаем относительно Маньчжурии втайне от других держав, имеющих там свои «интересы». Этому выступлению Японии предшествовало обещание Германии соблюдать «благожелательный нейтралитет» по отношению к Японии в случае ее войны с Россией. Английская поддержка японской ноты заключалась в давлении на Китай, который по совету Англии отказался подписать русский проект соглашения о Маньчжурии.

Тогда царское правительство выступило с новыми предложениями. 27 июля 1901 г. оно выразило готовность вывести свои войска, если Китай даст Русско-Китайскому банку обязательство не предоставлять в Маньчжурии никаких железнодорожных и промышленных концессий, ранее не предложив их банку. Речь, таким образом, шла об установлении в Маньчжурии промышленной монополии Русско-Китайского банка, за спиной которого стояло царское правительство. В новых русских предложениях были опущены пункты о продолжении КВЖД до Китайской стены и о запрещении Китаю содержать свои войска в Маньчжурии. Однако и в этой «смягченной» редакции русские предложения были признаны Китаем неприемлемыми.

Неудачу второй русской попытки сепаратного соглашения с Китаем о Маньчжурии надо поставить в связь с заключением англо-японского союза.

Британская дипломатия в начале XX в. отказалась от своей традиционной политики «блестящей изоляции» и взяла курс на сближение с Россией и Францией. Первоначально, однако, эта политика встретила взаимность лишь со стороны Франции, мечтавшей о реванше против Германии за поражение 1870 г. Что касается России, то противоречия между ней и Англией в Азии были настолько остры, что зондаж британской дипломатии в 1903 г. относительно примирения и соглашения с Россией потерпел полный провал, в результате чего английское правительство решило пока ограничиться соглашением только с союзницей России Францией, а затем через посредство Франции добиться сближения и с Россией. Английская дипломатия рассчитывала руками Японии ослабить военную мощь царизма и тем самым сделать его более сговорчивым в отношении разграничения сфер влияния в Азии.

По инициативе британского правительства осенью 1901 г. в Лондоне между Англией и Японией начались переговоры, которые привели к подписанию 17 (30) января 1902 г. союзного договора, явно направленного против России. По этому договору Англия в случае, если Японии пришлось бы сражаться не с одним, а с двумя или больше государствами, должна была прийти

ей на помощь и воевать с ней совместно. Таким образом, англо-японский договор страховал Японию на случай выступления на стороне России третьей державы, например Франции или Германии. Кроме того, этот договор обеспечивал в известной мере морские коммуникации Японии, так как Англия брала на себя обязательство держать в дальневосточных водах флот более сильный, чем флот любой третьей державы.

Спустя четыре дня после подписания англо-японского договора США выступили с нотой протеста против монополии Русско-Китайского банка, а 30 января 1902 г. Китай официально отказался подписать банковское соглашение, предложенное Витте.

Перед лицом общего англо-американского фронта царское правительство прибегло к дипломатическому маневру. 26 марта 1902 г. оно подписало с Китаем договор о выводе русских войск из Маньчжурии в течение 18 месяцев, не упоминая ни о каких монополиях и банковских соглашениях. Однако эвакуация войск из Маньчжурии ставилась в зависимость от «общего спокойствия и образа действий других держав».

Дипломатические неудачи усугубляли разброд в правящих кругах России, вызванный бурным ростом революционного движения в стране. Одним из признаков разложения царизма было усиление влияния на ход государственных дел дворцовой камарильи, отражавшей интересы самых реакционных и авантюристических элементов феодальной знати. В области внешней политики это проявилось в «безобразовщине».

В 1898 г. группой лиц из ближайшего окружения царя было образовано акционерное общество для эксплуатации естественных богатств Кореи. В числе акционеров этого общества были шурин царя великий князь Александр Михайлович, министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков, светлейший князь Ф. Ф. Юсупов, будущий председатель III и IV Государственных дум М. В. Родзянко, камергер И. П. Балашев, контр-адмирал А. М. Абаза, отставной офицер кавалергардского полка А. М. Безобразов. Последний играл наиболее видную роль в этой компании, почему она и получила название «безобразовской шайки». Не обладая опытом ведения коммерческих предприятий и не желая рисковать собственными капиталами, безобразовцы использовали свои высокие политические связи для получения из Государственного банка безвозвратных ссуд под дутые предприятия к Корее.

Безобразовцы не ограничились коммерческими аферами. Они начали выступать в роли негласных советчиков царя по вопросам внешней политики. При этом они не внесли ничего нового в программу русского царизма на Дальнем Востоке. Обвиняя официальную дипломатию в «политике уступок» по отношению к Китаю и Японии, безобразовцы внушали Николаю II, что такая политика, свидетельствуя о слабости России на Даль-

нем Востоке, неминуемо приведет к войне. После заключения англо-японского договора они советовали царю немедленно провозгласить присоединение Маньчжурии к русским владениям, поставив не только иностранцев, но и русскую дипломатию перед «совершившимся фактом». Для обеспечения интересов царизма в Маньчжурии Безобразов выдвинул проект создания на границе между Кореей и Маньчжурией «стратегического заслона» от японцев, использовав для этого лесную концессию на левом берегу реки Ялу. Под видом «лесорубов» на корейский берег Ялу был послан отряд русских солдат.

Тем временем политика Витте, пытавшегося незаметно «закрыть двери» иностранному капиталу в Маньчжурии, явно зашла в тупик. Строя грандиозные планы «мирного завоевания» Маньчжурии посредством железных дорог, банков и промышленных предприятий, Витте переоценил экономические возможности царской России и ее конкурентоспособность по отношению к старым колониальным государствам. Чтобы обойти соглашение с Китаем от 26 марта 1902 г. о выводе русских войск из Маньчжурии, Витте в докладе царю предлагал именовать полевые войска охранной стражей КВЖД, а также образовать из нижних чинов, уволенных в запас, солдатские поселки в полосе отчуждения КВЖД. Вместе с тем Витте предложил еще раз сделать попытку добиться от Китая гарантии «нерушимости» интересов царизма в Маньчжурии. В ноте от 23 марта 1903 г. царское правительство добивалось, чтобы Китай не уступал другим государствам территории в эвакуируемых местностях под видом аренды, концессий и т. д., а также не открывал для иностранной торговли новых пунктов в Маньчжурии без согласия России и не допускал иностранцев на административные посты в Маньчжурии. Выступая с такой нотой, царское правительство предполагало, что Япония не будет мешать России в Маньчжурии, надо только «временно» поступиться Кореей в пользу японцев. Витте, военный министр А. Н. Куропаткин и министр иностранных дел В. Н. Ламздорф были твердо убеждены (и японская дипломатия всячески поддерживала в них это заблуждение), что из-за Маньчжурии Япония не будет воевать, зато проводимая Россией политика в Корее сопряжена с риском войны с Японией. Вот почему группа Витте относилась отрицательно к безобразовским затеям в Корее.

Расчеты Витте ценой уступок в корейском вопросе получить согласие Японии предоставить России свободу рук в Маньчжурии не оправдались. Правда, в правящей верхушке Японии была влиятельная группа во главе с князем Ито, которая расходилась с японской военщиной относительно методов и темпов осуществления агрессивной программы японского империализма. Ито хотел создания японской континентальной империи постепенно, отдельными этапами. Сперва он предлагал по соглашению с Россией получить полный контроль над Кореей, а затем

уже добиваться изгнания русских из Маньчжурии. Но милитаристские круги Японии хотели осуществления своих захватнических планов одновременно в отношении Кореи и Маньчжурии. После заключения англо-японского союза Ито снял свои предложения о соглашении с Россией по корейскому вопросу и примкнул к этим кругам.

Узнав о русской ноте от 23 марта 1903 г., Англия, США и Япония тотчас же заявили протест против нарушения своих «трактатных» прав в Маньчжурии. Японские газеты помещали шовинистические статьи, угрожая России войной. Китайское правительство поспешило заявить, что оно будет обсуждать с Россией «любые вопросы о Маньчжурии лишь по эвакуации».

Безрезультатность дипломатического нажима на Китай усиливала шансы безобразовцев в их борьбе против «триумвирата» — Витте, Ламздорфа и Куропаткина. 30 июля 1903 г. главный начальник Квантунской области Е. И. Алексеев был назначен наместником царя на Дальнем Востоке с резиденцией в Порт-Артуре. Ему дано было право дипломатических сношений от имени царя, а 16 августа последовала отставка Витте, пытавшегося «отсрочить» войну с Японией, чтобы лучше к ней подготовиться. Эвакуация русских войск из Маньчжурии была приостановлена. Более того, Мукден и Инкоу, которые были раньше эвакуированы, вновь были оккупированы русскими войсками. Однако наращивание русских военных сил на Дальнем Востоке шло при «новом курсе» чрезвычайно медленно. Дело в сущности ограничилось переброской двух бригад из Европейской России. Почти ничего не было сделано и для ускорения работ по укреплению Порт-Артура.

Стремление царизма к военным авантюрам усиливалось его страхом перед надвигающейся революцией. Министр внутренних дел Плеве считал, что для укрепления положения царизма и удержания России от революции «нужна маленькая победоносная война».

После заключения союзного договора с Англией Япония твердо взяла курс на развязывание войны против России. К этому ее подталкивали империалисты Англии, США и даже Германии, заинтересованные в том, чтобы возможно быстрее ослабить в войне и Россию, и Японию. Провоцируя нападение Японии на Россию, западные дипломаты указывали на то, что сейчас японские вооруженные силы на Дальнем Востоке превосходят силы России, но что положение коренным образом изменится после окончания сооружения Сибирской железнодорожной магистрали. Желая придать больше смелости японским милитаристам, американский президент Т. Рузвельт обещал в случае войны «стать на сторону Японии».

Разлад в аппарате царизма не остался незамеченным японской дипломатией. Последняя полагала, что «новый курс» царизма с его бряцанием оружием облегчит ей развязывание вой-

ны, что мировое общественное мнение признает виновником одну Россию. С этой целью, а также для маскировки своего уже готовившегося внезапного нападения на русскую Тихоокеанскую эскадру Япония решила продемонстрировать свое мнимое желание прийти к соглашению с Россией по спорным вопросам.

30 июля 1903 г. Япония предложила России предварительно одобренный Англией проект соглашения о Корее и Маньчжурии. В этом проекте Япония требовала исключительного права подавать Корее советы и оказывать помощь, в том числе и военную. Это означало в сущности превращение Кореи в японскую полуколонию. Интересы России в Маньчжурии Япония признавала только в области железнодорожного транспорта.

Царское правительство вследствие неподготовленности России к войне проявило большую уступчивость. Русский ответ от 25 декабря 1903 г. гласил, что если Япония согласится не использовать Корею в стратегических целях и признать часть корейской территории к северу от 39-й параллели нейтральной зоной, то соглашение будет предусматривать, что Россия в Маньчжурии «не будет чинить препятствий Японии и другим державам в пользовании правами и преимуществами, приобретенными ими в силу существующих договоров с Китаем, за исключением устройства сеттльментов».

Признание Россией принципа «открытых дверей» в Маньчжурии грозило спутать все карты в игре японских империалистов. Дело в том, что во время переговоров с Россией Япония всячески подчеркивала свою верность американской доктрине «открытых дверей» в Китае. В действительности же японские империалисты хотели не равных возможностей для всех иностранных империалистических групп в Маньчжурии, а обеспечения там своего монопольного хозяйничанья. Они добивались не только овладения Кореей, но и политического господства в Маньчжурии, с тем чтобы превратить ее в плацдарм для последующих завоеваний на азиатском континенте. Ясно, что осуществление этих далеко идущих политических замыслов было возможно лишь при условии военного разгрома России. Поэтому японское правительство решило форсировать развязывание войны любыми средствами, тем более что оно получило новое подтверждение поддержки со стороны США и Англии. 25 декабря 1903 г. английское правительство сообщило о своем согласии предоставить Японии заем сразу же после открытых военных действий, а спустя несколько дней США известили японское правительство, что в случае войны «американская политика будет благожелательна Японии». Не сомневаясь в поддержке США и Англии, японское правительство 31 декабря 1903 г. направило России новую ноту, в которой ультимативно потребовало безоговорочного принятия всех японских условий соглашения. 21 января царское правительство, стремясь выиграть время, направило в Токио по телеграфу ноту, в которой пошло на новые уступки: оно обязалось

уважать права Японии и других держав в Маньчжурии, сняло свое возражение против организации иностранных сеттльментов, отказалось от создания нейтральной зоны в Корее, настаивая лишь на «неиспользовании Кореи в стратегических целях». Но эта телеграмма была задержана японским телеграфом на двое суток и вручена посланнику России лишь 25 января. Накануне же, сославшись на «необъяснимую» медлительность царского правительства, Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, а в ночь на 27 января неожиданно и вероломно, без объявления войны осуществила нападение своего флота на русскую эскадру в Порт-Артуре

3. Начало войны. Оборона Порт-Артура. Сражение под Ляояном. Русско-японская война была империалистической по своему характеру как со стороны царской России, так и со стороны Японии, ибо обе страны стремились к захвату Кореи и Маньчжурии. Япония, кроме того, мечтала о захвате Сахалина и русского Дальнего Востока.

Война началась в обстановке внешнеполитической изоляции России. На другой день после нападения японского флота на Порт-Артур американский президент Т. Рузвельт доверительно писал своему сыну, что он был бы «в высшей степени доволен японской победой, так как Япония ведет нашу игру».

В течение всей войны Англия и США щедро помогали Японии займами, углем, нефтью, стратегическим сырьем, вооружением. На английских верфях строились японские корабли, японские офицеры обучались в Англии военно-морскому делу. Английское правительство не допустило прохода русской Черноморской эскадры через Дарданеллы. За время войны США, Англия и Германия предоставили Японии займы на общую сумму 410 млн. долларов. Это покрыло 50% расходов Японии на ведение войны.

Русско-японская война подвергла серьезному испытанию франко-русский союз. Отвлечение русских сил на Дальний Восток обесценивало в глазах французской дипломатии союз с Россией, весь смысл которого заключался для Франции в использовании русских сил в Европе против Германии. В этих условиях французское правительство 28 января 1904 г. заявило о том, что оно будет соблюдать в дальневосточном конфликте нейтралитет.

В противоположность Франции Германия всячески стремилась оттянуть силы России на Дальний Восток, с тем чтобы обезопасить себе тыл на случай войны против Франции и по возможности обострить англо-русские противоречия. После японского ультиматума от 31 декабря 1903 г. германское правительство не только отклонило неофициальное русское предложение взять на себя посредничество, но больше всего опасалось, как бы Николай II в последний момент не отступил и война бы не сорвалась. Во время войны Вильгельм II убеждал русского царя перевести войска с западной границы на Дальний Восток, обещая быть «верным стражем» интересов России в Европе. Германское пра-

вительство дало разрешение на размещение русского займа в Берлине. Немецкие фирмы поставляли уголь эскадре Рожественского. Эти услуги были, разумеется, не бескорыстными. В июле 1904 г. Германия навязала России невыгодный для нее торговый договор.

Россия оказалась неподготовленной к войне не только в дипломатическом, но и в военно-техническом отношении. Состояние русских вооруженных сил — вооружение, боевая подготовка царской армии и флота — отражало экономическую, государственную и культурную отсталость России. Реакционный царский режим препятствовал развитию производительных сил страны, что ослабляло и боевую мощь армии и флота. Многие замечательные изобретения русских ученых не применялись в царской армии. Военное ведомство отказалось предоставить средства изобретателю радио А. С. Попову для установления радиосвязи на судах Тихоокеанского флота.

Командный состав был оторван от солдат и плохо подготовлен к руководству боевыми операциями. Для генералов было характерно отсутствие инициативы, настойчивости, неумение организовать взаимодействие частей и соединений. Военная доктрина была отсталой, основанной на опыте еще наполеоновских войн. В русской армии были и талантливые военачальники (адмирал С. О. Макаров, генерал Р. И. Кондратенко), но они не могли преодолеть отсталости, косности и бюрократизма, царивших в ней.

В военной среде, особенно среди высших чинов, процветали казнокрадство и взяточничество. Невероятные хищения происходили в адмиралтействе. Не удивительно, что при колоссальных затратах состояние военных кораблей было неудовлетворительным.

Прогнивший царский режим делал все, чтобы заглушить в «нижнем чине» природную сметливость, инициативу, энергию, твердость воли, унизить чувство национальной гордости. Вся система воспитания русского солдата была направлена к тому, чтобы сделать из него слепое и безвольное орудие царского деспотизма. Вместо обучения современной тактике боя солдат изнуряли бессмысленной шагистикой и ружейными приемами. В армии процветали брань, зуботычины, унизительные наказания.

Угроза японского нападения не была тайной для царского правительства. Однако сосредоточение русских войск на Дальнем Востоке происходило медленно. Тихоокеанская эскадра редко выходила в море, а двусторонних маневров вовсе не проводилось.

Театр военных действий царским командованием не изучался. В штабах имелись карты районов только южнее Ляояна. Не удивительно поэтому, что в походе русские войска то и дело натыкались на неизвестные перевалы и сопки. Войскам приходилось производить рекогносцировку под огнем противника. Из-за отсутствия достаточного количества полевых телефонов связь, как и во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., поддержи-

валась преимущественно через конных ординарцев. Не позаботилось военное ведомство и о снабжении войск горной артиллерией, которая наиболее отвечала топографическим условиям театра войны. Царское командование недооценивало автоматическое оружие и своевременно не обеспечило армию необходимым количеством пулеметов. В Тихоокеанской эскадре не хватало крейсеров и особенно миноносцев. Царский генеральный штаб недооценивал военные силы Японии, имея о состоянии их неверные и путаные сведения.

Японская армия технически была оснащена лучше русской, отличалась хорошей индивидуальной подготовкой солдат. Программа японских вооружений была выполнена в намеченные сроки. В 1903 г. происходили последние приготовления к войне. Были проведены пробная мобилизация, сборы запасных на маневры, мобилизация промышленности для нужд войны, заканчивалось оборудование военно-морских баз, шла подготовка морского транспорта для переброски войск на континент. Японский флот всю зиму 1903 г. провел в открытом море, производя учения и практические стрельбы. Японские суда были построены на английских верфях с учетом новейших достижений в военном кораблестроении. Они превосходили русские суда по мощи артиллерийского огня и скорости хода. Японское командование отлично понимало, что без завоевания господства на море Япония не может рассчитывать на успех в войне.

Важную роль господствующие классы Японии отводили идеологической подготовке к войне. Для прикрытия и оправдания агрессии пропагандировалась мысль о «перенаселенности» японских островов. Японскому солдату внушали бредовую идею о превосходстве японской нации и ее непобедимости. Миллионными тиражами печатались карты «Великой Японии». Шовинистической пропагандой в стране руководили многочисленные военизированные общества: «Черный дракон», «Черный океан» и др. Эти организации занимались также шпионской и диверсионной деятельностью. Японские разведчики, нередко офицеры генерального штаба, устраивались под видом парикмахеров, поваров, переводчиков в стратегически важных пунктах на линии КВЖД, на русских военно-морских базах. Шпионы были и в Порт-Артуре. Хорошая осведомленность японцев о подготовке и дислокации русских вооруженных сил значительно облегчала им планирование военных операций.

В ночь на 27 января 1904 г. русская эскадра, стоявшая на внешнем рейде Порт-Артура, была внезапно атакована японскими миноносцами. Броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили серьезные повреждения. В первый же день войны крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец», находившиеся в нейтральном корейском порту Чемульпо, подверглись нападению японской эскадры в составе 14 кораблей. Утром 27 января командир «Варяга» капитан 1-го ранга В. Ф. Руднев

получил ультиматум командующего японской эскадрой контр-адмирала Уриу до полудня уйти с рейда, иначе русские корабли будут атакованы в порту. Руднев принял смелое решение: прорваться с боем в Порт-Артур. «Варяг» и «Кореец» снялись с якоря и под звуки боевого марша пошли к выходу с рейда. Заметив русские корабли, японский флагман поднял сигнал с предложением о сдаче в плен. Руднев оставил этот сигнал без ответа. Японские корабли открыли огонь. Вступив в бой, «Варяг» сосредоточил свой огонь на флагманском крейсере «Азима». Вскоре на «Азиме» был разрушен кормовой мостик и повреждена кормовая башня. Были отмечены удачные попадания и в другие корабли. Японский миноносец, пытавшийся торпедировать «Варяг», был накрыт меткими залпами русского крейсера и потоплен. Неравный бой с японскими кораблями продолжался 45 минут. «Варяг», получив несколько подводных пробоин, возвратился с «Корейцем» в Чемульпо. Не желая спустить боевой флаг перед врагом, русские потопили крейсер на рейде, а канонерскую лодку взорвали. Экипажи этих кораблей перешли на нейтральные военные суда, стоявшие в Чемульпо.

В основе японского плана войны лежал захват господства на море. Только уничтожение русского Тихоокеанского флота или по меньшей мере блокирование его главных сил в порт-артурской бухте могло обеспечить японцам возможность высадки их войск в различных пунктах Кореи и Ляодунского полуострова для последующих охватывающих операций против главных сил русских в Южной Маньчжурии. Попытки японцев закрыть русскому флоту выход из Порт-Артура при помощи пароходов-брандеров были отражены огнем судов и приморских батарей крепости. Безуспешной оказалась и попытка вражеских кораблей уничтожить Тихоокеанскую эскадру перекидным огнем по внутреннему рейду Порт-Артура.

Сухопутные силы России на Дальнем Востоке в начале войны были явно недостаточны — всего около 100 тыс. солдат, дислоцированных от Владивостока до Порт-Артура. Поэтому царское командование решило до сосредоточения достаточных сил в районе Ляоян — Мукден держаться пассивно-оборонительного плана действий. Такой план уступал инициативу японцам с самого начала войны. План действий на море ставил перед флотом задачу сохранить господство на море и не допустить высадки японцев в Корее, Приамурье и на Ляодуне.

24 февраля в Порт-Артур прибыл новый командующий Тихоокеанским флотом — вице-адмирал Макаров. Он вышел из матросской семьи, достиг высших военно-морских отличий исключительно благодаря своим выдающимся способностям.

Прибыв в Порт-Артур, Макаров поставил перед эскадрой задачу добиться превосходства над японским флотом. Он энергично принялся за боевую подготовку кораблей к решительному сражению с противником. В порту закипела работа по ремонту повреж-

денных кораблей. Для обороны внешнего рейда были созданы минные заграждения, на подступах к бухте были затоплены пароходы и баржи, на берегу устанавливались наблюдательные посты и прожекторные батареи.

Под командованием Макарова эскадра стала активно действовать против японского флота. Она выходила в море и удалялась от крепости на значительное расстояние. Миноносцы все время держались в море и смело вступали в бой с вражескими кораблями. В ночь на 26 февраля миноносцы «Решительный» и «Стерегущий», возвращаясь с разведки восточного побережья Квантуна, встретились с четырьмя японскими миноносцами. Русские миноносцы открыли по врагу огонь и полным ходом пошли к Порт-Артуру. Но наперерез им устремились два вражеских крейсера. «Решительный» успел уйти под защиту береговых батарей. «Стерегущий» же вступил в неравный бой с шестью кораблями противника. Артиллерийским огнем «Стерегущего» были нанесены серьезные повреждения двум японским миноносцам. Но врагу удалось вывести из строя кормовое орудие миноносца, повредить котлы и рулевое управление. Тяжело раненный командир «Стерегущего» лейтенант А. С. Сергеев оставался на боевом посту. Вскоре он был убит. Мичман Кудревич продолжал вести огонь из единственного уцелевшего носового орудия, но и он погиб от прямого попадания японского снаряда. Последнее орудие замолчало. Японцы уже приготовились взять миноносец на буксир. Тогда машинный квартирмейстер В. Н. Новиков открыл кингстоны, и отважный русский корабль пошел ко дну. «Стерегущий» затонул, но не сдался врагу.

С каждым днем действия русской эскадры становились все решительнее и опаснее для неприятеля. Поэтому японцы не могли начать десантные операции на Ляодунском полуострове. После неудачной попытки преградить вход в бухту брандерами японцы разбросали мины на подступах к бухте.

31 марта миноносец «Страшный», возвращаясь с ночной разведки, принял в темноте японские суда за русские и поднял свои позывные. Это и погубило его. В ответ на позывные грянул залп, а когда чуть забрезжил рассвет, стали видны очертания шести вражеских миноносцев и двух крейсеров. Окружив «Страшный», японские корабли стали осыпать его снарядами. «Страшный» дал полный ход и начал отстреливаться. Героической команде «Страшного» удалось торпедировать японский крейсер. Но слишком неравными были силы противников. Командир миноносца лейтенант Юрасовский еще в начале боя был убит, орудия подбиты, машина остановилась, но команда продолжала сражаться до конца. На выручку «Страшного» полным ходом шел крейсер «Баян», но было уже поздно. «Страшный» медленно погружался в воду. Подобрав в воде четырех матросов и одного офицера, «Баян» вернулся в Порт-Артур. Беспокоясь, что, возможно, не все люди спасены, Макаров сам вышел на броненосце

«Петропавловск» в сопровождении броненосцев «Полтава», «Пересвет» и крейсера «Баян» к месту гибели «Страшного». Вскоре русские корабли настигли отряд японских крейсеров и завязали с ними бой. Японские крейсеры стали поспешно отходить. На горизонте показались главные силы японского флота. Намереваясь завлечь неприятельскую эскадру под огонь прибрежных крепостных батарей и затем атаковать ее, Макаров приказал своим кораблям повернуть к Порт-Артуру. Поравнявшись с Золотой горой, «Петропавловск» стал разворачиваться и наскочил на вражескую мину. Корабль, весь окутанный паром, накренился на борт и через полторы минуты скрылся под волнами вместе с Макаровым, его штабом, 29 офицерами и 652 матросами. Погиб и находившийся на борту знаменитый художник В. В. Верещагин. Вслед за «Петропавловском» на мину наскочил броненосец «Победа», получив серьезные повреждения. После этого в строю у русских из семи броненосцев осталось три. Гибель Макарова была тяжелой утратой для всего русского флота, и особенно для защитников Порт-Артура. Узнав о гибели Макарова, японская главная ставка отдала приказ немедленно начать высадку войск на Ляодунском полуострове.

Новый командующий Тихоокеанской эскадрой, бездарный и трусливый контр-адмирал В. К. Витгефт не верил в успех борьбы с японским флотом и отказался от активных действий против врага. Часть судовой артиллерии была свезена на береговые форты. Не вывела из бездействия Витгефта и редкая удача, когда 2 мая на минах, поставленных моряками минного заградителя «Амур» на обычных путях движения японской эскадры, блокировавшей Порт-Артур, подорвались лучшие японские броненосцы «Хацусе» и «Яшима». Витгефт мог бы тогда предпринять наступательные действия против японского флота, но он не использовал этой благоприятной обстановки. Укрывшись в Порт-Артуре, русская эскадра без борьбы признала японское господство на море. Это обеспечило переброску японских армий на материк.

К моменту высадки японцев общая численность русских войск в Маньчжурии достигла 102 тыс. человек. Этих сил было достаточно, чтобы активно противодействовать высадке и проникновению японских армий в глубь материка. Но командующий царской армией в Маньчжурии генерал А. Н. Куропаткин действовал пассивно. Этот генерал никогда не доводил сражений до конца, панически боялся охватов и обходов противника, всегда держал в резерве большие силы, боясь пускать их в бой в решающий момент. По Куропаткину, выходило, что только после сосредоточения всех назначенных в маньчжурскую армию войск, т. е. примерно через полгода, царская армия могла бы начать наступление на японцев. Такая пассивная тактика русского командования уступала инициативу противнику. Между Куропаткиным с правами самостоятельного и ответственного начальника и наместником царя на Дальнем Востоке, ловким царедворцем Е. И. Алек-

сеевым, назначенным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России, действовавшими против Японии, не прекращались мелкое интригантство, соперничество, что также отрицательно влияло на ход войны.

Уже в начале военных действий на суше русские войска постигла неудача. В феврале 1904 г. 1-я японская армия численностью в 60 тыс. человек под командованием генерала Куроки высадилась в Корее и к середине апреля сосредоточилась на левом берегу реки Ялу. Она должна была форсировать Ялу и выдвинуться к Фынхуанчэну, чтобы занять фланговую позицию по отношению к главным силам русской армии в районе Ляояна и прикрыть высадку японских войск на Ляодунском полуострове для операций против Порт-Артура.

Несмотря на выгодность русской позиции на реке Ялу, Куропаткин предложил командующему Восточным отрядом генералу М. И. Засуличу избегать решительного сражения и в случае нападения на него превосходящего противника отходить к главным силам царской армии. Основная позиция Восточного отряда была выбрана у города Тюренчена, на высоком, правом берегу Ялу. Противоположный берег спускался к реке пологими скатами. Хотя на тюренченской позиции русские войска стояли несколько месяцев, беспечное командование ничего не сделало для усиления ее природных оборонительных преимуществ. Наспех возведенные укрепления не защищали солдат даже от ружейного огня противника, орудия стояли на открытых позициях. Не имея никаких сведений о группировке противника, Засулич разбросал свои силы почти на 100-километровом фронте. Японское командование имело в направлении главного удара шестикратное превосходство в силах, и в ночь на 18 апреля после сильной артиллерийской подготовки части противника переправились через Ялу и заняли Тюренчен, перехватив единственную дорогу на пути отступления отряда. Под угрозой полного окружения Восточный отряд в беспорядке отступил к Ляояну, потеряв 2780 человек, 21 орудие и 8 пулеметов. Армия Куроки овладела Фынхуанчэном, прикрыв таким образом высадку 2-й и 3-й японских армий.

Добившись превосходства на море и приступив к переброске своих армий на материк, японское командование решило развивать наступательные операции одновременно в двух направлениях — против Порт-Артура и против главных сил в Южной Маньчжурии.

22 апреля на Ляодунском полуострове, у Бицзыво, в тылу Порт-Артура, стала высаживаться 2-я японская армия генерала Оку численностью до 50 тыс. человек. Она перерезала железнодорожное сообщение Порт-Артура с Маньчжурией и начала штурм русских укреплений на Цзиньчжоуском перешейке, который называли «воротами к Порт-Артуру». Потеря их предрешала участь неукрепленного порта Дальнего и открывала японцам доступ к Порт-Артуру. Позиция на Цзиньчжоуском перешейке за-

щищалась лишь одним 5-м Восточно-Сибирским полком. 13 мая японские дивизии при поддержке 200 орудий перешли в наступление, стремясь охватить оба фланга русских. Противник превосходил обороняющихся в артиллерии в 3 раза, а в личном составе — почти в 10 раз. Со стороны моря японцев поддерживали огнем военные корабли. К 9 часам утра почти все орудия на русских позициях были выведены из строя. Тем не менее в течение первой половины дня все атаки противника были отбиты. Но генерал А. В. Фок, на которого была возложена оборона перешейка, не поддержал резервами истекавший кровью 5-й Восточно-Сибирский полк. От огня вражеской артиллерии этот полк потерял треть своего состава, и, после того как японцы обошли левый его фланг, он был вынужден отойти. Вслед за этим русские войска поспешно оставили город Дальний, даже не успев полностью разрушить портовые сооружения. Это дало возможность японцам сразу же использовать Дальний как базу для операций против Порт-Артура и армии Куропаткина. Для действий против Порт-Артура японцы создали 3-ю армию под командованием генерала Ноги. Армия Оку была двинута вдоль железной дороги на север для наступления совместно с 1-й армией генерала Куроки против главных сил Куропаткина. У Дагушаня высадилась 4-я японская армия генерала Нодзу, которая тоже наступала на север между армиями Куроки и Оку.

Царское правительство, опасаясь за участь Порт-Артура, дало Куропаткину в мае директиву перейти в наступление на врага. Куропаткин направил на юг корпус А. Ф. Штакельберга (30 тыс. человек) для овладения Кинчжоуской позицией и дальнейшего движения к Порт-Артуру. 1—2 июня произошел бой корпуса Штакельберга с армией Оку. Для боя Штакельберг выбрал позицию у станции Вафангоу. Впереди были холмы, не занятые русскими войсками, что дало возможность японским войскам незаметно приготовиться для атаки. Демонстрируя наступление с фронта, Оку направил свои главные силы в обход правого фланга русской позиции.

Во время боя русская конница, которая должна была охранять фланги своих войск, бездействовала, артиллерия, как и на реке Ялу, стояла без всякого прикрытия, причем половина орудий молчала. Штакельберг показал полную неспособность руководить боем. У подчиненных ему генералов отсутствовала взаимная поддержка. Противник создал угрозу флангу русского отряда, что заставило Штакельберга начать поспешное отступление. Только крайняя медлительность японского командования в преследовании спасла отряд Штакельберга от полного уничтожения.

После неудачного сражения под Вафангоу защита Порт-Артура была предоставлена его собственным силам. Занятие японцами в июле Инкоу прервало связь командования и основных сил русской армии с Порт-Артуром и морем. Японцы, овла-

дев Волчьими горами, начали бомбардировку Порт-Артура и внутреннего рейда. Это создало угрозу уничтожения русской эскадры с суши. Контр-адмирал Витгефт получил от Алексеева распоряжение вывести Тихоокеанскую эскадру во Владивосток.

Русская эскадра 28 июля вышла из Порт-Артура в составе 6 броненосцев, 4 крейсеров и 8 миноносцев. Командующий японским флотом адмирал Того стянул к месту прорыва 5 броненосцев, 15 крейсеров и 18 миноносцев. Остальные силы японского флота сторожили в Корейском проливе владивостокские крейсеры, которые должны были выйти навстречу Тихоокеанской эскадре. Обнаружив русскую эскадру, Того приказал своим броненосцам выйти ей наперерез. Но японцы допустили грубые просчеты в маневрировании, и русские корабли после непродолжительной артиллерийской перестрелки вышли вперед. Однако вскоре японские корабли стали нагонять Тихоокеанскую эскадру. Приблизившись на расстояние выстрела, они открыли огонь по флагманскому русскому броненосцу «Цесаревич». Витгефт заранее считал эскадру обреченной на гибель и не дал командирам кораблей ясного плана боя при встрече с японским флотом. Одним из снарядов Витгефт был убит. Второй снаряд попал в рубку «Цесаревича» и вывел из строя командира броненосца. Взрыв повредил рулевой привод и все приборы управления броненосцем и артиллерийским огнем. Броненосец стал совершать циркуляцию. Остальные корабли, думая, что флагман делает маневр, стали поворачивать за ним. Японцы усилили огонь. Русская эскадра разбилась на отдельные группы. Пять броненосцев, один крейсер и три миноносца вернулись в Порт-Артур, остальные корабли ушли в нейтральные порты, где были разоружены. Крейсер «Новик», пытаясь прорваться во Владивосток, обошел Японию по Тихому океану, но у Корсаковского поста, на острове Сахалин, был обнаружен противником и после неравного боя затоплен своей командой.

Вину за неудачу боя надо отнести за счет нерешительности командования русской эскадры, которое не верило в успех прорыва. Командование эскадры, вернувшись в Порт-Артур, отказалось от дальнейшей борьбы на море. Орудия мелкого и среднего калибра вместе с обслуживающим персоналом были переведены на берег для усиления сухопутной обороны крепости. Порт-Артурская эскадра перестала существовать как боевая морская организованная сила. И только Порт-Артур мешал полному владычеству Японии на море.

В августе японское командование пыталось форсированным ударом захватить Порт-Артур. Героические защитники крепости отбили все атаки врага. Особенно отличились морские артиллеристы, подавлявшие одну японскую батарею за другой. Армия генерала Ноги потеряла треть личного состава. На исходе пятого дня безрезультатных атак из Токио был получен приказ прекратить штурм и перейти к планомерной осаде крепости.

Тяжелое поражение японцев под Порт-Артуром лишило их возможности использовать в подготавливаемом наступлении против русских в районе Ляояна осадную армию Ноги с ее многочисленной артиллерией.

Японский главнокомандующий Ойяма решил не откладывать больше наступления против армии Куропаткина. В конце июля 1904 г. Ойяма начал концентрическое наступление силами трех армий — Куроки, Оку и Нодзу — с целью охвата и окружения русских войск в районе Ляояна, где Куропаткин решил принять сражение. Ляоянский укрепленный район состоял из трех оборонительных полос. Здесь было сосредоточено 160 тыс. русских войск при 606 орудиях. У японцев было 125 тыс. войск и 508 орудий. Имея сильные укрепления и численное превосходство, оснащенная лучшей по тому времени линейной винтовкой образца 1891 г. и скорострельной артиллерией, русская армия имела все данные для победы в этом сражении. Однако бездарность царских генералов, их нерешительность, боязнь окружения, бездействие значительной части войск, оставленных в резерве, привели русскую армию под Ляояном к поражению.

11 августа 1904 г. началось сражение на передовых позициях Ляояна. 2-я и 4-я японские армии при поддержке 390 орудий пытались охватить правый фланг русской армии. Однако наступление это разбилось о несокрушимую стойкость сибирских стрелков. К вечеру японцы, понеся колоссальные потери, прекратили свои атаки. Командующие 2-й и 4-й японскими армиями заявили о невозможности продолжать наступление вследствие громадных потерь и недостатка в снарядах. Командующий 1-й японской армией Куроки тем не менее в ночь на 18 августа начал переправу своих войск на правый берег реки Тайцзыхэ, в обход русского левого фланга. Этот маневр Куроки означал явную авантюру. Если бы русские войска атаковали армию Куроки, они могли бы ее уничтожить, так как имели здесь тройное превосходство в силах. Но Куропаткин медлил с организацией противодействия обходу японцев. И Куроки, закончив сосредоточение своей армии на правом берегу Тайцзыхэ, сам предпринял наступление. Однако, убедившись в подавляющем превосходстве русской группировки на северном берегу реки, Куроки отказался от попытки перехватить железную дорогу и перешел к обороне. Предпринятые японцами днем 20 августа яростные атаки против главных русских позиций были отбиты с большим для них уроном.

Вследствие неблагоприятно сложившейся общей обстановки, испытывая недостаток продовольствия и снарядов, Куроки наметил отход своей армии обратно на левый берег Тайцзыхэ в 6 часов утра 21 августа. Но Куропаткин, опасаясь за фланги своих войск и боясь потерять сообщение с тылом, «опередил» Куроки. Получив непроверенные сведения о появлении в русском тылу одной японской бригады, Куропаткин назначил на 4 часа утра 21 августа общий отход русских войск от Ляояна к Мукдену.

Между тем решительные действия русских войск могли бы поставить японские армии перед катастрофой. В ходе Ляоянского сражения японцы потеряли, по их данным, 24 тыс. солдат и офицеров. Потери русских составляли 15 тыс. Дальнейшая борьба за Ляоян могла бы привести к победе русских войск, если бы царское командование использовало первоначальный успех. Но оно оказалось неспособным нанести врагу решающий удар.

Так было проиграно сражение, в котором японцы не только не имели преимущества, но стояли перед поражением.

Отступление русских войск от Ляояна происходило в полном порядке. Японцы, понесшие огромные потери, их не преследовали. Задача охвата и разгрома русской армии под Ляояном оказалась не по плечу японскому командованию. Своими победами японцы выигрывали пространство, но соотношение сил не изменялось в их пользу.

Героическая оборона русскими войсками Порт-Артура, отвлекавшая не менее половины японских сил и средств, ставила японское главное командование в трудное положение. Боевой состав японских войск на Маньчжурском фронте в начале октября насчитывал около 170 тыс. человек. Между тем численность русской армии к этому времени достигла 210 тыс. Это невыгодное для японцев соотношение сил могло, конечно, измениться в случае падения Порт-Артура. Поэтому Куропаткин решил взять инициативу в свои руки и перейти в наступление против японских армий.

Русское наступление началось 22 сентября в гористой, малоизученной местности. Для действий в такой обстановке русские войска не были приспособлены: отсутствовали карты, горная артиллерия, вьючный обоз. 27 сентября начался встречный бой с перешедшим в контрнаступление противником. 28 сентября колонна Штакельберга, имевшая задачей обойти фланг японцев, наткнулась на ряд горных перевалов, не обозначенных на русских картах и сильно укрепленных противником. Атаки русскими войсками этих перевалов были безуспешными. Японцы наступали в центре и на своем левом фланге. В ночь на 29 сентября они вклинились в расположение русских войск. Угроза прорыва побудила Куропаткина, не решавшегося ввести в бой резервы, перейти к обороне. Русские войска заняли позиции на реке Шахэ. С другой стороны, японцы, понесшие большие потери, испытывавшие недостаток боеприпасов, отказались от попытки охватить русский правый фланг и тоже прекратили наступление. Началось так называемое «шахэйское сидение».

4. Нарастание революционной ситуации в России. В буржуазных кругах не было единодушия в оценке царской политики на Дальнем Востоке. Верхи российской буржуазии поддерживали агрессивную политику царизма в Китае. Они рассчитывали использовать сооружение Китайско-Восточной железной дороги в целях экономического проникновения в Маньчжурию. Русско-Китайский банк при участии Петербургского международного

банка создал летом 1897 г. специальное общество для исследования рудных богатств Китая. Торгово-промышленные круги строили планы при помощи КВЖД резко увеличить торговлю со странами Дальнего Востока. Наиболее влиятельный орган промышленников — «Горнозаводской листок» видел выход из затруднений, вызванных экономическим кризисом, в захвате внешних рынков.

Однако широкие круги либеральной буржуазии, органом которых было заграничное «Освобождение», решительно выступали против дальневосточной авантюры самодержавия и за примирительную политику по отношению к Японии, Англии и США на том основании, что отвлечение русских сил на Дальний Восток надолго ослабит Россию на Балканах, в Турции и Персии, этой «естественной сфере ее культурного, политического и экономического влияния». «Война с Японией, — предупреждало «Освобождение» 2 (15) декабря 1903 г., — не зажжет никакого энтузиазма в России... России не нужна ни Маньчжурия, ни Корея...»

Отрицательное отношение либералов к дальневосточной политике царизма не помешало им с объявлением войны занять шовинистическую позицию. Струве поспешил заявить в «Освобождении», что во время войны нужно и нельзя не драться с внешним врагом. В воззвании «К русскому обществу» от Союза земцев-конституционалистов подчеркивалось, что сражаться за Россию является теперь уже «национальным делом».

Многие земства выступили с верноподданическими адресами и жертвовали миллионные суммы на военные расходы.

Избранный на первом съезде «Союза освобождения» в январе 1904 г. совет решил начать свою деятельность с устройства по всей России банкетов в годовщину освобождения крестьян — 19 февраля, на которых требовать «увенчания здания» — завершения реформ 60-х годов введением конституционного строя. Но когда приготовления к «банкетной кампании» были уже в разгаре, разразилась война с Японией. «Начались патриотические манифестации, — вспоминает редактор легального органа «Союза освобождения» журнала «Право» И. Гессен, — внимание общества было отвлечено в сторону, и казалось бестактным и рискованным в такой момент предъявлять правительству требования внутреннего преобразования» [1]. На «Беседе» 15 февраля 1904 г. было постановлено, что война обязывает общественных деятелей по возможности не причинять затруднений правительству в его внешней борьбе. Поэтому «тактика в течение войны должна быть не наступательная, но оборонительная, иначе говоря, не следует брать на себя инициативу новых реформ» [2]. В соответствии с этой директивой либеральные деятели выступали за прекращение на

---

[1] И. В. Гессен. В двух веках. Жизненный отчет. «Архив русской революции», т. XXII. Берлин, 1937, стр. 176.

[2] ОПИГИМ, ф. 31, оп. 1, д. 142, л. 147.

время войны оппозиции самодержавию. «Освобождение» призывало бросить теперь всякие политические счеты с правительством и слиться с ним в «патриотическом воодушевлении».

Лишь после того как непрерывные поражения царизма обнаружили полнейшую его несостоятельность в военном отношении и в стране обострился революционный кризис, либералы стали переходить в оппозицию. После отступления Куропаткина из Ляояна князь Е. Н. Трубецкой опубликовал в либеральном еженедельнике «Право» статью «Война и бюрократия», в которой самодержавная бюрократия объявлялась единственным виновником неудач русского оружия и выдвигалось требование, чтобы власть стала доступной общественному контролю и правила с обществом, а не вопреки обществу [1]. Участники «Беседы» 31 августа 1904 г. пришли к заключению, что «нужно кончать бесцельную войну, но для ее окончания существующее правительство недостаточно авторитетно. Нужно поэтому, чтобы на земских собраниях было сделано заявление о желательности созыва выборных представителей страны» [2].

Поражения царских войск показали внутреннюю гнилость царизма и усилили недовольство народных масс.

Большевики выдвинули лозунг пораженчества, рассчитанный на ослабление царизма и усиление революционного движения в стране. Большевистские организации развернули энергичную революционную пропаганду среди солдат, отправлявшихся на Дальний Восток, призывали железнодорожников к проведению всеобщей забастовки на Сибирской магистрали, к прекращению перевозки войск на фронт. В конце 1904 г. в Петербурге, Москве, Харькове и Риге состоялись антивоенные демонстрации. Запасные, призываемые в армию, уклонялись от явки на мобилизационные пункты и отказывались ехать на фронт. Дело иногда доходило до открытых выступлений новобранцев.

Совершенно другим было отношение к войне меньшевиков. Мартов в «Искре» писал: «Не воспламеняясь желанием победы императорской России, мы менее всего жаждем победы буржуазной Японии. Не «да здравствует Япония» написано на нашем знамени, а «да здравствует мир». Такая позиция не отличалась в сущности от отношения к войне либеральной буржуазии, которая после ряда военных поражений стала требовать заключения мира.

Осенью 1904 г. в обстановке военных неудач и нарастания революционной ситуации самодержавие затеяло, как и в начале 80-х годов прошлого века, игру с земским либерализмом. Назначенный вместо убитого Плеве министром внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский заявил, что внутренняя политика должна строиться на доверии к «общественным учреждениям».

---

[1] «Право», 1904, № 39, стр. 1875.

[2] ОПИГИМ, ф. 31, оп. 1, д. 142, л. 152, 156.

Был ослаблен надзор за земством, возвращены из ссылки опальные земцы и смягчена цензура над либеральной печатью.

«Веяние весны» — так назвал либеральный курс Святополк-Мирского редактор-издатель «Нового времени» А. С. Суворин — вызвало необычайное оживление в земско-либеральных кругах.

Земские собрания, либеральные общества и союзы выступали с приветствиями Святополк-Мирскому, в которых выражали восторг по поводу доверия власти к «общественным учреждениям». «Освобождение» заверило министра, что либералы «будут поддерживать все хорошее, идущее сверху» и что они «готовы также и ждать. Надо только немедленно объявить, что народ будет призван к управлению страной. После такого заявления общество может временно удовлетвориться разными смягчениями и полумерами» [1].

6—9 ноября 1904 г. в Петербурге состоялся съезд председателей губернских земских управ и видных земских гласных, который признал необходимость «народного представительства». По вопросу о полномочиях его голоса разделились: большинство требовало для представительного учреждения законодательных прав, а меньшинство во главе с Д. Н. Шиповым развивали славянофильскую доктрину о том, что «русскому народу чуждо стремление к народовластию и в нем очень сильна привязанность к идее самодержавия» [2]. Требование прав и обеспечение их конституционными гарантиями, по мнению шиповского меньшинства, могли пробудить в народе стремление к захвату государственной власти. Поэтому шиповцы стояли за сохранение самодержавия, усиленного «советом земли». Они считали, что народу должна принадлежать лишь «сила мнения», право подавать советы, а «сила власти» должна полностью остаться в руках царя.

Никто из участников съезда не мыслил себе изменения государственного строя иначе как по почину верховной власти. Предложение одного делегата о передаче проекта основного закона Российской империи на обсуждение «выбранного всем народом путем всеобщей подачи голосов собрания» [3] не получило поддержки. П. А. Гейден откровенно заявил, что «если мы считаем, что спасение России в правовом порядке, то удовлетворительного ответа от народа мы не получим... Пока крестьяне будут говорить о мужицких интересах, надо признать их еще недоросшими до понимания политических прав» [4].

После закрытия съезда земскими деятелями была подана Святополк-Мирскому записка, составленная князем С. Н. Трубецким. Указав, что под влиянием войны, экономического кризи-

---

[1] «Освобождение», 1904, № 57, стр. 125.

[2] «Частное совещание земских деятелей 6—9 ноября 1904 г.». М., 1905, стр. 60.

[3] Там же, стр. 52.

[4] Там же, стр. 87.

са и отсутствия правопорядка в деревне разрастаются брожение и общее недовольство, могущие вызвать революционную бурю; записка обращала внимание правительства на необходимость политических реформ, которые оградили бы страну от надвигающейся революции. Эти «спасительные» реформы могут быть осуществлены только при совместном действии сильной царской власти с обществом. «Да не совершится, — восклицает автор записки, — это грядущее освобождение без верховной власти и помимо ее произволения!» Чтобы остаться хозяином положения, «как в эпоху освобождения крестьян, правительство должно стоять впереди, а не позади общества и активно организовать политическую свободу России на началах народного представительства» [1].

До ноябрьского земского съезда органы городского самоуправления в целом стояли в стороне от либерального движения. Объяснялось это тем, что в думах, по крайней мере крупных городов, были представлены верхи буржуазии, и притом преимущественно ветхозаветного покроя, наиболее связанные с царским режимом. Однако рост рабочего движения в начале 900-х годов пробил брешь в традиционном уповании торгово-промышленной буржуазии исключительно на царскую бюрократию. Первыми на путь оппозиционной деятельности встали московские капиталисты. На частном совещании 65 гласных городской думы было одобрено заявление, которое 30 ноября было единогласно принято на собрании гласных думы. В заявлении говорилось о необходимости «твердого установления начала законности» и «создания законов при постоянном участии выборных от населения» [2]. Эта первая ласточка еще не сделала весны: либеральное заявление московской буржуазии не было поддержано думами других городов и «представительными» организациями крупного капитала.

С целью популяризации постановлений земского съезда в конце 1904 г. по директиве «Союза освобождения» стали устраиваться банкеты в честь 40-летия судебных уставов. Среди участников преобладали лица интеллигентных профессий: юристы, врачи, учителя, журналисты. На банкетах принимались резолюции о присоединении к постановлениям съезда земцев в Петербурге 6—9 ноября 1904 г. В отдельных случаях требования банкетов были гораздо радикальнее постановлений земского съезда, но это происходило не по инициативе либеральных организаторов банкетов, а под давлением рабочих и демократической интеллигенции. Большевики использовали банкеты, устраиваемые либералами, в целях революционной пропаганды.

Вступая в управление министерством внутренних дел, Святополк-Мирский в сущности не имел никакой программы. По соб-

[1] Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, стр. 581—587.

[2] «Частное совещание земских деятелей 6—9 ноября 1904 г.». М., 1905, стр. 168.

ственному признанию, он «больше всего был смущен тем, что не мог уловить желаний России» [1]. После земского съезда Святополк-Мирский усвоил идею «представительства». 24 ноября он вручил царю записку, в которой говорилось, что общественное развитие страны переросло существующие административные формы и поэтому необходимо, не трогая самодержавия, установить в стране законность, широкую веротерпимость и участие населения в законодательной работе.

Среди либеральных реформ, проектируемых Святополк-Мирским, были восстановление прежнего значения Сената как высшего блюстителя закона, согласование деятельности отдельных министерств по вопросам внутренней политики, пересмотр земского и городового положений в смысле расширения круга избирателей, образования мелкой земской единицы, объединения в земских учреждениях всех хозяйственных интересов данной местности и распространения земского и городового положений на новые области империи. Далее в записке говорилось о сближении крестьян в имущественных правах и порядках управления с прочими классами населения, о расширении прав старообрядцев, о точном определении в законе прав еврейского населения, об отмене или хотя бы сокращении до пределов крайней необходимости предварительной цензуры и об установлении за все проступки печати ответственности не иначе как по суду, о коренном пересмотре положения об усиленной охране и т. п.

В заключение Святополк-Мирский остановился на «пожеланиях мыслящего общества о том, чтобы заявления о нуждах и потребностях населения могли восходить к престолу непосредственно, не преломляясь в бюрократической среде». Исходя из признания незыблемости самодержавия монарха, ни с кем не разделяющего полноты своей власти, министр внутренних дел полагал, что участие населения в разработке тех или иных предположений должно носить и совершенно особую, самобытную форму. Имелось в виду, что в состав Государственного совета на правах его членов может быть включено известное число выборных представителей губернских земских собраний и городских дум. «Мера эта, — утверждал Святополк-Мирский, — обеспечит более чем самые решительные полицейские меры, внутреннее успокоение, столь необходимое именно теперь в переживаемую нами годину военных и политических испытаний» [2].

Предложения Святополк-Мирского были рассмотрены 2 и 8 декабря на совещаниях под председательством царя. Против привлечения выборных к участию в законодательстве с резкими возражениями выступил Победоносцев. Он перенес обсуждение вопроса на мистическую почву, указывая, что самодержавие

---

[1] Из письма И. В. Гессена к И. И. Петрункевичу от 16 октября 1904 г. ЦПА, ф. 302, оп. 1, д. 39, л. 56.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 872, лл. 13—110.

имеет не только политическое значение, но и религиозный характер и что царь не вправе ограничивать свою власть, возложенную на него божественным промыслом. С. Ю. Витте и В. Н. Коковцов говорили, что представительство и самодержавие несовместимы, что уступка общественным требованиям неминуемо приведет к конституции. Святополк-Мирский соглашался, что, может быть, со временем это и произойдет, но что в данную минуту единственная вещь, которая может спасти царизм, — это привлечение общества к законодательству [1].

12 декабря 1904 г. был опубликован указ Сенату «О мерах к усовершенствованию государственного порядка», обещавший постепенное уравнение крестьян в правах с другими сословиями, введение государственного страхования рабочих, расширение компетенции земских и городских учреждений, пересмотр законодательства о раскольниках и евреях и устранение излишних стеснений печати. Вместе с тем в указе подчеркивалось, что все эти реформы должны быть осуществлены при непременном сохранении незыблемости самодержавия. В последнюю минуту, когда проект указа был представлен для подписи, царь по совету великого князя Сергея Александровича, поддержанного Витте, вычеркнул пункт о привлечении выборных от местных общественных учреждений к участию в разработке законодательных предначертаний из-за опасения, что это первый шаг к ненавистной ему конституции [2].

Чтобы не оставить и тени сомнений в отрицательном отношении правящей клики к конституционным домогательствам либералов, одновременно с указом Сенату было опубликовано правительственное сообщение, осуждавшее «шумные сборища», предъявлявшие требования, несовместимые с «исконными основами существующего государственного строя», т. е. самодержавия. Земским и городским учреждениям запрещалось касаться вопросов о политических реформах, как выходящих из пределов предоставленных им прав. Таким образом, сообщение осуждало все те выступления земской оппозиции, которые привели к либеральной программе, объявленной в указе 12 декабря.

Страна стояла на грани революции, а царь с маниакальным упрямством продолжал твердить, что он никогда, ни в коем случае не согласится на представительный образ правления, так как считает его вредным для вверенного ему богом народа [3]. Николай II был твердо убежден, что если он сделает хотя бы одну уступку, ограничивающую его самовластие, как сделал это во Франции Людовик XVI, то потом уже нельзя будет остановить стихийное развитие событий. Слово «конституция» приводило его

[1] См.: Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. стр. 287—289; «Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг.». «Исторические записки», 1965, т. 77, стр. 280.

[2] ЦГИА СССР, ф. 727, оп. 1, д. 2, л. 4.

[3] См.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 335.

в шоковое состояние. В его глазах конституция — это первая ступень на плаху! [1].

Несмотря на лицемерие самодержавия и ничтожность обещанных им уступок, либералы готовы были видеть в указе 12 декабря «полный разрыв со всей политикой предшествующих десятилетий» [2].

Огромную роль в развязывании сил революции сыграла всеобщая стачка бакинских нефтяников в декабре 1904 г., вызванная ужасными условиями их труда. Репрессии не могли сломить волю рабочих к продолжению борьбы. Тщетны были и попытки меньшевистско-зубатовской организации, возглавляемой братьями Шендриковыми, и буржуазно-националистической агентуры сорвать забастовку, пуская в ход демагогию, клевету и прямую провокацию. Нефтепромышленники вынуждены были вступить в переговоры со стачечным комитетом и согласиться на заключение коллективного договора с рабочими. Это был первый в истории России договор между рабочими и промышленниками. Рабочие добились 9-часового рабочего дня, а при сменной работе — 8-часового и увеличения заработной платы на 20%.

5. Поражение царизма в войне. Сражение под Мукденом. Цусима. Страна стояла перед революционной бурей. Но эта буря еще не началась, и царизм надеялся ее избежать, добившись перелома в ходе войны. 2 октября из Либавы вышла на выручку Порт-Артура 2-я Тихоокеанская эскадра под командой адмирала З. П. Рожественского. На Маньчжурский фронт посылались новые корпуса.

Взоры всего мира были прикованы к Порт-Артуру, гарнизон которого в течение нескольких месяцев отражал яростные атаки превосходящих сил противника. Портартурцы проявили изумительное мужество и героизм, находчивость и изобретательность. Они наладили массовое производство ручных гранат, а также использовали изобретенные лейтенантом Н. Л. Подгурским особые шаровые мины, которые наполнялись пироксилином и скатывались в окопы или на блиндажи противника. Впервые в истории войн русские саперы в Порт-Артуре применили пуск тока высокого напряжения через проволочные заграждения.

Японцы стремились во что бы то ни стало овладеть Порт-Артуром до прихода эскадры Рожественского, чтобы закрепить свое господство на море и перебросить стотысячную осадную армию Ноги на Маньчжурский фронт для решающего сражения. 6 сентября японцы начали второй штурм укреплений Порт-Артура. Главной целью японских атак являлся захват горы Высокой. Эта позиция имела огромное стратегическое значение, ибо она господствовала над всей крепостью, и японцы, овладев Высокой, могли бы корректировать стрельбу своей артиллерии по рус-

[1] См.: А. И. Верховский. На трудном перевале. М., 1959, стр. 146.
[2] «Освобождение», 1905, № 63, стр. 217.

ской эскадре, стоявшей на внутреннем рейде Порт-Артура. Волны атакующих японцев одна за другой устремлялись к подножию горы. Но героические защитники Высокой огнем и штыковыми ударами отбивали натиск врага.

Одна японская бригада, не выдержав меткого огня русской артиллерии, обратилась в бегство. Паника распространилась по всей линии японского фронта. Чтобы остановить бегущих, японцы открыли по ним стрельбу шрапнелью и из пулеметов. Потеряв с 6 по 10 сентября до 6 тыс. человек, японцы овладели Длинной горой и некоторыми другими укреплениями. Но гора Высокая устояла.

В октябре, получив известие о выходе из Либавы эскадры Рожественского, японцы пошли на третий штурм Порт-Артура, но все их атаки были отражены. Бесплодным был и четвертый штурм крепости — 13 ноября, когда в атаках участвовало более 50 тыс. японцев, которым доблестно противостояли 18 тыс. русских солдат, составлявших ослабленный в боях регулярный гарнизон Порт-Артура. Тогда генерал Ноги решил бросить все силы для захвата горы Высокой. В течение трех дней противник не прекращал бомбардировки, осыпая снарядами гребень горы и сравнивая с землей все укрепления. Гора Высокая была подобна огнедышащему вулкану. Ее защитники — бойцы 5-го полка сибирских стрелков — успешно отражали непрерывные атаки вражеской пехоты. Упорство, храбрость и презрение к смерти защитников Высокой вызывали удивление противника и его союзников. Английский военный корреспондент при японской армии Бартлетт писал: «Как русские могли держаться — необъяснимо: храбрость их... никогда не подвергалась более суровому испытанию». Бой за Высокую длился девять дней. Лишь 22 ноября японские войска овладели Высокой, потеряв при этом 7500 солдат и офицеров.

После захвата горы Высокой японцы установили на ней наблюдательный пост для корректировки артиллерийского огня и стали расстреливать русскую эскадру, стоявшую на внутреннем рейде. Командующий эскадрой контр-адмирал Р. Н. Вирен, известный бесчеловечным истязанием матросов, не разрешил вывести корабли в море. Командир броненосца «Севастополь» капитан 1-го ранга Н. О. Эссен не захотел пассивно ждать гибели своего корабля, вывел его на внешний рейд и, отразив с уроном для противника многочисленные минные атаки, до конца осады вел перекидной огонь из своих башенных орудий.

Тяжелой утратой для защитников крепости явилась гибель 2 декабря начальника сухопутной обороны, инициативного и талантливого генерала Р. И. Кондратенко, который был душой героической обороны Порт-Артура.

Гибель Кондратенко развязала руки предателям — начальнику Квантунского укрепленного района, куда входил Порт-Артур, А. М. Стесселю и генералу Фоку. Они стали подготавливать

капитуляцию крепости. 16 декабря генерал Стессель созвал «Совет обороны крепости». Большинство членов совета высказалось за продолжение обороны, против капитуляции. Начальник крепостной артиллерии генерал В. Ф. Белый доложил, что снарядов хватит для отражения еще двух штурмов. Гарнизон Порт-Артура насчитывал 18 тыс. боеспособных защитников и 610 исправных орудий. В крепости имелось продовольствие. Но Стессель, вопреки мнению военного совета и несмотря на готовность русских солдат и матросов продолжать оборону, 19 декабря 1904 г. отправил к генералу Ноги парламентеров с предложением вступить в переговоры о сдаче Порт-Артура. Японцы не ожидали капитуляции Порт-Артура. Еще накануне офицеры из штаба Ноги говорили одному английскому военному корреспонденту, что падение крепости ожидается ими не раньше чем через месяц. Поэтому предложение Стесселя о сдаче, по признанию японцев, явилось для них неожиданным и приятным новогодним сюрпризом. 20 декабря 1904 г. был подписан акт о капитуляции Порт-Артура. Японцам достались большие военные трофеи и тысячи пленных. Таков был трагический финал героической обороны крепости. С падением Порт-Артура осадная японская армия генерала Ноги вместе с тяжелой артиллерией была переброшена на Маньчжурский фронт, где сыграла решающую роль в боях под Мукденом.

Сдача Порт-Артура имела огромные стратегические и политические последствия. Она не только решила, по определению Ленина, главный вопрос войны, вопрос о господстве на море, но и ускорила революционный взрыв внутри страны. «Русский народ, — писал Ленин, — выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятно брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу» [1].

Падение Порт-Артура поставило царское командование перед необходимостью перейти в наступление и попытаться разбить главные японские силы до прибытия освободившейся армии Ноги. Русская армия в Маньчжурии была пополнена новыми корпусами. Куропаткин был назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами России на Дальнем Востоке. Но пока Куропаткин разрабатывал план наступления, его опередил Ояма, начавший 5 февраля 1905 г. демонстративное наступление на левом фланге русских с целью отвлечения их сил на восток. Куропаткин, решив, что японцы наносят главный удар с востока, перебросил часть войск на укрепление своего левого фланга, ослабив правый. 13 февраля на ослабленном правом фланге русских войск начала обходное движение вдоль реки Ляохэ 3-я ар-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 158.

мия Ноги, прибывшая из-под Порт-Артура и насчитывавшая 70 тыс. человек. Она должна была нанести главный удар по русским позициям. Под Мукденом началась решающая битва, в которой с обеих сторон участвовало свыше 660 тыс. войск. Японские армии должны были путем двустороннего охвата выйти на русские коммуникации севернее Мукдена.

Силы сторон перед Мукденской битвой были приблизительно равные. Но в то время как японцы были воодушевлены непрерывными военными удачами, русские были деморализованы отступательной стратегией Куропаткина и не верили в своих военачальников. К тому же вести с родины, где разрасталось революционное движение, заставляли солдат задумываться о бесцельности войны. Все это снижало боевые возможности русских войск.

Операции японцев по двустороннему охвату русских войск развивались неравномерно. Если 3-я армия Ноги, охватывавшая правый русский фланг, наступала успешно, то правое крыло японцев почти не двигалось, и командующий 1-й русской армией генерал Н. П. Линевич предполагал даже контратаковать армию Куроки. Но Куропаткин, обеспокоенный движением обходных колонн Ноги, которые угрожали железнодорожным коммуникациям русских, не решился перейти в контрнаступление силами 1-й и 3-й армий на левом фланге, где японцы понесли большие потери. Выделенная Куропаткиным для противодействия Ноги сводная группа под командованием генерала А. В. Каульбарса, несмотря на причиненные японцам тяжелые потери, задачу свою не выполнила. Передовые части армии Ноги уже 22 февраля приблизились к железной дороге севернее Мукдена. Тем временем армия Куроки прорвала русский фронт на левом фланге, создавая угрозу полного окружения наших войск. Куропаткин, потерявший веру в победу, приказал 24 февраля начать общий отход к Телину. Отступление русских войск проходило в трудных условиях. Расстояние между японскими войсками, действовавшими к западу от железной дороги и прорвавшимися к ней с востока, составляло всего 10—12 *км*. Это узкое пространство с обеих сторон простреливалось японцами. Однако благодаря доблести и стойкости русских солдат японский план окружения русских войск не осуществился. Когда японские обходные армии, наконец, соединились в Пухэ, главная масса русских войск уже вышла на север. Но часть войск все-таки попала в окружение.

Куропаткин вскоре был отстранен от главнокомандования и заменен генералом Линевичем.

Поражение под Мукденом было результатом не только ошибок командования. Оно явилось следствием отсталости и порочности всей военной организации царизма.

Мукденская битва, однако, не решила судьбу войны. Японцам не удалось окружить и уничтожить русские войска в Маньчжурии. Отойдя на позиции севернее Телина, русские армии, попол-

нившись и отдохнув, приготовились к новым боям. В то же время истощение японцев было так велико, что в течение шести месяцев до заключения мира они не предприняли никаких крупных операций, ограничившись высадкой небольшого десанта на остров Сахалин.

Последним крупным событием русско-японской войны было морское сражение в Цусимском проливе.

Как уже упоминалось, в октябре 1904 г. из Либавы на Дальний Восток отправилась 2-я Тихоокеанская эскадра Рожественского. Она состояла из разнотипных судов с неодинаковой скоростью хода. Экипажи кораблей в значительной мере состояли из новобранцев. Сам командующий эскадрой плавал еще на парусниках, с новой боевой техникой почти не был знаком и относился к ней пренебрежительно. Невежественный, заносчивый и жестокий, он не пользовался авторитетом среди подчиненных.

Эскадре предстоял далекий и трудный путь вокруг Африки. В начале похода, в ночь на 9 октября 1904 г., эскадра Рожественского у Доггер-Банки в Северном море обстреляла английские суда, приняв их за японские миноносцы. Англия стала грозить России войной. Воспользовавшись этим инцидентом, Вильгельм предложил Николаю II образовать «мощную комбинацию трех наиболее сильных континентальных держав» — России, Германии и Франции — против Англии. Начавшиеся вслед за этим переговоры между Берлином и Петербургом о заключении союзного договора не были доведены до конца ввиду того, что под давлением Франции Англия согласилась на мирное урегулирование Гулльского инцидента. Царскому правительству пришлось уплатить пострадавшим рыбакам около 650 тыс. руб.

Во время стоянки эскадры на Мадагаскаре пришло известие о сдаче Порт-Артура. Это лишало эскадру базы для операций на Дальнем Востоке. Рожественский обратился к царю с донесением, в котором писал, что «ввиду изменения обстановки, вверенная мне эскадра не сможет завоевать море, и ей теперь остается прорыв хотя бы частью кораблей во Владивосток». В душе Рожественский надеялся, что царь позволит ему возвратиться обратно. Но царское правительство приказало Рожественскому продолжать поход, с тем чтобы «завладеть Японским морем». Для усиления эскадры на Дальний Восток вышла 3-я Тихоокеанская эскадра контр-адмирала Н. И. Небогатова. В ее состав входили три броненосца береговой обороны с устаревшими пушками. Эти тихоходные корабли справедливо называли «самотопами».

В ожидании эскадры Рожественского японский флот был отремонтирован и оснащен усовершенствованной артиллерией и приборами. После того как русская эскадра миновала Малаккский пролив, японский флот вышел в Корейский пролив. При равном числе кораблей японский флот превосходил русскую

эскадру в скорострельности артиллерии, мощности фугасных снарядов и в быстроте хода.

14 мая, когда эскадра Рожественского вошла в Цусимский пролив, японские корабли открыли огонь по флагманским русским броненосцам «Суворову» и «Ослябя» и, пользуясь превосходством в скорости хода, стали охватывать голову русской эскадры. «Ослябя» вскоре после начала боя затонул. «Суворов» был сильно поврежден и потерял управление. Рожественский перешел на миноносец «Бедовый», который был настигнут японцами и захвачен. Под огнем японской артиллерии, а также в результате торпедных атак затонули русские броненосцы «Александр III», «Бородино», «Наварин». Некоторые корабли были затоплены своими командами, не желавшими отдать технику в руки врага. Только отряд Небогатова, окруженный 15 мая почти всем японским флотом, без боя сдался в плен. Крейсер «Изумруд» не подчинился приказу о сдаче и, прорвав кольцо противника, ушел к берегам Приморья, но там затонул, разбившись о камни. Крейсер «Алмаз» и два миноносца «Бравый» и «Грозный» дошли до Владивостока. Погибло 5 тыс. моряков и столько же было взято в плен.

Оценивая стратегическое значение цусимского разгрома, Ленин писал: «Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно... Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия» [1]. Тысячи матросов, геройски сражавшихся в неравном поединке с японским флотом, были бессмысленно и преступно загублены бездарным и трусливым командованием. Позор Цусимы, оскорблявший национальное достоинство, еще более увеличил пропасть между самодержавием и народом, вызвал новую волну возмущения.

6. Портсмутский мир. Война вызвала предельное напряжение всех сил и ресурсов Японии. Не удивительно поэтому, что японское правительство неоднократно пыталось завязать мирные переговоры с Россией. Еще в июле 1904 г. французский посол в Лондоне Поль Камбон сообщал министру иностранных дел Франции Делькассе, что Япония готова заключить мир. Тогда же японский посланник в Лондоне Гаяши через посредство третьих лиц сделал идентичное предложение русскому послу Бенкендорфу.

В момент наибольших успехов японской армии под Мукденом военный министр Японии Тераучи просил американского посланника Грискома сообщить президенту США, что Японии необходимо как можно скорее окончить войну. Из последующей беседы с министром иностранных дел Комурой Гриском убедился, что и тот разделяет это мнение. Комура заявил, что Япония желала бы

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 252.

посредничества Рузвельта, но инициатива мирных переговоров должна исходить от России.

Рузвельт пытался заставить Россию первой просить мира. Это должно было заранее ослабить шансы русской делегации на будущей мирной конференции. Разгадав маневр Рузвельта, царское правительство оставило его «советы» без внимания.

Сам Рузвельт в это время ничего не имел против продолжения войны. Он полагал, что взаимное ослабление России и Японии облегчит установление монопольного хозяйничанья США в Китае. В беседе с послом Франции в Вашингтоне Рузвельт заявлял, что «нужно радоваться, если результат войны сведется к тому, что русские и японцы останутся лицом к лицу, ослабленные и уравновешивающие друг друга» [1].

После Цусимы за прекращение войны между Россией и Японией выступили правящие круги ряда стран. В своей знаменитой статье «Разгром», посвященной цусимской катастрофе, Ленин с гениальной проницательностью указал на причины, толкавшие буржуазию Запада настаивать на заключении мира. Он писал: «Европейская буржуазия, этот вернейший оплот царской власти, начинает тоже терять терпение. Ее пугает неизбежная перегруппировка в международных отношениях, растущее могущество молодой и свежей Японии, потеря военного союзника в Европе. Ее беспокоит судьба тех миллиардов, которые она великодушно ссудила самодержавию. Ее серьезно тревожит революция в России, слишком волнующая европейский пролетариат и грозящая всемирным революционным пожаром» [2].

Неизбежность перегруппировки в международных отношениях, о которой упоминает Ленин, вызывалась обострением англо-германских и франко-германских противоречий. По англо-французскому соглашению от 26 марта (8 апреля) 1904 г. Англия признала за Францией право протектората и даже полной аннексии Марокко. Но Германия заявила, что она будет отстаивать принцип свободы торговли и равенства всех держав в Марокко «даже ценой риска войны». Часть французских правящих кругов во главе с министром иностранных дел Делькассе, рассчитывая на поддержку Англии, настаивала на проведении «твердого курса» по отношению к Германии. Однако большинство членов французского правительства, встревоженное массовым движением рабочих против угрозы войны и неблагоприятным для Франции соотношением сил на международной арене в связи с поражением русского союзника на Дальнем Востоке, приняло германское требование о созыве международной конференции по марокканскому вопросу. Делькассе вышел в отставку.

---

[1] Цит. по статье: Р. М. Бродский. К вопросу о позиции США в русско-японской войне и портсмутских переговорах. «Вопросы истории», 1959, № 2, стр. 146.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 253.

Спеша закрепить свой успех, германская дипломатия решила возобновить прерванные в ноябре 1904 г. переговоры с Россией о военном союзе против Англии. При встрече 11 июля 1905 г. с Николаем II в Бьерке Вильгельм II представил отставку Делькассе как отказ Франции от реванша и ее желание дружески договориться с Германией. Тем самым создавались якобы условия для образования тройственного франко-русско-германского союза. Запуганный разрастающейся революцией, царь без ведома своего министра иностранных дел подписал проект союзного договора [1].

В сложившихся условиях продолжение русско-японской войны уже не входило в планы германского империализма, тем более что в России разрасталась революция, которая заметно поднимала боевой дух и среди немецких рабочих. По этим соображениям Вильгельм обратился к царю с письмом, в котором советовал заключить мир при посредничестве Рузвельта.

Еще сильнее была заинтересована в прекращении русско-японской войны Франция. Как показал марокканский кризис, англо-французское соглашение не могло восстановить «равновесие» в Европе, нарушенное отвлечением русской армии на Дальний Восток. Поэтому французская дипломатия неоднократно предлагала посреднические услуги воюющим сторонам.

Желательность скорейшего заключения мира и восстановления роли России как гаранта против посягательств Германии стала сознавать и английская дипломатия. В этом смысле начала высказываться даже систематически враждебная России газета «Таймс».

После Цусимы и Рузвельт отказался от своей тактики затягивания войны. Чрезмерное усиление Японии не устраивало США, так как сильная Япония угрожала бы интересам США в бассейне Тихого океана. США был нужен неустойчивый мир на Дальнем Востоке, чтобы, используя и разжигая русско-японские противоречия, усиливать свои позиции в Китае. Поэтому Рузвельт желал, чтобы и после заключения мира у России и Японии остались «пограничные трения». Кроме того, Рузвельт был напуган размахом русской революции и опасался за судьбу царского самодержавия. Наконец, — и это самое главное — Рузвельт понимал, что, несмотря на военные успехи, продолжение войны для Японии может оказаться не под силу вследствие истощения ее материальных и людских ресурсов.

Не дождавшись русской инициативы, Комура 18 мая 1905 г. поручил японскому послу в США Такахира официально обратиться к Рузвельту, с тем чтобы президент «немедленно всецело

[1] Бьеркский договор не вошел в силу из-за решительного противодействия Франции. Французское правительство дало понять, что оно закроет парижский денежный рынок для русских займов. Эта угроза заставила царское правительство сначала задержать вступление в силу Бьеркского договора, а в ноябре 1905 г. и вовсе отказаться от него.

по своей инициативе пригласил обоих противников встретиться для непосредственных переговоров» [1].

24 мая Рузвельт телеграфировал американскому послу в Петербурге, чтобы он от его имени убедил Николая II согласиться на мирные переговоры. В этой телеграмме президент США рисовал положение России как «абсолютно безнадежное» и уверял, что продолжение войны приведет к потере «всех русских владений в Восточной Азии». Хотя Рузвельт выступал посредником по желанию Японии, он делал вид, что действует по своей инициативе и постарается склонить к мирным переговорам Японию. Таким образом, Рузвельт помог Японии скрыть, насколько нужен ей был скорейший мир. Рузвельт сохранил в тайне японскую инициативу в вопросе об открытии мирных переговоров. Только спустя почти пять лет после подписания Портсмутского мира газета «Нью-Йорк таймс» признала, что «если бы война продолжалась еще шесть месяцев, то Япония могла потерпеть поражение, и что предложение Рузвельта начать мирные переговоры последовало не по его личной инициативе, а по просьбе Японии, для которой выход из войны стал жизненно необходимым» [2].

24 мая царь созвал военное совещание для обсуждения вопроса, следует ли немедленно сделать попытку к заключению мира. Отдельные участники совещания высказывали мнение, что, «несмотря на тяжелые поражения на суше и в особенности на море, Россия не побеждена». При этом они ссылались на то, что «до сих пор японцы воевали не на нашей территории. Ни один японец не ступил на русскую землю, и ни одна пядь русской земли врагу еще не уступлена» [3]. Эти соображения о соотношении сил России и Японии, о военном и экономическом превосходстве России не могли, однако, перевесить страха большинства участников совещания перед ростом революционного движения в случае продолжения войны. Царь и его окружение видели главную опасность для себя не в Японии, а в разраставшейся в в России революции. 25 мая царь принял американского посла и дал согласие на открытие мирных переговоров. 26 мая Рузвельт официально обратился в Петербург и Токио с предложением открыть непосредственные переговоры о мире и принять его «услуги». Противники приняли предложение Рузвельта. Со стороны России главным уполномоченным для ведения переговоров был назначен Витте, с японской стороны — министр иностранных дел Комура. Чтобы держать переговоры под своим контролем, Рузвельт настоял, чтобы они велись в США, а не в Париже или Гааге, как того хотело русское правительство. Мирные перегово-

[1] Цит. по кн.: Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.—Л., 1955, стр. 412.

[2] Цит. по статье: Р. М. Бродский. К вопросу о позиции США в русско-японской войне и портсмутских переговорах. «Вопросы истории», 1959, № 2, стр. 153—154.

[3] «Красный архив», 1928, т. 3 (28), стр. 200, 201.

ры происходили в американском курортном городке Портсмуте.

Мирная конференция открылась в благоприятных для Японии условиях. Перед началом конференции англо-американские империалисты решили за спиной народов договориться с Японией о совместном грабеже дальневосточных стран. Еще в начале 1905 г. США и Англия решили принести Корею в жертву японской агрессии. 14 июля в Токио произошла беседа личного представителя Рузвельта, военного министра США Тафта с японским премьером Кацурой. Тафт подтвердил согласие США на захват Японией Кореи, а Япония со своей стороны признала американский суверенитет на Филиппинах. 30 июля (12 августа) был подписан новый англо-японский договор о союзе. В обмен на обязательство Японии защищать Индию Англия признавала за Японией право аннексировать Корею.

Президент США Рузвельт, взяв на себя инициативу мирного посредничества, однако, не выполнил своего обещания добиться от Японии заключения перемирия после получения от России согласия на открытие переговоров. Это позволило японцам в июне 1905 г. оккупировать часть Сахалина. В результате японская дипломатия получила лишнее преимущество против России в дипломатической игре за столом мирной конференции.

Рассчитывая на поддержку Англии и США, Япония потребовала признания за ней преобладающих политических, военных и экономических интересов в Корее, эвакуации русских войск из Маньчжурии, уступки Сахалина, аренды Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и железной дорогой до Харбина.

Это отдавало в руки Японии первоклассный плацдарм для нападения на Китай и русский Дальний Восток. Кроме того, Япония требовала контрибуции, выдачи интернированных в нейтральных портах русских военных судов, ограничения русских военно-морских сил в водах Тихого океана и предоставления японским подданным неограниченных прав на рыбную ловлю вдоль берегов и в заливах, гаванях, бухтах и реках, находящихся в русских владениях в Японском, Охотском и Беринговом морях.

Царское правительство спешило заключить мир с Японией, чтобы развязать себе руки для борьбы с революцией. К тому же русская делегация была плохо осведомлена о действительном положении Японии. Поэтому японские условия об уступке Порт-Артура и Южно-Маньчжурской железной дороги не вызвали разногласий на конференции. Споры на ней разгорелись вокруг японских требований об уступке Сахалина и возмещении Россией военных издержек.

Рузвельт добивался от России как можно больших уступок Японии. Первоначально он требовал от русской делегации передачи Сахалина Японии, а затем поддерживал японские требования об уступке южной части острова и уплате Россией военной контрибуции под видом «выкупа» Северного Сахалина. В обра-

щении к царю от 12 августа Рузвельт пугал его, что продолжение войны будет означать потерю не только Сахалина, но и всей Восточной Сибири. По просьбе Рузвельта Германия и даже «союзная» Франция пытались добиться у царского правительства согласия на японские требования.

Только твердая позиция русской делегации, отклонившей уплату контрибуции, заставила Японию отступить. В связи с истощением своих ресурсов Япония боялась возобновления военных действий и поэтому вынуждена была отказаться от контрибуции и довольствоваться приобретением южной части Сахалина.

Президент США очень жалел, что японские делегаты на конференции оказались уступчивее, чем он надеялся. «Я полагаю,— писал он,— что Япония, возвращая России Северный Сахалин, пошла на гораздо большие уступки, чем следовало. Я уверен, что добился бы передачи Северного Сахалина Японии или по крайней мере заставил бы Россию заплатить за его возвращение» [1].

Подписанный 23 августа 1905 г. мирный договор признавал Корею сферой японских интересов. Обе стороны обязались эвакуировать свои войска из Маньчжурии, за исключением территории, на которую распространялась аренда Ляодунского полуострова. Россия уступала Японии Порт-Артур и железную дорогу до станции Чанчунь. Во владение Японии переходила часть Сахалина к югу от 50-й параллели. Наконец, Россия обязалась предоставить японцам право рыболовства вдоль русских берегов в Японском, Охотском и Беринговом морях.

В результате Портсмутского договора Россия лишилась естественного выхода в океан. С потерей Южного Сахалина под японский контроль ставилась связь с русскими владениями на крайнем северо-востоке — Камчаткой и Чукоткой.

Поражение царской России нельзя объяснять экономической мощью или превосходством военного искусства Японии. Как подчеркивал Ленин, «Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может...» [2].

При ограниченности сырьевых и энергетических ресурсов, слабом развитии тяжелой промышленности Япония, разумеется, никогда не достигла бы успехов в войне без помощи Англии и США в виде займов, поставок вооружения, стратегических материалов, продовольствия. В области стратегии японцы не дали ничего выдающегося. Их победы во многом объяснялись бездарностью и предательством царских генералов. Японцам не удалось окружить и уничтожить русские силы в Маньчжурии.

---

[1] Цит. по кн.: Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.—Л., 1955, стр. 369.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 227.

Опасаясь, что конец войны может оказаться непохожим на ее начало, Япония первая обратилась к Рузвельту за мирным посредничеством.

Если Япония не могла продолжать войну из-за истощения своих материальных и людских ресурсов, то царская Россия потерпела поражение вследствие своей экономической, государственной и военной отсталости. Россия оказалась неподготовленной к войне на Дальнем Востоке. Насквозь прогнившее самодержавие тормозило экономический и культурный прогресс страны, сковывало духовные силы народа. В массах зрел протест против царизма. Ненависть к самодержавию усиливалась под влиянием поражений в русско-японской войне.

«Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия» [1],— писал Ленин. Русско-японская война ускорила в России начало народной революции 1905 г. Эта революция нанесла такие удары по самодержавию, от которых оно уже не могло оправиться до самого конца своего существования.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9. стр. 158.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 — 1907 гг.

1. Историография. В. И. Ленин придавал исключительное значение изучению опыта «величайших, всенародных классовых битв 1905—1907 годов», которые он назвал генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции.

В. И. Ленин неоднократно обращался к событиям 1905—1907 гг. Он считал необходимым тщательно и всесторонне изучать опыт революции, пропагандировать ее уроки, революционные традиции. «Нам надо позаботиться, — писал он, —...чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее...» [1]. В 1908 г. Ленин предложил М. Н. Покровскому подготовить план двухтомника о революции 1905 г., написанного доступным для рабочих и крестьян языком. Такой план был составлен, но одобрения Ленина не получил: в нем развивались мысли, что революция, во главе которой идет пролетариат, может быть лишь социалистической и что русская революция может иметь успех как революция социалистическая [2].

Известно, что аграрный вопрос стоял в центре русской буржуазно-демократической революции и определял ее национальную особенность. Естественно поэтому, что Ленин уделял большое внимание исследованию этой проблемы.

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин в споре с народниками доказал, что аграрные отношения у нас развивались — и в помещичьем, и в крестьянском хозяйствах, и вне и внутри общины — по капиталистическому пути.

Но верно определив в этой работе перспективу развития аграрных отношений, В. И. Ленин, на основании статистических данных Н. Ф. Анненского, сделал вывод о преобладании капиталистической системы в сельском хозяйстве России. После революции 1905—1907 гг. Ленин пересмотрел вопрос об уровне развития капитализма в русском земледелии. В работе

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 26.

[2] См.: М. Н. Покровский. Значение революции 1905 года. Л., 1925, стр. 4.

«Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» Ленин пришел к заключению, что «остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, чем мы думали, они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из *этого* движения оселок всей буржуазной революции»[1]. В этой работе Ленин поставил вопрос о двух объективно возможных видах капиталистической аграрной эволюции. Ленин показал, что капитализм в сельском хозяйстве России развивался двумя путями: прусским (юнкерским) и американским (фермерским).

Указанным типам аграрной эволюции соответствовали и две линии аграрных программ в русской революции: линия решения аграрного вопроса сверху, путем сохранения помещичьего землевладения и насильственного разрушения общины, экспроприации крестьянской массы в пользу кулаков, и крестьянское решение аграрного вопроса снизу, путем уничтожения помещичьего землевладения и национализации всей земли.

Революция 1905—1907 гг. явилась проверкой аграрных программ русских политических партий. Она показала, что основной недостаток аграрной программы РСДРП, принятой в 1903 г., заключался в отсутствии точного представления о том, из-за чего может развернуться крестьянская борьба в ходе российской буржуазной революции, каковы типы капиталистической аграрной эволюции, которые объективно возможны при победе тех или иных общественных сил в этой борьбе. Главный пункт программы 1903 г.— об «отрезках» — был основан на различии земель, служащих для крепостнически-кабальной эксплуатации (земли, отрезанные у крестьян в 1861 г.), и земель, эксплуатируемых капиталистически. Такое отделение было совершенно ошибочно, ибо на практике движение крестьянских масс направлялось не против особых разрядов помещичьих земель, а против помещичьего землевладения вообще.

Вот почему, подчеркивал Ленин, «вместо частной задачи борьбы с *остатками старого* в земледельческом строе мы должны были поставить задачи борьбы *со всем старым земледельческим строем*. Вместо очистки помещичьего хозяйства поставили *уничтожение* его»[2].

В своих трудах, посвященных революции 1905—1907 гг., В. И. Ленин огромное значение придавал анализу стачечного движения. По выражению Ленина, оно служило барометром всей общенародной освободительной борьбы в России. Он подчеркивал, что «нельзя понять событий русской революции и смены ее политических форм, если не изучить по *статистике забастовок основы* этих событий и этой смены форм»[3]. В конце 1905 г.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 269.
[2] Там же.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 311.

Ленин занялся разработкой материалов о статистике стачек. При этом он использовал данные правительственной статистики, обработанные Варзаром. Ленин предполагал на основе собранного материала написать очерк истории первой русской революции. Первым шагом к нему явилась статья В. И. Ленина «О статистике стачек в России».

На основе изучения волнообразного характера стачечного движения за 1905—1907 гг. Ленин пришел к выводу, что подъем стачечной волны определял все поворотные пункты революции. Статистика стачек убедительно показывает, что главной пружиной революции, ее гегемоном был пролетариат, что движение других классов группируется вокруг этого центра, за ним следует, им направляется, от него зависит.

Работы Ленина «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти», «Социализм и анархизм», «Победа кадетов и задачи рабочей партии» определили основные задачи в изучении истории Советов в первой русской революции. В этих работах впервые было дано марксистское освещение вопросов о роли и значении Советов, о причинах их возникновения, о характере и целях их деятельности, об отношении к ним пролетарской партии. Ленин сделал вывод о Советах как органах вооруженного восстания и революционной власти.

Важнейшее значение для выработки тактики РСДРП в 1905 г. имел вопрос о роли либеральной буржуазии в революции. От решения этого вопроса во многом зависела вся тактическая линия пролетариата в буржуазно-демократической революции. Этот вопрос нельзя было решать абстрактно, метафизически, на основе голой априорной схемы, как это делали меньшевики. Последние заучили истину, что революция 1905 г. буржуазная, и на этом основании утверждали, что буржуазия должна стать передовой и руководящей силой революции.

Ленин в трудах «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и др. дал образец творческого марксизма, дальнейшей разработки теории научного социализма о роли буржуазии применительно к новым условиям классовой борьбы в эпоху империализма.

Ленин указывал, что в условиях России буржуазия не была заинтересована в решительной победе над царизмом и вследствие этого не могла быть вождем революции.

Развивая эту точку зрения, Ленин писал: «...буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна... ибо

иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве» [1].

Полное исследование итогов революции Ленин откладывал «до другого места». Однако работы в этом плане ему написать не пришлось. Для ознакомления с опытом революции 1905 г. рабочих Запада Ленин прочитал 9 (22) января 1917 г. на немецком языке «Доклад о революции 1905 года» в Цюрихском народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи.

Идейные истоки либеральной концепции революции 1905—1907 гг. восходят к государственной, или юридической, школе в русской историографии, которая окончательно сложилась во второй половине 50-х годов XIX в., в период первой революционной ситуации в России. Обострение классовых противоречий в стране и рост революционно-демократического лагеря обусловили обращение буржуазных историков к идеалу сильной государственной власти, способной отвести от имущих классов угрозу народной революции. Для представителей этого направления характерно крайнее преувеличение роли государства в истории и отрицание решающей роли народных масс в прогрессивном общественном развитии.

Одним из виднейших лидеров буржуазно-помещичьего либерализма и главой государственной школы был Б. Н. Чичерин. Рассматривая государство в духе идеалистической философии Гегеля, как «высшую форму общежития, высшее проявление народности в общественной сфере», Чичерин видел в нем силу надклассовую и отводил ему решающую роль в историческом развитии. Наиболее полно, по мнению Чичерина, руководящая роль государства обнаружилась в истории России, где якобы сам народ был создан государством, которое собирало под свою власть отдельных лиц, бродивших по необъятным просторам страны.

Типичное для государственной школы представление о государстве как «организации порядка», как о жизнеутверждающем факторе исторического процесса развивали после 1905 г. веховцы. В русской истории, утверждали они, происходила борьба двух начал: бунтарско-анархического в виде антикрепостнических народных движений и разумно-государственного, которое у веховцев ассоциировалось с царским самодержавием.

Идеалом веховцев был режим «17-го октября». Они считали, что актом 17 октября 1905 г., знаменовавшим собой «коренное преобразование сложившегося веками политического строя России», «по существу и формально революция должна была завершиться». К сожалению, быстрота, с которой был получен мани-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 38.

фест 17 октября, «подействовала опьяняюще на интеллигенцию. Она вообразила себя хозяином исторической сцены...». «Никогда никто еще с таким бездонным легкомыслием не призывал к величайшим политическим и социальным переменам, как наши революционные партии и их организации в дни «свободы», — возмущался Струве в сборнике «Вехи». Революция научила либеральную буржуазию особенно дорожить «исторической государственностью», которая штыками и тюрьмами оградила ее в 1905 г. от «ярости народной». В этом цинично признавался кадетский публицист М. О. Гершензон на страницах «Вех».

Дореволюционная русская буржуазная историография видит в земско-либеральном движении, из которого вышли кадетская партия и «Союз 17 октября», «самоотверженное служение общенародным нуждам». Так, Д. И. Шаховской объясняет «демократические» направления земской политики, осознанной всем обществом в 60-х годах XIX в., «потребностью коренного обновления жизни и чувством неоплатного долга перед вчерашним рабом» [1].

Либеральная историография идеализировала и I Государственную думу, которую она окрестила Думой «народного гнева», и особенно перводумцев-кадетов, утверждая, что они «были проникнуты одним чувством и одним желанием — отдать все свои силы интересам народа» [2]. По словам Н. Ф. Езерского, «два раза — в октябре 1905 г. во время переговоров с графом Витте и в июле 1906 г. — конституционно-демократическая партия была близка к власти, и оба раза власть миновала ее, потому что партия не дала себя ослепить ее миражем и не пошла ни на какие компромиссы, не ослабила даже на минуту свою оппозицию старому режиму» [3]. Кадетские историки усиленно раздували легенду, будто влияние их партии в Думе с течением времени расширялось и крепло. Напротив, трудовая группа постепенно теряла своих членов, недовольных радикализмом ее лидеров, и к концу думской сессии значительная часть депутатов откололась от фракции трудовиков и вместе со многими беспартийными крестьянами образовала особую крестьянскую партию, которая решила во всем поддерживать мирную, парламентскую тактику кадетской фракции [4]. Если тем не менее не удалось спасти I Государственную думу, то объяснялось это тем, что преобладавшая в ней кадетская партия не вполне верно оценила борющиеся

---

[1] Кн. Дм. Шаховской. Пятидесятилетие земства. В сб. «Очерки экономической деятельности земства». М., 1914, стр. 6—7.

[2] И. Петрункевич. Политическая роль Первой Государственной думы. В сб. «Первая Государственная дума. Политическое значение Первой думы», вып. I. СПб., 1907, стр. 41.

[3] Н. Ф. Езерский. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907, стр. 114.

[4] См.: «Нападки на партию Народной свободы и возражения на них». М., 1906, стр. 71.

силы: она несколько преуменьшала жизнеспособность старого режима и преувеличила силу народного движения. Когда Дума обратилась к стране за поддержкой в связи с правительственным сообщением по аграрному вопросу, поддержки не последовало [1].

После 1917 г. мнимо «бескомпромиссная» позиция кадетов в I Думе стала подвергаться в белоэмигрантской литературе ожесточенным нападкам. По словам В. А. Маклакова, либерализм в I Думе «не выдержал испытания на государственность». Вместо того чтобы стать мостом между «исторической властью» и народом кадеты — элита русского либерализма — вошли в союз с революционными партиями и своей негибкой, «самоубийственной» тактикой оттолкнули «либеральных» министров Витте и Столыпина, которые искренне желали работать совместно с общественностью над «обновлением» России.

Подобно «Вехам», меньшевистские историки обвиняли революцию 1905 г. в «необузданном максимализме». До 17 октября, когда пролетариат, по словам меньшевиков, ограничивался борьбой за политическую свободу, буржуазия «сочувствовала» ему. Во время Всероссийской Октябрьской политической стачки «революционность» буржуазии достигает апогея. Капиталисты не только не препятствовали митингам на заводах и фабриках, но и выдавали рабочим заработную плату за стачечные дни. В сочувствии и поддержке буржуазией освободительной борьбы пролетариата заключалась тайна успехов революции, секрет победы Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г. После 17 октября, вместо того чтобы стать на почву царского «дара» и в новых условиях отстаивать мирным путем свои убеждения, пролетариат «зарвался», потерял чувство меры, выдвинув на очередь дня «безумные» лозунги о революционном осуществлении 8-часового рабочего дня и о вооруженном восстании. Этим пролетариат оттолкнул от себя «старого союзника» — буржуазию и бросил ее в объятия реакции. Новые его союзники — армия и крестьянство, с точки зрения меньшевиков, — были «невесомыми величинами». Изоляция пролетариата и привела его к поражению. Вслед за буржуазными партиями меньшевики обвиняли большевиков в «симуляции революции», в том, что они якобы искусственно взвинтили революционное движение до его высшей точки — Декабрьского восстания и чуть ли не спровоцировали последнее. Меньшевики клеветнически изображали московское восстание в декабре 1905 г. как авантюру, легкомысленно затеянную большевиками, не имевшую корней в массах и заранее проигранную.

Меньшевистские историки разделяют, по сути дела, и буржуазную концепцию «народного» характера земства. По мнению

[1] См.: И. Петрункевич. Политическая роль Первой Государственной думы. В сб. «Первая Государственная дума. Политическое значение Первой думы». вып. I. СПб., 1907, стр. 110.

Б. Веселовского, состав земцев с 90-х годов заметно демократизируется в связи с раздроблением дворянского землевладения и увеличением среди помещиков представителей свободных профессий, которые несли в земство свои «интеллигентные идеалы» [1]. По утверждению А. Мартынова, в возникшей на базе земско-либерального движения кадетской партии быстро выветривались традиции помещичьего либерализма, и она выступает как идеолог капиталистического прогресса [2]. Отсюда вытекало признание меньшевиками гегемонии либеральной буржуазии в лице кадетской партии в революции.

Меньшевистская концепция давала себя знать некоторое время и после 1917 г. В вышедшей в 1922 г. книге П. А. Берлина утверждалось, что «первая русская революция увлекает в своем движении и крупную буржуазию» [3]. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. «была встречена буржуазией с полным сочувствием» [4]. После октября пролетариат оказался политически изолированным по собственной вине: «Борьба за введение явочным порядком восьмичасового рабочего дня вошла острым клином между пролетариатом и буржуазией и толкнула последнюю уже на открытый политический разрыв с рабочим классом и сближение с правительством» [5].

Либеральная и меньшевистская концепции первой русской революции служат и в наши дни путеводной нитью для западных буржуазных историков [6], которые отводят ведущую роль в событиях этой революции либеральной буржуазии и ее главной партии — кадетам, как защитникам «истинной демократии».

С точки зрения Л. Шапиро, события 9 января 1905 г. «не были настоящим началом революции. Толчок к этому мощному всенародному протесту против самодержавного строя был дан либеральной буржуазией. Уже с осени 1904 г. обе группы, объединенные под эгидой «Союза освобождения», — представители земства и либеральной интеллигенции — начали устраивать съезды и банкеты, на которых выдвигали требования конституционного порядка. Это движение, продолжавшееся на протяжении всего 1905 года, приняло теперь еще больший размах в связи с рабочими и крестьянскими волнениями» [7].

---

[1] См.: Б. Веселовский. История земства за сорок лет, т. III. СПб., 1911, стр. 475.

[2] См.: А. Мартынов. История конституционно-демократической партии. В сб. «Общественное движение в России в начале XX-го века», т. 3. СПб., 1914, стр. 70.

[3] П. А. Берлин. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922, стр. 242.

[4] Там же, стр. 235.

[5] Там же, стр. 236.

[6] Viktor Leontowitsch. Geschichte des Liberalismus in Rußland. Frankfurt am Main, 1957; L. Schapiro. The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., 1960.

[7] L. Schapiro. Op. cit, p. 87.

«Зубатовское движение» Шапиро изображает как «искреннюю попытку со стороны наиболее дальновидных полицейских офицеров принудить закоснелое самодержавие к немного более просвещенным методам правления». По утверждению Шапиро, «сам Гапон, хотя и был связан с полицией, играл двойственную роль и имел в рамках разрешенной неполитической организации нечто вроде тайного революционного комитета». «Под влиянием толпы» Гапон предложил организовать шествие рабочих к царскому дворцу. В ночь на 10 января Гапон «обратился к народу с открытым призывом к восстанию, на который откликнулась вся страна».

В своей книге Шапиро грубо фальсифицирует историю возникновения первых Советов рабочих депутатов и отношение к ним большевиков. Без всяких оснований он заявляет, что инициативу организации Петербургского Совета взяли на себя меньшевики, а в Московском Совете преобладающим влиянием пользовалась партия эсеров. В явном противоречии с твердо установленными фактами Шапиро пишет, что Ленин относился к Советам «без особой симпатии и весьма настороженно». Он будто бы опасался, что социал-демократы попросту растворятся в непартийных массовых организациях, которые они не смогут контролировать.

Вопреки общеизвестным фактам Л. Шапиро заявляет, что манифест 17 октября «не вызвал особого энтузиазма. Даже либеральная буржуазия в своем большинстве сразу же отвергла его» [1]. Поражение декабрьского вооруженного восстания Шапиро объясняет тем, что «буржуазные партии, созданные только в октябре, не были ни достаточно подготовленными, ни достаточно сплоченными, чтобы взять в свои руки власть» [2].

В согласии с В. А. Маклаковым Л. Шапиро полагает, что «пагубные последствия для развития конституционного строя в России» имела «бескомпромиссная» позиция кадетов, отказавшихся «признать тактику продвижения к свободе постепенно, отдельными этапами». По словам Шапиро, кадеты, окрыленные доверием, оказанным им избирателями, требовали ответственного перед Думой правительства и не хотели слышать ни о каких уступках. Их непримиримая позиция скоро завела Думу в тупик, и вопрос разрешился роспуском Думы [3].

Из историков-марксистов первым начал разработку истории революции 1905—1907 гг. М. Н. Покровский. Обобщающим и наиболее полным его трудом по этой проблеме является третий выпуск «Русской истории в самом сжатом очерке».

На пути Покровского, ученого и политического деятеля, были и ошибки, и колебания, и заблуждения. Кардинальной его ошиб-

---

[1] L. Schapiro. Op. cit, p. 88.
[2] Ibid, p. 92.
[3] Ibid, p. 115.

кой как историка было преувеличение значения торгового капитала в истории России. По Покровскому, последний был «стержнем всей хозяйственной системы» и им определялась вся внутренняя и внешняя политика царской России. Основным фоном, на котором развернулась революция 1905—1907 гг., с точки зрения Покровского, была борьба промышленного капитала с торговым. В соответствии с этим М. Н. Покровский в своих ранних работах явно недооценивал уровень сознательности и организованности массового революционного движения. Он утверждал, что рабочее и крестьянское движения в начале XX в. были стихийно революционны, преследовали чисто экономические цели и их можно было «повернуть во всех направлениях». И вот промышленный капитал решает воспользоваться начавшимся массовым революционным движением, чтобы, опираясь на него, покончить с царским самодержавием, политическим сгустком торгового капитала.

По словам Покровского, «уже в 1903—1904 гг. русская буржуазия начинает ту игру, которая заканчивается только после декабрьского восстания 1905 года... Поэтому только что образовавшаяся кадетская партия сочувственно относилась к октябрьской забастовке. Кадеты смотрели на революционеров, как на свое войско... Питерские предприниматели аккуратно платили рабочим за забастовочные дни» [1].

Исходя из своей схемы борьбы торгового капитала с промышленным капиталом, Покровский рассматривал и социально-экономические противоречия в деревне. Там, по его мнению, происходила борьба двух типов хозяйств: мелкого, крестьянского, которое было уже почти буржуазным, и крупного, помещичьего хозяйства, которое оставалось в основе феодальным. Конкуренция на хлебном рынке между кулаком (агент промышленного капитала) и помещиком (агент торгового капитала) делала кулака «первым либералом в деревне» и определенным союзником пролетариата в борьбе с самодержавием».

Эта концепция, разумеется, была далека от ленинской трактовки характера и движущих сил первой русской революции. Следует, однако, подчеркнуть, что на протяжении 1923—1931 гг. Покровский неоднократно пересматривал и углублял свои взгляды, все более приближаясь к ленинской концепции русского исторического процесса. При этом надо иметь в виду, что эволюция взглядов Покровского происходила в связи с развитием и успехами советской историографии в целом. «Наука русской истории двигается вперед, и я с нею» [2], — заявлял он.

Уже в 1925 г. в докладе о значении революции 1905 г. Покровский признал ошибкой свое прежнее мнение о том, что «во

---

[1] М. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М. — Л., 1927, стр. 110, 111.

[2] «Историк-марксист», 1927, т. 3, стр. 221.

главе крестьянского движения шла сельская буржуазия, шел кулак». Теперь, анализируя губернаторские и жандармские донесения, подготовленные к печати С. М. Дубровским и Б. Б. Граве, Покровский пришел к заключению, что крестьянское движение не только не руководилось кулаками, но шло против кулаков, в особенности когда они арендовали помещичьи земли и становились на место помещиков. По словам Покровского, «пролетаризованные или полупролетаризованные крестьяне, ставшие городскими рабочими, несли революцию в деревню...».«Политический союз крестьянина и рабочего, о который разбилась белогвардейская реакция в 1918—1920 гг., уже в 1905 г. наметился вполне отчетливо» [1].

Продолжая очистку «непроветренных углов» своего мировоззрения, Покровский радикально меняет взгляд и на роль буржуазии в революции. Если раньше он утверждал, что «до декабря 1905 г. кадеты... играли на повышение революции», то в своих последних выступлениях в печати Покровский ставит эту проблему на правильные рельсы. В 1931 г. он писал: «Наша буржуазия в 1905 году не была еще той сплошной реакционной массой, какой становится буржуазия в момент социалистической революции. Но она была ближе к этому состоянию, чем какая бы то ни было другая буржуазия в какую бы то ни было из предшествовавших буржуазных революций... И вот почему вопрос о борьбе с буржуазией не сходил ни на минуту с основного фона той картины, в которую развертывалась революция» [2].

В брошюре «Роль рабочего класса в революции 1905 года» Покровский внес существенную поправку и в свое прежнее представление о Всероссийской Октябрьской стачке 1905 г. как стихийной. Теперь он отмечает, что рабочий класс подходил к идее всеобщей забастовки, которая реализовалась в октябре 1905 г. не стихийно. К этой идее рабочих подвела школа революционной стачечной борьбы, в которой одно из первых мест занимала летняя стачка ивановских ткачей: «...всеобщая стачка пропагандировалась, и эта пропаганда несомненнейшим образом дала свои всходы, свои плоды в Октябрьской забастовке» [3]. В конце своего выступления Покровский с присущим ему темпераментом и литературным блеском подчеркнул огромную роль партии большевиков как вдохновителя и организатора борьбы народных масс в 1905 г.: «Колоссальное влияние нашей партии сильнейшим образом сказалось и на первой революции. Было бы совершенно нелепо умалять это влияние и изображать революцию как стихийный процесс. Но без энтузиазма масс, без подъема масс вообще

[1] М. Н. Покровский. Значение революции 1905 года. Л., 1925, стр. 31, 34.
[2] М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 4. М., 1967, стр. 217.
[3] М. Н. Покровский. Роль рабочего класса в революции 1905 г. М., 1930, стр. 12.

никакие шаги невозможны. И сила нашей партии заключается в том, что она умеет этот энтузиазм организовать, предвидеть этот энтузиазм и направить его по тому пути, по которому должна идти эта волна энтузиазма; она умеет не дать этой волне разбиться зря о берега» [1].

С первых лет Советской власти изучение истории первой русской революции получило большой размах. В 20-х и начале 30-х годов было опубликовано много книг и статей по отдельным проблемам революции 1905—1907 гг. Из них и поныне сохраняют научное значение труды Ем. Ярославского «Декабрьское восстание» (М.—Л., 1925), В. И. Невского «Советы и вооруженное восстание в 1905 году» (М., 1932), Е. А. Мороховца «Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции» (М.—Л., 1927), А. В. Шестакова «Борьба сельских рабочих в революции 1905—1907 гг.» (М.—Л., 1930). Интенсивно велась публикация документов и материалов, а также воспоминаний активных участников революции.

Однако названные авторы грешили преувеличением элементов стихийности и недооценкой, а порой и отрицанием руководства большевистской партии. В частности, работы Мороховца и Шестакова не показывают остроты, с какой проходила борьба пролетариата во главе с большевиками против либеральной буржуазии за крестьянство. Они не дали политической оценки оппортунистической линии меньшевиков в деревне. В то же время Шестаков ошибочно отрицал революционно-демократическое значение Всероссийского крестьянского союза и трудовой группы в I и II Государственных думах. «Крестьянский союз,— писал он,— оказался организацией, только обманывавшей крестьянские массы своей кажущейся революционностью» [2].

Одной из первых работ по истории буржуазных партий была книга С. Е. Сефа «Буржуазия в 1905 году», вышедшая в 1926 г. Но в ней вопрос о генезисе буржуазных партий в России не был даже поставлен. Структура же книги могла дать повод к неправильным заключениям. Анализ буржуазного оппозиционного движения автор начинает с политических выступлений крупной промышленной буржуазии, тем самым как бы признавая за последней приоритет в либеральной оппозиции самодержавию. Сеф отдал дань концепции «торгового капитализма», заявляя, что «черносотенные защитники русского самодержавия представляли интересы феодального землевладения и торгового капитализма», а «общеземские съезды олицетворяли нарождающийся аграрно-промышленный капитал» [3]. Автор ограничивает свое исследование рамками 1905 г. на том основании, что

[1] М. Н. Покровский. Роль рабочего класса в революции 1905 г. М., 1930, стр. 24.

[2] А. Шестаков. Крестьянство в революции 1905 года. М. — Л., 1930, стр. 56.

[3] С. Е. Сеф. Буржуазия в 1905 году. По неизданным архивным материалам. М.— Л., 1926, стр. 36.

«политическая активность крупно-промышленной буржуазии, начавшись в первые месяцы 1905 года, к концу года замирает», а деятельность кадетов (партии средней городской буржуазии по Сефу. — *Е. Ч.*) в 1906—1907 гг. уже освещалась в работах А. Слепкова и С. Г. Томпсинского.

В последнее время точку зрения Сефа воспринял И. Ф. Гиндин. По его мнению, крупная буржуазия в начале 1906 г. ушла с политической сцены. Он пишет: «Крупная буржуазия... отказалась в начале 1906 г. от проектов создания своей самостоятельной политической партии крупной буржуазии (торгово-промышленная партия и др.)... Свою возросшую силу и классовую организованность крупный капитал направил по прежнему руслу (как и до 1905 г., когда крупная буржуазия была политически инертной.— *Е. Ч.*) — на учреждение «представительных» организаций, отстаивающих его узкоэкономические домогательства... Вместо торгово-промышленной партии была создана в январе 1906 г. наиболее широкая организация крупного капитала — «Совет съездов представителей промышленности и торговли» [1].

На самом же деле крупная буржуазия отказалась от мысли создать единую и исключительно «торгово-промышленную» партию, но «Совет съездов» был создан *не вместо* политической партии, *а рядом* с «Союзом 17 октября», в котором объединились верхи российского капитала с обуржуазившимися помещиками.

В книге Н. Н. Яковлева «Вооруженные восстания в декабре 1905 года» (М., 1957) использованы многочисленные документы, воспоминания, монографии, а также неопубликованные материалы из центральных и местных архивов. Все это дало возможность показать декабрьские вооруженные восстания более полно, чем делалось раньше.

Книга П. И. Климова «Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг.» (М., 1960) содержит много интересных фактов о многогранной работе передовых рабочих-большевиков в деревне. Однако нельзя согласиться с оценкой автором большевистской тактики бойкота I Думы как «единственно правильной тактики». Климов считает, что эта тактика «способствовала высвобождению крестьян из-под влияния кадетов и тем самым развитию союза рабочего класса с крестьянством». Но известно, что В. И. Ленин, анализируя опыт революции, признал ошибкой бойкот I Думы в 1906 г., так как тактика сближения с крестьянством была возможна не только вне, но и в самой Думе.

Монография Н. Н. Демочкина «Советы 1905 года — органы революционной власти» (М., 1963) — первая обобщающая научная история Советов 1905 г. В ней рассмотрены главные аспекты проблемы — учение В. И. Ленина о Советах, Советы ра-

[1] И. Ф. Гиндин. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. «История СССР», 1963, № 3, стр. 50.

бочих депутатов — продукт революционного творчества масс, деятельность Советов как зачаточных органов революционной власти.

В книге Л. К. Ермана «Интеллигенция в первой русской революции» (М., 1966) исследуется широкий круг вопросов: состав и положение интеллигенции в России в конце XIX— начале XX в., борьба большевиков за вовлечение демократической интеллигенции в революционное движение. Автор на большом фактическом материале показывает не только непосредственное участие передовой интеллигенции в событиях революции, но и то влияние, которое она оказывала своим творчеством на воспитание народа в духе революционных традиций.

В 1970 г. вышло второе издание монографии Е. Д. Черменского «Буржуазия и царизм в первой русской революции». Автор расширил круг источников, лежащих в основе его труда, дал историографию проблемы, дополнил книгу новыми разделами.

На Всесоюзной научной сессии, посвященной истории российского пролетариата (ноябрь 1967 г.), П. В. Волобуевым было высказано мнение, что во время деятельности I и II Государственных дум пролетариат якобы утратил роль гегемона в освободительной борьбе, так как он и его союзники оказались в плену конституционных иллюзий [1]. Но рабочий класс и его партия не были охвачены иллюзиями. Среди крестьян конституционные иллюзии одно время действительно получили широкое распространение. Но это вовсе не означало, что гегемония в крестьянском движении перешла к либеральной буржуазии в лице кадетской партии. Как будет видно из дальнейшего изложения, попытки кадетов в I и II Думах направить революционное настроение трудовиков в парламентское русло успеха не имели. Но если кадеты не могли подчинить своему влиянию крестьянских депутатов, то какие же у них были шансы повести за собой многомиллионное крестьянство?! Несомненно, пленение темных крестьян конституционными иллюзиями осложняло ведущую роль пролетариата в освободительном движении, но не могло существенно подорвать союз рабочего класса с крестьянством. Ленин подчеркивал, что первая буржуазно-демократическая революция в России «неопровержимо доказала полную шаткость и контрреволюционность нашей буржуазии, доказала способность нашего пролетариата быть вождем победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной» [2].

2. Начало революции. Революция 1905—1907 гг. была первой народной революцией эпохи империализма. Перед ней стояла задача свержения самодержавия, уничтожения пережитков

---

[1] См.: «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». М., 1970, стр. 21.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр соч., т. 17, стр. 412.

крепостничества, которые пронизывали все поры экономики и общественной жизни.

Экономической основой пережитков крепостничества было помещичье землевладение. Поэтому аграрный вопрос, т. е. борьба крестьянства за землю, стоял в центре русской буржуазно-демократической революции и определял ее национальную особенность.

По своему объективному содержанию революция 1905 г. была буржуазной. Но по своим движущим силам она в корне отличалась от буржуазных революций XVII—XVIII вв., которые происходили в эпоху подымающегося капитализма, когда буржуазия была еще революционным классом. Русская революция совершалась в эпоху империализма, развитие которого отличается загниванием капитализма и обострением социальных и политических противоречий.

Рабочий класс России в начале XX в. не только выделился из всей массы трудящихся, но и приобрел значительный опыт классовой борьбы, создал свою марксистскую партию и выступил как самая передовая и организованная политическая сила в стране.

Особенностью первой русской революции явилось развертывание в ней одновременно двух социальных войн: «Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества»[1].

Российская буржуазия, обеспокоенная призраком социализма и связанная множеством нитей с реакционными помещиками и царизмом, не хотела полной и решительной победы демократической революции.

В результате в России создалась парадоксальная ситуация, которую Ленин определил следующим образом: «Победа буржуазной революции у нас невозможна, *как победа буржуазии*... Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата, — все эти обстоятельства придают *нашей* буржуазной революции *особый* характер»[2].

Особый характер русской революции заключался в том, что все ее развитие, размах и формы определяла борьба пролетариата. Массовая стачка — это специфически пролетарское средство борьбы — играла первостепенную роль в вовлечении в революционную борьбу крестьянства и в подготовке всенародного вооруженного восстания против самодержавия. Поэтому руководящая роль в революции принадлежала рабочему классу, а

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 283.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 44.

союзником его стало крестьянство, кровно заинтересованное в уничтожении остатков крепостничества.

Прологом первой русской революции явилась начавшаяся 3 января 1905 г. стачка рабочих Путиловского завода в Петербурге, вызванная ухудшением положения рабочих в связи с русско-японской войной. Рабочие требовали 8-часового рабочего дня, установления минимума заработной платы, отмены обязательных сверхурочных работ.

Путиловская стачка послужила искрой, которая зажгла революционный пожар в столице Российской империи. По призыву Петербургского комитета РСДРП выступление путиловцев было поддержано стачками рабочих других фабрик и заводов. 8 января стачка в Петербурге стала всеобщей, в ней участвовало до 150 тыс. человек.

Напуганное мощной волной пролетарской солидарности, царское правительство искало повода для расправы с рабочими. Тайный агент охранного отделения поп Гапон, возглавлявший зубатовскую организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», решил сыграть на царистских иллюзиях отсталой части рабочих и с этой целью выдвинул провокационный план — устроить мирное шествие к Зимнему дворцу для подачи царю петиции о нуждах рабочих. Гапон говорил рабочим, что их требования законны, что они беспрепятственно дойдут до площади перед Зимним дворцом, что их там встретит царь с распростертыми объятиями. В действительности царское правительство намеревалось расстрелять безоружных рабочих и в крови потопить разгорающееся рабочее движение.

При обсуждении проекта петиции на рабочих собраниях под влиянием большевиков в петицию были включены требования 8-часового рабочего дня, перехода помещичьей земли к крестьянам, свободы слова, печати, союзов, равенства всех перед законом, созыва Учредительного собрания и прекращения войны с Японией. Однако в целом петиция была проникнута наивной верой в царя.

Большевики разъясняли рабочим всю нелепость обращения к царю. В листовке Петербургского комитета «Ко всем петербургским рабочим», изданной 8 января, говорилось: «Такой дешевой ценой, как одна петиция... свободу не покупают. Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу»[1]. Большевики предупреждали рабочих, что в них будут стрелять. Но остановить развернувшееся движение было уже невозможно.

---

[1] «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. I. М., 1956, стр. 213.

Чтобы сорвать коварный замысел царского правительства, петербургские большевики распространили листовку «К солдатам» с призывом не стрелять в рабочих 9 января. По инициативе М. Горького депутация литераторов посетила министра внутренних дел, но он отказался выслушать ее. Правительство твердо решило расправиться с рабочими. Петербург был разделен на восемь боевых участков. Столичный гарнизон был усилен войсками, вызванными из Пскова и Ревеля.

Утром в воскресенье, 9 января, рабочие вместе с женами и детьми, неся хоругви, иконы и портреты царя, двинулись с окраин к Зимнему дворцу. Но доступ к дворцу преграждали густые цепи полиции и войск. У Нарвских ворот, на Петербургской стороне и Дворцовой площади войска открыли по колоннам рабочих ружейную стрельбу залпами. Вслед за этим рабочие были атакованы кавалерией, которая рубила их саблями и топтала лошадьми. Более 1200 человек было убито и около 5 тыс. ранено.

Весть о злодейском расстреле питерских рабочих нашла быстрый и широкий отклик среди трудящихся страны. Только в январе, по преуменьшенным данным фабричной инспекции, бастовало 440 тыс. промышленных рабочих. Это было больше, чем за целое десятилетие перед революцией (430 тыс.). Особенно активную роль в январских стачках играли металлисты, у которых бастовал каждый второй рабочий.

Исторический урок событий 9 января состоял, как указывал Ленин, в «пробуждении колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе» [1].

Волна рабочих стачек вызвала на политическую сцену «представительные» организации крупного капитала — общества заводчиков и фабрикантов, биржевые комитеты, отраслевые съезды промышленников.

Поводом к их выступлениям послужила попытка правительства в целях ослабления революции склонить промышленников к экономическим уступкам рабочим.

На другой день после «кровавого воскресенья» Николай II в разговоре с петербургским генерал-губернатором Д. Ф. Треповым признал «крайне необходимым теперь же, рядом с мерами строгости, дать почувствовать доброй и спокойной массе рабочего люда справедливое и заботливое отношение правительства...» [2]. По предложению Трепова решили устроить прием депутации рабочих царем. 19 января к царю были доставлены 34 рабочих «представителя». Царь обратился к ним с речью, в которой обвинял рабочих в том, что они хотели «мятежной толпой» заявить ему о своих нуждах; но так как рабочие были введены в заблуждение «изменниками» и «врагами» отечества, царь-убийца «прощал им вину их».

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 310.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 595, оп. 1, д. 45, л. 1.

В докладной записке Николаю II министр финансов В. Н. Коковцов признал целесообразным привести законодательство о стачках в соответствие с «условиями и требованиями нашей промышленной жизни»[1]. 24 января на совещании промышленников Коковцов информировал о намерении правительства приступить к разработке законопроектов по рабочему вопросу и выразил пожелание, чтобы заводчики и фабриканты сами приступили к выработке общих мер по некоторым требованиям рабочих. Но в результате совещаний по отдельным группам производств выяснилось, что «ни одной общей меры к удовлетворению требований рабочих не может быть принято»[2].

В ответ на заигрывание правительства с рабочими промышленники выступили с записками, в которых прозвучали необычные дотоле оппозиционные нотки. Во всех записках была выражена мысль, что единственно прочным средством к умиротворению рабочих являются политические реформы, прежде всего созыв свободно избранных представителей народа.

Царское правительство сделало новую попытку удержать рабочих от революционной борьбы, учредив под председательством сенатора Н. В. Шидловского комиссию для «безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в г. Санкт-Петербурге и его пригородах и изысканию мер к устранению таковых в будущем». В состав комиссии должны были войти представители от предпринимателей и рабочих.

Большевики характеризовали комиссию Шидловского как «комиссию государственных фокусов», предназначенную для надувательства рабочих. Меньшевики же расценивали комиссию как победу пролетариата и призывали рабочих принять участие в ее работе. Но среди рабочих победила предложенная большевиками тактика бойкота этой комиссии. Выборщики от рабочих предъявили 16 февраля Шидловскому ряд требований: освобождение арестованных рабочих, свобода слова, неприкосновенность личности. Шидловский объявил эти требования невыполнимыми. Тогда рабочие-выборщики отказались от участия в комиссии. 20 февраля комиссия Шидловского была распущена ввиду полного провала расчетов правительства.

После 9 января в правящих кругах усилилось течение в пользу некоторого обновления самодержавного строя. Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов 17 января на аудиенции у царя, изобразив тревожное положение России, настаивал на немедленном решении вопроса о созыве народных представителей. На заседаниях Совета министров 3 и 11 февраля большинство министров склонилось на сторону Ермолова. Коковцов заявил, что без привлечения выборных к законодательству будет трудно сделать заем, необходимый ввиду

[1] «Красный архив», 1925, № 4—5 (11—12), стр. 22.
[2] ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 130, л. 92.

войны [1]. Министр внутренних дел А. Г. Булыгин сказал, что внутреннее положение России все более убеждает его в неотложности этой меры. Только Витте возражал против введения в России народного представительства в какой бы то ни было форме, повторяя избитые фразы в духе традиционной доктрины крестьянского цезаризма.

Николай II поручил Булыгину составить проект рескрипта о привлечении выборных к законодательству.

Утром 18 февраля, накануне годовщины освобождения крестьян — даты, которая считалась благоприятной для обнародования либерального акта, министры с изумлением прочли в «Правительственном вестнике» царский манифест с призывом к властям и населению содействовать правительству в одолении врага внешнего и в искоренении крамолы внутри страны. Манифест заканчивался обращением вознести молитвы к «вящему укреплению самодержавия».

Одновременно по инициативе царского временщика Д. Ф. Трепова был опубликован указ Сенату, возлагавший на Совет министров рассмотрение поступающих на имя царя от частных лиц и учреждений предложений об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния. Указ создавал видимость непосредственной связи царя с народом, минуя бюрократическое «средостение». Он был рассчитан на укрепление монархических иллюзий, являлся попыткой сыграть в цезаризм, направив крестьянское движение в мирное русло петиционной кампании. Нельзя сказать, чтобы эти расчеты были построены на песке. В начале революции многие крестьяне еще ждали «милостей» от царя. Только весной 1905 г. царю было послано от крестьян 60 тыс. прошений и приговоров о прирезке земли и уравнении их в правах с другими сословиями.

18 февраля состоялось заседание Совета министров под председательством царя. Ермолов и Булыгин напомнили о рескрипте. Они настаивали на немедленном его опубликовании, заявляя, что иначе не ручаются за порядок. Николай II спросил Булыгина: «Можно подумать, что вы боитесь революции?» Министр ответил: «Государь, революция уже началась». Наконец, царь подписал рескрипт, датировав тем же 18 февраля, что и манифест, напечатанный утром [2].

---

[1] Прибывший в начале февраля в Петербург директор Парижско-Нидерландского банка и глава русского синдиката в Париже Эд. Нецлин заявил Коковцову, что французское правительство чрезвычайно встревожено развитием революционных событий в России и сомневается, удастся ли русскому правительству овладеть положением и не будет ли оно вынуждено «уступить общественному движению и пойти навстречу его желаниям, вставши на путь конституционного образа правления». В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919, т. I. Париж, 1933, стр. 63.

[2] «Дневник А. А. Киреева», запись 24 февраля 1905 г. РОБИЛ, ф. 126, д. 14. л. 18; Письмо П. А. Гейдена к В. П. Волковой от 22 февраля 1905 г. ЦГАОР СССР, ф. 887, оп. 1, д. 252, л. 39.

В рескрипте, данном на имя Булыгина, царь объявлял о своем намерении «отныне... привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений... при непременном сохранении незыблемости основных законов империи» [1], т. е. самодержавия. Таким образом, почти одновременно были обнародованы явно несогласованные, противоречивые акты. Угрозы манифеста уничтожались рескриптом, а надежды, которые мог вызвать рескрипт, подрывались манифестом.

Несмотря на бьющее в глаза двуличие царя и ничтожность обещанных им уступок, либералы — от шиповцев до освобожденцев — увидели в рескрипте 18 февраля «поворотный пункт» в истории России. Пытаясь посеять в народе конституционные иллюзии и тем самым ослабить нарастающий подъем революции, еженедельник «Право» сравнивал рескрипт Булыгину с «дверью, за которой рисуются перспективы светлого будущего». Освобожденцам вторили земские собрания и городские думы, биржевые комитеты и съезды промышленников. Биржа ответила на опубликование рескрипта повышением курса ценных бумаг.

Но царь не спешил с осуществлением обещанной им реформы государственного строя. Самым влиятельным лицом в правительстве оставался Д. Ф. Трепов, который был принципиальным противником политики уступок.

Явное нежелание царизма пойти навстречу либеральной буржуазии в обстановке подъема революции усилило оппозиционные настроения в ее среде.

На третьем съезде «Союза освобождения» 25—28 марта 1905 г. была принята программа, представлявшая известный шаг вперед по сравнению с дореволюционными заявлениями освобожденцев. Тогда они умалчивали о социальных реформах. Теперь растущее революционное движение заставило «Союз освобождения» внести в свою программу пункт о наделении малоземельных крестьян государственными, удельными, кабинетскими землями, а где их нет — частновладельческими с вознаграждением нынешних владельцев этих земель. В рабочем вопросе программа требовала введения 8-часового рабочего дня в тех производствах, где это возможно, немедленно и приближения к нему в других производствах.

В связи с опубликованием этой программы Ленин выступил со статьей «Революционная борьба и либеральное маклерство», в которой разоблачалась эквилибристика освобожденцев: «Их программа — не выражение их непреклонных убеждений (таковые не свойственны буржуазии), не указание того, за что обязательно бороться. Нет, их программа — простое *запрашивание,*

---

[1] «Законодательные акты переходного времени 1904—1908 гг.». СПб., 1909, стр. 22, 23.

заранее считающееся с неизбежной «скидкой с цены», смотря по «твердости» той или другой воюющей стороны. *Конституционно-«демократическая»* (читай: конституционно-монархическая) *буржуазия сторгуется с царизмом на более дешевой цене, чем ее теперешняя программа,*— это не подлежит сомнению, и сознательный пролетариат не должен делать себе на этот счет никаких иллюзий» [1].

И действительно, как показал съезд земских и городских деятелей в мае 1905 г., «радикальная» программа освобожденцев, по выражению Ленина, была лишь «размалеванными кулисами» для народа. Для соглашения же с царизмом либералы были готовы значительно отступить от своих программных требований.

Майский съезд решил обратиться к царю через депутацию с адресом, чтобы общими усилиями внести умиротворение в народ. Адрес начинался с указания на «великую опасность для России и самого престола», грозящую не столько извне, сколько от «внутренней междоусобицы». Адрес был полон лжи, сваливая вину за полицейский произвол на советчиков царя, исказивших его предначертания, направленные на преобразование «ненавистного и пагубного приказного строя». Земские и городские деятели умоляли царя «без замедления созвать народных представителей», которые должны будут в согласии с ним решить вопрос о войне и мире и установить «обновленный государственный строй».

6 июня Николай II принял в Петергофе депутацию съезда. Князь С. Н. Трубецкой обратился к царю с речью, которая была еще более раболепной, чем адрес. Он рассыпался в благодарностях царю за то, что последний не поверил тем, кто представлял общественных деятелей крамольниками. Всячески подчеркивая расстояние, отделяющее лояльную земскую среду от революции, Трубецкой заявил о готовности либералов помогать царю в мирном преобразовании страны. Считая единственным выходом из «всех внутренних бедствий» созыв избранников народа, Трубецкой обошел вопрос о правах представительного учреждения (совещательный или решающий голос), ограничившись пожеланием, чтобы оно не было сословным.

Николай II, выигрывая время, лицемерно ответил, что его воля созывать выборных от народа «непреклонна», но тут же дал понять, что «единение» его со «всею Русью» должно отвечать «самобытным русским началам». Это было, конечно, все то же самодержавие! И тем не менее либералы изображали прием земско-городской депутации как победу «общественности». Оснований для подобного оптимизма не было. Трепов был назначен на пост товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, с правом отдельного доклада царю. Цензурное ведомство запретило газетам толковать царскую речь в конституционном смыс-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 264.

ле. Царь принял депутацию от курского дворянства и от черносотенных «Союза русских людей» и «Отечественного союза». Депутации настаивали на сохранении самодержавия. Царь заверил, что «все будет по старине».

Николай II не скрывал своего презрения к либералам с их трусливой тактикой, показывая всем своим поведением, что он считается лишь с силой и без боя уступить не намерен.

3. Развитие революции весной и летом 1905 г. Нараставшая народная революция в России требовала от партии пролетариата твердого политического руководства революционной борьбой масс. Однако вследствие оппортунизма и раскольнических действий меньшевиков, захвативших после II съезда РСДРП газету «Искра» и ЦК, в рядах партии не было единства. Большевики и меньшевики коренным образом расходились в оценке движущих сил русской революции. Меньшевики тянули партию назад к организационной раздробленности, кружковщине, кустарничеству. Только партийный съезд мог покончить с оппортунизмом в организационном и тактическом вопросах и установить единую тактику пролетариата в революции.

Большевики потребовали немедленного созыва очередного, III съезда партии, но меньшевики отклонили это требование. Тогда по инициативе Ленина для практической подготовки и созыва III съезда было создано Бюро комитетов большинства. Оно было избрано в сентябре — декабре 1904 г. на трех областных конференциях большевистских комитетов (Южной, Кавказской и Северной).

Таким образом, в партии сложились две обособленные фракции — большевиков и меньшевиков — со своими центрами и печатными органами. На стороне меньшевиков стояли преимущественно мелкобуржуазные попутчики рабочего движения из числа «экономистов» и интеллигенции, на стороне ленинцев сторонники старой «Искры», большая часть сознательных, передовых рабочих России. В марте 1905 г. из 28 комитетов 21 высказался за немедленный созыв съезда партии.

Ввиду того что примиренчески настроенный к меньшевикам ЦК партии пытался оттянуть сроки съезда, по предложению Ленина из представителей Бюро комитетов большинства и ЦК был образован Организационный комитет, который известил о съезде все организации, как большевистские, так и меньшевистские. Однако меньшевики отказались от участия в работе съезда и созвали в Женеве свой съезд, который из-за малочисленности присутствующих на нем делегатов они назвали конференцией.

На состоявшемся в Лондоне 12—27 апреля 1905 г. III съезде РСДРП присутствовали делегаты, представлявшие крупные промышленные центры страны — Петербург, Москву, Урал, Баку. Работой съезда руководил Ленин. Им были подготовлены основные резолюции съезда — о вооруженном восстании, о временном

революционном правительстве, об отношении к крестьянскому движению и др.

III съезд партии считал, что хотя происходящая революция носит буржуазно-демократический характер, но в ее полной победе прежде всего заинтересован пролетариат, ибо победа революции даст ему возможность организоваться, развиваться политически и перейти к революции социалистической. Непременным условием победы революции является союз рабочего класса и крестьянства при руководящей роли пролетариата и изоляции либеральной буржуазии. Съезд признал главной задачей партии и рабочего класса переход от массовых политических стачек к вооруженному восстанию и подчеркнул необходимость организационно-технической подготовки восстания. После свержения царского самодержавия должно быть образовано Временное революционное правительство, которое явится политическим органом демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Эта диктатура, опирающаяся на прочный союз рабочего класса и крестьянства при гегемонии пролетариата, должна была довести до конца буржуазно-демократическую революцию и обеспечить перерастание ее в социалистическую революцию.

В противоположность этому меньшевики отрицали своеобразие революции 1905 г. как крестьянской революции, не верили в возможность революционного союза пролетариата с крестьянством, отводили руководящую роль в революции либеральной буржуазии и считали, что дальше решения буржуазных задач русская революция пойти не может.

В условиях, когда революция развивалась по восходящей линии и рабочие рвались в бой против самодержавия, меньшевики не решались открыто выступить против идеи вооруженного восстания, но они рассматривали его как стихийный процесс, заявляя, что организовать восстание невозможно. С точки зрения меньшевиков, подготовка восстания должна заключаться лишь в «вооружении масс желанием вооружаться». Поэтому партия должна ограничиться пропагандой идеи «самовооружения» масс и осуществлять только «политическое руководство» восставшим народом.

Ленин в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», изданной в июле 1905 г., всесторонне обосновал идею гегемонии пролетариата в революции, разоблачил оппортунистическую тактику меньшевиков, дал ясную перспективу перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, обогатил марксизм дальнейшим развитием теории социалистической революции.

В качестве тактических лозунгов, направленных на развязывание революционной инициативы масс и организацию их для восстания против самодержавия, III съезд РСДРП выдвинул проведение массовых политических стачек, установление революционным путем 8-часового рабочего дня, вооружение рабочих,

организацию революционных крестьянских комитетов для осуществления демократических преобразований в деревне.

Руководствуясь решениями III съезда партии, большевистские организации в России развернули упорную борьбу за привлечение на свою сторону широких масс трудящихся, за подготовку всенародного вооруженного восстания против самодержавия.

Весной и летом 1905 г. революционное движение развивалось по восходящей линии. Оно охватывало все новые и новые слои трудящихся, перерастая местами в вооруженное восстание.

Огромную роль в революционизировании рабочего класса всей страны сыграла всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих, продолжавшаяся 72 дня.

Забастовка началась необычайно дружно. 12 мая стали все фабрики. К текстильщикам присоединились железнодорожники, печатники и даже рабочие кустарных предприятий. На следующий день число бастующих достигло 40 тыс.

13 мая на площади перед зданием управы состоялся многолюдный митинг бастующих. На нем были рассмотрены и одобрены общие требования рабочих, которые составила Иваново-Вознесенская группа РСДРП. Среди этих требований были 8-часовой рабочий день, отмена сверхурочных работ, установление минимума заработной платы, одинаковой для мужчин и женщин, уничтожение штрафов и обысков, улучшение санитарно-гигиенических условий труда, организация на фабриках детских яслей, создание постоянных выборных комиссий из представителей от рабочих и фабричной администрации для разрешения недоразумений между ними. Рабочие требовали также созыва Учредительного собрания на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, установления празднования 1 Мая, свободы слова и печати, свободы союзов и собраний, невмешательства полиции и войск в ход забастовки, неприкосновенности личности и жилища, уничтожения тюрем при фабриках («кутузок»). Эти требования было решено через фабричного инспектора предъявить фабрикантам и царским властям. На митинге же было положено начало сбору средств в стачечный фонд.

Пытаясь внести раскол в ряды бастующих, фабричный инспектор от имени хозяев предложил бастующим разделиться по фабрикам и вести переговоры с каждым владельцем отдельно, но рабочие отклонили это предложение. Они решили избрать Совет уполномоченных для ведения переговоров с фабрикантами и царскими властями и для общего руководства стачкой. Выборы депутатов производились по фабрикам под руководством большевистской организации. Всего был избран 151 депутат, в том числе 57 большевиков (С. И. Балашов, Н. П. Грачев, М. И. Голубева, Н. А. Жиделев, Ф. Н. Самойлов и другие). Руководители Иваново-Вознесенской большевистской организации Ф. А. Афанасьев и М. В. Фрунзе из конспиративных соображений не во-

шли в Совет, но именно они направляли его деятельность. Так возник один из первых в России Советов рабочих депутатов.

Растерявшаяся царская администрация вела с Советом переговоры и даже гарантировала неприкосновенность личности депутатов. Таким образом, она признала Совет органом законного представительства бастующих рабочих.

По требованию Совета на все время стачки были закрыты казенные винные лавки. Совет запретил торговцам повышать цены на продукты.

Почти ежедневно за городом, на реке Талке, собиралось несколько тысяч рабочих. Депутаты Совета информировали их о ходе забастовки, о переговорах с хозяевами и властями. Эти же собрания превращались в своеобразный «социалистический университет», где под открытым небом читались лекции по истории рабочего движения, о политических партиях и профессиональных союзах.

По воспоминаниям М. В. Фрунзе, «в первое время стачки волнение охватывало аудиторию при попытках ораторов затрагивать чисто политические темы; помню, как испуганно, а порой враждебно встречалась массой критика самодержавной царской власти. Но все это было только вначале. Работа организации свое дело делала» [1]. Те же самые рабочие, которые в начале стачки встречали протестом революционные лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует вооруженное восстание!», теперь с энтузиазмом аплодировали политическим речам, призывавшим к свержению царского самодержавия, пели революционные песни: «Нагайка», «Дубинушка» и др. Наиболее популярными ораторами были М. В. Фрунзе, Е. А. Дунаев и Ф. А. Афанасьев.

Ленин оценивал Иваново-Вознесенскую стачку как исходный пункт новой волны общероссийского движения. «Иваново-Вознесенская стачка,— писал он,— показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки. Теперь это брожение стало выливаться наружу, стало превращаться в восстание» [2].

Под воздействием рабочего движения развивалось крестьянское движение. Уже в феврале 1905 г. имели место массовые выступления крестьян против помещиков в Курской, Орловской, Черниговской, Воронежской, Саратовской и Тифлисской губерниях. В марте происходили забастовки сельскохозяйственных рабочих в Прибалтике. Весной и летом 1905 г. движение распространилось на Украину, Белоруссию, Среднее Поволжье. Всего за январь—сентябрь 1905 г. было зарегистрировано 1638 крестьянских выступлений.

---

[1] М. В. Фрунзе. Собрание сочинений, т. I. М.—Л., 1929, стр. 509.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 314.

Подъем крестьянского движения привел к возникновению первой массовой организации в деревне — Всероссийского крестьянского союза. Пользуясь политической отсталостью крестьянства, руководство союзом захватили либералы и эсеры. Учредительный съезд крестьянского союза, происходивший 31 июля — 1 августа 1905 г. нелегально в Москве, принял компромиссные решения. Он постановил, что «вся земля должна считаться общей собственностью всего народа», и в то же время соглашался на частичное вознаграждение помещиков за землю. Крестьянский съезд вынес резолюцию о созыве Учредительного собрания, но отказался включить в программу союза требование демократической республики, высказался против вооруженного восстания и рекомендовал крестьянам мирную, так называемую «приговорную» тактику.

III съезд РСДРП в резолюции об отношении к крестьянскому движению высказался за самую энергичную поддержку всех революционных требований крестьянства, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель и за немедленную организацию революционных крестьянских комитетов для осуществления этих требований. В функции комитетов входила конфискация помещичьих земель и борьба под руководством рабочих за проведение демократических преобразований в деревне. Местные крестьянские комитеты, по мысли Ленина, должны были стать органами Временного революционного правительства. Только в этом случае мог быть прочным захват крестьянами помещичьей земли. Особое внимание III съезд уделил вопросу организации пролетарских и полупролетарских слоев (батраков и беднейшей части крестьянства), игравших наиболее активную роль в крестьянском движении. III съезд признал необходимым создание самостоятельных организаций сельского пролетариата, разъяснение ему непримиримости его интересов с интересами кулачества и необходимости избрания представителей батраков в крестьянские комитеты.

Выполняя указания съезда, большевики распространяли среди крестьян революционную литературу, используя для этого рабочих, связанных с деревней, и сельскую интеллигенцию. Большевистские листовки призывали крестьян создавать революционные комитеты и объединяться с рабочими в одну могучую революционную армию.

Рост революционного движения рабочих и крестьян и поражение царизма в русско-японской войне вместе с настойчивой и самоотверженной работой большевистской партии поколебали самую надежную опору самодержавия — его вооруженные силы. Дух свободы проник на корабли и в казармы. Сначала имели место отдельные случаи неповиновения солдат и матросов, отказ их стрелять в рабочих, а затем вспыхнули открытые волнения и вооруженные восстания в армии и во флоте.

Крупнейшим событием первой русской революции было вооруженное восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Это восстание было подготовлено всей предыдущей работой большевиков во флоте. Еще в 1902 г. среди матросов Черноморского флота велась социал-демократическая пропаганда, а с 1903 г. существовали социал-демократические кружки. В 1904 г. бывший рабочий Г. Н. Вакуленчук организовал кружок социал-демократов на броненосце «Потемкин». В том же 1904 г. для руководства социал-демократическими организациями Черноморского флота матросами-большевиками был создан при Севастопольском комитете РСДРП специальный орган — «Матросская централка», в который входили наиболее видные представители социал-демократических групп кораблей и экипажей. Этот матросский партийный центр на основе решений III съезда РСДРП готовил вооруженное восстание в Черноморском флоте. Восстание предполагалось начать в первых числах июля 1905 г. Однако оно вспыхнуло раньше намеченного срока.

14 июня команда броненосца «Потемкин», который находился в это время у Тендровской косы на учебных стрельбах, отказалась есть борщ, сваренный с червивым мясом. Матросы были выстроены на палубе. Командир броненосца приказал всем, кто не хочет быть «бунтовщиком», выйти из строя и стать отдельно от других. Матросы начали переходить на указанное место. Старший офицер Гиляровский, видя, что вся команда готова перейти и тогда не останется «зачинщиков», приказал караулу окружить оставшуюся группу матросов, человек 30, и расстрелять.

В наступившей зловещей тишине внезапно из рядов матросов раздался громкий негодующий возглас: «Братцы! Довольно терпеть! Ведь они хотят расстрелять наших товарищей! Бей их, извергов!» Одно мгновение — и матросы с криками «К оружию!» схватили винтовки и бросились на наиболее ненавистных офицеров. Во время перестрелки был убит руководитель социал-демократической организации броненосца Г. Н. Вакуленчук.

Овладев кораблем, матросы подняли над ним красный флаг, избрали новый командный состав и орган политического руководства — судовую комиссию. Одним из самых влиятельных членов комиссии был минный машинист А. Н. Матюшенко, человек с огромным революционным темпераментом, но без необходимого для руководителя политического кругозора.

Определенного плана действий у восставших матросов не было. Тем не менее они приняли правильное решение идти в Одессу, где имелся многочисленный пролетариат, на поддержку и сочувствие которого они надеялись.

В Одессе в эти дни происходила всеобщая стачка рабочих. Остановилась конка, прекратилось железнодорожное движение. Большевики призывали рабочих готовиться к вооруженному восстанию. Меньшевики же и бундовцы, стремясь удержать рабочих от активных революционных действий, убеждали их ограни-

читься одной только мирной стачкой. Но рабочие рвались в бой. На улицах строились баррикады, происходили перестрелки и кровавые стычки рабочих-дружинников с полицией и войсками. Вечером 14 июня на рейд Одессы пришел «Потемкин». Матросы прислали на берег извещение о том, что они покончили со своим начальством и решили бороться до тех пор, пока не будет завоевана свобода для всего народа.

Весть о прибытии революционного броненосца молнией облетела город. В порт, где в специальной палатке было положено тело убитого Вакуленчука, стекались трудящиеся со всего города. На митингах большевистские ораторы произносили пламенные речи с призывом сражаться до конца. Царские власти растерялись, буржуазия стала в панике покидать город.

Матросы обратились к местной социал-демократической организации с просьбой прислать своих представителей на корабль для выработки совместного плана действий. Прибывший на броненосец представитель Одесского комитета РСДРП (большевистского) информировал потемкинцев о рабочем движении в городе, о настроении войск, которые еще до прихода «Потемкина» неохотно и нерешительно действовали против рабочих, о волнениях крестьян в уезде и предложил немедленно высадить десант для соединения с восставшими рабочими. Однако это предложение не встретило поддержки со стороны Матюшенко. По его мнению, потемкинцы должны были ждать восстания всей эскадры, а не распылять свои силы высадкой десанта. Под влиянием Матюшенко матросы отказались высадить десант на берег до присоединения к ним остальных кораблей эскадры.

Их выжидательная тактика помогла царским властям выиграть время для вызова в Одессу войск из других городов. Чтобы изолировать потемкинцев от рабочих и восстановить против них остальное население города, царская администрация спровоцировала в ночь с 15 на 16 июня пожары в порту, разгром магазинов и винных складов, использовав в этих целях черносотенные и деклассированные элементы.

Тем временем из Севастополя в Одессу вышла эскадра в составе пяти броненосцев и семи миноносцев с приказом «Любой ценой подавить мятеж на «Потемкине»». Утром 17 июня «Потемкин» при приближении эскадры снялся с якоря и смело пошел ей навстречу. Революционный броненосец с развевающимся алым стягом прорезал строй эскадры. Команда «Потемкина» выбежала наверх. «Да здравствует свобода! — кричали матросы. — Ура!» В ответ с кораблей эскадры раздалось громовое «ура!». Команда броненосца «Георгий Победоносец» присоединилась к «Потемкину». Командующий эскадрой, боясь восстания на остальных кораблях решил увести ее обратно в Севастополь.

Однако офицеры и кондукторы на «Георгии Победоносце», оставленные на свободе, немедленно повели подрывную работу среди команды, уговаривая ее вернуться в Севастополь с повин-

ной. Когда же матросы не послушались их уговоров, они посадили корабль на мель.

Для пополнения запасов «Потемкин» 20 июня прибыл в Констанцу, но румынские власти отказались снабдить его углем и продовольствием. Перед уходом из Констанцы члены судовой комиссии передали румынским властям для вручения иностранным консулам манифест матросов «Потемкина», обращенный ко всему цивилизованному миру. В этом манифесте потемкинцы объявили об открытой войне русского народа с царизмом.

Из Констанцы броненосец «Потемкин» направился к берегам Крыма. Потемкинцы пытались получить провизию и уголь в Феодосии, но были обстреляны с берега и снова ушли в Румынию, где сдали корабль властям, а сами сошли на берег как политические эмигранты.

Ленин после получения первых известий о восстании на «Потемкине» немедленно отправил в Одессу в качестве представителя ЦК РСДРП М. И. Васильева-Южина. По воспоминаниям Васильева-Южина, перед отъездом из Женевы он получил от Ленина следующие указания: «Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение» [1].

Однако директиву Ленина осуществить не удалось. Васильев-Южин прибыл в Одессу тогда, когда «Потемкин» уже ушел от ее берегов. Смешанная комиссия из представителей большевистского комитета, меньшевистской группы и Бунда не смогла возглавить движение. Меньшевики и бундовцы призывали рабочих ограничиться мирными демонстрациями. Большевики же были ослаблены арестами.

Восстание на «Потемкине» имело огромное историческое значение: впервые крупная часть царских вооруженных сил открыто перешла на сторону революции. Ленин видел в этом событии попытку «образования ядра *революционной армии*».

Непобежденный «Потемкин» стал символом героической борьбы против царизма. Примеру потемкинцев уже в том же 1905 г. последовали матросы Балтики, Владивостока, Севасто-

---

[1] М. Васильев-Южин. В огне первой революции. Воспоминания. М., 1934, стр. 69.

поля, солдаты гарнизонов Гомеля, Минска, Варшавы и других городов.

Революционные события летом 1905 г. вызвали тревогу среди буржуазии. Но страх перед революцией охватил буржуазию не в такой сильной степени, чтобы заставить ее без всяких условий заключить союз с самодержавием. Напротив, убедившись в растерянности и бессилии правительства, буржуазия после одесских событий начала даже «краснеть».

В. И. Ленин писал: «Либеральная буржуазия «порозовела» после 9-го января; она начинает «краснеть» теперь, после одесских событий, ознаменовавших (в связи с событиями на Кавказе, в Польше и т. д.) крупный рост народного восстания против самодержавия за полгода революции» [1].

«Полевение» буржуазии выражалось в усилении заигрывания освобожденцев с демократией и в расширении оппозиционного фронта за счет торгово-промышленной буржуазии. 4—6 июля в Москве проходил съезд представителей совещательных по делам торговли и промышленности учреждений. Участники высказались за немедленное осуществление народного представительства, но по отношению к проекту Булыгина мнения разделились. Большинство пришло к заключению, что Дума «с совещательным голосом никого не удовлетворит и существующего возбуждения не успокоит»; меньшинство считало, что этот проект «при настоящем развитии народа — единственно возможный к осуществлению» [2].

Открывшийся 6 июля съезд земских и городских деятелей был вынужден признать неудачу обращения майского съезда к царю. Съезд принял обращение к народу; оно призывало работать вместе с земцами ради «достижения истинного народного представительства». В воззвании подчеркивалось: «Путь, нами указываемый,— путь мирный. Он должен привести страну к новому порядку без всяких потрясений и без тысяч напрасных жертв» [3].

Своим обращением либералы стремились прежде всего удержать массы в рамках мирной борьбы и в то же время, опираясь на народную поддержку, поднять свой авторитет в глазах правительства и тем самым усилить свои позиции в выпрашивании политических уступок.

Но либералы не отказались и от идеи соглашения с царизмом. Это видно по их отношению к булыгинскому проекту. В специальной резолюции говорилось, что проект Булыгина «не может внести успокоение в страну, предотвратить все опасности, ей угрожающие, и вывести ее из настоящего состояния анархии на путь правильного и мирного развития на основе твердого государственного порядка». Когда же перешли к обсуждению вопроса идти или не идти в Думу, большинство нашло преждевре-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 149.
[2] ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 373, л. 51.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 5, д. 1000, ч. 1, лл. 212—213.

менным решение этого вопроса. Выжидательная позиция либералов в отношении Булыгинской думы облегчала им лавирование между самодержавием и революционным народом, затрудняла разоблачение перед массами предательской тактики либералов и в то же время оставляла лазейку для сговора с царизмом.

После съезда некоторые земства устраивали совещания с приглашенными крестьянами, пытаясь направить аграрное движение в мирное, «приговорное» русло. Но среди крестьян царила атмосфера недоверия и даже вражды к дворянскому земству.

Действуя непосредственно от имени земства, либералы не могли рассчитывать на успех у населения; поэтому они стали прибегать к услугам «переводчиков», используя в качестве проводника либерального влияния на крестьянские массы «третий элемент». С помощью земских служащих и сельской интеллигенции либералы пытались организовывать крестьянские союзы, рассчитывая таким путем удержать крестьян от погромов помещичьих имений.

Воздействие на широкие массы либералы осуществляли также через союзы интеллигенции, в возникновении которых видную роль сыграли освобожденцы. Еще в конце 1904 г. «Союз освобождения» решил начать агитацию за образование легальных союзов адвокатов, учителей и других лиц интеллигентных профессий и соединение их в «Союз союзов». Практически организация этих союзов началась после издания указа 18 февраля, когда население получило легальные возможности для заявления своих политических требований. В марте — апреле 1905 г. образовались профессионально-политические союзы — академический (профессоров), писателей (журналистов), инженеров, учителей, адвокатов, врачей, агрономов, статистиков, конторщиков и др.

8—9 мая 1905 г. в Москве состоялся учредительный съезд «Союза союзов», в котором участвовали делегаты 14 союзов. Председателем съезда был избран освобожденец П. Н. Милюков. Чтобы прикрыть буржуазный характер новой организации, либералы всячески подчеркивали «нейтральность» союзов, их «внеклассовость» и «беспартийность». При обсуждении политической платформы съезд признал, что «Союз союзов» имеет целью мобилизацию общественности для борьбы с существующим режимом и что более подробное изложение платформы излишне. Почти половина делегатов заявила особое мнение, настаивая на принятии более развернутой формулы целей борьбы. «Иначе, — предупреждали они, — может оказаться, что «Союз союзов» или будет идти мимо жизни, или станет на сторону той части господствующих классов, которая решила идти на политические и социальные уступки народной массе, а не прямо на сторону трудящихся масс» [1].

[1] ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 1, л. 40.

Представитель Московского комитета РСДРП С. И. Мицкевич огласил декларацию о том, что политическая платформа, принятая съездом, придает «Союзу союзов» неопределенную политическую окраску, приближающую его к умеренному либерализму. Призвав демократическую интеллигенцию порвать с буржуазными либералами и присоединиться к революционному народу, большевики покинули съезд.

По мере роста массового революционного движения происходило полевение мелкобуржуазной интеллигенции; она выходила из повиновения либеральному руководству «Союза союзов». Третий съезд «Союза союзов» (1—3 июля 1905 г.) подавляющим большинством голосов признал проект Булыгина «дерзким вызовом со стороны правительства всем народам России» и счел недопустимым для членов союзов ни проведение кого-либо в проектируемую Думу, ни личное в ней участие [1]. Ленин видел в этом решении *«первый шаг мелкобуржуазной интеллигенции к сближению с революционным народом»* [2].

6 августа были опубликованы «Учреждение Государственной думы» и «Положение» о выборах в нее. Оба акта представляли собой грубую подделку народного представительства. Роль Думы была ограничена «предварительной разработкой и обсуждением законодательных предположений и рассмотрением росписей государственных доходов и расходов». Система выборов была построена по образцу земского положения 1864 г. Выборы были многостепенные, и все избиратели делились на три курии: землевладельцы, горожане и крестьяне. За исключением крестьян, к выборам были допущены так называемые цензовые элементы — помещики и торгово-промышленная буржуазия. В составе губернских избирательных собраний, на которых должны были выбираться члены Думы, было 43% выборщиков от крестьянской курии, 34% — от землевладельческой и 23% — от городской курии. Предоставление крестьянским голосам возможности наибольшего влияния на исход выборов было обусловлено тем, что правящие сферы в то время считали «сермяжное» крестьянство консервативной силой. «Крестьянам,— полагали составители избирательного закона,— чужда мысль об ограничении царской власти, а в самодержавии крестьянство видит для себя естественную и единственную защиту» [3].

Созывая Думу, царское правительство преследовало задачу укрепить, особенно среди крестьянства, конституционные иллюзии и тем самым раздробить и ослабить силы революции. К этому же стремилась и либеральная буржуазия, искавшая сделки с царизмом. Один из лидеров «Союза освобождения» — П. Н. Милюков откликнулся на закон 6 августа статьей «Рубикон перейден»,

[1] ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 1, лл. 11—12.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 199.
[3] «Материалы по учреждению Государственной думы 1905 г.», вып. I. Изд. неофициальное, стр. 9.

в которой категорически высказался за участие в Думе. Съезд земских и городских деятелей в сентябре 1905 г. признал желательным участие в Думе. Меньшевистская «Искра» призывала рабочих использовать закон 6 августа для создания органов «революционного самоуправления». Большевики провозгласили активный бойкот Думы. Революция развивалась по восходящей линии, и лозунгом дня сделалось вооруженное восстание. В этих условиях участие в Думе отвлекло бы внимание народа от главной задачи, от прямого натиска на самодержавие.

Анализируя отношение различных классов к Булыгинской думе, Ленин писал: «Политическая группировка обрисовалась... за Думу, чтобы подавить революцию, — за Думу, чтобы остановить революцию, — против Думы, чтобы довести до конца победоносную революцию» [1].

Последующие события показали, что единственно правильной была тактика большевиков. Попытка царизма, поддержанного либеральной буржуазией, прекратить революцию при помощи созыва Думы провалилась: революционный вихрь смел Булыгинскую думу, прежде чем она была созвана.

4. Всероссийская Октябрьская политическая стачка. Манифест 17 октября. Осенью 1905 г. революционное движение охватило всю страну. Характеризуя восходящую линию первой русской революции, Ленин писал: «Движение началось с Питера, обошло по окраинам всю Россию, мобилизовало Ригу, Польшу, Одессу, Кавказ, и теперь пожар перекинулся на самое «сердце» России» [2].

19 сентября началась стачка рабочих самой крупной в Москве типографии И. Д. Сытина. Рабочие требовали введения 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда, признания администрацией депутатов, избранных рабочими. Вслед за сытинцами забастовали рабочие всех типографий. 24 сентября не вышла ни одна газета. Стачка перекинулась на мебельные и табачные фабрики, булочные и коммунальные предприятия. В борьбу вступили металлисты. На улицах и в аудиториях высших учебных заведений происходили митинги, на которых выступали большевистские ораторы с призывом к вооруженному восстанию. Настроение среди рабочих все более повышалось. Частные экономические требования отодвигались на задний план. Главное место заняли политические требования.

Со вступлением в борьбу пролетариата Центрально-Промышленного района движение приобрело глубоко народный характер. Это объясняется тем, что здесь в 1905 г. была сосредоточена подавляющая масса рабочих (567 тыс.) — более трети всего их числа в России. Следует также учесть и то, что многие рабочие Центрально-Промышленного района, в основном текстильщики,

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 13.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 351.

были тесно связаны с деревней. Поэтому их революционные выступления поднимали на борьбу и крестьян центральных губерний.

6 октября в Москве забастовали рабочие мастерских Казанской железной дороги. В тот же день собрание большевиков Казанской, Ярославской и Курской дорог решило начать 7 октября забастовку на дорогах Московского железнодорожного узла.

В назначенный срок забастовали рабочие депо и машинисты, служащие телеграфа и управления Казанской железной дороги. На митинге в железнодорожных мастерских был избран стачечный комитет для всех дорог Московского железнодорожного узла во главе с большевиком А. И. Горчилиным. 8 октября забастовка распространилась с Казанской на другие железные дороги. В этот день прекратилось движение поездов на всех дорогах Московского узла, кроме Николаевской.

Из Москвы железнодорожная забастовка перекинулась в Тулу, Саратов, Нижний Новгород, Харьков, Киев и другие города.

11 октября в Петербурге состоялся пятитысячный митинг железнодорожников, на котором по предложению большевиков было решено присоединиться к всеобщей забастовке. 12 октября забастовал почти весь железнодорожный узел.

Примеру железнодорожников последовали рабочие крупных заводов. Объявляя политическую забастовку, рабочие принимали на заводских митингах резолюции о своей готовности бороться до конца за полное низвержение самодержавия и установление демократической республики.

С 15 октября стачка охватила всю страну. Бастовало свыше двух миллионов человек. Главными требованиями бастующих были 8-часовой рабочий день, провозглашение демократических свобод и созыв Учредительного собрания.

В дни стачки во многих крупных городах бездействовали водопровод, освещение, телефон, не выходили газеты. Школы, театры, магазины, предприятия и учреждения были закрыты. Вся торгово-промышленная жизнь замерла. Улицы были полны народа. Всюду происходили демонстрации и митинги. На митингах произносились речи с призывом к свержению самодержавия и открыто производился сбор денег на вооружение. Происходили столкновения с полицией и казаками. Петербургский генерал-губернатор Трепов приказал «патронов не жалеть и холостых залпов не давать». Но солдаты действовали вяло, возмущаясь навязанными им полицейскими функциями.

Движение начало перерастать в вооруженное восстание.

Либеральная буржуазия при обострении борьбы стала переходить в реакционный лагерь. 14 октября московские фабриканты обратились к генерал-губернатору с запиской, в которой настаивали на том, чтобы администрация активно противодействовала «насильственной приостановке работ». На следующий

день экстренное заседание Московского биржевого комитета решило просить генерал-губернатора ввести немедленно в Москве военное положение. В то же время у буржуазии закрадывалось сомнение, в состоянии ли царское правительство отбить революционный натиск рабочего класса. Это обстоятельство не могло не вызвать у нее колебаний, которые иногда проявлялись в парадоксальной форме. Например, представители банков требовали введения военного положения при одновременном «даровании русскому народу широких реформ и свобод».

15 октября Московская городская дума созвала совещание представителей общественных организаций, чтобы найти выход из создавшегося положения. На собрание явились представители от «Союза освобождения», «Союза союзов», партии эсеров, меньшевистской группы и МК РСДРП. Представитель большевиков С. И. Черномордик потребовал, чтобы цензовая дума, узурпировавшая права народа, немедленно сложила свои полномочия и передала городскую кассу и все управление совету из представителей демократических организаций и революционных партий, который должен будет упразднить полицию и заменить ее милицией. Делегат «Союза освобождения» князь Шаховской признал требования большевиков «чрезмерными» и предложил ограничиться введением в состав думы представителей демократических организаций с совещательным голосом, а для охраны «порядка» организовать городскую милицию. Это предложение было поддержано представителями меньшевистской группы и «Союза союзов». Эсеры молчали. «Отцы города» признали неприемлемым как сложение городской думой своих полномочий, так и частичное обновление ее состава за счет представителей общественных организаций. Дума сочла возможным лишь организацию милиции под своим управлением «для поддержания порядка». Но и это постановление не было реализовано. На другой день, по сообщению охранки, «настроение гласных изменилось, резолюцию, принятую накануне, многие считали следствием революционного угара и от нее теперь отказываются» [1].

В дни Октябрьской стачки либералы метались от одной воюющей стороны к другой в поисках «разумного» компромисса. В роли «умиротворителей» подвизались «комитеты общественной безопасности», возникшие по инициативе освобожденцев в Нижнем Новгороде, Харькове, Самаре, Одессе и некоторых других городах. Они составлялись из делегатов от городских дум, биржевых комитетов, различных либеральных обществ и союзов. Наряду с либералами в эти комитеты входили также представители мелкобуржуазных партий — меньшевики и эсеры.

Момент Октябрьской всеобщей забастовки Ленин оценивал как временное равновесие борющихся сил, когда «царизм уже не в силах подавить революцию. Революция еще не в силах раз-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 233, д. 1350, ч. 26, лл. 36—37.

давить царизма»[1]. Такое соотношение сил порождало растерянность и колебания в «верхах». Крайние реакционеры советовали царю «назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу»[2], другие предлагали, пока не поздно, пойти на уступки «общественному мнению» и даровать конституцию.

В правящих кругах прочили в «укротители» революции Витте, вернувшегося из Портсмута, где он подписал мир с Японией, триумвиратором. По свидетельству князя Н. Д. Оболенского, управляющего кабинетом царя, «имя человека, приобревшего для своего отечества мир внешний, естественно, приходило на мысль перед задачею внутреннего успокоения»[3].

9 октября Витте подал царю записку, где доказывал, что мирное разрешение кризиса еще возможно, но для этого государственной власти, как в 50-е годы минувшего века, «надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения». Тогда правительство «сразу приобретет опору и получит возможность ввести движение в границы и в них удержать». По мнению Витте, практической задачей власти должно было стать создание условий для осуществления всеобщего избирательного права. Для успокоения рабочих Витте предлагал нормировку рабочего дня, государственное страхование, образование примирительных камер. В целях ослабления аграрного движения намечались продажа крестьянам казенных земель, расширение деятельности Крестьянского банка и как крайняя мера выкуп ренты, получаемой помещиками в виде арендной платы. По убеждению Витте, предлагаемая им программа преобразований могла вызвать замешательство, раскол в революционных рядах, переход на сторону царизма либеральной буржуазии. «Ход исторического прогресса неудержим, — предупреждал Витте, — идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции»[4].

Но царь еще верил в «спасительную» силу полицейской нагайки. Вечером 13 октября Витте получил от него телеграмму: «Впредь до утверждения закона о кабинете поручаю вам объединить деятельность министров, которым ставлю целью восстановить порядок повсеместно»[5]. О программе же реформ, изложенной в записке Витте, вовсе не упоминалось. Витте ответил, что одним механическим объединением министров, смотрящих в разные стороны, смуту успокоить нельзя; он прямо заявил, что если царь хочет назначить его первым министром, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 28.
[2] «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 167.
[3] С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3. М., 1960, стр. 24
[4] «Красный архив», 1925, № 4—5 (11—12), стр. 51—61.
[5] С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3. М., 1960, стр. 12.

Неизвестно, как долго продолжались бы колебания внутри дворцовой камарильи, если бы на сторону Витте не встал решительно очень близкий к царю в ту пору великий князь Николай Николаевич. 15 октября он принял главаря только что возникшей «Независимой рабочей партии» зубатовского толка М. А. Ушакова. Тот заявил: «Партийная интеллигенция (социал-демократия.— *Е. Ч.*) наталкивает рабочих на революцию с требованием республики, которую большинство народа не желает... Народ ненавидит бюрократическое средостение, которое отдаляет царя от народа, и желает конституционной монархии». Когда Николай Николаевич спросил: «А где же люди, которые способны и все могут это устроить?», Ушаков назвал Витте [1].

Уверовав в возможность при помощи конституции добиться восстановления порядка, великий князь отклонил предложение взять на себя роль диктатора. Николай Николаевич заявил министру двора барону В. Б. Фредериксу, что будет, напротив, упрашивать царя согласиться с программой Витте и подписать его проект манифеста, а если царь не пойдет на это и захочет назначить его диктатором, он застрелится на его глазах.

После мучительных колебаний Николай II сдался [2]. 17 октября он подписал манифест, утвердил программу Витте и назначил его председателем Совета министров.

Манифест возлагал на объединенное правительство выполнение «непреклонной» царской воли о даровании населению «незыблемых основ гражданской свободы» на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. В манифесте было обещано привлечь теперь же к участию в Государственной думе те классы населения, которые были лишены избирательных прав по «Положению» 6 августа, и провозглашалось, что никакой закон не может получить силу без одобрения Думы. Так манифест декларировал основные принципы буржуазного конституционализма.

Известие о манифесте вызвало взрыв радости среди буржуазии. Либералам казалось, что теперь массовое движение войдет в мирное русло парламентской борьбы. Манифест 17 октября действительно предотвратил немедленное крушение царизма, позволив ему выиграть время. Буржуазия получила возможность легальной организации своих сил в противовес революционным партиям. У части рабочих и демократической интеллигенции манифест вызвал конституционные иллюзии. Эти иллюзии укрепляли меньшевики, утверждая, что после 17 октября оковы самодержавия пали безвозвратно и перед Россией открылась эра «процветания». Так же думали и многие эсеры. М. Гоц говорил:

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1001. оп. 1, д. 154. лл. 3—4.

[2] По словам Витте, царь был так потрясен всем происходившим, что готов был отречься не только от самодержавия, но и от престола, если этого потребует благо России. «Дневник В. Я. Богучарского». ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 39, л. 109.

«Это — конституция, это — конец абсолютизма, это — новая эра...» [1].

Московский стачечный комитет, в котором преобладали представители интеллигентных профессионально-политических союзов, обратился к рабочим с воззванием «временно» прекратить всеобщую забастовку. Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза разослало по всем дорогам депеши о прекращении забастовки. Вслед за этим постановил прекратить всеобщую забастовку и Петербургский Совет рабочих депутатов.

Но расчеты либералов и царского правительства на скорое и прочное умиротворение страны не оправдались. Большевики с самого начала не питали никаких иллюзий в отношении манифеста 17 октября. Ленин видел в уступках самодержавия лишь первую победу революции, которая «далеко еще не решает судьбы всего дела свободы» [2]. В листовках большевики предупреждали, что царский манифест был уловкой, временным отступлением самодержавия на новые позиции с целью выигрыша времени и перегруппировки сил; чтобы упрочить за народом завоеванные права и добиться новых, необходимы были немедленное вооружение народа, созыв Учредительного собрания, полная амнистия всем политическим заключенным и ссыльным. Большевики звали к продолжению всеобщей забастовки, к активной подготовке всенародного вооруженного восстания.

После получения известий о манифесте улицы городов тотчас же заполнились народом, появились красные знамена, возникали импровизированные шествия с пением «Марсельезы» и грандиозные митинги, на которых ораторы призывали к дальнейшей борьбе с правительством.

В Москве на митингах в университете, консерватории и других местах, по отчету репортера газеты «Русское слово», «везде публика состояла из разных элементов общества, но ораторами выступали исключительно представители социал-демократической партии, пользующиеся наибольшим влиянием и авторитетом среди рабочих организаций и других демократически настроенных групп. Пламенные речи, призывающие пролетариат к дальнейшей борьбе за политическое и экономическое освобождение народа, вызывали нескончаемые аплодисменты и энтузиазм битком набитых слушателями аудиторий». Ораторы подчеркивали, что акт 17 октября знаменует собой крупную победу народа над правительством, но нельзя переоценивать этого события, как делали представители либеральной буржуазии. Последняя «была всегда пособницей бюрократии и врагом народа. Ныне готовая примириться на правительственной подачке, она становится между борющимися врагами: народом и правитель-

---

[1] Цит. по кн.: В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953, стр. 227.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 27.

ством. И мы должны ей крикнуть: «Прочь, ибо ты будешь раздавлена!» [1].

Обескураженное неожиданной реакцией народа на «монаршую милость», царское правительство должно было пойти на новые уступки: 21 октября была объявлена политическая амнистия, правда, в урезанном виде; кровавый палач Трепов был удален с постов товарища министра внутренних дел и петербургского генерал-губернатора. В то же время царизм решил мобилизовать своих сторонников. Под защитой казаков и солдат, под руководством сыщиков, провокаторов и переодетых полицейских на улицах появились «патриотические» демонстрации с пением «Боже, царя храни», с трехцветными флагами и портретами царя. Толпы хулиганов и наемных убийц громили и убивали евреев, избивали интеллигентов и сознательных рабочих. По далеко не полным подсчетам В. Обнинского, «более чем в 100 городах и притом на протяжении всего двух-трех недель разыгрались однородные и по программе, и по преступности сцены дикой расправы с мирными жителями; менее чем за месяц было убито от 3,5 до 4 тыс. человек и ранено и изувечено более 10 тыс.» [2]. Среди убитых были большевики Н. Э. Бауман, Ф. А. Афанасьев, О. М. Генкина и другие. Так, только что дарованная «конституция» окрасилась кровью «свободных граждан».

Манифест 17 октября явился поворотным пунктом, ознаменовавшим переход либеральной буржуазии на сторону контрреволюции. Лидеры формировавшихся в то время буржуазных партий Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, А. И. Гучков, князь Е. Н. Трубецкой приняли без колебаний предложение Витте вступить в переговоры об образовании первого «конституционного» кабинета. Во время переговоров выяснилось, что либералы разделяли программу Витте, рассчитанную на укрепление царизма и подавление революционной демократии. Но из боязни уронить себя в глазах масс они не решались открыто солидаризироваться с этой программой, а хотели, чтобы она проводилась без их прямого участия «деловым» кабинетом из царских бюрократов. Свое же призвание либералы видели в дезорганизации революционного движения путем пропаганды классового мира и распространения конституционных иллюзий.

19 октября был опубликован царский указ о мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений. Совет министров превращался в постоянно действующее высшее правительственное учреждение с особым председателем помимо царя. На Совет возлагалось направление и объединение действий всех ведомств в области законодательства и государственного управления.

Новое положение о Совете министров устанавливало, что

---

[1] «Русское слово», 21 октября 1905 г.

[2] В. Обнинский. Полгода русской революции. М., 1906, стр. 42.

законопроекты не могут быть внесены в Государственную думу без предварительного обсуждения в Совете министров. Точно так же никакая, имеющая общее значение мера управления не могла быть отныне принята отдельными министрами помимо Совета министров. Отступление от этого порядка допускалось лишь в отношении дел, касающихся ведомств императорского двора и уделов, государственной обороны и внешней политики. Министры военный, морской и иностранных дел могли вносить на рассмотрение Совета те или другие вопросы по повелению царя, когда они признают это необходимым или когда дела касались других ведомств. Устанавливая принцип единства действий министров в области законодательства и высшего государственного управления, царизм имел в виду создать сильную исполнительную власть для борьбы с революционным движением.

5. Образование буржуазных партий. В разгар Всероссийской политической стачки, 12—18 октября, происходил учредительный съезд конституционно-демократической партии, подготовленный «Союзом освобождения» и группой земцев-конституционалистов. Вначале либералы не верили в успех забастовки. Но она удалась. В момент открытия съезда уже было ясно, что репрессиями ее не задушить. Учитывая победоносное шествие революции, либералы «полевели».

Во вступительной речи на съезде Милюков уверял, что его партия будет «держать высоко тот флаг, который выкинут русским освободительным движением в его целом, т. е. стремиться к созыву Учредительного собрания на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования». Но приветствуя «организованное, мирное и в то же время грозное выступление русского рабочего класса», кадеты вместе с тем действовали как маклеры между самодержавием и народом: «От правительства зависит открыть широкий путь торжественному шествию народа к свободе или превратить его в кровавую бойню». Кадетская партия, говорилось в постановлении съезда, «предоставляет себе, смотря по ходу событий, принять все те меры, которые будут и в ее власти, чтобы предупредить возможное столкновение». Здесь явно проглядывает расчет на то, что правительство введет политические свободы сверху, не дожидаясь, пока они будут вырваны революционными массами.

Отличительной чертой программы, принятой съездом кадетской партии, была недоговоренность и двуличность. На съезде кадеты клялись в верности лозунгу Учредительного собрания, но в свою программу его не ввели. В период высшего подъема революции кадеты избегали афишировать приверженность своей партии к монархизму. Поэтому вопрос о форме государственного строя в программе был оставлен открытым. В национальном вопросе кадеты допускали политическую автономию Польши, но за другими народами Российской империи признавали только

право на культурное самоопределение. В аграрном разделе программы говорилось о принудительном отчуждении за выкуп помещичьих земель. Но в комментариях к программе кадеты «разъясняли», что отчуждению подлежат лишь те имения, которые сдавались в аренду. По рабочему вопросу в программе красовались лозунги: «свобода союзов», «право стачек», «восьмичасовой рабочий день». Но затем шли оговорки о немедленном осуществлении восьмичасовой нормы только там, где она в данное время возможна, и о постепенном введении ее в остальных производствах [1].

Расплывчатость программы должна была придать кадетской партии «внеклассовый» или «национальный» характер и привлечь в нее самые разнообразные слои населения: либеральных помещиков, «прогрессивных» промышленников и торговцев, лиц интеллигентных профессий, ремесленников, служащих, приказчиков, крестьян и даже рабочих. Богатые крестьяне сочувствовали программе кадетской партии и даже вступали в ее ряды. Но пустить прочные корни в деревне кадетам не удалось из-за недостаточной, с точки зрения крестьян, широты аграрной программы партии. Еще меньше успеха кадетская агитация имела среди рабочих. Как признавал впоследствии Милюков, «рабочий класс сам настолько связал себя с партией социал-демократов, что доступ в его ряды партии кадетов был совершенно преграждён» [2]. Не встретив поддержки среди рабочих и крестьян, кадеты имели зато успех у лиц интеллигентных профессий. Во многих кадетских группах преобладали адвокаты, врачи, инженеры, учителя, чиновники. В связи с притоком интеллигенции социальный состав кадетской партии становился двойственным и противоречивым. Ядро партии, состоявшее из земских деятелей, обросло довольно толстым слоем мелкобуржуазных попутчиков, толкавших ее влево.

Вследствие пестроты классового состава в кадетских организациях царила заметная разноголосица по программным и тактическим вопросам. Пытаясь удержать «в одной упряжке» либеральную буржуазию и мелкобуржуазных демократов, кадетские лидеры не останавливались перед рискованной эквилибристикой. Так, на учредительном собрании петербургской группы 18 ноября 1905 г. они прельщали аудиторию тем, что кадетская программа «дает полный спектр всех цветов» и что под ее сенью могут уживаться люди с самыми различными взглядами. Ввиду явного разнобоя по программным и тактическим вопросам все искусство кадетских лидеров уходило на поиски примиритель-

[1] Так как съезд из-за железнодорожной забастовки собрался в очень неполном составе, было решено в ближайшем будущем созвать второй съезд, на котором утвердить программу и устав партии и избрать постоянный состав ЦК.

[2] П. Милюков. Либерализм, радикализм и революция. «Современные записки», т. 57, Париж, 1935, стр. 295.

ных формул, при помощи которых можно было избежать раскола партии. Так, учитывая сильное течение на периферии в пользу национализации земли, на заседании ЦК 13 ноября 1905 г. Милюков предложил аграрный вопрос «предоставить усмотрению местных групп»[1]. Но такое «ползучее» руководство, по словам самих кадетов, «вело к бессилию партии»[2].

Вообще в период революционного вихря (октябрь — декабрь 1905 г.) кадеты чувствовали себя в стране изолированными. Вот что, например, писал С. Л. Франк к Н. А. Герд-Струве 8 ноября 1905 г. из Петербурга: «Сейчас у нас положение такое: питерские «освобожденцы» ушли почти все от к.-д., и эта партия состоит пока здесь из одних генералов без войска... Я остаюсь у к.-д. по тому чувству, по которому матрос остается на гибнущем корабле»[3].

После 17 октября 1905 г. стали возникать и партии крупного капитала. Петербургское общество заводчиков и фабрикантов организует Прогрессивную экономическую партию, в Москве появились Умеренно-прогрессивная и Торгово-промышленная партии. Все эти «партии» отличались эфемерностью и исчезали так же быстро, как и нарождались. Капиталисты скоро убедились в неудобстве выступать под собственным флагом, под этикеткой торгово-промышленной партии, так как в этом случае само название партийной фирмы изобличало ее буржуазное нутро и мешало обманывать народ. Большинство крупнобуржуазных партий ничем себя не проявили и скоро зачахли. Более активные элементы из них влились в «Союз 17 октября», капиталистическая природа которого была слегка завуалирована.

Инициатива создания партии октябристов принадлежала лидерам «меньшинства» земско-городских съездов — А. И. Гучкову и Д. Н. Шипову. Ими был выработан проект воззвания, в котором были сформулированы основные положения программы новой партии.

Как выяснилось в дальнейшем, программа «Союза 17 октября» с ее отдельными радикальными требованиями (всеобщее избирательное право, свобода стачек и союзов, отчуждение части помещичьих земель) никогда не выражала истинных взглядов октябристов. По меткому выражению Е. Н. Трубецкого, «она олицетворяла собою скорее тот максимум уступок, которые готовы были сделать ради общественного успокоения люди, напуганные революцией»[4]. Не удивительно, что после поражения революции эта программа была просто-напросто забыта.

В «Союз 17 октября» вначале могли входить как отдельные лица, так и целые партии, программа которых в основном сов-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 23.

[2] В. А. Маклаков. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Париж, 1936, стр. 487.

[3] ЦПА, ф. 302, оп. 1, д. 48, т. 3, лл. 384, 385.

[4] «Московский еженедельник», 1910, № 25, стр. 3.

падала с программой октябристов. Уже 25 ноября 1905 г. в Петербурге был образован Соединенный комитет конституционно-монархических партий, в который вошли, кроме октябристов, Прогрессивная экономическая партия, Партия правового порядка, Всероссийский торгово-промышленный союз и др. Общей платформой было признано разрешение социальных вопросов эволюционным путем и скорейший созыв не Учредительного собрания, а Государственной думы. В «Союзе 17 октября» объединились верхи русской буржуазии с крупными капиталистическими помещиками. «Типичный октябрист,— писал Ленин,— не буржуазный интеллигент, а крупный буржуа. Он — не идеолог буржуазного общества, а его непосредственный хозяин» [1].

6. Советы рабочих депутатов. В октябрьские дни исключительный размах приобрели творческая энергия и инициатива масс. Сам народ освобождал политических заключенных, осуществлял свободу собраний, печати, союзов. Вершиной народного творчества явилось создание Советов рабочих депутатов. «Советы,— указывал Ленин,— не выдуманы какой-нибудь партией... Они вызваны к жизни революцией в 1905 году» [2].

Инициатива создания Советов принадлежала самим рабочим, которые к этому времени уже имели значительный опыт по созданию своих выборных органов в виде депутатских собраний и Советов уполномоченных. Инициатива рабочих была подхвачена большевиками.

Всего в 1905 г. было создано 55 Советов. Из общего числа Советов 44 находились под влиянием большевиков, 10 — меньшевиков и 1 — эсеров.

В Москве активное участие в создании и руководстве Советом принимали М. И. Васильев-Южин, З. Я. Литвин-Седой, В. Л. Шанцер (Марат), М. В. Владимирский, М. Н. Лядов; в Иваново-Вознесенске — Ф. А. Афанасьев и М. В. Фрунзе; на Урале — Я. М. Свердлов, А. Г. Юрш; в Екатеринославе — Г. И. Петровский; в Луганске — К. Е. Ворошилов; в Самаре — Н. Е. Вилонов, Н. Н. Накоряков; в Чите — В. К. Курнатовский, А. А. Костюшенко-Валюжанович, И. В. Бабушкин; в Баку — П. А. Джапаридзе, И. Т. Фиолетов.

Советы были первой массовой боевой организацией пролетариата, созданной на выборных началах и действовавшей совершенно открыто. Выборы депутатов в Совет обычно происходили на общих собраниях рабочих.

Советы избирали президиум, исполнительный комитет и различные комиссии: стачечную, помощи безработным, финансовую митинговую, продовольственную и т. д. При Советах создавались боевые дружины. Многие Советы издавали свои газеты — «Известия», которые печатались обычно явочным порядком.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14. стр. 25.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 299.

Одним из первых во время Октябрьской политической стачки возник Петербургский Совет рабочих депутатов. Уже в первые дни стачки рабочие остро ощущали необходимость сосредоточить руководство движением в руках общегородского центра. На некоторых заводах рабочие выбирали делегатов в общий комитет, не зная еще, существует ли такая организация. Примечателен случай с делегатами Обуховского завода, которые 13 октября отправились на поиски общего рабочего комитета и случайно попали на первое заседание Петербургского Совета, происходившее в здании Технологического института.

На первом заседании Совета присутствовало всего 40 представителей от фабрик и заводов, но уже через день, на третьем заседании Совета, 15 октября, число депутатов возросло до 226, к середине ноября в Совет входило уже 562 депутата, представлявших 200 тыс. рабочих, или половину всего питерского пролетариата. По профессиям в Совете было 351 металлист, 57 текстильщиков, 32 печатника и т. д. С правом решающего голоса в Совет входило более 40 большевиков, в том числе Н. Г. Полетаев, В. А. Шелгунов, М. И. Калинин, Н. Е. Емельянов. Председателем Совета был избран помощник присяжного поверенного, известный в рабочих кругах адвокат по трудовым делам, беспартийный, впоследствии меньшевик, Г. С. Хрусталев-Носарь. Но действительным руководителем Совета был Троцкий, проводивший в Совете курс на подчинение пролетариата либеральной буржуазии.

Почему же руководство Советом рабочих Петербурга, города металлистов, которые шли впереди в развитии революционного стачечного движения, захватили меньшевики?

Известную роль в данном случае сыграло то, что установленная норма представительства (1 депутат от 500 рабочих) соблюдалась только на крупных заводах, где особенно значительным было влияние большевиков; мелкие же предприятия, которые являлись опорой меньшевиков и эсеров, посылали депутатов, не считаясь с этой нормой. В результате депутаты от крупных предприятий (с числом рабочих более 500), на которых было сосредоточено 66% всех рабочих Петербурга, составляли в Петербургском Совете всего 30% [1].

Вместе с тем надо учесть, что маневр царизма, именно манифест 17 октября, необычная атмосфера «дней свободы» вызвали у части рабочих, и прежде всего в Петербурге, где либеральная эквилибристика «министра-клоуна» С. Ю. Витте была особенно заметна, иллюзии о возможности мирного развития революции. Эти иллюзии всячески поддерживали меньшевики, утверждая, что после 17 октября перед Россией открылась перспектива мирного, конституционного развития. Известное распространение

[1] См.: «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I. Л., 1962, стр. 174.

среди рабочих иллюзий мирной борьбы воспрепятствовало превращению Октябрьской политической стачки в восстание и привело к тому, что в Петербургском Совете преобладающее влияние получили мелкобуржуазные «попутчики», правда маскировавшиеся «левой» фразой.

Как уже отмечалось, в октябре 1905 г. силы революции и контрреволюции приблизительно уравновесились. Налицо было «междувластие», когда царизм был уже обессилен, а новая, революционная власть народа в лице Советов рабочих депутатов, крестьянских и солдатских комитетов была еще недостаточно сильна, чтобы окончательно заменить старую власть. Для полной победы над царизмом недоставало объединения всех революционных сил, общероссийского политического центра, сильного глубокими корнями в народе, пользующегося безусловным доверием масс, связанного с революционными партиями. Таким центром, естественно, мог стать Совет рабочих депутатов Петербурга, столицы Российской империи, крупнейшего очага революционного движения в стране.

Однако Петербургский Совет оказался не на высоте положения. Возглавившие его меньшевики отрицали значение и роль Советов как центра общереволюционной борьбы, задача которого состояла бы в подготовке вооруженного восстания и в захвате власти. Меньшевики рассматривали Советы сперва как органы революционного самоуправления, а впоследствии как прообраз широкой легальной рабочей партии, которая окончательно сформируется в результате Всероссийского рабочего съезда.

Возглавив Совет, меньшевики стремились направить его на путь переговоров и соглашательства с буржуазией и царским правительством. На заседании Совета 14 октября меньшевики внесли предложение потребовать от городской думы выдачи средств «на вооружение борющегося за свободу пролетариата». Депутаты с фабрик и заводов предупреждали, что реакционный состав гласных думы отвергнет это требование. Меньшевики же ссылались на то, что революция якобы не может не толкать влево буржуазных гласных и что во всяком случае обращение к думе будет иметь «агитационное» значение. Как и следовало ожидать, городская дума категорически отвергла требование Совета и даже вынесла особое постановление о доверии царским войскам и полиции.

Петербургский Совет вместе с другими революционными организациями назначил на 21 октября торжественные похороны жертв расстрела демонстрации 17 октября у Технологического института. Трепов решил не допускать этой манифестации и расставил везде войска. Витте, испугавшись, казалось, неминуемых кровавых столкновений, предложил Трепову убрать войска. Ничего не зная об этом решении правительства, руководство Сове-

та из той же боязни столкновений отступило, отменив демонстрацию [1].

Однако Петербургский Совет, находясь в центре революционной борьбы и испытывая давление рабочих, все же осуществил ряд важных демократических мероприятий. На первом заседании 13 октября Совет решил распространить немедленно всеобщую забастовку на еще работающие заводы и фабрики, действуя убеждением, а при необходимости и силой. 18 октября Совет принял резолюцию с требованием полной политической амнистии. 19 октября Совет постановил, что только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых будут игнорировать цензуру. Постановление Совета, поддержанное союзом типографских рабочих, имело такой авторитет, что ему подчинялись даже реакционные газеты, нарушая тем самым царскую законность. 22 октября впервые в истории России петербургские газеты вышли без цензуры.

Завоевание явочным порядком свободы печати сделало возможным издание легальных революционных газет, которые стали важнейшим инструментом открытого воздействия политических партий на массы. С 27 октября в Петербурге стала выходить первая легальная ежедневная большевистская газета «Новая жизнь», которая фактически являлась центральным органом партии. Активное участие в создании «Новой жизни» и в руководстве ее работой принимал В. И. Ленин. Ближайшими сотрудниками газеты были В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский, М. Горький. «Новая жизнь» пользовалась широкой популярностью среди рабочих и сыграла неоценимую роль в сплочении сил пролетариата, его организации и политическом воспитании. В одном из номеров газеты в виде приложения был напечатан полный текст Программы РСДРП. Тираж газеты доходил до 80 тыс. экземпляров. По примеру «Новой жизни» в Москве в конце ноября — начале декабря выходили легальные большевистские газеты «Борьба» и «Вперед», имевшие большое значение для подготовки восстания.

До возвращения Ленина в Россию (8 ноября) среди части большевиков было известное непонимание роли Советов и их взаимоотношений с партией. Некоторые партийные работники Петербурга, Москвы и других городов полагали, что большевистские организации достаточно сильны и авторитетны, чтобы от своего имени и своими силами руководить рабочим движением. Поэтому создавать Советы, которые могут оказаться конкурентом партии в руководстве революционной борьбой пролетариата, не следует. Уже возникшие Советы эти работники склонны были рассматривать как органы технического руководства всеобщей стачкой, считая, что с ее окончанием должна прекратить-

[1] «Дневник В. Я. Богучарского». ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 39, лл. 222—223.

ся и деятельность Советов. Некоторые большевистские комитеты предлагали, чтобы социал-демократические депутаты добивались принятия Советом Программы РСДРП, подчинения Совета партии и в случае отказа ушли бы из Совета. Эти неверные, сектантские взгляды нашли отражение, в частности, в решении Петербургского федеративного комитета РСДРП, созданного в октябре из представителей большевиков и меньшевиков.

Ленин внес полную ясность в данный вопрос. Он сразу же увидел в Советах форму той диктатуры пролетариата и крестьянства, которую большевики пропагандировали с весны 1905 г. Впервые оценка Советов как формы организации нового демократического государства была дана Лениным в статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», которая была послана из-за границы в «Новую жизнь», но не была тогда напечатана и опубликована только в 1940 г. Отвечая тем партийным работникам, которые в сектантском ослеплении требовали, чтобы Совет принял программу социал-демократической партии и в конечном счете растворился в ней, Ленин указывал, что для руководства политической борьбой, безусловно, необходимы и партия и Совет. Ленин считал, что Петербургский Совет должен провозгласить себя временным революционным правительством или составить таковое, обязательно привлекая для этого новых депутатов не от рабочих только, а от матросов и солдат, которые повсюду уже потянулись к свободе, от революционного крестьянства, от революционной буржуазной интеллигенции. «Мы не боимся такой широты и разношерстности состава, а желаем ее, ибо без объединения пролетариата и крестьянства, без боевого сближения социал-демократов и революционных демократов невозможен полный успех великой русской революции» [1].

Предложение Ленина о том, чтобы Петербургский Совет рабочих депутатов, пополнив свой состав представителями от крестьян и солдат, образовал временное революционное правительство, было основано на объективном учете политической обстановки. Демократические слои населения действительно видели в Петербургском Совете всероссийский штаб революционных сил и будущее правительство свободной страны. Так, например, рабочие порта на требование полиции распустить собрание ответили: «У нас есть свое правительство, пошлем в Совет, что скажет Совет, то и сделаем». На заседании Петербургского Совета 19 ноября выступил большевик Н. Янсон, заявивший, что ревельские рабочие делегировали его в Петербургский Совет для связи с рабочими Петербурга, а через них с пролетариатом всей России с целью объединения своих действий в борьбе против царского самодержавия. В телеграмме, посланной Самарским Советом рабочих депутатов, сообщалось о признании Петербургского Совета центральным правительством и о готовности

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 66.

подчиняться его решениям. И Советы других городов — Ростова-на-Дону, Саратова, Воронежа — принимали решения, что они готовы подчиняться постановлениям Петербургского Совета и ждут от него призыва к всеобщему выступлению. В Петербургский Совет обращались и крестьяне. На заседании Совета 5 ноября выступил представитель крестьянского союза Сумского уезда Харьковской губернии. Он заявил: «Когда вы найдете, что настало время для окончательной борьбы с существующим строем, вы известите нас; мы присоединимся к вам и будем бороться на жизнь и смерть». В Совет были допущены два члена Польской социалистической партии для постоянной связи. Железнодорожный союз делегировал своих представителей в Совет. Всероссийский делегатский съезд почтово-телеграфных работников 22 ноября постановил присоединиться к Петербургскому Совету. Была установлена связь и с Всероссийским крестьянским союзом.

Во второй половине октября на заводах и фабриках Петербурга развернулось массовое движение за введение «захватным», революционным путем 8-часового рабочего дня. 24 октября собрание делегатов Невского судостроительного и механического завода после опроса товарищей по мастерским решило с этого же дня ввести на заводе 8-часовой рабочий день. Вслед за тем 8-часовой день явочным порядком был введен на Александровском заводе, Николаевской железной дороге, на Обуховском заводе и на других крупнейших заводах столицы. Рабочие настоятельно требовали, чтобы Совет ввел 8-часовой рабочий день на всех предприятиях.

Вопрос о революционном осуществлении 8-часового рабочего дня обсуждался на заседании Совета 29 октября. Меньшевистские руководители Совета считали эту меру «опасным экспериментом». Они указывали, что таким путем пролетариат может оттолкнуть от себя буржуазию и бросить ее в объятия царского правительства. Однако напор снизу был так силен, что меньшевики не решились открыто выступить против революционной инициативы рабочих. Они ограничились провокационными выкриками с мест вроде: «Не кончили с абсолютизмом, а начинаете с капиталистами борьбу» и т. п.

Совет единогласно постановил приветствовать тех товарищей, которые ввели у себя на заводах 8-часовой рабочий день, и предложил всем фабрикам и заводам, которые еще не сделали этого, ввести с 31 октября революционным путем 8-часовой рабочий день.

В разгар борьбы за революционное осуществление 8-часового рабочего дня стало известно, что царское правительство намерено предать военному суду несколько сот матросов и солдат, участвовавших в Кронштадтском восстании 26 октября. Рабочие потребовали от Совета немедленного выступления, чтобы не допустить кровавой расправы. В Совет обратились также представители польских революционных организаций с призывом под-

держать пролетариат Польши в его борьбе с царизмом, объявившим 28 октября все 10 губерний Привислинского края на военном положении.

1 ноября Совет объявил общую политическую забастовку с лозунгами: «Долой смертную казнь!», «Долой военно-полевые суды!», «Долой военное положение в Царстве Польском и во всей России!» Начавшаяся на следующий день забастовка охватила 526 предприятий со 120 тыс. рабочих. Рабочие выражали готовность бастовать, пока не будут удовлетворены выставленные требования, и прекратить забастовку лишь по постановлению Совета.

Боевое настроение питерских рабочих вызвало панику в правящих кругах. Растерявшийся премьер-министр Витте обратился к «братцам-рабочим» с призывом стать на работу, обещая от имени царя позаботиться об улучшении их быта. Это панибратское обращение царского временщика вызвало возмущение рабочих. Так, рабочие электростанции ответили на письмо Витте кратко, но выразительно: «Прочитали и забастовали».

Опасаясь, что движение может выйти из рамок «мирной демонстрации», меньшевики забили отбой. 4 ноября исполнительный комитет предложил прекратить стачку, ссылаясь на то, что «на некоторых заводах настроение несколько падает». Это предложение вызвало отпор со стороны депутатов от крупнейших заводов.

Делегат Александровского завода говорил: «Стачка требует огромных жертв, но именно потому необходимо, чтобы она не проходила без результатов». Сторонники продолжения забастовки доказывали, что «кончить сейчас забастовку — это значит показать правительству наше бессилие». Совет большинством в 400 голосов постановил политическую стачку продолжать [1].

Однако уже через день, воспользовавшись правительственным сообщением о том, что военное положение в Польше введено лишь как временная мера и что «полевым судом участники кронштадтских событий судимы не были и не будут», Троцкий на заседании Совета снова поднял от имени исполкома вопрос о прекращении стачки. При этом он прикрывал свое капитулянтство революционным пустозвонством. Сбитый с толку потоком «революционных» фраз, Совет постановил прекратить стачку 7 ноября.

Вслед за тем меньшевики, ссылаясь на экономический кризис и отсутствие массовых профессиональных союзов, без которых невозможно закрепить завоевание 8-часового рабочего дня, предложили отказаться от немедленного и повсеместного его осуществления. Пусть борются за 8-часовой рабочий день, кто мо-

[1] См.: «1905 год в Петербурге. Совет рабочих депутатов». Сборник материалов. Л., 1925, стр. 41—42, 53.

жет, заявил Троцкий. Это предложение, распылявшее силы рабочих, было встречено с разочарованием многими депутатами Совета.

Осведомленные о трениях и колебаниях внутри Совета, капиталисты сами перешли в наступление. Они объявили локаут до тех пор, пока рабочие не станут на работу на прежних условиях. В середине ноября в Петербурге около 100 тыс. рабочих было выброшено на улицу.

На пленуме Совета 12 ноября исполком снова предложил «временно приостановить немедленное повсеместное проведение революционным путем 8-часового рабочего дня», исходя из следующих соображений: кампания за введение 8-часового рабочего дня явочным порядком встретила упорное сопротивление капиталистов, а правительство Витте стало на их защиту, поэтому петербургские рабочие отдельно от пролетариата всей страны не могут сейчас провести явочным путем 8-часовой рабочий день [1].

Дезорганизаторские действия меньшевиков давали свои плоды. Часть рабочих заколебалась. В Совете голоса депутатов разделились. Одни настаивали на продолжении борьбы во что бы то ни стало. Другие депутаты говорили, что борьба на два фронта — против самодержавия и против капиталистов — не под силу изголодавшемуся пролетариату. 13 ноября Совет принял решение о «временном» отказе от немедленного повсеместного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня. Это отступление было большим ударом по авторитету Совета.

На заседании Совета 13 ноября по вопросу о мерах борьбы с локаутом выступил Ленин. Предложенная им резолюция была принята на другой день в Исполнительном комитете Совета. В ней отмечалось, что правительство локаутом «хочет вызвать пролетариат на одиночные вспышки, правительство хочет воспользоваться тем, что рабочие других городов еще недостаточно тесно сплотились с петербургскими, и разбить тех и других поодиночке» [2]. Далее в постановлении говорилось о твердом намерении рабочих не принимать сражения в этих невыгодных условиях, а приложить все усилия, чтобы объединить борьбу и всероссийского пролетариата, и революционного крестьянства, и армии, и флота.

После неудачной попытки спровоцировать рабочих на преждевременное выступление царское правительство стало систематически ущемлять и ограничивать завоеванные народом в октябре 1905 г. политические свободы.

---

[1] См.: «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания», ч. I. М., 1955, стр. 392.

[2] Там же, стр. 390.

Министр внутренних дел Дурново запретил Всероссийский почтово-телеграфный союз, заявив, что члены его не могут оставаться на службе. В ответ на это съезд почтово-телеграфных служащих объявил 15 ноября забастовку протеста. Царские власти арестовали руководителей съезда, но эта мера лишь укрепила волю почтовиков и телеграфистов бастовать до удовлетворения правительством их требований о гарантии демократических свобод. Съезд призвал почтово-телеграфных работников к единству действий с рабочим классом.

24 ноября были опубликованы «временные правила о повременных изданиях», ставившие печать под строгий контроль правительственных властей. Царский указ от 29 ноября 1905 г. предоставил местным властям (генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам) в «случаях прекращения или замешательства в сообщениях железнодорожном, почтовом и телеграфном» по собственному усмотрению, не испрашивая на то разрешения центральной власти, объявлять вверенные их управлению местности на положении усиленной или чрезвычайной охраны или даже на военном положении. Одновременно с этим Дурново предложил местным властям выявить и арестовать «подстрекателей и руководителей политического и аграрного противоправительственного движения», и в первую очередь членов стачечных комитетов и Советов депутатов. Повсюду начались массовые аресты деятелей профессиональных союзов, делегатов крестьянских съездов, членов Советов рабочих депутатов и т. д.

2 декабря 1905 г. были опубликованы «Временные правила», устанавливавшие уголовную ответственность за забастовки в правительственных учреждениях, а также на предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, например на железных дорогах, на почте и телеграфе, на электростанциях, городском транспорте. Впрочем, и в отношении других стачек царские власти по-прежнему широко применяли аресты «подстрекателей» и административную высылку забастовщиков.

Таким образом, царское правительство открыто нарушило неприкосновенность личности, свободу союзов и собраний, провозглашенные в манифесте 17 октября 1905 г.

В ответ на вызов реакции Петербургский Совет рабочих депутатов совместно с Центральным Комитетом РСДРП, Главным комитетом Всероссийского крестьянского союза и другими революционными организациями опубликовал 2 декабря манифест, призывавший население к финансовому бойкоту правительства. Манифест рекомендовал населению отказываться вносить казенные платежи, требовать уплаты золотом при всех сделках и выдаче заработной платы, изымать вклады из сберегательных касс и Государственного банка. Вместе с тем манифест предупреждал западных империалистов, что русский народ никогда не признает займов, которые царское правительство заключило,

«когда явно и открыто вело войну со всем народом». В тот же день в Петербурге было закрыто восемь демократических газет, полностью напечатавших финансовый манифест, а 3 декабря арестовано 267 членов Совета рабочих депутатов.

7. Крестьянское движение (октябрь — декабрь 1905 г.). С целью укрепления боевого союза пролетариата с крестьянством большевики добивались включения в состав Советов рабочих депутатов представителей от революционного крестьянства. Представители Всероссийского крестьянского союза входили в Петербургский Совет рабочих депутатов. В Новороссийске в Совет были избраны депутаты от крестьян.

Советы рабочих депутатов много сделали для политического воспитания и революционизирования крестьян. Новороссийский Совет посылал рабочие отряды в деревню для революционной агитации среди крестьян. Под влиянием выезжавших в деревню членов Екатеринославского Совета крестьяне пригородных сел — Диевки, Новый Кайдак и др. — отказались подчиняться местным властям, разоружили стражников и создали боевые дружины. Единственным органом власти они признавали Совет рабочих депутатов.

В конце 1905 г. широкую популярность приобрел Всероссийский крестьянский союз. Это подтверждалось массовыми приговорами крестьянских сходов о вступлении в союз. В ноябре 1905 г. состоялся второй съезд Крестьянского союза, который отразил значительный сдвиг крестьянства влево. Съезд принял решение об активном бойкоте помещиков и местных властей и о подготовке всеобщей забастовки вместе с городскими рабочими. Представители от трудового крестьянства в один голос заявляли, что перехода помещичьей земли в руки крестьян можно добиться не приговорами и петициями, а только сражаясь с оружием в руках плечом к плечу с городскими рабочими. Так, делегат Балашовского уезда Саратовской губернии сказал: «Разве волк отдаст овцу, если его не бить? Организоваться нужно, но для борьбы... В борьбе прольется кровь, но эта кровь не пропадет даром, из нее воссияет солнце свободы». Участники съезда обратились к железнодорожным рабочим с просьбой не подвозить никаких войск в губернии, где происходят крестьянские и рабочие волнения, и предупредили царское правительство, что «неудовлетворение народных требований приведет страну нашу к великим волнениям и неизбежно вызовет всеобщее народное восстание, потому что чаша крестьянского терпения переполнилась» [1].

Либеральные деятели из Всероссийского крестьянского союза пытались очернить в глазах крестьян Программу РСДРП по аграрному вопросу. Проходившая в эти дни Московская город-

[1] «Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза 6—10 ноября 1905 г. в Москве». М., 1906, стр. 57, 95.

ская конференция большевиков предупредила крестьян из союза, чтобы они не доверяли своим либеральным вождям, которые стараются отколоть крестьянское движение от движения рабочих и даже посеять вражду между рабочими и крестьянами. Конференция призвала крестьян доверять рабочим, так как только в союзе с ними они могут добиться свободы.

Несмотря на наличие в работе Всероссийского крестьянского союза ряда отрицательных сторон, он играл в 1905 г. революционную роль. «Это была,— писал Ленин,— действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но безусловно «почвенная», реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы, не суживавшая, а расширявшая размах политического творчества крестьянства, выдвигавшая на сцену самих крестьян с их ненавистью к чиновникам и помещикам...» [1].

Крестьянское движение в последнем квартале 1905 г. по размерам охваченной территории, по числу крестьян, вовлеченных в борьбу, по напряженности борьбы и развитию ее политических форм поднялось на новую ступень. За октябрь—ноябрь 1905 г. было зарегистрировано 1590 крестьянских выступлений, т. е. почти столько же, сколько их было за первые девять месяцев этого года (1638). Наибольший размах движение получило в Центрально-Черноземном районе, Закавказье, Прибалтике, на Правобережной Украине. Основное место в крестьянском движении занимали выступления против помещиков. Борьба против кулачества — вторая социальная война — находилась еще в начальной стадии.

Застрельщиками и вожаками крестьянских выступлений были передовые крестьяне, ходившие на заработки в города, сельскохозяйственные рабочие, рабочие сахарных заводов, бывшие солдаты и матросы, промышленные рабочие, высланные в деревню за участие в забастовках. Они передавали крестьянам опыт революционной борьбы пролетариата, читали на сходах социал-демократическую литературу, рассказывали о забастовках и демонстрациях в городах, поднимая революционный дух крестьян. В деревне появился новый тип — сознательный молодой крестьянин, который общался с забастовщиками, читал газеты, разъяснял крестьянам значение политических требований рабочих, призывал крестьян к борьбе против помещиков [2].

Новыми формами крестьянских выступлений были нападения на помещичьи усадьбы во главе с боевыми дружинами, вооруженный отпор полиции, казакам и войскам, убийства и избиение

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 334.

[2] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 316.

помещиков, удаление сельских должностных лиц и замена их выборными крестьянскими комитетами. Под влиянием рабочего движения глубоко проникла в умы крестьян идея «всеобщей забастовки» — не платить ни копейки податей, не отдавать на военную службу своих сыновей, не подчиняться распоряжениям властей.

Наиболее массовый и организованный характер движение крестьян и батраков приняло в Прибалтике.

В октябре — ноябре 1905 г. в Прибалтийском крае почти во всех волостях происходили народные собрания, на которых единодушно принимались решения о бойкоте местного начальства и полиции, о прекращении уплаты податей и налогов, об отказе поставлять рекрутов и нести натуральные повинности, о прекращении всех платежей помещикам (арендная плата, рыцарский налог, церковная подать) и об уничтожении привилегий дворянства в отношении охоты и рыбной ловли. Повсеместно выдвигались также требования об автономии Прибалтийского края и об обучении детей на родном языке.

Вместо волостного правления и суда крестьяне и батраки создавали на демократических началах новое революционное самоуправление — распорядительные комитеты и народные суды. За короткое время в Лифляндской губернии на народных собраниях было избрано 156 распорядительных комитетов и в Курляндской — 190. В выборах участвовали все крестьяне и батраки обоего пола, достигшие 20-летнего возраста.

Для отпора черной сотне и царским войскам при распорядительных комитетах была учреждена народная милиция. Оружие для милиционеров доставали путем нападения на полицию, баронские замки, лесничества, военные склады, посты пограничной стражи и даже на небольшие отряды драгун. Милиция регулярно производила воинские учения, высылала дозоры и несла сторожевую службу. Опираясь на вооруженных милиционеров, распорядительные комитеты действовали как революционная власть. Они закрывали силой казенные винные лавки и корчмы, принадлежавшие помещикам, снимали рабочих в помещичьих имениях, запрещали помещикам рубить и продавать лес, а в отдельных случаях устраняли от должности управляющих имениями и назначали на их место батраков.

Крестьяне жгли и громили баронские имения. В 1905—1906 гг. в Латвии из 1095 имений 459 были разгромлены и сожжены. Одновременно с этим восставшие крестьяне и батраки портили железнодорожное полотно и мосты, уничтожали телеграфную и телефонную связь, стремясь таким образом затруднить действия карательных отрядов. По официальным данным, число восставших крестьян в Лифляндской и Курляндской губерниях превысило 60 тыс. Помещики покидали свои имения и бежали за границу или в большие города, под защиту войск.

Латышские крестьяне принимали активное участие в вооруженном восстании в городе Туккуме Курляндской губернии. Здесь социал-демократическая организация решила дать отпор баронам, которые издевались над населением, истязали и убивали народных милиционеров. На ее призыв в город прибыло около 3 тыс. крестьян. Туккумские революционеры вместе с прибывшими крестьянами забаррикадировали улицы и после упорного боя овладели городом. На другой день прибыл крупный карательный отряд с пушками. Восставшие были плохо вооружены и потерпели поражение.

Восстание сельских рабочих и крестьян распространилось и на Эстляндскую губернию, где уничтожение баронских замков происходило под непосредственным руководством и при активном участии ревельских рабочих, объявивших 12 декабря 1905 г. всеобщую политическую забастовку в знак протеста против объявления Прибалтийского края на военном положении. Вечером 12 декабря в лесу за Ревелем состоялось собрание выборных от рабочих и представителей от волостей, на котором было решено начать вооруженный поход на баронские замки. На следующий день боевые группы рабочих двинулись в уезды. В течение одной недели было разгромлено и сожжено 120 имений.

По мере развертывания крестьянского движения все более обнаруживались противоречия и борьба внутри крестьянства, все чаще наблюдались выступления бедноты и батраков против кулачества. Так, в Мценском уезде Орловской губернии, по сообщению корреспондента Вольно-экономического общества, крестьянское движение было сперва направлено «против помещиков, купцов и арендаторов, а потом начало обращаться и против более имущих из крестьян». Беднота громила дома кулаков, бойкотировала кулаков-торговцев, избивала кулаков, перешедших на хутора.

В свою очередь кулаки, обеспокоенные пробуждением деревни, создавали вооруженные банды «самоохраны», которые зверски убивали активных участников движения. Так, в селе Малиновке Саратовской губернии кулаки казнили самосудом 46 «агитаторов-революционеров». Известна также дикая расправа, учиненная кулаками в селе Выхвостово на Черниговщине. Здесь 2 ноября кулаки убили 15 бедняков, принимавших участие в разгроме помещичьих экономий. Разыгравшаяся в Выхвостове трагедия отражена в повести крупнейшего украинского писателя М. М. Коцюбинского «Fata Morgana».

В отношении помещиков кулаки обычно выступали за мирную тактику борьбы, за выкуп земли и против разгрома имений. На втором съезде Всероссийского крестьянского союза делегаты от богатых крестьян заявляли, что «насилие не может выставить на своем знамени все крестьянство».

Для подавления крестьянских восстаний царское правительство посылало карательные экспедиции, которые творили

неслыханные зверства над крестьянами, уничтожали целые селения артиллерийским огнем, без суда и следствия расстреливали и вешали крестьян. В Саратовской губернии крестьянам надевали на шеи веревки, приводили на место сожженных помещичьих имений и вешали.

В Прибалтике активными помощниками карательных отрядов были немецкие бароны и пасторы. Карательными отрядами в одной Латвии было сожжено 300 крестьянских усадеб. Часто при поджогах усадеб хозяев привязывали к деревьям, чтобы смотрели, как огонь уничтожает их имущество, а затем расстреливали.

В октябре — декабре 1905 г. паника среди помещиков была так велика, что многие земские и дворянские собрания требовали скорейшего созыва Государственной думы, которая в первую очередь должна будет рассмотреть крестьянский земельный вопрос, не останавливаясь перед отчуждением по «справедливой оценке» помещичьих земель.

Генерал-адъютант Ф. В. Дубасов, командовавший карательными войсками в Черниговской и Курской губерниях, убеждал Витте провести закон, по которому земли, захваченные крестьянами, остались бы за ними: «Этим крестьян успокоите, и помещикам будет лучше, так как в противном случае они, крестьяне, отберут всю землю от частных владельцев». Точно так же Трепов, встретившись с Витте, заговорил о сплошных крестьянских восстаниях. Чтобы положить конец этому бедствию, говорил он, единственное средство — это немедленное и широкое отчуждение помещичьих земель в пользу крестьян: «Я сам помещик и буду весьма рад отдать даром половину земли, будучи убежден, что только при этом условии я сохраню за собой вторую половину» [1].

Со своей стороны Витте пытался играть в цезаризм, используя монархические иллюзии крестьянства. На заседании Совета министров 3 ноября 1905 г., происходившем под личным председательством Николая II, Витте заявил, что он всегда признавал крестьянский вопрос краеугольным камнем внутренней политики России, без удовлетворительнейшего решения которого «мы полетим в пропасть». Сам он может пока предложить опубликовать манифест о сложении с крестьян выкупных платежей. Царь не только выразил согласие тут же подписать манифест, но и находил возможным ради успокоения крестьянства «не стесняться жертвами и не останавливаться перед самыми смелыми мерами» [2].

Манифест от 3 ноября 1905 г. возвестил об уменьшении с 1 января 1906 г. наполовину, а с 1 января 1907 г. о полном прекра-

---

[1] С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3. М., 1960, стр. 196.

[2] «Воспоминания графа И. И. Толстого», стр. 321—322, 324, 375. РОБИЛ, ф. 218, картон 1290, ед. хр. 5.

щении выкупных платежей [1]. В тот же день последовал указ Сенату об установлении более льготных условий для выдачи ссуд из Крестьянского поземельного банка, чтобы последний мог «успешнее помогать малоземельным крестьянам в расширении покупной площади их землевладения». В указе подчеркивалось, что «удовлетворение дальнейших насущных нужд крестьянства» будет достигнуто совместными трудами царя и Государственной думы. Расширение операций Крестьянского банка по покупке земли за свой счет шло в действительности навстречу не желаниям крестьян, надеявшихся в то время получить землю даром, а требованиям перепуганных помещиков, заинтересованных в наивыгоднейшей продаже земли, которой угрожала крестьянская экспроприация.

8. Революционные выступления в армии и флоте. Революционные выступления рабочих и крестьян оказывали все большее влияние на армию и флот. Осенью 1905 г. произошли волнения и восстания солдат и матросов в Кронштадте, Владивостоке, Петербурге, Киеве, Харькове, Баку, Ашхабаде, Ташкенте. Всего с октября по декабрь 1905 г., по неполным данным, было 89 революционных выступлений в армии и флоте против 8 случаев в июле — сентябре.

Ближайшим поводом к выступлениям солдат и матросов было недовольство условиями военной службы. Восставшие предъявляли требования об улучшении пищи, о вежливом обращении, сокращении срока службы, об отмене обысков в казармах, о свободном доступе книг в казармы. Вместе с тем выступления солдат и матросов были отголоском революционного движения, охватившего страну. Солдаты и матросы требовали демократических свобод, политической амнистии, освобождения их от полицейской службы.

Со времени Октябрьской политической стачки заметно усилилась революционная пропаганда в армии и флоте. К концу 1905 г. было создано 27 военных организаций при комитетах РСДРП. Работу среди войск вели и те партийные организации, которые не имели «военок». По всей стране такую работу вели 64 партийные организации [2]. Многие комитеты РСДРП издавали листовки, призывавшие солдат отказываться стрелять в восставших рабочих и крестьян и с оружием в руках переходить на сторону революционного народа. Большевистская пропаганда особый успех имела в инженерных войсках и флоте, которые в значительной степени укомплектовывались рабочей молодежью.

Одним из самых крупных выступлений было восстание матросов и солдат 11—16 ноября в Севастополе.

---

[1] Первоначальная выкупная сумма составляла 867 млн. руб. На самом же деле надельная земля стоила 544 млн. руб. К революции 1905 г. крестьяне фактически уже выплатили свыше 1,5 млрд. руб.

[2] См.: И. Козырев. Борьба большевиков за армию и флот в период революции 1905—1907 гг. М., 1955, стр. 101.

После объявления в Севастополе царского манифеста о свободах в городе 18 октября стихийно состоялась революционная демонстрация, но она была разогнана казаками. Вечером на Приморском бульваре собрался многолюдный митинг рабочих, солдат и матросов. Выступавшие большевики разоблачали лживый царский манифест и призывали бороться за осуществление народных требований до конца. На митинге было принято решение об освобождении потемкинцев и других политических заключенных. Участники митинга направились к тюрьме, когда они приблизились к ней, войска открыли огонь, в результате были убитые и раненые.

20 октября состоялись грандиозные похороны жертв расстрела. В траурном шествии участвовало до 40 тыс. человек. Пламенную речь у могил произнес лейтенант П. П. Шмидт. Он закончил ее торжественной клятвой, которую подхватили и с энтузиазмом повторяли собравшиеся,— бороться до последней капли крови за демократические свободы. Эта речь создала Шмидту большой авторитет и популярность среди рабочих, которые избрали его своим пожизненным депутатом в Севастопольский Совет.

Главный командир Черноморского флота вице-адмирал Г. П. Чухнин запретил военным посещение митингов, но солдаты и матросы игнорировали это распоряжение. 11 ноября матросы, солдаты и рабочие, всего до 5 тыс. человек, устроили митинг на площади между морскими казармами и казармами Брестского пехотного полка. Для разгона митинга были посланы две матросские боевые роты и учебная команда Белостокского пехотного полка. Общее командование этими отрядами было поручено контр-адмиралу С. П. Писаревскому. Не решаясь действовать открыто, Писаревский пошел на провокацию. Он приказал роте матросов дать залп по солдатам учебной команды. Вслед за этим начальник учебной команды штабс-капитан Штейн должен был крикнуть своим солдатам: «В ружье, в нас стреляют!» — и скомандовать стрелять по митингующим. Об этом случайно узнал матрос Петров. Он зарядил винтовку и двумя выстрелами ранил Писаревского и убил Штейна. Эти выстрелы прозвучали как сигнал к восстанию.

Матросы освободили арестованного Петрова, разоружили и прогнали из казарм офицеров. По инициативе большевиков восставшие матросы произвели выборы депутатов, которые вместе с депутатами от судов эскадры, сухопутных частей, представителями от социал-демократической организации города, портовых рабочих образовали Совет депутатов матросов, солдат и рабочих. Совет организовал патрули для охраны порядка в городе и предупреждения нападения со стороны царских властей.

На следующий день восставшие матросы вместе с портовыми рабочими отправились с красными флагами и оркестром в казармы Брестского полка. Солдаты Брестского полка обезоружили своих офицеров и присоединились к революционной демон-

страции. Шествие двинулось дальше, к казармам Белостокского полка, чтобы привлечь на свою сторону солдат-белостокцев. Однако офицерам этого полка удалось увести солдат за город.

Вечером 12 ноября на заседании Совета были выработаны требования восставших: освобождение всех политических заключенных, снятие военного положения, отмена смертной казни, неприкосновенность личности депутатов, полная свобода вне службы, устройство библиотек и читален за счет казны, выписка книг и журналов по желанию солдат, вежливое обращение офицеров с нижними чинами и отмена титулования вне службы, увеличение жалованья матросам, уменьшение срока службы. Вместе с тем восставшие присоединялись к общероссийским требованиям немедленного созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и 8-часового рабочего дня.

В знак солидарности с восставшими матросами и солдатами портовые рабочие, железнодорожники и почтово-телеграфные служащие объявили всеобщую политическую забастовку.

Растерявшийся Чухнин отправил Николаю II телеграмму, в которой говорилось: «Начальники сухопутных частей не рассчитывают, что войска будут действовать оружием... Для подавления силой указанного движения необходима присылка больших военных сил с артиллерией или подчинение всем требованиям» [1]. По приказу царя для подавления восстания в Севастополь были посланы войска из Ялты, Одессы, Симферополя, Екатеринослава, с Кавказа. Командование ими было поручено командиру корпуса А. Н. Меллер-Закомельскому.

Однако в эти критические для царского самодержавия дни у восставших не оказалось опытных руководителей. Меньшевики, преобладавшие в исполнительном органе Совета — «Матросской комиссии», хотели удержать восставших от активных наступательных действий. «Если на нас будут нападать,— уговаривали они матросов и солдат,— мы будем защищаться». Под влиянием меньшевиков Совет решил держаться оборонительной тактики: предъявить военному начальству требования матросов и солдат и в зависимости от ответа выработать тот или иной план действий.

Такая нерешительность восставших помогла царским властям выиграть время до прибытия карательных войск. В ночь на 13 ноября переодетые в матросскую форму офицеры Брестского полка проникли в морские казармы, где находились восставшие солдаты этого полка, и распространили среди них слух, что матросы решили перебить всех солдат. Обманутые брестцы покинули флотские казармы и принесли повинную. Предательство

[1] «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания», ч. I. М., 1955, стр. 270.

брестцев резко изменило соотношение сил в пользу царских властей.

Вечером 13 ноября депутаты Совета, недовольные выжидательной тактикой меньшевистского президиума, решили пригласить для руководства восстанием лейтенанта Шмидта, в котором они видели пламенного революционера, знающего военное дело, пользующегося громадным авторитетом и популярностью среди матросов и рабочих порта. Но мировоззрение Шмидта не отличалось ясностью. Он называл себя «социалистом вне партий». Однако при всей нечеткости своих политических убеждений Шмидт был искренним революционером-демократом. Он без колебаний согласился возглавить восстание, хотя и считал, что восставшие упустили много благоприятных возможностей.

Утром 14 ноября восстала команда крейсера «Очаков», где имелась сильная социал-демократическая организация во главе с матросами С. П. Частником и Н. Г. Антоненко. Командование революционным кораблем по просьбе матросов принял на себя лейтенант Шмидт. К «Очакову» присоединились броненосец «Св. Пантелеймон» (бывший «Потемкин»), миноносец «Свирепый», четыре номерных миноносца и некоторые другие мелкие суда. Офицеры с этих судов были свезены на «Очаков», где и содержались под арестом в качестве заложников. В порту рабочие захватили арсенал и доставили на «Св. Пантелеймон» снятые с его орудий ударники. После этого Шмидт приказал поднять на «Очакове» сигнал «Командую флотом. Шмидт» и на «Свирепом» прошел вдоль эскадры, обращаясь к командам с призывом переходить на сторону восставших матросов. Но офицеры предусмотрительно убрали матросов с палубы во внутренние помещения.

Переход восставших матросов к активным действиям заставил царские власти еще до прибытия в Севастополь всех карательных войск приступить к подавлению восстания. 15 ноября с береговых батарей и правительственных кораблей был открыт огонь по восставшим судам и казармам флотских экипажей. Под ураганным огнем крупнокалиберной артиллерии восставшие матросы проявили редкое самообладание. «Очаков» открыл ответный огонь, но успел сделать всего шесть выстрелов — на нем вспыхнул пожар. Матросов, пытавшихся спастись с горевшего корабля вплавь, безжалостно расстреливали из пулеметов. Из 380 человек команды крейсера спаслись только 40—50 человек. Шмидт перешел с «Очакова» на миноносец, где и был взят в плен. В ночь на 16 ноября Брестский полк, искупая свою «вину», штурмовал морские казармы и овладел ими утром следующего дня после ожесточенного сопротивления матросов.

Лейтенант Шмидт, матросы С. П. Частник, Н. Г. Антоненко и А. И. Гладков были расстреляны 6 марта 1906 г. на острове Березань (около Очакова). Свыше 300 человек были приговорены к каторжным работам и тюремному заключению.

Геройское восстание севастопольских моряков явилось вдохновляющим примером для рабочих, солдат и крестьян всей России. В Ростове-на-Дону, Новороссийске, Екатеринославе, Харькове, Мотовилихе прошли демонстрации и стачки солидарности рабочих с черноморскими моряками.

9. Декабрьское вооруженное восстание. Переход царского правительства в начале декабря в наступление означал, что период временного равновесия окончился, что назревает решительная схватка между силами революции и контрреволюции. В порядок дня становилось вооруженное восстание, в подготовке и ходе которого важнейшую роль сыграло развитие массового стачечного движения пролетариата.

Общее число стачечников в 1905 г. только на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, составило 2863 тыс. Участников экономических стачек в 1905 г. было несколько больше политических (1439 тыс. и 1424 тыс.). Но экономическая и политическая стачки дополняли друг друга. Ленин указывал, что «без тесной связи этих видов стачки движение, действительно широкое, массовое,— и притом получающее *общенародное* значение,— невозможно» [1].

Наиболее активно в стачечной борьбе участвовали металлисты Количество стачечников у них более чем втрое превышает общее число рабочих в этой отрасли промышленности. На втором месте текстильщики: около 180 стачечников на 100 рабочих. Они втягивались в борьбу позже, чем металлисты, причем у текстильщиков в начале года наблюдалось значительное преобладание экономических стачек. Сравнительно высокое число экономических стачек было в первой четверти года и у металлистов. По мере развития революции в обеих этих группах рабочих увеличивается удельный вес политических стачечников. Рост политической активности самого многочисленного отряда фабрично-заводских рабочих — текстильщиков — означал расширение и упрочение массовой базы революции.

В начале революции экономическая стачка заметно преобладала над политической. В первой четверти 1905 г. в экономических стачках участвовало 604 тыс. рабочих, а в политических — 206 тыс. В последней четверти 1905 г., в период высшего подъема революции, соотношение экономической и политической стачек коренным образом изменилось: на экономические стачки приходилось 430 тыс., а на политические — 847 тыс. человек. Именно волна массовых политических стачек, достигшая своего зенита в конце 1905 г. (в декабре было 372 тыс. политических стачечников из 1424 тыс. за весь 1905 г.), и подняла пролетариат на восстание.

Решающую роль в мобилизации масс для восстания мог сыграть Петербургский Совет рабочих депутатов. Однако меньше-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 318.

вистские руководители Совета упорно сопротивлялись переходу стачки в вооруженное восстание. Они утверждали, что всеобщая стачка и есть то «последнее могучее средство», которое нанесет смертельный удар самодержавию. Совет почти ничего не сделал для вооружения рабочих. По свидетельству Б. М. Радина, «отовсюду с заводов требовали оружия для организованных дружин; рабочие сами заготовляли всевозможные ножи, копья, отчисляли не малые средства из заработков на вооружение...» [1]. Вопрос о вооружении вызывал постоянные нарекания в адрес Исполнительного комитета со стороны рядовых членов Совета и был причиной недовольства избирателей своими депутатами. Перед боевыми дружинами Совет ставил только задачу самообороны, защиты от погромщиков и отвергал необходимость организационно-технической подготовки восстания. Троцкий даже хвастал этим на суде. Он доказывал, что восстание не подготавливается, а возникает стихийно. Когда председатель суда спросил одного из свидетелей: «Призывал ли Совет вас, рабочих, к вооруженному восстанию?», тот ответил: «Не Совет призывал нас, а мы — его».

Руководство Совета не вело борьбы и за переход солдат на сторону революции. Вместо того чтобы сблизить солдат с Советом и объединить их с рабочими, Совет 18 октября принял ошибочное решение о том, что «для прочной гарантии политической свободы» необходимо удаление войск из города. Таким образом, Петербургский Совет в сущности стал на почву «нейтрализации» армии, которую отстаивала либеральная буржуазия, считавшая недопустимым вовлекать солдат в политику. Решение Совета царские власти использовали для натравливания солдат против бастующих рабочих. Объявив 1 ноября всеобщую политическую забастовку, Петербургский Совет, однако, не принял мер к переводу ее в вооруженное восстание. Забастовка была прекращена, не достигнув своей цели — отмены полевых судов, смертной казни и военного положения в Польше. Это было ударом по авторитету Совета, который не учел, что мирная стачка себя изжила. Вследствие оппортунистической тактики меньшевиков Петербургский Совет не сделался органом вооруженного восстания. Ленин указывал, что в решительный момент борьбы Петербургский Совет как орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна [2].

После того как меньшевистское руководство Петербургского Совета сорвало подготовку восстания, стало ясно, что центром всероссийского восстания может быть только Москва. Именно Московский Совет рабочих депутатов, руководимый большевиками, взял на себя инициативу восстания.

Еще в октябре 1905 г. при Московском комитете РСДРП бы-

[1] Б. Радин Первый Совет рабочих депутатов. СПб., 1906, стр. 19.
[2] См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 317.

ла создана военно-боевая группа, которая организовывала боевые дружины, занималась их вооружением и обучением военному делу, особенно тактике уличного боя. Всенно-учебные пункты были расположены в училище Фидлера, Высшем техническом училище и др. В помощь дружинникам издавалась специальная литература: «Знакомство с взрывчатыми веществами», «Обращение с огнестрельным оружием», «Краткое руководство к уличному бою» и т. п.

Большое значение для организации дружин имел «Устав рабочей боевой дружины», разработанный Московским комитетом РСДРП с учетом опыта революционной борьбы. Определяя в §1 задачи дружины, устав обязывал ее охранять собрания рабочих от нападений со стороны черной сотни, полиции и казаков, защищать всех граждан от черносотенных погромов, а главное, помогать пролетариату подготовиться к вооруженному восстанию и в самый момент восстания встать в первых его рядах. Вступающий в дружину «должен помнить, что во всех схватках он будет впереди, что ему всегда угрожает смерть. Дружинник должен быть самоотверженным и храбрым». В дружину могли вступать только лица, хорошо известные местной организации, решительные и преданные партии люди, умеющие сохранять революционную дисциплину и строгую конспирацию.

К моменту восстания в Москве насчитывалась тысяча обученных дружинников, в ходе боев число их увеличилось до 8 тыс. Хорошо вооруженная дружина была на фабрике Шмита. Она почти целиком состояла из большевиков. Сильные дружины были также в Миусском трамвайном парке, в типолитографии т-ва Кушнарева, на заводе Гужона, Цинделевской мануфактуре, заводе Бромлей. Боевая дружина Миусского парка устроила даже стрельбище в Сокольниках. Вооружение дружинников состояло из револьверов, небольшого количества берданок и маузеров. Очень мало было бомб и взрывчатых веществ. Московский комитет большевиков организовал сбор средств на покупку оружия. 15 тыс. руб. было получено от М. Горького, 20 тыс. руб. дал студент физико-математического факультета Московского университета большевик Н. П. Шмит[1], владелец мебельной фабрики, унаследованной от отца. Некоторые средства были получены путем продажи нелегальной литературы, устройства лекций и докладов, но всего этого было недостаточно.

Создавая боевые дружины, московские большевики понимали, что без перехода солдат на сторону революции победа восстания невозможна. Поэтому большевики усилили устную и печатную агитацию среди солдат. В ноябре 1905 г. военная

[1] Шмит был замучен в полицейском застенке. На следующий день после его похорон, 17 февраля 1907 г., на траурном митинге в Большой аудитории университета по предложению одного из ораторов Шмит был зачислен в почетные студенты Московского университета.

организация Московского комитета РСДРП распространила около 24 тыс. экземпляров нелегальной литературы.

Большевистская агитация приносила свои плоды. Среди солдат Московского гарнизона начались волнения, которые достигли наибольшего размаха 2 декабря, когда произошло восстание во 2-м гренадерском Ростовском полку.

Революционный подъем масс и рост их политической сознательности опережали организационно-техническую подготовку вооруженного восстания. Вероятно, по этой причине Ленин считал выгодным оттянуть его до весны и до возвращения маньчжурской армии [1]. Однако царское правительство в начале декабря перешло в решительное наступление против революционных сил, и это заставило рабочий класс выступить раньше, чем была закончена подготовка к восстанию.

6 декабря Московский Совет принял историческое воззвание ко всем рабочим, солдатам и гражданам с призывом 7 декабря в 12 часов дня начать всеобщую политическую забастовку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание. К призыву Московского Совета присоединились конференция делегатов 29 железных дорог и почтово-телеграфный съезд, заседавший в то время в Москве.

Забастовка началась с большим подъемом. В первый же день забастовало 100 тыс. рабочих (около 400 предприятий). Прекратилось движение на всех железных дорогах Московского узла, кроме Николаевской дороги. На фабриках и заводах проходили митинги, которые заканчивались пением «Марсельезы» и шествием с красными флагами. На улицах происходили нападения дружинников на одиночных городовых, жандармов, офицеров и солдат с целью достать оружие.

Однако руководство, ослабленное арестом 7 декабря членов Московского комитета РСДРП и президиума Московского Совета — В. Л. Шанцера (Марата) и М. И. Васильева-Южина отставало от активности масс. Оно не сумело правильно и своевременно использовать и направить революционную энергию рабочих. Ни Московский комитет, ни Московский Совет не разработали заранее плана восстания. В первые два дня районы не получили никаких конкретных указаний о переходе от мирных стачек и демонстраций к вооруженному восстанию. Это дало возможность контрреволюции выиграть время.

8 декабря полиция и войска произвели нападение на многочисленный митинг рабочих в «Аквариуме», а на следующий день царские войска подвергли артиллерийскому обстрелу училище Фидлера на Чистых прудах, где проходило собрание дружинников.

В ответ на эти провокации в Москве начали строиться баррикады. Восставшие стремились загородить баррикадами Садовое

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 100.

кольцо, чтобы отрезать центр от расположенных на окраинах казарм и, продвигаясь к центру, захватить город в свои руки. Для устройства баррикад использовались телеграфные столбы, ворота, рельсы и т. п. Правительственные войска пустили в ход артиллерию, но баррикады быстро восстанавливались.

Дружинники сочетали партизанские действия с баррикадной борьбой. Они действовали небольшими группами, по два-три человека, внезапно нападая и быстро исчезая через проходные дворы. Баррикады являлись в основном средством, препятствующим продвижению войск, особенно кавалерии. Пользуясь задержкой войск у баррикад, дружинники обстреливали их с чердаков, крыш, из окон, из засад во дворах. Гибкая и подвижная тактика неуловимых дружинников деморализовала противника.

11 декабря восстание в Москве достигло высшей точки. Кольцо баррикад все более суживалось вокруг центра. Восставшие заняли внешнюю линию бульваров. Опасаясь захвата восставшими артиллерии, командование отдало приказ о перевозке орудий в Кремль, где концентрировались войска. Наиболее ожесточенные бои в этот день происходили у типографии Сытина и Николаевского вокзала.

Московский Совет, действуя как революционная власть, запретил выход газет, за исключением своего органа — «Известий». Совет регулировал торговлю, боролся со спекуляцией, следил за сроками выдачи заработной платы, оказывал помощь остро нуждающимся безработным. С волей Совета считались предприниматели, торговцы и даже официальные власти. По признанию известного московского заводчика Ю. Гужона, Совет в сущности не вел с ними переговоры, а прямо диктовал свои условия.

Однако у восставших рабочих не хватало оружия. Главные надежды на успех восстания московские большевики связывали с переходом солдат на сторону революции. Исполнительный комитет Совета 8 декабря принял постановление о поведении рабочих при встрече с войсками. При появлении войск рекомендовалось вступать с солдатами в разговоры, действуя на них по возможности товарищеским словом.

В первые дни восстания московский генерал-губернатор Дубасов не мог опереться на войска гарнизона, так как солдаты вели себя неуверенно и в борьбе против восставших не показывали ни воодушевления, ни храбрости. К сожалению, в борьбе за колеблющееся войско московские рабочие не проявили должной решительности. Промахами восставших воспользовался Дубасов, чтобы нейтрализовать ненадежных солдат, подавить революционные выступления в гарнизоне и собрать силы для разгрома восстания.

Из-за отсутствия общего плана восстания отдельные районы действовали разрозненно, ограничиваясь преимущественно обороной и уступая, таким образом, инициативу врагу. Неблагоприятно сказалось на ходе восстания и то, что Николаевская

железная дорога, охранявшаяся войсками, не присоединилась к забастовке.

Московские рабочие рассчитывали на помощь питерских рабочих, присоединившихся к Всероссийской политической забастовке. 8 и 9 декабря в Петербурге бастовало около 100 тыс. рабочих. Но под влиянием меньшевиков стачка в Петербурге носила мирный характер и через несколько дней прекратилась. Известную роль при этом сыграла и усталость питерских рабочих, которые исчерпали свои силы в результате крайне напряженной стачечной борьбы на протяжении всего 1905 г. Мирное течение забастовки в Петербурге позволило царскому правительству отправить для подавления московского восстания лейб-гвардии Семеновский полк.

В самой Москве меньшевистская группа была против объявления всеобщей политической забастовки и тем более против перехода от забастовки к вооруженному восстанию. Если все же меньшевики подписали воззвание Совета с призывом ко всеобщей стачке и восстанию, то они сделали это под давлением рабочих, из боязни разоблачения и изоляции. Но уже 13 декабря, ссылаясь на «ослабление настроения в массах», они потребовали немедленного созыва Совета для решения вопроса о прекращении стачки и восстания.

С 13 декабря центр вооруженной борьбы рабочих переместился на Пресню. Главной базой восстания здесь стала Прохоровская трехгорная мануфактура. На Пресню стягивались боевые дружины из других районов города, где восстание утихало. Здесь же отважно сражались прибывшие на помощь московским рабочим шуйские дружинники во главе с М. В. Фрунзе. Но общее число дружинников было невелико, приблизительно 450 человек. Вместе с мужчинами строили баррикады и сражались с оружием в руках женщины. Отряды дружинников возглавлялись боевым штабом, находившимся в столовой Трехгорной мануфактуры.

15 декабря в Москву прибыл Семеновский полк, а на следующий день — Ладожский полк из Польши. Они окружили Пресню и стали ее обстреливать из тяжелых орудий. Стреляли главным образом по Трехгорке и фабрике Шмита. Начались пожары. Отражая бешеный натиск врага, рабочие проявляли чудеса героизма, отваги и самопожертвования, до конца сохраняя стойкость и боевой дух. Только благодаря превосходству сил и применению артиллерии царским войскам удалось сломить сопротивление Пресни. Утром 19 декабря семеновцы овладели Прохоровкой. Началась расправа с рабочими. Расстреливали за «красный платок в кармане», «за то, что не находили креста», и т. п.

Московский комитет партии и Исполнительный комитет Московского Совета призвали рабочих организованно прекратить восстание, чтобы лучше подготовить свои силы для новых боев

против царизма. Боевой штаб пресненских боевых дружин 19 декабря отдал свой последний приказ, в котором предложил дружинникам прятать оружие и уходить с Пресни и по возможности из Москвы. Часть дружинников была вывезена из Москвы отважным машинистом А. В. Ухтомским.

22 декабря 1905 г. «победитель» Дубасов с горечью и тревогой доносил царю, что хотя «мятеж» и подавлен, но руководители скрылись, оставив на театре действия, правда, рассеянных, но самых непримиримых и озлобленных бойцов. В связи с этим Дубасов просил оставить в Москве Семеновский полк еще на некоторое время.

Несмотря на поражение, московские рабочие сохранили боевой дух и уверенность, что недалек час нового решительного сражения против царизма. Ленин отмечал, что «пролетариат был отброшен назад, но он не выпустил из рук великого знамени революции...» [1].

Основная причина поражения восстания в Москве состояла в том, что руководство отставало от роста и размаха движения масс. У большевиков к этому времени еще не было (и не могло быть) опыта руководства массами в условиях вооруженной борьбы.

Восстание началось с опозданием, был упущен благоприятный момент, когда в гарнизоне происходили волнения и можно было рассчитывать на присоединение солдат к восставшим рабочим. Начав 7 декабря политическую забастовку, рабочие не получили своевременно указаний о переходе к активной вооруженной борьбе. Директива строить баррикады пришла в районы уже после того, когда сами рабочие принялись за их постройку. После ареста руководителей МК РСДРП восстание продолжалось в отдельных районах, разобщенных между собой. В период подготовки к восстанию не были использованы все возможности для военного обучения и вооружения рабочих. У дружинников не хватало оружия.

Самой крупной ошибкой восставших была оборонительная тактика, являющаяся, по выражению К. Маркса, смертью всякого вооруженного восстания.

Декабрьское восстание наглядно подтвердило положение марксизма о том, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — действовать с величайшей решительностью и смело переходить в наступление. Ленин писал: «Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало» [2].

Московское восстание показало, что без активной борьбы за войско успех революции невозможен.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 214.
[2] Там же, т. 13, стр. 374.

Еще Ф. Энгельс подчеркивал, что военная тактика зависит от уровня военной техники. В 1871 г. парижские коммунары строили сплошные баррикады, которые, как бастионы, прикрывали густые массы восставших. В новой обстановке, когда царские войска, снабженные скорострельной и дальнобойной артиллерией, могли легко разгромить баррикады, сами оставаясь недосягаемыми для ружейного огня дружинников, старая баррикадная тактика себя изжила. Московские рабочие учли это и выработали новую тактику — соединение действий подвижных мелких отрядов с сооружением баррикад, основное назначение которых заключалось в том, чтобы задерживать движение войск. Однако новая тактика уличной борьбы не получила широкого применения в декабрьском восстании.

Декабрьское вооруженное восстание не превратилось в одновременное, единое всероссийское выступление пролетариата. Это помогло царскому правительству по частям разгромить силы восставших.

Поражению декабрьского восстания в Москве способствовала и позиция меньшевиков, которые недооценивали значение военно-технической подготовки восстания.

Несмотря на поражение, московское вооруженное восстание 1905 г. имело всемирно-историческое значение. Оно доказало огромную роль общих политических стачек как главного средства мобилизации масс на вооруженное восстание.

Оценивая опыт соединения массовой политической стачки с вооруженным восстанием, Ленин писал: «Первый раз во всемирной истории была достигнута такая высота развития и такая сила революционной борьбы, что вооруженное восстание выступило в соединении с массовой стачкой, этим специфически пролетарским оружием. Ясно, что этот опыт имеет мировое значение для *всех* пролетарских революций»[1].

Декабрьское вооруженное восстание опровергло измышления оппортунистов II Интернационала о том, что время восстаний и баррикадной борьбы миновало. Опыт уличной борьбы в Москве подтвердил, что вооруженные восстания и в будущих революциях будут играть решающую роль при условии, если восставшие будут действовать дружно и наступательно.

Декабрьское восстание 1905 г. обнаружило, что в ходе революции гигантски выросло политическое сознание рабочего класса, который за 11 месяцев прошел путь от мирного шествия к царскому дворцу до борьбы с оружием в руках против царизма, за завоевание демократической республики.

Московское вооруженное восстание явилось сигналом к выступлению рабочих во многих промышленных районах страны. Уже 8 декабря началась общая забастовка в Екатеринославе, Киеве, Ростове-на-Дону, Новороссийске, Перми, Самаре, Воро-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 370.

неже, Пензе. 9 — 14 декабря к забастовке примкнули рабочие Саратова, Одессы, Нижнего Новгорода, Харькова, Николаева.

Там, где были крепкие большевистские организации и Советы находились под их влиянием, рабочие переходили от мирной стачки к боевым наступательным действиям против царских властей. Вооруженные восстания произошли на Урале (Мотовилиха), в Сормове, Красноярске, Чите, Владивостоке, Новороссийске, Харькове, Александровске, Горловке, Ростове-на-Дону.

Вооруженное восстание в декабре 1905 г. было высшей точкой подъема революции. Оценивая его историческое значение, Ленин писал, что после декабрьского восстания народ в России «переродился. Он получил боевое крещенье. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 г. ...» [1].

Революция 1905 г. явилась мощным толчком к политическому пробуждению угнетенных народов Российской империи. Рабочие и крестьяне в национальных районах наряду с общероссийскими революционными лозунгами выдвигали требования отмены всех законов, стеснявших развитие национальной культуры. В Варшаве учащиеся средних школ объявили в феврале 1905 г. забастовку, требуя преподавания на польском языке. Съезд сельских учителей в Риге (ноябрь 1905 г.) утвердил новую программу для начальных школ Латвии, предусматривавшую обязательное обучение детей на родном языке и воспитание их в демократическом духе. Эта программа в конце 1905 г. осуществлялась революционным путем под наблюдением волостных распорядительных комитетов.

За национальное освобождение выступала и передовая часть творческой интеллигенции угнетенных народов. Прогрессивные писатели Иван Франко, Леся Украинка, Михаил Коцюбинский, Якуб Колас, Янка Купала в своих произведениях и публичных выступлениях развивали гуманистическую идею дружбы народов и отстаивали принцип национального равноправия.

Революция 1905 г. привела к временному смягчению национального гнета. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г., в которой участвовали активно и финские рабочие, заставила царя отменить законы, ущемлявшие конституционные права Финляндии. Временные правила о печати 24 ноября 1905 г. разрешили выпуск периодической печати на языках народов России.

Местные буржуазные националисты во время революции выдавали себя за поборников «национального освобождения». При этом они преследовали двоякую цель: добиться от царизма политических уступок для себя и отвлечь рабочих и крестьян от борьбы за землю, 8-часовой рабочий день и т. д. Как признавался лидер польских национал-демократов Роман Дмовский,

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 200—201.

муссирование его партией национального вопроса было «диверсией» с целью «отодвинуть на второй план социальный вопрос» [1]. Чтобы подорвать складывавшийся в ходе революции союз рабочего класса и крестьянства, буржуазные националисты клеветнически изображали рабочее движение на окраинах как чуждое, враждебное «национальным интересам», выдавали его за чисто русское, в котором коренное население не принимало якобы никакого участия.

В начале революции местные националисты по примеру русских либералов развернули петиционную кампанию в пользу политических реформ. В петициях они «почтительно просили» царя о даровании окраинам «внутреннего самоуправления» и об уравнении в правах с русской буржуазией.

Царское правительство в период подъема революции заигрывало с местными националистами, рассчитывая с их помощью расколоть единый фронт борьбы русских и национальных трудящихся. В Польше оно обещало ввести земское и городское самоуправление и допустить преподавание в низших школах на родном языке. На Кавказе наместник царя граф Воронцов-Дашков обещал созвать собрание сословных представителей для обсуждения вопросов о введении земства, суда присяжных, реформы школы и ликвидации временнообязанных отношений крестьян.

Используя уступки и обещания царизма, буржуазные националисты хотели отгородиться от русской революции и направить движение местного коренного населения в мирное русло. Они с восторгом встретили манифест 17 октября 1905 г. Польская буржуазия организовала в Варшаве благодарственную манифестацию. Газета украинских националистов «Рідний край», славословя царский манифест, выражала уверенность, что отныне «ни народных бунтов, ни революций не будет». Узбекские националисты — джадиды — видели в манифесте 17 октября освобождение народа «милостью белого царя».

Мелкобуржуазные националистические партии — Польская партия социалистов (ППС), Белорусская социалистическая громада, Бунд, грузинские социалисты-федератисты и меньшевики, Украинский социал-демократический союз («Спилка»), маскируясь флагом социализма, защищали теорию «общей почвы» и классового мира внутри нации, призывали рабочих и крестьян забыть «внутренние разногласия» и «общенациональные интересы» ставить выше «классовых задач». Некоторые из этих партий увещевали крестьян не разорять и не жечь помещичьи имения и ограничиться подачей царю петиций с изложением своих нужд. Таким путем они пытались ослабить размах революционного крестьянского движения и помешать созданию союза рабочего класса и крестьянства.

[1] Цит. по кн.: В. Маклаков. Вторая Дума. Париж, 1942, стр. 232.

Мелкобуржуазные националистические партии вносили раскол в рабочее движение, создавая партийные организации и профессиональные союзы по национальному признаку. Во время кровопролитных баррикадных боев в Лодзи (июнь 1905 г.) агитаторы Польской партии социалистов действовали как штрейкбрехеры, добиваясь прекращения борьбы. В результате противодействия этой партии в Польше и Литве не были созданы Советы рабочих депутатов. Впрочем, отсутствие Советов в Польше в известной степени объяснялось и сектантскими ошибками польской социал-демократии, преклонением ее перед стихийностью рабочего движения и пренебрежением к объединению всех революционных сил. Отсутствие Советов серьезно ослабило силы революции в Польше и было одной из причин того, что Октябрьская политическая забастовка здесь не переросла в вооруженное восстание.

Большевики во главе с Лениным настойчиво боролись как против царской политики национального угнетения, так и против местного национализма, пытавшегося разжечь вражду между народами России. Большевики выступали за развитие демократической культуры всех наций, отстаивали право угнетенных царизмом народов на самоопределение, разъясняли, что социальное и национальное освобождение возможно лишь при единстве действий русских и национальных рабочих.

Попытки буржуазных националистов отделить национальное движение от революционной борьбы рабочих и крестьян за уничтожение социального гнета успеха не имели. Ленин подчеркивал, что «в тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением...» [1]. Революционно-освободительное движение против царизма, национального гнета, политики насильственной русификации сливалось с классовой борьбой против помещиков и капиталистов в единый революционный поток.

В январские дни 1905 г. рабочие Украины, Прибалтики, Финляндии, Польши, Белоруссии, Кавказа показали высокий уровень классовой сознательности и чувство братской солидарности с русскими рабочими.

Активное участие пролетариат окраин принимал в Октябрьской политической стачке. В декабре 1905 г. манифест Московского Совета рабочих депутатов с призывом к стачке и восстанию вызвал забастовки на железных дорогах Царства Польского и Украины, попытки вооруженного восстания в Екатеринославе, восстание в Горловке.

Так в огне революции крепло интернациональное единство и дружба русского и других народов России. Трудящиеся окраин на собственном опыте убеждались, что их социальное и национальное освобождение неразрывно связано с успехами революции в России под руководством русского пролетариата.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 323.

10. Отступление революции. После разгрома декабрьских восстаний начался постепенный отлив революции и усиление реакции. Однако революция не была еще подавлена. Рабочие, отступая, вели упорные арьергардные бои с самодержавием и буржуазией. В 1906 г. в стачках участвовало 1108 тыс. рабочих, в 1907 г. — 740 тыс.

Отличительной чертой стачечного движения 1906 г. являлось вовлечение в борьбу новых слоев рабочих. В губерниях с наименее развитой промышленностью — Архангельской, Вологодской, Симбирской, Курской, Оренбургской и др. — число рабочих, участвовавших в стачках в 1906 г., даже увеличилось по сравнению с 1905 г. Вместе с тем в 1906 г. относительно увеличилась стачечная активность текстильных рабочих. Если в 1905 г. они в развитии стачечной борьбы значительно уступали металлистам (в 1905 г. каждый металлист бастовал в среднем более 3 раз, а каждый текстильщик — менее 2 раз), то в 1906 г. положение изменилось: процент стачечников по отношению к общему числу рабочих в данной отрасли промышленности у текстильщиков составил 90, а у металлистов — только 85. Таким образом, позже втянутые в движение текстильщики более стойко держались в 1906 г. Все это означало, что в 1906 г. в борьбу вступил арьергард рабочего класса, опоздавший к моменту наибольшего развития борьбы. С другой стороны, в губерниях с сильно развитой промышленностью, например в Петербургской, Владимирской, Бакинской, число участников стачек с 1906 по 1907 г. повышается. В этом Ленин видел стремление авангарда рабочего класса приостановить отступление и снова перейти в наступление.

В 1906—1907 гг. число экономических стачечников падало быстрее, чем политических. Процент экономических стачечников понизился с 50 в 1905 г. до 41 в 1906 г. и до 27 в 1907 г. В то же время более медленное падение в 1906—1907 гг. числа политических стачечников (у металлистов число политических стачечников с 1906 по 1907 г. уменьшилось всего на 20 тыс., с 213 тыс. до 193 тыс.) подтверждает уже отмеченное выше явление: «передовые слои с наибольшей энергией стараются приостановить отступление и превратить его в наступление»[1]. Побежденный в декабре пролетариат собирал силы для нового натиска на самодержавие.

Весной и летом 1906 г. с новой силой разгорелось и крестьянское движение, хотя оно и не достигло уровня 1905 г. В 1906 г. было зарегистрировано 2600 крестьянских выступлений. Продолжались волнения в армии и флоте.

Опыт революционных боев показал, что рабочий класс может с полным успехом выполнить роль вождя революции, только объединив свои силы. Но такое объединение было возможно лишь

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 398.

при условии ликвидации раскола внутри пролетарской партии. Таммерфорсская конференция большевиков, состоявшаяся в декабре 1905 г., и меньшевистская ноябрьская конференция приняли решение о слиянии партийных центров. Большевистский Центральный Комитет и меньшевистская Организационная комиссия образовали объединенный ЦК, составленный из равного числа представителей обоих центров. Основной задачей объединенного ЦК явился созыв партийного съезда.

После декабрьских вооруженных восстаний многие большевистские организации оказались разгромленными, меньшевики же в период октября — декабря пополнили свои ряды за счет мелкобуржуазной интеллигенции, кустарей, мелких служащих и других попутчиков революции. Все это привело к тому, что на IV (Объединительном) съезде РСДРП, проходившем с 10 по 25 апреля 1906 г. в Стокгольме, меньшевики оказались в большинстве. Среди делегатов с решающим голосом было 46 большевиков и 62 меньшевика.

Преобладание на съезде меньшевиков определило оппортунистический характер решений съезда по ряду важнейших вопросов — об оценке революционного момента и классовых задач пролетариата, по аграрному вопросу, об отношении к Государственной думе и о вооруженном восстании. В состав ЦК, избранного на съезде, вошли 3 большевика и 7 меньшевиков, в редакцию ЦО — только меньшевики. На съезде произошло лишь формальное объединение. По существу большевики и меньшевики остались двумя партиями со своими самостоятельными центрами и местными организациями. После съезда борьба между большевиками и меньшевиками разгорелась с новой силой.

На съезде основным вопросом был вопрос о пересмотре аграрной программы РСДРП. Большевики еще на III съезде партии выдвинули лозунг конфискации помещичьей земли. Таммерфорсская конференция подтвердила это требование. Но феодально-крепостническими пережитками было опутано и крестьянское землевладение; поэтому на IV съезде РСДРП Ленин выдвинул лозунг национализации всей земли. Это помогло бы смести все остатки крепостничества и расчистить почву для свободного развития капитализма в деревне. В то же время национализация земли явилась бы сильным ударом по частной собственности вообще и ускорила бы переход к социалистической революции. Ленин оценивал национализацию земли при условии свержения царизма и полной победы демократической революции «как естественный и необходимый шаг вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм»[1]. Таким образом, в одном из коренных вопросов первой русской революции — аграрном — интересы пролетариа-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 265.

та и крестьянства совпадали. Это способствовало объединению борьбы рабочих и крестьян.

В. И. Ленин расценивал победу буржуазно-демократической революции лишь как «первую станцию», достигнув которой пролетариат пойдет вперед к революции социалистической. Именно поэтому он считал ошибочным раздел помещичьей земли в собственность крестьянам, предложенный отдельными большевиками (И. В. Сталин, С. А. Суворов и другие). «Разделисты» полагали, что эта мера покончит с господством помещиков, создаст благоприятные условия для быстрого и свободного развития капитализма, усилит и обострит классовую борьбу в деревне, но они упускали самое существенное — создание необходимых условий для социалистических преобразований в будущем. Раздел помещичьих земель в исторических условиях России укрепил бы позиции крестьянина-собственника и осложнил революционную борьбу.

Меньшевики выступили на съезде с проектом муниципализации земли. Этот проект предусматривал сохранение собственности крестьян на надельную землю и предоставление им права брать в аренду передаваемые областным самоуправлениям помещичьи земли. Программа муниципализации была реакционной в экономическом и политическом отношении; она сохраняла пережитки крепостничества в виде сословного надельного землевладения, а лежавшая в ее основе идея областных земельных фондов притупляла у крестьян сознание необходимости полной демократизации политического строя в стране. В то же время программа муниципализации была насквозь утопической. Ленин указывал, что если крестьянская революция завершится полной победой, то она не остановится на муниципализации и сметет ее, так как крестьяне не согласятся оставить у себя «песочки», плохие надельные земли и платить арендную плату за лучшие по качеству бывшие помещичьи земли; если же революция не одержит полной победы, то муниципализация на деле превратится в новое ограбление крестьян помещиками.

Аграрная программа большевиков не только правильно определяла демократические требования крестьянства, но и явилась в конкретных условиях России наиболее последовательной и гибкой в борьбе за победу социалистической революции. Тем не менее меньшевикам удалось навязать съезду свою программу муниципализации земли.

11. Выборы в I Государственную думу. Вопрос о системе выборов в Думу был рассмотрен в начале декабря 1905 г. на совещании членов Государственного совета и Совета министров под председательством царя. Приглашенные на это совещание общественные деятели А. И. Гучков, Д. Н. Шипов, барон Н. А. Корф и граф В. А. Бобринский высказались за проведение выборов на основе всеобщей подачи голосов. «На мой взгляд, — заявил Гучков, — дарование всеобщего избирательного права

неизбежно, и если не дать его теперь, то в ближайшем будущем его вырвут»[1]. Но подавляющая часть членов совещания настаивала на сохранении порядка выборов по «Положению» 6 августа 1905 г. «При всеобщем избирательном праве, — развивал эту точку зрения член Государственного совета А. С. Стишинский, — землевладельцы и торговые классы совершенно потонут в море крестьянских голосов». «Полицейских дел мастер» дворцовый комендант Трепов пугал, что при всеобщей подаче голосов «мы получим революционную Думу». Эту позицию разделял и царь: «Идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики» [2].

На совещании резкой критике со стороны приглашенных «общественных деятелей» подвергся проект Совета министров дать рабочему классу особое представительство в Думе. По убеждению Гучкова, рабочие-депутаты в таком случае «будут несомненно держать в руках нити всего рабочего движения и будут диктовать и правительству, и обществу, и народу свои условия. Это будет организованный стачечный союз» [3]. Под влиянием этих соображений министерский проект был изменен: выборщики от рабочих были введены в состав губернских и городских избирательных собраний. При этом число выборщиков от рабочей курии было определено в 3%.

Если рабочих, как «наиболее беспокойный и опасный элемент», правящие круги хотели по возможности не допускать в Думу, растворив их выборщиков среди других, то представительство от крестьян на царскосельском совещании было решено оставить примерно на том же уровне, что и по «Положению» 6 августа 1905 г.

Царские сановники по-прежнему считали крестьян «опорой государства и престола». Газета Витте «Русское государство» уверяла, что «серячок выручит», т. е. широкое участие на выборах в Думу темных крестьян с их наивным монархизмом явится благоприятным для самодержавия.

11 декабря 1905 г. был опубликован царский указ, который оставил неизменной куриальную систему «Положения» 6 августа, прибавив только к ранее установленным куриям — землевладельческой, городской и крестьянской — рабочую курию и значительно увеличив число городских избирателей.

Однако выборы по-прежнему оставались многостепенными, не всеобщими и не равными. Один выборщик приходился на 2 тыс. душ населения землевладельческой курии, 4 тыс. городской, 30 тыс. крестьянской, 90 тыс. рабочей, т. е. один голос помещика приравнивался к трем голосам городской буржуазии,

---

[1] «Былое», 1917, № 3(25), стр. 238—239.
[2] Там же, стр. 250, 258—259.
[3] Там же, стр. 240—241.

15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Помещики, имеющие от 100 до 800 десятин земли, непосредственно участвовали в съездах уездных землевладельцев, которые избирали губернских выборщиков. Мелкие землевладельцы участвовали на «предварительных» съездах, которые посылали уполномоченных на съезд уездных землевладельцев. Съезды городских избирателей посылали выборщиков в губернское избирательное собрание. Исключение было сделано для 26 наиболее крупных городов, которые получили право непосредственно посылать депутатов в Думу. По рабочей курии к выборам допускались рабочие с предприятий, имеющих не менее 50 рабочих-мужчин. Внутри самой рабочей курии закон ставил в преимущественное положение рабочих более мелких предприятий. Так, предприятия с числом рабочих 50 и 1999 выбирали одного уполномоченного. Крупные предприятия избирали по одному уполномоченному на каждую новую полную тысячу рабочих-мужчин. Съезды уполномоченных от рабочих избирали губернских выборщиков. Крестьяне избирали на волостной сход одного представителя от домохозяев каждых 10 дворов. Волостные сходы избирали уполномоченных от волостей на уездный съезд. В каждом губернском избирательном собрании Европейской России прежде всего крестьянские выборщики избирали из своей среды одного члена Государственной думы. Затем избирательное собрание в общем своем составе избирало из числа всех имеющих право участия в нем выборщиков остальное положенное расписанием число членов Думы. В целях усиления влияния в Думе зажиточной части крестьян указ 11 декабря предоставил двойной голос тем крестьянам, которые владели одновременно и надельной, и купчей землей. Такие крестьяне участвовали в выборах и по крестьянской курии, и в съездах уездных землевладельцев совместно с землевладельцами из дворян и лиц других сословий. В то же время закон отстранил от выборов батраков и крестьян, лишенных наделов за неуплату недоимок государственных и земских сборов. Члены Государственной думы были обязаны знать русский язык.

Исход выборов зависел от соотношения числа выборщиков от отдельных курий в губернских избирательных собраниях. При общем числе выборщиков по 53 губерниям 6156 землевладельцы избирали почти 32%, крестьяне — 43%, горожане — 22% и рабочие — 3%.

Учитывая, что избирательный закон будет встречен широкими кругами населения с большим разочарованием, указ 11 декабря предоставлял «дальнейшее развитие общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку», т. е. самой Государственной думе.

В манифесте 17 октября, возвестившем о предоставлении Государственной думе законодательных прав, вовсе не говорилось о второй палате. Но уже на царскосельских совещаниях в декаб-

ре 1905 г. Витте заявил: «Для того чтобы вывести Россию из переживаемого ею кошмара, нельзя ставить Государственную думу наряду с государем. Между ними должен быть поставлен Государственный совет в обновленном составе. Совет должен быть второй палатой и являться необходимым противовесом Думе, умеряя ее» [1].

На совещаниях под председательством царя в феврале 1906 г., где рассматривались предположения о реформе Государственного совета, Витте снова подчеркнул, что только верхняя палата, являясь буфером, «может спасти от необузданностей нижней». В то же время, учитывая, что предоставление Государственному совету равных с Думой прав в области законодательства будет встречено в демократических кругах с большим разочарованием, Витте не отказывался и от игры в цезаризм. Ведь его политический курс состоял в том, чтобы расколоть силы революции, отвлекая крестьян от борьбы созывом Думы и обещанием решить в ней земельный вопрос. Он говорил: «Следует помнить, что Государственный совет — учреждение аристократическое: крестьяне в его состав не войдут. Им открыт доступ в Государственную думу. Они смотрят на Думу так — найдем через нее доступ к царю, найдем расправу... Какая же будет психология крестьян? Скажут: думали, что будет доступ, а между тем чиновники отдалили нас от государя. Таким образом, явится средостение, что крайне вредно... Незачем копировать положения конституций, по которым верхняя палата отдаляет нижнюю от монарха» [2]. Витте предлагал постановить, что в случае отклонения Государственным советом законопроекта, одобренного Думой, последняя могла бы представить о своем мнении царю, а тот мог бы дать указание министру внести новый проект. Но предложение Витте не было поддержано большинством участников совещаний. Государственный секретарь барон Ю. А. Икскуль обвинил Витте в стремлении «отдать законодательство в руки толпы. Между тем для этого дела требуется устойчивость, необходимо поставить Государственный совет в качестве учреждения, ограждающего ваше императорское величество. Иначе лучше совсем упразднить Государственный совет» [3].

20 февраля 1906 г. был опубликован манифест о преобразовании Государственного совета из совещательного органа во вторую, верхнюю палату, получившую законодательные права, равные с правами Думы. Прежние департаменты упразднялись. Вновь образованные из назначенных членов Совета 1-й и 2-й департаменты занимались рассмотрением дел по административно-судебным и финансовым вопросам. Постановления департаментов предоставлялись прямо на усмотрение царя.

---

[1] «Былое», 1917, № 3 (25), стр. 245.
[2] Там же, стр. 306, 307.
[3] Там же, стр. 308.

Изменен был и состав Государственного совета. В него входили теперь лица по назначению и по выборам, причем число назначенных не могло превышать общего числа членов по выборам. Список членов Государственного совета, назначенных к присутствию, объявлялся каждый год 1 января. Лица, позволившие себе критиковать правительство, находились под угрозой исключения из списка. Таким образом, члены по назначению лишены были свободы мнений, которая в известных границах существовала в старом Государственном совете.

В основу выборов в Государственный совет была положена сословно-корпоративная и высокоцензовая система, обеспечивавшая преобладание в нем помещиков-дворян: крупные землевладельцы — почти исключительно дворяне — избирали 74 из 98 членов Совета. Такое засилье помещиков оправдывалось «заслугами» дворянства, «искони отдававшего свои силы служению родине». Синодом от православного духовенства избиралось 6 членов и столько же от академиков и профессоров университетов. От торгово-промышленных организаций избиралось 12 членов, а рабочие и крестьяне вовсе не имели своих представителей в верхней палате. Председатель и вице-председатель Государственного совета по-прежнему назначались императором. Члены Государственного совета избирались на 9 лет. Каждые три года обновлялась одна треть выборного состава, но царь мог досрочно распустить выборных членов и назначить новые выборы.

В общем Государственный совет сохранил свой аристократически-чиновничий облик. Он призван был играть роль фильтра, не пропускавшего законопроекты, которые проходили через Государственную думу, но были неприемлемы для царизма. Обновленный Государственный совет сделался твердыней феодальной реакции.

Изданные 8 марта правила о порядке рассмотрения Государственной росписи доходов и расходов существенно урезывали бюджетные права Государственной думы. Она не могла сокращать платежи по государственному долгу, исключать или изменять доходы, которые были внесены в проект росписи на основании действующих законов, положений, штатов и расписаний, а также на основании распоряжений царя, последовавших в порядке верховного управления. В случае неутверждения в срок или отклонения бюджета в силе оставалась смета предыдущего года. Правила предоставили законодательным учреждениям только решение вопроса о необходимой сумме государственных займов; определение же времени и условий их совершения было сохранено в ведении Комитета финансов, члены которого назначались царем.

Рассмотренные законодательные акты — указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министров», «Учреждения Государственной думы и Государственного совета» и «Положения о выборах», бюджетные правила — вошли в главных частях

в «Основные государственные законы Российской империи», опубликованные 23 апреля 1906 г., за три дня до открытия Государственной думы.

На царскосельских совещаниях в апреле 1906 г. Витте говорил об опасности пересмотра «Основных законов» Государственной думой: в таком случае она превратилась бы в Учредительное собрание. Поэтому «надо отобрать от нее все, что опасно трогать. Не опасно говорить о свободах, законности, правах граждан — это все можно, но есть безусловно опасные вопросы — как основания устройства Думы и Совета, основные положения бюджетных правил и правил о займах, прерогативы монарха как верховного главы государства. Все эти предметы надо ввести в основные законы» [1].

Мысль о пересмотре «Основных законов» до созыва Думы не встретила возражений. Никто не оспаривал и тех ограничений, которые проектировал Совет министров. Но, по мнению крайних реакционеров, этот проект еще недостаточно ограждал прерогативы монарха. П. Н. Дурново говорил: «Мало сказать, что Основные законы могут быть изменяемы и дополняемы только по почину царя. Надо сказать, что они могут быть изменяемы без всякого участия Думы и Государственного совета» [2]. Горемыкин, которого Николай II уже прочил в премьер-министры вместо Витте, считал опасным предоставить Думе право определять контингент новобранцев. Такое недоверие к народному представительству показалось чрезмерным даже великому князю Владимиру Александровичу, который заявил: «Раз Дума будет существовать, то нельзя лишить ее права рассматривать тот вопрос, который касается всего населения». Николай II, увидев, что Горемыкин хватил через край, велел оставить статью о контингенте новобранцев в редакции Совета министров [3].

Но вообще Николай II был на стороне ультрареакционеров. По собственному признанию, его все время мучило чувство, имеет ли он право изменять пределы власти, полученные им от своих предков? Он говорил, что «не убежден в необходимости отречься от самодержавных прав и изменить определение верховной власти как власти неограниченной» [4]. Но тут даже такой консерватор, как граф К. И. Пален, не выдержал: «Я не сочувствую манифесту 17 октября, но он существует. До того времени существовало Ваше неограниченное право издавать законы, но после 17 октября, помимо законодательных учреждений, Ваше величество не может уже издавать законы сами. По-моему, Вам, государь, было угодно ограничить свою власть» [5]. Однако царь упорствовал, откладывая свое решение, и только

[1] «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 202.
[2] Там же, стр. 193.
[3] Там же, стр. 241, 244.
[4] Там же, стр. 204.
[5] Там же, стр. 206.

на последнем заседании 12 апреля на прямой вопрос председателя Государственного совета графа Д. М. Сольского: «Как Вы изволите приказать: сохранить или исключить слово «неограниченный»? — нехотя процедил: «Да, исключить» [1].

Таким образом, из «Основных законов» было устранено определение царской власти как власти неограниченной. Статья 7 устанавливала, что император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Думой. Законопроекты, не принятые законодательными установлениями, признавались отклоненными. Согласно статье 87 меры, принятые правительством во время парламентских каникул вследствие «чрезвычайных обстоятельств», не могли вносить изменения ни в «Основные законы», ни в учреждения Государственного совета и Государственной думы, ни в «Положения о выборах» и, если в течение двух месяцев после возобновления занятий Думы они не вносились на ее одобрение, теряли свою силу.

Но прерогативой императора оставались инициатива пересмотра «Основных законов», высшее государственное управление, руководство внешней политикой, объявление войны и заключение мира, верховное командование вооруженными силами, объявление местности на военном или исключительном положении, право чеканки монеты, назначение и увольнение министров, помилование осужденных и общая амнистия. Особенно коварной на практике оказалась статья 87 о «чрезвычайном законодательстве»: сформулированная как исключение, она стала «бытовым явлением».

И все же трудно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что после 1905 г. царская власть в России была ограничена лишь формально, что налицо была призрачная конституция и фактически безвластный парламент, что фактически неограниченная монархия только маскировалась конституционными формами с целью распространения конституционных иллюзий и игры в парламентаризм [2].

В действительности после опубликования «Основных законов» 1906 г. царь не только формально, но и практически отказался от двух важнейших прерогатив — неограниченного права законодательствования и автономного распоряжения государственным бюджетом. Несмотря на ограниченность бюджетных прав Государственной думы, указывал Ленин, «фактически известная зависимость правительства от утверждения бюджета Думой существует» [3]. Вера иностранных банкиров в кредитоспособность России во многом зависела от Думы. Здесь ее голос был чрезвычайно важен.

---

[1] «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 245.

[2] См.: А. М. Давидович, С. А. Покровский. О классовой сущности и этапах развития российского абсолютизма. «История СССР», 1969, № 1, стр. 75.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 163.

Вот почему на вопрос, сохранился ли абсолютизм в России и после 1905 г. или она перешла к конституционной форме правления, нельзя дать прямолинейный, однозначный ответ.

Нам представляется, что после 1905 г. в России была конституция, но узкоцензовая, более или менее призрачная, более или менее фиктивная. При этом следует иметь в виду, что поддержание конституционной фикции было неизбежной линией поведения как для правящих верхов, так и для либеральной буржуазии. Разница между ними состояла в том, что либералы хотели делать эту фикцию понемногу менее фиктивной, тогда как царь, камарилья и полукрепостническое дворянство еще более фиктивной.

Выборы в Думу происходили в марте — апреле 1906 г. В соответствии с постановлением Таммерфорсской конференции большевики объявили активный бойкот выборов; но это решение было принято в декабре 1905 г., когда революция шла в гору, выборы же в Думу происходили в период отлива революции, когда использование легальных возможностей приобрело существенное значение. Вот почему бойкот Государственной думы в 1906 г. был, как впоследствии признавал Ленин, ошибкой, впрочем, быстро исправленной [1].

Тактика бойкота I Думы вытекала не только из слишком оптимистического прогноза о ближайших перспективах революции, но и из-за недооценки тех возможностей, которые открывал избирательный закон 11 декабря 1905 г. В резолюции Таммерфорсской конференции говорилось, что этот закон «фактически исключает из участия в Государственной думе пролетариат и массу крестьянства». В действительности же выборный закон давал значительное представительство крестьянству, так как держалась еще вера в монархическое настроение и консерватизм деревни [2].

Борьба с идеей активного бойкота Думы и укрепление в широких кругах населения веры в возможность мирного парламентского развития страны находились в центре предвыборной кампании буржуазных партий. Виртуозами в сеянии конституционных иллюзий, бесспорно, были кадеты; они уверяли, что «маленький избирательный бюллетень» является «самым сильным средством борьбы», что только с его помощью можно одержать «бескровную победу над умирающим режимом». Для улавливания крестьянских голосов кадеты широко практиковали фальшивые посулы в аграрном вопросе. В предвыборной агитации кадеты часто обещали даже провести в Думе закон о даровом разделе помещичьей земли между крестьянами.

Кадеты звали за собой и рабочих. Но действительность быстро разбила их планы. Предвыборные собрания кадетской пар-

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 18.
[2] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 122.

тии, по донесению петербургского градоначальника, обращались «в митинги, на которых произносились речи революционного характера с огульной и резкой критикой действий правительства и с призывами к бойкоту Государственной Думы и к вооруженному восстанию»[1].

Бойкотистские настроения среди рабочих были так велики, что меньшевики заняли половинчатую, противоречивую позицию: они отвергали выборы депутатов в Думу, но готовы были принять участие в избрании уполномоченных, а затем выборщиков в целях создания «революционного представительного органа всего российского пролетариата»[2]. Только правое крыло меньшевиков во главе с Г. В. Плехановым стояло за участие в выборах депутатов и в работе Думы.

В Петербурге половина предприятий совсем не выбирала уполномоченных, а на остальных в выборах участвовало менее 25% рабочих. Еще более успешно прошел бойкот выборов в Польше.

Крестьяне проявили к выборам живой интерес. Общей тенденцией при избрании уполномоченных от волостных сходов было выбирать беднейших и малоземельных крестьян. Охотно выбирали «пострадавших за мир», побывавших в ссылке или в тюрьме. В финальной стадии выборов — в губернских избирательных собраниях — лозунгом крестьян было: «Господ не выбирать, а выбирать из своей среды». Но в ряде губерний кадетам удалось, пользуясь несознательностью крестьян, внести раскол в их среду и провести в Думу своих людей. Особенно значительным был успех кадетов на городских выборах. Из 20 городов Европейской части России с отдельным представительством они победили в 19, и только в одном городе (Екатеринославе) был выбран октябрист.

Всего к началу думской сессии было избрано в Думу 153 кадета, т. е. более $^1/_3$ общего числа членов Думы. Победа кадетов объяснялась тем, что революционные партии и союзы бойкотировали Думу и своих кандидатов не выставляли. Поэтому демократические элементы, политически несознательные, не понимавшие бойкота, поневоле голосовали за кадетов как за «меньшее зло»[3]. Сыграло свою роль и мастерское использование кадетами конституционных иллюзий, которыми грешили массы. Спад крестьянского движения в первые месяцы 1906 г. объяснялся прежде всего усилением кровавых репрессий, но в какой-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 8, л. 2.

[2] Из платформы сторонников участия в избирательной кампании в Государственную думу, выработанной группой меньшевиков при участии Мартова и Дана. ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 5, д. 2246, л. 119.

[3] Из письма одного избирателя: «Не надеюсь я на кадетов. А бюллетень им бросил, хотя сам и стоял за бойкот, но бросил не потому, что от них чего путного ждал, а чтобы посильно торжество черносотенцев устранить». ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 71, л. 2.

то мере он был связан и с надеждами на Думу. Из материалов анкеты Вольно-экономического общества видно, что крестьянское движение в его наиболее острых, «разгромных» формах приостановилось в ожидании Государственной думы, которая даст крестьянам землю. В своих приговорах крестьяне обращались к членам Думы с ходатайством «дойти до царя-батюшки и передать ему непосредственно нашу крайнюю нужду в кормилице-земле». Они надеялись, что царь внемлет голосу народа и сделает «по правде».

В конце 1905 г. царское правительство очутилось на краю финансового банкротства. Витте обратился к французским банкирам с просьбой о неотложной помощи.

Лучшие представители русской и французской общественности — М. Горький, А. Франс и другие — страстно протестовали против предоставления займа кровавому царизму. В «Юманите» была напечатана статья Горького, озаглавленная «Ни одного су русскому правительству!». Горький предупреждал, что русский народ не возвратит французским банкирам денег, которые они ссудили царскому правительству для подавления революции. Во Франции «Общество друзей русского народа» пыталось заставить правительство отказаться от финансовой поддержки царизма. При этом прогрессивные силы Франции возлагали известные надежды на радикала министра внутренних дел Жоржа Клемансо, как на противника в прошлом франко-русского союза. Действительно, у Клемансо были сомнения насчет законности займа без санкции Думы, но они рассеялись, когда стало очевидным, что кадетская партия, одержавшая победу на выборах, и не помышляет об активном сопротивлении займу.

На своем заседании 29 марта Центральный комитет кадетской партии, «отнесясь вполне отрицательно к означенному займу и находя его крайне вредным для интересов страны, признал, однако, единогласно, невозможным делать какие-либо шаги от имени партии для того, чтобы воспрепятствовать займу» [1]. Кадетская партия не только никого не уполномочивала агитировать во французских финансовых кругах против займа, но даже ставила себе в заслугу его успех. Милюков выступил в печати с заявлением, что заем стал возможен благодаря победе кадетов на выборах, так как она «дала Европе некоторую надежду на успокоение России, на то, что революционный кризис, переживаемый нами, приходит к концу» [2].

4 апреля в Париже было подписано соглашение о русском займе на сумму 843 750 тыс. руб. Условия займа были исключительно тяжелые — из расчета 5% годовых.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33[в], лл. 18—19.

[2] П. Милюков. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906. СПб., 1907, стр. 300.

Политика Витте, пытавшегося играть в крестьянский цезаризм, подвергалась со все возрастающей силой нападкам со стороны влиятельных кругов полуфеодального дворянства, оправившихся от испуга после подавления декабрьского восстания. Эти круги яростно возражали против проекта Н. Н. Кутлера, составленного по инициативе Витте. По воспоминаниям графа И. И. Толстого, «в Гос. совете и в высшем обществе вскоре только и было речи о «революционно-социалистическом» проекте Витте — Кутлера об ограблении помещиков в пользу крестьян» [1]. Кутлеровский проект был основан на мысли об обязательном (за вознаграждение) отчуждении казенных, удельных, частновладельческих и иных земель. При этом земли, лежащие пустые (кроме лесов), а также земли, обычно сдаваемые владельцами в аренду, отчуждались без всяких ограничений, а другие земли — в зависимости от размеров имения. Из действия закона исключались владения с выдающейся по местным условиям организацией хозяйства. Съезд предводителей дворянства 4 января 1906 г. обратился к царю с ходатайством об отклонении этого проекта. Витте, представляя проект Кутлера на усмотрение царя, находил «предпочтительным для помещиков поступиться частью земель, как это было сделано в 1861 г., и обеспечить за собой владение остальной частью, нежели лишиться всего» [2]. Однако царь категорически высказался за «неприкосновенность» помещичьей собственности и уволил Кутлера в отставку.

Витте все же не оставил мысли о решении аграрного вопроса путем принудительного отчуждения части помещичьих земель. На царскосельских совещаниях в апреле 1906 г. при обсуждении ст. 30 «Основных законов» о неприкосновенности собственности он возражал «против запрещения Государственной думе поднимать вопрос об обязательном отчуждении помещичьей земли; по его мнению, это означало бы «заранее составлять план общей революции в России» [3].

Но против Витте сплоченным фронтом выступили почти все участники совещаний во главе с Горемыкиным. Последний считал, что «неприкосновенность собственности должна быть установлена в ясной редакции, чтобы устранить возможность поползновения Думы к наделению крестьян землей на счет частной собственности... Поэтому, если... Дума поднимет вопрос о переделе земли, то надо ясно и определенно преградить ей к этому путь» [4].

Отказ правящих кругов от цезаристской политики, собственно, и решил судьбу кабинета Витте. 15 апреля царь принял

---

[1] РОБИЛ, ф. 218, картон 1290, ед. хр. 5, стр. 325.

[2] «Аграрный вопрос в Совете министров (1906)». Сборник документов. М.—Л., 1924, стр. 76.

[3] «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 236.

[4] Там же, стр. 234.

отставку Витте, а через день, 17 апреля, предложил Горемыкину составить новое министерство.

12. Первая Государственная дума. 27 апреля в Георгиевском зале Зимнего дворца состоялся торжественный прием царем членов Государственного совета и Государственной думы. Николай II вошел в зал в сопровождении раззолоченной свиты. Высшие чины двора несли государственные регалии, символизирующие мощь и незыблемость царской власти — государственное знамя, государственный меч, печать, скипетр, державу и корону. Обе императрицы были одеты с ослепительной роскошью и залиты бриллиантами. Ожидали, что крестьянские депутаты, подавленные всем этим величием и блеском, падут ниц перед царем. Но «мужички» не стали на колени и даже не кричали традиционное «ура!». Депутат М. И. Свешников писал 9 мая своим избирателям: «Народные представители ничуть не смутились, а напротив, вели себя с достоинством, они знали, что их послала страна быть рядом с государем и выше всех этих разодетых кукол, на которых блестели золото и слезы крестьян» [1].

Николай II прочел короткую речь, в которой приветствовал «лучших людей» России и обещал «сохранить незыблемыми»

Распределение членов I Государственной думы по партиям[2]

Наименование фракций	Число депутатов	
	в начале сессии	в конце существования Думы
Октябристы	13	—
Торгово-промышленная партия	1	—
Умеренно-прогрессивная партия	2	—
Прогрессисты	—	12
Партия демократических реформ	4	14
Члены фракции „мирного обновления“	—	25
Автономисты (поляки, литовцы, латыши, украинцы, мусульмане)	63	70
Кадеты	153	161
Трудовики	107	97
Социал-демократы	—	17
Беспартийные	105	103
И т о г о:	448	499

[1] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1980, л. 107.

[2] См.: «Думский сборник. Государственная дума первого созыва». СПб, 1906, стр. 9—10.

установления, дарованные им народу. Затем депутаты отправились в Таврический дворец, где должна была заседать Дума.

Черносотенные партии в I Думе мест не получили. Октябристы во главе с графом П. А. Гейденом и М. А. Стаховичем в середине июня образовали фракцию «мирного обновления», близкую к кадетам. Трудовую группу составили депутаты, преимущественно крестьяне, которые на выборах называли себя «левее кадетов» и были избраны в основном крестьянскими голосами. Уменьшение их численности к концу существования Думы объясняется тем, что вначале в нее входили рабочие и социал-демократы, прошедшие в Думу по тем губерниям, где бойкот не удался. В дальнейшем они образовали самостоятельную социал-демократическую фракцию.

Как видно из таблицы, кадеты имели $^1/_3$ депутатских мест. Но благодаря тому что в начале сессии трудовики, значительная часть буржуазных националистов и беспартийных голосовали вместе с кадетами, последние фактически руководили Думой. Председателем ее был избран кадет профессор С. А. Муромцев.

Думская тактика кадетов заключалась в том, чтобы прекратить революцию посредством незначительных уступок народу, приемлемых для помещиков и царизма. С этой целью кадеты стремились ввести стихийно революционное настроение крестьянских депутатов в русло парламентской борьбы. Нельзя сказать, чтобы усилия кадетов пропали даром. В составе трудовой группы были депутаты, представлявшие интересы зажиточной верхушки деревни и сознательно тяготевшие к кадетам. Многие трудовики смотрели на себя как на парламентеров, которые посланы в Думу, чтобы прекратить войну между правительством и народом и добиться земли и воли мирным путем. Но в отличие от кадетов трудовики бессознательно, вследствие политической отсталости, оказались в плену иллюзий мирной борьбы. Реальные же интересы крестьян находились в непримиримом противоречии с помещичьими, которые в завуалированной форме отстаивали кадеты. А это обстоятельство неминуемо должно было привести трудовиков к освобождению от кадетского влияния.

Уже в первые дни работы Думы при обсуждении вопроса о политической амнистии обнаружилось расхождение между кадетами и трудовиками. В выступлениях кадетских ораторов подчеркивалось, что амнистия и помилование — это прерогативы монарха и обращение к нему есть выражение «желания и мольбы», а не требования русского народа. Трудовики решительно отмежевались от коленопреклонных призывов кадетов к «всепрощению». В проекте закона об амнистии, предложенном трудовиками, ясно и сильно говорилось о даровании полной амнистии всем, кто боролся за свободу народа. Проект же амнистии, составленный кадетом В. Д. Набоковым, считался с тенденцией царских бюрократов «не выпускать на свободу бомбистов».

Играя в парламент, кадеты истолковали приветственное слово царя депутатам в Зимнем дворце как «тронную речь»; они полагали, что ответом на нее должен быть адрес, который представит царю избранная Думой депутация. В кадетском проекте адреса говорилось о политической амнистии и о свободах, которые должны, впрочем, «регулироваться» царскими властями; было упомянуто и о всеобщем голосовании, но не прибавлено «прямое, равное и тайное». Стремясь к сделке с царизмом, кадеты первоначально очень глухо сказали о земельной реформе. Трудовики увидели во всем этом измену кадетов. По их мнению, в адресе не было слышно голоса обездоленного, угнетенного, голодного и измученного народа[1]. Под давлением крестьянских депутатов думский адрес был дополнен заявлением, что земельную нужду крестьян Дума намерена удовлетворить посредством обязательного отчуждения частновладельческих, удельных, монастырских и церковных земель. И только тогда трудовики согласились голосовать за кадетский проект.

Учитывая глубоко революционный характер борьбы крестьян за землю, большевики стремились вырвать колеблющихся трудовиков из-под влияния кадетов. В ряде статей, напечатанных в легальной большевистской газете «Волна», Ленин призывал трудовиков выступать независимо и самостоятельно от кадетов, заявлять полным голосом о требованиях крестьянства, расширять внедумские связи и помнить, что не в стенах Думы, а на улице, в вооруженной борьбе с царизмом будет решаться земельный вопрос. На митингах в Петербурге кадетских ораторов встречали шиканьем и свистом и единодушно принимали резолюции, клеймившие кадетов за отказ от предвыборных обещаний. 9 мая на трехтысячном митинге в Народном доме графини Паниной выступал Ленин; после его речи была принята резолюция, предостерегавшая народ от предательской политики кадетской партии. Участники митинга обратились к трудовикам с призывом отмежеваться от кадетов и смело, без колебаний поддерживать революционные требования народа.

Освобождение трудовиков от конституционных иллюзий было ускорено отсутствием реальных результатов думской работы. Правящие сферы игнорировали парламентские приемы кадетов: депутация, избранная для вручения царю ответного адреса, не была им принята.

В России, как и во всякой стране с абсолютистским или полуабсолютистским режимом, собственно, было два правительства: одно официальное — кабинет министров, а другое закулисное — дворцовая камарилья, опиравшаяся на полуфеодальное дворянство. С 1906 г. оплотом реакции стали съезды уполномоченных дворянских обществ. Уже съезд предводителей дворян-

[1] См.: «Государственная дума. Стенографические отчеты 1906 г.». Сессия первая, т. I. СПб., 1906, стб. 135.

ства в Москве 7—11 января потребовал от правительства принятия «твердых мер для подавления революционного движения». При разрешении аграрного вопроса, заявил съезд, должен быть положен в основу «принцип неприкосновенности частной собственности» [1].

Инспирируемое реакционным дворянством, правительство Горемыкина выступило в Думе 13 мая с декларацией, в которой заявило, что разрешение аграрного вопроса на основе принудительного отчуждения помещичьей земли «безусловно недопустимо». По поводу пожеланий Думы об установлении ответственности министров перед народным представительством, упразднении Государственного совета и расширении законодательных прав Думы Совет министров заметил, что они касаются коренного изменения «Основных законов», не подлежащих пересмотру по почину законодательных учреждений. Наконец, на обращение Думы к царю с просьбой о даровании амнистии политическим заключенным правительство ответило отказом.

Декларация Горемыкина явилась сильнейшим ударом по престижу правительства и самой монархии. То, с каким разочарованием была встречена эта декларация в толще еще опутанных монархическими иллюзиями темных крестьян, прекрасно выразил депутат от Тамбовской губернии трудовик И. Т. Лосев. «До сегодняшнего дня» он думал, что «голос измученной страны дошел до слуха великого священного нашего монарха». Но «листок», оглашенный премьером с думской трибуны, «помутил глаза и сердца крестьян». Сравнивая многомиллионное сермяжное крестьянство с библейским героем, могучим слепым Самсоном, Лосев сказал: «Мы сильны, но всеми хитростями и кознями мы ослеплены, и поэтому нас берут... как Самсона брали филистимляне... Но я не ручаюсь, выдержит ли этот несчастный Самсон, или также упрется и скажет: «Умри, душа моя, с филистимлянами!» [2].

В заключение бурных прений Дума по предложению трудовиков вынесла резолюцию о полном недоверии правительству и с требованием замены его другим, пользующимся доверием Думы. Но министры не уходили в отставку. Горемыкин объявил «бойкот» Думе: только 28 мая поступил в Думу первый законопроект... об устройстве оранжереи и прачечной при Юрьевском университете! Дума засыпала правительство запросами о незакономерных действиях властей. Всего за 72 дня думской жизни был внесен 391 запрос, из них 123 спешных, но министры не торопились с ответами. По закону правительство могло отвечать на запросы в течение месяца после их поступления, и оно всецело использовало это право даже тогда, когда речь шла о смертных казнях, которые Дума хотела предотвратить.

[1] ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 303, л. 12.

[2] «Государственная дума. Стенографические отчеты 1906 г.». Сессия первая, т. I. СПб., 1906, стб. 350—351.

Между тем на имя депутатов со всех концов России нескончаемым потоком шли телеграммы, приговоры, наказы и резолюции с требованиями, чтобы Дума с большей настойчивостью отстаивала интересы народа, и обещаниями в нужный момент поддержать ее всеми способами, вплоть до самых крайних. Все это сильно влияло на настроение трудовиков. В Думе чувствовалась новая струя; начало ей положила рабочая группа, которая 19 мая опубликовала в газетах обращение ко всему российскому пролетариату. По примеру рабочих депутатов трудовая группа предложила от имени Думы обратиться к народу за поддержкой, но кадетский председатель даже не поставил это предложение на голосование, как «неконституционное». Ссылаясь на необходимость выиграть время для законодательной работы, кадеты провели постановление, чтобы запросам был отведен только один день в неделю. Таким образом, они хотели помешать трудовикам и социал-демократам использовать Думу как революционную трибуну. Кадеты считали, что Дума должна «до последней минуты держать знамя легальности, знамя борьбы за право борьбы, не кулаком, не пушкой, а законом»[1]. Но это при ограниченности прав Думы и отсутствии у нее контакта с правительством, по признанию самих кадетов, обрекало ее на «гниение на корню».

13. Аграрный вопрос в I Думе. 8 марта в Думу был внесен аграрный законопроект кадетской партии за подписью 42 депутатов, а 19 мая — «проект основных положений аграрной реформы» трудовой группы за подписью 104 депутатов.

Сущность аграрной реформы согласно обоим проектам заключалась в образовании «государственного земельного запаса» (записка 42-х) или «общенародного земельного фонда» (записка 104-х) для обеспечения безземельного и малоземельного населения путем отвода ему не в собственность, а в пользование участков в пределах трудовой или потребительской нормы. В состав земельного фонда обоими проектами включались казённые, удельные, монастырские и частновладельческие земли. Но по проекту трудовиков в этот фонд должны были поступить все частновладельческие земли, превышающие трудовую норму. Кроме того, трудовая группа считала необходимым постепенно перевести в общенародную собственность и те участки, которые пока оставлялись ею в частных руках, а также крестьянские надельные земли. Таким образом, трудовики отстаивали в конечном счете национализацию всей земли с введением уравнительно-трудового землепользования. Кадетская партия «руководящим началом земельной политики» тоже провозгласила «передачу земли в руки трудящихся», но это не помешало ей допустить

[1] «Государственная дума Материалы к стенографическим отчетам 1906 г. Корректурные оттиски по заседаниям 39 и 40 (6 и 7 июля)». СПб., 1907. Речь И. И. Петрункевича 6 июля, стб. 2034.

сохранение за помещиками крупных имений, которые местными земельными учреждениями будут признаны имеющими общеполезное значение.

Проекты коренным образом отличались и в вопросе о вознаграждении владельцев за отчуждаемые угодья. Кадетский проект обеспечивал частным владельцам «справедливую» оценку отчуждаемой земли «сообразно с нормальной для данной местности доходностью при условии самостоятельного ведения хозяйства». Трудовая группа откладывала решение вопроса о размерах вознаграждения до того момента, когда аграрная реформа будет обсуждена народом на местах, и допускала возможность безвозмездного отчуждения. Заведование общенародным фондом трудовая группа предлагала возложить на местные самоуправления, избранные всеобщим голосованием.

Несмотря на утопичность «трудового» землепользования при сохранении капиталистического производства, проект трудовиков верно выражал крестьянские интересы. Его реализация означала бы уничтожение главного источника крепостнической кабалы в деревне — помещичьих латифундий и свободное развитие крестьянских хозяйств фермерского типа.

Проекты кадетов и трудовиков выражали два различных, но объективно возможных пути решения аграрного вопроса: прусский и американский.

Кадеты в сущности проектировали «второе издание» реформы 1861 г. Но при этом они не учли, что с того времени классовый антагонизм крестьян и помещиков стал неизмеримо глубже, а крестьянство гораздо сознательнее. Крестьяне не только не дали бы провести себя, как в 1861 г., но и использовали бы участие в земельных комитетах в интересах сплочения своих сил, для усиления революционной борьбы за полное уничтожение помещичьего землевладения.

Аграрные прения обнаружили непримиримое расхождение между кадетами и трудовиками. Трудовик Ф. М. Онипко (Ставропольская губ.) предупредил кадетов, чтобы они и не думали утихомирить крестьян жалкими подачками. Миллионы крестьянских голосов, заявил он, «сливаются в одном могучем возгласе: «всю землю, всю волю всему народу», и в этом священном требовании крестьянин не допустит ни малейшей урезки»[1].

26 мая трудовая группа внесла предложение о немедленном избрании комиссии для выработки законопроекта об организации на демократических началах местных комитетов, задачей которых будет подготовить все необходимые практические данные для проведения будущей земельной реформы. Участие в разрешении земельного вопроса организованных народных сил совершенно не устраивало кадетов; поэтому они решительно

---

[1] «Государственная дума. Стенографические отчеты 1906 г.». Сессия первая, т. I. СПб., 1906, стб. 623.

отвергли предложение трудовиков. Масла в огонь подлил третий проект земельного закона, внесенный в Думу 6 июня за подписью 33 депутатов, принадлежавших большей частью к трудовой группе. Этот проект предусматривал немедленное и полное уничтожение частной собственности на землю и объявление ее вместе с недрами и водами общей собственностью всего населения России. Кадеты добились отклонения проекта 33-х без обсуждения на том основании, что он выходит «из пределов реальной земельной политики» и предлагает «глубокий социальный переворот» [1].

Выступления кадетов против демократического решения аграрного вопроса способствовали изоляции их в стране. Крестьянские наказы в этот период полны возмущения вероломной тактикой кадетов, пытавшихся обмануть крестьян, как обманули их помещики в 1861 г. Только левую часть Думы — трудовую и рабочую группы — крестьяне теперь признают «истинными выразителями нужд народа».

Ленин характеризовал период I Думы как приостановку отступления революции и попытку отступающих перейти в новое наступление. «Эпоха I Думы,— писал он,— была таким периодом, когда побежденный в декабре пролетариат собирал силы для нового натиска. Революционная стачка, ослабевшая после декабря, снова могуче подняла голову; за рабочими потянулись крестьяне... усилились солдатские «бунты» [2].

Во второй четверти 1906 г. наблюдался крутой подъем стачечного движения (479 тыс. стачечников против 269 тыс. в первые три месяца года). Напор стачечной борьбы был так велик, что капиталисты в большинстве случаев вынуждены были идти на уступки. Число рабочих, выигравших стачки, превышало число проигравших. Из 222 тыс. участников экономических стачек 86 тыс. (38,8%) победили, 58 тыс. (26,1%) закончили стачку компромиссом и 78 тыс. (35,1%) потерпели поражение.

4 марта 1906 г. были изданы «Временные правила», разрешавшие организовывать общества и союзы. К концу 1906 г. насчитывалось 652 профессиональных общества с числом членов свыше 245 тыс. В Петербурге, Москве и Харькове были созданы нелегальные межсоюзные объединения — центральные бюро профессиональных союзов. Под руководством большевиков профсоюзы принимали активное участие в экономических и политических выступлениях рабочего класса [3].

Разочаровавшись в кадетской Думе, с новой силой поднялись на борьбу широкие массы крестьянства. В докладе 5 июля 1906 г. царю Столыпин указывал, что «беспорядки на аграрной

---

[1] «Государственная дума. Стенографические отчеты 1906 г.». Сессия первая, т. II. СПб., 1906, стб. 1142, 1146.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 8.

[3] Подробнее о профсоюзах в период первой русской революции см.: «История профсоюзов в СССР». М., 1969, стр. 7—51.

почве» имели место в 32 губерниях Европейской России. В 21 губернии они носили характер массовых сельскохозяйственных стачек, сопровождавшихся попытками захвата земли, хлеба, сена, самовольных запашек и потравы лугов, разгрома усадеб, сопротивления войскам и полиции и даже вооруженного нападения на отряды карателей, удаления пришлых рабочих, организованного отказа крестьян убирать помещичьи хлеба.

Царская администрация часто использовала войска против крестьянских выступлений. По свидетельству военного министра А. Ф. Редигера, «в течение первых 10 месяцев 1906 года войска призывались гражданскими властями 2330 раз, причем в 188 случаях приходилось применять оружие»[1]. Но иногда солдаты отказывались проливать кровь своих братьев. «Солдат,— писал Ленин,— был полон сочувствия крестьянскому делу; его глаза загорались при одном упоминании о земле»[2]. В Полтаве 28 мая 1906 г. вспыхнуло восстание солдат Елецкого полка. На митинге говорили о том, что все солдаты России должны помогать народу добыть землю и свободу. Присутствующие поклялись «больше не стрелять в наших братьев-крестьян, которые борются за землю и волю». Даже в императорской гвардии было неспокойно. 4 июня 1906 г. близ Петербурга состоялся митинг 4 тыс. солдат Преображенского, Семеновского и других гвардейских полков. Выступали социал-демократы и трудовики. Солдаты заявили, что они поддерживают земельный проект трудовой группы.

В обстановке нового подъема массовой революционной борьбы в правящих кругах наметилось течение в пользу соглашения с кадетами против революции.

На заседании Совета министров 1 июня министр просвещения П. М. Кауфман, поддержанный В. Н. Коковцовым и А. П. Извольским, заявил, что при конфликте с народным представительством никакая созидательная работа, а следовательно, и успокоение страны невозможны. Поэтому он считал необходимым войти в соглашение с думским центром в лице кадетской партии; так как нынешнему составу министров это недоступно, то его должны заменить люди, не связанные своим прошлым с прежним режимом; таких людей надо искать в общественной среде[3].

Идея создания министерства, пользующегося доверием большинства Думы, получила поддержку со стороны генерала Трепова, которого молва считала, и не без основания, закулисным диктатором. В середине июня произошло тайное свидание Трепова с лидером кадетской партии Милюковым. Отвечая на вопрос Трепова об условиях, при которых кадетская партия считала

---

[1] «Красный архив», 1933, № 5 (60), стр. 127.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 212.
[3] ЦГИА СССР, ф. 954, оп. 1, д. 309, л. 2; ф. 1276, оп. 2, д. 158, лл. 3—5.

бы возможным сформировать правительство, Милюков выдвинул семь пунктов: всеобщая политическая амнистия, отмена смертной казни, снятие «исключительных положений»[1], чистка высшего провинциального чиновничества, реформа Государственного совета, всеобщее избирательное право и принудительное отчуждение частновладельческих земель с вознаграждением помещиков по справедливой оценке. Трепов заметил на это, что частичную амнистию провести было бы возможно, но амнистия полная, включающая и бомбистов, встретила бы решительное противодействие. Он соглашался с необходимостью смены наиболее непопулярных губернаторов, но реформу Государственного совета находил излишней, так как, по его словам, эти «старички» пойдут за всяким правительством. Требование всеобщего избирательного права не встретило возражения. К изумлению Милюкова генерал выразил полное согласие с принципами кадетской аграрной программы; он только хотел, чтобы они были возвещены народу царским манифестом как особая монаршая милость. По-видимому, оговорки Трепова не смутили Милюкова, а Трепов не считал условия Милюкова окончательными. Собеседники перешли к составлению списка возможных кандидатов в министры.

Но в правящих сферах были влиятельные группы, считавшие создание правительства из думского большинства «прыжком в неизвестность». Они опасались, что кадеты «увлекут под гору», особенно их пугало требование полной амнистии и отмены смертной казни. Черносотенные союзы организовали посылку телеграмм на «высочайшее» имя, в которых обвиняли Думу в стремлении захватить верховную власть.

Первый съезд уполномоченных дворянских обществ (21—28 мая 1906 г.) обратился к царю с адресом, в котором указывалось, что принудительное отчуждение помещичьей земли явится «первым шагом к победе идеи социализма, отвергающей всякую собственность». Съезд принял «Основные положения по аграрному вопросу», предусматривающие переход крестьян от общинного владения к личной собственности, приобретение ими земли при помощи Крестьянского банка и широкое переселение малоземельных крестьян на свободные казенные земли. Эти положения легли в основу законопроекта об увеличении и расширении крестьянского землевладения, внесенного 12 июня правительством в Государственную думу.

Выполняя волю реакционного дворянства, Совет министров опубликовал 20 июня правительственное сообщение по аграрному вопросу; в нем возвещалось, что для улучшения земельного

---

[1] «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (1881) предусматривало объявление той или иной местности империи на «исключительном положении», что значительно расширяло пределы власти царской администрации.

быта крестьян предполагается передать им все годные для земледелия казенные земли и купить для той же цели за счет государства от частных владельцев добровольно продаваемые ими земли. Сообщение издевательски «разъясняло», что отчуждение частновладельческой земли нанесло бы ущерб самим крестьянам, так как лишило бы их заработков в помещичьих экономиях.

Правительственное сообщение 20 июня было открытым вызовом Думе, которая уже в ответном адресе приняла принцип принудительного отчуждения земли. На заседании Думы 26 июня прошло предложение члена партии демократических реформ В. Д. Кузьмина-Караваева о необходимости опубликовать в противовес правительственному сообщению обращение к населению с изложением истинного положения дела по подготовке земельного закона.

Тем временем министр внутренних дел П. А. Столыпин, считавший рискованным треповский план образования кадетского министерства, подал мысль о введении в правительство нескольких общественных деятелей октябристского и мирнообновленческого толка с целью «безболезненного» роспуска Думы. При этом он хотел прикрыться Д. Н. Шиповым, поставив его во главе кабинета. Но Шипов отказался возглавить коалиционный кабинет и посоветовал обратиться к кадетам как руководящей партии в Думе. На приеме у царя 28 июня Шипов резонно заметил, что о поведении кадетов в правительстве нельзя судить по их роли в оппозиции. Как только кадеты войдут в правительство, они, несомненно, «сочтут своим долгом значительно ограничить требования партийной программы при проведении их в жизнь и уплатят по своим векселям, выданным на предвыборных собраниях, не полностью, а по 20 или 10 копеек за рубль»[1].

Из беседы «доверчивый» Шипов вынес впечатление, что царь согласился на кадетское министерство[2]. Среди либеральной общественности распространилось настроение, что образование кадетского министерства — «вопрос дня»[3]. Эти иллюзии были на руку правящим сферам, подготавливавшим роспуск Думы и выжидавшим лишь удобного повода. Таким поводом явилось контрсообщение Думы по аграрному вопросу.

6 июля на заседании Думы предстояло окончательно принять текст обращения к населению. Но накануне, как свидетельствует кадет Езерский, «стали распространяться слухи, что предположение образовать думский кабинет, о котором никогда так много не говорили, как в предшествующие дни, начинает терять почву и колебание это вызвано именно проектом обращения к

---

[1] Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, стр. 455.
[2] См.: «Дневник М. С. Сухотина». Запись 18 августа 1906 г. ЦГАЛИ СССР, ф. 508, оп. 4, д. 8, л 63.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 140, л. 3.

народу... В высших сферах приняли это обращение чуть ли не за революционный манифест»[1].

Кадеты очутились в тисках между реакционным самодержавием и революционным народом. Отказ от контрсообщения по первому намеку сверху дискредитировал Думу не только в глазах демократических элементов, но и самой правящей клики; отступать от раз занятой позиции было бы полным признанием своего бессилия. В то же время обращение к народу давало повод обвинить Думу в революционных замыслах и явилось бы желанным поводом для ее разгона.

Перед заседанием Милюков убедил свою фракцию пересмотреть и по возможности «обезвредить» текст обращения. Было постановлено внести в Думу новый текст, главный смысл которого заключался в укреплении веры населения в благополучное разрешение земельного вопроса законодательным путем.

Вся левая часть Думы восстала против «успокоительного» характера кадетского проекта. Социал-демократы и трудовики указывали, что теперь, когда правительство объявило своим обращением от 20 июня настоящую войну народу, преступно звать его к миру и тишине; напротив, Дума должна со всей настойчивостью выразить надежду на мощную поддержку ее со стороны организованных сил народа.

Правые и социал-демократы по совершенно различным мотивам голосовали против обращения, а трудовики и польское коло воздержались, и оно прошло только 124 голосами кадетов.

Получилась странная картина: только кадеты из боязни разрыва с трудовиками сделали шаг, который дал повод реакционерам обвинить всю Думу в революционности, и кадетского большинства при этом в ней не оказалось. Изолированность кадетов, утрата ими руководящей роли в Государственной думе означали вместе с тем и полный крах их попыток справиться с волнением «народного океана». Правящие круги решили больше не медлить с роспуском Думы.

9 июля депутаты, прибывшие в Таврический дворец, нашли его двери запертыми, ворота охранялись часовыми с ружьями, а на столбе ворот был наклеен указ о роспуске Думы. В манифесте о роспуске Думе ставилось в вину, что она не успокаивала население, а лишь разжигала «смуту». Вместе с тем в страхе перед неминуемыми, казалось, «общими беспорядками» царь не рискнул заодно с роспуском Думы изменить закон о выборах. В манифесте подтверждалось, что закон об учреждении Государственной думы будет сохранен без изменений.

Со своей стороны кадеты, уверенные в близости девятого вала революции, хотели придать протесту против разгона Думы такую форму, которая давала бы «наименее рискованный» вы-

[1] Н. Ф. Езерский. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907, стр. 75.

ход наэлектризованному настроению масс. Кадеты остановились на мысли призвать население к пассивному сопротивлению — к отказу платить налоги и давать рекрутов правительству.

Тем временем у трудовиков зрел план собраться в Петербурге и издать манифест о том, что Дума не подчиняется акту о роспуске и зовет население сплотиться вокруг нее. Но кадеты страшно боялись всяких выступлений народа, даже в защиту Думы, и во избежание их предложили всем членам Думы ехать в Выборг. Трудовики понимали, что отъезд в Выборг будет истолкован как простое бегство народных представителей за границу, где им меньше всего угрожает опасность преследования. К счастью для кадетов, трудовики не отличались последовательностью своей политической линии; поэтому после робких протестов они из боязни «дробления сил» решили присоединиться к кадетам.

9 июля в Выборге открылось собрание бывших членов Государственной думы. Присутствовало 178 человек — кадеты, трудовики и социал-демократы. Председательствовал Муромцев.

Трудовики и социал-демократы предложили издать манифест с объяснением истинных причин роспуска, с призывом к армии и флоту защищать дело свободы и приглашением не подчиняться существующим властям, прекратить платежи налогов и поставку рекрутов. Трудовики и социал-демократы предложили также избрать из бывших членов Думы Исполнительный комитет для связи с населением. Наконец, левые депутаты выдвинули идею всеобщей забастовки в знак протеста против разгона Думы.

Перед закрытием собрания было постановлено образовать согласительную комиссию для редактирования общего текста манифеста, по два человека от кадетов, трудовиков и социал-демократов. При выработке общего текста равнодействующая прошла ближе к кадетскому проекту.

Между тем вести из Петербурга говорили, что там все спокойно. И это заметно «отрезвило» кадетов. На заседании кадетской фракции было решено ограничиться одной только первой частью воззвания, заключавшей протест против роспуска Думы, и отбросить всякие призывы к пассивному сопротивлению. На втором заседании бывших членов Думы 10 июля из 22 кадетских ораторов за сохранение второй части воззвания высказалось только 9 человек.

Во время обсуждения поправок к проекту манифеста Муромцев был вызван к губернатору, который объявил, что он получил из Петербурга приказ распустить собрание. Муромцев дал слово за себя, что не будет продолжать собрание, и, вернувшись после беседы с губернатором, предложил всем уехать из Выборга. Вслед за тем Муромцев вышел. В зале воцарилось волнение и растерянность. Некоторые из кадетов были не прочь оставить дело не доведенным до конца. «Выручил» экспансивный Петрункевич, предложивший подписать воззвание «как оно есть», т. е.

в редакции согласительной комиссии. Это предложение и было принято.

Большинство кадетской фракции не сочувствовало воззванию, не верило в него, считало его ошибкой. Почему же в таком случае кадеты отдали дань «революционному увлечению» в Выборге?

В период I Думы кадеты, по собственному признанию, переоценили силы революции и недоучли жизнеспособность старого режима. Отсюда и их «ошибки», заключавшиеся в том, что они шли на «штурм». Нечто похожее произошло с ними и в Выборге, куда они ехали с тяжелым предчувствием, что роспуск Думы вызовет «стихийные кровавые столкновения». В этой атмосфере Выборгский манифест был для кадетов предохранительным клапаном на случай «общего взрыва». Указывая народу мирный путь пассивного сопротивления, заявил Муромцев на судебном процессе над выборжцами, кадеты стремились «прорыть каналы и отвести поток по этим каналам от угрожаемых им жилищ» [1].

Но роспуск Думы прошел сравнительно спокойно. Не то чтобы рабочие отнеслись равнодушно к этому акту произвола со стороны правительства, просто опыт кадетской Думы убеждал широкие массы, что только всероссийское вооруженное восстание может привести к свержению царизма.

Ленин писал в эти дни, что объективный ход событий поставил перед пролетариатом и крестьянством задачу борьбы не за безвластную Думу, а за свержение самодержавия и созыв действительно властного народного представительства — Учредительного собрания. Момент требовал использовать роспуск Думы как повод для концентрированной агитации, для усиления практической подготовки к всенародному восстанию [2].

Подводя итог, можно сказать, что опыт I Думы способствовал разоблачению лжедемократизма кадетов, освобождению масс от конституционных иллюзий, сплочению революционных классов для общей борьбы против царизма. В этом заключался самый ценный исторический урок перводумского периода.

14. Революционное движение в 1906 г. Летом 1906 г. финляндская военная организация большевиков вела подготовку восстания в Балтийском флоте. Предполагалось начать восстание одновременно в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле. Выступление моряков должно было быть поддержано восстанием рабочих Петербурга и финской Красной гвардией.

Однако восстание в Свеаборгской крепости началось преждевременно, стихийно. Вечером 17 июля восставшие артиллеристы захватили главные форты крепости, а утром к ним присоединились матросы на полуострове Скатуден. Сразу же через руководителя восстания подпоручика, члена боевого центра

[1] С. Муромцев. Статьи и речи, вып. V. М., 1910, стр. 119.
[2] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 318.

Финляндской военной организации РСДРП, большевика А. П. Емельянова была установлена связь с финляндской военной организацией РСДРП и финской Красной гвардией. Начальник ее И. Кох издал 18 июля приказ с призывом ко всеобщей забастовке финского пролетариата. Оппортунистическое руководство финской социал-демократической партии пыталось ограничить забастовку только городом Хельсинки.

Несмотря на саботаж руководителей, революционный пролетариат Финляндии принял активное участие в восстании. 18 июля отряд красногвардейцев численностью в 200 человек прибыл на полуострове Скатуден в помощь матросам. Чтобы воспрепятствовать продвижению правительственных войск, рабочие взрывали и портили железнодорожное полотно, устраивали завалы на шоссейных дорогах, обрывали провода.

Восставшие допустили серьезные ошибки. Они не захватили Комендантский остров, на котором находилось управление крепостью. Вместо того чтобы действовать решительно и наступательно, восставшие придерживались оборонительной тактики.

20 июля после обстрела крепости военными кораблями восстание было подавлено. Среди арестованных было 967 солдат и матросов, 66 финских красногвардейцев и 10 русских рабочих. Матросы и солдаты были преданы военно-полевому суду, который приговорил 28 человек к расстрелу, 127 к каторге и 735 к тюремному заключению.

Как только о событиях в Свеаборге стало известно в Кронштадте, местная военная организация РСДРП назначила восстание на 19 июля. Восставшие должны были захватить оружие, истребить офицеров, поднять весь флот и гарнизон крепости. Предполагалось, что восстание в Кронштадте послужит толчком к восстанию петербургских рабочих и тогда центр борьбы переместится в столицу.

Провоцируя немедленное выступление, эсеры распространили слух, что флот якобы уже восстал. Комендант крепости, узнав через провокаторов, наводнявших эсеровские организации, о готовившемся восстании, принял предупредительные меры.

Тем не менее восстание началось точно в назначенный срок. Наиболее организованно выступили минеры, саперы и солдаты электроминной роты. Восставшие захватили форт «Константин». Однако, вместо того чтобы развить первоначальный успех, матросы и солдаты, как и в Свеаборге, стали выжидать, когда остальные воинские части примкнут к восстанию. Не поддержанные другими фортами и кораблями, восставшие солдаты и матросы на следующий день сдались. 20 июля 1906 г. военный суд в Кронштадте приговорил семь солдат-минеров к расстрелу. Комендант крепости, заставив минеров рыть перед казнью могилы, издевательски говорил: «Копайте, копайте! Вы хотели земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах». Осужденные на

казнь проявили исключительное мужество. Их предсмертные письма дышали непоколебимой верой в грядущую победу революции. Так, в письме матроса Николая Комарницкого, напечатанном в большевистской нелегальной газете «Казарма», издававшейся в Петербурге, говорилось: «Мы мало сделали, но сделали все, что могли, и отдаем последнее — жизнь... Перепуганное, жалкое правительство спешно режет, вешает и расстреливает, думая этим уничтожить ненавистную ему крамолу. Нет! Мы не боимся, мы смело шли за правое дело... Мы смеемся над бессилием наших палачей».

Отголоском Свеаборгского восстания было восстание на крейсере «Память Азова», поднятое 20 июля 1906 г. В начале июня из Кронштадта в Ревель прибыли на летнюю кампанию корабли учебно-артиллерийского отряда. Флагманом отряда был крейсер «Память Азова». Во время стоянки отряда в бухте Хара-Лахт подпольная большевистская организация крейсера получила сообщение о восстании в Свеаборгской крепости. В ночь на 20 июля матросы под руководством большевиков захватили оружие и арестовали офицеров. Корабль оказался в руках восставших матросов. Они избрали совет по управлению кораблем во главе с матросом-большевиком Нефедом Лобадиным. По ряду причин «азовцам» не удалось привлечь на свою сторону остальные корабли отряда. Подняв красный флаг, крейсер направился в Ревель в надежде на поддержку местных рабочих. Впервые в истории Балтики ее воды бороздил военный корабль, на котором реял красный стяг. Но царские власти опередили революционный корабль. Ревельский порт был оцеплен казаками, солдатами и полицией. На помощь рабочих дружин нельзя было рассчитывать, а на самом крейсере подняли мятеж черносотенные кондуктора. Их поддержали доставленные на пароходах войска. К исходу 20 июля восстание было подавлено.

После подавления Свеаборгского и Кронштадтского восстаний царское правительство окончательно встало на путь открытого террора против демократических сил, учредив военно-полевые суды.

Переход реакции в решительное наступление против революционного движения встретил полное одобрение и поддержку со стороны буржуазии. Лидер «Союза 17 октября» Гучков публично заявил, что не правительство, а революция является помехой «обновления родины», и на этом основании оправдывал политику репрессий, даже введение военно-полевых судов, как «жестокую необходимость». На выборах во II Государственную думу октябристы вступили в блок с черносотенцами. Кадеты же на своем съезде в сентябре 1906 г. отказались от осуществления Выборгского воззвания.

Наряду с сдвигом вправо всех буржуазных партий в 1906—1907 гг. происходило также объединение капиталистов для борьбы с забастовками и усиленного наступления на рабочих.

Зарождение боевых предпринимательских союзов относится к январю 1905 г. Напуганные подъемом стачечной волны, промышленники стали заключать порайонные и отраслевые соглашения, чтобы выступать единым фронтом против требований рабочих. Не ограничиваясь периодическими соглашениями, капиталисты создавали постоянные союзы. Члены этих союзов обязывались не делать никаких уступок рабочим без санкции общего собрания, не признавать рабочего представительства, бойкотировать рабочих, внесенных в «черные списки», и немедленно закрывать свои предприятия в случае решения союза подвергнуть всех рабочих данного района или отрасли промышленности массовому локауту. Предпринимательские союзы вводили специальное обложение своих членов для создания забастовочного фонда, откуда оказывалась взаимная поддержка в случае стачек рабочих. Многие союзы, сверх того, брали со своих членов крупные денежные залоги, которые утрачивались при нарушении устава.

Самыми влиятельными организациями предпринимателей были петербургское общество заводчиков и фабрикантов, которое в 1906 г. насчитывало 169 членов, на предприятиях его было занято 110 тыс. рабочих, и общество фабрикантов и заводчиков Центрально-Промышленного района (40 членов — 139 тыс. рабочих). Кроме Петербурга и Москвы, союзы фабрикантов возникли в Варшаве, Лодзи, Риге, Одессе и других промышленных городах страны. В октябре 1906 г. состоялся I съезд представителей промышленности и торговли, положивший прочное основание всероссийскому объединению крупного капитала.

Начиная со второй половины 1906 г. объединенные капиталисты повели решительное наступление на рабочий класс. Одним из самых распространенных средств борьбы капиталистов против рабочих стали массовые локауты. С помощью локаутов капиталисты добивались снижения заработной платы, удлинения рабочего дня, восстановления штрафов. Локауты имели целью также очистить предприятия от рабочих-активистов.

Промышленная депрессия, рост безработицы, жестокие репрессии, наконец, усталость рабочих вследствие крайнего перенапряжения их в стачечной борьбе в 1905 г. и во второй четверти 1906 г.— все это привело, начиная с осени 1906 г., к упадку стачечного движения. Если во второй четверти 1906 г. было 479 тыс. стачечников, то в последние три месяца года число стачечников уменьшилось до 63 тыс. Процент числа рабочих, проигравших стачки, увеличился за это время с 35,1 до 62,2.

Одновременно с отступлением рабочих наблюдался и упадок крестьянского движения. Число уездов, в которых были волнения, в мае — августе 1906 г. составляло 250, в сентябре — декабре — 72.

Председатель Совета министров Столыпин, однако, понимал, что долго держаться на одних штыках невозможно. Чтобы

расколоть крестьянство и создать в деревне союзника царизма в лице кулачества, 9 ноября 1906 г. был издан указ о праве выхода из общины и об укреплении крестьянами своей надельной земли в личную собственность.

15. Вторая Государственная дума. II Дума была созвана в обстановке продолжавшегося спада революции и усиления правительственных репрессий против демократического движения. Перед выборами Сенат «разъяснил», что в уполномоченные от волостных сходов могут быть избираемы крестьяне — только домохозяева и что крестьяне, владеющие землей, купленной с помощью Крестьянского банка, не имеют права участвовать в съездах землевладельцев. По городской курии были лишены избирательных прав рабочие, даже в том случае, если они и имели требуемый законом квартирный ценз. Практика местных помпадуров еще более расширила круг лиц, исключенных из избирательных списков. Беззастенчивое преследование левых выборщиков, запрещение агитации революционных партий, злоупотребления при рассылке повесток, назначении дня и места выборов — все было пущено в ход, чтобы фальсифицировать выборы в интересах правых партий. Свободно выступать на выборах могли только легальные партии — черносотенцы, октябристы и мирнообновленцы.

Перед выборами во II Думу большевики отказались от бойкота и решили принять участие в избирательной кампании. Тактика большевиков была направлена на создание блока левых сил, т. е. в конечном счете на упрочение боевого союза рабочих и крестьян против царизма, помещиков и буржуазии.

6 января 1907 г. собралась конференция Петербургской организации РСДРП для решения вопроса об избирательных соглашениях. На конференции присутствовало 70 делегатов: 39 большевиков и 31 меньшевик. Последние стояли за блок с кадетами, но, убедившись, что конференция отвергнет их тактику, демонстративно покинули ее. Делегаты-большевики, заслушав доклад Ленина, высказались за образование левого блока с трудовиками и эсерами против правых и кадетов. Ушедшие же с конференции меньшевики пошли на раскол: они отказались подчиниться ее решению и предложили кадетам договориться о порайонных соглашениях.

Кадеты, ссылаясь на изменение реального соотношения сил, провозгласили лозунг: «Беречь Думу во что бы то ни стало». Суть этого лозунга состояла в стремлении заключить сделку с реакцией против народа. На предвыборных собраниях кадеты рьяно нападали на «революционный бланкизм» и на такие «фантастические обещания» левых партий, как «вся земля народу», «немедленное введение 8-часового рабочего дня» и т. п. Они всячески превозносили «мирный парламентский путь». Одновременно кадеты прибегли к запугиванию черносотенной опасностью, т. е. опасностью победы на выборах сторонников неограниченно-

го самодержавия в случае раздробления голосов между либералами и революционными партиями.

Между тем под давлением демократических избирателей народнические партии и группы — эсеры, народные социалисты и трудовики — стали склоняться к блоку с большевиками против кадетов. В Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и ряде других крупных городов был заключен блок левых партий. В результате из 1346 городских выборщиков кадетов было 501 (37%), левых — 315 (23%), правых — 119, октябристов — 55 и т. д. Левый блок победил в Нижнем Новгороде, Саратове, Харькове, Екатеринославе, Риге и Ташкенте. Гегемония кадетов над городской мелкой буржуазией была подорвана. Еще сильнее упало влияние кадетов среди крестьян. От съездов уполномоченных от волостей прошло только 103 кадетских выборщика, а левых — 1391. Из 53 обязательных депутатов, выбранных крестьянскими выборщиками, 70% оказалось левее кадетов.

Если I Дума была «Думой народных надежд на мирный путь», то вторая вошла в историю как Дума «резких крайностей». Всего в Думу было избрано 518 депутатов. Кадетский центр «растаял» вследствие усиления обоих флангов, особенно левого. По сравнению с первыми выборами кадеты потеряли 80 мест, отвоеванных у них преимущественно левым блоком. Народнические партии получили 157 мест (трудовики — 104, эсеры — 37 и народные социалисты — 16). Социал-демократов было избрано 65. Всего левые партии завоевали 222 мандата, или 43% ко всему числу членов Думы. В связи с поворотом помещиков в сторону контрреволюции усилилось правое крыло. Черносотенцы и октябристы получили 54 места (10%).

Открытие Думы состоялось 20 февраля 1907 г. Председателем ее был избран правый кадет Ф. А. Головин.

При помощи лозунга «Беречь Думу» кадеты хотели создать «сильный конституционный центр» для «органической» законодательной работы, присоединив к себе слева народнические фракции, а справа — октябристов, польское коло и мусульманскую группу. Таким образом кадеты надеялись расколоть левое крыло, изолировать социал-демократическую фракцию и занять в Думе руководящее положение. Для трудовиков лозунг «Беречь Думу» истолковывался кадетами как переход от «штурма власти» к «правильной осаде» путем постепенного расширения прав Думы, а для правых фракций и правительства — как желание наладить «дружную работу» народных представителей с «исторической властью». С этой целью кадеты прежнее требование ответственного перед Думой кабинета заменили более гибкой формулой — «министерство, пользующееся доверием большинства». Они решили воздерживаться от инициативы и вести законодательную работу путем использования правительственных проектов, начав с рассмотрения менее принципиальных — о реформах местного самоуправления и суда.

Но Столыпин заявил о своем желании выступить с правительственной декларацией; дебаты об общей политике правительства стали неизбежными. Декларация Столыпина начиналась с лицемерных заверений о том, что руководящая мысль правительства — «создать те материальные нормы, в которых должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени». В этих видах правительство внесло на рассмотрение законодательных учреждений законопроекты о неприкосновенности личности и свободе вероисповедания, об упразднении земских начальников и волостного суда, о бессословной самоуправляющейся волости, о расширении компетенции земских органов самоуправления и т. д.

В области рабочего законодательства правительство обещало предоставить промышленникам и рабочим необходимую свободу действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек. В декларации возвещалось о государственном страховании рабочих, о запрещении малолетним и женщинам ночных и подземных работ, о понижении продолжительности труда взрослых, об установлении общедоступности, а затем и обязательности начального образования.

Либеральная декларация Столыпина означала вступление царского правительства на путь бонапартизма, т. е. лавирования и заигрывания с различными классами. В то же время она должна была успокоить иностранных кредиторов России, боявшихся, что торжество крайней реакции может привести к обострению революционного кризиса.

Кадеты заранее уговорили народнические фракции во имя сохранения Думы встретить правительственную декларацию молчанием. Когда же социал-демократы внесли вотум недоверия правительству, кадеты предложили формулу, без всякой мотивировки предлагающую переход к очередным делам. Эта формула не выражала ни доверия, ни порицания и была принята Думой.

Кадеты продемонстрировали свою лояльность также при обсуждении в Думе вопроса о помощи голодающим. Левые фракции внесли предложение об избрании особой комиссии, которая контролировала бы действия правительства по продовольственному делу и собирала бы сведения о голоде путем обследования на местах. Кадеты усмотрели в этом опасный шаг, который мог повести за собой чуть ли не роспуск Думы. Особенно горячо возражали они против посылки Думой контролеров на места, подозревая в этом попытку вызвать там «активные выступления». Кадеты согласились на создание комиссии, которая ограничилась бы рассмотрением отчета министерства внутренних дел о продовольственной операции. К этому предложению присоединились октябристы, крайние правые и само правительство. Предложение было принято Думой.

Следующим «подводным камнем», угрожавшим столкнуть Думу с «парламентского» пути, был вопрос о политической амнистии. Левые фракции внесли законопроект об амнистии. Кадеты усмотрели в этом «революционный жест», дававший повод правительству и черносотенцам обвинять Думу в посягательстве на прерогативы монарха. Снова пустив в ход угрозу роспуска Думы, кадеты убедили трудовиков передать законопроект без обсуждения на рассмотрение предварительной комиссии, чтобы решить вопрос о возможности внесения его в Думу.

Самой опасной «занозой», все время бередившей Думу и мешавшей ей «законодательствовать», были настойчивые попытки Столыпина при помощи правых добиться от Думы осуждения революционного террора. Кадеты оказались между двух огней. Правительство, черносотенцы, октябристы и даже мирнообновленцы стращали, что «если Государственная дума не осудит политических убийств, она совершит его над собой» [1]. В то же время кадеты понимали, что осуждение революционных насилий может быть истолковано как оправдание военно-полевых судов, что было бы равносильно утрате всех связей с демократическими кругами. В результате в рядах кадетов наблюдались сильные колебания. Тем не менее эволюция их и в этом вопросе шла по линии капитуляции перед Столыпиным. 3 апреля на фракционном заседании кадетов И. В. Гессен заявил, что теперь следует выразить осуждение политическим убийствам: «С левыми вряд ли можно сойтись, ибо мы не левые и на это надо оставить надежды» [2]. 17 мая, когда обсуждался запрос об истязаниях политических заключенных в тюрьмах Прибалтийского края, кадеты включили в свою формулу перехода к очередным делам осуждение политических убийств. Но трудовики не пошли за кадетами, и Дума приняла формулу левых, осуждавшую незаконные действия полицейской власти и умалчивавшую о «красном терроре».

Угодничество кадетов перед царизмом особенно ярко проявилось при обсуждении государственной росписи доходов и расходов на 1907 г. Царскому правительству был необходим заем для покрытия дефицита по чрезвычайным расходам, но вера иностранных банкиров в кредитоспособность России во многом зависела от Думы. Кадеты и на этот счет поспешили рассеять опасения правительства. Предвыборные обещания кадетов, что в своей «осаде» власти они используют бюджетные права Думы, были выброшены за борт; теперь они заявили, что «роспись на 1907 г. вряд ли возможно использовать как орудие политической борьбы» [3]. Играя на страхе трудовиков перед роспуском Думы, кадеты уговорили их не голосовать за предложение социал-

[1] «Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты 1907 г.». Сессия вторая, т. II. СПб., 1907, стб. 756.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 1, л. 70.

[3] «Вестник народной свободы», 1907, № 10, стр. 658.

демократической фракции и группы социалистов-революционеров об отклонении бюджета целиком без передачи в комиссию, и, таким образом, судьба бюджета была предопределена.

Трудовая группа была довольно пестрой в политическом отношении. Лишь около 25% ее членов прошли на выборах как определившиеся трудовики; большинство выступало в качестве левых (в смысле «левее кадетов») или просто прогрессистов. Не удивительно, что внутри трудовой группы часто возникали расхождения. При обсуждении в Думе острых и крупных вопросов трудовики колебались, и на их решениях сказывалось влияние то кадетов, то более левых фракций.

Подчинение трудовиков кадетской тактике объясняется прежде всего классовым положением крестьянства, нередко колебавшегося в сторону либеральной буржуазии. Но известную роль сыграла и оппортунистическая тактика меньшевистского большинства социал-демократической фракции.

Меньшевики отказывались от революционных лозунгов ради сохранения единства с кадетами. Об этом свидетельствовало отсутствие в социал-демократической декларации, оглашенной в Думе И. Г. Церетели, основных классовых требований пролетариата, защита меньшевиками с думской трибуны лозунга муниципализации, в основе которого лежала идея компромисса с монархией, попытка избежать полемики с кадетами по аграрному вопросу и т. п.

Оппортунистическая политика соглашения с кадетами, которую проводила социал-демократическая фракция II Думы, встречала решительное осуждение со стороны подавляющего большинства социал-демократических организаций промышленных центров страны. Большевики развернули кампанию за немедленный созыв съезда партии.

16. Пятый съезд РСДРП. 30 апреля 1907 г. в Лондоне открылся V съезд РСДРП. На съезде присутствовало 303 делегата с решающим голосом и 39 с совещательным. Среди делегатов с решающим голосом было 89 большевиков, 88 меньшевиков, 45 представителей социал-демократии Польши и Литвы, 26— социал-демократии Латышского края и 55— Бунда. Меньшевиков поддерживали бундовцы. Поляки и латыши по всем принципиальным вопросам шли за большевиками.

Основное расхождение между большевиками и меньшевиками с самого начала заключалось в вопросе, кто должен стать вождем буржуазно-демократической революции — пролетариат или либеральная буржуазия. В связи с этим главное место в работе съезда занял вопрос об отношении к буржуазным партиям. Меньшевики, ссылаясь на необходимость противопоставить усилившейся реакции объединенный фронт «оппозиционно-революционных сил», отстаивали тактику соглашения с кадетами; они оспаривали большевистскую оценку кадетской партии как антиреволюционной силы.

Ленин в докладе об отношении к буржуазным партиям разоблачил меньшевистскую теорию о «ведущей» роли либеральной буржуазии в революции. «Победа современной революции в России возможна только как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [1],— говорил он. Из такой оценки характера и движущих сил революции вытекало и отношение социал-демократии к различным непролетарским партиям.

В принятой съездом большевистской резолюции указывалось, что социал-демократия должна вести самую непримиримую и беспощадную борьбу с черносотенными и крупнобуржуазными партиями.

В резолюции съезда подчеркивалось также, что социал-демократия должна в интересах политического воспитания народа разоблачать распространяемые либералами конституционные иллюзии и бороться против гегемонии кадетов над демократической мелкой буржуазией.

С народническими партиями резолюция съезда допускала временные соглашения в целях общего натиска против царизма, требуя, однако, разоблачения их псевдосоциалистической идеологии и стремления затушевать различие между пролетариями и мелкими хозяйчиками.

Кроме того, съезд принял резолюции о «рабочем съезде» и беспартийных рабочих организациях, о Государственной думе, о партизанских выступлениях, о профессиональных союзах [2].

Резолюции съезда имели большое значение для практической деятельности партийных организаций в последующие годы. Но социал-демократической фракции II Думы не пришлось воспользоваться директивами съезда. Дума доживала свои последние дни.

17. Роспуск II Государственной думы. Приоритет постановки аграрного вопроса во II Думе принадлежал трудовой группе. Вслед за декларацией правительства ею был внесен «проект основных положений земельного закона», воспроизводивший записку 104 депутатов I Думы.

По новому проекту земельной реформы, представленному кадетской партией, принудительному отчуждению не подлежали помещичьи хозяйства при наличии более высокой урожайности, чем у окрестных крестьян или при технически-заводском характере имения. Если по проекту 42-х вознаграждение за отчуждаемую землю относилось полностью за счет государства, то по новому проекту примерно половина расходов возмещалась крестьянами.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 332.

[2] Подробнее см.: «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 1. М., 1970, стр. 214—219.

Черносотенцы и октябристы, выступая против «социалистической утопии», как они называли предложения о принудительном отчуждении помещичьей земли, утверждали, что крестьяне голодают и бедствуют не от малоземелья, а вследствие низкой культуры, чересполосицы, дальноземелья и т. п. Они высказывались за передачу надельной земли в полную собственность отдельным крестьянам, с тем чтобы она нарезалась отрубами.

По земельному вопросу даже монархически настроенные крестьянские депутаты произносили в Думе речи, проникнутые непримиримой враждой к помещикам, в том числе и к либеральным. Крестьянин Витебской губернии Ф. И. Петроченко в начале своей речи заявил: «Я до смерти буду защищать царя и отечество от врагов внешних и внутренних». Но далее, обращаясь к помещикам, он сказал: «Сколько прений не ведите, другого земного шара не создадите. Придется, значит, эту землю нам отдавать». К кадетскому выкупу Петроченко отнесся неодобрительно [1].

Еще более решительную позицию занимали трудовики и эсеры. Депутат Н. С. Кирносов (Саратовская губ.) заявил: «Теперь мы более ни о чем не говорим, как о земле; нам опять говорят: священна, неприкосновенна; раз того желает народ, не может быть ничего неприкосновенного... Бог сотворил человека и вручил ему землю, но у нас ее нет, почему это? Я прямо скажу и откровенно: украли у нас ее. Но мы, господа, пришли сюда не искать,— мы нашли, а пришли сюда взять ее, это наше...» [2].

Сильное впечатление на крестьян произвела речь большевистского депутата, проект которой был написан Лениным. Впервые с думской трибуны был провозглашен лозунг конфискации помещичьей земли и крестьяне призывались взять решение земельного вопроса в свои руки.

Перед окончанием аграрных прений с программной речью выступил Столыпин. Он заявил, что национализация земли, предлагаемая левыми партиями, представляется правительству гибельной для страны. Но правительство, заявил Столыпин, не позволит «обездолить 130 тыс. владельцев и оторвать их от привычного и полезного для государства труда».

Затем он похвалил кадетского докладчика Н. Н. Кутлера за то, что тот отнесся очень критически к началам национализации. Но кадетский проект представлялся Столыпину, во многом противоречивым, так как, предоставляя крестьянам право постоянного пользования землей, он в то же время нарушал это право в отношении помещиков. А это, по мнению Столыпина, в конечном счете привело бы к той же национализации. Впрочем, Столыпин признавал, что принудительное передвижение земельных

---

[1] «Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты 1907 г.». Сессия вторая, т. I. СПб., 1907, стб. 1614—1616.

[2] Там же, стб. 781, 1143—1144.

границ действительно может явиться необходимым, но в виде исключения, а не общего правила; обязательное отчуждение возможно, например, при переходе к лучшему способу хозяйства, когда нужно устроить дороги, прогон к пастбищу, избавиться от вредной чересполосицы.

Кадеты увидели в речи Столыпина «поворотный пункт», с которого начинается «новая эра правительственной политики по аграрному вопросу». Им казалось, что уже одно то, что Столыпин признал возможным в известных случаях принудительное отчуждение, открывает лазейку для компромисса, приемлемого для обеих сторон.

Совершенно по-другому реагировали на декларацию Столыпина левые фракции: она вызвала возмущение крестьянских депутатов и способствовала консолидации трудовой группы. После этого заявления лозунг «Беречь Думу» потерял значение даже для умеренных членов трудовой группы. На заседании соединенной аграрной комиссии трудовой группы, народных социалистов, эсеров и социал-демократов было постановлено в виде вызова правительству внести в Думу формулу с требованием принудительного отчуждения частновладельческих земель и немедленной отмены столыпинских аграрных законов, проведенных по статье 87 в период между I и II Думами.

26 мая представителями различных фракций было внесено пять формул перехода к очередным делам, в которых излагались основные положения земельной реформы, предлагаемые этими фракциями. Но кадеты предложили предварительно поставить вопрос, надлежит ли вообще входить в обсуждение и принимать какую-либо формулу. В настоящее время, заявил кадет С. Н. Булгаков, немыслима такая формула, которая объединила бы большинство Думы, так как «принудительное отчуждение в программе правительства, принудительное отчуждение в программе партии народной свободы, принудительное отчуждение в программах партий, левее этой фракции стоящих,— это все вещи различные. Здесь речь идет не столько о том, «что», сколько о том — «как» [1]. Большинством в 238 голосов правых и кадетов против 191 левых Дума решила не принимать никакой формулы после прекращения аграрных прений.

Такое решение Думы оставляло открытой дверь для сговора со Столыпиным на базе его аграрных законов. В этом, собственно, и заключался стратегический план кадетов, но реализация его не спасала Думу от роспуска.

Внесение трудовиками перед окончанием аграрных прений формулы с требованием принудительного отчуждения земли по-

---

[1] «Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты 1907 г.». Сессия вторая, т. II. СПб., 1907, стб. 1240—1241.

казало, что тактика «бережения» Думы стала исключительно кадетской. Казенная «Россия» и полуофициозное «Новое время» начали доказывать, что расчеты на «посредничество» кадетского центра не оправдались и поэтому соглашение с кадетами бесполезно.

Ленин подчеркивал, что объективные противоречия русской революции *«оказались* настолько глубокими, что кадетского мостика через пропасть перебросить оказалось невозможно»[1]. Это предрешило судьбу Думы. Но распустить ее во время обсуждения аграрного вопроса царизму было невыгодно. Поэтому в качестве предлога и оправдания роспуска правительство использовало сфабрикованную охранкой фальшивку о «военном заговоре» социал-демократической фракции против государственного строя.

1 июня Столыпин потребовал отстранения от участия в заседаниях Думы 55 социал-демократических депутатов и немедленного лишения 16 из них депутатской неприкосновенности. Головин не допустил прений по существу вопроса, и требование правительства было передано в специальную комиссию, которая должна была сделать доклад Думе через 24 часа.

На заседании Думы 2 июня, когда стало ясно, что она доживает последние часы, представители левых фракций один за другим вносили предложения прекратить прения о местном суде и демонстративно отвергнуть бюджет и аграрное законодательство, проведенное по статье 87. Эти предложения преследовали цель не допустить молчаливого роспуска Думы, использовать ее до конца как революционную трибуну. Но кадеты, ссылаясь на думский наказ, воспротивились принятию этого предложения как «решительно актиконституционного».

Предложение о прекращении прений о местном суде голосами кадетов и правых было отклонено. Как впоследствии с удовлетворением отмечал Головин, «Дума стойко выдержала натиск левых и до последней минуты осталась в строгих рамках закона». И это при обстоятельствах, когда, по признанию того же Головина, во всей этой грязной истории «был действительно заговор, но не заговор 55 членов Думы против государства, как утверждается в манифесте, а заговор Столыпина и К° против народного представительства и основных государственных законов»[2].

Тем временем в комиссии был обнаружен подлог, учиненный судебным следователем. Правительство обещало представить членам комиссии разоблачающие документы в виде политических резолюций, принятых на солдатских сходках с участием депутатов Думы социал-демократов. Но вместо этого был предъявлен

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 60.

[2] «Исторический архив», 1959, № 6, стр. 80; ЦГИА СССР, ф. 1625, оп. 1, д. 6, л. 343.

листок почтовой бумаги с написанными на нем тремя тезисами без всяких указаний, кем, когда и для чего эти тезисы написаны. Кадеты не решились сразу признать факт полицейской провокации и избрали тактику затягивания работы комиссии. На заседании Государственной думы председатель комиссии кадет А. А. Кизеветтер доложил, что она работ своих к вечернему заседанию не закончит, и просил отложить заслушивание ее доклада до понедельника 4 июня.

Разумеется, Столыпин не мог допустить ни одного дня отсрочки, так как вынесение доклада комиссии на думскую трибуну грозило разоблачением полицейской фальшивки.

3 июня 1907 г. был опубликован царский манифест о роспуске Думы и изменении положения о выборах.

Началась полоса черной столыпинской реакции.

18. Историческое значение революции 1905—1907 гг. Основная причина поражения первой русской революции заключалась в том, что не удалось слить в единый поток движение рабочих, крестьян и солдат. Союз пролетариата с крестьянством еще не был прочным и оформленным.

Рабочий класс выступал как ведущая сила революции. Однако рабочие боролись недостаточно дружно и наступательно, не вполне сознавали необходимость беззаветно смелой и беспощадной вооруженной борьбы. К тому же более отсталые рабочие вступили в революционную борьбу только в самом конце 1905 г., когда авангард рабочего класса был уже обескровлен. В Польше, Литве, Белоруссии и других национальных районах некоторые отсталые слои рабочих находились под влиянием буржуазных националистов, стремившихся отвлечь трудящихся от классовой борьбы и разжечь национальную рознь. Это осложняло борьбу за объединение рабочих без различия национальности. Крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, стихийно. Правда, в период революции 1905—1907 гг. они разгромили и сожгли более 2000 помещичьих усадеб, но это составляло одну пятнадцатую часть того, что следовало уничтожить, чтобы стереть с лица русской земли «позор феодального крупного землевладения». По выражению Ленина, крестьяне в 1905—1906 гг. «только лишь попугали царя и помещиков». У массы крестьян еще не было ясного представления о том, что избавления от гнета помещиков можно добиться путем свержения самодержавия, завоевания власти в союзе и под руководством рабочего класса. Поднимаясь на борьбу против помещиков, крестьяне еще не вполне отчетливо сознавали связь между помещичьим землевладением и царским строем. Поэтому они нередко оказывались в плену монархических и конституционных иллюзий.

Несознательность крестьян отразилась на поведении армии, по своему составу преимущественно крестьянской. В отдельных воинских частях были волнения и даже восстания, но они воз-

никали обычно на экономической почве, были разрозненны и стихийны. В целом же царская армия оставалась еще опорой царизма в борьбе против революции.

Серьезно мешало упрочению союза рабочего класса с крестьянством отсутствие необходимого единства в рядах РСДРП. Партия была разделена на две части: большевиков и меньшевиков. И если большевики вели последовательно революционную линию, то меньшевики своей соглашательской тактикой тормозили развитие революции, раскалывали рабочий класс, препятствовали вовлечению крестьянства в революционную борьбу, ослабляли гегемонию пролетариата в революции.

В подавлении революции царизму помогали иностранные империалисты, опасавшиеся перенесения революции в Западную Европу и испугавшиеся утраты своих капиталовложений в России. В 1906 г. французская биржа предоставила царскому правительству заем, который спас его от финансового банкротства и помог собраться с силами для удушения революции.

Наконец, заключение мира с Японией развязало руки царскому правительству для борьбы с революцией.

Несмотря на поражение, первая русская революция имела громадное значение не только в жизни народов нашей родины, но и в истории международного революционного движения.

Революция 1905—1907 гг. оказала исключительное влияние на все последующее развитие России. Она подняла к сознательному творчеству широкие массы города и деревни, все угнетенные народы Российской империи, во главе которых шел героический пролетариат.

За три года революции рабочие и крестьяне прошли такую богатую школу политического воспитания, равной которой не знала история.

Революция до основания потрясла царизм, развеяв в глазах масс миф о его «надклассовости». Она показала широким слоям трудящихся, что царизм — заклятый враг народа и что его ликвидация создаст условия для успешной борьбы за социализм.

Революция 1905—1907 гг. показала также, что в эпоху империализма, когда противоречия капитализма обострились до крайних пределов, буржуазия из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом выступала как антиреволюционная сила, стремившаяся расколоть силы революции и подавить ее.

Первая русская революция явилась проверкой жизненной силы ленинского учения о гегемонии пролетариата, идеи союза рабочего класса и крестьянства. Революция опровергла господствовавшие среди партий II Интернационала взгляды о неизбежности гегемонии буржуазии в буржуазных революциях и реакционности крестьянства. Революция подтвердила, что роль пролетариата в общественном движении неизмеримо больше, чем его доля в общей массе населения. Высокой политической сознательностью и организованностью, революционной инициативой и

боевыми действиями пролетариат в ходе революции оказывал все возрастающее влияние на крестьян, усиливая их натиск на помещиков. Несмотря на разрозненность своих выступлений, крестьяне показали способность бороться под руководством рабочего класса, быть его надежным союзником. Союз пролетариата и крестьянства, правда, лишенный центрального руководства «характеризовал весь первый период русской революции, все крупные события 1905—1907 годов» [1].

Революция впервые показала в действии историческую роль пролетариата как гегемона буржуазно-демократической революции. В этом заключались ее коренное отличие от всех предшествующих революций и гарантия ее перерастания в социалистическую революцию.

Революция 1905—1907 гг. скрепила кровью, пролитой в борьбе против царизма, братскую дружбу русского и других народов России. Она вскрыла предательство буржуазных националистов, стремившихся, как и царизм, внести раскол в складывающийся союз рабочего класса и крестьянства и посеять рознь между народами России. На опыте революции 1905 г. угнетенные народы России убедились, что освобождение от национального и социального гнета может быть достигнуто лишь совместной борьбой трудящихся всех наций под руководством русского рабочего класса.

Революция 1905—1907 гг. была первой в эпоху империализма буржуазно-демократической революцией нового типа — революцией подлинно народной, в которой активное участие рабочих и крестьян определяло ее размах, удивительное богатство форм борьбы и их боевой характер. Революция 1905—1907 гг. доказала огромную роль массовой политической стачки в деле вовлечения в революционную борьбу широких слоев крестьянства и в подготовке всенародного вооруженного восстания против царизма.

В революционных боях 1905 г. рабочий класс России создал новую форму политической надстройки — Советы рабочих депутатов. Но как ни мало просуществовали Советы, уже тогда стало ясно, что они самая прочная опора народной борьбы против самодержавия и буржуазии.

На опыте революции 1905 г. рабочий класс убедился, что партия большевиков является единственно революционной, пролетарской партией, неразрывно связанной с массами, безгранично преданной делу пролетариата, до конца последовательной в борьбе со всякими врагами революции.

Первая русская революция вооружила массы огромным политическим и организационным опытом, облегчавшим их дальнейшую борьбу за свое освобождение. «Без такой «генеральной

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 342.

репетиции», как в 1905 году, — подчеркивал В. И. Ленин, — революция в 1917 как буржуазная, февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны»[1].

Первая русская революция открыла новую страницу во всемирной истории революционных битв, положила начало новому подъему рабочего движения в Европе и национально-освободительному движению угнетенных народов Азии. Центр мирового революционного движения переместился в Россию, где героический рабочий класс под руководством партии большевиков стал авангардом этого движения.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 306.

СТОЛЫПИНСКАЯ РЕАКЦИЯ (1907 — 1910 гг.)

1. Третьеиюньская политическая система. Вопрос об изменениях в аграрном строе России и в социальной структуре самодержавия после первой русской революции имел решающее значение для определения стратегии и тактики большевизма.

В период столыпинской реакции меньшевики-ликвидаторы (Ю. Ларин, Н. Рожков и другие) доказывали, что в 1905—1907 гг. в России завершилась буржуазная революция, самодержавие превратилось в конституционную монархию и началась эпоха «культурного капитализма». Поэтому, с точки зрения меньшевиков, рабочие должны были теперь организоваться не для революции, а для отстаивания своих «особых» интересов, и прежде всего «свободы коалиций» — свободы собраний, союзов, стачек.

В. И. Ленин в статьях «Об оценке текущего момента», «На дорогу», «Наши упразднители», «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве», «Столыпин и революция», «Анкета об организациях крупного капитала» и других показал, что действительно в результате революции 1905—1907 гг. царизм сделал новый шаг по пути приспособления к буржуазному развитию, но шаг этот не устранил основных черт старого государственного строя, а потому и не мог решить задач буржуазного преобразования России. По выражению В. И. Ленина, «пуришкевичевщина, подновленная... новой аграрной политикой, новой системой представительных учреждений, продолжала давить все и вся, тормозя развитие» [1]. При таком положении неизбежен был новый революционный кризис.

Если основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905—1907 гг., продолжали действовать, то конкретная социально-экономическая обстановка в стране после третьеиюньского государственного переворота заметно изменилась.

Этого не понимали отзовисты. На словах они соглашались с тем, что объективные задачи буржуазного развития не решены, а значит, и новая революция в России неминуема. В то же время

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 321.

отзовисты отрицали, что после 3 июня 1907 г. наступила своеобразная историческая полоса с особыми условиями назревания новой революции.

В полемике с отзовистами В. И. Ленин подчеркивал, что по своему классовому характеру царская монархия была и осталась феодальной. Но как русское самодержавие XVII в. с боярской думой не было похоже на чиновничье-дворянское самодержавие XVIII в., так и третьеиюньская монархия имела новые черты, которых не было у полуфеодального, полупатриархального самодержавия 1861—1904 гг. Это новое заключалось в оформлении блока черносотенных помещиков с либеральной буржуазией в лице третьеиюньской Думы, наличии в этой Думе двух контрреволюционных большинств и бонапартистском лавировании между ними царского правительства.

Проблема третьеиюньской монархии рассматривается в статье А. Владимирова «Буржуазия между двумя революциями»[1] и книге А. Я. Авреха «Столыпин и Третья дума» (М., 1968).

Оба автора формально признают существование третьеиюньского политического блока и двух большинств — правооктябристского и октябристско-кадетского — в III Думе. Но вслед за этим Владимиров утверждает, что «кадеты остались за пределами третьеиюньского блока» и что «в ненависти к кадетам партии третьеиюньского блока — октябристы и правые — были едины»[2]. Но если кадеты остались за бортом третьеиюньского блока, то неизбежно исчезают и два думских большинства, а заодно и политика бонапартистского лавирования. Не случайно Владимиров совершенно не употребляет термин «бонапартизм».

Приблизительно также трактует механизм двух думских большинств и А. Я. Аврех. По его мнению, октябристский «центр», от которого зависел исход голосований в III Думе, представлял собой «противоестественный союз» либеральной буржуазии и помещиков-крепостников, причем последние определяли политическую линию октябристов в целом[3]. Во втором же думском большинстве кадеты по отношению к октябристам играли такую же подчиненную роль, какую октябристы занимали по отношению к правым[4]. Но возможность бонапартистского лавирования Ленин объяснял уравновешиванием сил соперничающих классов — крепостников и буржуазии. Признание же безраздельного господства правых в III Думе равносильно, по сути дела, отрицанию двух думских большинств, а следовательно, и всей политики думского бонапартизма.

А. Я. Аврех, несомненно, прав, утверждая, что в составе думской фракции октябристов преобладали помещики[5]. Такое поло-

[1] «Проблемы марксизма», 1931, № 8—9.
[2] Там же, стр. 137—138.
[3] См.: А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума. М., 1968, стр. 10—11.
[4] Там же, стр. 12.
[5] Там же, стр. 11 и 295.

жение, кстати говоря, было и во фракции прогрессистов, и объяснялось оно особенностями третьеиюньского избирательного закона, ставившего выборы в Государственную думу под контроль землевладельческой курии. Но А. Я. Аврех не приводит никаких доказательств [1], что в «Союзе 17 октября» были такие же помещики-крепостники, каких мы видим в правых фракциях Думы. Напротив, В. И. Ленин неоднократно указывал на буржуазный характер партии октябристов. В 1913 г. он писал: «...кадеты *вместе* с октябристами стоят *на одной классовой почве*. Это — разные крылья или представители разных оттенков либеральной буржуазии...» [2].

Подводя итог своему исследованию, А. Я. Аврех приходит к заключению, что Столыпин хотел дать реформы, но не мог, ибо «успокоения», которое по его мнению должно было предшествовать реформам, так и не наступило: в стране и после поражения первой русской революции оставалась общая революционная ситуация [3]. Но этим перечеркивается традиционное представление о реформах как побочном продукте революционной борьбы. Самодержавие шло на уступки под давлением революционного движения и, наоборот, отбирало одну уступку за другой после разгрома этого движения.

Между прочим, А. Я. Аврех в противоречии со своей концепцией признает, что, например, программа Коковцова по рабочему вопросу по мере спада революции все более ограничивалась, а после третьеиюньского переворота от нее остались рожки да ножки, одна страховая часть, но и та до нового революционного подъема была замаринована. В годы столыпинского «успокоения» восторжествовавшая реакция в лице Государственного совета торпедировала все «либеральные» законопроекты без исключения. И разве можно поверить Столыпину, который оправдывал искусственно созданный им в марте 1911 г. перерыв в занятиях законодательных палат стремлением обуздать «звездную палату», которая в своем реакционном рвении дошла до того, что стала отклонять все реформы, принятые Государственной думой. Это заявление было лицемерным, так как никакие изменения в списках членов Государственного совета, назначенных к присутствию, не происходили без предварительного заключения председателя Совета министров. Если бы Столыпин держался либерального курса, то он и представлял бы к присутствию в

---

[1] Нельзя же принимать за доказательство заметку из газеты «Утро России» от 13 февраля 1910 г., которую А. Я. Аврех цитирует. В ней говорится, что преобладание в думской фракции октябристов «дворянского элемента» придает партии «феодальный облик». По мнению А. Я. Авреха, такое совершенно голословное утверждение якобы «разоблачает миф о буржуазности октябристской фракции и партии» (стр. 295).

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 183.

[3] См.: А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума. М., 1968, стр. 510—511.

Совете сторонников реформ. Но в том-то и дело, что реакция гнездилась в самом правительстве!

Представление о Столыпине как об убежденном сторонникe либеральных реформ в корне расходится с ленинской оценкой его как уполномоченного российского дворянства, прикрывавшего свою азиатскую практику лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские» [1]. Столыпин был весь ложь и притворство. Этот «джентельмен», англоман, запарывавший насмерть саратовских крестьян, как удав, душивший все свободное и живое, воздвигнувший чудовищный ряд виселиц, в то же время осмеливался говорить, что он строит «величественное здание свободной России». Прикидываясь сторонником «нового представительного строя», дарованного манифестом 17 октября, Столыпин субсидировал черносотенцев, которые на всех перекрестках вопили: «Долой подлую конституцию!» Столыпинский девиз: «Сперва успокоение, потом реформы» — на практике выглядел так: «Всегда успокоение, никогда реформы!»

3 июня 1907 г. был опубликован манифест о роспуске II Думы и изменении положения о выборах. Этот акт явился государственным переворотом, так как издание нового избирательного закона было явным нарушением манифеста 17 октября 1905 г. и «Основных законов», согласно которым никакой новый закон не мог последовать без одобрения законодательных учреждений.

Инициатором и вдохновителем третьеиюньского переворота явились съезды «объединенного дворянства», которые после разгона I Думы оказывали все возрастающее влияние на правительственную политику. Вопрос об изменении положения о выборах в Государственную думу был возбужден еще на I съезде уполномоченных дворянских обществ в мае 1906 г. Одним из первых выступлений избранного на этом съезде «Совета объединенного дворянства» было обращение к правительству с заявлением о необходимости роспуска Думы и коренного изменения избирательного закона. Когда I Дума была распущена, «объединенные дворяне» жалели о том, что у правительства не хватило смелости использовать самодержавную власть, чтобы заодно издать и новый избирательный закон.

Новое положение о выборах устанавливало, что в губернских избирательных собраниях сперва производятся выборы обязательных депутатов: в 53 губерниях по одному депутату от крестьян, в 49 губерниях по одному депутату от землевладельцев, в 25

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 324—333. Примечательно, что Л. Тихомиров, упрекавший Столыпина за то, что он не хочет «исправлять Основные законы» 1906 г. в реакционном направлении, в то же время не верил и в его либерализм: «У Столыпина нет серьезной программы. Он начинает кучу реформ, но все они вырабатываются кое-как, скорее в виде вывески, чем дела». Из дневника Л. Тихомирова, запись 31 августа 1908 г. «Красный архив», 1935, № 5 (72), стр. 170.

губерниях по одному депутату от первого или второго разряда городских избирателей, в 26 губерниях по одному депутату от первого и второго разрядов городских избирателей, в 3 губерниях по одному депутату от казачьих станиц и в 6 губерниях по одному депутату от рабочих. Общее число обязательных депутатов составляло 188. После выборов обязательных депутатов губернское избирательное собрание избирало остальное положенное для губернии число депутатов, причем выборы их уже не были связаны с обязательством выбирать непременно из той или другой курии. Одновременно в новом законе было резко изменено соотношение выборщиков между куриями в пользу помещиков и крупной буржуазии. Эти классы, составлявшие менее 1% населения страны, избирали теперь $^2/_3$ выборщиков. Одна только землевладельческая курия получила более половины (51%) общего числа выборщиков Европейской России. По прежнему закону землевладельцы располагали большинством в двух губерниях (Минской и Полтавской), теперь они имели абсолютное большинство в 27 из 51 губернии Европейской России. При этом из землевладельческой курии были устранены крестьяне-собственники, если они принадлежали к составу сельских и волостных обществ. Таким образом, исход выборов зависел в сущности от состава выборщиков по землевладельческой курии, т. е. от помещиков.

Как известно, избирательные законы 6 августа и 11 декабря 1905 г. строились на использовании монархических иллюзий крестьянства. Опыт I и II Государственных дум убедил правящие круги в несбыточности этих надежд. Поэтому число крестьянских выборщиков было сокращено почти вдвое — с 43 до 22%. По прежнему закону крестьянские выборщики, входившие в состав губернского избирательного собрания в качестве его полноправных членов, выбирали в каждой губернии Европейской России одного члена Государственной думы без участия некрестьянских выборщиков. Затем уже избирательное собрание в общем составе, т. е. с участием и крестьян, избирало из числа всех выборщиков остальное положенное на губернию число членов Государственной думы. По новому закону крестьяне были лишены права самостоятельных выборов. Теперь обязательный депутат от крестьян выбирался не одними крестьянскими выборщиками, а всем составом губернского избирательного собрания.

По городской курии состав избирателей, общее количество выборщиков и их относительная численность в губернском избирательном собрании остались почти без изменения. Но по новому закону городская курия, ранее единая, была разделена на два разряда, каждый из которых избирал положенное число выборщиков из своей среды. Первый разряд составляла крупная буржуазия, второй — мелкая буржуазия и интеллигенция. Хотя «перворазрядных» избирателей было во много раз меньше, чем «второразрядных», они получили 15% всего числа выборщиков,

а второй разряд — только 11%. Вследствие того что большие города на выборах в I и II Думы давали относительно прогрессивный состав выборщиков и депутатов, из 26 городов (36 мест), имевших раньше отдельное представительство, это право сохранилось только за семью городами: Петербургом, Москвой, Киевом, Одессой, Ригой, Варшавой и Лодзью (19 мест). Новым в законе 3 июня было введение в этих городах, кроме Варшавы и Лодзи, в «подражание Европе» прямых выборов.

Число выборщиков от рабочих уменьшилось с 268 до 113. Исчезли отдельные от губернских рабочие курии в городах, сохранивших право самостоятельного представительства. В этих городах рабочие могли участвовать в выборах лишь в том случае, если они обладали квартирным цензом.

О крайней неравномерности представительства от отдельных курий по новому избирательному закону можно судить по тому, что теперь один выборщик приходился: в землевладельческой курии — на 230 душ населения, в первом разряде городской курии — на 1000 душ населения, во втором разряде городской курии — на 15 000 душ населения, в крестьянской курии — на 60 000 душ населения, в рабочей курии — на 125 000 душ населения. Таким образом, один голос помещика приравнивался к четырем голосам крупной буржуазии, 65 голосам городской мелкой буржуазии, 260 голосам крестьян и 543 голосам рабочих.

Общее число депутатов в Государственной думе сократилось с 524 до 442. Это произошло главным образом потому, что новый избирательный закон резко сократил представительство от национальных окраин. Вовсе были лишены представительства следующие области азиатской части империи: Семиреченская, Закаспийская, Самаркандская, Сырдарьинская, Ферганская, Акмолинская, Семипалатинская, Уральская [1], Тургайская и Якутская. По старому закону они посылали 22 депутата. Точно так же совсем без представительства остались калмыки и казахи в Астраханской и Ставропольской губерниях, которые посылали в Думу 2 депутатов, и казаки Сибирского войска, посылавшие 1 депутата. Таким образом, простым росчерком пера свыше 8 млн. населения, посылавших 25 депутатов в Думу, лишались права участия в государственной жизни под предлогом, что они не достигли «достаточного развития гражданственности». Число членов Думы, избираемых поляками в 10 губерниях Царства Польского, было сокращено втрое (12 депутатов вместо 36). Кавказ вместо 29 мог избрать только 10 депутатов. Города Тифлис и Баку были лишены отдельного представительства. В ряде окраин были созданы особые «русские курии», которые выбирали членов Государственной думы отдельно от прочего населения. По старому закону правом на особое представительство в

[1] В Уральской области представительство сохранилось только за уральским казачьим войском.

Думе в Европейской части России пользовалось лишь православное население Люблинской и Седлецкой губерний. Теперь это право получило также русское население Виленской губернии (2 депутата), Ковенской губернии, Варшавы и Закавказья, посылавших по 1 представителю. На одного члена Государственной думы в Царстве Польском теперь приходилось 753 тыс., а на Кавказе — даже 1074 тыс. лиц коренного населения, тогда как в Европейской части России — 237 тыс. населения.

Вообще принцип «разделяй и властвуй», который оказал заметное влияние и при выработке законов 6 августа и 11 декабря 1905 г., проведен был в новом избирательном законе с гораздо большей последовательностью. Кроме выделения русского населения окраин, которое по закону получило право отдельного представительства, министру внутренних дел было предоставлено право делить уездный съезд землевладельцев (или городских избирателей) на отделения по местностям, по роду избирательных цензов, по национальности и соответственно распределять между ними число указанных в законе выборщиков.

После 1905 г. помещики, напуганные пробуждением народных масс, должны были отказаться от игры в крестьянский цезаризм и искать себе новую опору. Поиски ее были возможны только на путях приспособления самодержавия к буржуазному развитию страны. Помещики, по определению Ленина, искали «себе союзников из новых, буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности. Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию...»[1].

Третьеиюньская система была последней попыткой спасти крепостническую монархию, попыткой обновить ее союзом с буржуазией. Этот союз был основан на дележе экономических привилегий между крепостниками и буржуазией при сохранении фактически всевластия помещиков. Возможность такого неравноправного союза создавалась тем, что либеральная буржуазия в 1905 г. смертельно испугалась народного движения, ударилась в «веховство», признала гегемонию крепостников и стала изо всех сил поддерживать попытки царизма удержаться ценой минимальных шагов по пути превращения в буржуазную монархию. Шаги эти заключались в новой аграрной политике и организации в общенациональном масштабе политического блока крепостников и буржуазии в лице III Думы.

Столыпинщина вместе с тем была и сдвигом царизма в сторону бонапартистского лавирования между помещиками и буржуазией.

Еще Маркс и Энгельс установили, что бонапартизм есть при определенных условиях закономерная эволюция абсолютной монархии. Как показала история Франции при Наполеоне I и

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 329.

Наполеоне III и Германии во времена Бисмарка, политика бонапартизма проводилась господствующим классом всегда в тот момент, когда нарушалось соответствие надстройки экономическому базису, а силы революции оказывались еще недостаточными, чтобы не только надломить, но и уничтожить существующий строй.

Политика бонапартизма стала неизбежной после революции 1905—1907 гг. и в России, в условиях острого противоречия между растущим капитализмом и полуфеодальным помещичьим и надельным землевладением, в обстановке резкого размежевания классов и роста политической сознательности масс, которые в 1905 г. приобрели гигантский опыт в самых разнообразных формах политической борьбы, вплоть до вооруженного восстания.

В этих условиях феодальная по своему происхождению и своей классовой основе царская монархия вынуждена была «эквилибрировать, чтобы не упасть,— заигрывать, чтобы управлять,— подкупать, чтобы нравиться,— брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке» [1].

Политика бонапартизма создавала впечатление «надклассовости» власти, «надпартийности» правительства, которое якобы не зависит от интересов того или иного класса и выступает как кажущийся посредник между ними. Возможность такого явления Ленин объяснял соперничеством между крепостниками и буржуазией, вследствие чего они несколько уравновешивали друг друга. В этом случае правительство получало больше самостоятельности (конечно, в известных, довольно узких пределах), чем при решительном перевесе одного из этих классов. Исторически сложившиеся традиции военщины и бюрократии еще более усиливали относительную самостоятельность царизма. В. И. Ленин отмечал, что третьеиюньская политическая система строилась на использовании противоречий между черносотенным дворянством и либеральной буржуазией, «при гораздо более глубоком *общем* их антагонизме со всей демократией и с рабочим классом в особенности» [2]. Играя на этих противоречиях, царизм оставался хозяином положения в третьеиюньском блоке. «Избирательный закон 3 июня 1907 года, — писал по этому поводу Ленин,— «строил» государственную систему управления — да и не одного только управления — на блоке крепостников-помещиков с верхушками буржуазии, причем первый социальный элемент сохранял в этом блоке гигантский перевес, и над *обоими* элементами стояла фактически неурезанная старая власть» [3].

Черты бонапартистского лавирования обнаруживаются уже в самом законе 3 июня 1907 г. Смысл его состоял в том, что он

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 273—274.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 325.
[3] Там же, стр. 320.

создавал не одно, а два большинства в Думе. Обеспечив землевладельческой курии половину всех выборщиков, новый закон в то же время не допускал абсолютного преобладания в Государственной думе одного класса или партии, так как голоса помещиков, от которых зависел исход выборов, дробились между черносотенцами, октябристами, прогрессистами и кадетами. Вместе с тем избирательная система давала в руки правительства средства влиять на ход выборов.

По образцу законодательства Наполеона III закон 3 июня предоставлял министру внутренних дел право изменять границы избирательных округов и делить избирательные собрания на всех стадиях выборов на отделения, получавшие право самостоятельного избрания выборщиков по самым произвольным признакам: территориальному, имущественному, классовому, национальному. Это открывало неограниченные возможности для «делания» выборов по-бонапартовски, создавая видимость законности для самой беззастенчивой фальсификации выборов, для проведения в Государственную думу угодных правительству кандидатов. По признанию автора «Положения» 3 июня С. Е. Крыжановского, власти заранее могли «предопределить число представителей от каждого класса населения, установив таким образом состав Думы, в соответствии с видами правительственной власти» [1].

Бонапартистские черты нового избирательного закона сказались и на системе так называемых обязательных депутатов. Обеспечивая выборы от 51 губернии Европейской России по одному депутату от крестьянской курии, в 26 губерниях по одному депутату от второразрядной городской курии и в 6 губерниях по одному депутату от рабочей курии, закон 3 июня создавал видимость представительства в Государственной думе от демократических классов населения. Но по закону 3 июня «обязательные» депутаты выбирались всем составом губернского избирательного собрания, где преобладали выборщики от помещиков и крупной буржуазии. Это делало возможной фальсификацию на «законном основании» выборов депутатов в Думу от рабочих, крестьян, городской мелкой буржуазии. Правда, как показал опыт избирательных кампаний в III и IV Думы, фальсифицировать выборы обязательных депутатов по рабочей курии царскому правительству не удавалось вследствие исключительной организованности и дисциплинированности рабочих, которые избирали в выборщики только социал-демократов и намечали на собраниях уполномоченных кандидатов в депутаты; все же остальные выборщики отказывались баллотироваться в пользу этого кандидата. Но в крестьянской и второй городской куриях такого единодушия и дисциплины не было, вследствие чего помещичье-буржуазное большинство выборщиков на губернском избирательном

[1] «Падение царского режима», т. V. М.—Л., 1926, стр. 426.

собрании выбирало в Государственную думу от этих курий угодных ему кандидатов.

Политику бонапартизма напоминало и введение по закону 3 июня в пяти городах: Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и Риге, сохранивших право самостоятельного представительства в Государственной думе,— прямой подачи голосов.

Избирательная кампания царского правительства, черносотенных и буржуазных партий в III Думу происходила под лозунгом борьбы с революцией. Негласное соглашение Столыпина с Гучковым гарантировало октябристам поддержку правых партий, которые в свою очередь получали на выборах поддержку правительства. Выборы, происходившие в обстановке разгула реакции и массовых репрессий против демократического избирателя и левых уполномоченных и выборщиков, дали результат, вполне соответствующий видам правительства.

В III Думу было избрано: черносотенцев — 144, октябристов — 148, прогрессистов — 28, кадетов — 54, буржуазных националистов — 26, трудовиков — 14 и социал-демократов — 19. Председателем Думы стал октябрист Н. А. Хомяков, которого в 1910 г. сменил А. И. Гучков.

Черносотенцы выражали интересы тех помещиков, которые вели свое хозяйство на основе отработок, испольщины и других полукрепостнических форм эксплуатации. Их экономическая сила заключалась в десятках миллионов десятин земли, использовавшейся для закабаления малоземельного, задавленного нуждой крестьянства. Черносотенцы были злейшими врагами народа. Они требовали от правительства беспощадного подавления демократического движения и сами прибегали к самосуду, убивая из-за угла сознательных рабочих и крестьян. Черносотенные организации и партии были вдохновителями националистической политики царского правительства, травли и преследования нерусских народов. Жгучая ненависть ко всему передовому, бесшабашная демагогия и зоологический национализм, который бешено прорывался по каждому поводу,— вот что отличало этих последышей дворянства, которые сравнивали себя с вымирающими зубрами. Ленин следующим образом характеризовал программу правых: «Сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима — вопрос жизни и смерти для этих мастодонтов и ихтиозавров, ибо «зубры» — для них слишком почетное название»[1]. Черносотенцы получали субсидии и всякую поддержку от правительства, и сам Николай II назвал «Союз русского народа» своей «надежной опорой». После разгона II Государственной думы часть крайних правых во главе с В. М. Пуришкевичем отказалась от принципа неограниченного самодержавия и приняла Государственную думу, созванную на основе закона 3 июня 1907 г. Другая часть

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 140.

крайних монархистов под предводительством А. И. Дубровина по-прежнему требовала полного восстановления самодержавия, отмены манифеста 17 октября 1905 г. и превращения Думы в законосовещательное учреждение. Дубровинцы играли роль «оппозиции справа», на фоне которой правительство Столыпина могло изображать себя защитником «представительного» строя. Разумеется, эта оппозиция была чисто показной, поскольку Дубровин, так же как и Пуришкевич, получал субсидии от правительства. Борьба между Дубровиным и Пуришкевичем привела в 1908 г. к расколу «Союза русского народа». Пуришкевич со своими сообщниками организовал «Русский народный союз имени Михаила Архангела». В Думе черносотенцы разделились на три фракции: правых (49 депутатов), умеренно-правых (69 депутатов) и националистов (26 депутатов). Две последние фракции по инициативе Столыпина объединились в январе 1910 г. в Русскую национальную фракцию. Лидеры этой фракции П. Н. Балашев, граф В. А. Бобринский, П. Н. Крупенский, В. В. Шульгин были в то же время и видными деятелями «объединенного дворянства». Националисты вели ту же политику защиты привилегий полуфеодального дворянства, травли «инородцев», что и крайне правые типа Пуришкевича или Маркова 2-го, но более замаскированно.

С черносотенцами блокировались октябристы, представлявшие интересы крупных капиталистов и обуржуазившихся помещиков. Ленин писал про октябристов, что, «кроме помещика эта партия обслуживает еще крупного капиталиста, старозаветного купца, буржуазию, которая так перепугалась пробуждения рабочих, а за ними и крестьян, к самостоятельной жизни, что целиком повернула к защите старых порядков»[1]. Позиция октябристов в III Думе ничем существенным не отличалась от позиции черносотенцев. Все различие заключалось в том, что октябристы в своей программе, т. е. на словах, признавали «конституцию» и даже «свободы». На деле эта партия поддерживала террористическую политику царского правительства против рабочих и крестьян. Лидерами октябристов в III Государственной думе были А. И. Гучков и М. В. Родзянко.

Кадеты — главная партия либеральной буржуазии — называли себя «партией народной свободы». Они изображали себя не только оппозицией, но и представителями демократии. В действительности кадеты были партией либерально-монархической буржуазии, которая боялась народного движения больше, чем реакции. Основой кадетской тактики являлись торг и сделки с царизмом. Кадеты стремились к разделу власти с черносотенными помещиками, но не к уничтожению всех основ помещичьей власти. От октябристов кадеты отличались разве только тем, что в их выступлениях было больше оппозиционных фраз. Кадетский

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 280—281.

«демократизм» был мишурой, побрякушкой, рассчитанной на прямой обман народа. Контрреволюционность кадетов все больше проявлялась и в ходе первой русской революции и особенно после ее поражения. Перед открытием III Думы Милюков в своей газете «Речь» заявил, что кадетская партия приобрела, наконец, право сказать, что «у нее и у всей России есть враги слева». Когда при обсуждении декларации Столыпина 17 ноября 1907 г. с уст не в меру темпераментного либерального оратора Ф. И. Родичева сорвалось выражение о «столыпинском галстуке», то кадетская фракция вместе с октябристами и черносотенцами аплодировала «оскорбленному» обер-вешателю. В Думе кадеты неоднократно голосовали за бюджет правительства. Лидером кадетской фракции в III Думе был Милюков, один из самых прожженных дипломатов и политиканов либеральной буржуазии, отличавшийся крайним политическим иезуитизмом.

Демократические массы были представлены в III Думе малочисленными фракциями социал-демократов и трудовиков.

Трудовики объявляли себя «надклассовой» партией. Они утверждали, что одна партия «вполне могла бы обслуживать интересы трех трудовых классов: рабочих, крестьян и интеллигенции». Программа трудовиков требовала принудительного отчуждения в общенародный фонд помещичьих земель без выкупа или с незначительным вознаграждением, с установлением уравнительного землепользования в пределах трудовой нормы. По мнению трудовиков, такое распределение земли уничтожит имущественное неравенство и эксплуатацию в деревне. При всей непоследовательности своей программы трудовики выражали тем не менее интересы широких масс крестьянства. Ленин указывал, что «трудовики страшно слабы в III Думе, но представляют они *массы*. Колебания трудовиков между кадетами и рабочей демократией неизбежно вытекают из классового положения мелких хозяев...»[1]. Ленин выдвигал задачу перед депутатами-большевиками «помочь слабым мелкобуржуазным демократам, вырвать их из-под влияния либералов, сплотить лагерь демократии против контрреволюционных кадетов, а не только против правых...»[2].

В социал-демократической фракции было четверо большевиков[3]. Все они прошли в Государственную думу по рабочей курии: от Петербургской губернии — Н. Г. Полетаев, от Московской — М. В. Захаров, от Владимирской — С. А. Воронин, от Костромской — П. И. Сурков. Вместе с примыкавшими к ним членами фракции И. П. Покровским, А. А. Войлошниковым и Н. М. Егоровым и латышским социал-демократом А. Я. Предкальном большевики составляли сплоченную группу. Из 11 депу-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 285.

[2] Там же.

[3] Пятый — В. Е. Косоворотов, избранный от рабочих Уфимской губернии, был вскоре по требованию правительства исключен черносотенным большинством Думы из числа депутатов.

татов-меньшевиков лишь 4 были избраны от рабочей курии, 2 — от городской, 3 — от крестьянской и 2 — даже от земледельческой курии.

Исходя из неправильного представления, будто в период столыпинской реакции завершилось буржуазное преобразование старого, полукрепостнического аграрного строя России и соответственно превращение полуфеодального самодержавия в буржуазную монархию, меньшевики доказывали невозможность повторения общенационального революционного движения, имевшего место в 1905 г., и на этом основании проповедовали отказ от старых революционных задач. Они пытались посеять конституционные иллюзии в народе, утверждая, что для полной демократии в России нет иного пути, кроме пути парламентского развития. Имея в составе фракции большинство, меньшевистские депутаты (Н. С. Чхеидзе, Е. П. Гегечкори и другие) извращали партийную линию, толкали фракцию на путь поддержки кадетов, на путь «положительной» работы в Думе. Из-за меньшевиков в работе социал-демократической фракции, особенно в первое время, было много ошибок, вызвавших справедливое недовольство партийных организаций и сознательных рабочих.

Депутаты-большевики использовали думскую трибуну для обращения к массам, для разоблачения антинародной политики правительства и черносотенно-кадетской думы, для сплочения рабочих и разъяснения крестьянству большевистских лозунгов. Большевики использовали думское представительство рабочего класса также в интересах сохранения и укрепления нелегальной партии. Большевистские депутаты, объезжая во время думских каникул свои избирательные округа, выступали на нелегальных собраниях с докладами о деятельности социал-демократической фракции, восстанавливали партийные связи, знакомились с настроениями рабочих. Депутат петербургских рабочих Полетаев был тесно связан с рабочими крупнейших заводов столицы. Он принимал активное участие в создании легальных большевистских газет «Звезда» и «Правда».

Ни одна из думских фракций, взятая в отдельности, как то и было предопределено законом 3 июня 1907 г., не располагала большинством мест в Государственной думе. Исход голосований зависел от октябристского «маятника», качанием которого определялось черносотенное (292 голоса) или либеральное большинство (256 голосов). Ленин разъяснял, что такое положение было удобно как для царского правительства, стремившегося прикрыть свою реакционную политику видимостью конституционных реформ, так и для либеральной оппозиции. Правооктябристское большинство проводило законопроекты, направленные на борьбу с революцией, а октябристско-кадетское вносило в Думу «либеральные» законопроекты, которые должны были отвлекать массы от революции, поддерживая у них иллюзию о возможности политического обновления страны мирными парламентскими

средствами. Царизм нуждался в «конституционном» фасаде также и для успокоения иностранных кредиторов России.

Третья Дума заслужила прозвище «барской и лакейской». Она встретила овацией декларацию Столыпина 15 ноября 1907 г., хотя в ней он объявил конституцию «чужестранным цветком» и много распространялся о привязанности русского народа к «исторической самодержавной власти». Дума отвергла формулу прогрессистов, приглашавшую правительство стать на путь осуществления манифеста 17 октября 1905 г. Она безоговорочно поддерживала столыпинскую политику кровавого террора и провокаций. В 1908 г. В. Л. Бурцевым был изобличен в провокаторстве глава боевой организации эсеров Е. Ф. Азеф. Последний информировал департамент полиции о готовящихся террористических актах. Непосредственных исполнителей казнили, а эсеровских вождей не трогали, чтобы у них не возникли подозрения в отношении Азефа. Более того, полиция косвенно участвовала в террористических покушениях, которые подготовлял, а иногда и осуществлял Азеф: полиция умышленно шла на это в целях осведомления. Организовав несколько удачных убийств, Азеф завоевал себе безграничное доверие партии и полную бесконтрольность действий. Отвечая на запрос в Думе, Столыпин заявил, что провокация является необходимым звеном в системе государственного управления. В тон Столыпину А. И. Гучков утверждал, что в борьбе с революцией нельзя обойтись «без шпионажа, без подкупленных и продажных предателей». Дума признала объяснения правительства по запросу об Азефе «удовлетворительными и исчерпывающими». Санкционировав таким образом провокацию, Дума одобрила законопроект «О вспомоществовании из средств государственного казначейства пострадавшим от разбойных действий революционных партий и лиц». Дума охотно ассигновала деньги на полицию и новые тюрьмы и с глумлением отвергла предложения левых фракций о прекращении массовых казней и снятии исключительных положений в стране. Левые фракции вносили запросы об истязаниях политических заключенных, об арестах и избиениях стачечников, о преследованиях профессиональных союзов, о карательных экспедициях и казнях, бесчинствах полиции. Думское большинство отвергало эти запросы и неизменно выражало удовлетворение наглыми и лживыми объяснениями правительства, подстрекая тем самым его к еще более свирепой расправе с демократическим движением.

Свою реакционность III Дума ярко проявила также в области рабочего законодательства. Одобренный ею законопроект об обеспечении «нормального» отдыха торговых служащих устанавливал 12-часовой рабочий день и фактически отменял праздничный отдых. В июне 1908 г. правительство, следуя своей политике бонапартистского заигрывания, внесло в Думу законопроекты «О страховании рабочих от несчастных случаев» и «Об обеспе-

чении рабочих на случай болезни». Почти три года Дума держала под спудом эти проекты. На заседании думской комиссии по рабочему вопросу октябрист А. Д. Протопопов заявил, что проектируемое правительством право рабочего на безвозмездное лечение за счет предпринимателя «потребует совершенно непосильных для нашей промышленности затрат и исключит тем самым для нее выступление на международном рынке». Вице-директору департамента полиции С. П. Белецкому пришлось выступить в комиссии в необычной роли «защитника» рабочих от непомерной алчности и узкокорыстной позиции промышленников. Он заявил, что правительственные проекты о государственном страховании «могли бы лишить социалистическую пропаганду почвы для успеха и внести некоторое успокоение в рабочие массы» [1]. Но доверенные капиталистических монополий, введенные в заблуждение видимостью столыпинского «успокоения», продолжали мариновать эти проекты в комиссии. Через несколько месяцев после их внесения в Думу председатель комиссии по рабочему вопросу барон Е. Е. Тизенгаузен, он же директор фабрики Коншина в Серпухове, выступил в печати как принципиальный противник самой идеи страхования рабочих.

Полное одобрение со стороны III Думы встречала аграрная, национальная и финансовая политика царизма. В разжигании национальной розни III Дума шла даже впереди правительства. Она была застрельщиком похода против автономии Финляндии, создания национальных курий в западном земстве и городском самоуправлении польских губерний. Дума поддерживала царизм в его преследовании демократической культуры народов России, в политике русификации и грабежа земель у населения окраин с целью колонизации этих территорий русскими переселенцами. Дума послушно санкционировала кабальные заграничные займы, предназначенные на подавление революции и новые вооружения, и одобряла крепостнический бюджет, строившийся на косвенных налогах и спаивании народа водкой.

2. Наступление контрреволюции в области идеологии. Идейный поход против революции возглавили кадеты. В марте 1909 г. группа видных кадетских публицистов выпустила сборник статей «Вехи» под редакцией П. Б. Струве. Этот сборник не только подвел итог всей предшествующей истории русского либерализма, но и формулировал идейно-политическую его программу.

Из поражения революции 1905—1907 гг. веховцы сделали вывод о ненужности и «греховности» революций вообще. Утверждая, что «легион бесов вошел в гигантское тело России», что ее губят революционаризм, атеизм и материализм, веховцы предлагали «лечить» русский народ религией, мистикой Соловьева, Юркевича. «Истерическую нетерпеливость», «безрелигиозный

[1] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 2550, л. 70.

максимализм», героизм революционеров, по мнению веховцев, следует сменить на «дисциплину послушания», «подвижничество» и «христианское смирение».

Нападая на демократическое движение масс, веховцы делали вид, что борются только с «интеллигенцией». Освящая своей мистической философией практику столыпинского террора, веховцы елейно твердили о христианской защите свободы личности, творчества, культурных ценностей. Они были утонченными, образованными, а потому и самыми опасными защитниками восторжествовавшей реакции. В своей ненависти к революции веховцы дошли до того, что благодарили царскую «власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас (либеральную буржуазию.— *Е. Ч.*) от ярости народной». Не удивительно, что «Вехи» с восторгом встретили черносотенные мракобесы. В. И. Ленин заклеймил «Вехи» как *«энциклопедию либерального ренегатства»*, как «сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию»[1].

Наступление контрреволюции нашло отражение также в художественной литературе и искусстве. Усилились всевозможные упадочнические, декадентские течения, как символизм, акмеизм и др. Декаденты К. Д. Бальмонт, Н. С. Гумилев, Ф. Сологуб, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус группировались вокруг журналов «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», субсидировавшихся Рябушинскими и другими подобными «меценатами». Декаденты отрекались от традиций реалистической литературы, проповедовали теорию «чистого искусства», крайний индивидуализм и мистицизм, преклонялись перед буржуазной культурой Запада.

Ренегатствующие писатели чернили революцию, воспевали предательство, эгоизм, разврат под видом «освобождения личности». В 1907 г. вышел нашумевший роман М. П. Арцыбашева «Санин». В нем прославлялся индивидуалист, предатель и насильник, утверждавший эгоизм, зоологические инстинкты и паразитическое наслаждение жизнью. Роман Арцыбашева стал знаменем реакции в ее борьбе против прогрессивной литературы, девизом которой были замечательные слова М. Горького: «Человек — это звучит гордо». Арцыбашев вложил в уста своего героя отвратительный афоризм: «Человек от природы подл».

Произведения декадентов, равно как и американская пинкертоновская литература, печатавшаяся миллионными тиражами, получили большое распространение среди мелкобуржуазной интеллигенции, отравляя ее сознание безыдейностью, аполитичностью, пессимизмом. О растлевающем влиянии подобной литературы свидетельствует статистика самоубийств, число которых сильно возросло в это время.

Идейные шатания проявила также часть социал-демократических интеллигентов, в числе которых были А. А. Богданов,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 168, 173.

В. А. Базаров, А. В. Луначарский. Вместе с меньшевиками П. С. Юшкевичем и Н. Валентиновым (Н. В. Вольским) они выступили с ревизией теоретических основ марксизма. В частности, Луначарский под влиянием махистской философии пытался соединить марксизм с религией, придать научному социализму характер религиозного верования. В книге «Религия и социализм» (1908) Луначарский утверждал, что «строгие и холодные формулы» марксизма якобы трудны для понимания масс. С целью придать марксизму «большую эмоциональную широту» Луначарский предложил заняться строительством новой религии «без бога», «религии труда», которая заключалась бы в «обожествлении высших человеческих потенций». Такое религиозно-философское течение получило название «богостроительства».

Попытка соединения научного социализма с религией служила интересам либеральной буржуазии, которая в период реакции хотела «подновить и оживить религию «для народа» [1]. В письме М. Горькому, которого в богостроительных идеях одно время увлекала теория происхождения религии как «социального мифа», В. И. Ленин подчеркивал, что всякая, даже самая утонченная защита и оправдание идеи бога есть оправдание реакции. Богостроители, писал Ленин, «подкрасили, подсахарили идею клерикалов, Пуришкевичей, Николая II и гг. Струве, ибо *на деле* идея бога **им** помогает держать народ в рабстве. Приукрасив идею бога, Вы приукрасили цепи, коими они сковывают темных рабочих и мужиков» [2].

Политическая эволюция богостроителей, которые впоследствии вместе с отзовистами организовали антипартийную группу «Вперед» и объединились с ликвидаторами в Августовском антипартийном блоке, полностью подтвердила ленинское определение богостроительства как идеологии мелкобуржуазных попутчиков революции, «отчаявшихся и уставших» [3].

В трудных условиях реакции только большевики-ленинцы сохранили верность принципам марксизма и неустанно боролись против всех попыток его ревизии. В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» вскрыл классовые и идейные истоки махизма, доказал, что представители этой реакционной философии являются идеологами империалистической буржуазии, проповедниками идеализма и мистики, злейшими врагами марксизма. Разоблачая претензии махистов подняться «выше» материализма и идеализма, В. И. Ленин показал органическую связь махистской философии с субъективно-идеалистическими взглядами Дж. Беркли, Д. Юма, И. Фихте и кантианцев.

Идейно разгромив махизм, В. И. Ленин развил дальше основные положения теории познания диалектического материализма, дал гениальное материалистическое обобщение наиболее

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 322.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 231.
[3] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 227.

существенных достижений науки того времени, и прежде всего естествознания.

3. Столыпинская земельная реформа. Для правильного понимания объективных предпосылок и классовой сущности столыпинской земельной реформы первостепенное значение имеет труд В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции». В этой работе Ленин установил, что сущность аграрного вопроса в России заключалась в остром противоречии между капиталистическим развитием сельского хозяйства и полукрепостнической формой помещичьего и крестьянско-надельного землевладения. Назревшая ломка его была возможна в двух видах: путем реформы при сохранении царизма и помещичьего землевладения (прусско-юнкерский путь) или путем революции, уничтожения монархии и всех форм средневекового землевладения (американский, или фермерский, путь).

Если реформа 1861 г. была, по выражению Ленина, первой помещичьей «чисткой земель» для капитализма, то аграрная реформа Столыпина явилась второй помещичьей «чисткой земель» для капитализма. Она должна была обеспечить победу буржуазной аграрной эволюции прусского типа и тем предотвратить новую революцию в России.

Вопрос о сущности и методах новой аграрной политики царизма и о неизбежности ее краха В. И. Ленин рассматривает также в статьях «Новая аграрная политика», «Что делается в деревне?», «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», «Последний клапан», «К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства» и др. В своих работах по аграрному вопросу В. И. Ленин показал также двойственную роль переселения и колонизации в России. Способствуя развитию капитализма вширь, они задерживали процесс его развития вглубь, замедляли ликвидацию крепостнических пережитков в центре страны. В. И. Ленин разоблачил утверждения апологетов столыпинской аграрной политики о возможности рациональной постановки переселения и колонизации и решения аграрного вопроса путем переселения или интенсификации крестьянского хозяйства, без уничтожения помещичьего землевладения. Только революционная ломка всех остатков крепостничества, только освобождение крестьян от гнета крепостнических латифундий явится мощным толчком к развитию техники и культуры земледелия, облегчит и ускорит освоение новых земель.

Из работ советских историков, посвященных столыпинской земельной реформе, в первую очередь следует назвать монографии Н. Карпова, Н. П. Першина и С. М. Дубровского, опубликованные еще в 20-х годах [1]. Названные авторы на основе архивных

[1] См.: Н. Карпов. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925; Н. П. Першин. Участковое землепользование в России. М., 1922; его же. Земельное устройство дореволюционной деревни, т. I. М., 1928; С. М. Дубровский. Столыпинская реформа. Л., 1925 (3-е дополненное издание вышло в 1963 г.).

документов и данных официальной и земской статистики изучили столыпинское землеустройство на территории Европейской России.

В послевоенное время опубликовано много статей о проведении земельной реформы в отдельных районах Европейской России, написанных на основе неопубликованных диссертаций. В этих статьях обобщен большой фактический материал, собранный в местных архивах. Наиболее полно в них исследуются такие вопросы, как разрушение общинного землевладения и насаждение хуторов, расслоение крестьянства и обострение классовой борьбы в деревне в результате столыпинского землеустройства. Гораздо слабее освещена другая сторона реформы — переселение крестьян на окраины и совершенно не затронуто землеустройство новоселов в районах водворения.

Первой крупной обобщающей работой по истории столыпинской земельной реформы за Уралом является монография Л. Ф. Склярова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы» (Л., 1962).

В книге Е. Г. Василевского «Идейная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы» (М., 1960) показано отношение различных партий к столыпинскому аграрному законодательству и землеустройству. Особый интерес в данной работе представляют впервые введенные в научный оборот крестьянские приговоры и наказы во II Государственную думу, явившиеся первой реакцией крестьянских масс на новую аграрную политику царизма.

Революция 1905 г. разбила надежды самодержавия и помещиков-крепостников на патриархальное крестьянство, на его глубокий политический сон и царистские иллюзии. Революция с исключительной остротой обнаружила непримиримость интересов помещиков и крестьян. В этих условиях правительство сделало ставку, по словам самого Столыпина, «не на убогих и пьяных», а «на крепких и сильных», о которых разбились бы волны будущей революции.

Курс на создание «крепкого единоличного собственника» царское правительство проводило в конечном счете для сохранения власти и доходов в руках благородного российского дворянства. Но интересы помещиков и кулачества во многих случаях, например в вопросе о продажных ценах на землю, расходились. Вследствие этого царизм вынужден был лавировать между помещиками и деревенскими богатеями. Такую перемену в политике царизма В. И. Ленин назвал аграрным бонапартизмом.

Аграрный бонапартизм Столыпина, подчеркивал Ленин, не мог бы даже родиться, а не то что продержаться несколько лет, если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не усиливались бы буржуазные элементы, с которыми самодержавие могло заигрывать.

Не затрагивая основ крепостнического землевладения, царское правительство отдало крестьянские общинные земли на

разграбление кулакам. От прежней политики сохранения полуфеодального строя деревни — общинного землевладения, сословной обособленности крестьян, неотчуждаемости надельных земель — правительство перешло к насильственному разрушению общины и насаждению частной собственности на землю. Прежнюю политику всяческих стеснений и прямого запрещения переселения крестьян сменило всяческое рекламирование, поощрение и форсирование переселений; активизировалась деятельность Крестьянского поземельного банка, который направляет теперь средства на создание хуторов и отрубов.

В основе аграрного законодательства Столыпина лежал указ 9 ноября 1906 г. под бесцветным названием: «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Его суть раскрывается в первой статье, устанавливающей, что каждый домохозяин, владеющий землей на общинном праве, может требовать укрепления в его личную собственность причитающейся ему части земли. Для поощрения выдела из общины, как бы в виде премии для выходящих из нее, указ устанавливал, что домохозяева, имевшие больше нормы душевого надела, могли укрепить за собой эти излишки по выкупной цене 1861 г., т. е. значительно ниже рыночной.

Для выдела из общины необходимо было согласие сельского схода. Если в течение 30 дней сход не давал согласия, выдел производился распоряжением земского начальника. «Укрепленец» имел право требовать, чтобы общество выделило ему взамен разрозненных полос соответствующий участок по возможности к одному месту.

Проведение указа 9 ноября возлагалось на учрежденные 4 марта 1906 г. губернские и уездные землеустроительные комиссии из чиновников, земских гласных и незначительного числа крестьян под председательством соответственно губернаторов и уездных предводителей дворянства.

Указ 9 ноября поступил на рассмотрение III Думы, где встретил полное одобрение правооктябристского большинства. Черносотенец граф В. А. Бобринский на заседании думской земельной комиссии 15 марта 1908 г. восхвалял столыпинское землеустройство как освобождение крестьян от «гнета общины», которую он назвал в одном случае «крепостным правом», а в другом — «формой социализма» [1].

На почву столыпинского землеустройства в сущности стала и либеральная оппозиция — прогрессисты и кадеты. Последние вслед за черносотенцами и октябристами полагали, что «общинное право, составлявшее в крестьянских массах душу революции, должно отступить перед началом личной собственности» [2].

[1] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 1, д. 2418, лл. 12 и 1226.

[2] А. С. Изгоев. Затворы спущены. «Русская мысль», 1909, кн. IV, стр. 193 (вторая пагинация).

На заседании парламентской фракции кадетов 3 декабря 1907 г. Кутлер нашел, что «самая идея выдела — идея справедливая», так как «вопрос этот назрел», и что в законопроекте необходимо принять даже «принудительные меры к общине, побуждающие ее к выделу желающих сочленов» [1].

Разделяя основную мысль указа 9 ноября, кадеты предостерегали только от излишней спешки и прямолинейности при осуществлении нового землеустройства. В частности, они находили опасным предоставление земским начальникам права решать своей властью все возникающие споры при укреплении отдельными домохозяевами в личную собственность общинной земли. Кадеты, кроме того, предлагали сохранить за общиной право удовлетворять желающего выделиться деньгами, когда выдел участка в натуре окажется невозможным или неудобным. Кадеты высказывались также против разрешения крестьянам укреплять в личную собственность разрозненные полосы и продавать их, считая более осторожным предоставить это право только после выдела к одному месту.

С образованием «нового типа экономически независимого крестьянина-собственника» кадеты и прогрессисты связывали свои надежды на создание «недостающего теперь социального базиса для русского либерализма». Князь Е. Н. Трубецкой с энтузиазмом приветствовал «новых союзников» из «хозяйственных мужичков», в лице которых он видел оплот «не только против пугачевской, но и против всякой социалистической пропаганды».

Совершенно по-другому отнеслись к указу 9 ноября крестьянские депутаты без различия партийной принадлежности. Отражая настроение широких масс крестьянства, депутат Федоров на заседании земельной комиссии Думы 30 января 1908 г. говорил: «Мы приехали не для того, чтобы наши изрезанные клочки разрывать на мелкие кусочки. Пусть не думает правительство, что от этого страна усмирится и успокоится. Если мне придется одна десятина земли, все равно я буду кричать: дайте мне земли, мне есть нечего, я существовать не могу» [2].

Отвергая указ 9 ноября, крестьянские депутаты в то же время вовсе не защищали общину во что бы то ни стало. Они только высказывались против насильственного ее разрушения. При этом они разоблачали демагогию помещичье-буржуазных партий, которые уверяли, что единственный путь к подъему сельскохозяйственной культуры лежит через освобождение крестьян от «гнета общины». Крестьяне единодушно заявляли, что завести «культурное» хозяйство им мешала не община, а малоземелье, тяжесть выкупных платежей, полицейский произвол и сословное бесправие.

Аграрные прения в III Государственной думе показали, что

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 1, лл. 151, 152.
[2] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 1, д. 2418, л. 329.

указ 9 ноября 1906 г. не рассеял у крестьян «веры в пространство», как назвал докладчик земельной комиссии октябрист С. И. Шидловский неистребимую мечту крестьян о земельной прирезке за счет помещиков. От имени 42 крестьянских депутатов, часть из которых принадлежала к фракции правых, в Думу был внесен проект земельного закона, основанного на принципе принудительного отчуждения помещичьей земли и избрания всем населением местных комитетов для осуществления этой реформы.

Интересы крестьянства отстаивала в Государственной думе также социал-демократическая фракция. Она выступила в Думе с заявлением, что улучшение положения крестьян возможно только при переходе в их руки земель средних и крупных землевладельцев, а также земель государственных, удельных и монастырских.

После одобрения Думой законопроект поступил в Государственный совет. Здесь он встретился с «оппозицией справа». Отдельные реакционеры, например Ф. Д. Самарин, считавший себя по семейной традиции славянофилом, именно потому и находили указ 9 ноября «зловреднейшим», что он обезземеливает значительную часть крестьянства, а это не доведет до добра. Они ратовали за право общины на землю, не имея ничего против предоставления свободы выхода из общины, но без «уноса» из нее земли. При этом Самарин, Хомяков и другие ссылались на то, что сами крестьяне признают право частной собственности по отношению к своей усадьбе, к движимости, но не к земле, которая, по их понятию, «божья, ничья».

Но оппозиция в Государственном совете была малочисленной и несплоченной. Докладчик земельной комиссии М. В. Красовский прямо заявил, что насаждение личной земельной собственности «должно воспитать в русском крестьянстве то, чего ему недоставало до сих пор,— уважения к чужой собственности».

Государственный совет принял одобренный Думой законопроект с поправкой о том, что перешедшими к единоличному владению считались общества, где переделов не было с момента наделения землей, а не 24 года, как предлагала Дума.

14 июня 1910 г. законопроект, одобренный Думой и Государственным советом, был утвержден царем и стал законом.

29 мая 1911 г. был издан закон о землеустройстве, который должен был еще более форсировать насильственное разрушение общины. По этому закону землеустройство могло проводиться независимо от того, укреплена или нет надельная земля в собственность: селение, в котором проведено землеустройство, автоматически объявлялось перешедшим к наследственному участковому владению. Вместе с тем расширялись права и функции землеустроительных комиссий по созданию хуторов и отрубов.

Аграрное законодательство Столыпина, ломая средневековую форму общинного землевладения, создавало более благопри-

ятные условия для роста производительных сил в деревне. Но развитие капитализма в сельском хозяйстве тормозилось сохранением землевладения и политического господства дворян-помещиков.

Всего в Европейской России к январю 1916 г. вышло из общины и укрепило землю в личную собственность около 2,5 млн. домохозяев, или 22% общинных дворов, которым принадлежало 14% общинных земель. Таким образом, только немногим более $^1/_5$ всех общинников воспользовались «благами» частной собственности на землю.

Наибольшее количество выделов (53%) падает на 1908—1909 гг. Затем количество укреплений резко уменьшается. Это объясняется тем, что домохозяева, наиболее заинтересованные в выходе из общины, воспользовались указом 9 ноября в первые же годы его реализации. Вместе с тем снижение количества укреплений связано с растущим сопротивлением крестьян столыпинскому «землерасстройству».

Община горела с двух концов: среди выделявшихся преобладали крайние группы. Зажиточные спешили выйти из общины, чтобы увеличить свой участок путем скупки наделов бедноты и завести улучшенное хозяйство. Бедняки выделялись из общины, чтобы продать землю и ликвидировать таким образом жалкие остатки своего хозяйства: почти половина домохозяев, укрепивших землю, продали свои участки после выхода из общины. Число продавцов земли превышало число покупателей. Это означало, что происходила концентрация бывшей надельной земли в руках сельской буржуазии. Столыпинская реформа ускорила процесс расслоения крестьянства.

За 10 лет (1907—1916) на надельных землях к участковому землепользованию, т. е. на хутора и отруба, перешли лишь 10,3% всех крестьянских хозяйств. Таким образом, подавляющее большинство крестьянских дворов продолжали пользоваться укрепленной землей чересполосно с общинными владениями и подчинялись общему севообороту, нередко даже участвуя в переделах земли вместе с общинниками.

Аграрная политика Столыпина имела двойственный, бонапартистский характер: царизм, создавая себе опору в лице «сильных и крепких» единоличников, неукоснительно оберегал интересы помещиков. Этому балансированию между помещиками и буржуазными верхами деревни помогал Крестьянский поземельный банк. Пытаясь задержать убыль дворянского землевладения и во всяком случае дать возможность помещикам выгодно продать свои владения, банк из года в год взвинчивал продажные цены на землю: со 105 руб. за десятину в 1907 г. они поднялись до 136 руб. в 1914 г. Не случайно крестьяне жаловались: «Банк чежол для мужиков, он любит дворян».

Деятельность Крестьянского банка ускоряла образование буржуазной собственности на землю за счет полукрепостничес-

кого землевладения. Всего за 1906—1916 гг. банк приобрел для продажи крестьянам 4614 тыс. десятин земли, за которую продавцам было уплачено около 500 млн. руб. При этом банк всячески поощрял создание хуторских и отрубных хозяйств. Если от сельских обществ требовались при выдаче ссуд значительные приплаты наличными, то с отрубников брали лишь 5%, а хуторянам ссуды выдавались в размере полной стоимости земли. Таким образом, Крестьянский банк являлся важным звеном столыпинской аграрной политики, направленной к буржуазной перестройке деревни, при непременном соблюдении интересов «первенствующего» сословия.

С образованием многочисленного слоя богатых хуторян правительство связывало свои надежды на сохранение помещичьей власти в стране. Однако преуспевающие столыпинские хуторяне тонули в массе нищих хуторян. На хутор бедному крестьянину было легко выйти, но трудно было там удержаться. Выделяясь из общины, малоземельный хуторянин терял право на общественное пастбище, а для собственного у него не хватало земли, скот пасти было негде. На хуторах крестьяне испытывали большие трудности из-за отдаленности базара, школы, врачебного пункта, из-за бездорожья и безводья. Банк с неумолимой строгостью взыскивал с должников платежи и проценты. Каждый пятый из купивших у банка землю разорился и был прогнан с земли.

Новое землеустройство несколько ускорило развитие капиталистических отношений в деревне. Об этом свидетельствует дальнейшая специализация земледелия и известный рост интенсификации — увеличился ввоз и внутреннее производство сельскохозяйственных машин и орудий, выросла урожайность.

Но столыпинская реформа не обеспечила буржуазную перестройку деревни, так как сохранила экономическую основу крепостнических пережитков — помещичье землевладение. Правда, за период 1906—1916 гг. дворяне потеряли 10 млн. десятин земли, которая перешла в основном к богатым крестьянам. Но у дворян осталось еще 44 млн. десятин и притом лучшей земли. Значительная часть помещичьих земель располагалась чересполосно с крестьянскими и служила орудием полукрепостнической эксплуатации крестьян. Только на небольшой части земли помещики вели хозяйство при помощи наемных рабочих и собственными орудиями производства.

Сохранение помещичьего землевладения неизбежно приводило и к консервированию кабальных форм аренды, тормозило превращение крестьянина в свободного товаропроизводителя. Более $^1/_3$ крестьянских хозяйств Европейской части России арендовали вненадельную землю по вздутым ценам, причем преобладала продовольственная аренда из-за нужды. Капиталистическая кредитная кооперация охватывала не более $^1/_{10}$ населения деревни. Кулаки часть своей земли сдавали беднякам на усло-

виях высокой арендной платы или за отработки. Столыпинская реформа создавала не свободного сельскохозяйственного рабочего, а сельского паупера, батрака с наделом.

Капиталистический прогресс коснулся лишь верхнего слоя деревни и не затронул массу крестьянских хозяйств. Огромное большинство крестьянских полей по-прежнему обрабатывалось деревянными сохами и бороной, посевы и обмолот производились вручную. Искусственные удобрения к началу мировой войны применялись на площади, не превышавшей 2% всех посевов в стране. Можно сказать, что условия ведения хозяйства немногим улучшились против прежних. Не удивительно, что урожайность хлебов в России была значительно ниже, чем в развитых капиталистических странах: в 1911—1915 гг. урожайность пшеницы в России составляла 50 пудов с десятины, тогда как в США —66 пудов, во Франции —90 пудов, в Германии —134 пуда, в Англии —147 пудов. На душу населения в России производилось хлеба 26 пудов, а в США —48 пудов.

Одним из важных звеньев столыпинской реформы было массовое переселение крестьян за Урал. Форсируя переселенческое движение, правительство хотело ослабить земельный голод во внутренних губерниях, а главное, побольше сбыть «беспокойных» крестьян в Сибирь, подальше от помещичьих имений. Перефразируя известную поговорку, помещики злорадно говорили: «Дальше едешь, тише будешь». Не упускалась из виду и колонизаторско-русификаторская роль заселения национальных окраин.

В первые годы после революции переселенческое движение за Урал развивалось быстрыми темпами: за четыре года (1906—1909) число переселенцев составило 1910 тыс. С 1909 г. переселение замедлилось: за семь лет (1910—1916) проследовало за Урал 1224 тыс. переселенцев.

Переселенческое ведомство совершенно не подготовилось к перевозке и устройству на новых местах такой массы крестьян. Переселенцев отправляли в переполненных товарных вагонах, тысячи переселенцев погибали в дороге от голода и эпидемий. В устройстве новоселов господствовали беззаконие и произвол грабивших их чиновников. Даже царские министры Столыпин и Кривошеин в своей записке о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. признали, что около 700 тыс. душ обоего пола не получили участков и жили в качестве батраков или арендовали на кабальных условиях землю у местных богатеев. Таким образом, в Сибири крестьянина-бедняка ждали те же кабала и разорение с той лишь разницей, что место барина-крепостника занял старожил-кулак. В результате переселений в Сибири были созданы большие резервы дешевой рабочей силы для капиталистически развивавшихся кулацких хозяйств.

«Толку от этих переселений не вышло никакого,— сообщали крестьяне из Пензенской губернии, — немногие из нас, крестьян, нашли счастье на новых местах. Громадное большинство, разо-

рившись, с проклятиями возвращалось обратно на старое пепелище». Ленин указывал, что правительство и правящее дворянство при переселении крестьян в Сибирь, «преследуя политические цели, совершенно не считаются ни с интересами переселенцев, ни с правами старожилов» [1]. Такая постановка переселенческого дела привела к резкому ухудшению положения массы переселенцев и значительной части местного населения, у которого экспроприировались удобные земли в колонизационный фонд. За 1906—1916 гг. из-за Урала возвратилось свыше 500 тыс. переселенцев, или 17,5%. Положение возвращавшихся было особенно тяжелым. Земля была продана еще до их переселения, и деньги, вырученные за нее, давно истрачены. Вернувшись на родину, они не находили ни земли, ни двора. Часть возвратившихся переселенцев шла в батраки или поденщики в помещичьи и кулацкие хозяйства. Многие с сумой шли по миру. Бывшие переселенцы, пополняя ряды безземельного пролетариата, усиливали расслоение крестьянства. На этой почве обострялся социальный антагонизм, расширялся фронт классовой борьбы в деревне. «...Борьба с аграрным кризисом пятого года в России посредством переселений,— подчеркивал Ленин,— вызвала *отсрочку* кризиса лишь на самое короткое время и притом ценою несравненно большого обострения и расширения арены кризиса...» [2].

Крах переселенческой политики царизма объясняется тем, что крепостническое угнетение крестьян в Европейской России обрекало технику на застой, а крестьян на бесправие, забитость, невежество, разорение, вследствие чего они не в состоянии были освоить гигантский колонизационный фонд — необъятные просторы Азиатской России.

Для русских переселенцев предназначались не только свободные казенные земли, но и культурные земли, обрабатываемые казахами, киргизами, туркменами, а иногда и их усадебные участки. Правительство создавало колонизационный фонд не путем освоения целинных земель, а путем экспроприации земель у местного населения. За 10 лет (1906—1915) в Казахстане и Средней Азии у местного населения было изъято 28,9 млн. десятин земли.

Вопреки расчетам правительства на «умиротворение», столыпинское землеустройство и переселение до крайности обострили и расширили классовые противоречия в деревне. Масса крестьян относилась к аграрной политике Столыпина враждебно. И в этом не было ничего удивительного. Ведь главными орудиями проведения реформы были административный нажим и голое насилие. На 1 сентября 1914 г. заявления об укреплении земли в личную собственность подали 2,7 млн. крестьян. Из них только 26,6% получили согласие сельских сходов, причем и эти поло-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 332.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 104.

жительные приговоры часто вырывались у схода путем угроз и грубого давления земских начальников.

В одном приговоре крестьян Киевской губернии говорилось: «Закон 9 ноября погубит крестьянское земледелие. Крестьяне это видят, чувствуют, заявляют начальству, но оно насильно принуждает подписывать согласительные приговоры, нежелающих сажают за решетку и держат, пока не согласятся подписать. Отказавшихся сажают в тюрьму и этапом высылают из губернии на 2 года... Слезы и горе в каждом селе... Скупят землю мужицкую кулаки деревенские и пришельцы разноплеменные; останется крестьянство безземельное и безработное, а это не доведет до добра». Когда Вольно-экономическое общество провело анкету о влиянии нового землеустройства на настроение крестьян, то в полученных ответах подчеркивалось, что укрепление надельной земли в личную собственность не сделало из малоземельного крестьянина друга помещика. Выходя из общины, такой крестьянин не переставал рваться к земле и мечтал о «дополнительной нарезке» за счет помещичьей земли.

В связи с пятидесятилетием падения крепостного права и столетней годовщиной Отечественной войны 1812 г. среди крестьян упорно распространялись слухи о предстоящем в 1912 г. всеобщем восстании с целью раздела земли помещиков. «Слухи являются настолько упорными,— доносил в департамент полиции начальник Тамбовского губернского жандармского управления в 1911 г.,— что некоторые крестьяне отказываются от укрепления земли в собственность из боязни, что тогда общество лишит их земли, которая достанется от помещиков». Своим главным врагом, как и в 1905 г., крестьяне считали помещика. За 7 лет (1907—1914) из 1067 крестьянских выступлений 437 были направлены против помещиков (41%) и 262 (24%) против столыпинской реформы. Газеты писали о «пожарной эпидемии» — такие размеры приняли поджоги крестьянами помещичьих усадеб. В районах капиталистического земледелия — в Новороссии, на Кубани, Нижней и Средней Волге, в свеклосеющих районах Украины — имели место стачки сельскохозяйственных рабочих, которые требовали повышения заработной платы и изменения невыносимых условий труда.

Эсеры пытались представить сопротивление крестьян столыпинскому землеустройству как выражение якобы «прочности общинного правосознания» в трудовом крестьянстве. В отличие от трудовиков, которые обнаружили равнодушие к общинному землевладению, эсеры взяли под защиту этот средневековый институт. Они расхваливали общину как «барьер» против концентрации земельной собственности, против пролетаризации крестьян, доказывали способность общины к совершенствованию с точки зрения развития сельскохозяйственной культуры и т. п.

В действительности крестьяне боролись не за сохранение общины, а против столыпинских методов ликвидации этого отжив-

шего института, ущемлявших интересы крестьянской массы в угоду горстке кулаков. Трудящиеся крестьяне выступали против указа 9 ноября, призванного спасти крепостнические латифундии и самодержавную власть. В этом заключалась глубоко демократическая, прогрессивная сторона крестьянской борьбы против столыпинского землеустройства.

Крестьяне бойкотировали выборы в землеустроительные комиссии, отказывались покупать землю у банка и вносить платежи по ссудам, принимали на сельских сходах приговоры о несогласии на выдел из общины отдельных домохозяев. В Пензенской, Тамбовской, Казанской и Харьковской губерниях полицией были раскрыты особые группы, «задавшиеся целью противодействовать укреплению односельчанами земли в личную собственность». Широкое распространение получили избиения вышедших на хутора кулаков, потравы их посевов, поджоги. Крестьяне не допускали производства землемерных работ, разгоняли землемеров, уничтожали документы и межевые знаки.

Аграрная реформа Столыпина не разрешила основных противоречий в деревне. Преследуя политическую цель — создание оплота для царизма в лице консервативного крестьянства, Столыпин не сумел, да и не мог, не трогая помещичьего землевладения, обеспечить для своей реформы необходимых экономических условий. Острое малоземелье заставляло крестьян по-прежнему, как и до 1905 г., идти в кабалу к помещикам, арендовать землю за отработки. Столыпинская аграрная политика не достигла своей главной цели: она не создала в деревне устойчивых буржуазных отношений и не привела к образованию широкого рынка для промышленности. Не разрешив задачи буржуазного преобразования сельского хозяйства, столыпинщина зато обострила социальные противоречия и расширила фронт классовой борьбы в стране. По собственному признанию Столыпина, для успеха реформы ему нужно было «20 лет покоя». В. И. Ленин, анализируя причины краха столыпинской реформы, еще в 1911 г. писал: «Покоя» не только на 20 лет, но и на три года Столыпин не создал и создать не может...

У крестьян нет и быть не может иного выхода из того положения отчаянной нужды, нищеты, голодной смерти, в которое их ставит правительство, как массовая борьба вместе с пролетариатом за свержение царской власти» [1].

Стремясь ослабить революционное движение, правительство своей новой аграрной политикой в действительности способствовало обострению политической обстановки и консолидации революционных сил в стране. В конечном счете эта реформа, усилив классовые противоречия, углубила и расширила объективные предпосылки для революционного союза рабочего класса и крестьянства.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 77—78.

4. Рабочее движение. В годы реакции «царское правительство, помещики и капиталисты,— писал Ленин,— бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию,— точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»[1]. В стране свирепствовали военные суды. За три года (1907—1909) было вынесено около 5 тыс. смертных приговоров. Революционеров зверски избивали в тюрьмах, подвергали пыткам и издевательствам. Царизм превратил страну в сплошной кровавый застенок.

Наибольшим преследованиям подвергалась революционная партия рабочего класса. Царская охранка усиленно разыскивала В. И. Ленина, который тайно жил в то время в Финляндии. Она хотела расправиться с вождем партии и революции. В декабре 1907 г. Ленину с огромной опасностью для жизни удалось снова эмигрировать. Многие видные работники партии, профессиональные революционеры подвергались неоднократным арестам.

Жестокие репрессии обрушились на рабочую печать, профсоюзы и культурно-просветительные общества рабочих. Только за пять лет (1906—1910) было закрыто 497 профессиональных союзов и отказано в регистрации 664 профсоюзам. В свою очередь капиталисты не признавали никакого постоянного представительства рабочих и не допускали посредничества в случае конфликта с рабочими со стороны профессиональных союзов, которые они рассматривали как «посторонние» заводу или фабрике организации. Деятели профессиональных союзов, руководители и активные участники стачечной борьбы заносились в «черные списки», которые рассылались на все предприятия данной отрасли промышленности и полицейским властям. Внесенные в «черные списки» увольнялись с работы и нередко подвергались административной высылке.

Используя глубокую депрессию в промышленности и массовую безработицу, капиталисты удлиняли рабочий день, снижали расценки, повышая в то же время нормы выработки. Были возобновлены обыски, увеличивалось число штрафов, мужской труд заменялся более дешевым трудом женщин и подростков.

Несмотря на разгул реакции, большевики твердо верили, что новая революция не за горами. Стратегическая линия партии осталась та же, что и в 1905 г.,— свергнуть царизм, довести до конца буржуазно-демократическую революцию, перейти к социалистической революции. Но тактика партии не могла быть такой же, как в период подъема революции. Необходимо было сочетать нелегальную борьбу с работой в легальных организациях.

Большевики осуществляли свою тактику, борясь против меньшевиков-ликвидаторов, отзовистов и троцкистов.

Меньшевики, отступавшие в панике, оказались изменниками

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 72.

революции. Они позорно отрекались от программы, тактики и традиций социал-демократии, от ее революционных лозунгов, добивались ликвидации нелегальных партийных организаций и прекращения нелегальной революционной работы, рассчитывая таким путем получить разрешение от царских властей на легальное существование. Рабочие заслуженно называли ликвидаторов «столыпинской рабочей партией».

По предложению В. И. Ленина V Общероссийская конференция РСДРП в декабре 1908 г. осудила ликвидаторов как мелкобуржуазных попутчиков пролетариата и его партии, которые на деле являлись агентурой буржуазии в рядах социал-демократии. Конференция призвала все партийные организации к решительной борьбе с попытками ликвидировать партию, отказаться от нелегальной деятельности.

Большой вред делу партии и рабочего класса наносили также отзовисты — группа бывших большевиков, возглавляемая А. А. Богдановым. Они требовали отзыва рабочих-депутатов из Государственной думы и отказались работать в профсоюзах и других легальных организациях. Подобная тактика вела к отрыву партии от масс, к превращению ее в секту, лишала партию легального прикрытия. Ленин разоблачил отзовистов как «ликвидаторов наизнанку». Совещание расширенной редакции «Пролетария» в 1909 г. признало, что отзовизм и так называемый ультиматизм представляют собой полное отрицание основ марксизма и ведут к анархическим извращениям. Совещание исключило лидера отзовистской группы Богданова из большевистской организации. Вскоре отзовисты объединились с ликвидаторами в Августовский антипартийный блок, созданный Троцким для борьбы с большевизмом.

Троцкий утверждал, что он стоит «вне фракций», добиваясь примирения и объединения большевиков и меньшевиков. На деле это было прямой поддержкой меньшевиков-ликвидаторов, которым было выгодно формально состоять в одной организации с большевиками, чтобы прикрыть свою слабость и подчинить пролетарские интересы интересам мелкой буржуазии в составе одной партии. Разоблачению Троцкого мешала примиренческая позиция Зиновьева, Каменева и Рыкова.

В этой обстановке Ленин выдвинул тактику временного блока с меньшевиками-плехановцами на основе сохранения и укрепления нелегальной партийной организации. Ленинская тактика единого фронта с меньшевиками-партийцами, за которыми шла часть рабочих, помогла большевикам шире распространить свое влияние на легальные рабочие организации и вытеснить оттуда ликвидаторов.

В годы реакции резко снизилось стачечное движение. В 1908 г. бастовало 176 тыс., в 1909 г.— 64 тыс. и в 1910 г.— 47 тыс. рабочих. Процент политических стачечников упал в 1910 г. до 8 против 50 в 1905 г. Значительно ослабли упорство и стойкость

рабочих в стачечной борьбе. Показателем спада рабочего движения являлся также рост в этот период оборонительных и проигранных рабочими стачек. Число участников оборонительных стачек (сопротивление уменьшению заработной платы и увеличению рабочего времени), составлявшее в 1905 г. 1%, в 1908—1910 гг. поднялось до 34% от общего числа экономических стачечников. В то же время вдвое увеличилось количество стачек, закончившихся поражением рабочих (60% вместо 29%).

Однако нельзя представлять себе годы реакции как период абсолютного застоя в революционном движении. О затишье в борьбе рабочих можно говорить только в сравнении с годами революции. Уровень рабочего движения в период реакции был выше, чем в дореволюционный период. В 1908—1910 гг. бастовало в среднем за год 95 тыс. человек, в то время как в 1895—1904 гг.—43 тыс.

Летом 1907 г. происходила крупная стачка текстильщиков Центрально-Промышленного района. В ней участвовало свыше 60 тыс. рабочих. Осенью 1907 г. поднялась волна стачек протеста по поводу суда над социал-демократическими депутатами II Государственной думы. В Петербурге бастовало 90 тыс. рабочих, в Москве — до 40 тыс. На многих предприятиях, где не было забастовок, состоялись митинги, на которых принимались резолюции с выражением солидарности с осужденными депутатами.

В конце 1907 — начале 1908 г. в Баку развернулась борьба рабочих нефтяных промыслов. Из общего числа 176 тыс. стачечников в 1908 г. 47 тыс. приходилось на Баку. «Последние могикане массовой политической стачки!»[1] — так оценивал В. И. Ленин героическую борьбу бакинских рабочих в 1908 г.

Для упрочения связи с массами большое значение имело активное участие большевиков в происходивших в 1908—1911 гг. легальных всероссийских съездах народных университетов, фабрично-заводских врачей, антиалкогольном, ремесленном и др. Царское правительство, разрешив участие рабочих в этих съездах, думало направить деятельность легальных рабочих обществ по линии классового сотрудничества, путем отказа от нелегальной революционной борьбы и примирения со столыпинским режимом. Но оно просчиталось. Большевики, возглавлявшие рабочие группы, использовали трибуну съездов, чтобы показать рабочим, всем трудящимся, что мира с эксплуататорскими классами быть не может, что силы и традиции революции живы и что она неизбежно повторится. Выступления рабочих делегатов нашли широкий отклик в стране.

В мрачные годы столыпинской реакции большевики во главе с В. И. Лениным крепко держали знамя революции, воспитывая и организуя массы для новой борьбы.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 385.

НОВЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ (1910—1914 гг.)

1. Экономическое развитие России в 1910—1914 гг. Во второй половине 1909 г. в русской промышленности началось оживление, перешедшее в середине 1910 г. в новый подъем. Предпосылки его были подготовлены всем ходом экономического развития страны, и прежде всего изменениями, происшедшими в крестьянском хозяйстве и классовой структуре деревни.

Столыпинская аграрная реформа, разорившая массу крестьян, усилила приток в промышленность дешевой рабочей силы. С другой стороны, расширение кулацкого землевладения повысило товарность сельского хозяйства. Кулаки стали больше производить товарного хлеба, продавать продуктов сельского хозяйства и покупать промышленных изделий. Толчком к промышленному подъему послужили также небывалые урожаи в 1909 и 1910 гг. В 1909 г. валовой сбор хлебов превысил почти на миллиард пудов сбор 1908 г. Экспорт хлеба в 1910 г. достиг рекордной цифры — 847 млн. пудов. При этом цены на хлеб на международном рынке повысились на 30—40% по сравнению с концом 90-х годов.

В 1913 г. общая длина железнодорожной сети России достигла 65,3 тыс. верст, из них казенных железных дорог было 43,7 тыс., частных — 21,6 тыс. верст. Железные дороги, связав отдаленные области Российской империи — Среднюю Азию, Сибирь, Дальний Восток — с центром страны, способствовали развитию капитализма вглубь и вширь. Оренбургско-Ташкентская железная дорога (1906) открыла широкий выход среднеазиатскому хлопку и оживила торговлю со Средней Азией и Казахстаном. Железная дорога вокруг Байкала (1905) и Амурская магистраль (1916) втягивали в процесс капиталистического развития Восточную Сибирь и Дальний Восток. Сибирь, в которую за 5 лет (1905—1909) прибыло 1,7 млн. переселенцев, стала крупным производителем сельскохозяйственной товарной продукции. В Западной Сибири развивалось товарное маслоделие, занимавшее все более заметное место в русском экспорте.

Развитие капитализма сопровождалось быстрым ростом городского населения за счет разорявшегося крестьянства. С 1897 по 1914 г. население городов увеличилось на 58%, а все население — на 34%. С ростом городов развивались городской тран-

спорт и электроосвещение, что вызывало резкое увеличение потребности в металлах и строительных материалах.

Рост промышленности сопровождался дальнейшей концентрацией производства. В 1914 г. на крупнейших предприятиях с числом рабочих свыше 1000 было занято 43,8% всех фабрично-заводских рабочих (в 1909 г. — 39,2%). Концентрация производства ускоряла процесс монополизации промышленности. К началу первой мировой войны, пожалуй, не было ни одной отрасли промышленности, в которой не было бы монополий. Господство монополий утверждалось в ожесточенной конкурентной борьбе. Для устранения аутсайдеров монополии прибегали к всевозможным ухищрениям — от выдачи «отступных» за отказ от конкуренции до установления специально пониженных «боевых цен» и бойкота. Ожесточенная борьба велась и внутри монополий за увеличение доли участия отдельных предприятий, т. е. в конечном счете за наибольшую часть монопольных прибылей. На почве обострения конкурентной борьбы между предприятиями смежных отраслей промышленности из-за цен на сырье нередко происходило объединение всех стадий производственного процесса — от добычи сырья до выпуска готовой продукции. Многие металлургические общества юга России приобрели собственные железные рудники и угольные копи. Такое комбинирование позволило снижать издержки производства, в результате чего предприятия приносили капиталистам более высокую прибыль.

Новые черты в монополизации промышленности особенно отчетливо проявились в машиностроении и судостроении, переживавших бурный рост в связи с крупными военными заказами. Так, основной капитал судостроительной промышленности в течение трех предвоенных лет увеличился в 10 раз. Монополизация судостроительной промышленности облегчалась тем, что единственным заказчиком здесь было военно-морское ведомство. В указанных отраслях образовались две группы: Русско-Азиатского банка и Петербургского международного банка. Промышленная группа Русско-Азиатского банка объединила 8 акционерных обществ, в числе которых были такие крупные предприятия, как общество Путиловских заводов, товарищество Невского судостроительного и механического завода, Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов, Общество Русско-Балтийского завода. Общность интересов достигалась благодаря персональной унии директоров правлений, поставленных банком во главе финансируемых им предприятий. В сферу финансирования международного банка входили два объединения: «Коломна — Сормово» и «Наваль — Руссуд», монополизировавшие судостроение для бассейна Волги и Черного моря. Международный банк не ограничивался установлением персональной унии патронируемых им обществ. У заводов этих обществ было общее управление; некогда независимые, общества теряли всякую самостоятельность, не только коммерческую, но и производственную,

административную. В 1913 г. возникло монополистическое объединение высшего типа в электропромышленности путем установления тесной общности интересов, участия и личной унии руководства ряда акционерных компаний, формально не утративших своей самостоятельности. В объединение вошли предприятия как электротехнические (общества «Сименс и Шуккерт», «Сименс и Гальске», Всеобщая компания электричества), так и электросиловые (общество электрического освещения 1886 г., московское общество «Электропередача», общество «Иматра» и др.). Все эти общества были в основном дочерними предприятиями соответствующих германских трестов.

Тенденции трестирования путем скупки и слияния обозначились и в хлопчатобумажном производстве. Так, Товарищество Второва с акционерным капиталом в 10 млн. руб., скупив контрольные пакеты акций ряда текстильных фирм, установило контроль над предприятиями, совокупный капитал которых составлял 30 млн. руб. Еще более значительным было объединение в хлопчатобумажной промышленности, созданное фирмой Л. Г. Кнопа. Под контролем этой фирмы находилось примерно 25% всех производственных мощностей хлопчатобумажной промышленности России.

Таким образом, к началу войны под эгидой крупнейших банков в результате комбинирования, покупки и поглощения предприятий смежных отраслей промышленности возникали новые, высшие формы монополистических объединений типа концернов или трестов.

Существенными чертами новых монополий были руководящая роль банка (или группы дружественных банков) в объединении, взаимное участие предприятий в делах друг друга путем передачи пакетов акций, учреждения дочерних предприятий и персональной унии директоров и членов правлений, наконец, наличие более или менее тесной производственной связи между предприятиями — участниками объединенных обществ.

Развитие монополистического капитализма в России проявилось также и в постепенном превращении акционерных банков из посредников во всесильных монополистов денежного рынка. В годы предвоенного промышленного подъема банки в России заняли особенно сильные позиции. Крупнейшие банки стали не только кредиторами, но и влиятельными акционерами, а нередко и вершителями судеб промышленных предприятий. Под руководством банков происходила реорганизация уральских заводов. Банки выступали учредителями новых железнодорожных обществ, устанавливали контроль над частными железными дорогами. Банкам принадлежала также инициатива создания таких крупных промышленных монополий, как «Продвагон», англо-русский нефтяной трест «Ойль» и др.

На основе сращивания банковского капитала с промышленным в российской экономике накануне войны сложилось господ-

ство финансового капитала. Последний подчинил себе промышленность, транспорт, торговлю, тесно переплелся с государственной кредитной системой.

Тесные связи банков с промышленными монополиями, слияние их капиталов закреплялись персональной унией: руководители банков входили в правления связанных с ними акционерных обществ. К 1917 г. руководители 8 крупнейших петербургских банков занимали в совокупности около 600 мест в правлениях различных акционерных компаний. Наибольшая роль в финансировании промышленности принадлежала группе Русско-Азиатского банка. Влияние этой группы распространялось на 263 акционерные компании с капиталом свыше 950 млн. руб.

В свою очередь видные промышленники избирались в руководящие органы банков. Нефтяные магнаты Нобель, Манташев, Лианозов, руководители «Продаметы» и «Продугля» Дарси и Авдаков, деятели машиностроительной промышленности Мещерский, Блох, сахарозаводчики Бродский, Бобринский, Терещенко, текстильные фабриканты Рябушинские, Коновалов, Кнопп — все они были связаны с банковским капиталом.

Могущество финансовой олигархии возрастало благодаря ее связям с государственным аппаратом. Финансисты часто назначались на высшие государственные посты, а высокопоставленные чиновники занимали доходные места председателей правлений и директоров банков. Частные банки были тесно связаны с министерством финансов и получали от него через Государственный банк большую финансовую поддержку. Директора банков Давыдов, Вышнеградский, Путилов вышли из числа крупных чиновников министерства финансов. Член Государственного совета от промышленников В. И. Тимирязев был назначен в 1909 г. министром торговли и промышленности, а после своей отставки сделался председателем совета Русского для внешней торговли банка. Один из директоров Волжско-Камского банка — Барк стал в 1914 г. министром финансов и т. д.

Особенность союза финансовой олигархии с государственной властью в России заключалась в том, что финансовый капитал, в значительной степени контролируемый иностранным капиталом, соединялся с реакционной надстройкой — царизмом, который определенно, хотя и медленно, эволюционировал в сторону буржуазной монархии.

К началу первой мировой войны царская Россия достигла зенита своего экономического развития. Но она оставалась преимущественно аграрной страной, и в результате низких темпов роста и отсутствия важнейших отраслей промышленности значение царской России как промышленной державы все более уменьшалось. Выплавка чугуна в России в 1900 г. составляла 20,9% по отношению к США, а в 1913 г.— лишь 14,7%; выплавка стали соответственно —26,1% и 15,4%; в 1900 г. она добывала нефти на 19% больше, чем США, а в 1913 г. добыча нефти в

стране составляла лишь 27,1% от американского уровня. Перед войной в сельском хозяйстве России было занято свыше 76% всего населения, а в промышленности — только 10%. Хотя в России проживало более 10% населения мира, на ее долю в 1913 г. приходилось чуть больше 4% мирового промышленного производства, в то время как США давали около 34% всего объема мировой промышленной продукции.

Национальный доход в среднем на одного человека за 20 лет (1894—1913) возрос с 76 до 94 руб., или на 12,4%, но по-прежнему значительно уступал передовым капиталистическим странам. Он был в 7 с лишним раз меньше, чем в США, в 5 раз меньше, чем в Англии, в 4 раза меньше, чем во Франции, в 3 раза меньше, чем в Германии.

Об экономической отсталости России свидетельствовали также объем и структура внешней торговли. Внешнеторговые обороты в 1901—1913 гг. выросли в 2,5 раза по сравнению с последней четвертью XIX в. Несмотря на это, удельный вес России в мировом товарообороте оставался почти неизменным. Доля России в мировой торговле составляла в 1899 г.— 3,4%, в 1911—1913 гг. в среднем —3,6%. Как и в доимпериалистический период, Россия вывозила преимущественно сельскохозяйственные продукты. В 1913 г. в русском экспорте сельскохозяйственные продукты и сырье составляли (по ценности) 94,4% (в 1898 г.— 95,2%), а готовые изделия —5,6% (в 1898 г. — 4,8%).

В период империализма усилилась зависимость России во внешней торговле от Германии. Доля Германии в русском импорте увеличилась с 33% в 1895—1898 гг. до 45% в 1911—1913 гг. На втором месте по общему обороту торговли с Россией стояла Англия (16%).

На экономическое развитие страны неблагоприятно влияла антинародная, полукрепостническая структура государственного бюджета. За 20 лет (1894—1913) бюджет возрос по доходам с 1232,7 млн. руб. до 3382,9 млн. руб., т. е. почти в 3 раза. Однако громадный рост бюджета был достигнут благодаря чрезмерному напряжению платежных возможностей трудящихся масс. Увеличение бюджета превышало рост национального дохода.

Около половины (45—47%) всех статей дохода в бюджете составляли косвенные налоги — акцизы, таможенные пошлины, прибыль от казенной винной монополии. Наиболее высокие акцизы были установлены на самые ходовые и дешевые сорта товаров, потребляемые малосостоятельными слоями населения. Косвенные налоги возросли в 1901—1913 гг. на 106%, а номинальная заработная плата фабрично-заводских рабочих — только на 31%.

Бюджет царской России не случайно называли «пьяным»: валовой доход от винной монополии увеличился с 270 млн. руб. в 1900 г. до 900 млн. руб в 1913 г., составив 27—30% всех государственных доходов.

Среди государственных расходов первое место занимали ассигнования на военные цели. Удельный вес этих расходов в общей сумме расходного бюджета увеличился с 25,6% в 1900 г. до 28,5% в 1913 г.

Значительную часть расходов составляли платежи по государственному долгу. С 1900 по 1913 г. они возросли на 167 млн. руб., достигнув в 1913 г. 424 млн. руб., или 12,5% всего расходного бюджета, в том числе платежи за границу составили 183 млн. руб. При этом следует учесть, что внешние займы во все возрастающей степени шли на непроизводительные цели. Если в 80—90-х годах XIX в. почти весь прирост иностранного долга казны был связан с железнодорожным строительством, то в 1900—1913 гг. железнодорожные займы составляли только $^1/_5$ часть общего увеличения внешней задолженности. В основном займы 1904, 1905, 1906 и 1909 гг. были израсходованы на военные нужды и подавление революции 1905—1907 гг. За период с 1900 по 1913 г. расходы на содержание административно-полицейского аппарата увеличились со 151 млн. до 295 млн. руб. В целом непроизводительные расходы составляли приблизительно 60% всей расходной части бюджета.

Стремясь держать народные массы в темноте и невежестве, царское правительство до крайности урезывало расходы на просвещение. Правда, под давлением широкого демократического движения смета министерства народного просвещения за период с 1900 по 1913 г. выросла с 34 млн. до 143 млн. руб., но это составляло только 4% общей суммы расходного бюджета.

Царское правительство кичилось тем, что оно добилось «бездефицитности» бюджета и даже некоторого превышения доходов над расходами. Однако видимость финансового благополучия достигалась за счет включения в государственные доходы поступлений от займов. В 1905 г. займы составили 28%, а в 1906 г. они выросли до 32% всех государственных доходов. В действительности же, несмотря на непрерывное возрастание налогового бремени, дефицит государственного бюджета за 1900—1913 гг. составил 297, 7 млн. руб., для покрытия которого царское правительство вынуждено было прибегнуть к новым займам. Такая бюджетная политика царизма вела страну к подчинению иностранному капиталу.

После некоторой заминки, вызванной экономическим кризисом и депрессией, с 1911 г. иностранный капитал снова стал усиленно внедряться в промышленность России.

Основным каналом, через который накануне войны проникали иностранные капиталы в народное хозяйство России, были русские банки. После глубокого экономического кризиса (1900—1903) и последовавшей за ним продолжительной депрессии (1904—1909) иностранные финансовые дельцы не решались вкладывать свои капиталы непосредственно в промышленные предприятия России и использовали в качестве посредника русские

банки. Для финансирования промышленных предприятий в предвоенные годы создавались специальные банковские консорциумы, в которых наряду с русскими банками активное участие принимали и иностранные банки.

Роль иностранного капитала в промышленности определялась не только абсолютными величинами, но прежде всего тем, что в его руках находились такие ключевые отрасли промышленности, как металлургическая и топливная, лучше всего обеспеченные казенными заказами и таможенной охраной. Первое место среди иностранных капиталовложений занимали французские капиталы (31%). Они издавна господствовали в каменноугольной и металлургической промышленности юга России, а перед войной проникли также в военную промышленность. На второе место вышел английский капитал (24%), что объяснялось заключением в 1907 г. англо-русского политического соглашения. Германский капитал со второго места, которое он занимал в начале 900-х годов, был отодвинут на третье место (20%). Перед войной в Россию стал поступать и американский капитал, хотя в абсолютных размерах его приток был еще невелик.

Активизация роли русских банков вызвала усиление интереса к ним со стороны иностранного финансового капитала, предпринявшего в предвоенные годы энергичное наступление на банковскую систему России. В результате к 1916—1917 гг. 45% акционерного капитала 10 самых крупных коммерческих банков, в руках которых концентрировалось финансирование русской промышленности, принадлежало иностранным капиталистам.

Не следует, впрочем, переоценивать влияние иностранного капитала на русские банки. Степень этого влияния не вполне соответствовала размерам участия иностранного капитала в русских банках. Ожесточенная конкурентная борьба между отдельными группами иностранного финансового капитала давала русским банкам относительно большую свободу действий. Тем не менее тесное сотрудничество иностранного финансового капитала с русскими банками позволило ему расширить сферу своего влияния в экономике России. При помощи русских банков иностранный капитал стал проникать в такие отрасли промышленности, куда прежде он не имел доступа, например в военную промышленность.

В 1914 г. из 10,5 млрд. руб. государственных и гарантированных государством займов (без закладных листов ипотечных банков) почти половина (5,1 млрд. руб.) была размещена за границей.

Для уменьшения пассивности расчетного баланса царское правительство форсировало сельскохозяйственный экспорт по бросовым ценам за счет ограничения потребления хлеба и других продуктов внутри страны. Царское правительство проводило также политику так называемого бюджетного равновесия путем сокращения расходов на производительные и культурные цели и увеличения косвенных налогов на предметы массового потреб-

ления. Наконец, царское правительство заключало новые внешние займы для платежей по старой государственной задолженности.

Иностранный капитал извлек из народного хозяйства России в виде дивидендов и процентов по займам гораздо больше материальных ценностей, чем их поступило из-за границы в форме займов и капиталовложений в железнодорожное строительство и промышленность. Только из железнодорожного строительства иностранный капитал за 20 лет (1891—1910) извлек около 2760 млн. руб. Всего за время 1898—1913 гг. иностранные капиталисты вывезли из России 5400 млн. руб., что превысило всю сумму вложений в промышленность, кредитное дело, городское хозяйство и займы царскому правительству.

Неизбежным результатом экспансии иностранного капитала было превращение России после революции 1905 г. в младшего, неполноправного партнера англо-французских капиталистов.

Тенденция к техническому застою, свойственная монополии, отнюдь не исключает развитие капитализма, роста производительных сил, технического прогресса вследствие конкуренции и погони монополий за наивысшими прибылями. Известный рост техники в эпоху империализма наблюдался и в промышленности России. Концентрация производства в результате кризиса и последовавшей депрессии сопровождалась увеличением механизации и применением более совершенной технологии. Энерговооруженность русской промышленности составляла в 1900 г. 0,5 *л.с.*, а в 1914 г. — 1,5 *л.с.* на одного рабочего, т. е. возросла в 3 раза.

Невероятная дешевизна рабочей силы и высокая норма эксплуатации пролетариата притупляли стимул к техническому прогрессу. Даже в сравнительно передовых отраслях металлургического производства юга России крупные размеры производства сочетались с широким использованием на наиболее тяжелых работах дешевого мускульного труда рабочих. Извлекая при минимальных затратах на механизацию высокие прибыли, капиталисты обычно не были заинтересованы в регулярном обновлении основного капитала, во внедрении новой техники, в рациональной организации производства и труда и пренебрежительно относились к достижениям русской научно-технической мысли. Крупнейшие открытия и изобретения во многих случаях оставались без применения в России. В. И. Ленин отмечал, что при господстве монополий, устанавливающих на рынке, хотя бы временно, монопольные цены, исчезают в известной мере стимулы к «техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед» и возникает *«экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс» [1].

Рост прибылей достигался в значительной мере не за счет технического прогресса, а с помощью умышленного сдержива-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 397.

ния роста производства, недоиспользования производственных мощностей, ограничения новых капиталовложений. Это особенно ярко проявилось в условиях предвоенного промышленного подъема. Рост спроса на металл и топливо в годы подъема создал исключительно благоприятные условия монополистам для повышения цен. Основным орудием монополий при этом была политика принудительного ограничения производства, благодаря чему спрос на металл и топливо превышал их предложение.

«Продамета» выплачивала огромные суммы своим контрагентам за сокращение производства. Только за 1912—1914 гг. синдикат уплатил за отказ от производства более 6 млн. руб. Одно Сулинское общество, отказавшееся по соглашению с синдикатом от производства у себя листового железа, балок и швеллеров, получало ежегодно премию в размере 500 тыс. руб. Однако это вознаграждение с лихвой компенсировалось за счет повышения цен. С 1903 по 1913 г. продажные цены чугунного литья возросли на 47%, балок — на 34%, листового железа — на 24%.

В 1913 г. в момент наибольшего спроса нагрузка предприятий южной металлургии не превышала 80%, а использование производственных мощностей угольных копей Донбасса в 1912 г. едва достигало 80%. В Бакинском районе накануне войны постоянно эксплуатировалось в лучшем случае около половины всех скважин. Из 54 нефтеперерабатывающих заводов района действовали лишь 34 (63%).

Кроме недогрузки производственных мощностей, искусственное торможение производства в топливной промышленности достигалось путем сведения до минимума подготовки и разработки новых угольных пластов и нефтяных площадей, свертывания разведывательных работ и недопущения развития новых месторождений. В Майкопском районе бакинские нефтяные фирмы, захватив значительное количество участков, производили бурение в местах, где никакой нефти заведомо не было и не могло быть, с единственной целью дискредитировать это месторождение. Промыслы, в которых была начата добыча, затоплялись грунтовыми водами вследствие преднамеренного несоблюдения технических правил эксплуатации.

Такое хозяйничанье нефтяных монополий привело к резкому падению добычи нефти. Достигнув в 1901 г. наивысшего уровня — 706 млн. пудов, добыча нефти упала в 1913 г. до 561 млн. пудов, т. е. на 20,5%, а цены возросли почти в 4 раза. Если в 1901 г. доля России в мировой добыче нефти достигала 51,5%, то в 1914 г. она снизилась до 16,4%.

Политика сдерживания производства дала себя знать особенно в 1912—1913 гг., когда в результате промышленного подъема, а также принятия правительством программы крупного военно-морского строительства спрос на металл и топливо значительно возрос.

Из-за нехватки угля и нефти временно останавливались, а то и совсем закрывались заводы и фабрики, сокращались рейсы пароходов, железные дороги переходили на дровяное отопление. Искусственно созданный дефицит металла поставил под угрозу даже осуществление программы морских и сухопутных вооружений.

Вместо обуздания синдикатчиков царское правительство в 1911 г. установило новые льготы нефтепромышленникам: числившаяся за ними недоимка была понижена с 15 до 6 млн. руб. В интересах монополистов, которые вели систематический поход против государственного хозяйства, горное ведомство во главе со ставленником промышленников В. И. Арандаренко срывало организацию казенных нефтепромыслов и угольных копей. «Особое совещание для разработки способов удовлетворения потребности в железе» (1913), обсуждая вопрос об уменьшении таможенных тарифов, под диктовку представителей «Продаметы» признало подобную меру «в самом принципе нежелательной, как колеблющую нашу таможенную политику».

В связи с поднятой в Государственной думе и прессе кампанией против синдикатов судебные власти для отвода глаз начали было в 1914 г. судебное следствие по делу «Продугля». Даже поверхностное расследование показало, что между участниками этого синдиката существовало тайное соглашение об установлении возможно более высоких цен на уголь. Заодно вскрылась и продажность государственного аппарата царизма. Чиновники министерства путей сообщения, подкупленные монополиями, задерживали, а иногда и просто уничтожали предложения о поставке угля, делавшиеся фирмами, не входившими в «Продуголь». Чтобы избежать неприятных разоблачений, парижские хозяева «Продугля» организовали падение курсов русских ценных бумаг на петербургской и парижской биржах. Для давления на правительство были использованы и дипломатические каналы. Последовало вмешательство французского посла, и следствие по делу «Продугля» было прекращено под предлогом «недостаточности собранных улик». Идя навстречу монополистам, правительство согласилось на повышение цен на уголь для казенных железных дорог.

Такой же безнаказанной благодаря связям монополий с правительственным аппаратом оставалась преступная деятельность «Продаметы».

Высокие цены на топливо и металл тормозили развитие в России машиностроения — основы экономической независимости страны. Они вызвали застой и даже регресс техники. В частности, вследствие вздорожания нефти наблюдались приостановка распространения двигателей внутреннего сгорания и возвращение к паровым машинам. Монопольные, высокие цены на металл, удорожая стоимость сельскохозяйственных машин, объективно способствовали сохранению отсталости сельского хозяйства.

Таким образом, топливно-металлический «голод», организованный капиталистическими монополиями, губительно отразился на развитии всего народного хозяйства страны. Он явился ярким, концентрированным выражением загнивания российского капитализма.

Исторически сложившаяся в России система активного вмешательства государства в экономическую жизнь страны в целях форсированного развития ряда отраслей промышленности и транспорта способствовала концентрации производства, централизации капиталов и образованию промышленных и банковских монополий. С другой стороны, монополии стремились использовать аппарат самодержавия в своих интересах. В результате сочетания этих тенденций в России очень рано — со времени вступления российского капитализма в империалистическую стадию — наметились ростки государственно-монополистического капитализма при ведущей роли государства, сохранившего в основном крепостнически-помещичий характер.

Типичным примером перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический может служить сахарный синдикат. Еще в 1895 г. в интересах помещиков и банковского капитала, контролировавшего сахарную промышленность, был издан закон о сахарной нормировке. Сущность его заключалась в том, что министерство финансов устанавливало выгодные монополистам общие размеры производства сахара на внутренний рынок и нормы производства для каждого завода. Кроме того, правительство, облагая высоким акцизом сахар, выпускаемый на внутренний рынок, ввело запретительные ввозные пошлины, а при экспорте сахара не только возвращало акциз, но и платило премию в размере 80 коп.— 1 руб. с каждого пуда вывезенного сахара. Правительственное нормирование и регулирование обеспечивали сахарному синдикату монополию и получение сахарозаводчиками высоких прибылей.

Государственно-монополистические тенденции можно проследить и в деятельности созданного в 1902 г. при министерстве путей сообщения комитета по распределению между заводами заказов на рельсы, скрепления и подвижной состав для железных дорог. Комитет, в состав которого входили и представители промышленников, быстро оброс монополистическими объединениями, возникшими в тех отраслях, которые выполняли железнодорожные заказы: «Совет представителей паровозостроительных заводов» («Продпаровоз»), синдикат «Продвагон» и др. С их возникновением роль комитета свелась лишь к утверждению того распределения заказов, которое предварительно намечалось монополиями. Так, комитет по распределению железнодорожных заказов превратился в государственно-монополистическую организацию.

Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический в значительной мере связано с милита-

ризацией экономики. Утвержденная в 1913 г. большая программа вооружений делала государство важнейшим заказчиком в машиностроительной промышленности. В частности, в судостроительной промышленности возникновение и развитие государственно-монополистического капитализма началось уже в предвоенные годы, когда вырабатывались программы строительства Черноморского и Балтийского флота. Распределение заказов по этим программам производилось уже на государственно-монополистической основе.

2. Положение рабочих в годы промышленного подъема (1910—1913). За годы промышленного подъема российский пролетариат вырос и окреп. Численность рабочих только на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, выросла за пятилетие 1909—1913 гг. на 23%, с 1808,1 тыс. до 2319,5 тыс. Общая же численность рабочих фабрично-заводской и горной промышленности, транспорта и связи, а также строительных рабочих составила в 1913 г. 6,3 млн. человек.

Первое место по числу рабочих по-прежнему занимала текстильная промышленность. На 1 января 1914 г. в ней было занято 918,3 тыс. рабочих, 39,6% от общего количества всех фабрично-заводских рабочих. Значительно возросла численность рабочих-металлистов, удельный вес которых увеличился за 1910—1913 гг. с 14,4 до 16,6%, составив к концу 1913 г. 385,6 тыс. человек. Особенно быстро росла численность металлистов в Петербурге. Удельный вес их в общем числе питерских рабочих возрос с 34,1% в 1908 г. до 42% в 1913 г.

Абсолютно и относительно увеличилось применение в фабрично-заводской промышленности труда женщин, подростков и малолетних. Если в 1901 г. женщины составляли 27% всех рабочих, то в 1913 г. уже 31%. Возросло применение женского труда в угольной и металлообрабатывающей промышленности, хотя основная масса работниц (68%), как и раньше, была занята в текстильном производстве. Удельный вес женщин на текстильных фабриках составлял к концу 1913 г. 53,9%. В остальных группах производств удельный вес женщин среди рабочих колебался от 36,6% (химические производства) до 5,9% (обработка металлов). На 1 января 1914 г. число малолетних составило 1,4% общего числа фабрично-заводских рабочих, а число подростков —9,6%.

Повышение удельного веса женщин в общей массе рабочих объясняется тем, что за равный с мужчиной труд женщина получала значительно меньшую плату. К тому же женщины представлялись капиталистам более спокойными и менее настойчивыми при предъявлении требований в случае забастовки. Но вовлечение женщин в производство повышало их классовую сознательность и политическую активность, а стало быть, и расширяло фронт революционной борьбы за освобождение от гнета царизма и капитала.

Рост числа занятых в фабрично-заводской промышленности рабочих происходил отчасти за счет возвращения на предприятия квалифицированных рабочих, потерявших работу в период кризиса и депрессии 1900—1908 гг., но главным образом за счет семей фабричных рабочих и отвлечения населения от земледелия к промышленности. В годы промышленного подъема возросло число рабочих, окончательно порвавших связь с землей. В эпоху империализма были созданы значительные кадры постоянных рабочих, единственным источником существования которых сделался промышленный труд. Потомственных пролетариев больше всего было среди металлистов. Медленнее шел процесс образования постоянных кадров на предприятиях, расположенных в сельской местности,— в пищевой, текстильной и каменноугольной промышленности. Однако и здесь связи рабочих с землей слабели.

Вместе с ростом численности пролетариата усилилась его концентрация. За 1909—1913 гг. число рабочих, занятых на предприятиях, где работало не более 500 человек, несколько уменьшилось, а на крупных фабрично-заводских предприятиях (свыше 500 человек) возросло с 52,2 до 54,1% к общему числу рабочих, занятых в промышленности. Очень значительная концентрация рабочей силы наблюдалась в текстильной промышленности. Если среднее число рабочих на одно предприятие составляло к концу 1913 г. 130, то в текстильном производстве —314, а в хлопчатобумажном — даже 679 человек. Еще выше была концентрация рабочих в металлургической и машиностроительной промышленности.

Рабочие были лишены элементарных политических прав. Они не могли устраивать собрания, митинги и демонстрации. Культурно-просветительные, профессиональные общества, рабочая печать подвергались жестоким полицейским гонениям. Большевистская партия находилась в глубоком подполье.

Взаимоотношения между рабочими и предпринимателями регулировались «Уставом о промышленном труде», на основании которого предприниматель в любое время мог уволить рабочего и расторгнуть с ним договор о найме. Союзы капиталистов негласными соглашениями еще более усиливали антирабочую направленность этого устава. В то время как последний разрешал существование на предприятиях рабочего представительства в виде выборных старост, конвенция петербургского общества заводчиков и фабрикантов от 28 июня 1912 г. обязывала ее участников не допускать постоянного представительства рабочих в виде депутатов и старост.

Для борьбы с забастовками капиталисты применяли немедленный расчет рабочих и закрытие предприятия с фильтрацией при обратном приеме наиболее передовых и революционно настроенных рабочих, «черные» списки забастовщиков и как крайнюю меру локаут всех рабочих данной отрасли производства.

Благодаря выгодной экономической конъюнктуре и упорной стачечной борьбе рабочих после ленских событий наблюдался известный рост заработной платы. Годовая заработная плата рабочих фабрично-заводской промышленности, по официальным данным, с 1907 по 1913 г. повысилась с 241,4 до 263,6 руб., т.е. на 11,4% [1]. Между тем стоимость жизни за это же время возросла на 13,9% [2]. Таким образом, реальная заработная плата в это время упала на 2,5%. И это при росте культурных и бытовых потребностей рабочих.

Рост производительности труда обгонял увеличение заработной платы. Если в 1908 г. со 100 руб. выработки расход предпринимателей на заработную плату рабочего составлял 12 руб. 60 коп., то в 1913 г. — только 10 руб. 90 коп.

Заработки рабочих снижались бесконечными штрафами. Поэтому в стачках 1911—1914 гг. одним из главным требований рабочих было требование увеличения заработной платы и отмена штрафов.

Тяжелое положение рабочих усугублялось частым применением обязательных сверхурочных работ, плохо поставленной охраной труда и техникой безопасности. Все это в сочетании с интенсификацией труда приводило к многочисленным несчастным случаям. Число заявленных несчастных случаев на 1000 рабочих увеличилось с 38,8 в 1909 г. до 48, 9 в 1913 г.

Страшным бичом для рабочих была значительная безработица. Так, в Петербурге в 1910 г. биржу труда посетило 94 тыс. человек. Это были в основном неквалифицированные рабочие, а также частично рабочие, уволенные за участие в стачках и попавшие в «черные» списки петербургского общества заводчиков и фабрикантов. Из посетивших биржу в 1910 г. работу получило только 12 тыс. человек, т. е. около 13%.

Крайне неприглядными оставались жилищно-бытовые условия рабочих. Они жили в неблагоустроенных домах, не удовлетворяющих самым элементарным требованиям санитарии и гигиены, а нередко в подвалах, бараках и даже землянках.

Низкий жизненный уровень рабочих в соединении с политическим бесправием и угнетением толкал их на революционную борьбу. В то же время невиданная в мире концентрация рабочих на крупнейших предприятиях создавала благоприятные объективные условия для роста классовой сознательности и организованности российского пролетариата. Борьбу рабочих против царизма и буржуазии возглавила большевистская партия.

3. Начало революционного подъема. Годы столыпинской реакции характеризовались депрессией в промышленности и раз-

---

[1] См.: «Своды отчетов фабричных инспекторов» за соответствующие годы. В рассматриваемое время в подсчет вошло 1,2 — 1,7 млн. человек.

[2] См.: С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. М., 1954, стр. 515.

гулом контрреволюции в политической жизни и идеологии. С 1911 г. начинается новая полоса в истории России, которая, по определению В. И. Ленина, «и в экономическом, и в политическом, и в идейном отношении отличается противоположными чертами: подъем промышленности, неспособность контрреволюции к дальнейшему наступлению прежней силы или энергии и т. д., пробуждение демократии, заставившее *прятаться* настроения веховства, ренегатства, ликвидаторства» [1].

Показное столыпинское «успокоение» уже никого не обманывало. Например, из Курской губернии 4 августа 1911 г. писали: «...начинается заметное брожение среди крестьян, которые открыто говорят: «Раньше только пожгли господ, а теперь всех перережем»... Помещики вооружаются с ног до головы» [2].

Во второй половине 1910 г. число стачечников в России возросло почти в полтора раза по сравнению с первым полугодием. Впереди шли московские рабочие, которые дали 30% всех стачечников страны. Но стачки 1910 г. носили преимущественно экономический характер. В целом они были оборонительными, и большинство их окончилось поражением рабочих. При всей своей слабости стачечная борьба рабочих в 1910 г. сыграла известную роль в росте классового сознания рабочих, в подготовке их к крупным революционным выступлениям.

В ноябре 1910 г. в связи со смертью Л. Н. Толстого, выступившего незадолго перед этим со статьей «Не могу молчать» — страстным протестом против смертной казни — во многих городах произошли бурные сходки, политические стачки, демонстрации рабочих и студентов под лозунгом: «Долой смертную казнь!» В следующем году запрос думской социал-демократической фракции с требованием пересмотра дела социал-демократических депутатов II Государственной думы, осужденных с помощью провокации, был поддержан многолюдными митингами рабочих в Петербурге, Риге, Варшаве и некоторых других крупных городах.

В 1911 г. число стачечников превысило 105 тыс., тогда как в предыдущем году их было около 47 тыс. В отличие от 1908—1909 гг. стачки 1911 г. в целом носили наступательный характер. Рабочие требовали повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения бытовых условий. В 1911 г. значительно возросло число политических стачечников. Если в 1910 г. их было 3777, то в 1911 г. — 8380.

Начало 1912 г. было ознаменовано дальнейшим ростом стачечной борьбы рабочих. В течение января — марта этого года бастовало свыше 20 тыс. рабочих, или на 60% больше, чем за соответствующие месяцы 1911 г.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 319.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 504, л. 42.

Наметившееся оживление в рабочем движении нашло отголосок среди студенчества и демократической интеллигенции. Запрещая не только публичные, но и частные студенческие организации (землячества, кружки, кассы взаимопомощи), правительство оказывало поддержку реакционной части студенчества, так называемым академистам из членов черносотенного «Союза русского народа». На все провокации и репрессии студенты в 1911 г. ответили всеобщей забастовкой. Несколько тысяч студентов было исключено из высших заведений. В знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л. А. Кассо ряд виднейших профессоров Московского университета (В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, П. Н. Лебедев, К. А. Тимирязев, С. А. Чаплыгин и другие) подали в отставку.

С 1910 г. наблюдается новый подъем крестьянского движения. Если в 1909 г. было 80 крестьянских выступлений, то в 1910 г. их число достигло 147.

В условиях начавшегося революционного подъема особенно важно было укрепить единство пролетариата и подготовить его к новому штурму царизма. Для этого следовало прежде всего сплотить большевистские кадры, создать работоспособный партийный центр, тесно связанный с местными организациями.

Большую роль в сплочении передовых рабочих вокруг большевистской партии сыграла легальная газета «Звезда», начавшая выходить в декабре 1910 г. Деятельностью «Звезды» руководил В. И. Ленин. Активное участие в ней принимали Н. Н. Батурин, В. Д. Бонч-Бруевич, К. С. Еремеев, М. С. Ольминский, Н. Г. Полетаев, А. В. Шелгунов.

С 5 по 17 января 1912 г. в Праге проходила VI Всероссийская конференция РСДРП. На конференции были представлены все партийные организации, действовавшие в России, поэтому она имела значение съезда.

В резолюции конференции по докладу Ленина о современном положении и задачах партии указывалось на необходимость восстановления и укрепления нелегальной организации РСДРП, на более широкое использование легальных возможностей для руководства экономической и политической борьбой пролетариата. Для осуществления этих задач партии требовалось сплочение всех революционных сил, очищение ее рядов от оппортунистов. Конференция заявила, что ликвидаторы окончательно поставили себя вне партии, и призвала всех партийцев вести решительную борьбу против ликвидаторов как проводников буржуазного влияния на пролетариат.

Конференция констатировала нарастание революционного подъема в стране и, исходя из этого, определила политическую линию и тактику. Была выдвинута программа-минимум: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли. Под этими лозунгами решено было проводить избирательную кампанию в IV Государственную думу.

На Пражской конференции был создан центр для практического руководства революционной борьбой в России — Русское бюро ЦК РСДРП. Конференция имела решающее значение для дальнейшего развития и укрепления РСДРП как партии нового типа. Начавшееся в 1910 г. оживление рабочего движения свидетельствовало о крахе столыпинской политики «успокоения».

Угодничество либеральной буржуазии перед Столыпиным не оправдало ее надежд на мирное «обновление» царизма. Несмотря на прогрессирующее «оскудение», дворянство цепко держалось за свои привилегии и не желало «потесниться» в пользу буржуазии. Больше того, оправившись от потрясений 1905—1906 гг. и играя на страхе буржуазии перед демократией, крепостники сами переходят в наступление. Государственный совет, являвшийся оплотом реакции, стал настоящим «кладбищем» законопроектов, в которых ему чудилась «новизна». Он отклонил одобренные Думой законопроекты о волостном земстве, всеобщем начальном образовании, расширении бюджетных прав Государственной думы, введении земства в сибирских губерниях и др. Единственный либеральный законопроект, пропущенный «звездной палатой», — о веротерпимости — не был утвержден царем и не получил силу закона.

Даже октябристы, особенно заискивавшие перед Столыпиным, заговорили о своем «разочаровании» в законодательной деятельности III Думы. А. И. Гучков 12 марта 1910 г. жаловался с думской трибуны на «внешние препятствия» в лице Государственного совета, «объединенного дворянства» и дворцовой камарильи. «С ними нам приходится считаться, а может, придется и сосчитаться» [1],— многозначительно подчеркнул он.

Если бы октябристы, от которых зависел исход голосований в III Думе, осуществили бы свою угрозу «сосчитаться» с правящей реакцией прежде всего на почве бюджетной борьбы, это могло бы поставить царское правительство в критическое положение. Но в том-то и дело, что российская буржуазия из страха перед революционным пролетариатом добровольно шла на ограничения, хотя ее широко понятые интересы и требовали модернизации политического режима.

Буржуазия вступила в союз с царизмом, не обусловив его в сущности никакой программой реформ. Эту линию поведения либералы сохранили и в годы нового революционного подъема. В. И. Ленин в 1913 г. писал: «Кадеты продолжают стоять на точке зрения оппозиции с родительным падежом, продолжают держаться взгляда, что «в России есть, слава богу, конституция» [2].

Кадеты и октябристы, вся либеральная буржуазия строили свою политику на конституционных иллюзиях. В Думе они виде-

---

[1] «Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты». Сессия третья, ч. III. СПб., 1910, стб. 451.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 374—375.

ли «единственную преграду», охранявшую Россию от революционного взрыва. Действительно, прикрывшись «конституционным плащом», эквилибрируя между помещиками и буржуазией, опираясь на поддержку последней, царская монархия на время отсрочила свою гибель. Но поддержки со стороны третьеиюньской Думы оказалось недостаточно, чтобы обеспечить буржуазную эволюцию страны и предотвратить новую революцию. III Дума, демонстрируя открытый союз царизма с помещиками и буржуазией, в конечном счете не укрепила, а рассеяла конституционные иллюзии в народе. Когда перед выборами в IV Государственную думу министерство внутренних дел потребовало от губернаторов сведений об отношении крестьянства к деятельности III Думы, то во всех ответах подчеркивалось недовольство Думой, которую крестьяне окрестили «господской».

Отсутствие у III Думы массовой опоры, уступчивость и бессилие ее приводили к тому, что власть не ставила Думу ни во что. Министры как бы соревновались друг с другом — кто выскажет большее пренебрежение к Государственной думе. Так, по поводу осуждения Думой массовых избиений политических заключенных в тюрьмах министр юстиции Щегловитов издевательски заявил с думской трибуны: «Какие бы вы формулы ни принимали, вы не заставите изменить принятого сейчас порядка в тюрьмах». В тон Щегловитову министр финансов Коковцов, слывший «либералом», развязно бросил в Думе фразу: «У нас парламента, слава богу, еще нет»[1]. Подобное третирование Думы вызывало оппозиционные настроения среди буржуазно-помещичьих партий.

По мере того как яснее становился провал столыпинской ставки на «сильных» крестьян-собственников, правительство переносило центр тяжести с аграрной на национальную политику. На первый план выдвигалось разжигание национальной розни, чтобы таким образом раздробить и ослабить натиск демократических сил всех народов России на черносотенно-погромную монархию Романовых.

В 1910—1911 гг. правительство внесло в Государственную думу ряд националистических законопроектов, направленных против Финляндии и Польши.

Законопроект о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения изымал из сферы сеймового законодательства участие Финляндии в государственных расходах, отбывание воинской повинности, права русских подданных, проживающих в Финляндии, охрану государственного порядка, основные начала судопроизводства и школьного дела, таможенные тарифы, монетную систему, почту, телеграф, телефон, железнодорожное дело. Таким образом, конституционные права финского народа сводились почти на нет. При обсуждении законопроекта в Думе социал-демократический депутат Покровский,

[1] «Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты». Сессия первая, ч. II. СПб., 1908, стб. 1995.

напомнив, что именно русский народ вырвал у царя и дал Финляндии манифест 22 октября 1905 г., заявил, что «русский народ и его боевой авангард — рабочий класс еще раз подает братскую руку финляндскому народу для общего дела освобождения от политического гнета»[1]. Социал-демократы и трудовики отказались участвовать в обсуждении проекта и покинули зал заседания. Дума и Государственный совет одобрили законопроект, и 17 июня 1910 г. он стал законом.

23 июня 1912 г. с целью разжигания национальной розни между поляками и украинцами был издан закон об образовании из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний Холмской губернии.

По совету русских националистов Столыпин внес в Государственную думу законопроект о введении земства в шести западных губерниях: Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской, Волынской. Эти губернии представляли собой край огромных латифундий польских магнатов, жестоко угнетавших украинских и белорусских крестьян, где переплетались в сложный узел социальные, национальные, религиозные противоречия и предрассудки. На обострение этих противоречий и был рассчитан данный законопроект.

В отличие от закона 12 июня 1890 г. законопроект вместо сословных курий вводил курии национальные — русскую, куда входили также украинцы и белорусы, и польскую. В основе его лежало бонапартистское эквилибрирование, рискованная демагогия и заигрывание с потенциально враждебными помещичьему классу социальными слоями — мелкими землевладельцами. Законопроект прошел через Государственную думу, но был провален Государственным советом. При этом главный довод противников проекта из правого большинства Государственного совета заключался в том, что он давал значительное представительство крестьянам и мог бы привести к демократизации земства, которая в свою очередь пагубно отразится на его политическом облике. Таким образом, голосуя против законопроекта, большинство Государственного совета тем самым выражало недоверие всей бонапартистской политике Столыпина.

Столыпин подал в отставку, но взял ее обратно, добившись от царя согласия немедленно распустить законодательные учреждения сроком на три дня, чтобы в этот промежуток времени провести положение о западном земстве по статье 87 «Основных законов». Напрасно председатель Думы А. И. Гучков в письме к Столыпину от 12 марта 1911 г. предупреждал, что введение земства в порядке статьи 87— опасный прецедент, низводящий законодательные учреждения на уровень совещательных; «...такое явное нарушение и буквы и духа Основных законов, такой тяжкий удар по достоинству и самостоятельности законодательных

[1] «Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты». Сессия третья, ч. IV. СПб., 1910, стб. 2387, 2392.

учреждений водворит в стране невероятный хаос»[1]. Столыпин не внял предостережениям. Введя проект западного земства в действие в порядке внедумского законодательства, он восстановил против себя обе палаты. В знак протеста против своеволия Столыпина Гучков оставил пост председателя Думы. Государственный совет и Дума признали акт правительства «незакономерным», а объяснения правительства неудовлетворительными. В ответ на это видный деятель «объединенного дворянства» И. П. Балашев посоветовал Столыпину «немедленно закрыть Думу и приступить к пересмотру и тщательной переработке избирательного закона, т. е. доделать то, что было начато Вами столь блестяще 3 июня 1907 г.»[2]. Но, как вскоре выяснилось, в такой радикальной мере не было нужды. Октябристы и не помышляли о переходе в оппозицию. Демонстративный уход Гучкова оказался «бурей в стакане воды». Вместо него председателем Думы был избран правый октябрист Родзянко, что означало примирение, вернее, капитуляцию октябристов перед правительством.

Однако положение самого Столыпина в «верхах» сильно пошатнулось. Николай II и камарилья не простили Столыпину, что он обусловил согласие остаться у власти «увольнением в отпуск» до 1 января 1912 г. лидеров правых в Государственном совете П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова[3] и предоставлением ему права к тому же сроку назначить к присутствию по своему выбору 30 членов Государственного совета. 1 сентября 1911 г. Столыпин был смертельно ранен в Киеве Д. Г. Богровым, бывшим анархистом, продавшимся охранке и в страхе перед возмездием за свои преступления со стороны революционеров решившимся на убийство «обер-вешателя». Но можно с уверенностью сказать, что киевские выстрелы лишь «предупредили» предрешенную царем отставку Столыпина.

Почему же затянулась политическая агония Столыпина? Перед голосованием в Государственном совете законопроекта о западном земстве Столыпин долго убеждал Николая II в пользе системы национальных курий. Царь согласился и в этом смысле дал указание председателю Государственного совета М. Г. Акимову. Ночью был принят Трепов, и он переубедил царя, который ему сказал: «Голосуйте по совести»[4]. Возможно, поэтому Николай II не хотел принятием отставки Столыпина обнаружить свою истинную роль в истории с голосованием в Государственном совете. На царя оказали влияние вдовствующая императрица Мария Федоровна и некоторые великие князья, пугавшие, что уход Столыпина приведет к «развалу». Наконец, отставка Столыпина

[1] ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1, д. 693, л. 2.

[2] «Красный архив», 1925, № 2 (9), стр. 292.

[3] Столыпин имел в виду с 1 января 1912 г. не включать названных сановников в списки присутствующих членов Государственного совета.

[4] «Дневник С. Д. Протопопова». ЦГАЛИ СССР, ф. 389, оп. 1, д. 40, л. 64.

на почве конфликта с представительными учреждениями могла быть воспринята общественным мнением как смена главы правительства в связи с вотумом недоверия и явилась бы нежелательным для царя прецедентом. А. Я. Аврех справедливо считает все эти мотивы второстепенными и выдвигает предположение, что отставка Столыпина в прямой форме означала бы признание «верхами» провала третьеиюньского курса, ибо Столыпин был его олицетворением и символом [1]. Однако такое объяснение недостаточно. Дело не только в том, что правящие сферы не хотели открыто признать банкротство третьеиюньского курса: у противников Столыпина не было конструктивной программы, какую они могли бы противопоставить его бонапартистской политике.

Единственной альтернативой третьеиюньскому курсу могло бы быть восстановление неограниченного самодержавия и превращение Государственной думы в совещательное учреждение. Но даже отъявленные реакционеры понимали, что после 17 октября 1905 г. возвращение к этому невозможно.

Политическое банкротство Столыпина означало крах последней возможной для царизма политики, которая заключалась в том, чтобы, опираясь на контрреволюционное настроение буржуазии и новую аграрную политику, не допустить повторения 1905 г. Но уже в 1910—1911 гг. стало очевидным, что ни аграрного преобразования, ни связанного с ним «успокоения» Столыпин не осуществил и не мог осуществить. Вместе с тем крах столыпинщины явился и крушением конституционных иллюзий, на распространении которых строилась вся тактика либеральной буржуазии. Порицая демократию за революционные «эксцессы», либералы обещали добиться политической модернизации страны путем мирной, парламентской работы. Жизнь жестоко посмеялась над ними. Кадеты вынуждены были открыто признать, что союз III Думы с правительством в деле обновления политического строя страны оказался «бессильным и бесплодным».

Политика Столыпина потерпела неудачу вследствие необычайной остроты и глубины объективных противоречий в России, исключавших возможность разрешения их реформами сверху.

4. Ленские события. Начало массового революционного движения. Стачки рабочих 1910—1911 гг. ясно показали, что рабочие не сложили оружия. В ответ на преследования и репрессии они говорили: «Погодите, будет вам еще пятый год!» Переломным явился 1912 г., когда по всей стране высоко поднялась волна стачек протеста по поводу расстрела рабочих на Ленских золотых приисках.

Ленские прииски были расположены по притокам Лены — Витиму и Олекме, в глухой тайге, на расстоянии почти 2 тыс. верст от Сибирской железнодорожной магистрали. Полновластным хо-

[1] См.: А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума. М., 1968, стр. 349.

зяином золотопромышленности Приленского края было Ленское золотопромышленное товарищество («Лензото»). В 1912 г. «Лензото» принадлежало 423 прииска, разбросанных на обширной территории. Осенью 1908 г. между «Лензото» и представителями английского финансового капитала в лице «Русской горнопромышленной корпорации» было подписано соглашение об организации нового акционерного общества с участием английского капитала под названием «Ленские золотые прииски» с правлением в Лондоне. Новое общество сосредоточило в своих руках около 70% акций Ленского золотопромышленного товарищества. Таким образом, контроль над Ленскими приисками перешел в руки представителей английского финансового капитала, которые за счет всемерного усиления эксплуатации приисковых рабочих рассчитывали получать огромные прибыли. Председателем правления был избран крупный русский биржевой деятель, бывший министр торговли и промышленности, член Государственного совета В. И. Тимирязев. Ведущее положение в правлении занимала группа английских банкиров. Позднее, в 1911 г., обществом заинтересовались Петербургский международный и Русско-Азиатский коммерческий банки. Представители этих банков А. И. Вышнеградский и А. И. Путилов были избраны членами лондонского правления общества. Интересы английских монополистов и российских промышленников и банкиров сплелись в тесный клубок. В числе акционеров были мать царя — императрица Мария Федоровна, великие князья, министры и другие высокопоставленные лица. Не удивительно, что царское правительство было заинтересовано в процветании Ленских золотых приисков и оказывало их владельцам всестороннюю поддержку. Общество приносило баснословные прибыли. Если в 1903—1904 гг. чистая прибыль компании «Лензото» составила 479 тыс. руб., то в 1910—1911 гг. — 5273 тыс. руб., т. е. за 7 лет выросла в 11 раз [1].

Акционеры «Лензото» получали неслыханные прибыли, а рабочие трудились и жили в невыносимых условиях. «Вольной каторгой» называли они свою работу на приисках. Рабочий день вместе со сверхурочными работами обычно продолжался 10—12 часов. Заработная плата, и без того незначительная, снижалась путем обсчетов, обмеров и штрафов. Часть заработка выдавалась талонами, на которые покупать можно было только в лавках «Лензото». Причем товары продавались там по повышенным ценам и были низкого качества.

В подавляющей массе ленские рабочие были вчерашними крестьянами, которых столыпинское «землерасстройство» и хронические голодовки привели в Сибирь в поисках заработка. Но среди них были и рабочие с революционным прошлым, участники

[1] См.: «К истории золотопромышленного треста «Лензото». «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 143.

вооруженных восстаний 1905 г. В Надеждинских механических мастерских была группа большевистски настроенных рабочих, которые вели революционную агитацию.

29 февраля 1912 г. на Андреевском прииске вспыхнула забастовка, поводом к которой явилась выдача рабочим недоброкачественного конского мяса. Вслед за Андреевским забастовали и другие прииски. К середине марта бастовало уже свыше 6 тыс. человек на 48 приисках. По инициативе большевиков были созданы приисковые комитеты и Центральный стачечный комитет, председателем которого был избран партийный организатор большевистской группы в Надеждинских механических мастерских П. Н. Баташев. Центральный и приисковые стачечные комитеты руководили забастовкой через выборных старост бараков.

Центральный стачечный комитет выдвинул требования: 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы на 10—30%, отмена штрафов, организация медицинской помощи, улучшение продовольственного снабжения и квартирного положения, вежливое обращение с рабочими со стороны администрации, неприкосновенность депутатов. Правление «Лензото» отклонило основные требования и решило рассчитать бастующих, прекратить выдачу им продовольствия в долг и выселить из приисковых казарм, что обрекало рабочих и их семьи на голодную смерть в тайге. Рабочие не позволили полиции произвести выселение.

Царские власти совместно с «Лензото» решили расправиться с бастующими силой. Жандармский ротмистр Н. В. Трещенков, известный своим участием в подавлении восстания сормовских рабочих в 1905 г., получил особые полномочия для расправы с рабочими. «Лензото» за свой счет доставило из Киренска, находящегося на расстоянии свыше 700 верст от приисков, роту солдат для подавления стачки.

Бастующие держались стойко и не поддавались на провокации и запугивания. Забастовка носила мирный и организованный характер. Переговоры с администрацией вел Центральный стачечный комитет. Все его решения были обязательны для приисковых комитетов. На приисках были созданы кассы взаимопомощи, которые с разрешения делегатского собрания выдавали единовременные пособия. Продажа водки и азартные игры были запрещены.

Против линии большевиков выступали в едином блоке меньшевики, эсеры и анархисты. Сперва они пытались удержать рабочих механических мастерских от присоединения к забастовке под предлогом, что у мастеровых совершенно другие интересы, чем у горняков. Когда же им это не удалось, они стали убеждать рабочих прекратить стачку, удовлетворившись мелкими уступками со стороны «Лензото». В частности, они предлагали отказаться от требования 8-часового рабочего дня. Действия меньшевиков и эсеров вызвали колебания среди части рабочих.

Большевики считали, что надо продержаться до открытия навигации, а затем организованно покинуть прииски. На митинге рабочих 25 марта после выступлений противников стачки большевики предложили провести тайное голосование. В качестве урн были бочки из-под сахара. На одной из них было написано: «Пойду на работу», на другой — «Не пойду на работу». Рабочие брали камешек и опускали его в одну из бочек. Бочка с надписью «Не пойду на работу» была переполнена, а в другой оказалось только 17 камней. Забастовка продолжалась.

Тем временем влиятельные английские и русские акционеры «Лензото» требовали от царского правительства подавить забастовку во что бы то ни стало. 30 марта директор департамента полиции предложил Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет. На следующий день несколько депутатов во главе с Баташевым явились к товарищу прокурора Преображенскому с жалобой на явно незаконные действия администрации уже в ходе стачки. Преображенский, зная о готовящемся аресте руководителей стачки, заявил, что выборных он не признает и что они, по его мнению, являются «подстрекателями». Пусть каждый рабочий, если он чем-либо недоволен, принесет заявление от себя, предложил Преображенский. Чтобы доказать, что они забастовали сознательно, без «подстрекательства», рабочие стали писать заявления, получившие впоследствии название «сознательных записок».

В этот критический момент Центральный стачечный комитет по существу уже не руководил стачкой. Фактически он распался на две группы: большевистскую и эсеро-меньшевистскую. Назревал раскол и среди рабочих. Большинство рабочих не поддержало предложение о подаче заявлений коллективно через выборных. Днем 2 апреля состоялось совещание депутатов-большевиков, на котором было подтверждено прежнее решение — стачку продолжать. На этом совещании решили направить Баташева в Бодайбо, чтобы провести работу среди железнодорожников и не допустить переброски солдат на прииски.

В ночь на 4 апреля были арестованы члены Центрального стачечного комитета. Это вызвало сильное возмущение среди рабочих. Сразу же после ночных арестов было решено создать новое центральное бюро, более узкое и конспиративное. Председателем его был избран большевик Г. В. Черепахин, участник декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Ростове-на-Дону. На прииски были посланы связные, чтобы отговорить рабочих идти с «сознательными записками» к прокурору. Под влиянием большевиков рабочие крупнейшего Феодосиевского прииска отказались участвовать в шествии. Тем временем эсеры повели среди рабочих агитацию за поход «всем миром» на Надеждинский прииск, где находился прокурор. Эсеровская агитация оказала влияние на многих рабочих, еще недавних крестьян. Они поверили, что таким способом можно добиться правды.

Шествие началось с Андреевского прииска; по дороге к андреевцам присоединились рабочие Васильевского, Пророко-Ильинского и Александровского приисков, всего около 2,5 тыс. человек. Шли узкой лентой, растянувшейся на две версты. Впереди шли депутаты с коллективными прошениями. Многие рабочие держали в руках «сознательные записки». Рабочие были настроены миролюбиво. Когда до Надеждинского прииска оставалось уже совсем немного, солдаты по приказу Трещенкова стали стрелять в рабочих залпами. Было убито 270 и ранено 250 человек.

Ленский расстрел явился, по выражению В. И. Ленина, «точнейшим отражением *всего* режима 3-июньской монархии». В ленских событиях ярко проявилось общее бесправие русской жизни. Это событие зажгло массы революционным огнем [1].

Кровавая драма на далекой Лене всколыхнула пролетариат России и явилась сигналом к массовым митингам, демонстрациям и забастовкам протеста. Рабочие на митингах принимали резолюции с требованием немедленного расследования и гласного суда над виновниками расстрела. Митинги и демонстрации сопровождались столкновениями с полицией и войсками. По призыву большевиков производился сбор средств в фонд помощи ленским рабочим и на рабочую газету. Наиболее мощный отклик на ленские события имел место в Петербурге, где в однодневных политических забастовках приняло участие 60% всех фабрично-заводских рабочих столицы.

Ленские события нашли отклик и за границей. Перед русским посольством в Берлине и консульствами в других городах состоялись демонстрации протеста. В Париже на митинг памяти погибших на Лене собралось 10 тыс. человек.

Социал-демократическая фракция внесла запрос в Государственную думу, в котором характеризовала Ленский расстрел как «яркое выражение общей правительственной политики». Большевики призывали рабочий класс к борьбе против черносотенной III Думы и всего царского режима.

В ответ на выступление социал-демократической фракции министр внутренних дел А. А. Макаров нагло заявил: «Так было и так будет впредь». После этого волна народного гнева поднялась еще выше. В политических стачках в связи с Ленским расстрелом приняло участие до 300 тыс. рабочих.

Напуганные грандиозной волной пролетарской солидарности, правительство и капиталисты вынуждены были отступить. Предприниматели не решились оштрафовать рабочих за стачки протеста, а правительство заявило, что намерено произвести «подробное и всестороннее расследование этого прискорбного дела». На Ленские прииски была направлена комиссия во главе с членом Государственного совета сенатором С. С. Манухи-

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 341.

ным. Правительство обещало также распространить на Сибирь действие страховых законов.

Однако миссия Манухина провалилась. Ленские рабочие, воодушевленные всенародной поддержкой, продолжали бастовать, а в июле 1912 г. организованно покинули прииски.

Празднование 1 Мая 1912 г. подняло рабочее движение на новую, еще более высокую ступень. 1 мая произошло 1185 политических стачек, в которых участвовало 400 тыс. человек. Стачки сопровождались митингами, уличными демонстрациями, распространением большевистских прокламаций. Впереди шел Петербург, где число бастующих 1 мая достигло 200 тыс., что составляло 80% всех фабрично-заводских рабочих столицы.

Перед 1 мая большинство петербургских заводчиков и фабрикантов высказались за неуклонное применение штрафов, но в действительности оштрафовали рабочих за политическую забастовку 1 мая владельцы только 16 заводов. Рабочие этих заводов забастовали, требуя снятия штрафа и освобождения арестованных товарищей. Стачка носила организованный и упорный характер. На двух заводах «Сименс и Гальске» она длилась три месяца, на телефонной фабрике «Эриксон» — 45 дней. Борьба за отмену штрафов и освобождение арестованных была борьбой за право применения политической стачки как средства классовой борьбы, и поэтому она стала делом всего питерского пролетариата. По упорству стачечной борьбы и по количеству забастовщиков металлисты занимали первое место. На их долю приходилось 68% всех участников апрельско-майских революционных выступлений пролетариата.

Подъем политического движения пролетариата сопровождался ростом экономических стачек. В апреле их было 68, а в мае — 132.

Резкое размежевание классовых сил в стране после ленских событий усилило революционное самосознание рабочих и способствовало освобождению рабочего движения от влияния оппортунизма. Мощная волна апрельско-майских стачек, митингов и демонстраций повсеместно происходила под революционными лозунгами большевистской партии. «Революционное движение пролетариата в России поднялось на высшую ступень,— писал В. И. Ленин.— Если в 1905 году оно начиналось с массовых стачек и гапонады, то в 1912 году, несмотря на полицейский разгром организаций нашей партии, движение начинается с массовых стачек и *поднятия республиканского знамени!*» [1].

В период нового революционного подъема В. И. Ленин поставил вопрос о создании массовой рабочей газеты. Передовые питерские рабочие поддержали эту инициативу, организовав денежные сборы в фонд газеты на заводах и фабриках

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 350.

столицы. 22 апреля (5 мая) 1912 г. вышел первый номер газеты «Правда».

«Правдой» руководил В. И. Ленин, который переехал из Парижа в Краков, поближе к русской границе. Как вспоминала Н. К. Крупская, «чуть ли не ежедневно писал Ильич в «Правду» статьи, посылал туда письма, следил за работой «Правды», вербовал для нее сотрудников»[1]. По последним данным, в «Правде» было опубликовано 284 работы В. И. Ленина.

Активную работу в редакции «Правды» вели М. С. Ольминский, К. С. Еремеев, Н. Г. Полетаев, Н. Н. Батурин, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. К. Крупская, Н. И. Подвойский, М. А. Савельев, К. Н. Самойлова, Н. А. Скрыпник. В газете сотрудничали М. Горький и Демьян Бедный.

Материалы о жизни трудящихся и рабочем движении, подготовленные самими рабочими, занимали $^3/_4$ всей газеты. Обычно такие корреспонденции заканчивались призывом бороться за свои права, организовываться в профессиональные союзы и читать свою рабочую газету «Правда».

«Правда» возглавляла и направляла нелегальную деятельность партийных организаций всей страны. Там, где появлялась «Правда», возникали рабочие группы правдистов, а затем и нелегальные большевистские организации.

С 22 апреля 1912 г. по 8 июля 1914 г. «Правда» 8 раз закрывалась, но вновь выходила под другим названием: «Рабочая правда», «Северная правда» и т. п. Из всех вышедших в 1912—1914 гг. 636 номеров 152 были конфискованы, 35 оштрафованы. Средний тираж газеты составлял 40 тыс., а в юбилейные дни и в дни рабочих праздников —100—130 тыс. экземпляров.

«Правда» явилась организатором и руководителем всей легальной большевистской печати в 1912—1914 гг. — газеты «Наш путь» в Москве, журналов «Вопросы страхования», «Работница».

«Правда» решительно разоблачала ликвидаторов и троцкистов как пособников буржуазии, вела неустанную борьбу за единство рабочего класса. Она воспитала целое поколение революционных рабочих, активных деятелей Великой Октябрьской социалистической революции.

Революционная стачка снова, как и в 1905 г., поставила пролетариат во главе общенародного движения. «Прошло уже, к счастью для России, то время, — писал В. И. Ленин в 1913 г., — когда некому было «идти в народ», кроме геройских одиночек-народников... Революционный пролетариат в пятом году нашел себе иной «путь в народ», иное средство втягивать в движение массы.

Это средство — революционная стачка...»[2].

---

[1] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1972, стр. 203.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 286.

Вести о стачках и демонстрациях, об общедемократических требованиях рабочих доходили до деревни, поднимая крестьян на революционную борьбу. В 1912 г. произошло 160 крестьянских выступлений против 113 в 1911 г. Наиболее распространенной формой крестьянской борьбы оставались выступления против помещиков (42%), на втором месте были выступления против столыпинской реформы (32%). Борьба крестьян за землю неизбежно перерастала в борьбу против царских властей, стоявших на страже интересов помещиков и богатых хуторян. Вследствие развития капитализма в земледелии в крестьянском движении возрос удельный вес выступлений сельскохозяйственных рабочих. В 1910 г. они составляли 3%, а в 1912 г. уже 8% всех выступлений крестьян.

Партия большевиков стремилась направить стихийное движение крестьянских масс в русло сознательной борьбы против царизма и помещичьего землевладения. «Правда» печатала корреспонденции о тяжелой жизни трудящегося крестьянства и батраков, призывала их к борьбе с помещиками и кулаками.

Массовый подъем рабочего движения в стране оказал влияние и на настроение армии. В. И. Ленин указывал, что «массовые стачки не могли не зажечь *повсюду* революционного пламени. И вспышки восстания в войсках *доказали,* что это пламя загорается,— *везде* есть горючий материал,— *везде* накопляется революционное настроение в массах, даже у тех рабочих и крестьян, которые задавлены муштрой казармы» [1].

В начале 1912 г. в Балтийском флоте не было ни одного крупного корабля, где бы большевики не вели подпольной работы и где бы не было революционного кружка матросов. На судах были созданы кассы для приобретения нелегальной литературы и оружия. Ленские события подняли боевой дух моряков. Рассчитывая на поддержку питерских рабочих, представители кораблей на своей сходке решили назначить восстание на 24 апреля — день выхода флота в летнее плавание. Но это выступление было предупреждено арестами.

Одновременно с балтийцами весной 1912 г. намечали поднять вооруженное восстание и черноморцы. Однако по доносу провокатора революционная организация на линкоре «Иоанн Златоуст» была раскрыта. В октябре 1912 г. состоялся суд над революционными матросами Черноморского флота: 10 человек были казнены, 111 приговорены к каторжным работам. В знак протеста против смертного приговора черноморским матросам в Петербурге, Москве, Риге, Николаеве и других городах состоялись массовые политические стачки, в которых приняло участие 250 тыс. рабочих.

Летом 1912 г. произошло восстание саперов в Троицких лагерях под Ташкентом. Перед восстанием было устроено несколь-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 3.

ко нелегальных сходок, на которых солдаты много говорили о кровавых ленских событиях, о забастовках в Центральной России и о необходимости дождаться удобного момента, чтобы со своей стороны поддержать революционное движение рабочих. На одной из сходок были выработаны требования: сокращение сроков военной службы, прекращение грубого обращения офицеров с солдатами, облегчение тяжелых условий лагерных занятий. Среди солдат распространялось написанное карандашом воззвание, в котором не было ясных политических лозунгов и конечные цели восстания были выражены весьма туманно. Воззвание призывало солдат разбить «крепости и тюрьмы» угнетателей и открыть дорогу к «светлой свободе» и «правде на земле».

Командование через свою агентуру узнало о брожении среди саперов. Был усилен надзор за солдатами, назначены патрули на дорогах, ведущих в лагерь, у пирамид с винтовками установлены ночные дежурства младших офицеров.

Восстание началось 1 июля после вечерней поверки. Несколько офицеров было убито. Но восставших не поддержали остальные войска, находившиеся в лагере. Лишенное политического и организационного руководства, восстание было подавлено в тот же день. По приговору военного суда 14 активных участников восстания были повешены.

Революционные выступления народных масс показали, что назревали условия для перехода к высшей форме борьбы — к всенародному вооруженному восстанию против царизма.

Осенью 1912 г. происходили выборы в IV Думу.

Царское правительство и правые партии стремились не допустить обострения внутриполитической обстановки в связи с выборами, провести их по возможности «бесшумно» и с помощью «нажима» на закон сохранить и даже усилить свои позиции в Думе. Крайние правые шли еще дальше: они не скрывали, что их устроила бы такая Дума, которая сама будет «бить челом» царю об изменении «Основных законов» и превращении Думы из законодательной в совещательное учреждение.

Буржуазная оппозиция во главе с кадетами использовала выборную кампанию для распространения конституционных иллюзий. Кадеты утверждали, что на выборах будут стоять друг против друга только два лагеря — врагов «конституции» и ее защитников. Для спасения «конституции» (третьеиюньской!) кадеты призывали население сплотиться на выборах вокруг их партии. Теряя сами веру в возможность мирной эволюции, либералы обманывали избирателей, заявляя, что победа либеральной оппозиции обеспечит мирное обновление государственного строя.

Эту точку зрения о двух лагерях — дворянской реакции и сторонников «конституционного» развития России — разделяли и меньшевики-ликвидаторы. Подобно кадетам, они использовали

избирательную кампанию для прославления «конституционных» реформ и отказа от революции. С этой целью ликвидаторы пытались умалить значение начавшегося революционного подъема. Массовые апрельско-майские забастовки 1912 г. они презрительно называли «стачечным азартом», а восстания в армии и флоте — «вспышками отчаяния и безнадежного протеста». Революционную борьбу пролетариата ликвидаторы пытались подменить подачей в Государственную думу прошений о «свободе коалиций» и других частичных реформах. Из своей избирательной платформы они исключили основные требования программы-минимум РСДРП — лозунги демократической республики и конфискации помещичьей земли, заменив их лозунгами всеобщего избирательного права и пересмотра аграрного законодательства III Думы.

Большевики считали, что на выборах будут бороться не два, а три основных лагеря: черносотенцы, либералы и демократы. Избирательная платформа большевистской партии разъясняла безнадежность реформ при сохранении царизма и ставила ближайшей задачей завоевание демократической республики силами пролетариата и крестьянства.

Царское правительство начало предвыборную кампанию еще в начале 1912 г. Министр внутренних дел А. А. Макаров 12 января предложил губернаторам сообщить, в какой мере можно ожидать благоприятных для правительства результатов выборов и не предвидится ли опасности, что в члены Думы могут быть избраны левые. Из губернаторских донесений выяснилось, что черносотенные союзы, за исключением Курской и Волынской губерний, не могут оказать какого бы то ни было влияния на исход выборов. Не лучше были шансы и октябристов. Банкротство столыпинской политики «успокоения» в сильнейшей степени дискредитировало октябристов, которые отличались невероятным угодничеством и податливостью перед реакцией. На дополнительных выборах в III Думу от первой городской курии в Москве, Петербурге и Киеве они потерпели поражение.

Как известно, исход выборов в Государственную думу зависел от состава избирателей по землевладельческой курии. Между тем рост оппозиционных настроений среди помещиков в связи с крахом столыпинской политики «успокоения» ослаблял шансы реакционных элементов в этой курии. Для проведения в Думу своих ставленников правительство решило опереться на православное духовенство, участвовавшее в уездных съездах землевладельцев в качестве уполномоченных от мелких землевладельцев. Обер-прокурор Синода В. К. Саблер разослал архиереям секретную инструкцию о «руководстве сельским духовенством в деле предстоящих выборов в Государственную думу на всех ступенях в соответствии с предположениями местных губернских начальников». При Синоде было создано предвыборное бюро, действовавшее через посредство консисторий, епархиальных и благочинни-

ческих съездов духовенства. Священники должны были под угрозой взысканий явиться на выборы и голосовать непременно за правых кандидатов. Вначале у Макарова и Саблера был план образовать «фиолетовую» Думу, в которой было бы по меньшей мере 200 попов и два десятка епископов. Но это вызвало недовольство дворян, усмотревших в «игре на попов» покушение на их политическое господство. Под давлением «Совета объединенного дворянства» на места были посланы новые инструкции, согласно которым архиереи разрешали баллотироваться в члены Думы от губернии одному-двум священникам. Духовенству теперь предназначалась роль фильтра, через который должны были пройти лишь угодные правительству кандидаты из крупных землевладельцев. Мобилизация духовенства оправдала расчеты правительства, но грубая фальсификация выборов с помощью голосующих по команде попов подрывала всякое доверие населения к новой Думе.

Как и следовало ожидать, октябристы по первой городской курии потерпели поражение. Перворазрядные избиратели предпочли отдать свои голоса кадетам и прогрессистам. В Москве был забаллотирован Гучков, за которым на выборах 1907 г. капиталисты шли как за знаменем.

Во второй городской курии, особенно в городах с отдельным представительством, выборы стали ареной борьбы между социал-демократами и кадетами, часто маскировавшимися под «беспартийных прогрессистов». Кадеты считали эту курию своей вотчиной. Действительно, на выборах в III Думу во второй городской курии они шли впереди всех других партий. Это давало им известное право выступать от имени народа. На самом же деле кадеты не имели прочной опоры в демократических слоях и сами уподобляли свою партию растению с корнями в воздухе. По словам Ленина, кадеты вели за собой второразрядных городских избирателей, *«прямо обманывая* их, выдавая себя, либерально-монархическую буржуазную партию, за демократию»[1]. Поэтому Ленин считал, что социал-демократы могут отвоевать у кадетов вторую городскую курию.

Вследствие запрещения подготовительных собраний в рабочей и крестьянской куриях вторая городская курия была единственной из демократических курий, где имелась некоторая возможность вести легально предвыборную агитацию. Большевики использовали выборы по этой курии для политического воспитания народа, для освобождения его от конституционных иллюзий. Первостепенное значение имели выборы в Петербурге, где при помощи газет «Звезда» и «Правда» можно было развернуть широкую политическую кампанию.

На предвыборных собраниях кадеты варьировали мысль о нежелательности «движения в форме 1905 г.». Они обвиняли рабо-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 378.

чих в том, что, действуя силой, они и сами ничего не добились, и других ослабили. Кадетский кандидат В. А. Маклаков обвинил «руководителей пролетариата» в том, что они своим «необузданным максимализмом» запугали буржуазные верхи и тем «подрезали крылья народившейся свободе»[1]. В Москве на одном из собраний в ответ на слова Милюкова, что он еще не изверился в мирное обновление России, социал-демократический оратор при общем сочувствии аудитории заявил: «Пусть кадеты верят в какое-то просветление сверху. Мы будем верить только в народ»[2].

Результаты выборов по второй городской курии свидетельствовали о сдвиге мелкобуржуазного избирателя в сторону социал-демократов. Последние выставили своих кандидатов в 53 городах, причем в 32 городах одержали победу. В Петербурге социал-демократы собрали почти 20% всех голосов против 9% в 1907 г. Еще заметнее был их успех в Москве. По сравнению с выборами в III Думу здесь все партии потеряли голоса, кроме социал-демократов, которые получили 6 тыс. новых голосов. Успех социал-демократов во второй городской курии был бы еще значительнее, если бы не раскольническая тактика меньшевиков, негласно поддерживавших кадетов. Кадеты были обеспокоены успехами социал-демократов. В Москве на банкете «победителей» 19 октября Н. Н. Щепкин говорил: «Одержанная нами победа показывает, что для нас есть опасность разрыва с Москвою, в которой явно что-то переменилось. На смену нам идет новое поколение, и я боюсь, что у нас не хватит сил поддержать связь с ним. Москва делается все более и более демократичною»[3].

Выборы по крестьянской курии показали, что крестьяне питают неискоренимую ненависть к помещикам. В 13 губерниях, не считая Кавказа и Сибири, в выборщики по этой курии прошли социал-демократы. Если бы обязательный депутат от крестьянской курии выбирался самими крестьянами, как это было на выборах в I и II Государственные думы, то от этой курии почти во всех губерниях прошли бы демократические депутаты. Но третьеиюньский избирательный закон предоставил право выборов обязательного депутата не самим крестьянам, а губернскому избирательному собранию, в котором перевес имели помещики и буржуазия. Пользуясь отсутствием единодушия и организованности среди крестьянских выборщиков, помещичье-буржуазное большинство этого собрания проводило в члены Государственной думы от крестьянской курии кулаков, торговцев и т. п. В результате из 74 крестьянских депутатов правых было 38, октябристов — 13, прогрессистов — 9, кадетов — 7, буржуазных националистов — 3 и трудовиков — только 4. Надо, впрочем, иметь в виду, что принадлежность депутатов-крестьян к той или иной

[1] «Русские ведомости», 14 октября 1912 г.
[2] «Русское слово», 2 октября 1912 г.
[3] «Русское слово», 20 октября 1912 г.

думской фракции еще не определяла их действительных убеждений. Например, об избранных от Волынской губернии крестьянских депутатах губернатор сообщал министру внутренних дел, что хотя они и правые, но «при разрешении вопросов, связанных с владением землей, они готовы будут при голосовании примкнуть к оппозиции» [1].

Избирательная кампания по рабочей курии проходила под неослабным полицейским наблюдением. Для правительства было чрезвычайно важно расколоть рабочих, не допустить их сплочения и сознательного отношения к выборам. Кроме запрещения предвыборной социал-демократической агитации, этой цели должны были служить массовые репрессии, когда десятки и сотни передовых рабочих, особенно кандидатов в уполномоченные, подвергались обыскам, арестам и высылке. Однако, несмотря на все усилия царских властей, выборы вызвали среди рабочих значительный подъем.

В рабочей курии борьба шла исключительно между большевиками и ликвидаторами. Октябристы и кадеты даже не показывались на рабочих собраниях. Меньшевики, не решаясь выступать перед рабочими со своей оппортунистической платформой, требовали объединения «не на программах, а на лицах», т. е. хотели подменить обсуждение политических платформ оценкой личных качеств кандидатов. Обходя вопрос о лозунгах избирательной кампании и лицемерно взывая к «единству», ликвидаторы пытались контрабандой протащить своих кандидатов в выборщики, а затем и в депутаты Государственной думы.

По сравнению с выборами в III Думу активность рабочих на выборах 1912 г. была гораздо выше. За годы столыпинской реакции многие крупнейшие заводы стали оплотом большевиков, что и сказалось на результатах выборов в IV Думу. На Путиловском заводе в Петербурге на выборы уполномоченных из 9 тыс. избирателей явилось больше половины. В уполномоченные было избрано 7 большевиков и 2 сочувствующих им. На многих собраниях уже после выборов рабочие принимали политические резолюции, в которых выражали протест против государственного переворота 3 июня 1907 г., клеймили антинародную деятельность III Думы.

Правительство пыталось повлиять на исход выборов по рабочей курии посредством незаконной кассации выборов левых уполномоченных. В Петербурге перед самым съездом уполномоченных уездная избирательная комиссия признала недействительными выборы уполномоченных на 30 предприятиях. Это вызвало решительный отпор со стороны рабочих. По призыву Петербургского комитета РСДРП с 5 по 14 октября бастовало около 100 тыс. человек. Из солидарности бастовали и рабочие тех предприятий, где выборы уполномоченных не были отмене-

[1] ЦГИА СССР, ф. 1430, оп. 1, д. 17, л. 65.

ны. Царские власти, напуганные размахом движения, отступили, назначив новые выборы.

Петербургским комитетом РСДРП был издан «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», который единодушно принимался на собраниях рабочих крупнейших заводов столицы. «Наказ», в основе которого лежали решения Пражской конференции, призывал социал-демократических депутатов высоко держать революционно-интернационалистское знамя рабочего класса во враждебном ему лагере черносотенной Думы. «Мы бы хотели, — говорилось в «Наказе», — чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса членов социал-демократической фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе как вожде народного движения, о крестьянстве как наиболее надежном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии как изменнице «народной свободе».

Стойко отражали попытки царской администрации фальсифицировать выборы и рабочие в провинции. В Перми, на Мотовилихинских пушечных заводах, где в уполномоченные прошли исключительно большевики, выборы отменялись дважды, однако и на третьих выборах были избраны те же самые люди, что и в первый раз. Необычайная сплоченность рабочих вызывала изумление у царских сатрапов. Нижегородский губернатор А. Н. Хвостов писал министру внутренних дел: «Подтверждением того, насколько организованы рабочие социал-демократической партии, может служить то свидетельство, что как на первых выборах уполномоченных от рабочих сормовских заводов 20 сентября, затем отмененных, так и при вторичных, бывших 9 октября, были избраны не только одни и те же лица, принадлежащие по своим убеждениям к социал-демократической партии, но почти каждый из них в отдельности получал одно и то же число голосов» [1].

Почти повсеместно в уполномоченные и выборщики по рабочей курии прошли социал-демократы или сочувствующие им. Из общего числа уполномоченных (свыше 3500) социал-демократов было избрано 80%. Из 133 выборщиков 119 были социал-демократами. В шести промышленных губерниях, от которых по закону полагалось по одному обязательному депутату от рабочих, были избраны члены большевистской партии: от Петербургской — А. Е. Бадаев, от Владимирской — Ф. Н. Самойлов, от Костромской — Н. Р. Шагов, от Харьковской — М. Е. Муранов, от Екатеринославской — Г. И. Петровский и от Московской — Р. В. Малиновский, разоблаченный впоследствии как провокатор [2].

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1430, оп. 1, д. 218, л. 145.

[2] По воспоминаниям Г. И. Петровского, С. Орджоникидзе говорил ему, что В. И. Ленин «предлагал на Пражской конференции не выбирать Малиновского в ЦК и в депутаты, но мы не послушались его — голосовали за Малиновского и «сели в галошу». «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 169.

Меньшевики прошли по рабочей курии в Уфимской губернии (В. И. Хаустов) и Таврической (А. Ф. Бурьянов), а также в Области войска Донского (Н. Н. Туляков) благодаря поддержке их либеральным большинством на губернском избирательном собрании. Все они на выборах выступали за программу большевиков и только в Думе объявили себя меньшевиками.

В финальной стадии выборов — в губернских избирательных собраниях — из 51 губернии Европейской России в 20 абсолютное большинство получили крайние правые, в 8 — националисты, в 1 губернии — октябристы, в 8 — оппозиция, в 14 ни правые, ни оппозиционные выборщики не имели большинства, и исход выборов решался голосами октябристов. По сравнению с 1907 г. правые отвоевали 5 губерний у оппозиции и 9 у октябристов.

В целом выборы 1912 г. отразили назревание общенационального политического кризиса. Об этом свидетельствовала не только победа большевиков в рабочей курии, но и успехи социал-демократов во второй городской курии за счет кадетов. Поражение октябристов в первой городской курии показало, что третьеиюньская система зашла в тупик, не удовлетворив даже крупную буржуазию.

По партийному составу IV Дума мало отличалась от своей предшественницы, что видно из следующей таблицы.

Партийный состав III и IV Государственной думы

Наименование фракций	Количество депутатов	
	III Дума (1912)	IV Дума (1-я сессия)
Правые	46	64
Националисты и умеренно-правые	91	88
Партия центра	—	32
Октябристы	131	99
Польское коло	11	9
Польско-литовско-белорусская группа	7	6
Мусульманская группа	9	6
Прогрессисты	36	47
Кадеты	52	58
Трудовики	14	10
Социал-демократы	14	14
Беспартийные	26	5
Итого:	437	438

За счет октябристов усилились черносотенцы, прогрессисты и отчасти кадеты. Но усиление правого крыла уравновешивалось «полевением» буржуазных фракций.

В IV Думе, как и в III, были возможны два большинства: право-октябристское — 283 депутата (184 черносотенца и 99 октябристов) и октябристско-кадетское — 225 депутатов (99 октябристов, 47 прогрессистов, 58 кадетов и 21 буржуазный националист).

Из части националистов П. Н. Крупенский по поручению Коковцова образовал партию центра, задачей которой было создание «работоспособного» большинства от левых националистов до правых кадетов. В свою очередь прогрессисты и правые кадеты питали надежды на переход октябристов в оппозицию.

15 ноября октябристско-кадетским большинством председателем IV Думы был избран М. В. Родзянко. Во вступительном слове Родзянко сказал: «Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах». Но стоило правительству пригрозить, что Дума не может существовать при условии блока октябристов с оппозицией и что вся ответственность за роспуск Думы ляжет на октябристов, как последние струсили и шарахнулись вправо: они уступили националистам председательство в важнейших думских комиссиях — военно-морской, финансовой, по запросам, народному образованию.

Октябристы и в IV Думе остались верны себе, предпочитая не связывать себя блоками и соглашениями. Даже последовавший в конце 1913 г. раскол октябристской фракции (выход из нее левых и правых октябристов) не изменил соотношения сил в Думе. Отколовшиеся в равной мере усилили черносотенный и либеральный фланги, исход же голосований зависел от центральной группы октябристов — земцев-октябристов, которая попеременно отдавала свои голоса черносотенцам или либералам.

В ноябре 1912 г. оформилась национал-либеральная и откровенно веховская партия прогрессистов. Ядро новой партии составила группа прогрессистов в III Думе, образовавшаяся из мирнообновленцев и выросшая (главным образом за счет октябристов) с 28 депутатов в 1907 г. до 37 в 1912 г. Перед выборами в IV Думу на собраниях общественных деятелей в Москве и Петербурге были избраны «внепартийные комитеты» прогрессивных избирателей, переименованные на съезде 11—13 ноября 1912 г. в ЦК партии прогрессистов. Учредителями партии были текстильные фабриканты А. И. Коновалов, В. П. и П. П. Рябушинские, С. Н. Третьяков, С. И. Четвериков и земские деятели И. Н. Ефремов, Д. Н. Шипов, М. М. Ковалевский.

Главное свое назначение прогрессисты видели в том, чтобы служить «мостом» между октябристами и кадетами, стремясь к слиянию их в единую «деловую» партию русской буржуазии. Выражая интересы крупного капитала более прямолинейно, чем октябристы, они были недовольны, что в «Союзе 17 октября» был

слишком силен помещичий элемент, а партия до бессилия покладиста. В то же время кадетские лозунги о всеобщем избирательном праве и принудительном отчуждении частновладельческих земель (хотя бы и за выкуп) казались прогрессистам рискованной демагогией. Они добивались цензовой конституции, но с политической ответственностью министров перед законодательными учреждениями. Прогрессисты требовали отмены «Положения об усиленной и чрезвычайной охране», изменения закона 3 июня о выборах, расширения прав Думы и реформы Государственного совета, отмены сословных ограничений и привилегий, независимости городского и земского самоуправлений от административной опеки и расширения их компетенции.

Представляя национальную буржуазию, прогрессисты жаловались на «заигрывание правительства с Западом в ущерб нашей самобытности». Они хотели сильной власти, которая могла бы обеспечить новые рынки для отечественной промышленности, в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке. Свои империалистические вожделения прогрессисты маскировали знаменем неославизма.

В IV Думе при посредничестве прогрессистов либеральное большинство складывалось чаще, чем в III Думе. В декабре 1912 г. IV Дума приняла формулу прогрессистов, призывавшую правительство вступить на путь осуществления манифеста 17 октября.

Страна левела, и, страшась этого полевения, либералы возобновляют свою игру в «левизну». В декабре 1912 г. кадеты внесли в Государственную думу целый ворох так называемых декларативных законопроектов — о свободе совести, печати, союзов, о неприкосновенности личности, причем самой крупной картой в кадетской игре был законопроект об изменении положения о выборах в Думу на началах всеобщего голосования. Внося подобные проекты, кадетская партия меньше всего преследовала практические цели [1], а хотела оживить конституционные иллюзии, возродить веру в Думу как эмблему мирного обновления страны и тем отвлечь массы от революционной борьбы.

Разоблачая демагогию кадетов, «Правда» от 8 февраля 1913 г. писала: «Контрреволюционные либералы (каковыми на деле являются кадеты) при современной политической сознательности рабочей и крестьянской демократии могут лицемерно болтать о всеобщем избирательном праве. Но бороться за него они не могут и не будут... Ни одна политическая группа не берет всерьез кадетского жеста насчет всеобщего избирательного права. Все отлично понимают, что это одна игра, одна бравада, что

---

[1] На заседании ЦК кадетов 7 ноября 1912 г. В. Д. Набоков заявил: «Конечно, ни о каких ближайших практических целях здесь не может быть и речи,— дело идет лишь о провозглашении лозунга». ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 150.

кадеты вносят этот законопроект только потому, что уверены в провале его 4-й Думой».

Поддержание конституционных иллюзий было обязательно для либеральной буржуазии, так как у нее не было альтернативы третьеиюньскому политическому курсу: она не видела в тогдашней России реформистских возможностей из-за необычайной остроты и глубины классовых противоречий. На заседании ЦК кадетской партии 24 мая 1913 г. Милюков признал, что «мостик к мирному исходу совсем разрушен» и что «другого исхода, кроме насильственного, при безоглядно-реакционном направлении правительства нет»[1]. Действительно, в условиях России даже умереннейшие реформы лили воду на мельницу революции. Как уже упоминалось, страховые законы 1912 г. были задуманы с целью «внести некоторое успокоение в рабочие массы». На деле же страховая кампания была успешно использована большевиками для мобилизации пролетариата на борьбу против царизма и буржуазии. Завоевав больничные кассы крупнейших предприятий, большевики превратили их в опорные пункты для революционной работы. То же произошло со многими профсоюзами и другими легальными рабочими организациями. Когда октябристы внесли в IV Думу законопроект об изменении порядка выборов земских гласных (уничтожение сословного деления избирателей и понижение земельного ценза наполовину), прогрессист, князь Е. Н. Трубецкой высказал опасения, что в состав избирателей войдут лица, которые могут не пустить в земство «культурный элемент»[2].

5. Национально-освободительное движение. Борьба пролетариата против буржуазного национализма. В связи с подъемом демократического движения в России царское правительство усиливает политику натравливания одной нации на другую, пытаясь отвлечь трудящихся угнетенных наций от революционной борьбы. На первом плане в этой политике было разжигание антисемитизма. Царские власти организовали в Киеве провокационный процесс над М. Бейлисом, обвиненным на основании фальшивых улик в убийстве русского мальчика в ритуальных целях. Однако присяжные заседатели вынесли Бейлису оправдательный приговор.

Великодержавный шовинизм встречал поддержку со стороны русской буржуазии. Один из главных идеологов русского либерализма — Струве вел шовинистическую травлю украинцев за «сепаратизм». Он вообще считал все национальное движение, с одной стороны, «выдуманным» и «искусственным», а с другой — «крайне опасным» для «единства» общерусской культуры[3]. «До 1905 года,— писал В. И. Ленин,— мы знали почти

[1] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 14, л. 61.

[2] РОБИЛ, ф. 171, картон 8, ед. хр. 1б.

[3] См.: Н. А. Гредескул. Россия и ее народы. «Великая» Россия, как программа разрешения национального вопроса в России. Пг., 1916, стр. 53—54.

только национал-реакционеров. После революции у нас народились *национал-либералы.*

На этой позиции стоят у нас фактически и октябристы и кадеты (Кокошкин), т. е. вся современная буржуазия»[1].

Разгул великодержавного шовинизма усиливал националистические тенденции среди буржуазии угнетенных национальностей. Свои классовые притязания в конкурентной борьбе против буржуазии господствующей нации местная буржуазия прикрывала «общенациональными» лозунгами. Исходя из реакционной идеи «общности судьбы» и «гармонии классовых интересов» буржуазии и пролетариата угнетенной нации, буржуазные и мелкобуржуазные националистические партии (Бунд, «Дашнакцутюн», «Мусават» и др.) выдвинули лозунг «культурно-национальной автономии». Они требовали, в частности, разделения по национальному признаку школьного дела.

Призывая к «классовому миру» и «единству нации», польские народовцы, дашнаки, мусаватисты, грузинские социал-федератисты вербовали из деклассированных элементов преступные банды, которые срывали забастовки, избивали стачечников, убивали из-за угла рабочих-активистов. Вместе с тем националисты использовали недовольство масс национальным гнетом, чтобы возбудить у трудящихся своей нации чувство вражды к русскому народу, отождествляя его интересы с интересами царизма.

Страх национальной буржуазии перед революционным движением местного пролетариата, а также заинтересованность в общероссийском рынке толкали ее на путь самых реакционных, антинародных сделок с русской буржуазией и царизмом. Примером может служить законопроект о преобразовании управления городов в польских губерниях. В основу его был положен высокий избирательный ценз и принцип национальных курий, направленный на обострение отношений между поляками и евреями. Этот законопроект был поддержан польским коло и одобрен IV Думой. Однако беспредельная угодливость польских националистов не принесла им желанных плодов. Государственный совет отверг предусмотренное законопроектом допущение польского языка в городских думах. Это повлекло за собой отклонение законопроекта в целом.

В условиях нарастающего революционного подъема, во главе которого шел русский пролетариат, зажиточные слои угнетенных наций усомнились в силах царизма обеспечить охрану их земельной собственности и капиталов. Поэтому, выражая верноподданнические чувства и раболепствуя перед царем, буржуазные националисты в то же время ориентировались на внешние империалистические силы. Часть польских националистов во главе с Ю. Пилсудским, предавая коренные интересы своего народа, хотела восстановления Польши под скипетром австрий-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 318.

ских Габсбургов. Украинские буржуазные националисты рассматривали Галицию как центр украинского национального возрождения. Они создали шпионский «Союз освобождения Украины», действовавший на средства австро-венгерского генерального штаба. Возникшая в 1911 г. в Баку буржуазно-помещичья националистическая партия «Мусават» («Равенство») поддерживала тесные связи с младотурками и вела пропаганду пантюркизма, требовавшего объединения всех мусульманских народов в одно государство под эгидой Турции.

Большевистская партия вела борьбу на два фронта: против великодержавного шовинизма черносотенного царизма и русской буржуазии и против местного буржуазного национализма. Важнейшее значение в этом отношении имели статьи В. И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу» и «О праве наций на самоопределение», где марксистская теория, программа и тактика партии по национальному вопросу получили свое дальнейшее развитие. В. И. Ленин показал, что в каждой национальной культуре есть две национальные культуры: «Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» [1]. Борясь с первого рода «культурой», рабочие угнетенных наций должны использовать всякую возможность общения с русским сознательным рабочим, с его литературой и движением. В свою очередь пролетариат господствующей нации должен отстаивать право угнетенных народов на полное равноправие и политическую самостоятельность. Только таким путем может быть обеспечено интернациональное единство рабочего класса, без которого невозможно освобождение ни самого русского пролетариата, ни угнетенных наций России.

Краковское и Поронинское совещания ЦК РСДРП осудили оппортунистический лозунг «культурно-национальной автономии» и призвали всех рабочих России без различия национальности к самому тесному сплочению и слиянию в единых пролетарских организациях. В то же время было подтверждено, что партия должна защищать право угнетенных наций на полное самоопределение.

В борьбе против национальной политики царизма и местного национализма большевистская партия успешно использовала думскую трибуну. Петровский на заседании Государственной думы 20 мая 1913 г. произнес речь, проект которой был написан Лениным. В ней клеймились царская политика национального гнета и идейная поддержка этой политики русскими националлибералами. Вместе с тем разоблачалось и лицемерие местных буржуазных националистов, особенно польских народовцев, которые в Государственной думе жаловались на национальное уг-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

нетение, а у себя дома травили евреев, литовцев, белорусов и украинцев. Эта речь вызвала многочисленные отклики в виде телеграмм и петиций, в которых содержались приветствия рабочим-депутатам, возвысившим свой голос в защиту попранных прав угнетенных народов. Екатеринославские рабочие в своем «Наказе» Г. И. Петровскому уполномочили его добиваться школы с преподаванием на родном языке, допущения украинского языка в суде и административных учреждениях, а также свободы деятельности украинских культурно-просветительных организаций.

В разоблачении кавказских буржуазных националистов видное место принадлежало С. Г. Шаумяну. В 1913 г. он опубликовал брошюру «О национально-культурной автономии», в которой показал реакционную сущность этого лозунга. В Баку против мусаватистов активно боролась организация «Гуммет», работавшая под руководством Бакинского комитета РСДРП среди азербайджанского населения. Большевики Закавказья отстаивали принцип интернационализма в построении единых организаций рабочего класса.

Интернациональная дружба рабочих всех наций России ярко проявилась в стачках солидарности. Ленский расстрел вызвал широкую волну стачек и демонстраций рабочих и демократического студенчества в Риге, Польше, на Украине. В 1913 г. 15 тыс. рабочих Риги ответили забастовкой на привлечение к суду бастующих рабочих Обуховского завода в Петербурге.

Празднование в 1914 г. 100-летия со дня рождения Т. Г. Шевченко вылилось во внушительную демонстрацию против национального гнета. «Правда» призвала рабочих протестовать против запрещения царского правительства чествовать память великого украинского поэта. Большевистская фракция IV Думы внесла запрос о незаконности запрещения празднования юбилея Шевченко. В Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Полтаве, Тифлисе призывы большевиков были поддержаны стачками, митингами и демонстрациями рабочих и революционно настроенных студентов.

6. Общенациональный политический кризис. В. И. Ленин, пристально следивший за политическим положением внутри России, уже в июне 1913 г. пришел к выводу о наличии в ней политического кризиса общенационального масштаба [1]. Определяющим в развитии этого кризиса был неуклонный рост массовых революционных стачек. С апреля 1912 г. по май 1913 г. число забастовщиков в фабрично-заводской промышленности составило 1 млн. 92 тыс. человек, а с июня 1913 г. по июль 1914 г. — 1 млн. 746 тыс. (увеличение на 62%) [2]. Стачечное движение охватило районы, прежде не участвовавшие активно в движении:

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 300.

[2] Подсчитано по «Сводам отчетов фабричных инспекторов» за 1912, 1913 и 1914 гг.

Баку и Чиатуры, Донбасс, Центрально-Промышленный район, Урал. Первое место, однако, удерживал Петербург. Рабочие столицы, составляющие 10—11% от общего числа фабрично-заводских рабочих страны, дали в 1912 и 1913 гг. 40%, а в 1914 г. — даже больше половины (54%) всех забастовщиков в России. Исключительная активность петербургских рабочих объяснялась значительным удельным весом среди них квалифицированных металлистов, сконцентрированных на машиностроительных заводах-гигантах и отличавшихся сравнительно высоким уровнем культурного развития и большим опытом классовой борьбы.

В связи с вовлечением в стачечную борьбу новых слоев рабочих по сравнению с апрелем 1912 г. — маем 1913 г. за июнь 1913 г. — июль 1914 г. несколько возрос удельный вес участников экономических стачек (с 26 до 30%). Переплетение экономической и политической борьбы расширяло базу рабочего движения и придавало массовым стачкам особую революционную силу. Через экономические стачки в революционное движение втягивались наиболее забитые и отсталые слои пролетариата, а рост политического сознания в свою очередь увеличивал энергию экономической борьбы. Поэтому моменты наивысшего подъема политических стачек почти всегда совпадали с подъемом экономической борьбы.

Наметившаяся с лета 1913 г. новая полоса подъема экономической борьбы рабочих отличалась не только большим размахом, но и изумительной стойкостью и организованностью. 102 дня бастовала тысяча рабочих завода «Новый Лесснер» в Петербурге, требуя увольнения мастера, клеветнически обвинившего одного молодого рабочего в воровстве. В 1913—1914 гг. дважды, в общей сложности 130 дней, бастовал многотысячный коллектив Обуховского сталелитейного завода в знак протеста против увольнения рабочих и увеличения рабочего дня. В июле — августе 1913 г. 45 дней бастовали рабочие судостроительного завода «Наваль» в Николаеве.

Такие упорные и длительные стачки стали возможными только благодаря пролетарской солидарности. Во время забастовки новолесснеровцев рабочие других предприятий столицы проводили бойкот завода «Новый Лесснер». Когда прибывшие в Николаев 1500 сормовских рабочих узнали, что им предстоит занять места уволенных судостроителей, они из чувства солидарности отказались от работы и уехали обратно. В сентябре 1913 г. в знак солидарности с бастующими трамвайщиками московские рабочие объявили однодневную забастовку. То же сделали и петербургские рабочие.

Огромная заслуга в усилении забастовочного движения принадлежала «Правде». Она была всероссийской рабочей трибуной. Только за первый год своего существования «Правда» напечатала 2405 корреспонденций о стачках, на второй год —5522. «Правда» публиковала требования бастующих и ответы адми-

нистрации, отчеты о денежных сборах, сообщения об арестах забастовщиков, имена штрейкбрехеров и т. д.

Не только в традиционные дни массовых политических стачек и демонстраций — 9 января, 4 апреля, 1 мая, но и в выступлениях по самым различным вопросам политической жизни страны отмечалась согласованность в действиях рабочих крупнейших городов России. В июне 1913 г. однодневные стачки петербургских рабочих в знак протеста против суда над 52 матросами Балтийского флота, обвиненными в подготовке восстания, перекинулись из Петербурга в Москву, Ригу, Ревель. По всей стране бастовало 100 тыс. человек. Царский суд не посмел вынести по этому делу ни одного смертного приговора. Политические стачки 1—3 июля 1913 г. по поводу преследований рабочей печати были проведены одновременно в Петербурге, Москве, Риге и Баку. В сентябре 1913 г. стачки московских рабочих в знак протеста против закрытия большевистской газеты «Наш путь» были поддержаны рабочими Петербурга.

Учитывая успешный опыт согласованных выступлений рабочих обеих столиц, Поронинское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками (23 сентября — 1 октября 1913 г.) признало, что движение подходит к постановке на очередь всероссийской политической стачки.

Мощный подъем забастовочного движения, все более принимавшего политическую окраску, вызывал растерянность и колебания внутри правительства. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков вошел в Совет министров с представлением о том, чтобы непременно судить всех участников забастовок в общественно важных предприятиях, а «подстрекателей» немедленно удалять мерами фабрично-заводской администрации. Для предупреждения забастовок Маклаков наряду с репрессиями считал целесообразным устроить «примирительные камеры» на первое время лишь в наиболее крупных промышленных центрах — в Петербурге и Москве. При этом Маклаков полагал не вводить в «примирительные камеры» выборных от хозяев и рабочих, а составлять их исключительно из чиновников.

Однако Совет министров нашел, что судебное преследование забастовщиков допустимо лишь в тех случаях, когда заранее можно ожидать обвинительного приговора для привлеченных к ответственности лиц, ибо оправдание их привело бы к более смелой и усиленной агитации. Увольнение же с работы «подстрекателей» вызовет только дальнейшее усиление стачек. Совет министров пришел также к заключению, что отсутствие в составе проектируемых министерством внутренних дел примирительных органов заинтересованных сторон — предпринимателей и рабочих — не обеспечит необходимый для успешной деятельности этих органов «авторитет и внутреннюю нравственную силу». В борьбе же с политическими стачками «примирительные камеры» будут бессильны. Совет министров постановил образовать

для изыскания мер против забастовок между ведомственное совещание, но и это совещание не пришло ни к каким согласованным решениям.

Первое время большевистские депутаты в IV Думе состояли вместе с ликвидаторами в общей социал-демократической фракции. Пользуясь случайным большинством в один голос, меньшевики всячески мешали большевикам. Семь депутатов-меньшевиков были представлены в 19 думских комиссиях, а большевики — только в 7. Ликвидаторы отказались уступить большевикам одно место из двух в важнейшей думской комиссии — бюджетной. Они пытались также ограничить выступления большевистских депутатов с думской трибуны.

Притязания меньшевиков совершенно не соответствовали их влиянию среди рабочих. Меньшевики были избраны от губерний, где насчитывалось 136 тыс. рабочих, а число рабочих, пославших в IV Думу депутатов-большевиков, превышало 1 млн. По решению Поронинского совещания депутаты-большевики потребовали признания равноправия обеих частей фракции. Когда же меньшевики отклонили это требование, большевики 29 октября 1913 г. в обращении «Ко всем рабочим» объявили о создании своей самостоятельной фракции. На многочисленных собраниях рабочие принимали резолюции, в которых осуждали меньшевистских дезорганизаторов и заявляли о признании только большевистских депутатов истинными представителями российского пролетариата.

Думская фракция большевиков тысячами нитей была связана с массами. Письма, обращения к избирателям и поездки депутатов во время думских каникул в свои избирательные округа имели большое значение для оживления партийной работы и усиления стачечного движения на местах.

О том, как поднимал приезд большевистских депутатов настроение рабочих, можно судить по следующему донесению костромского губернатора министру внутренних дел: «12 июня (1914 г.— *Е. Ч.*) член Государственной думы от рабочих Костромской губернии большевик с.-д. Шагов прислал рабочим фабрики Томпе телеграмму, приветствующую их в начатой борьбе, и вслед за сим приехал на место стачки. Разъезжая за сим по всему району, он призывает рабочих к забастовке... организует недозволенные собрания в лесу, каковые мерами полиции рассеиваются, но, очевидно, не все собрания обнаруживаются, и поэтому влияние Шагова растет ежедневно». В заключение губернатор предупреждал министра, что если влиянию Шагова не будет положен предел путем введения в фабричных уездах губернии усиленной охраны и запрещения всякого рода собраний, то «он создаст себе здесь положение рабочего диктатора, с которым власти придется считаться» [1].

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 244, д. 307, продолжение 3-е, л. 316.

Со всех концов страны в большевистскую фракцию поступали письма от рабочих. В «Правде» был создан даже постоянный отдел «Около Думы», в котором помещались наказы и приветствия рабочих своим депутатам. Рабочие сообщали о ходе забастовочного движения на местах, просили о высылке литературы, пересылали деньги в фонд «Правды», бастующим, политкаторжанам, благодарили за защиту прав рабочих с думской трибуны и внесение в Думу законопроекта о 8-часовом рабочем дне. Во многих письмах рабочие просили внести запросы о злоупотреблениях на выборах в Думу, о результатах ревизии на Лене, об истязаниях политических узников, о поведении царской дипломатии в связи с Балканскими войнами, о преследовании рабочих союзов и стачек, о покровительстве полиции и фабричной инспекции локаутчикам и т. д. В свою очередь передовые рабочие оказывали всяческую поддержку большевистской фракции. Особенно это было заметно в Петербурге, где выступления и запросы думских большевиков неизменно подкреплялись забастовками и демонстрациями рабочих.

Организация самостоятельной фракции облегчила большевикам использование думской трибуны для революционной агитации.

Обсуждение в Думе кадетских законопроектов о свободах большевистские депутаты использовали для разоблачения демагогии кадетов о совместимости всеобщего избирательного права и демократических свобод с черносотенной монархией. В своих запросах по поводу положения рабочего класса, репрессий против стачечников и преследования легальных организаций большевики через голову помещичье-буржуазного большинства Думы разъясняли массам, что беззакония местных царских властей были связаны с общей антинародной политикой правительства. В противовес либеральной лжи относительно реформ большевики подводили массы к сознанию, что свержение самодержавия и завоевание республики являются единственным путем к свободе. Образцом такого использования думской трибуны может служить выступление Бадаева по запросу об отказе в регистрации Петербургскому союзу металлистов. В своей речи Бадаев заявил, что запрос касается всех союзов, а не только союза металлистов. Многочисленные факты отказа в регистрации профсоюзов, несмотря на их противозаконный характер, остаются безнаказанными. «На словах — «неприкосновенность личности», — говорил он, — на деле — зверское издевательство и избиение. Закон о свободе союзов сделан для разрушения союзов; за шесть лет закрыто не менее 600 союзов и отказано в регистрации не менее 700 союзам... По закону — свобода забастовок, на деле же аресты за экономические забастовки» [1]. Как и

[1] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г.». Сессия первая, ч. I. СПб., 1913, стб. 779.

следовало ожидать, Дума, отклонила запрос, но выступление большевистского депутата, о котором через «Правду» узнала вся страна, произвело глубокое впечатление на рабочих и усилило их волю к революционной борьбе. По призыву «Правды» и Петербургского комитета большевиков запрос был поддержан забастовками, которые продолжались более недели и охватили до 60 тыс. рабочих.

В связи с исключительной популярностью большевистских легальных изданий царское правительство усилило репрессии против демократической печати. 4 марта 1914 г. в Государственной думе обсуждался запрос большевистской фракции по поводу незаконного изъятия у газетчика номеров газеты «Путь правды». Дума отвергла запрос, но цель, которую ставили большевики, была достигнута. Рабочие убедились, что свобода печати несовместима с существованием царской монархии и помещичье-буржуазной Думы. Отклонение запроса о преследовании рабочей печати еще выше подняло волну забастовок и демонстраций. Усилились сборы в фонд «Правды», возросло число ее подписчиков.

Большевистская фракция использовала также право внесения в Думу законопроектов с целью пропаганды отдельных требований социал-демократии, вошедших в партийную программу-минимум. Важнейшее значение в этом отношении имел законопроект о 8-часовом рабочем дне. Перед внесением его в Думу депутаты-большевики глубоко изучали положение рабочих, занятых в различных отраслях производства, для чего на многие предприятия была разослана анкета с вопросами о продолжительности рабочего времени, условиях труда мужчин, женщин и детей, принципах оплаты труда. Ответы на анкету дали фракции богатейший материал. Разумеется, законопроект был отвергнут Думой, но он приобрел широкую популярность и поддержку рабочего класса всей страны. В адрес думской фракции большевиков и отдельных депутатов поступали многочисленные письма от рабочих, в которых они благодарили за внесенный проект. Вот одно из таких писем, полученное Петровским от шахтеров Донбасса: «Приветствуем Российскую социал-демократическую рабочую фракцию за внесенный законопроект о 8-часовом рабочем дне и 6-часовом дне для шахтеров. Не надеясь на помещиков и капиталистов, что этот законопроект пройдет, мы знаем, что только упорной борьбой можно завоевать себе это право. Мы и будем стремиться провести его активной борьбой» [1].

Большевистские депутаты Шагов и Петровский в 1913 и 1914 гг. выступили в Государственной думе по вопросу об аграрной политике царизма. Проекты их речей были написаны Лениным. В них провозглашался лозунг конфискации помещичьей земли и содержался призыв к крестьянам взять решение

[1] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 244, д. 307, л. 194.

земельного вопроса в свои руки. Выступления рабочих-депутатов в Думе способствовали изживанию крестьянами царистских иллюзий. Об этом, в частности, свидетельствовало письмо крестьян Екатеринославской губернии в большевистскую фракцию, в котором они поручали защиту своих интересов не черносотенцу, избранному от крестьянской курии, а большевику Петровскому.

Деятельность большевистской фракции направлялась и контролировалась непосредственно Центральным Комитетом партии во главе с В. И. Лениным. Поэтому не имела успеха и попытка царского правительства дезорганизовать работу думской фракции большевиков при помощи провокатора Малиновского, проведенного охранкой в IV Думу. «Чтобы снискать доверие у нас, — писал В. И. Ленин, — Малиновский, как член Цека партии и депутат Думы, должен был помогать нам ставить легальные ежедневные газеты... Одной рукой отправляя на каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу» [1]. Убедившись в невозможности использовать Малиновского, чтобы изменить политическую линию большевистской фракции, царское правительство решило удалить его из Думы. Подготавливая почву для своего вынужденного ухода из Думы, Малиновский хотел спровоцировать фракцию отказаться от использования парламентской трибуны. После обструкции 22 апреля 1914 г. Малиновский заявил, что пребывание социал-демократов в Думе после лишения их свободы слова бесполезно, что надо поехать на заводы и поднять рабочих на революционные выступления [2]. Это провокационное предложение встретило единодушный отпор со стороны фракции. 8 мая 1914 г. Малиновский сложил с себя звание члена Государственной думы и поспешно скрылся за границу.

Еще в 1908 г. правительство внесло в Государственную думу страховые законопроекты. Несколько лет оставались они без движения. Только в 1911 г., когда в воздухе почувствовалось приближение новой революционной грозы, Дума приступила к их обсуждению. Председатель думской комиссии по рабочему вопросу Тизенгаузен, считавший в 1908—1909 гг. правительственные проекты «опасным и рискованным экспериментом над нашей промышленностью», в письме к А. И. Гучкову от 12 сентября 1911 г. настаивал на постановке страховых законопроектов в первую очередь думской работы на том основании, что «удовлетворение нужд заводских и фабричных рабочих... лишит этот класс населения его потенциальной революционной энергии». Далее в письме говорилось, что форсированное проведение через законодательные палаты страховых проектов «подняло бы

---

[1] В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 41, стр. 28—29

[2] См.: Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. М., 1940, стр. 230.

чрезвычайно высоко престиж партий центра и лишило бы оппозицию возможности на предстоящих выборах бросить в лицо этим партиям эффектное обвинение в преступном небрежении к интересам трудящихся слоев населения. Эта козырная карта должна быть вырвана из колоды наших политических противников» [1].

Большинство Думы провалило поправки социал-демократической фракции об отнесении всех расходов по страхованию за счет предпринимателей и предоставлении управления страховыми делами рабочим. Дума вполне согласилась также с точкой зрения министерства внутренних дел о «неудобстве» в политическом отношении объединения — хотя бы и на почве страхования — значительного числа рабочих. Поэтому нормальным типом больничной кассы Дума нашла кассу, соединяющую в обособленную страховую группу рабочих одного предприятия.

Изданные 23 июня 1912 г. страховые законы заменили собой закон 1903 г. об ответственности предпринимателей за увечье рабочих и соответствующие статьи Устава о промышленности (1886), обязывающие оказывать рабочим врачебную помощь. Законы 1912 г. не касались страхования по инвалидности, старости и от безработицы. Страхованию подлежали только рабочие фабрично-заводской и горной промышленности общим числом до 2,5 млн. человек. В том же году закон о страховании рабочих от несчастных случаев с некоторыми изменениями был распространен на железнодорожных служащих и рабочих.

По законам 1912 г. врачебная помощь и оплата пособий за увечье производилась за счет предпринимателей, оплата же пособий по болезни — за счет взносов из заработка рабочих и взносов предпринимателей. Выдачей пособий ведали больничные кассы, в управлении которыми участвовали рабочие и представители от администрации предприятий.

Начавшаяся в конце 1912 г. страховая кампания была использована большевиками для энергичной пропаганды социал-демократических идей, развития классового сознания пролетариата, укрепления его организованности и усиления революционной борьбы. В отличие от ликвидаторов, которые отрицали необходимость связи борьбы за полное страхование с политическими задачами пролетариата, большевики видели главную задачу страховой кампании в сплочении и объединении рабочих масс для борьбы против царизма и буржуазии. Большевики сорвали попытку правительства и промышленников провести законы о страховании «втёмную», без участия рабочих. По призыву большевиков рабочие требовали разрешения собраний для ознакомления с изданными законами и правильных выборов рабочих представителей в страховые органы, организации общегородских больничных касс на началах полного самоуправления и распро-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 510, л. 11.

странения страховых законов на все виды и отрасли труда. Рабочие проваливали ставленников предпринимателей и ликвидаторов и проводили в правление больничных касс стойких и последовательных марксистов. В марте 1914 г. на выборах в столичное присутствие и Главный страховой совет прошел список правдистов.

Наряду с нелегальными ячейками важнейшим звеном, связывающим партию с массами, служили легальные общества. В их помещениях назначались партийные явки и устраивались конспиративные собрания. Здесь большевики всегда могли получить информацию о положении на том или ином заводе, провести подписку и денежные сборы на «Правду».

Ликвидаторы, захватившие в годы реакции ответственные посты во многих рабочих обществах, всячески пытались помешать превращению их в опорные пункты нелегальной революционной работы. Они отстаивали оппортунистический принцип «нейтральности», грозивший подчинить рабочие организации влиянию либеральной буржуазии. Деятельность профессиональных союзов и рабочих клубов ликвидаторы стремились свести к устройству касс взаимопомощи, оказанию юридической помощи, проведению экскурсий и лекций на общеобразовательные темы.

«Правда» выдвинула лозунг об изгнании ликвидаторов из правлений рабочих обществ и об избрании на руководящие посты в этих организациях сторонников партии, т. е. большевиков. Рабочие дружно поддержали призыв своей газеты. В Петербурге к 1914 г. из 20 профессиональных союзов только правление общества рабочих печатного дела оставалось еще в руках меньшевиков. Руководство деятельностью профсоюзов большевики осуществляли через нелегальное Центральное бюро. Профсоюзы производили сбор пожертвований в пользу бастующих, организовывали бойкот штрейкбрехеров.

Профессиональное движение быстро росло. В начале 1909 г. в России насчитывалось 63 профсоюза с 16 тыс. членов, а в 1913 г. их было уже 119 с 45 тыс. членов. По инициативе «Правды» велась подготовка всероссийского объединения профсоюзов по отраслям промышленности, но этому помешала война.

В. И. Ленин на основе объективных данных о силе разных течений в рабочем движении (результаты выборов от рабочих в Государственную думу, приветствия и резолюции рабочих собраний по поводу раскола думской социал-демократической фракции, число рабочих групп, делавших взносы в фонд большевистской печати, тиражи большевистских и ликвидаторских газет, выборы во всероссийское и столичное страховые учреждения, изгнание ликвидаторов из легальных рабочих обществ) пришел к выводу, что в середине 1914 г. за большевистской партией шло по крайней мере $^4/_5$ сознательных рабочих России. Они поддерживали все начинания партии, горячо откликались на ее призывы стачками и демонстрациями. Ликвидаторы утратили почти

все позиции в рабочем движении, а Августовский антипартийный блок, созданный Троцким для борьбы с большевиками, распался.

7. Попытка нового государственного переворота. После 3 июня 1907 г. ультраправые в своей прессе, конфиденциальных записках и на аудиенциях у царя неустанно проводили мысль о необходимости государственного переворота. Особенно ретиво эту мысль развивал князь В. П. Мещерский, издатель рептильного журнала «Гражданин».

План нового государственного переворота обычно связывают с Н. А. Маклаковым, назначенным в конце 1912 г. министром внутренних дел. Маклаков не скрывал своей лютой ненависти к манифесту 17 октября. По его мнению, этот акт был исторгнут из рук царя горстью злонамеренных людей во главе с Витте, запугавших Николая II угрозой революции. Не удивительно, что у крайних правых назначение Маклакова возродило надежды на восстановление «исторически вырабатывавшегося русского самобытного государственного строя».

При рассмотрении в Думе бюджета на 1913 г. Марков 2-й обвинил министра финансов в «самовлюбленности», в «опьянении» химерами нашего пьяного бюджета, в укрывательстве взяточников. Эта выходка была заранее одобрена лидерами думской фракции правых и преследовала двоякую цель: спровоцировать разгон Думы и одновременно подорвать престиж премьер-министра.

В заседании Совета министров 12 июня 1913 г. Маклаков предлагал воспользоваться выступлением Маркова 2-го, чтобы распустить Думу и не очень торопиться с новыми выборами. Но большинство министров нашло марковский инцидент недостаточным основанием для роспуска Думы. Было решено, что министры не будут посещать Думу, пока она в целом не выразит порицание Маркову 2-му. Началась министерская «забастовка». Из-за отсутствия министров застопорилась работа в думских комиссиях. Правительство вовсе перестало отвечать на запросы.

Перед открытием второй сессии Государственной думы, 14 октября 1913 г., Маклаков обратился к Николаю II с письмом, в котором испрашивал его согласия на роспуск Думы, если она не сбавит оппозиционный тон. Он писал: «Настроение среди фабрично-заводского люда неспокойное... Собираются в Таврическом дворце думские фракции. Впечатление от того, что там происходит, неотрадное. Готовятся спешно запросы, вырабатывается план ожесточенной борьбы с правительством. С первых же дней Дума резко поднимет общественную температуру, и, если не встретит на первых же шагах сильного отпора от Вашего правительства, полное расстройство нашей мирной жизни неминуемо... Мне казалось бы необходимым сперва попробовать ввести Думу в ее законное русло крепкой рукой. С этой целью я предполагал бы теперь же с кафедры Думы сделать ее членам спокойное,

ясное, но решительное предупреждение, что путь, на который она опять пытается стать, опасен и недопустим». Такое предупреждение может вызвать «взрыв негодования Думы», но это лишь приблизит развязку. «Если поднимется буря и боевое настроение перекинется далеко за стены Таврического дворца, — развивал свой план Маклаков, — администрация сумеет подавить волнения, но для этого необходимы будут две меры: роспуск Думы и немедленное объявление столицы на положении чрезвычайной охраны» [1].

Николай II не только одобрил «жесткую» политику по отношению к Думе, но и предложил «немедленно» обсудить в Совете министров его «давнишнюю мысль об изменении статьи «Учреждения Государственной думы», в силу которой, если Дума не согласится с изменениями Государственного совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это при отсутствии у нас конституции есть полная бессмыслица! Представление на выбор и утверждение государя мнений большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности и притом в русском духе» [2].

Получив повеление царя обсудить эту меру, Маклаков, однако, не решился немедленно сообщить о ней Совету министров. Дело в том, что большинство его членов высказалось против выступления Маклакова в Думе, так как предлагаемый министром внутренних дел шаг повлечет за собой самые острые последствия. Нежелание большинства министров идти на обострение отношений с Думой следует поставить в связь с неудачей, постигшей Коковцова в Париже, где он вел переговоры о железнодорожном займе. Ему были предложены обременительные условия займа. Когда Коковцов спросил о причинах, ему указали на то, что творится в России, на шаткое положение Думы, на министерскую «забастовку» [3]. Получив извещение о готовящемся роспуске Думы, Коковцов телеграфировал в Петербург о желательности отложить акт о роспуске Думы до его возвращения. Мнение председателя Совета министров произвело большое впечатление и поколебало решимость «сфер» идти напролом. Решено было Думу сохранить [4]. Более того, Совет министров постановил ликвидировать марковский инцидент, ограничившись извинением за свои слова одного Маркова, что тот и сделал. Министры появились в Думе.

После того как Коковцов «спас» Думу, реакционеры усилили нападки на премьер-министра, обвиняя его в солидарности с думской оппозицией. Казалось, политическая линия Коковцова не

---

[1] «Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы». М.—Л., 1927, стр. 93—94.

[2] Там же, стр. 91—92.

[3] «Русские ведомости», 2 ноября 1913 г.

[4] «День», 16 января 1914 г.

давала оснований для подобных подозрений. Уже первая речь его в Думе в качестве премьер-министра при обсуждении финляндских законопроектов (октябрь 1911 г.) показала, как обманулись кадеты и прогрессисты в ожидании после смерти Столыпина «либерального» курса и прежде всего смягчения шовинистической политики царизма в отношении Финляндии, Польши и т. д. Коковцов при рукоплесканиях центра и правых заявил о преемственности и неизменности столыпинского курса [1]. Декларация, прочитанная им в Думе 5 декабря 1912 г., была построена на бонапартистском лавировании между черносотенцами и либералами и представляла собой сплошное лицемерие. Упомянув о необходимости реформ в духе манифеста 17 октября, Коковцов тут же подчеркнул, что правительство будет неуклонно охранять издревле положенные в основу русской государственной жизни единство и неразделенность империи, первенство в ней русского народа и православия, что имело, разумеется, мало общего с принципами акта 17 октября [2].

Тем не менее черносотенцам Коковцов казался слишком «европейцем». Они упрекали его за то, что ради бюджетного равновесия он сдерживал вожделения паразитического дворянства поправить свои расстроенные дела за счет казны. Мещерский в своих «Дневниках» обвинял Коковцова в том, что он «кокетничает» с Думой, ухаживает за ней в ущерб достоинству императорского правительства, не смеет, из-за опасения возбудить неудовольствие Думы, даже подумать о возможности изменения верховной властью «Основных законов» [3].

Крайние правые демагогически использовали увеличение в 1913 г. дохода от винной монополии, чтобы нанести последний удар Коковцову. Николай II в беседе с епископом Томским в Крыму сказал, что его тяготит мысль, что треть государственных доходов идет от «царской водки» [4]. Как только правые узнали, что Николай II на стороне народного отрезвления, а Коковцов противится прохождению законопроекта о сокращении пьянства, пока не будет найдено новых источников для пополнения дефицита, они с удвоенной энергией обрушились на Коковцова, добиваясь у царя его отставки. 30 января 1914 г. Коковцов был уволен с постов председателя Совета министров и министра финансов. Царский рескрипт, данный на имя назначенного управляющим министерством финансов П. Л. Барка, провозгласил «новую эру» экономической жизни России. В рес-

---

[1] «Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты». Сессия пятая, ч. I. СПб., 1912, стб. 695.

[2] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г.». Сессия первая, ч. I. СПб, 1913, стб. 262—263.

[3] См.: «Гражданин», 1913, № 22, стр. 12; № 38, стр. 12—13; № 43, стр. 10—12; № 45, стр. 16.

[4] «Воспоминания М. М. Ковалевского». «История СССР», 1969, № 5, стр. 98.

крипте говорилось о борьбе с «нетрезвой жизнью» и поддержке «народного труда» путем правильно поставленного и доступного кредита.

В советской исторической литературе можно встретить мнение, что смена Коковцова И. Л. Горемыкиным привела к полному преобладанию в правительстве выразителей интересов реакционных помещиков, которые требовали повернуть экономическую политику на борьбу против промышленных и банковских монополий [1]. Сторонники подобных взглядов явно преувеличивают расхождения между черносотенными помещиками и монополистической буржуазией, упуская из виду, что «новый курс» явился лишь демагогической уловкой камарильи, терявшей под собой всякую почву в обстановке быстро созревающей революционной ситуации. Так понимал его и Горемыкин. В разговоре со своим предшественником он заметил: «Все это чепуха, одни громкие слова, которые не получат никакого применения; государь поверил тому, что ему наговорили, очень скоро забудет об этом новом курсе, и все пойдет по-старому» [2].Точно так же и Барк на вопрос, как же он думает выполнять повеление царя об уменьшении пьянства и чем восполнит образующийся от этого дефицит в бюджете, не задумываясь, ответил: «Наш русский народ не скоро отвыкнет от водки, и опасаться скорого и большого сокращения дохода от винной монополии совсем не следует» [3]. Таким образом, и Горемыкин, и Барк не скрывали, что они не придают никакого значения высокопарным фразам рескрипта об утверждении трезвости: бюджет же будет строиться, как и раньше, на водке.

В связи с поворотом правительственного руля вправо в думских кулуарах оживились слухи об изменении «Основных законов» и ограничении прав Думы совещательными функциями. В последних числах января 1914 г. у товарища председателя Государственной думы А. И. Коновалова происходили совещания с участием кадетов, прогрессистов и левых октябристов, на которых обсуждался вопрос о соглашении либеральной оппозиции с октябристами-земцами и образовании в Думе «прогрессивного» большинства, с которым правительству волей-неволей пришлось бы считаться [4]. Однако, как скоро выяснилось, расчеты на образование левоцентристского большинства были построены на песке: земцы-октябристы, от которых зависел исход думских голосований, категорически заявили, что они не войдут

---

[1] См.: И. Ф. Гиндин. Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране. В сб. «Свержение самодержавия». М., 1970, стр. 78—79.

[2] В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг., т. I. Париж, 1933, стр. 323.

[3] «Дневник И. С. Клюжева». Запись 4 марта 1914 г. ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 13, л. 146.

[4] ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 52—49, л. 30.

в длительное соглашение с либеральной оппозицией и по-прежнему будут голосовать то с правым, то с левым крылом Думы.

К этому времени прогрессисты не только убедились в практической неосуществимости левоцентристского блока в IV Думе, но и разочаровались в самой идее объединения думских оппозиционных групп: при явном бессилии Думы такое объединение, даже если бы и было достигнуто, не могло дать никаких реальных результатов. По словам Коновалова, это означало бы «вариться в собственном соку и не понимать смысла грядущих событий» [1]. Такое убеждение заставило его попытаться объединить оппозиционные и революционные силы вне Думы.

В начале марта 1914 г. в беседе с видным деятелем большевистской партии И. И. Скворцовым-Степановым Коновалов признал, что в 1905 г. его «социальные приятели», напуганные «активной силой», преждевременно покинули оппозиционную арену. Чтобы не повторить эту ошибку во второй раз, либералам и левым надо встречаться и информировать друг друга о том, что происходит в разных социальных слоях. Подобное взаимоознакомление могло бы, по мнению Коновалова, раскрыть, что разные общественные силы идут в одном направлении, хотя и применяют различные средства [2]. Скворцов-Степанов не отказывался от встреч с либералами, но исключительно в информационных, технических целях.

Первым опытом в этом отношении было строго законспирированное совещание, созванное Коноваловым 3 марта 1914 г. в Москве. В нем принимали участие вместе с прогрессистами левые октябристы, кадеты, народные социалисты и социал-демократы. Открывая совещание, Коновалов заявил, что ближайшей практической задачей проектируемого объединения оппозиционных и революционных сил должно быть осуществление манифеста 17 октября. На этой платформе, забыв про остальные разногласия, могли бы сойтись кадеты, октябристы, прогрессисты, социал-демократы, социалисты-революционеры и все национальные политические группы. Объединенная оппозиция должна дать дружный и энергичный отпор правительству, которое, по словам Коновалова, «обнаглело до последней степени потому, что не видит отпора и уверено, что страна заснула мертвым сном. Но стоит только появиться двум-трем эксцессам революционного характера — и правительство немедленно проявит обычную свою безумную трусость и крайнюю растерянность. Объединенная оппозиция именно и должна стремиться вызвать такие выступления, которые бы запугали правительство и заставили бы его пойти на уступки»

Для того чтобы можно было сговориться насчет подготовки внедумских антиправительственных выступлений, Коновалов

---

[1] «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 15.

[2] Там же, стр. 14—15.

предложил «на первых порах» учредить в Москве Информационный комитет из либеральных и левых партий. Этот комитет мог бы выдвинуть общий лозунг — осуществление манифеста 17 октября, после чего каждая партия, действуя «сообразно своим тактическим приемам, особенностям и силам», организовала бы «эксцессы революционного характера»[1]. На втором совещании 4 марта у П. П. Рябушинского Информационный комитет был образован. В него вошли от прогрессистов Коновалов, П. П. Рябушинский и Н. Д. Морозов, «внепартийный социалист» С. Н. Прокопович, меньшевик А. М. Никитин, большевик И. И. Скворцов[2].

В. И. Ленин, которому Скворцов-Степанов сообщил о коноваловской затее, одобрил участие представителя большевистской партии в Информационном комитете. В письме к Скворцову-Степанову он отмечал, что важно быть осведомленным «о настроениях колеблющихся и даже врагов» и что цель большевиков состоит также в том, чтобы «подтолкнуть» либералов «на всякое активное содействие революции». Ленин советовал уточнить, на какие средства борьбы с правительством согласны идти либералы, что они могут внести во внедумскую борьбу, способны ли дать деньги, создать нелегальный орган печати и т. д.[3]. Получив ответ Ленина, Скворцов-Степанов подготовил платформу, которую он предполагал огласить на первом заседании Информационного комитета 19 апреля: в Государственной думе прогрессисты и кадеты должны голосовать против бюджета в целом, против военных ассигнований и правительственного законопроекта о печати; вне Думы они должны дать денежные средства на борьбу революционных партий с правительством, в том числе на партийный съезд большевиков, не преследовать на своих предприятиях рабочих за участие в политических стачках и отказаться от соглашения с петербургскими заводчиками и фабрикантами, объявившими 19 марта локаут. В случае отклонения этих требований Скворцов-Степанов намеревался выйти из Информационного комитета. Но если еще можно было «подтолкнуть» прогрессистов и кадетов выступить против бюджета (для них это было бы только левым жестом, так как все равно бюджет был бы одобрен правооктябристским большинством Думы), то думать, что коноваловская группа пойдет на разрыв со своими «социальными приятелями», которые именно в этот момент организовали широкую локаутную кампанию, не было никаких оснований. Не было иллюзий на этот счет и у Скворцова-Степанова, когда он готовился выступить со своей платформой-ультиматумом на первом заседании Информационного

[1] ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 5, д. 49, лл. 49—51; см. так же: А. М. Володарская. Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса 1913—1914. М., 1960, стр. 38—41.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 5, д. 49, л. 51.

[3] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 276.

комитета. Как указывалось в записке, составленной в Московском охранном отделении, по агентурным данным, «Скворцов рассчитывает на то, что кадеты и прогрессисты не пойдут на эти предложения, и он выйдет из состава комитета» [1].

Но инициатива Коновалова встречена была холодно и ближайшими соседями прогрессистов в Думе — кадетами. Если Коновалов считал, что в 1905 г. буржуазия слишком рано повернулась спиной к революции, то Милюков, напротив, предлагал «не повторять ошибки 1905 года», когда пришлось отмежевываться от левых тогда, когда было уже поздно [2]. Собственный горький опыт вполне убедил кадетского лидера, что любые попытки подчинить самую активную силу в революции — пролетариат — реформистским расчетам либеральной буржуазии граничат с «авантюрой». Даже в осторожных и уклончивых предложениях левого кадета Н. В. Некрасова перенести центр тяжести деятельности кадетов из Думы в страну Милюков усмотрел измену «легалистским» традициям партии [3].

Тем временем правящие сферы усилили свои происки, направленные на подрыв и уничтожение законодательных прав Государственной думы. Пресловутый «новый курс» в планах реакционеров должен был сыграть роль троянского коня, под прикрытием которого правительство намерено было и без государственного переворота, свести на нет законодательные права народного представительства. Этой цели должно было служить ограничительное толкование прав Думы в области законодательной инициативы, запросов и неприкосновенности депутатского слова.

Правительство решило привлечь социал-демократического депутата Н. С. Чхеидзе к судебной ответственности за то, что он позволил себе с думской трибуны восхвалять республиканский строй и советовал ввести таковой в России. Надо сказать, что не только правые, но и многие либеральные депутаты были обеспокоены «митинговым» характером речей левых депутатов. Но в отличие от черносотенцев кадеты и прогрессисты полагали, что пресечь «злоупотребление» свободой слова можно путем усиления председательской власти. Посягательство же правительства на неприкосновенность депутатов означало бы отмену конституционных гарантий и для либеральной оппозиции. Но главное, чего опасались либералы, — это то, что Дума с «завязанным ртом» бесповоротно уронит себя в глазах народа.

По почину социал-демократов прогрессисты предложили назначить специальное заседание Думы для рассмотрения законопроекта о свободе слова депутатов. Это предложение было от-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 5, д. 49, лл. 52—62.

[2] «Выступление Милюкова на заседании ЦК кадетской партии 9 февраля 1914 г.». ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 99.

[3] «Доклад Милюкова на заседании кадетской конференции 23 марта 1914 г.». ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 16, л. 22.

клонено правооктябристским большинством. Такая же участь постигла и предложение кадетов не приступать к рассмотрению проекта закона о бюджете раньше, чем получит силу законопроект о свободе слова. Тогда обе социал-демократические фракции вместе с трудовой группой, несмотря на возражения кадетов и прогрессистов, решили перейти от обычных способов думских выступлений к обструкции. Сигналом для этого должно было стать появление на думской трибуне перед открытием бюджетных прений представителя правительства. Первоначально ожидалось, что с разъяснениями по поводу государственного бюджета выступит министр финансов. Но неожиданно на трибуну поднялся Горемыкин, пожелавший «представиться» Думе. Появление Горемыкина, олицетворявшего реакционный курс внутренней политики, еще более поднимало значение намечавшейся обструкции как протеста против третьеиюньской политической системы в целом. Не успел Горемыкин произнести обычные слова обращения: «Господа члены Государственной думы», как на левых скамьях поднялся сильный шум, стук по пюпитрам и голоса «довольно». Горемыкин вынужден был несколько раз оставлять трибуну, а обструкционисты один за другим, по предложению Родзянко, исключались на 15 заседаний. Депутаты, отказавшиеся добровольно покинуть зал заседаний, удалялись нарядом военного караула.

Таким образом, черносотенцы, октябристы и часть прогрессистов открыто выступили против демократии, а кадеты воздержались, т. е. молчаливо санкционировали изгнание всех социал-демократов и трудовиков из Думы. В противовес контрреволюционному блоку правых и либералов в Государственной думе обрисовался «левый блок», т. е. совместные действия пролетарской и буржуазной демократии против черносотенцев и либералов. В. И. Ленин считал, что все происшедшее в Думе 22 апреля «разбило и убило остатки конституционных и легалистских иллюзий...»[1]. Оно обострило общенациональный политический кризис в двух отношениях: с одной стороны, привело к еще более резкому размежеванию демократического и либерального лагерей, а с другой — усилило растерянность, колебания и взаимные обвинения черносотенцев и либералов в поощрении и ускорении новой революции.

Обструкция и исключение из заседаний Думы левых депутатов подняли новую волну стачек. Рабочие устраивали митинги, принимали резолюции протеста. В Петербурге бастовало 75 тыс. рабочих, в Москве — 40 тыс. Исключенные депутаты получили свыше 180 телеграмм от рабочих и демократической интеллигенции. Приветствуя левых депутатов как «истинных и стойких борцов за идею народного представительства», рабочие вместе с тем осуждали позорное поведение кадетов, которые перебежа-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 130.

ли в правительственный лагерь во время борьбы за свободу депутатского слова и лишили левых депутатов возможности участвовать в обсуждении бюджета.

Массовая кампания протеста вызвала замешательство и растерянность внутри либеральной оппозиции. Самый правый из кадетов В. А. Маклаков признался, что обструкция произвела такое впечатление в стране, что он должен был ехать в Москву и оправдываться, почему он не примкнул к обструкции [1].

М. С. Волин и В. Т. Логинов считают, что «левый блок», блок большевиков с ликвидаторами и трудовиками, наметившийся в связи с борьбой за свободу депутатского слова, в дальнейшем еще более окреп. При этом они ссылаются на совместную декларацию трех левых фракций, с которой они выступили после возвращения в Думу [2].

Между тем именно по вопросу о том, какой тактики следует держаться после возвращения исключенных депутатов в Думу, между большевиками, с одной стороны, и ликвидаторами и трудовиками — с другой, обнаружились глубокие разногласия. На совместном заседании трех левых фракций 28 апреля большевики предлагали для успеха борьбы с правительством за свободу депутатского слова всемерно усиливать забастовочное движение. Напротив, ликвидаторы на заседании своей думской фракции 26 апреля решили выпустить обращение к рабочим, в котором поблагодарить их за поддержку и просить прекратить сейчас забастовку, чтобы возобновить ее 1 мая. Ликвидаторы явно хотели локализировать борьбу за свободу депутатского слова в стенах Таврического дворца. На совещании 28 апреля Скобелев высказался за необходимость органической обструкции в Думе. Он предложил затянуть рассмотрение бюджета длинными речами, для чего войти в сношения с кадетами [3]. Трудовики же вообще склонялись к окончанию конфликта и согласны были обсуждать бюджет, т. е. предлагали перейти от обструкции к обычным способам думских выступлений. Никакого соглашения о думской тактике на этом совещании достигнуто не было [4].

Несмотря на позорное поведение прогрессистов и кадетов 22 апреля в Думе, ликвидаторы не отказались от лозунга действовать «объединенным фронтом всей оппозиции». Меньшевистская «Северная рабочая газета» 25 апреля писала, что за пролетариатом дело не станет, если «прогрессивные буржуазные силы серьезно пожелают совместных действий».

В то время как большевики признавали принципиально недопустимым после события 22 апреля участие своих представи-

---

[1] См.: «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г.». Сессия вторая, ч. IV. СПб., 1914, стб. 504.

[2] См.: «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VI. М., 1968, стр. 463.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 244, д. 307, прод. 1, л. 289.

[4] Там же, л. 302.

телей в коноваловских совещаниях, ликвидаторы готовы были остаться на известных условиях в Информационном комитете[1].

Хотя никакого соглашения о думской тактике между левыми фракциями не состоялось, они тем не менее решили после возвращения в Думу выступить с общей декларацией. Родзянко, информированный департаментом полиции о содержании декларации, решил во что бы то ни стало не допустить ее оглашения. Со своей стороны левые фракции тоже подготовились: в очередь было записано несколько ораторов, и, как только Родзянко лишал слова одного депутата, следующий оратор продолжал чтение декларации с того места, на котором была прервана речь предыдущего депутата. Словно нарочно, чтобы убедить правительство, что в преследовании свободного слова думский президиум ему не уступит, Родзянко не разрешил к печати и ряд мест из той части декларации трех фракций, которую удалось огласить с думской трибуны. Новое нарушение свободы депутатского слова только усилило кампанию протеста.

В атмосфере непрекращающейся волны забастовок Дума занялась обсуждением внесенного прогрессистами законопроекта об иммунитете депутатов. Большевик Петровский обратил внимание на то, что последнее покушение на свободу депутатского слова есть только звено в длинной цепи покушений правительства вообще на все народные свободы, и оно стоит в прямой связи с подъемом народного движения. Рабочий-депутат заклеймил холопское поведение Думы и ее президиума, который как бы соревновался с правительством в аннулировании свободы слова. «Но мы, социал-демократы,— заявил он,— не отдадим без решительного боя свободы депутатского слова. И мы уверены, что в этой борьбе нас поддержит весь народ». Далее Петровский демонстративно подчеркнул, что никакие преследования не остановят большевиков перед пропагандой с думской трибуны своих республиканских убеждений[2]. За это заявление Петровский был лишен слова. Борьба большевиков за свободу депутатского слова произвела сильное впечатление на крестьянских депутатов независимо от их партийной принадлежности. Лидер группы прогрессистов И. Н. Ефремов предостерег Думу от безропотного подчинения карательной власти правительства, ибо в таком случае достоинство Думы умаляется, а это вконец подорвет доверие к ней населения. Между тем Дума — единственная серьезная преграда от революции, единственная надежда на мирное разрешение конфликта между властью и страной[3]. Законопроект об иммунитете депутатов был принят Думой, при-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф 63, оп. 5, д. 49, л. 52. Желание ликвидаторов остаться в Информационном комитете не представляло интереса для Коновалова, ибо для него не было тайной, что «они не имеют за собой рабочих масс».

[2] См.: «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г.». Сессия вторая, ч. IV. СПб., 1914, стб. 1708—1709.

[3] Там же, стб. 1711—1712.

чем за него голосовали не только левые, кадеты и прогрессисты, но также октябристы, партия центра и часть националистов.

Впрочем, и само правительство, напуганное резонансом в стране на обструкцию и исключение левых депутатов, отступило. Оно не рискнуло привлечь к суду Г. И. Петровского и других большевистских депутатов, бесстрашно отстаивающих идею демократической республики, и фактически приостановило уже начатое судебное дело против Чхеидзе.

Вообще правительство, ведя подкоп под основные права Думы, не решалось идти до конца. Так, по поводу проекта Мещерского об изменении порядка утверждения законодательных актов Горемыкин заметил: «Это беспочвенно. Нужно уважение к существующим законам» [1]. В царском рескрипте на имя Горемыкина от 7 марта 1914 г. говорилось, что работа правительства и законодательных учреждений должна быть основана на взаимном доверии, и выражалась надежда, что между ними установится необходимое согласие. В думских кулуарах справедливо считали, что в рескрипте нашли отражение настояния Барка положить конец слухам о возможности того или иного изменения в существующем государственном строе, что пагубно сказывается на русских банковских кредитных операциях за границей. На путь примирительной политики по отношению к Думе правительство толкала и необходимость провести через законодательные учреждения постановление об отпуске средств на финансирование большой программы вооружений. Вот почему, когда Николай II, по подсказке Мещерского, пригласил министров в Петергоф 18 июня 1914 г. на совещание по вопросу о правовом положении Думы, то лишь один Маклаков указал на желательность пересмотра существующего статуса Думы. Остальные министры присоединились к точке зрения Горемыкина, сказавшего, что надо уметь ладить с Думой [2].

Чем же объяснить, что Николай II при всем своем сочувствии планам черносотенных заговорщиков не решился на новый государственный переворот и возвращение к неограниченному самодержавию? Дело в том, что полуфеодальный царизм, утратив в 1905—1906 гг. «талисман патриархальной власти» (выражение прогрессиста Н. Н. Львова), не мог бы удержаться без поддержки буржуазии. В свою очередь либеральная буржуазия, напуганная первой русской революцией, испытывала неодолимое тяготение к соглашению с царизмом [3]. Ареной торга и сговора буржуазии с царизмом и черносотенными помещиками стала Государственная дума. Царское правительство отдавало себе отчет и в том, что третьеиюньская политическая система, в основе которой лежало бонапартистское лавирование власти

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 576, л. 60.
[2] См.: «Падение царского режима», т. III. Л., 1925, стр. 134.
[3] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 375, 376.

между «Советом объединенного дворянства» и верхами буржуазии,— это тот минимум «правопорядка», без которого иностранные кредиторы не верили в устойчивость русских финансов и внутриполитической обстановки вообще. Но самое главное заключалось в том, что пролетариат своей героической борьбой в 1905—1907 гг. «вырвал у царя манифест о конституции и раз навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений» [1]. Когда редактор «Московских ведомостей» Л. А. Тихомиров в письме Столыпину от 5 июля 1911 г. доказывал необходимость пересмотра «Основных законов», чтобы низвести Думу до уровня совещательной ассамблеи, последний положил резолюцию: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции» [2]. Таким образом, рассуждения Тихомирова, призывавшего к восстановлению прежнего абсолютизма, Столыпин разделял, но открытое изменение «Основных законов» считал опасным и ведущим к революции. Вот что останавливало Столыпина и его преемников от соблазна совершить новый государственный переворот и заставляло их балансировать между черносотенным и либеральным большинством в Думе.

8. Стачечная борьба летом 1914 г. Подъем революционного рабочего движения летом 1914 г. приблизился по своему размаху к событиям 1905 г., превосходя, однако, их по организованности и сознательности.

28 мая дружно и одновременно забастовали рабочие бакинских нефтепромыслов и заводов. Уже 1 июня бастовало более 30 тыс. человек. Стачкой руководил Бакинский комитет РСДРП во главе с С. Г. Шаумяном. Главнейшими из требований были: 8-часовой рабочий день, обязательное празднование 1 Мая, отмена наградных, которые развращали рабочих, и установление минимума гарантированной заработной платы при ежегодном ее увеличении на 10%, ускорение постройки рабочих поселков, создание единой больничной кассы для всех нефтепромышленных рабочих, открытие школ, библиотек-читален, заключение коллективного договора, для чего необходимо избрание Совета уполномоченных, признание профессиональных союзов и промысловых комиссий как органов представительства рабочих.

Против бастующих рабочих единым фронтом выступили нефтепромышленники и царские власти. При помощи штрейкбрехеров, банд наемных головорезов, разжигания межнациональной розни и провокационных слухов они пытались сломить волю рабочих к борьбе, но безрезультатно. В Баку были стянуты крупные силы казаков и войск, туда прибыл шеф жандармов генерал В. Ф. Джунковский, облеченный чрезвычайными полно-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 416.

[2] «Московские ведомости», 10 (23) сентября 1911 г.; «Новое время», 18 сентября 1911 г.

мочиями. Начались массовые облавы, аресты, высылки. Были закрыты профсоюзы.

Но забастовка продолжалась. Рабочие устраивали многотысячные демонстрации и смело вступали в вооруженные столкновения с воинскими патрулями, казаками и полицией. Конфликт с нефтепромышленниками отодвигался на второй план, и стачка все более превращалась в движение, направленное против царского строя. К 17 июня общее число бастующих в Баку достигло, по сведениям рабочей печати, 50 тыс.

За героической борьбой бакинцев с напряженным вниманием и восхищением следили рабочие всей страны. Репрессии против бакинцев вызвали забастовки солидарности в Петербурге, Москве, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Харькове, Киеве, Николаеве, Риге, Сормове, Грозном и других городах России. В пользу бакинцев устраивались денежные сборы.

3 июля на Путиловском заводе собрался многотысячный митинг по поводу бакинских событий. Полиция открыла стрельбу по собравшимся рабочим. Петербургский комитет РСДРП призвал рабочих к трехдневной всеобщей забастовке протеста. Рабочие устраивали митинги и выходили на улицы с красными флагами и революционными песнями. 4 июля в Петербурге бастовало 90 тыс., 8 июля — 150 тыс. рабочих. Забастовка носила исключительно политический характер. 7 июля на улицах Петербурга произошли грандиозные демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч человек.

На Выборгской стороне рабочие сооружали баррикады. Для содействия полиции, которая уже не могла справиться с движением, были вызваны войска. 8 июля была закрыта «Правда». По всему городу полиция производила обыски и аресты большевиков. Столица была превращена в военный лагерь. 10 июля Петербургский комитет РСДРП призвал рабочих к организованному прекращению забастовки, так как восстание было бы преждевременным. 12 июля всеобщая стачка в Петербурге прекратилась, но капиталисты с целью репрессии и фильтрации рабочих при обратном приеме объявили локаут. Назревало новое, еще более мощное выступление рабочих. В Москве, Харькове, Киеве, Твери произошли забастовки в знак протеста против расправы с путиловцами, сопровождавшиеся митингами и отдельными попытками устроить демонстрации.

Начавшаяся в июле 1914 г. война прервала развитие революционного кризиса в стране.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1906 — 1914 гг.

1. Историография. Основоположником марксистской историографии внешней политики России был В. И. Ленин. Развивая положение К. Маркса об исторической обусловленности войн, Ленин указывал, что война есть продолжение политики средствами вооруженной борьбы, «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает» [1]. Поэтому «выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противополагать внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль» [2]. Внешняя политика любого государства определяется не интригами правителей и дипломатов [3], а объективными закономерностями социально-экономического развития страны. Отсюда следует, что вопросы внешней политики и дипломатии нельзя рассматривать в отрыве от развития экономики, борьбы классов, национальных движений.

Буржуазная историография отводит основную роль в развитии международных отношений «равновесию сил». Известный английский историк А. Тейлор пишет: «... Европа почти в равной степени знала и мир и войну: этими мирными периодами она была обязана равновесию сил... Первая мировая война была для противников Германии войной с целью сохранения или восстановления равновесия сил...» [4]. В отличие от этой идеалистической, мистической концепции В. И. Ленин видел решающую причину мировой войны в неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, которая приводит к быстрому оттеснению одних стран другими с мирового рынка и к чрезвычайному обострению борьбы за территориальный раздел и передел мира.

Огромную роль в развитии марксистской теории о войнах сыграли работы В. И. Ленина «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Тетради по империа-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 79.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 93.
[3] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 195.
[4] А. Дж. Тейлор. Борьба за господство в Европе. 1848—1918. М., 1958, стр. 31, 32.

лизму», «Война и революция». В этих трудах Ленин глубоко исследовал основные противоречия, разделявшие великие державы. Борьба за передел мира, непрерывные кризисы в мировой политике, локальные войны, бешеная гонка вооружений и рост шовинизма накаляли международную атмосферу и приближали военную катастрофу небывалых размеров. Вместе с тем Ленин подчеркивал, что развязывание первой мировой войны было ускорено стремлением империалистов расколоть и подавить рабочее движение в метрополиях и задушить национально-освободительную борьбу в колониях.

Труды В. И. Ленина, обобщившие огромный исторический материал, заложили прочный фундамент для изучения международных отношений и внешней политики России в эпоху империализма.

Вопрос об ответственности за первую мировую войну вызвал в буржуазной исторической литературе страстную полемику, которая была одной из форм идеологической подготовки новой империалистической бойни. Бывшие дипломаты и военные деятели публиковали мемуары, в которых пытались оправдать политику своей буржуазии и обосновать ее новые империалистические притязания. Антантофильские мемуаристы, стремясь к увековечению Версальской системы, доказывали, что якобы Германия и ее союзники являлись единственными виновниками войны. Грей в своих мемуарах отрицает решающую роль англо-германских противоречий в возникновении войны и утверждает, что она была навязана «миролюбивой» Англии. Наоборот, политические деятели побежденного австро-германского блока, добиваясь ревизии Версальского мирного договора, в своих воспоминаниях подчеркивали «миролюбивый и оборонительный» характер Тройственного союза. Бетман-Гольвег уверяет, что война произошла по вине России. Адмирал Тирпиц обвинял британскую дипломатию в вероломном стремлении вызвать «взаимное истребление немцев и русских». Он признает всю глубину англо-германского антагонизма и невозможность прочного соглашения между Англией и Германией. Но он уверяет, что создание Германией большого флота, имевшего якобы «чисто оборонительное назначение», уменьшало опасность ее столкновения с Англией: «...германский флот с 1912 года все более и более действовал как фактор, способствовавший сохранению мира...» [1].

Лицемерие и тенденциозность, грубая или тонкая фальсификация фактов не лишает буржуазную мемуарную литературу значения как очень важного исторического источника. Защищая свою политику, мемуаристы разоблачают империалистические круги других стран, а иногда и своих партнеров по военно-политическим блокам. В виде исключения встречаются мемуары, где подвергалось беспощадной критике внешнеполитическое или

[1] А. фон Тирпиц. Воспоминания. М., 1957, стр. 221.

военное руководство собственной страны и на него возлагалась ответственность за войну. Воспоминания Бюлова убедительно свидетельствуют, что войны хотели и к развязыванию ее сознательно шли правящие круги кайзеровской Германии. Вильгельм II в интимных беседах с автором мемуаров развивал широкую программу захватов, в частности отторжения Прибалтики от России. Тирпиц, недовольный внешней политикой Бетман-Гольвега, подтверждает, что одной из целей Берлина в июльские дни 1914 г. было «поддержать колеблющуюся Австрию в быстром и энергичном выступлении» [1].

Ценность многих мемуаров заключается и в том, что в них приводятся документы, которые нигде раньше не публиковались. В мемуарах бывшего начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа опубликованы материалы о заключении в 1909 г. военной конвенции между Австро-Венгрией и Германией. По этой конвенции выступление России в защиту Сербии должно было повлечь за собой вступление в войну Германии, которая предъявит ультимативные требования и Франции. Таким образом, задолго до июльского кризиса 1914 г. правящие круги центральных европейских монархий твердо знали, что вторжение в Сербию послужит той искрой, которая вызовет пожар мировой войны.

Для понимания истинной сущности буржуазной дипломатии несомненный интерес представляют воспоминания Э. Грея. Британская политика «свободы рук», основной принцип английской дипломатии «загребать жар чужими руками» изображаются Греем как курс на сохранение мира в Европе.

В освещении Грея англо-французское (1904) и англо-русское (1907) соглашения выглядят как простые региональные договоры, относящиеся только к Египту, Марокко, Персии и продиктованные желанием Англии, Франции и России «закончить свои старые споры, устранить существующие противоречия и сделаться в будущем друзьями». Грей отрицает, что между Англией и ее партнерами по Тройственному согласию существовали какие-либо военные обязательства. По Грею, обмен письмами между ним и французским послом в Лондоне Камбоном в 1912 г. произошел якобы по английской инициативе, чтобы еще раз подтвердить сохранение Англией, несмотря ни на что, «свободы рук». Но даже Пуанкаре, который поддерживал версию о «миротворческом» характере англо-французского соглашения 1904 г., признает, что обмен письмами между Греем и Камбоном закрепил уверенность Франции в поддержке Англии в надвигающейся войне с Германией.

Панегиристы Грея изображали его «апостолом мира», который в решающие дни июльского кризиса 1914 г. будто бы не жалел усилий для спасения мира. В действительности же Грей в

[1] А. фон Тирпиц. Воспоминания. М., 1957, стр. 263.

июле 1914 г. последовательно и упорно проводил политику провоцирования войны: с одной стороны, он внушал Германии и Австро-Венгрии иллюзии о возможности английского нейтралитета, а с другой — всячески подталкивал Россию к войне. Миротворческие жесты Грея преследовали цель обмана общественного мнения и возложения на Германию главной ответственности за возникновение войны. Даже Ллойд-Джордж и С. Д. Сазонов в своих мемуарах отмечают, что если бы Грей своевременно и недвусмысленно заявил о солидарности Великобритании с Россией и Францией, «он этим спас бы человечество от войны» [1].

В подготовке и провоцировании войны в Европе участвовали также дипломаты США. Из материалов архива Хауза видно, что накануне войны личный друг и советник президента Вильсона полковник Хауз и посол США в Берлине Джерард убеждали Вильгельма II и его министров в возможности англо-германского сближения, так как «англосаксонские страны заинтересованы в том, чтобы Германия могла сдерживать Россию и служить барьером между Европой и славянами». В Лондоне же Хауз запугивал англичан быстро растущей военной мощью Германии, которая «настроена милитаристично и агрессивно и в любой момент готова воевать» и что в связи с новейшими изобретениями в области авиации «вскоре Англия станет такой же досягаемой для удара, как и ее континентальные соседи» [2].

Один из главных поджигателей войны — Р. Пуанкаре в своих мемуарах наперекор фактам пытается убедить читателя в миротворческом характере его деятельности по предотвращению Балканской и общеевропейской войн. По словам Пуанкаре, он только «из-за страха разорвать союз обрек себя на то, чтобы поддерживать воинственные замыслы России». На самом же деле Пуанкаре и военный министр Франции Мильеран в конце 1912 г. всемерно подстрекали русское правительство воспользоваться победами балканских союзников и проявить «решимость». 11 октября 1912 г. Пуанкаре заявил Извольскому, что он «не только не страшится мысли о необходимости при известных обстоятельствах решиться на войну, но и проявляет спокойную уверенность, что настоящая военно-политическая конъюнктура благоприятна для держав Тройственного согласия и что державы эти имеют наибольшие шансы победы». О подстрекательской деятельности Пуанкаре поведал также видный французский политический деятель Дешанель, которому Пуанкаре признался, что в июле 1914 г. он «направлялся в Петербург с намерением толкнуть русских на войну» [3].

В мемуарах одного из руководителей русского генерального штаба — Ю. Н. Данилова разоблачены попытки Пуанкаре

---

[1] См.: С. Д. Сазонов. Воспоминания. Берлин, 1927, стр. 46.
[2] «Архив полковника Хауза», т. I. М., 1937, стр. 67.
[3] Жорж Лу и. Записки посла. М., 1925, стр. 57.

представить французское правительство и военное командование искренними и лояльными союзниками России. Данилов подчеркивает, что все возрастающая финансовая зависимость от Франции, в частности кредит на постройку железнодорожных линий стратегического значения, «накладывала на свободное творчество отечественной стратегии тяжелую руку... от ее давящего влияния не мог освободиться ни один из руководителей русского генерального штаба. После начала войны систематическое вмешательство французского посла в Петербурге Палеолога и генерала Жоффра (через Извольского) лишало русское командование свободы оперативных решений» [1].

Западные союзники не могли не отдать дань уважения героическим усилиям русских армий, которые своим наступлением в августе 1914 г. отвлекли на себя значительную часть сил противника и тем позволили французам одержать победу на Марне. В то же время Англия и Франция, как признают в своих мемуарах Ллойд-Джордж и У. Черчилль, вели себя по отношению к русскому союзнику нелояльно и даже вероломно. Из переписки Черчилля с Греем осенью 1914 г. можно сделать вывод, что включение германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау» в состав турецкого флота вполне устраивало английские правящие круги, поскольку перевес сил на Черном море переходил от России к Турции. Западные союзники и не думали о координации действий с Россией и помощи ей летом 1915 г., когда она в течение пяти месяцев подвергалась «главному давлению врага». «История,— вспоминает Ллойд-Джордж,— предъявит свой счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и, таким образом, помогли бы лучше всего и себе» [2].

Первые исследования советских историков в области внешней политики России принадлежат М. Н. Покровскому. В лекциях «Внешняя политика России в XX веке», в сборнике статей «Империалистическая война» Покровский решительно выступил против буржуазной историографии, которая объясняла движущие силы внешней политики взглядами и настроениями отдельных государственных деятелей. Он подчеркивал, что «наше понимание внешней политики России должно быть увязано тесным образом с тем внутренним политическим процессом, какой в России происходил!» [3].

Однако в конкретном анализе внешней политики России Покровский допустил серьезные ошибки. Исходя из надуманной схемы, что самодержавие — это политическая организация тор-

---

[1] Ю. Данилов. Россия в мировой войне 1914—1915 гг. Берлин, 1924, стр. 80, 91.

[2] Д. Ллойд-Джордж. Военные мемуары, т. I—II. М., 1934, стр. 317.

[3] М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX веке. М., 1926, стр. 7.

гового капитала, он считал «стержнем» внешней политики России борьбу за торговые пути. По мнению Покровского, «сначала с Грозного до Петра, XVI до начала XVIII в., это была борьба за Балтийское море, за Северный торговый путь. Со второй половины XVIII века, с Екатерины II и до Николая II включительно, это была борьба за Черное море и проливы, ведущие из Черного моря в Средиземное, борьба за южные торговые пути» [1].

Из такого понимания внешней политики русского царизма вытекали ошибки Покровского в вопросе о происхождении первой мировой войны. Он видел центр тяжести международных отношений в эпоху империализма не в англо-германском антагонизме, а в проблеме черноморских проливов. Покровский явно преувеличивал роль России в системе мирового империализма, изображая, например, Францию как послушное орудие в руках царизма. Он доказывал, что русский царизм и помещики, поставив своей целью овладеть проливами, спровоцировали мировую войну.

В последних выступлениях в печати Покровский пересмотрел свою концепцию о решающей роли России в развязывании войны. В предисловии ко второму изданию сборника «Империалистическая война» он писал, что эта война «была войной между Англией и Германией и... по отношению к англо-германскому конфликту все остальное было второстепенными подробностями» [2]. Покровский теперь разделяет с незначительной оговоркой ленинскую оценку царской России как не вполне равноправного члена антигерманской коалиции. «Русский империализм, — писал он, — был партнером («участником») фирмы «Англия и Франция», но не равноправным партнером, а так сказать, «младшим компаньоном»... Может быть, выражение «приказчик», употребленное Лениным, и слишком сильно» [3].

Марксистско-ленинская концепция внешней политики России прокладывала себе дорогу в острой борьбе с буржуазной историографией. В вышедших в 20-х годах трудах Е. В. Тарле, Е. А. Адамова, А. М. Зайончковского [4] заметно увлечение чисто дипломатической историей, которая отрывалась от внутренней политики, от классовой борьбы внутри страны.

Тарле был склонен рассматривать борьбу в правящих кругах России по вопросам внешней политики как борьбу мнений. Он доказывал, что «в недрах русской государственности всегда боролись два течения: одно, основанное на инстинкте самосохра-

[1] М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX веке. М., 1926, стр. 11.

[2] М. Н. Покровский. Империалистическая война. М., 1931, стр. 5.

[3] «Историк-марксист», 1932, т. 1—2 (23—24), стр. 18.

[4] См.: Е. В. Тарле. Германская ориентация П. Н. Дурново в 1914 г. «Былое», 1922, № 19; Е. А. Адамов. Вопрос о проливах и Константинополе в международной политике 1908—1917 гг. В сб. «Константинополь и проливы», т. I. М., 1925; А. М. Зайончковский. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926.

нения, другое, не учитывающее велений этого инстинкта и поэтому гораздо более активное»[1]. Оба течения, по мнению автора, сложились еще в XVIII в. и продолжали бороться между собой вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Правда, уже в монографии «Европа в эпоху империализма», изданной в 1927 г., Тарле отходит от идеалистической концепции движущих сил внешней политики России. Он пытается проследить отношение классов и партий России к англо-русскому соглашению 1907 г. и другим крупным внешнеполитическим событиям. Но в целом эта работа была далека от марксистского понимания истории. В полемике с М. Н. Покровским, который тогда полагал, что война 1914—1918 гг. была спровоцирована Россией, Тарле впадал в другую крайность. Он возлагал ответственность за развязывание войны исключительно на германский империализм, обеляя царизм и вообще Антанту.

С конца 20-х годов взгляд на классовые интересы как на главную побудительную силу внешней политики получает широкое распространение в советской историографии. В. П. Семенников, А. А. Могилевич и М. Э. Айрапетян, Ф. И. Нотович, В. И. Бовыкин, А. В. Игнатьев, В. М. Хвостов[2] в своих монографиях уделяют большое внимание изучению тех глубинных социально-экономических и политических факторов, которые в конечном счете и определяли внешнюю политику отдельных стран. В частности, борьбу между проанглийским и прогерманским течениями они рассматривают как конфликт между буржуазными и феодальными элементами в господствующих классах России.

Монография И. В. Бестужева[3] впервые вводит в научный оборот новые материалы о борьбе в России по вопросам внешней политики. Однако концепция автора о том, что на протяжении всего периода 1906—1910 гг. царизм проводил политику «третьего радующегося» в назревающем столкновении Англии с Германией, представляется нам спорной, так как базируется на ложной предпосылке о полной самостоятельности и независимости внешней политики России. Автор явно недооценивает растущую финансовую зависимость царизма от западного, главным образом французского, империализма.

Между тем если с развитием деятельности русских коммерческих банков по мере роста внутренних накоплений и форми-

---

[1] «Былое», 1922, № 19, стр. 161.

[2] См.: В. П. Семенников. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929; А. А. Могилевич и М. Э. Айрапетян. На путях к мировой войне 1914—1918 гг. М., 1940; Ф. И. Нотович. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны, т. 1. М.—Л., 1947; В. И. Бовыкин. Из истории возникновения первой мировой войны. М., 1961; А. В. Игнатьев. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1907—1914). М., 1962; В. М. Хвостов. История дипломатии, т. II. М., 1963.

[3] См.: И. В. Бестужев. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М., 1961.

рования финансового капитала зависимость ряда отраслей народного хозяйства страны от иностранного капитала ослабевала, то параллельно с этим развивался и другой процесс — постоянное усиление финансовой зависимости царского правительства от крупнейших империалистических держав в результате внешних займов. Воздействие внешних займов на весь ход социально-экономического и политического развития страны было гораздо более глубоким и пагубным, чем инвестиции иностранных капиталов в промышленность и банки России. Последние все же шли на производительные цели, тогда как внешние займы — на новые вооружения и подавление революции.

Франция использовала займы царскому правительству, чтобы поставить русскую армию на службу своим интересам. Французский генеральный штаб добивался от России увеличения численности армии, изменения ее комплектования, передислокации, сокращения сроков мобилизации, сооружения стратегических железных дорог к западным границам и вообще проведения плана военных преобразований, которые сводились в конечном счете к подготовке войны с Германией. Союзники перестали даже скрывать, что в надвигающемся военном конфликте России уготована незавидная роль поставщика пушечного мяса. Французский журнал «Корреспондан» в 1913 г. писал: «В браке двух наций Республика приносит свое приданое, империя — свою силу». Даже кадеты при всей угодливости перед союзниками признавали, что «Россия, таким образом, ставится в обидное положение как бы наемника» [1].

Конечно, нельзя перегибать палку и в обратном направлении. Нельзя согласиться, например, с тезисом И. В. Сталина о том, что царская Россия ко времени первой мировой войны стала почти полуколонией и играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных империалистических держав.

Несмотря на возрастание финансовой зависимости царизма от Франции, Россия с ее неисчерпаемыми людскими и материальными ресурсами оставалась великой европейской и мировой державой. Естественно, что главные претенденты на мировое господство — Англия и Германия, готовясь к решительной схватке, стремились иметь Россию на своей стороне. И после поражений в войне с Японией Россия для западных империалистов все еще являлась, по выражению графа В. Н. Ламздорфа, «богатой невестой, которую неприятно видеть в объятиях другого». Это облегчало царской дипломатии маневрирование, давало ей возможность использовать англо-германский антагонизм для осуществления собственных экспансионистских целей.

В. И. Ленин никогда не относил Россию к разряду полуколониальных государств. Определяя место России в системе миро-

[1] Выступление Ф. И. Родичева на конференции кадетской партии 23 марта 1914 г. ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 16, л. 17.

вого империализма, он считал ее наряду с Францией и Японией первоклассной, хотя и не вполне самостоятельной, великой державой [1].

2. Образование Тройственного согласия. Международная обстановка в 1906—1914 гг. определялась обострением соперничества между великими державами, ростом классовых конфликтов и противоречий между колониями и метрополиями.

Наступление монополистического капитала на жизненный уровень рабочих, усиление политической реакции, с одной стороны, и революция 1905—1907 гг. в России, с другой стороны, вызвали подъем рабочего движения в Западной Европе. Массовые стачки железнодорожников и металлистов во Франции (1909—1910), всеобщие стачки железнодорожников и углекопов в Англии (1911—1912), стачка рурских горняков (1912), баррикадные бои в Турине, Милане и Флоренции (1914), усиление национально-освободительного движения угнетенных народов Европы — ирландцев, чехов, хорватов, сербов и особенно новый подъем рабочего движения в России — все это свидетельствовало о назревании общеевропейского революционного кризиса.

Вместе с тем вдохновляющий пример героического пролетариата России ускорил пробуждение Азии, подъем национально-освободительных движений на Востоке — в Персии, Турции, Китае, Индии, Индонезии, обусловленный безудержной колониальной экспансией империалистических держав.

Крайнее обострение неравномерности развития в эпоху империализма изменило соотношение экономических и военных сил на мировой арене. Усилилась борьба за источники сырья, рынки сбыта и сферы влияния. Это привело к расколу Европы на враждующие блоки и подготовке ими войн за передел уже поделенного империалистами мира.

На путь войны буржуазию толкало также обострение классовых и национальных противоречий. Разжигая шовинизм, буржуазия рассчитывала уничтожить интернациональную солидарность рабочих, отвлечь их от борьбы против капитализма.

Окончательное оформление двух противоборствующих империалистических группировок: Тройственного союза и Тройственного согласия, невиданный рост милитаризма, разгорающееся пламя военных конфликтов — таково главное содержание международных отношений рассматриваемого периода.

После русско-японской войны 1904—1905 гг. произошли значительные изменения в расстановке политических сил на международной арене. Эти изменения были связаны в первую очередь с углублением противоречий между Англией и Германией. Германские империалисты, опередившие Англию в промышленном развитии, но менее обеспеченные источниками сырья, требовали для себя «места под солнцем», перераспределения колоний и

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 178.

сфер влияния. Для поддержки своей политики колониальных захватов Германия решила вырвать у Англии первенство на море и с этой целью приступила в 1900 г. к выполнению большой программы строительства военного флота, которая предусматривала на протяжении 15 лет удвоение его тоннажа.

Перед лицом германской экспансии британская дипломатия еще в начале 900-х годов отказалась от традиционной политики «блестящей изоляции» и взяла курс на сближение с Францией, мечтавшей о реванше против Германии. В 1904 г. британское правительство заключило соглашение с Францией, открывавшее дорогу и к сближению с Россией. В свою очередь царская Россия нуждалась в сильном союзнике, чтобы парализовать агрессивные замыслы японской военщины в отношении русского Дальнего Востока и остановить проникновение Германии на Ближний Восток. Министр иностранных дел А. П. Извольский в письме к начальнику генерального штаба Ф. Ф. Палицыну от 20 сентября 1906 г. подчеркивал, что «устранение вековой англо-русской розни, приковывавшей наши силы к дальне- и средневосточным театрам, позволит нам, когда наступит время, приложить эти силы к решению тех великих исторических задач, которые мы имеем на Ближнем Востоке» [1].

Под «великими историческими задачами» русской внешней политики Извольский имел в виду прежде всего традиционное стремление царизма к обладанию черноморскими проливами. Это должно было обеспечить России свободный доступ к Средиземному морю и безопасность всего Черноморского побережья.

С вступлением России в эпоху империализма экономическое и стратегическое значение проливов для нее еще более возросло. Это было связано в первую очередь с увеличением русского хлебного экспорта, который во все возрастающей доле направлялся через проливы. За 50 лет (1861—1911) экспорт зерна из России возрос в 11 с лишним раз; в 1907 г. 89% зерна было вывезено через Дарданеллы. Таким образом, морской путь через проливы являлся для России важнейшей торговой артерией.

Рост германского влияния в Турции, стремление Германии не только подчинить себе экономику Турции, но и установить свой контроль над ее вооруженными силами представлял и прямую угрозу России. Господство Германии на берегах Босфора привело бы к полному подчинению ей экономического развития всего юга России и ставило под удар наиболее уязвимые в военном отношении и экономически самые важные районы России.

Курс на сближение с Англией встретил полное одобрение русских буржуазно-помещичьих партий — от умеренно-правых до кадетов.

Еще в 1905 г. Струве развивал мысль о необходимости новой ориентировки всей русской внешней политики. По его мнению, к

[1] АВПР, ф. персидский стол, д. 4139, л. 156.

прочному миру с Японией Россия могла прийти только при условии посредничества союзницы Японии — Англии. Англо-русское соглашение в связи с франко-русским союзом укрепит мир, приблизит к разрешению многие жгучие вопросы международной политики, и в первую очередь преобразование Оттоманской империи в интересах угнетенных народов, сделает возможным радикальное решение македонского и армянского вопросов. Таким образом, оно послужит для России орудием возрождения лучших традиций ее политики на Ближнем Востоке.

Наоборот, союз и даже сближение России с Германией, с точки зрения Струве, невозможны, ибо интересы и политика Германии и России, по меньшей мере, не тождественны, если и не прямо антагонистичны на Ближнем Востоке. Германия поддерживает целостность Турецкой империи и стремится овладеть Малой Азией, находящейся в сфере естественных экономических и культурных влияний России. Если последняя вступит в союз с Германией или останется изолированной в международном отношении (франко-русский союз мертв без англо-русского соглашения), то она вынуждена будет нести непосильные тяготы милитаризма, так как несомненно, что при наличии глубокого англо-германского антагонизма русско-германский союз будет направлен против Англии и Японии и явится фактором дальнейшего увеличения военного бюджета России, обессиленной войной с Японией. Соглашение же России и Франции с Англией и Японией даст России абсолютную гарантию ненападения со стороны Германии. Следует также учесть, указывал Струве, что правящие круги Германии боятся и не желают коренных политических и социальных реформ в России, справедливо предвидя, что они усилят и в Германии движение в пользу социальных преобразований. К тому же Германия, ведущая ожесточенную борьбу с познанскими поляками, будет мешать русско-польскому примирению [1].

Намеченная Струве новая программа внешней политики России была принята всей либеральной оппозицией. Кадетский «Вестник народной свободы» в 1907 г. писал, что союз с Англией устранит опасность новой войны с Японией, разграничит интересы России и Англии в Персии и усилит позиции России на Балканах и в Турции. При этом кадеты уверяли, что «близость с передовыми демократиями... будет содействовать делу обновления России на началах права и свободы» [2].

Поворот царизма от традиционной дружбы с соседними монархиями к соглашению с «коварным Альбионом» произошел не без борьбы.

В России были влиятельные реакционные круги, ориентировавшиеся на Германию. В основе их позиции лежали тесные ди-

[1] ЦПА, ф. 302, оп. 1, д. 13, лл. 4—5, 27—28, 30—32.
[2] «Вестник народной свободы», 1907, № 2, стр. 82.

настические связи и надежда на вооруженную помощь Германии в случае новой революции в России. Прогерманские настроения были сильны в дворцовой камарилье, которая состояла преимущественно из остзейских дворян. Сторонники ориентации на Германию были в Совете министров (В. Н. Коковцов, А. В. Кривошеин, П. К. Шванебах) и в дипломатическом корпусе (Р. Р. Розен, П. С. Боткин). За дружбу с Германией ратовали ультраправые партии и организации — «Союз русского народа», правая группа в Государственном совете (лидер П. Н. Дурново), фракция правых в Государственной думе (Г. Г. Замысловский, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков 2-й). В этих кругах, выражавших интересы феодального дворянства, была популярна идея возрождения «Союза трех императоров» как оплота монархической реакции в Европе.

Но объективные интересы русских помещиков и буржуазии оказались сильнее политических симпатий реакционеров к кайзеровской Германии. Последняя заодно с Австро-Венгрией грозила превратить Балканы и Турцию в сферу своего влияния. Это обстоятельство заставляло царизм идти, хотя и с большими колебаниями, в фарватере англо-французской Антанты.

В конце мая 1906 г. английское правительство предложило начать переговоры. Царское правительство ответило согласием. Однако переговоры с самого начала зашли в тупик, так как новое обострение внутриполитического кризиса (апрель — июль 1906 г.) усилило в русских правящих сферах прогерманские настроения. Именно к этому времени относится открытая угроза царского правительства прибегнуть для подавления революции к помощи «немецкого бронированного кулака». В свою очередь английское правительство не было уверено в том, что царизм уцелеет, и не исключало возможности перехода власти в России к левым партиям. Грей писал 28 июля 1906 г. Никольсону, что, «пока Россия находится на грани революции, не нужно спешить, а делать только то, что необходимо, чтобы переговоры не замерзли» [1]. Только осенью 1906 г., когда внутреннее положение царизма несколько упрочилось, английское правительство признало ошибкой свою ставку на приход к власти кадетской партии и стало видеть гарантию «порядка» в России в Столыпине. С этого времени англо-русские переговоры получили твердую почву.

В ходе переговоров Грей искусно использовал внутренние затруднения царизма в период II Государственной думы, чтобы избежать каких-либо определенных обязательств в вопросе о проливах. После того как Извольский, по-видимому, намекнул о русских видах на черноморские проливы, Грей писал Никольсону (1 апреля 1907 г.): «Действительная трудность перед нами заключается в предстоящих событиях в самой России... Если Дума будет распущена и настанет режим погромов и военных

[1] «British Documents», vol. IV, № 227.

судов, то настроение в Англии будет очень неблагоприятным... если мы изберем именно этот момент для уступки в вопросе о проливах, это вызовет недовольство...»[1] Никольсон передал Извольскому предупреждение Грея о невозможности соглашения о проливах в случае роспуска Думы и установления в стране открытого террористического режима, и царское правительство предпочло не возбуждать этого вопроса.

До соглашения с Англией царское правительство хотело урегулировать русско-японские противоречия. Японские милитаристы считали, что мир с Россией был заключен преждевременно, и стремились к новым захватам на Дальнем Востоке за счет России. В русских военных кругах также раздавались призывы к реваншу. Германия, непосредственно заинтересованная в отвлечении внимания России с Ближнего на Дальний Восток, подстрекала к возобновлению русско-японской войны, обещая свою помощь и выдвигая идею германо-русско-американской коалиции против Японии. Но главным препятствием к соглашению явились требования японского правительства, чтобы граница между сферами влияния в Маньчжурии прошла по реке Сунгари, в результате чего в сфере влияния Японии оказались бы 120 *км* КВЖД (от станции Сунгари до станции Куанченцзы). Японское правительство добивалось также права свободного судоходства по Амуру и Сунгари, льготного провоза товаров в Сибири, фактически неограниченной свободы рыбной ловли у Дальневосточного побережья России. Словом, по тревожным сообщениям русской печати, в которую просачивались эти сведения, речь шла теперь об «экономическом завоевании японцами Маньчжурии и всего Дальнего Востока». Чтобы сдвинуть переговоры с мертвой точки, Извольский дал согласие на ту линию разграничения Маньчжурии, на которой настаивала Япония. Русское правительство решило также досрочно эвакуировать свои войска из Северной Маньчжурии. Обострение русско-японских отношений отвлекало военные силы России на Дальний Восток, чем обесценивалось значение ее как союзника Франции в Европе. Поэтому Англия и Франция оказали давление на Японию, чтобы заставить ее умерить свои требования по отношению к России.

15 июля 1907 г. были подписаны русско-японские торговый договор и рыболовная конвенция, а через день — соглашение по общеполитическим вопросам. Последнее состояло из гласной конвенции, заявлявшей о сохранении обеими державами статус-кво на Дальнем Востоке, и секретного договора, устанавливающего, что Северная Маньчжурия и Внешняя Монголия входят в сферу влияния России, а Южная Маньчжурия и Корея — в сферу влияния Японии.

Спустя месяц, 18 августа 1907 г., в Петербурге было подписано соглашение между Россией и Англией о разграничении инте-

[1] «Последние новости», 19 мая 1926 г.

ресов в Персии, Афганистане и Тибете. По этому соглашению Персия делилась на три зоны: северную — сферу влияния России, юго-восточную — Англии и среднюю — нейтральную. Стороны обязались не домогаться концессий в чужой сфере влияния и не вмешиваться в экономические и политические мероприятия, которые предпримет другая сторона в своей зоне. Нейтральная зона оставалась открытым полем конкуренции для русских и английских капиталистов. Обеим державам предоставлялись равные права в отношении приобретения концессий в этой зоне. Россия и Англия договорились также о контроле над источниками доходов Персии в случае, если бы платежи по персидским займам поступали неисправно.

Одной из задач англо-русского соглашения было подавление персидской революции. В нем говорилось о необходимости сохранения порядка в Персии на всем протяжении этой страны.

Россия признала Афганистан находящимся вне сферы своих интересов и обязалась вести политические сношения с ним только через посредство британского правительства. Англия обязалась не допускать в Афганистане меры, «угрожающие России». В области торговли с Афганистаном был принят принцип равноправия. Признание Россией фактически английского протектората над Афганистаном ослабляло ее стратегические позиции в Средней Азии.

Относительно Тибета обе стороны согласились уважать его территориальную целостность и внутреннее управление, сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства и не добиваться там концессий или других прав. Однако это обязательство не распространялось на сношения английских коммерческих агентов с тибетскими властями.

На заседании Государственной думы 27 февраля 1908 г. лидер либеральной оппозиции Милюков горячо приветствовал заявление Извольского о подписании англо-русского соглашения. Недовольны им были только крайние черносотенцы. Они утверждали, что не Германия, а Англия была и остается главным противником овладения Россией черноморскими проливами, что англичане, «обезвредив» Россию при помощи Японии, теперь рассчитывают руками России «обезвредить» Германию во славу своей мировой гегемонии. Крайние англофобы, например П. С. Боткин, предупреждали, что Англия, «отстранив нас от Германии, будет искать с нею сближения за счет России».

Черносотенцы были обеспокоены и тем, как бы союз с «западными демократиями» не усилил «разрушительные» оппозиционные силы внутри России. Они указывали, что Англия и Франция делали ставку на приход к власти в России либералов, что эти державы заинтересованы в сохранении русской «конституции», тогда как кайзеровская Германия всегда готова оказать помощь царизму в подавлении революции.

Международное значение англо-русского соглашения не ограничилось разделом стран Среднего Востока на сферы влияния. Оценивая империалистическую сделку 1907 г., В. И. Ленин писал: «...делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)»[1]. Ленин, таким образом, раскрыл две тесно связанные между собой стороны англо-русского соглашения: дальнейший раздел и грабеж зависимых стран Азии и подготовку к войне с Германией. Сделка по колониальным вопросам привела в конечном счете к расколу Европы на два противостоящих военно-политических блока: Тройственное согласие, или Антанту (Россия, Франция, Англия), и Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и, следовательно, явилась крупнейшей вехой на пути к первой мировой войне.

Англо-русское соглашение 1907 г. было резко осуждено демократической общественностью Англии и России. В резолюции V съезда РСДРП подчеркивалось, что «проектируемое соглашение английского правительства с русским явилось бы громадной моральной поддержкой для злейшего врага цивилизации»[2]. Съезд апеллировал к английской демократии, призывая ее своим давлением помешать правительству Англии совершить это преступление по отношению к освободительному движению России. Рабочие организации Англии и их пресса критиковали англо-русский договор 1907 г. главным образом с точки зрения его неблагоприятного влияния на развитие революционного движения в России. В мае 1907 г. в английских газетах было опубликовано письмо 17 лиц, среди которых были Дж. Голсуорси, Б. Шоу и другие. Авторы письма осуждали соглашение по тем мотивам, что оно может укрепить царизм и «отдалить момент освобождения русского народа».

3. Обострение австро-русских и русско-германских отношений. Виднейший идеолог российского империализма Струве считал, что прочное англо-русское соглашение и франко-русский союз, безусловно, необходимые гарантии создания «Великой России». В 1908 г. он писал: «Теперь пора признать, что для создания Великой России есть только один путь — направить все силы на ту область, которая действительно доступна влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, или, точнее, весь т. н. Ближний Восток». Но для этого «мы должны быть господами на Черном море... Это осуществимо только при том условии, если мы из числа крупных морских держав будем иметь своим противником там в худшем случае одну Германию, против которой у нас всегда будет «прикрытие» в лице Англии и Франции»[3].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 669.

[2] «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 1. М., 1970, стр. 220.

[3] «Русская мысль», 1908, № 1, стр. 146 (2-я пагинация).

Камуфляжем для политики русского царизма на Ближнем Востоке служила панславистская концепция об «исторической миссии» России как «освободительницы славянских народов». На одном из заседаний ЦК кадетской партии Милюков заявил, что «славянство — даровая сила против германизации Балкан, и эту силу надо использовать» [1]. Ему вторил член клуба общественных деятелей В. М. Володимиров: «Нам, как и всякому другому народу, ведущему мировую политику, необходима твердая почва, сочувственная среда, моральное и физическое содействие сил, вне нас лежащих, и мы нигде их не найдем, вне славянства, ныне слабого и разрозненного, но которое нашими усилиями и взаимным единением может вырасти до размеров влиятельного фактора европейской политики» [2].

Но в отношении тактики для достижения «славянского единения» не было согласия. Националисты и большинство октябристов представляли его в виде поглощения Россией малых славянских народов. Национал-либералы же в лице кадетов и прогрессистов хотели в старые панславистские мехи влить новое вино. По их убеждению, Россия могла бы выполнить свое «историческое призвание» лишь на основе активной политической деятельности на Балканах и создания там благоприятных условий для русского культурного и торгового влияния. Это должно было подготовить образование всеславянской федерации под главенством России.

Реализация этой программы была, однако, невозможна без устранения того внутреннего противоречия, которое было указано еще Б. Н. Чичериным: поднимая за рубежом знамя свободы, русское правительство не должно было попирать его у себя дома. Как подчеркивал Струве, «Программа» Великой России «...есть программа либерального империализма, несоединимого с реакционным «национализмом», который есть лишь красивая кличка для защиты дооктябрьских, полицейских и крепостных, начал» [3].

Непременным условием неославистской политики должно стать примирение с поляками на почве признания за ними национальных прав. Только в этом случае могло бы исчезнуть недоверие к России западных и южных славян. Россия могла утвердиться в Константинополе лишь в качестве центра всеславянской федерации. «Решение польского вопроса, — писал прогрессист князь Е. Трубецкой, — преодоление русско-польского антагонизма — вот истинный ключ к обладанию проливами и к решению всего ближневосточного вопроса» [4].

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 29.

[2] «Записка о созыве общеславянского съезда». ЦГИА СССР, ф. 909, оп. 1, д. 395, л. 1.

[3] Петр Струве. Балканский кризис и исторические задачи России. «Русская мысль», 1912, № 12, стр. 160 (2-я пагинация).

[4] «Русская молва», 24 марта (6 апреля) 1913 г.

Но призыв к урегулированию русско-польских отношений не встретил поддержки со стороны националистов и октябристов. На славянском съезде в Праге (1908) русские делегаты — в большинстве националисты и октябристы — потребовали, чтобы польский вопрос, являясь вопросом внутренней политики России, вообще не рассматривался на съезде. В знак протеста против преследования польской культуры и языка кадеты, прогрессисты и поляки не поехали на следующий славянский съезд в Софии (1910). А это означало крушение основной идеи неославизма. Характерно, что князь Е. Трубецкой, отчаявшись сблизить все «конституционные» элементы на базе национал-либерализма и неославизма, в 1910 г. прекратил издание «Московского еженедельника».

Активная политика России на Ближнем Востоке неизбежно должна была привести к столкновению с Австро-Венгрией и Германией, которые, воспользовавшись ослаблением царизма после русско-японской войны и революции 1905—1907 гг., сами перешли в наступление.

В январе 1908 г. австро-венгерский министр иностранных дел барон Эренталь объявил о предстоящем проведении Австро-Венгрией с согласия турецкого султана железной дороги на Митровицу, откуда уже имелась железная дорога к Салоникам. Осуществление этого проекта упрочило бы влияние Австро-Венгрии в центре и во всей западной половине Балканского полуострова, включая Македонию. Выступление Эренталя, не согласованное с Россией, означало отказ Австро-Венгрии от Мюрцштегского соглашения 1903 г., предусматривавшего сотрудничество обеих держав на Балканах.

21 января 1908 г. на совещании министров Извольский выступил за «размораживание» балканских вопросов, и в первую очередь вопроса о проливах [1]. Обратив внимание на то, что на Балканах «могут в любой момент совершиться такие события, которые предотвратить не в нашей воле», он поставил вопрос: «Какое положение займет в этих событиях Россия — пассивное или активное?» Совещание высказалось против «решительной политики». Особенно энергично требовал избегать внешнеполитических осложнений Столыпин. Он заявил, что «новая мобилизация в России придала бы силы революции, из которой мы только что начинаем выходить... В такую минуту нельзя решаться на авантюры или даже активно проявлять инициативу в международных делах. Иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства, и она повлекла бы за собой опасность для династии. Через несколько лет, когда мы достигнем полного успокоения, Россия снова заговорит полным языком». Столыпин предупредил Из-

[1] Вопрос о проливах был «заморожен» в формуле Лондонского договора 1871 г.: закрытие их для военных судов всех наций.

вольского о необходимости помнить, что «в руках его теперь рычаг без опоры», т. е. без военной поддержки, и что «в случае серьезных осложнений на Балканах придется надеяться на дипломатическое искусство министра иностранных дел». 10 февраля 1908 г. Совет государственной обороны признал, что «вследствие крайнего расстройства материальной части в армии и неблагоприятного внутреннего состояния необходимо ныне... избегать таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения». Царь утвердил это постановление, написав: «Береженого и бог бережет» [1].

В июне 1908 г. произошло свидание Николая II с английским королем Эдуардом VII на рейде Ревельского порта. С русской стороны в переговорах участвовали Столыпин и Извольский. Английское правительство хотело использовать встречу в Ревеле для заключения военного соглашения с Россией. Однако эта акция не встретила тогда откликов с русской стороны. Царское правительство опасалось быть втянутым в войну с Германией преждевременно и потому уклонялось от формальных обязательств общеполитического и военного характера. Извольский объяснил представителю английского министерства иностранных дел Ч. Гардингу, что слабость России заставляет ее соблюдать в отношении Германии величайшую осторожность, не давая последней повода жаловаться на антигерманскую направленность сближения с Англией. Царские министры ограничились обещанием ускорить восстановление военной мощи России, англичане высказали твердое намерение поддерживать необходимое превосходство своего флота над германским.

В Ревеле обе стороны пришли к соглашению о замене австро-русской опеки над Македонией, предусмотренной Мюрцштегским соглашением 1903 г., международным контролем с участием Англии и о поддержке шахского правительства Персии против революционного движения.

Начавшаяся в июле 1908 г. младотурецкая революция помешала реализации австрийского железнодорожного проекта, но Эренталь решил воспользоваться внутренними затруднениями в Турции, чтобы осуществить давно подготовлявшуюся Австро-Венгрией аннексию Боснии и Герцеговины. Эти две турецкие провинции, населенные сербами и хорватами, по решению Берлинского конгресса 1878 г. были оккупированы австро-венгерскими войсками, но оставались под номинальным суверенитетом Турции. Революция в Турции усилила освободительное движение южнославянских народов и их стремление к объединению с Сербией. Аннексия Боснии и Герцеговины должна была явиться первым шагом к уничтожению Сербии и подчинению Австро-Венгрии Балканского полуострова. Подготовляя аннексию Бос-

[1] «Вестник Народного комиссариата иностранных дел», 1919, № 1, стр. 19—26.

нии и Герцеговины, Эренталь заранее хотел получить на это согласие России. Он выразил готовность вступить в переговоры с Россией об открытии проливов для русских военных судов.

Учитывая военную слабость России, Извольский рассчитывал проложить ей путь к проливам через балансирование между англо-французской Антантой и Тройственным союзом. После своих соглашений с Японией и Англией Извольский намеревался действовать в согласии с Германией и Австрией на Балканах. Поэтому он принял предложение Эренталя обсудить интересующие обе державы вопросы в «духе дружеского взаимопонимания».

На свидании Извольского с Эренталем в Бухлау 2 сентября была достигнута устная договоренность о том, что Россия не будет возражать против присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии, а последняя признает, когда Россия сочтет нужным возбудить этот вопрос, открытие проливов для русских военных судов. Так как аннексия Боснии и Герцеговины нарушала 25-ю статью Берлинского трактата 1878 г., Извольский предупредил Эренталя, что окончательное решение этого вопроса должно принадлежать международной конференции.

После свидания в Бухлау Извольский отправился в дипломатическое турне, чтобы получить от других великих держав согласие на изменение режима проливов. 21 сентября 1908 г., подъезжая к Парижу, он узнал из газет, что Австрия 7 октября объявит об аннексии Боснии и Герцеговины. Глава французского правительства Клемансо на словах отнесся сочувственно к планам Извольского об открытии Босфора и Дарданелл для русских военных кораблей, но предупредил о важности согласия Англии. В Лондоне же Извольского постигло полное фиаско. Британское правительство дало понять, что английское общественное мнение не подготовлено к одностороннему открытию проливов только для России.

Тем временем согласие Извольского на аннексию Австрией славянских областей всполошило националистические круги России. А. А. Киреев писал 9 октября 1908 г. Ф. Д. Самарину: «Очень боюсь, чтобы мы в лице министра иностранных дел не польстились на какую-нибудь компенсацию на конференции по случаю захвата Боснии Австрией. Такая компенсация... скомпрометировала бы нас перед всем славянством. То кровь проливали за славян, то продаем их!» [1]

19 сентября 1908 г. состоялось совещание министров под председательством царя, на котором представителем иностранного ведомства было указано на возможность и целесообразность при условии известных компенсаций и гарантий для России признания ею произведенного Австрией акта. На это со стороны Столыпина и прочих министров последовало категорическое заявление в том смысле, что, по их глубокому убеждению, на такой почве никакое

[1] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 328, л. 147.

соглашение с Австрией недопустимо. Тогда же была намечена редакция правительственного меморандума, в котором заявлялось, что российское правительство, признавая присоединение Боснии и Герцеговины не согласным с международными трактатами, не считает себя вправе вступать с Австрией в какие-либо переговоры по этому поводу.

Однако проектируемое совещанием решение не было исполнено из-за возражений Извольского. Последний считал, что если русское правительство отнесется к аннексии чисто отрицательно, то у него будут лишь две альтернативы: или ограничиться бесплодным протестом, или прибегнуть к угрозам, которые могут привести к войне. Сам Извольский находил «наиболее приемлемым в практическом отношении путь спокойного признания совершившегося события с возможным использованием его в выгодах России». К сожалению, русское общественное мнение придало преувеличенное значение этому событию, увидев в нем «оскорбление славянской идеи и вызов России». В результате путь прямого соглашения с Австрией оказался «чрезвычайно затрудненным», и Извольскому пришлось выдвинуть мысль о европейской конференции для обсуждения самочинных, односторонних действий Австрии [1].

Но такая конференция совершенно не устраивала Австрию, которая сперва наотрез отказалась от передачи вопроса о Боснии и Герцеговине на международное обсуждение, а затем настаивала на том, чтобы аннексия была предварительно санкционирована великими державами, а не рассматривалась на конференции по существу.

Таким образом, идея международной конференции повисла в воздухе. Путь же войны категорически исключался царским правительством. На заседании Совета министров 25 октября 1908 г. Коковцов заявил: «Главная наша цель — устранить возможность войны для России... Нам не отвертеться от молчаливого или явного признания аннексии» [2]. Это заявление не встретило возражений со стороны прочих министров. В создавшихся условиях для русской дипломатии оставалось одно: ссылаясь на «возбужденное состояние» общественного мнения, затягивать по возможности дело с признанием захвата Австрией славянских провинций.

8 марта 1909 г. германский посол в Петербурге потребовал от Извольского ясного ответа, готова ли Россия безоговорочно признать аннексию Боснии и Герцеговины, добиться того же от Сербии и отказаться от требования конференции? Как хвастливо заявил Бюлов, «германский меч брошен на весы европейских решений». На следующий день в Царском Селе состоялось Осо-

[1] См.: «Проект особого журнала Совета министров 25 октября 1908 г. по вопросу о присоединении Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины». ЦГАОР СССР ф. 601, оп. 1, д. 750, лл. 1—2, 4—8.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 750, л. 17.

бое совещание, которое решило принять германский ультиматум.

Дипломатическая капитуляция царской России объяснялась, помимо военной неподготовленности, также и опасением новой революции в случае войны. Столыпин был твердо убежден в том, что «развязать войну — значит развязать силы революции». Следовательно, страх перед войной у царского правительства был основан на страхе перед своим же народом. Воюя с ним, царизм во внешней политике проявлял миролюбие, но это был не результат собственной силы, а результат бессилия.

Панический страх перед внешними осложнениями вместе с правительством и черносотенцами разделяли тогда и буржуазные партии. Они считали, что правительство должно сделать выбор между внутренней и внешней войнами, но никак не пытаться вести обе войны сразу. На заседании Государственной думы 23 февраля 1909 г. Гучков заявил, что, пока не наступит у нас внутренний мир, Россия воевать не должна и не будет. Точно так же и лидер думской оппозиции Милюков говорил, что «нельзя воевать с внешним врагом, пока не заключим мира с собственным народом» [1]. Но, по мнению Милюкова, нельзя было раскрывать карт и демонстрировать перед всем миром свой страх перед войной. Поэтому к заявлению Гучкова в Думе «мы должны отнестись отрицательно, так как подобные заявления о собственном бессилии уменьшают наши шансы за границею... Нам нельзя стоять на той точке зрения, что Россия, что бы не произошло, воевать не должна и не будет. Следовательно, и от нашей дипломатии мы вправе требовать, чтобы она держалась с большим достоинством... Извольский, если увидит, что над ним нет палки общественного мнения, окончательно предаст интересы Сербии» [2].

Предложение Милюкова взять в думских выступлениях ноту «национальной гордости» не было, однако, поддержано его коллегами. По убеждению В. Д. Набокова, «как бы мы ни старались казаться молодцами, нам никто не поверит». В тон ему В. М. Гессен заявил, что «нам ни в коем случае не следует бить в барабаны и демонстрировать свою силу». Решительным противником войны и вообще активной внешней политики объявил себя А. И. Шингарев. Даже П. Б. Струве, один из коноводов неославизма, признал опасным бряцать оружием: «Случись война — побиение России было бы грандиозное и невиданное в мире... Франция и Англия... не вмешались бы. «Национального возбуждения» нам просто не позволит полиция, так как П. А. Столыпин его не хочет. Поэтому и нашей партии теперь бесполезно поднимать шум по славянским делам» [3].

---

[1] П. Н. Милюков. Балканский кризис и политика А. П. Извольского. СПб., 1910, стр. 157.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, лл. 2 и 5.

[3] Там же, лл. 6, 7, 9—11.

Боснийский кризис показал всю призрачность надежд на поддержку русских притязаний на проливы союзниками, особенно Англией.

В черносотенных газетах печатались резкие выпады против «западных демократий» и проводилась мысль о необходимости дружбы с «добрым соседом» — Германией, как могучим оплотом монархического принципа. Так, Пуришкевич при обсуждении сметы министерства иностранных дел на заседании Государственной думы 2 марта 1910 г. разливался в любви «к тому соседу, с которым мы живем последние 100 лет в доброй дружбе». Эти слова вызвали рукоплескания справа и возгласы: «браво!». Пуришкевич не преминул также сделать выпад против союзной Франции, обвинив делегацию французских парламентариев, посетившую незадолго перед этим Россию, в пропаганде конституционных идей [1].

Трубадур англо-русского «сердечного сближения» Извольский стал мишенью для язвительных насмешек. Его называли «Наполеоном, начавшим с Ватерлоо».

В отличие от черносотенцев буржуазные партии из Боснийского кризиса сделали вывод о необходимости для царской дипломатии впредь действовать не изолированно, а сообща с союзниками.

На заседании Думы 2 марта 1910 г. Милюков заметил, что «при нашей временной слабости, казалось бы, следовало опираться на ту силу, которую может дать нам наша система союзов и соглашений. Я утверждаю, что мы систематически оставляем эти ресурсы неиспользованными» [2].

Чтобы заинтересовать в судьбах русской «конституции» политические и общественные круги Англии, упрочить узы англо-русского соглашения и подготовить визит царя в Лондон, летом 1909 г. депутация из членов Государственной думы и Государственного совета посетила Англию.

В состав депутации вошли кадеты, прогрессисты, октябристы и умеренно-правые. Русские «парламентарии» пытались скрыть от западноевропейской общественности глубокую пропасть, отделявшую кровавый царизм от народа. На торжественном обеде у лорд-мэра Лондона 19 июня 1909 г. Милюков заявил, что «до тех пор, пока в России существует законодательная палата представителей с правом контролировать бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству» [3].

Холопские излияния «народных представителей» были встречены с возмущением в демократических кругах России. Они

---

[1] «Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909—1910 гг.». Сессия третья, ч. II. СПб., 1910, стб. 2797.

[2] Там же, стб. 2760—2761.

[3] «Речь», 24 июня 1909 г.

вызвали смущение даже среди кадетов. «Как будто мы поцеловали розгу, которой нас секут» [1], — сознался один кадет.

В 1910 г. Извольский оставил пост министра иностранных дел и был назначен послом в Париж. Его преемником стал С. Д. Сазонов, который считал альфой и омегой своей политики «согласие с Англией». В то же время Сазонов полностью разделял точку зрения Столыпина о необходимости избегать во что бы то ни стало всяких поводов к европейским осложнениям еще многие годы, пока не наступит «умиротворение» внутри страны. Поэтому новый министр ставил перед собой задачу «обезвредить Германию на долгий срок путем уступок ей в области экономических интересов» [2].

Австро-германская дипломатия оказалась не в состоянии расколоть Антанту. После Боснийского кризиса противоречия между Тройственным согласием и австро-германским блоком еще более обострились. Германия воспользовалась успехами своей союзницы для расширения влияния на Балканах и вытеснения оттуда английских, французских и русских соперников. С другой стороны, Сербия не отказалась от идеи воссоединения южнославянских земель, а царская Россия — от поддержки Сербии и от планов захвата проливов, для чего необходимо было дальнейшее сближение с Англией и Францией. Боснийский кризис вызвал новую гонку вооружений и усиление шовинистической пропаганды.

В 1910 г. Германия предприняла новую попытку расколоть Тройственное согласие. Во время свидания Николая II с Вильгельмом 22—23 октября 1910 г. в Потсдаме германское правительство предложило России не поддерживать враждебную Германии политику Англии, а взамен этого последняя не станет поддерживать агрессивных намерений Австро-Венгрии на Балканах.

Потсдамское свидание вызвало тревогу в Париже и Лондоне. Здесь опасались, что его последствием будет изменение внешней ориентации России и переход ее на сторону Тройственного союза. Потсдамские переговоры вызвали неблагоприятные отклики и в торгово-промышленных кругах России, которые опасались вытеснения с персидского рынка русских товаров германскими.

После длительных переговоров русское правительство отказалось вставить в текст договора пункт о неучастии России во враждебных Германии союзах и предложило ограничиться соглашением о Персии и Багдадской железной дороге. Таким образом, германская дипломатия не добилась своей главной цели — оторвать Россию от ее союзников.

---

[1] «Протоколы совещания фракции «народной свободы» III Государственной думы с представителями местных групп партии 14—15 ноября 1909 г.». ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 9, л. 46.

[2] С. Д. Сазонов. Воспоминания. Берлин, 1927, стр 37.

6 августа 1911 г. в Петербурге было подписано русско-германское соглашение по персидским делам. Германия обязалась не добиваться для себя в Северной Персии концессий. Со своей стороны Россия не должна была препятствовать сооружению Багдадской железной дороги и построить железнодорожную линию от Тегерана до Ханекина для соединения на турецко-персидской границе с Багдадской магистралью. Это соглашение частично смягчило противоречия между Россией и Германией и оттянуло вооруженный конфликт между ними.

4. Политика царизма на Балканах и в Турции. После младотурецкого переворота 1908 г. германский империализм успешно подчинял своему влиянию экономику, вооруженные силы и государственный аппарат Турции. В сложившихся условиях царское правительство должно было наращивать свои военно-морские силы на Черном море. Однако из-за технической отсталости расширение судостроения в портах Черного моря в ближайшие годы было невозможно. Покупка же судов за границей или перевод части кораблей из Балтийского моря исключались, так как проливы для русских военных судов были закрыты.

Начавшаяся в сентябре 1911 г. итало-турецкая война возбудила у царской дипломатии надежду на возможность решения вопроса об открытии проливов для русского военного флота путем сепаратного соглашения с Турцией.

В октябре 1911 г. русский посол в Константинополе Н. В. Чарыков по поручению Сазонова предложил Турции гарантировать неприкосновенность ее владений в Европе (при условии предоставления автономии Македонии) в обмен на открытие проливов для русских военных кораблей. Он выразил даже готовность содействовать заключению союза между Турцией и Балканскими государствами.

Однако проект Чарыкова был совершенно неприемлем для Балканских стран, так как в основе его лежало сохранение статус-кво на Балканах. Между тем Сербия, Болгария и Греция были заинтересованы в разделе между ними европейских владений Турции. Если нападение Италии на Турцию в Петербурге рассматривали как удобный повод для русско-турецкого сближения, то в Софии, Белграде и Афинах — как неповторимый случай для разгрома Турции общими силами. Точно так же как Турцию, ни одно из Балканских государств не устраивала автономия Македонии: каждое из них претендовало на полное обладание этим краем.

Русский план открытия проливов встретил тайное противодействие империалистических держав, не исключая Англии и Франции. Правда, на запрос царского правительства Англия, Германия, Австро-Венгрия и Италия ответили, что в принципе они не имеют ничего против соглашения об открытии проливов для русских военных кораблей. Но на деле западные империалисты по-прежнему не хотели допустить преобладания России в

Турции, которую они рассматривали как сферу своей колониальной политики. В европейской буржуазной печати началась ожесточенная кампания против России, которую обвиняли в нарушении «равновесия» на Ближнем Востоке.

Убедившись, что в данной обстановке демарш Чарыкова не имеет никаких шансов на успех, Сазонов предписал начисто прекратить дальнейшие переговоры. Чтобы сохранить престиж царского правительства, был пущен слух, что Чарыков вышел из пределов данных ему инструкций. 26 ноября 1911 г. парижские газеты опубликовали интервью Сазонова, где утверждалось, что «Россия ни о чем не просит, не начинала никаких переговоров, не пыталась предпринимать никакого шага» [1]. В марте 1912 г. Чарыков был отозван со своего поста и уволен в отставку.

Неудача попытки добиться открытия проливов путем прямых переговоров с Турцией привела правящие круги России к выводу, что вряд ли удастся овладеть «ключами к Черному морю» без европейской войны.

На Балканах все туже затягивался сложный узел противоречий, в котором национально-освободительное движение переплеталось с захватническими стремлениями правящих клик Балканских государств и соперничеством империалистических держав.

Готовясь к войне с австро-германским блоком, империалистические круги России смотрели на Сербию и Болгарию как на свои «аванпосты», как на «третий фронт» в будущем европейском конфликте. Именно поэтому русская дипломатия приняла на себя посредничество в переговорах Болгарии и Сербии, которые завершились в марте 1912 г. заключением договора об оборонительном союзе против Австро-Венгрии и наступательном против Турции. Секретное приложение к договору определяло линию разграничения территориальных приобретений между союзниками после победы над Турцией. Территория, о будущей принадлежности которой союзники не сумели договориться, была объявлена спорной и вопрос о ее судьбе подлежал передаче на арбитраж России. Сазонов пишет в своих мемуарах: «Наше участие в заключении сербо-болгарского союза давало нам право контроля над действиями союзников, а равным образом — наложения запрета на решительные шаги союзников, не отвечающие видам русской политики» [2].

Царская дипломатия по-прежнему видела в сербо-болгарском сближении первый шаг на пути к Балканской федерации, направленный против Австро-Венгрии. Принимая Балканский союз под свое покровительство, Россия хотела отдалить выступление союзников против Турции до восстановления своих военных сил. Русская дипломатия советовала Болгарии и Сербии не спешить с заключением союза с Грецией, так как у последней имелся по-

[1] «Международные отношения», серия II, т. XIX, ч. I, № 186. М., 1939, стр. 173. Примечание 2.

[2] С. Д. Сазонов. Воспоминания. Берлин, 1927, стр. 64.

стоянный источник недоразумений с Турцией, а именно Критский вопрос. Но все было напрасно. По инициативе Англии Греция в мае 1912 г. подписала союзный договор с Болгарией. С помощью Греции британская дипломатия рассчитывала парализовать влияние России на Балканский союз и в перспективе взорвать его на почве дележа будущей добычи.

В июне 1912 г. вспыхнуло восстание албанских племен против турецких поработителей. Волнения перекинулись в Македонию. Турецкое правительство ответило на них резней мирного населения. Это вызвало страшное возбуждение в Болгарии, Сербии и Греции, откуда на помощь македонским повстанцам стали прибывать волонтеры («четники»).

Осенью 1912 г. Балканские государства категорически потребовали от Турции выполнения 23-й статьи Берлинского трактата — реформ в Македонии. Турция уклонилась. Стремясь не допустить развязывания войны на Балканах, Сазонов отправился в Париж и Лондон для переговоров со своими партнерами по Тройственному согласию. 21 сентября Россия и Австро-Венгрия от имени всех великих держав предупредили Балканские государства о том, что никакое изменение статус-кво не будет разрешено. На обратном пути из Лондона Сазонов остановился проездом в Берлине. Здесь, выступая с речью на банкете, он дал понять, что его усилия увенчались успехом и что «отныне мир на Балканах обеспечен». Через несколько часов ему принесли телеграмму о начале военных действий между Турцией и Черногорией. Вскоре в войну против Турции вступили и другие участники Балканского союза.

Неожиданно для военных обозревателей балканские союзники быстро разгромили турецкую армию. Сербы разбили турецкие войска в Македонии и вышли к Адриатическому морю. Греки заняли Салоники. Болгары нанесли поражение туркам в Восточной Фракии и двинулись на чаталджинские позиции — последнюю линию укреплений на пути к Константинополю. Блестящие победы союзников убедили империалистические государства в невозможности сохранить прежнее положение на Балканах. Вместе с тем империалисты стремились использовать события на Балканах в целях колониального разбоя. Царская Россия стремилась захватить Константинополь и проливы, Австро-Венгрия — Салоники, Италия — Албанию, Германия — Анатолию, Англия — Аравию и Месопотамию, Франция — Сирию.

В обстановке разгула шовинистических страстей международный пролетариат поднял свой голос против угрозы общей войны. По многим странам Европы прокатились антивоенные демонстрации. В ноябре 1912 г. состоялся внеочередной конгресс II Интернационала в Базеле. Он призвал пролетариат всего мира усилить борьбу против милитаризма. Если же война все-таки будет развязана, долг рабочего класса — стремиться к тому, чтобы «использовать порожденный войной экономический и полити-

ческий кризис для пробуждения народа и тем самым ускорить свержение классового господства капиталистов».

В конце 1912 г. опасность европейской войны стала осязательно близкой в связи с движением болгар к Константинополю и выходом сербов к Адриатическому морю. Британской дипломатии удалось склонить Болгарию и Сербию на сторону проекта нейтрализации проливов и превращения Константинополя, в случае распада Оттоманской империи, в вольный город, что практически означало бы переход его в руки Англии. Царская Россия держала наготове свой Черноморский флот, намереваясь двинуть его в проливы в случае вступления болгар в Константинополь. Лишь неудача штурма болгарами чаталджинских позиций несколько разрядила обстановку в этом районе. Но опасность европейской войны продолжала существовать в связи с выходом сербов на Адриатическое побережье.

Еще во время переговоров о заключении сербско-болгарского союза Россия обещала поддержать требование Сербии о выходе к Адриатическому морю.

Между тем державы Тройственного союза решили во что бы то ни стало преградить доступ Сербии к Адриатике, выдвинув проект образования автономной Албании. Притворно выступая сторонниками независимости Албании, эти державы в действительности хотели поработить албанский народ и превратить Адриатическое побережье в базу для агрессии против балканских народов.

В ноябре 1912 г. Австро-Венгрия тайно произвела почти полную мобилизацию армии, сосредоточив ее на границе Сербии и в Галиции. Австрийский флот блокировал занятый сербами порт Дураццо. Германия поддерживала Австро-Венгрию, подстрекая ее к войне против Сербии. 22 ноября 1912 г. в Берлин прибыл наследник австро-венгерского престола Франц Фердинанд. Вильгельм II заверил его, что Германия поддержит Австро-Венгрию «во всем» и что он «не побоится даже мировой войны».

Перед лицом австрийских провокаций русское правительство проявило большую сдержанность, стремясь избежать войны. Оно предупредило Сербию, что на вооруженное столкновение с державами Тройственного союза из-за вопроса о сербском порте оно не пойдет.

Отношение царского правительства к австрийскому бряцанию оружием вызвало разочарование в Париже и Лондоне. Англия и Франция неоднократно заверяли Россию в своей поддержке, если она решится на войну. Несмотря на поощрения со стороны своих партнеров по Тройственному согласию, царская Россия воевать не рискнула. На совещании в Царском Селе 10 ноября было отвергнуто предложение военного министра мобилизовать пограничные с Австро-Венгрией военные округа и решено ограничиться временным оставлением под ружьем 350 тыс. солдат, подлежащих увольнению в запас. Председатель Совета минист-

ров В. Н. Коковцов считал, что война неминуемо приведет к революции, так как «внутреннее состояние страны далеко от того воодушевленно-патриотического настроения, которое позволило бы рассчитывать на могучий подъем национального духа и живое, непосредственное сочувствие к войне в широких кругах населения».

Действительно, воинственные призывы буржуазно-помещичьих партий не были подлинным голосом русского народа. Попытки «зажечь» народ неославистскими лозунгами успеха не имели. Милюков на страницах «Речи» вынужден был признать, что «для демонстрации славянских чувств в Петербурге нельзя собрать уличной толпы. Народ войны не хочет!»

За Балканскую федеративную республику, против славяно-турецкой вражды, против вмешательства в Балканскую войну других держав, за мир — таковы были лозунги, которые выдвигал В. И. Ленин от имени российского пролетариата. «Правда», разоблачая лицемерие панславистских лозунгов об «освобождении славян», 7 сентября 1912 г. писала: «Вам столько же дела до «славянства», сколько до прошлогоднего снега, господа. Вы просто хотите новых рынков для сбыта ваших ситцев, и, чтобы достичь этой цели, вы не останавливаетесь перед гибельными авантюрами».

На волне шовинизма, вызванной Балканской войной, произошло объединение общественных деятелей, от националистов до кадетов, в форме славянских комитетов, возникших в октябре 1912 г. в Москве и Петербурге. Они открыли свои действия посылкой приветственных телеграмм монархам Балканского союза. Устраивались лекции, концерты, сборы в пользу славян, добывающих себе свободу, — словом, всячески раздувался шовинизм под флагом неославизма.

Член Государственного совета И. П. Балашев в письме царю от 9 ноября 1912 г. предлагал воспользоваться победами балканских союзников над Турцией, чтобы занять немедленно Босфор и Дарданеллы, столь необходимый для жизни всего юга России выход из Черного моря, причем выражал уверенность, что Европа, удивленная и частью сильно раздосадованная, преклонится перед «совершившимся фактом» [1]. Такую же позицию в сущности занял и Струве: *«России нужно в удобное время бесповоротно решить вопрос о своем контроле над проливами»* [2].

Но вскоре пошли нелады и притом среди самих национал-либералов. На совещании общественных деятелей у М. М. Ковалевского 11 октября 1912 г. делегат Сербии Кошутич спросил, каково будет поведение России, если Австро-Венгрия на предстоящей в Лондоне конференции послов великих держав не согласится на сербские требования. Милюков ответил, что «если Россия за-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 1162, л. 1.

[2] Петр Струве. Балканский кризис и исторические задачи России. «Русская мысль», 1912, № 12, стр. 158 (2-я пагинация).

хочет поддержать Сербию, она должна быть готова к войне; если же воевать не хотим, то не надо и провоцировать наших балканских друзей, чтобы не пришлось снова отступать», как было в 1908—1909 гг. Милюков рекомендовал сохранять «крайнюю осторожность и сдержанность». На вопрос, какой же линии держаться, кадетский лидер заявил, что можно искать почву для воздействия на Европу во время предполагаемой конференции, но делать это не одним, а вместе с Англией и Францией. Как заявил Милюков на заседании ЦК партии кадетов 12 октября 1912 г., он «сделал для себя вывод, что больше посещать эти собрания не стоит» ввиду «довольно темного состава участников». На это возразил правый кадет Д. Д. Протопопов: «Надо забыть партийные окраски и перестать бояться сидеть рядом с «темными» людьми» [1]. Все участники заседания, кроме четырех членов редакции «Речи», очень резко осуждали «молчаливую сдержанность», которую проявлял Милюков в своих статьях. Откровенно шовинистическую речь произнес Струве. Его прельщала мысль сыграть на славянских симпатиях русских народных масс, чтобы начать «популярную» войну. «Мы снова, — сказал он, — вступаем в единоборство с Западной Европой, но при более благоприятных условиях, чем, например, в 1855 г., когда не было такого антагонизма между Англией и Германией. В финансовом отношении мы одна из самых могущественных стран, мы могли бы говорить таким языком, что все бы прятались в нору. Надо бросить лозунги в народ и зажечь его» [2]. Ни к каким определенным решениям ЦК не пришел, но Милюков согласился «пойти еще раз или два» на совещания у М. М. Ковалевского [3].

Между тем правящие сферы смертельно боялись войны, так как были убеждены, что на другой же день в России вспыхнет революция. Близкий к царю князь В. П. Мещерский стращал его, что «под прикрытием раздуваемых у нас искусственно давно угасших славянских симпатий скрывается ужасный по преступности замысел... воспользоваться балканскими событиями, чтобы во что бы то ни стало посредством вовлечения России в войну добиться внутреннего в ней пожара» [4].

В консервативных кругах России вообще было широко распространено убеждение в ошибочности курса на сближение с англо-французской Антантой и перемещение центра тяжести внешней политики России на Ближний Восток.

В этом отношении несомненный интерес представляет меморандум царю члена Государственного совета бывшего посланни-

---

[1] «Протокол заседания ЦК партии народной свободы от 12 октября 1912 г.». ЦГАОР СССР, ф. 523. оп. 1, д. 30, лл. 222, 224.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 226.

[3] Там же, л. 231.

[4] «Гражданин», 1912, № 51, стр. 16.

ка в Японии и посла в США барона Р. Р. Розена от 1 октября 1912 г. В нем резко осуждалось «увлечение» русского общественного мнения «историческими задачами» России на Ближнем Востоке, «великой славянской идеей» и т. п. По словам Розена, «это увлечение побудило нас к заключению союза с Францией, вовлекшего Россию в сферу совершенно чуждых России интересов французского реванша за Седан и отторжение Эльзаса и Лотарингии и... англо-германского антагонизма, на почве которого должна разыграться будущая европейская война. Под влиянием «славянской идеи» Россия вмешалась в вопрос об аннексии Австрией Боснии и Герцеговины, принципиально решенный с нашего же согласия еще во время Берлинского конгресса. Неудача этой попытки нанесла чувствительную рану нашему национальному самолюбию, причем Англия прямо отказалась от постановки на очередь возбужденного нами вопроса о проливах». Более того, Англия, по заключению Розена, никогда не согласится на изменение принципа закрытия проливов.

Вслед за тем Розен ставит вопрос: может ли вообще «славянская идея» служить путеводной звездой для нашей политики? С точки зрения Розена, «поэтическое представление о том идеальном будущем, когда «славянские ручьи сольются в русском море», как и современные словоизлияния неославистов о «мирно-культурном единении славянства под главенством России», — одинаково... лишены всякого реального основания». Цель внешней политики России, по убеждению Розена, может заключаться только в том, чтобы поддерживать возможно более дружественные отношения с Австро-Венгрией и Германией. Предоставлением Германии преобладания в Западной Европе и устранением себя от всякого участия в конфликтах европейских держав Россия обеспечила бы себе безопасность западной границы и полную свободу рук в Азии [1].

Председатель Совета министров В. Н. Коковцов во внешнеполитической части своей декларации в Государственной думе 5 декабря 1912 г. заявил, что не видит пользы «противополагать одни группировки держав другим», что надо сообразовывать внешнюю политику с «бюджетным равновесием» и что вообще надо «стремиться к фактически достижимому, не поддаваясь увлечениям чувства» [2].

Нерешительный тон премьера был встречен в Думе с разочарованием. «В этот критический момент, — витийствовал на думской кафедре В. А. Маклаков, — ...мы не можем сказать, что Россия... на высоте положения, что она говорит тем языком, который достоин ее». От имени либеральной оппозиции Маклаков заверил правительство, что в случае войны «мы — его противни-

---

[1] См.: Роман Розен. Европейская политика России. Пг., 1917, стр. 5.

[2] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912—1913 гг.». Сессия первая, ч. I. СПб., 1913, стб. 279.

ки в этот момент забудем нашу вражду, будем помнить только, что власть защищает достоинство и интересы России»[1]. Ленин писал, что «этими словами кадеты выражали свое *согласие* на политику угрозы войной, на политику милитаризма, сухопутных и морских вооружений, угнетающих и разоряющих народные массы»[2].

Черносотенцы увидели в речи Маклакова обещание либеральной буржуазии покорно терпеть политическое господство крепостников внутри страны в обмен на решительную внешнюю политику. В Думе создалась атмосфера трогательного единения националистов, октябристов, прогрессистов и кадетов. «Партии исчезли, — писало «Новое время», — прекрасная речь деп. Маклакова (в заседании 7 декабря) объединила всю Гос. думу, аплодировавшую ему в забвении всех партийных счетов и разномыслий»[3].

Но манифестация «народного единения» была испорчена декларацией социал-демократической фракции. От имени российского пролетариата она протестовала против попыток господствующей реакции и либеральной буржуазии втянуть Россию в войну.

Военное счастье по-прежнему было на стороне балканских союзников. 13 марта 1913 г. болгары взяли штурмом Адрианополь. Коковцов просил Родзянко, чтобы Дума отнеслась как можно спокойнее к известию о падении Адрианополя. Родзянко обещал сделать все от него зависящее. Но славянофильскую демонстрацию устроил в Думе П. Н. Крупенский, глава партии центра. Прибывшие в Таврический дворец болгарские гости — генерал Радко Дмитриев и председатель Народного собрания Данев — были встречены криками «ура!»[4]. Вот тут и заговорили о «раздвоении» Коковцова: явно, через Родзянко, он сдерживал, а тайно, через Крупенского, подстрекал, чтобы правительство могло ссылаться в своих внешнеполитических акциях на «общественное мнение».

17 и 18 марта в Петербурге произошли манифестации перед болгарской и сербской миссиями. Толпа состояла из офицеров, чиновников, студентов. Рабочих совершенно не было. Впереди несли плакаты: «Скутари — черногорцам», «Крест над св. Софией!» То тут, то там раздавались: «Живио!», «Шуми, Марица!», «Долой Австрию!» Полиция разогнала демонстрации.

20 марта в Государственную думу за подписью 93 депутатов был внесен спешный запрос министру внутренних дел по поводу

---

[1] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912—1913 гг.». Сессия первая, ч. I. СПб., 1913, стб. 328.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 243.

[3] «Новое время», 8 декабря 1912 г.

[4] См.: И. С. Ключев. Запись в дневнике 13 марта 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 12, л. 187; Выписка из письма С. Д. Протопопова (СПб., от 14 марта 1913 г.) к С. Д. Кондратову в Москву. ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 92, л. 525.

действий полиции. Мотивируя спешность запроса, первый подписавшийся националист А. И. Савенко сказал, что в то время, «когда решается судьба всего славянства, а следовательно, и судьба России... правительство наше... не сумело сделать ничего лучшего, как стать на запятки победной австрийской колесницы» [1].

Запрос был принят, но инсценировка «национального единения» снова не удалась. Представители социал-демократической фракции и трудовой группы заявили, что к целям демонстрации 17 марта они относятся резко отрицательно. «Мы протестуем, — говорил трудовик Н. О. Янушкевич, — против всяких шовинистических демонстраций, которые выражают настроение не народа, а небольшой кучки, могущей вовлечь страну... в неисчислимые бедствия. Мы знаем, что истинные настроения народа выражаются ни в таких манифестациях, а в других, которые вы скоро увидите, — под красным флагом» [2].

С объяснениями от имени правительства выступил Н. А. Маклаков. Он заявил, что правительство не одобряет «грубых приемов» полиции. Но в последующие дни избиения манифестантов повторились.

Отрицательная реакция царского правительства на славянские манифестации объяснялась тем, что оно перепугалось побед собственного творения — Балканского союза! Выход сербов к Адриатическому морю и движение болгар к Константинополю ставили под угрозу сохранение европейского мира. Между тем правительство не хотело впутываться в войну, так как боялось, что в случае поражения будет революция. Из состояния атрофии его не могли вывести ни «славянофильское беснование» националистической прессы, ни понукания союзников — Англии и Франции, которых коробила беспредельная уступчивость и малодушие русской дипломатии. На аудиенции у царя Родзянко советовал действовать решительно: «С одной стороны, двинуть войска на Эрзерум, с другой — пойти на Константинополь. Я несколько раз повторял: «Ваше Величество, время еще не упущено. Надо воспользоваться всеобщим подъемом. Проливы должны быть наши. Война будет встречена с радостью и поднимет престиж власти». Государь упорно молчал» [3].

Но от страха перед «внутренней смутой» в случае войны не были свободны и панслависты. «Новое время», «Русская молва», «Утро России», «Голос Москвы» и другие органы с славянофильским оттенком громили министерство иностранных дел за австрофильство, за «трусость перед войной», раздували шовинистические страсти, призывая воспользоваться победами балканских

---

[1] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912—1913 гг.». Сессия первая, ч. I. СПб., 1913, стб. 2409.

[2] Там же, стб. 2423, 2424.

[3] М. В. Родзянко. Крушение империи. Л., 1929, стр. 66.

союзников, чтобы без промедления овладеть Константинополем и проливами. А между тем у многих панславистов выпады против официального курса внешней политики было наигранным, своего рода тактическим приемом: в глубине души они страшились войны и желали ее избежать, но полагали, что дерзость в Вене и Берлине растет параллельно с «мягкостью» России и что только ее твердость могла бы спасти мир.

Любопытный свет на двойственную игру национал-либералов проливают комментарии князя Е. Н. Трубецкого к его статье, напечатанной в газете «Утро России» и выдержанной в духе «гром победы раздавайся». В письме к брату Григорию Николаевичу, занимавшему в министерстве иностранных дел «боевой пост» начальника отдела Ближнего Востока, Е. Н. Трубецкой писал: «Хотя я в ней и браню «официозную Россию», но думаю, что тебе и Сазонову это скорее в помощь. Уж очень Австрия обнаглела, а «попужать» ее не мешает, хотя бы для того, чтобы оказать вам же общественную поддержку. Вас с Сазоновым необходимо ругать за австрофильство, чтоб вы имели возможность сказать Австрии: «Вот, видите, мы бы и хотели уступить, но ничего не можем поделать с общественным мнением». Пора немного покричать на Австрию, а то общественное молчание производит впечатление трусости перед войной, а эта трусость, в свою очередь, становится источником опасности» [1].

Примечательно, что когда А. И. Савенко, один из лидеров думской фракции националистов, явно хватил через край [2], то он был дезавуирован своими же софракционерами. Отмежевываясь от своего не в меру увлекшегося сотрудника, Д. И. Пихно писал: «Он записался в славяно-буйствующую компанию, а я начинаю опасаться, как бы со славянами не доиграться до беды» [3].

Предостерегающие голоса раздавались и из национал-либерального лагеря. При обсуждении в Государственной думе запроса по поводу избиения на улицах Петербурга «патриотических» демонстрантов Ф. И. Родичев заявил: «Те, кто призывает войну в настоящее время, играют легкомысленно величайшей опасностью, потому что единство страны есть выдумка. Царящий в России произвол уничтожает ее моральную силу и ее физическую, военную мощь. Может ли армия, вожди которой... побеждают мирных студентов, мирных демонстрантов, ленских

---

[1] Выписка из письма князя Е. Н. Трубецкого (Москва, от 17 ноября 1912 г.) к князю Г. Н. Трубецкому в С.-Петербург. ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 583, л. 17.

[2] Савенко советовал своим киевским единомышленникам «устроить молебен в соборе о ниспослании победы черногорцам и сербам, а потом манифестацию. Надо только разагитировать народ и собрать большую толпу». ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 922, л. 9.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 921, л. 74.

рабочих... увлекать тех, на кого они вчера ополчились»[1].

Вообще по вопросу о славянских манифестациях в кадетской партии обнаружился раскол. Правое крыло партии, рупором которого были «Русская молва» и «Биржевые ведомости», резко нападало на «позорящее Россию сазоновское австрофильство». Ядро же партии во главе с Милюковым в газете «Речь» защищало линию официальной дипломатии, так как не верило в успех шовинистической обработки масс. На заседании ЦК кадетской партии в марте 1913 г. М. А. Винавер подчеркивал, что под видом сочувствия славянам в обществе растет шовинизм и грубый патриотизм, причем высказал удивление, что среди кадетов находятся люди, идущие за графом В. А. Бобринским и газетой «Новое время». Правые кадеты тотчас же подняли перчатку, брошенную Винавером. Член Государственной думы М. А. Караулов обвинил «петербургских вождей» кадетской партии в том, что они боятся пробуждения «национального чувства». По мнению Караулова, «довольно кадеты плелись в хвосте революции, довольно заигрывали с левыми, нужно определенно заявить, что славянское движение в России — плюс общественного сознания, которым нужно дорожить, а не бороться с ним». Профессор Л. И. Петражицкий всецело присоединился к Караулову и недоумевал, как это «Речь» в передовых статьях боится выражать сочувствие славянам, дорожа симпатиями левых групп, оторванных от русской жизни. Профессор Н. А. Гредескул предложил резолюцию: высказать сожаление, что редакция газеты «Речь» в своих статьях не выражает взглядов партии на славянский вопрос и что думская кадетская фракция напрасно старается поддержать неправильную политику русской дипломатии. Председательствовавший В. Д. Набоков отказался голосовать подобную резолюцию, указав, что думская фракция выражает желания и взгляды партии. И. В. Гессен же пригрозил выходом из состава редакции «Речи», если эта резолюция пройдет, так как передовые статьи принадлежат ему, как редактору. Резолюция была отвергнута[2], но сторонники воинственной политики взяли реванш в Москве. Московское отделение ЦК кадетов, обсудив балканский вопрос, пришло к заключению, что «сочувствие русского общества должно быть на стороне славян и не считало возможным поддерживать мнение, что следует какою бы то ни было ценою избегать войны»[3].

Новая волна шовинизма поднялась в связи с опубликованием правительственного сообщения о том, что Россия сочла нуж-

---

[1] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912—1913 гг.». Сессия первая, ч. I. СПб., 1913, стб. 2430.

[2] «Доклад отделения по охранению общественного порядка и безопасности в столице 30 марта 1913 г». ЦГАОР СССР, ф. 111, оп. 5, д. 408, л. 254.

[3] «Отчет о деятельности МО ЦК за 1912/13 г.». ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 246, л. 39.

ным согласиться на присоединение города Скутари, на который претендовала Черногория, к Албании. Пресса националистического лагеря трубила о «национальном позоре» и о «полной победе австрийских домогательств над славянскими и русскими интересами». Совещание группы «прогрессивных общественных деятелей» у М. М. Ковалевского 29 марта 1913 г. пришло к единодушному заключению, что «сообщение министерства иностранных дел об Албании и Скутари вызовет среди всех друзей славян в России и Европе чувства глубокого горестного недоумения и обиды... Выставление же открыто перед Европой единственным основанием своего позорного отступления угрозу миру со стороны Австро-Венгрии есть оскорбительное недоверие к силам русского народа и русской армии, совершенно неоправдываемое действительностью» [1].

Впрочем, среди прогрессистов были и такие, которые признавали, что все уступки Австрии со стороны России не последствия малодушия русской дипломатии, как утверждали воинствующие националисты, а «достойные плоды нашей националистической внутренней политики». «Мы могли бы совершенно не считаться с Австрией,— писал князь Е. Н. Трубецкой,— если бы наша националистическая политика не превратила поляков и украинцев в злейших наших врагов» [2].

Настроение панславистских кругов, близко стоявших к придворным и военным кружкам, беспокоило Сазонова, и он 22 марта 1913 г. пригласил к себе на частное совещание лидеров всех думских фракций, исключая левых. Смысл сообщения, сделанного Сазоновым, сводился к тому, что русское правительство сумело без войны достигнуть якобы отличных результатов как в поддержании европейского мира, так и в укреплении международного престижа России. Разъяснения Сазонова вполне удовлетворили только лидеров ультраправых Н. Е. Маркова, Г. Г. Замысловского и А. Н. Хвостова.

Лидеры же прочих буржуазно-помещичьих фракций, исключая Милюкова, были возмущены заведомой ложью правительственного сообщения и комментария к нему Сазонова о «заслугах» русской дипломатии перед славянством [3], о предотвращении ею европейской войны. С точки зрения Н. А. Хомякова, «мы пропустили самый лучший момент для войны, момент, который больше уже не повторится. Все балканские народы были на на-

---

[1] «Группа прогрессивных общественных деятелей. Русские интересы на Балканах и правительственное сообщение». СПб., 1913, стр. 64.

[2] «Русская молва», 24 марта 1913 г.

[3] Выписка из письма князя Мещерского (Валки Харьковской губ., от 9 апреля 1913 г.) к графу П. Н. Игнатьеву в С.-Петербург: «Зачем же было так бессовестно врать о своих заслугах перед славянством, когда он (Сазонов.— *Е. Ч.*) попросту предал Сербию в вопросе об Адриатических портах, Болгарию — в Силистрийском вопросе, Черногорию — в Скутарийском», ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 922, л. 683.

шей стороне, Англия и Франция охотно шли с своей помощью в этой войне, которую они находили также необходимой и вполне своевременной. Главные наши враги — Турция и Австрия обессилены: первая — двумя неудачными войнами, а вторая — внутренней неурядицей и финансовыми затруднениями... Чего мы ждали и чего боялись?»[1] Только твердая решимость России не отступать перед австрийскими иерихонскими трубами могла бы обеспечить прочный европейский мир. Унижаясь же перед Австрией, уступая ей по всем линиям, Россия получила отсрочку войны, но не отвратила кровавой развязки, которая наступит, когда Германия найдет обстоятельства для себя благоприятными.

И в самом деле, вопреки оптимистическим прогнозам Сазонова, зловещая тень войны окрашивала международные отношения. 25 марта 1913 г. германский канцлер Бетман-Гольвег заявил в рейхстаге о неизбежности борьбы «германства» против «славянства», о нарушенном в пользу славянства равновесии в Европе; этим он мотивировал необходимость дальнейших вооружений и угрожающе напомнил, что помощь, которую Германия обязана оказывать Австрии как союзнице, «не ограничивается пределами дипломатического посредничества». В марте же 1913 г. в рейхстаг был внесен законопроект об ассигновании миллиарда марок на новые вооружения.

17 мая 1913 г. в Лондоне между балканскими союзниками и Турцией был подписан мирный договор. Вся территория европейской Турции к западу от линии Энос (на Эгейском море) — Мидия (на Черном море), за исключением Албании и Крита, отошла к странам-победительницам. За Турцией в Европе осталась только узкая полоска земли, прилегающая к проливам. Вопросы о судьбе Эгейских островов, о южной и юго-восточной границах Албании, а также о разделе освобожденной территории между союзниками не были решены.

Яблоком раздора сделалась Македония, которая имела смешанное население и на которую претендовали Сербия, Болгария и Греция. Великие державы старались перессорить союзников и помешать решению национального вопроса на Балканах.

Партия большевиков решительно боролась против вмешательства империалистических держав Европы в балканские дела. Она отстаивала свободу и равноправие всех народов на Балканах. Однако слабость пролетариата на Балканах, темнота крестьянских масс, реакционное давление империалистических государств, захватнические устремления сербской и болгарской буржуазии — все это помешало окончательному экономическому и национальному освобождению балканских народов.

В конце войны с Турцией между союзниками начались серьезные раздоры из-за дележа добычи. В феврале 1913 г. Сербия,

[1] Из выступления Н. А. Хомякова на собрании думской группы «Союза 17 октября» 28 марта 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 12, л. 206.

не добившись выхода к Адриатическому морю, потребовала от Болгарии пересмотра союзного договора и уступки ей Юго-Западной Македонии, завоеванной сербской армией. Сербия хотела установить общую границу с Грецией на юге и обеспечить себе выход к Эгейскому морю через Салоники.

Болгария отклонила требования Сербии и настаивала на очищении оккупированной сербами Западной Македонии. В это же время обострились противоречия между Грецией и Болгарией из-за Салоник и Кавáллы. Румыния потребовала от Болгарии части Добруджи в качестве компенсации за свой нейтралитет во время войны. 1 июня 1913 г. в Салониках между Сербией и Грецией был заключен военный союз против Болгарии. Царская Россия не сумела предотвратить распад Балканского союза, и это было крупным успехом Тройственного союза.

В ночь на 30 июня 1913 г. болгары открыли военные действия против Сербии и Греции. Однако через день после упорных боев болгарские войска были отброшены и стали отступать по всему фронту. Только вмешательство Австро-Венгрии могло теперь спасти Болгарию от окончательного поражения. В Вене правящие круги рвались в бой, но в Берлине считали этот момент невыгодным для развязывания европейской войны. Новые меры по усилению германской армии еще не были завершены. Поэтому Германия отговорила Австро-Венгрию от выступления. Тогда румынский король 27 июня дал приказ своим войскам перейти болгарскую границу. Румыны переправились через Дунай, оккупировали Добруджу и двинулись к Софии. В довершение всего на Болгарию напали турки и отняли у нее уступленный по Лондонскому договору Адрианополь. Дипломатические представления русского правительства не имели успеха, хотя Сазонов и ссылался на «единое настроение русского общества». На меры военного характера русское правительство не решилось, страшась, как и раньше, войны с Австрией и Германией.

Под впечатлением нового дипломатического унижения России даже милюковская «Речь» забыла о «сдержанности» и упрекнула иностранное ведомство за излишнее «миролюбие».

Предоставленная своей участи, Болгария капитулировала.

17 июля 1913 г. в Бухаресте открылась мирная конференция. За кулисами разгорелась борьба не только между Антантой и Тройственным союзом, но и внутри каждого из этих империалистических блоков. Пробным камнем в оценке прочности Антанты явился вопрос о судьбе порта Кавалла.

Россия не хотела установления на Балканах гегемонии какого-либо одного государства. Она стремилась восстановить Балканский союз с включением в него Румынии. Желая оторвать Болгарию от Австро-Венгрии и не допустить преобладания Греции на Эгейском море, царская дипломатия настаивала на оставлении Кавáллы за Болгарией. Но Англия и Франция в дан-

ном случае выступили на стороне Греции, так как они видели в ней противовес видам России на проливы.

Греческие притязания на Кавалу были поддержаны Германией, рассчитывавшей перетянуть Грецию в свой лагерь, и Кавалла была присуждена Греции. Условия Бухарестского мира, подписанного 10 августа 1913 г., были неблагоприятны для Болгарии. Она потеряла бóльшую часть территорий, завоеванных во время первой Балканской войны, и даже часть своих старых владений, а именно Южную Добруджу, которая отошла к Румынии. По мирному договору между Болгарией и Турцией, подписанному в Константинополе 29 сентября, Адрианополь был возвращен Турции.

В результате войн 1912—1913 гг. балканские народы не добились полного самоопределения. Противоречия между ними, всячески разжигаемые империалистами, даже усилились. Румыния, получив по Бухарестскому миру Южную Добруджу, повернула в сторону Антанты. Усилившаяся Сербия стала центром притяжения для южнославянских подданных Австро-Венгрии, что до крайности обострило отношения между этими странами. Наконец, новое государство на Балканах — Албания — сделалось полем всевозможных интриг и провокаций великих держав, особенно Австро-Венгрии и Италии. Балканы, как никогда в прошлом, стали «пороховым погребом» Европы.

Готовность русской дипломатии ради сохранения мира идти на любые уступки была учтена Германией, и она стала усваивать по отношению к России все более заносчивый и непримиримый тон. В конце 1913 — начале 1914 г. к длинному ряду поражений царской дипломатии прибавилось еще одно — на берегах Босфора.

В декабре 1913 г. в Турцию прибыла новая германская военная миссия во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом. На эту миссию возлагалась реорганизация турецкой армии, разгромленной в первой Балканской войне. Глава миссии назначался командующим корпусом в Константинополе. Подчинение турецких войск в столице немецкому генералу делало Германию в сущности хозяйкой проливов. Естественно поэтому, что миссия Лимана вызвала сильнейшее беспокойство в правящих и общественных кругах России. Какие размеры приняла тогда «патриотическая» истерия в националистических кругах, видно из доклада И. Р. Баженова 29 декабря 1913 г. в петербургском отделе всероссийского национального союза: «Немец у ворот нашего Черного моря, немец в Царьграде вместо нас. Пробудитесь, очнитесь от векового оцепенения и спячки, иначе мы погибнем!» Баженов предлагал «никаких интересов немецких на Ближнем Востоке не признавать. Если это вызовет со стороны Берлина угрозу нам войной, войну принять с радостью и закончить ее лишь взятием Берлина и Вены, через которые ныне идет путь

нам в Константинополь»[1]. Даже кадетская «Речь» призывала правительство действовать без колебаний, быстро и решительно, правда, заодно с союзниками.

Германское правительство в переговорах о миссии Лимана проявляло большую несговорчивость. Такая позиция Германии объяснялась тем, что в этом вопросе не было единодушия между Россией и ее союзниками. Англия и Франция имели значительные интересы в Турции и поэтому не хотели допустить захвата проливов кем бы то ни было. Англия под видом борьбы с Германией укрепляла военно-морские силы Турции. На английских верфях для Турции строились дредноуты, с вступлением в строй которых соотношение сил на Черном море изменилось бы в пользу Турции.

В то же время Англия и Франция опасались, что открытое противодействие политике России может разрушить и без того довольно хрупкое Тройственное согласие. Они не желали оттолкнуть от себя царизм с его огромной армией, которая, по их расчетам, должна явиться ударной силой Антанты в надвигающейся войне против Германии. Вот почему союзники скрывали свое неприязненное отношение к планам России относительно проливов. Русское правительство после безрезультатных демаршей в Берлине предложило своим союзникам сообща воздействовать на Порту, чтобы принудить ее отказаться от назначения германского генерала командующим константинопольским корпусом. Англия и Франция сперва приняли это предложение, и Грей даже составил проект коллективной ноты Турции. Но спустя несколько дней правительства Англии и Франции нашли такую ноту «преждевременной» и предложили ограничиться устным запросом о характере миссии Лимана. Турция ответила, что не видит оснований для изменения контракта с немецкой военной миссией. Тогда Сазонов наметил различные меры давления на Турцию — финансовый бойкот, морскую демонстрацию у Босфора, занятие некоторых портов Турции. Однако на прямой вопрос Сазонову английского поверенного в делах, пойдет ли русское правительство на войну, чтобы помешать водворению германского командования на Босфоре, он получил уклончивый, но скорее отрицательный ответ[2]. Особое совещание министров, в котором приняли участие Коковцов, Сазонов, Сухомлинов, Григорович и начальник генерального штаба Жилинский, нашло нежелательным применение намеченных Сазоновым мер, так как они могли повлечь столкновение с Германией, а война, по убеждению Коковцова, была бы «в настоящее время величайшим бедствием для России»[3].

---

[1] И. Р. Баженов. Наша внешняя политика на Ближнем Востоке. СПб., 1914, стр. 32.

[2] См.: «Отрывки из дневника М. Ф. Шиллинга». ЦГАОР СССР, ф. 813, оп. 1, д. 127, л. 4.

[3] «Вестник Народного комиссариата иностранных дел», 1919, № 1, стр. 31.

Отказ Англии и Франции от коллективного давления на Турцию вовсе не означал, что эти державы хотели ослабить напряженность в русско-германских отношениях. Напротив, союзная дипломатия воспользовалась делом Лимана, чтобы, по выражению одного из ее дипломатов, «окончательно сломать мост между Петербургом и Берлином» [1]. С этой целью французский посол в Петербурге Делькассе инспирировал в националистической прессе России воинственную кампанию против Германии, а французская газета «Тан» разгласила беседы Коковцова с Вильгельмом II и Бетман-Гольвегом об урегулировании вопроса о миссии Лимана. Провоцируя войну, союзники предпочитали, чтобы она вспыхнула, например, на почве австро-сербских трений, но не хотели, чтобы она началась с нападения России на Турцию, ибо это отвлекло бы значительную часть русских сил на юг, в ущерб западному фронту, и создало бы угрозу захвата Россией Константинополя и проливов, чего Англия и Франция хотели избежать. Уклончивое поведение Англии во время русско-германского конфликта из-за миссии Лимана было рассчитано также на то, чтобы создать в Берлине надежду на английский нейтралитет в случае войны между Россией и Германией.

После безрезультатных переговоров с Германией Россия вынуждена была довольствоваться мнимой уступкой. Лиман фон Сандерс вместо командования корпусом занял пост генерального инспектора турецкой армии. Новое назначение Лимана, разумеется, не ослабляло его влияния на военные дела в Турции, тем более что начальником Скутарийской дивизии, входившей в константинопольский корпус, остался немецкий офицер.

Конфликт из-за миссии Лимана фон Сандерса совпал с подготовкой к переговорам о новом русско-германском торговом договоре. Царское правительство хотело добиться снижения германских пошлин на продукты сельского хозяйства и повысить собственные пошлины на промышленные изделия. В буржуазной печати развернулась шумная кампания за «освобождение» России от «экономического ига» Германии и завоевание «хозяйственной независимости». Напряженность в русско-германских отношениях еще более возросла.

Царское правительство не могло оставаться безучастным к шовинистической кампании националистической прессы. В известной мере повороту правящих кругов в сторону активизации сторонников авантюристического курса внешней политики способствовало и систематическое давление союзников, особенно Франции, которая призывала Россию твердо отстаивать свои интересы, хотя бы и ценой войны. Излюбленным приемом шантажа и запугивания со стороны союзников были их заявления, что они вынуждены будут подумать о новой ориентации, если Россия не определит пределы своего «миролюбия».

[1] «Константинополь и проливы», т. I. М., 1925, стр. 59.

Но решающую роль в победе в правящих сферах России «военной партии» сыграло обострение внутриполитического кризиса.

Известно, что в 1903—1904 гг. ультрареакционеры типа Плеве полагали, что для укрепления положения царизма и удержания России от революции нужна небольшая победоносная война. Вот и теперь реакционеров соблазняла мысль сыграть на славянских симпатиях русских народных масс, чтобы начать «популярную» войну и утопить в мутной волне шовинизма революционное движение внутри страны.

С началом Балканских войн влияние «военной партии» заметно возросло. В этой связи представляет интерес перемена внешнеполитической ориентации одним из видных главарей черной сотни В. М. Пуришкевичем. Последний в 1908—1910 гг. был против сближения с Англией и требовал сохранения «добрососедских» отношений с кайзеровской Германией, как оплотом монархизма в Европе. Но во время обсуждения декларации Коковцова в IV Думе (7 декабря 1912 г.) Пуришкевич недвусмысленно призывал к войне против Австрии: «Не будет войны более популярной, и, может быть, если настанет час этой войны... эта война... нас всех объединит (кроме крайнего левого крыла) в одном чувстве патриотического порыва, и мы только тогда отряхнем нашу партийность» [1].

Главой «мирной партии» считался — и не без основания — Коковцов. Он оставался верен девизу Столыпина: война нужна для успеха революции. «Я знал,— говорит он в своих мемуарах,— всю нашу неготовность к войне, всю слабость нашей военной организации и отлично сознавал, до чего может довести нас война, и держался поэтому самого примирительного тона» [2].

Алармистская кампания буржуазно-помещичьих партий и возрастающее недовольство союзников уступчивостью России вместе с инсинуациями крайних правых против Коковцова, как «думского угодника», поколебали его положение, и император решил с ним расстаться.

Увольнение Коковцова развязало руки «военной партии». В «Новом времени», «Биржевых ведомостях» и других газетах националистического лагеря стали все чаще появляться воинственные статьи о необходимости свести счеты с «историческим врагом» славянства — германизмом, о том, что «Россия желает мира, но готова к войне» и т. п. Эти статьи инспирировались влиятельными военными кругами.

Такое бряцание оружием сильно встревожило правящие круги, и по поручению правых членов Государственного совета П. Н. Дурново в феврале 1914 г. подал царю докладную запис-

---

[1] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912—1913 гг.». Сессия первая, ч. I. СПб., 1913, стб. 311.

[2] В. Н. Коковцов. Воспоминания, т. I. Париж, 1933, стр. 153.

ку, в которой утверждал, что «английская ориентация нашей дипломатии глубоко ошибочна», «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются» и что всякое территориальное расширение России за счет Австрии, Турции и Германии нежелательно, так как может только усилить центробежные силы внутри империи. Что же касается черноморских проливов, то, по мнению Дурново, «немцы легче, чем англичане, пошли бы на предоставление нам проливов, в судьбе которых они не заинтересованы и ценою которых охотно купили бы наш союз». Основная же мысль записки Дурново заключалась в том, что война между Россией и Германией неминуемо вызовет европейскую революцию, причем «особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы... исповедывают принцип бессознательного социализма»[1].

Но было уже поздно: чудовище милитаризма было спущено с цепи!

20 февраля 1914 г. в Государственную думу поступило представление генерального штаба об отпуске 433 млн. руб. на усовершенствование обороны государства[2]. Чтобы облегчить прохождение в Думе требуемых кредитов и создать за границей впечатление единения правительства с народным представительством, 1 марта у Родзянко состоялось совещание членов правительства с лидерами думских фракций, исключая левых. Выступивший с разъяснениями Сазонов подчеркнул, что распадение Турции вызовет, несомненно, вмешательство великих держав при дележе ее наследства. Россия также захочет получить свою долю, и на этой почве очень возможна война, в которой на одной стороне будет Тройственный союз, а на другой — Россия с Францией. На Англию особенно рассчитывать нельзя[3]. На вопрос Милюкова, являются ли наши вооружения ответом на германские или германские были вызваны нашими приготовлениями, ответ Сухомлинова был «растрепанным» и по существу члены Думы никакого ответа не получили[4]. Когда же Милюков задал вопрос Горемыкину о внутренней политике, обратив внимание на ее неразрывную связь с внешним могуществом России, то получил в ответ, что «собрались они для обсуждения только внешней обороны и что предлагаемый Милюковым вопрос завел бы их в сторону или дебри»[5]. Из отдельных же реплик

---

[1] «Былое», 1922, № 19, стр. 168, 172.

[2] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 6, д. 44, л. 405.

[3] См.: И. С. Ключев. Запись в дневнике 4 марта 1914 г. ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д 13, л. 147.

[4] Из письма Д. Н. Шипова к М. В. Челнокову 16 марта 1914 г. ЦГАОР СССР, ф. 810, оп. 1, д. 498, л. 33

[5] Выписка из заказного письма Ан. Петрункевича (СПб., 9 марта 1914 г.) М. П. Литвинову в Москву. ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 984, л. 342[6]; «Русские ведомости», 4 марта 1914 г.

министров стало ясно, что в случае войны они будут держаться еще более реакционного курса, чтобы разгромить рабочее движение и обеспечить себе «спокойный» тыл.

Но угроза усиления внутренней реакции не поколебала решимости буржуазно-помещичьих фракций, в том числе прогрессистов и кадетов, одобрить военные кредиты. В интервью газетам депутаты заявили, что, каковы бы ни были отношения между правительством и Думой, она не откажет в средствах на оборону.

Вообще многие депутаты Думы, от националистов до правых кадетов, склонны были рассматривать совещание у Родзянки как попытку сближения правительства с Думой, для того чтобы наладить законодательную работу [1].

Но изобразить «народное единение» опять не удалось. Социал-демократические фракции 4 марта выступили с общим заявлением, в котором протестовали против закулисного сговора буржуазно-помещичьих фракций с правительством: «Вся тяжесть ответственности за потоки крови и разорения трудящихся классов падет на них в случае катастрофы, к которой они стремятся» [2].

Это предупреждение заставило задуматься национал-либералов. Прогрессист Д. Н. Шипов писал 6 марта Челнокову: «Сообщаемые тобой сведения (о совещании 1 марта. — *Е. Ч.*) очень тревожны по существу. Очевидно, Россию наше правительство желает втянуть в авантюру... Вероятно, рассчитывают путем войны вызвать подъем национального настроения и на этой основе создать квазисолидарность между властью и обществом. Неужели ты предвидишь, что Дума поддастся на эти удочки и вотирует испрашиваемые громадные кредиты?.. По-видимому, октябристы, даже левые, довольны совещанием и, пожалуй, в самом деле поддержат правительство в его игре. Страшно подумать о том, какие внутренние, неожиданные для правительства осложнения могут последовать в случае необдуманной провокации войны и в какую бездну может быть повергнута страна» [3].

Мрачные предчувствия «великих внутренних потрясений» одолевали и кадетов.

Вопрос об отношении кадетской фракции к чрезвычайным ассигнованиям на потребности государственной обороны был поставлен на совместных заседаниях ЦК партии и думской фракции 6, 22 и 23 марта. Вступительный доклад о международном положении как мотиве для ассигнований сделал Милюков. Общее содержание доклада и главнейшие его выводы совпадали с заявлением Сазонова на совещании 1 марта. Милюков,

---

[1] См.: «Русские ведомости», 4 марта 1914 г.

[2] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912—1913 гг.». Сессия вторая. ч. II. СПб., 1914, стб. 1346.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 810, оп. 1, д 498, лл. 31—32.

однако, воздержался от какого бы то ни было заключения — за или против ассигнования испрашиваемых кредитов. Из горячего обмена мнений выяснилось полное расхождение во взглядах. Правые кадеты во главе с В. А. Маклаковым и М. В. Челноковым указывали, что естественный ход разложения Турции, даже помимо желания России, может в любую минуту поставить ее перед серьезными проблемами (армянский вопрос, Дарданеллы) и нельзя допустить, чтобы при возникновении таких проблем страна находилась в состоянии неподготовленности. Считая, что Россия должна стараться не только подравниваться к державам Тройственного союза, но и превосходить их в гонке вооружений, правые кадеты настаивали на безоговорочном голосовании за военные кредиты. Большинство же, однако, полагало, что «при современном состоянии страны, при полной подавленности ее духа вследствие репрессий и эксцессов реакции, война явилась бы в высшей степени рискованным шагом не только с внешней стороны, но и со стороны возможных внутренних осложнений». Поэтому «к попыткам агрессивной политики (на совещании отмечались признаки усиливающейся агрессивности высших военных сфер. — *Е. Ч.*) надо отнестись с большим вниманием и осторожностью; вовлекать страну в авантюры без достаточных оснований было бы преступно». При этом большинство участников кадетского форума находили опасным поддерживать в населении иллюзию возможности достижения каких-то успехов на Ближнем Востоке. От правительства необходимо потребовать ясных и точных доказательств неизбежности войны и в случае, если эта неизбежность будет доказана, дать в руки правительства необходимые средства.

Колебания кадетов в отношении одобрения военных кредитов объяснялись неудачами царизма при помощи репрессий подавить революционное движение. Кадеты видели, что реакционная политика плодит антивоенные настроения в массах и ослабляет внешнюю мощь России. На упомянутых совещаниях единодушно подчеркивалось, что «никакие усиления обороны не достигнут цели, если в стране не будет необходимого воодушевления», для чего необходимо настаивать на внутренних реформах, которые «спаяли бы страну и сделали ее единодушной и солидарной с правительством» [1].

Между тем правительство не только не хотело идти по пути реформ, но и отбирало те уступки, которые были у него вырваны в 1905 г. Сама Государственная дума под напором реакции понемногу утрачивала свои права. В этих условиях в кадетской фракции побеждают сторонники бюджетной борьбы путем отказа правительству в кредитах на новые вооружения [2]. На заседа-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, лл. 110—111.

[2] По приблизительным подсчетам, в кадетской фракции число сторонников ассигнований доходило до 25, а противников — до 30.

нии ЦК партии кадетов 23 апреля Милюков на вопрос, как отнестись к требованию увеличенного контингента новобранцев в призыв 1914 г., ответил: «Надо ставить так: дадим лишь тогда, когда пойдете на необходимые для всей страны уступки»[1].

Даже правые кадеты, еще недавно находившие, что война за освобождение славян поднимает престиж царского правительства, теперь усомнились в справедливости этой точки зрения. Маклаков во время обсуждения в Думе правительственной декларации в декабре 1912 г. возражал Пуришкевичу, утверждавшему, что «новая война, это новая революция». Тогда Маклаков полагал, что война за свободу славян будет «та популярная война, где Россия забудет свои распри». «Теперь,— говорил Маклаков в Думе 12 мая 1914 г., — я уже с такой уверенностью возражать не решусь»[2].

Опасение революционных потрясений в случае войны вызвало новый приступ «миролюбия» у кадетов. Выступая в заседании Думы 10 мая 1914 г. по поводу сообщения Сазонова о внешней политике, Милюков предостерегал от бряцания оружием.

Страх перед революционными последствиями надвигающейся войны овладел и частью националистов, которые еще недавно надрывались в алармистских криках. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить речи по вопросу о военном бюджете члена партии центра Б. А. Энгельгардта в 1913 и 1914 гг. В 1913 г. он упрекал военное министерство в том, что оно не использует отпускаемых ему кредитов, и требовал наращивания вооруженных сил. Энгельгардт тогда прямо призвал к войне с Германией. По его словам, «ключ к проливам лежит не на берегах Мраморного моря, а значительно севернее, и только путем упорной борьбы на нашей западной границе мы могли бы разрешить восточный вопрос»[3]. Его речь в 1914 г., напротив, была проникнута глубоким разочарованием и пессимизмом. Он сокрушался, что «в обновленной России все идет по-старому... Мне представляется, что политика нашего правительства, политика недоверия к общественным силам, так же губительно скажется на нашей армии, как она сказывается на всех отраслях нашей жизни»[4].

Что касается октябристов, то большинство их по агрессивности не уступало «высшим военным сферам». На закрытом заседании Думы 24 апреля 1914 г. при обсуждении законопроекта о величине годовой потребности новобранцев в призыв 1914 г. А. Д. Протопопов от имени фракции земцев-октябристов выска-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 173.

[2] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913—1914 гг.». Сессия вторая, ч. II. СПб., 1914, стб. 505.

[3] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912—1913 гг.». Сессия первая, ч. III. СПб., 1913, стб. 1781.

[4] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913—1914 гг.». Сессия вторая, ч. V. СПб., 1914, стб. 201—202.

зал твердую уверенность, что «все члены Государственной думы совершенно ясно сознали полную необходимость держать военную мощь нашего отечества на той высоте, когда мы могли бы сказать так же, как и немцы: мы боимся одного только бога... Соседи наши довели свои армии до такого могущества, что нам от них теперь уже отставать нельзя. Военное вооружение наших соседей достигло таких размеров, что насыщенная электричеством атмосфера может разразиться гораздо быстрее, нежели того мы ожидаем. И тогда на нас, ныне ставящих палки в колеса, падет ответ» [1].

Еще в феврале 1914 г. кадетская «Речь» упрекала царскую дипломатию в том, что она боится собственной тени. А 10 июня на заседании Думы А. И. Шингарев заявил, что его фракция будет голосовать против ассигнования средств на усовершенствование обороны государства.

Сложной была позиция прогрессистов. При обсуждении в закрытом заседании Думы 24 апреля законопроекта о величине годовой потребности новобранцев в призыв 1914 г., предусматривавшего увеличение контингента новобранцев на 112 тыс. против 1913 г., прогрессисты голосовали за поправку правого кадета Челнокова: остаться при том контингенте, который был дан в 1913 г. [2]. Но на заседании Думы 10 июня И. Н. Ефремов заявил, что его фракция «с тяжелым чувством», но все же решила дать средства на усовершенствование государственной обороны» [3].

Воспользовавшись растерянностью и страхом буржуазных партий перед угрозой войны в обстановке нарастания революционной ситуации в стране и играя на разочаровании части правящих и общественных кругов в пользе сближения с Англией, германофильски настроенные черносотенные помещики предприняли в Государственной думе открытую атаку на внешнеполитический курс правительства, требуя разрыва союза с Англией и Францией. По-видимому, черносотенным депутатам Думы было известно содержание записки П. Н. Дурново, о которой шла речь выше. В этом убеждает поразительное совпадение аргументации Дурново с основными тезисами речи лидера думской фракции правых Маркова 2-го на заседании Думы 10 мая 1914 г. Подобно Дурново, Марков 2-й утверждал, что «нас не пускали в проливы не Германия, а Англия и Франция», что «на Англию мы не должны рассчитывать: кроме обмана со стороны Англии, мы ничего не видели в течение 100 лет и ничего не увидим и теперь». По мнению Маркова 2-го, России «лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией». Соглашение с Германией, говорил он, «единственный способ избегнуть ужаснейшей войны, результаты которой никто не может

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 152, л. 20.
[2] Там же, л. 44.
[3] Там же, д. 194, лл. 121, 123.

учесть... В результате пострадают все, государства все могут развалиться, а на место их явятся Атиллы, имя которым социал-демократы»[1].

Кредиты на «большую программу» вооружений были спешно обсуждены и приняты 10 июня 1914 г. Это «патриотическое» постановление вызвало со стороны Николая II, вообще-то не жаловавшего Государственную думу своим вниманием, изъявление «искреннего удовольствия». Вслед за тем «с соизволения» царя члены Думы познакомились с работами по укреплению Ревель-Поркалаудского района и приняли участие во встрече английских военных моряков в Кронштадте.

Несмотря на противоречия внутри Антанты, которые по временам весьма обострялись, общие интересы в борьбе с растущей колониальной экспансией германского империализма заставляли партнеров по Тройственному согласию укреплять военно-политические связи между собой.

Франко-русские союзнические обязательства, определявшиеся политическим соглашением 1891 г. и военной конвенцией 1893 г., подтверждались и уточнялись на периодических совещаниях начальников генеральных штабов русской и французской армий. Рост вооруженных сил Германии и общее мнение, что первый удар она нанесет по Франции, заставили русский генеральный штаб пойти на дальнейшие уступки французам. На совещании 1912 г. Франция добилась от русского генерального штаба обязательства начать наступление против Германии тотчас же после 15-го дня мобилизации с обязательством сосредоточить у германской границы 800 тыс. человек. Это обязательство было совершенно нереальным. На 15-й день мобилизации Россия могла сосредоточить у германской границы значительно меньше солдат. Царское правительство дало согласие перейти в наступление, не закончив полного сосредоточения войск, что ставило армию в очень тяжелые условия. Кроме того, сосредоточение такой массы войск у границы Германии сильно ослабляло армии, предназначенные действовать против Австро-Венгрии.

Тогда же Франция предложила России реализовать широкую программу развития стратегических железных дорог. Чтобы выполнить ее, в 1913 г. было заключено соглашение с Францией о займе, по которому Россия в ближайшие пять лет могла занимать в Париже ежегодно от 400 до 500 млн. франков на строительство новых железнодорожных путей к западной границе. Но это соглашение опоздало и не сыграло реальной роли в усилении сети русских железных дорог.

В 1912 г. Россия заключила с Францией военно-морскую конвенцию, по которой Франция обязывалась не допустить прорыва австро-итальянского флота в Черное море.

---

[1] «Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913—1914 гг.». Сессия вторая, ч. II. СПб., 1914, стб. 431—434.

В связи с делом Лимана фон Сандерса Сазонов в начале 1914 г. выдвинул идею превращения Тройственного согласия в открытый оборонительный союз. По убеждению Сазонова, отсутствие между Россией и Англией формальных обязательств военного и общеполитического характера создавало в Германии надежду на английский нейтралитет в случае европейской войны и провоцировало ее к нападению на Россию и Францию.

Англия в свою очередь также была заинтересована в дальнейшем упрочении военно-политических связей с Россией, так как рассчитывала выиграть неизбежную войну со своим главным противником — Германией — при помощи России.

Однако английскому правительству приходилось считаться с протестами демократической общественности против сближения с правительством, воюющим с собственным народом. Среди части английской буржуазии были распространены прогерманские и нейтралистские настроения.

Э. Грей не хотел связывать себя союзом с Россией еще и потому, что ему хотелось как можно дольше сохранить в Берлине и Вене иллюзию о возможности нейтралитета Англии в надвигающейся войне. По этим соображениям реакция в Лондоне на зондирование Сазонова о возможности союза была отрицательной.

Весной 1914 г. по инициативе Франции русская дипломатия предложила Англии заключить секретные военно-морскую конвенцию и условное общеполитическое соглашение по типу англо-французских [1]. России хотелось, чтобы Англия оттянула на себя возможно бóльшую часть германского флота от русского побережья на Балтике, а в Средиземном море обеспечила преобладание Тройственного согласия, не позволяя австро-итальянскому флоту проникнуть в Черное море.

Англия не спешила с переговорами. Ее интересы в основном были обеспечены развитием франко-русских военных обязательств в 1912—1913 гг. В сотрудничестве же с Россией на море английские политики были мало заинтересованы, так как очень низко оценивали мощь Балтийского флота. Поэтому Англия потребовала за свое согласие на заключение военно-морской конвенции и условного политического соглашения пересмотра англо-русских соглашений 1907 г., а именно расширения английской сферы влияния в Персии и предоставления Англии свободы действий в Тибете. Как только сведения о переговорах между Англией и Россией проникли в печать, Э. Грей поспешил прервать их и даже отрицал в парламенте, что они велись.

---

[1] В ноябре 1912 г. путем обмена письмами между Греем и французским послом в Лондоне Полем Камбоном было условлено, что Англия и Франция, готовясь к войне с Германией, будут разрабатывать свои военные планы в расчете на совместное ведение борьбы. Англия брала на себя охрану Атлантического побережья Франции, а французский флот — защиту английских интересов в Средиземном море.

Переговоры были возобновлены в конце июня 1914 г. и протекали уже в накаленной атмосфере июльского кризиса. Тактика Грея в эти дни заключалась в том, чтобы поощрить Россию к сопротивлению австрийской агрессии против Сербии. Но Россия могла «устоять» перед австро-германскими угрозами только при условии получения от Англии определенных гарантий военной поддержки. В этой ситуации Грей вынужден был отказаться от тактики проволо́чек и согласился подтвердить в форме военно-морской конвенции и условного общеполитического соглашения свою готовность действовать заодно с Россией в войне с державами Тройственного союза. Это, несомненно, повлияло на позицию царского правительства в решающие дни июльского кризиса 1914 г. Россия на этот раз не отступила перед германским шантажом, как это было в 1909, 1912 и 1913 гг.

Апологеты империализма уверяли, что благодаря системе военно-политических блоков в Европе установилось «равновесие сил», а это служит якобы лучшим обеспечением сохранения международного мира. В действительности же игра в равновесие двух враждебных друг другу союзов, сопровождавшаяся чудовищной гонкой вооружений, привела к кровавой развязке.

РОССИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Вступление России в войну. 15(28) июня 1914 г., в день национального траура сербского народа[1], в Боснии и Герцеговине состоялись провокационные маневры, в которых принял участие австрийский престолонаследник Франц Фердинанд. 15 июня он был убит в городе Сараеве молодым сербским националистом Г. Принципом. «Выстрел в Сараеве» явился для германских милитаристов желанным поводом для развязывания войны.

Первая мировая война — война за колонии, источники сырья, рынки сбыта, сферы влияния — подготовлялась в течение длительного времени всеми империалистическими государствами. Но больше других к ней стремился германский империализм, самый агрессивный и наиболее заинтересованный в переделе мира и завоевании мирового господства.

Подстрекаемое Берлином, австрийское правительство решило предъявить Сербии ультиматум, унижающий ее национальное достоинство.

Австро-сербский конфликт поставил русскую дипломатию в трудное положение. Отказ в поддержке Сербии окончательно подорвал бы престиж России на Балканах. С другой стороны, выступление в защиту Сербии было чревато риском европейской войны, а этого правящие круги России хотели избежать ввиду обострения внутриполитической обстановки.

Сазонов выдвинул проект демарша трех держав — Англии, Франции и России — в Вене, но союзники отклонили это предложение, взяв курс на развязывание войны.

После сараевского убийства английский министр иностранных дел Грей вел сложную дипломатическую игру. Он хотел создать в Берлине и Вене впечатление о незаинтересованности Англии в австро-сербском конфликте и о возможности ее нейтралитета в случае войны Германии с Россией и Францией. Как видно из сообщения австрийского посла в Берлине, Грей в беседах

[1] 15 июня 1389 г. в сражении на Косовом поле Сербия была разбита турецкой армией, что повлекло установление многовекового ига Турции над народами Балканского полуострова.

с германским послом прибег к умышленной дезинформации, заявив, что «Англия в настоящее время не примет участия в войне, возникшей ради какой-либо балканской страны, даже если бы дело дошло до войны с Россией и даже, может быть, и с Францией». На самом деле уже 12 июля британский кабинет пришел к выводу, что Англия должна вступить в войну. 14 июля русский посол в Лондоне Бенкендорф с облегчением телеграфировал в Петербург, что «уверенность Берлина и Вены в нейтралитете Англии не имеет более почвы». Грей продолжал свою провокационную игру до тех пор, пока германское и австрийское правительства не отрезали себе путь к отступлению.

Заодно с Англией на путь развязывания войны стала и Франция. Едва ли не главную роль при этом сыграло опасение, что вследствие угрожающего роста рабочего движения в России оттяжка войны приведет к потере русского союзника.

Правящие круги Франции с пристальным вниманием следили за ростом революционного движения в России. Об этом свидетельствует, в частности, депеша французского посла в Петербурге Палеолога от 7 мая 1914 г. министру иностранных дел Франции Думергу, посвященная выяснению вопроса: «не рискуют ли военные усилия нашего союзника быть парализованы народным восстанием?» Правда, сравнив силы революции с силами, которые имелись в распоряжении царского правительства, Палеолог высказал мнение, что царизм еще в состоянии «потопить в крови» революционнее движение. Но кто мог поручиться за то, что дальнейшее обострение внутриполитического кризиса в России не склонит чашу весов на сторону революции?

Накануне войны французский президент Пуанкаре совершил поездку в Петербург с целью парализовать «пацифистские» настроения в правящих кругах царской России. В своих записных книжках бывший французский посол в Петербурге Жорж Луи упоминает, что перед отъездом в Россию Пуанкаре в беседе с председателем палаты депутатов Дешанелем заявил: «Мне нужно будет немало потрудиться, чтобы убедить русских». Он хотел сказать: «Убедить их, что нужно выступить»,— пояснил Жоржу Луи Дешанель. «Таким образом,— заключает Луи,— он уехал в Петербург с намерением подтолкнуть русских на войну!» [1].

Пуанкаре прибыл в Петербург в разгар июльских революционных событий. Как заметил В. И. Ленин, французский президент «сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих» [2]. Личное знакомство с политической обстановкой в России окончательно убедило Пуанкаре в необходимости спешить с войной, пока царизм не развалился совсем. Поэтому в беседах с Николаем II и его министрами он

---

[1] Цит. по кн.: В. И. Бовыкин. Из истории возникновения первой мировой войны. М., 1961, стр. 189.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 18.

советовал им быть «твердыми» в отношении Австрии и Германии. Накануне австрийского ультиматума Сербии Пуанкаре сказал Палеологу: «Австрия подготовляет неожиданное выступление. Необходимо, чтобы Сазонов был тверд и чтобы мы его поддержали». В этом же духе Пуанкаре воздействовал и на царя. На этот счет имеется прямое свидетельство самого Николая II, который писал своим датским родственникам: «Пуанкаре нуждается в мире не так, как я — ради мира. Он верит, что существуют хорошие войны» [1].

Однако советы французской и английской дипломатии не отступать перед угрозами Австрии и Германии не могли ослабить страха буржуазно-помещичьих кругов России перед революционными последствиями надвигающейся войны.

Австрийский ультиматум Сербии совпал по времени с массовыми забастовками петербургских рабочих, сопровождавшимися уличными демонстрациями и попытками сооружения баррикад в столице. Это усилило «пацифистские» настроения в буржуазно-помещичьих кругах. Милюков в «Речи» требовал от Сербии максимальных уступок ради избежания мировой войны. 12 июля «Речь» высказалась за «локализацию» австро-сербского конфликта, чего бы это ни стоило Сербии. Газета скорбела о «глубоком несоответствии нынешних беспорядков внезапно наступившим международным осложнениям... Тревожные минуты, переживаемые страной, нависающая угроза войны требуют прочного внутреннего мира». Между тем налицо «чудовищное озлобление рабочих» и «все определеннее одолевают большевики». Но если так, то войны нужно стараться избежать во что бы то ни стало [2].

11 июля на экстренном заседании Совета министров Сазонов заявил, что Россия не может оставаться безучастной зрительницей уничтожения Сербии, ибо тогда она совершенно утратит значение великой державы. К тому же непрерывные уступки России истолковываются Германией как военная неподготовленность и слабость и не только не сдерживают дальнейших германских домогательств, а, наоборот, делают их все настойчивее и грубее. Совет министров присоединился к мнению Сазонова о необходимости достойного и решительного выступления в защиту Сербии, но вместе с тем постановил приложить все усилия для мирного улаживания австро-сербского конфликта. Даже открытие Австро-Венгрией 15 июля военных действий против Сербии Совет министров не признал за «casus belli» и решил продолжать

---

[1] П. Н. Милюков Воспоминания, т. II Нью-Йорк, 1955, стр. 175.

[2] Один из лидеров кадетской партии — Ф. Ф. Кокошкин писал 16 июля И. И. Петрункевичу. «Ожидание войны тяжелым камнем лежит на сердце. Трудно верить, чтобы мы были гарантированы от новых тяжелых уроков. История не прощает тем, кто не умеет или не может использовать ее отсрочек и внимать ее предостережениям. А у нас было и предостережение в виде японской войны и была дана нам отсрочка, употребленная не на развитие, а на подавление сил народа». ЦГАОР СССР, ф. 5839, оп. 1, д. 46, лл. 64—65.

с удвоенной энергией дипломатические попытки локализовать очаг войны [1]. По свидетельству одного из редакторов «Речи» — И. В. Гессена, «неоднократно в течение дня и поздно ночью очевидно по окончании Совета министров, Кривошеин и Барк телефонировали, выставляя себя решительными противниками военного столкновения» [2]. Колебания в правительственных кругах побуждали оппозиционную прессу еще выше поднять тон, чтобы склонить весы в пользу мирного решения конфликта. 16 июля «Речь» преподала национал-шовинистам совет «вовремя остановиться». В этот день Николай II подписал указ об общей мобилизации. До его опубликования надо было собрать под телеграммой, в которой объявлялось о мобилизации, подписи министров военного, морского и внутренних дел. Когда начальник мобилизационного отдела генерального штаба явился за подписью к Н. А. Маклакову, тот сейчас же заговорил о революционерах, которые, по его компетентным сведениям, с нетерпением ждут войны, чтобы закончить дело, начатое в японскую войну. «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярной и идея революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уйти!.. И, перекрестившись, министр подписал телеграмму» [3].

Вечером 16 июля, когда на главном телеграфе готовились передавать депешу о мобилизации, Николай II повелел взамен общей мобилизации произвести частичную в четырех военных округах. Большинство исследователей и мемуаристов объясняют эту перемену тем, что царь получил телеграмму от Вильгельма II: если в России будет объявлена всеобщая мобилизация, то его посредничество (между Россией и Австрией.— *Е. Ч.*) станет невозможным. Нам кажется, что телеграмма кайзера послужила лишь благовидным поводом для отмены общей мобилизации. В действительности нерешительность Николая II объясняется его страхом перед революционными последствиями войны. На царя, по-видимому, глубокое впечатление произвела телеграмма царского оракула Распутина, отправленная из села Покровского: «Войны не объявляй, Николашу (так в царской семье звали великого князя Николая Николаевича, главу «военной партии».— *Е. Ч.*) гони. Если объявишь войну, опять будут кричать: долой. Будет плохо и тебе и Алексею» [4].

По воспоминаниям графини Клейнмихель, министр двора граф Фредерикс после визита к нему германского посла Пурталеса, упрашивавшего его убедить царя отменить приказ о мобили-

---

[1] См.: П. Л. Барк. Июльские дни 1914 года. «Возрождение», 1959, № 91, стр. 19—29.

[2] И. Гессен. В двух веках. «Архив русской революции», т. XXII. Берлин, 1937, стр. 325.

[3] Цит. по статье: С. Добророльский. Мобилизация русской армии в 1914 году. «Военный сборник», кн. I. Белград, 1921, стр. 106.

[4] «Дни», 8 июня 1932 г.

зации, направился к императрице и объяснил ей всю серьезность этого непоправимого шага. Александра Федоровна согласилась, что «надо во что бы то ни стало предотвратить это страшное несчастье». Они пошли к царю, у него был Сазонов. Фредерикс умолял Николая II не брать на себя огромную ответственность за войну перед историей. Царица поддержала Фредерикса. Николай задумался. Тогда Сазонов заявил, что царь подпишет себе смертный приговор, так как Россия никогда не простит ему тех унижений, которые неизбежны, если он будет любой ценой пытаться предотвратить войну. Николай II, до этой минуты колебавшийся, вызвал к себе великого князя Николая Николаевича и назначил его верховным главнокомандующим[1]. Жребий был брошен!

18 июля была объявлена общая мобилизация в России. В тот же день Германия потребовала ее отмены и после отказа 19 июля (1 августа) объявила войну России. 3 августа Германия вступила в войну с Францией. На следующий день в связи с нарушением Германией нейтралитета Бельгии английское правительство объявило о состоянии войны с Германией. Война сразу приобрела общеевропейский характер, а вскоре превратилась в мировую. В нее было вовлечено 38 государств с населением свыше 1,5 млрд. человек.

Участие России в войне отвечало интересам русской буржуазии. Перед ней открывались перспективы новых захватов, высоких прибылей от военных поставок, усиления политического влияния в стране. Объявление войны вызвало взрыв шовинизма. Еще накануне объявления войны Московская городская дума призвала «всех русских людей сомкнуть свои ряды и единодушно стать на защиту родины».

Шовинистическое настроение в буржуазно-помещичьих кругах росло под влиянием известий о том, что мобилизация проходит без «эксцессов». Лозунгом либеральной буржуазии сделалось: «Все для войны!», «Все для победы!» Она с энтузиазмом подхватила слова царского манифеста о забвении «внутренних распрей» и об укреплении «тесного единения царя с его народом».

Еще 14 июля председатель думской фракции русских националистов П. Н. Балашев в шифрованной телеграмме на имя Горемыкина обращал внимание правительства на то, что «в нынешнюю тревожную минуту, когда решаются вопросы мирового значения, всякое яркое и определенно выраженное единение государя с народом является крайне желательным как для внутреннего положения страны, так и для впечатления за рубежом. По этим соображениям было бы полезным во всех отношениях

---

[1] Графиня М. Клейнмихель. Из потонувшего мира. Мемуары. Берлин, б/г, стр. 214—215; С. Д. Сазонов. Воспоминания. Берлин, 1927, стр. 247.

после принятия решения вооруженною силою разрубить создавшееся положение, собрать Государственную думу хотя бы на один день для того, чтобы подчеркнуть полную солидарность всех слоев населения в минуту испытания и готовность их всеми силами служить престолу и родине» [1].

Правительство так и поступило: 26 июля на один день для манифестации «священного единения» царя с народом была созвана Государственная дума. Лидеры буржуазно-помещичьих фракций выступили с призывом сплотиться вокруг «своего державного вождя, ведущего Россию в священный бой с врагом славянства», отложив «внутренние споры» и «счеты» с правительством.

Милюков, формулируя цели русской империалистической буржуазии в этой войне, заявил: «Только в результате войны должно наступить окончательное разрешение нашей вековой национальной задачи: свободного выхода к морю». При этом Милюков ссылался «не на старую славянофильскую мистическую идеологию, а на громадный факт быстрого экономического развития русского юга, не могущего более оставаться без свободного выхода к морю». Он заверил правительство, что во имя этой задачи кадетская партия отказывается на время войны от оппозиции. Вслед за этим Милюков обратился с призывом к левым не выставлять на первый план «жгучие вопросы нашей внутренней жизни», так как это может умалить «высокий духовный подъем» населения.

Чтобы сделать империалистическую войну приемлемой для масс, буржуазные публицисты утверждали, что царская Россия в этой войне борется за «освобождение родственных славянских народов». Захватнические планы русских империалистов в отношении черноморских проливов маскировались ссылкой на «миротворческую и объединяющую роль» России на Балканах.

Провозгласив лозунг «примирения и забвения старой политической борьбы», либералы ожидали, что изменится решительно и курс внутренней политики царского правительства. На деле же резкое снижение в начале войны стачечной активности рабочего класса и успешное проведение мобилизации вместе с отказом либеральной буржуазии от оппозиции только подстрекнули правящие круги к усилению реакции!

Главный удар, как всегда, пришелся по рабочему движению. 30 июля верховный главнокомандующий приказал петербургскому градоначальнику закрыть на время войны все рабочие организации.

Правительство полагало, что оно одно может выиграть войну без всякого участия буржуазной общественности[2]. Более того,

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 7, л. 1.

[2] Из дневника Зинаиды Гиппиус: «Либералы рвались помогать «хоть самому чорту, не только правительству», но рвались тщетно, ибо «сам чорт» —

правящая клика пыталась использовать «патриотический» угар для окончательного отвоевания позиций, утерянных ею в 1905—1906 гг. По словам И. С. Клюжева, «все проявления патриотического чувства со стороны общества повлияли на государя таким образом, что он теперь более, чем когда-либо, убежден в прочности и крепости идеи самодержавия»[1]. В Совете министров при обсуждении внутреннего положения Н. А. Маклаков сказал: «Теперь ни Дума, ни партии нам не страшны, страна возвращается к самодержавию». И стали действительно возвращать страну вспять! Самой насущной своей задачей правительство признало борьбу со всеми формами общественной самодеятельности.

В самом начале войны самочинно возникли всероссийские союзы — земский и городской, поставившие своей целью привлечь широкие общественные слои к совместным с правительством трудам по обороне государства[2]. Инициаторы названных союзов рассчитывали, что, концентрируя свои силы, либеральная общественность может воздействовать и на направление внутренней политики, на тот или иной состав исполнительных органов власти.

Но царская бюрократия отнеслась с недоверием к общественной самодеятельности. Это выразилось в стремлении сузить задачи земского и городского союзов, во-первых, во времени: «лишь на время войны», во-вторых, в круге вопросов: «только для помощи больным и раненым воинам» и, в-третьих, в формах общественной организации: «в составе главного, губернских и уездных комитетов».

Уже 16—18 июля на улицах и заводах появились первые антивоенные прокламации большевиков, призывавшие пролетариат к активным выступлениям против военной угрозы и к международной солидарности трудящихся всех стран. По данным фабричной инспекции, в день объявления войны в столице не работало до 40 тыс. человек[3]. Взволнованные происходящими событиями, рабочие выходили на улицу и устраивали антивоенные демонстрации с красными знаменами и пением революционных песен[4]. Волна антивоенных выступлений прошла по всем крупнейшим промышленным районам страны. В Москве 20 июля во

правительство никого никуда не пускает и «честью просит» — в его дела носа не совать; никакая, мол, мне общественная помощь не нужна. А если вы так преданы — сидите смирно и немо. Покоряйтесь, вот ваша помощь». ОРГПБ им. С.—Щ., ф. 481, оп. 1, д 1, л. 27.

[1] ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 15, л. 12

[2] Главноуполномоченным земского союза был избран прогрессист, князь Г. Е. Львов — будущий председатель Временного правительства, а главноуполномоченным союза городов — московский городской голова, правый кадет М. В Челноков.

[3] См.: «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 52.

[4] См.: «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны». Сборник материалов и документов. Л., 1939, стр. 25—26.

время шествия «патриотической» манифестации по Тверской улице большая группа рабочих Прохоровской мануфактуры встретила ее у памятника Пушкину негодующими возгласами: «Долой войну! Не надо крови!» [1]. В Твери рабочие вагоностроительного завода вышли якобы на «патриотическую» демонстрацию с царским флагом, но, подойдя к городу, оторвали синюю и белую полосы и с красным флагом продолжали шествие. По официальным, явно заниженным данным, антивоенные выступления рабочих и крестьян произошли в 17 губерниях. В ряде случаев они вылились в вооруженные схватки с полицией [2].

Ни в одной стране не было такого движения протеста против войны, как в России. Это движение нарушало видимость «единения царя с народом». За все годы войны фабричная инспекция насчитала лишь 15 шовинистических выступлений рабочих, менее 1% всех выступлений по стране [3]. В. И. Ленин с полным правом заявил, что «в общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма» [4].

Большую работу по разоблачению империалистического характера войны успели проделать до своего ареста большевистские депутаты IV Государственной думы. Они принимали участие в составлении и печатании прокламаций, выступали в своих избирательных округах на подпольных собраниях, устанавливали связи, способствовали воссозданию партийных организаций. На экстренном заседании Государственной думы 26 июля социал-демократы — члены Думы — выступили с декларацией, в которой решительно осуждалась война и ответственность за ее развязывание возлагалась на правящие круги всех воюющих стран. Декларация категорически отрицала всякую возможность «единения» народа с царем, к чему призывали буржуазно-помещичьи фракции Думы. Надежду на прекращение войны она связывала с международной солидарностью пролетариата. Социал-демократические депутаты решили не голосовать за военные кредиты и для более энергичного выражения своего протеста покинули зал заседаний Думы.

5 ноября 1914 г. большевистские депутаты были арестованы. В знак протеста против произвола царских властей в Петрограде, Москве, Харькове, Екатеринославе и других городах по призыву большевиков состоялись однодневные забастовки и митинги. В феврале 1915 г. большевики-депутаты были приговорены к ссылке на вечное поселение в Сибирь. Суд над большевистской фракцией Думы сыграл огромную роль в революционизировании рабочего класса не только России, но и всего мира. Ленинский те-

---

[1] «История Москвы», т. 5. М., 1955, стр. 305.

[2] См: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. II. М., 1965, стр. 487.

[3] См.: «Рабочее движение в годы войны». Материалы по истории рабочего движения в России. М.—Л., 1926, стр. 4.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 331.

зис: «Необходимо направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран», цитируемый в обвинительном акте, благодаря открытому процессу прозвучал во всем мире как призыв к пролетарской интернациональной солидарности и социалистической революции.

Из уцелевших в годы войны легальных рабочих организаций наиболее массовыми были больничные кассы на предприятиях. Через них большевики создавали опорные пункты на заводах. В больничных кассах вели работу А. А. Андреев, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, Н. М. Шверник. В феврале 1915 г. рабочая группа Главного страхового совета возобновила издание легального журнала «Вопросы страхования». В период войны этот журнал был единственным легальным органом большевистской печати в Петрограде.

В развитии рабочего движения России под знаменем пролетарского интернационализма и социализма громадную роль сыграла ленинская теория и тактика большевистской партии по вопросам войны, мира и революции.

2. Борьба большевиков против империалистической войны. Почти все партии II Интернационала, зараженные оппортунизмом и национализмом, позорно изменили принципам пролетарского интернационализма, выступив за поддержку своей буржуазии в войне. 22 июля (4 августа) 1914 г. в германском рейхстаге социал-демократическая фракция голосовала за предоставление военных кредитов правительству. Английские, французские и бельгийские социалисты вошли в состав буржуазных правительств. II Интернационал потерпел крах и распался.

В России думская фракция меньшевиков, боясь потерять всякое влияние в рабочем классе, голосовала в начале войны вместе с большевиками против военных кредитов. Однако очень скоро, в ответ на призыв Э. Вандервельде прекратить борьбу с царизмом и поддержать войну, меньшевики сползли на позицию «обороны» и «самозащиты», объявив, что со стороны России и ее союзников война является «оборонительной» и «справедливой».

Только партия большевиков во главе с Лениным по-прежнему высоко держала великое знамя социализма и пролетарского интернационализма, знамя революции, указывая пролетариату путь борьбы против империалистической войны.

В. И. Ленин подчеркивал, что война есть продолжение политики господствующих классов, только иными, насильственными средствами. Сущность войны определяется не тем, кто начал войну или на чьей территории находятся войска, а тем, какой класс ведет войну, какую политику продолжает данная война, какую политическую цель преследуют правящие круги в данной войне. С этой точки зрения марксисты различают войны справедливые и несправедливые.

Большевики всегда признавали своим священным долгом защиту отечества в прогрессивных, освободительных войнах. «Отечество, нация — это категории исторические. Если во время войны речь идет о защите демократии, — писал Ленин, — или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я нисколько не против такой войны и не боюсь слов «защита отечества», когда они относятся к этого рода войне или восстанию. Социалисты всегда становятся на сторону угнетенных, и следовательно, они не могут быть противниками войн, целью которых является демократическая или социалистическая борьба против угнетения» [1]. Но первая мировая война была с обеих сторон захватнической, империалистической. Хотя война была развязана кайзеровской Германией, к ней готовились все империалистические державы, которые и несут ответственность за ее возникновение. Ленин разъяснял, что *«ни Россия, ни Германия и никакая другая великая держава не имеют права говорить об «оборонительной войне»:* все великие державы ведут империалистическую, капиталистическую войну, разбойничью войну, войну для угнетения малых и чужих народов, войну в интересах прибыли капиталистов, которые из ужасающих страданий масс, из пролетарской крови выколачивают чистое золото своих миллиардных доходов» [2].

В Манифесте ЦК РСДРП, опубликованном 19 октября 1914 г. в центральном органе партии «Социал-Демократ», был провозглашен лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, в резолюцию против эксплуататорских классов. Первыми шагами на пути к этой великой цели должны были стать безусловный отказ от одобрения военных кредитов и выход социалистов из буржуазных правительств, полный разрыв с политикой «национального мира», создание нелегальных организаций, поддержка братания на фронте, организация всякого рода революционных выступлений пролетариата в тылу.

Свержение империалистических правительств облегчалось их военными неудачами. Поэтому Ленин противопоставил социал-шовинистическому лозунгу защиты буржуазного отечества лозунг революционного пораженчества. Меньшевики и эсеры утверждали, что желать поражения России — значит желать победы Германии. Но они умалчивали, что большевики считали лозунг поражения своего правительства обязательным не только для социалистов России, но и для социалистов всех воюющих стран, и в этом заключался подлинный интернационализм большевистской тактики, рассчитанной на братский союз рабочих всех стран в борьбе против империалистической войны, за свержение всех буржуазных правительств, за установление всеобщего демократического мира.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т 30, стр. 262.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр соч., т. 27, стр. 231—232.

Отношение к лозунгу поражения «своего» правительства в войне явилось испытанием верности принципу интернационализма для всех рабочих партий. Либо поражение империалистического правительства и тем самым ускорение революции, которая одна была в состоянии принести прочный и демократический мир, либо поддержка правительства и классовый мир с буржуазией. Никакой средней позиции не было и не могло быть. Центристский лозунг Троцкого — «ни побед, ни поражений» — был маскировкой социал-шовинистического лозунга «защиты отечества», ибо быть против поражения буржуазного правительства означало признание политики гражданского мира, отказ от революционных действий, сохранение власти в руках реакционных классов.

Лозунг революционного пораженчества исходил из интересов развития мировой социалистической революции. Вместе с тем он не противоречил и правильно понятым национальным интересам. В своей статье «О национальной гордости великороссов» (1914) Ленин писал: «Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...» Но именно потому, что русские рабочие хотели видеть свою родину свободной и независимой, прокладывающей путь к социализму, они должны были бороться «всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т. е. худших врагов нашей родины...» [1].

Лозунг превращения империалистической войны в гражданскую не мог быть осуществлен без разоблачения центристского лозунга «борьбы за мир». Ленин указывал, что в основе пацифизма лежит «идея», будто война не связана с капитализмом, не является продолжением политики мирного времени. Прикрывая свой шовинизм фразами о мире «без аннексий и контрибуций», о «разоружении», о «демократизации» дипломатии и третейских судах для мирного урегулирования международных конфликтов, центристы сеяли в массах иллюзии, будто можно добиться справедливого мира и даже уничтожения войн в будущем, не свергая власти капиталистов.

Ленин связывал дело мира с победой революции. Он исходил из того, что войны при империализме неизбежны и что только победа социализма во всем мире избавит человечество от войн.

Интернационалистическая тактика большевиков по вопросам войны и мира требовала от марксистов полного разрыва с обанкротившимся II Интернационалом, так как сохранение единства с социал-шовинистами было равносильно союзу с буржуазией. Поэтому Ленин поставил вопрос о создании нового Интернационала.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107—108.

Творчески развивая марксизм в новых исторических условиях, Ленин в трудах «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Военная программа пролетарской революции» и др. дал глубокий анализ империализма, его основных противоречий и доказал неизбежность его гибели. Развитие империализма через экономические и социальные кризисы и опустошительные войны ведет к обострению классовых, национальных и международных противоречий, что и определяет характер империализма как последней стадии капитализма. Империализм — это загнивающий, паразитический и умирающий капитализм.

В то же время развитие производительных сил общества (концентрация производства и капитала, сращивание промышленного капитала с банковским, складывание системы государственно-монополистического капитализма) создает материальные предпосылки социалистической революции. «Империализм есть канун социальной революции пролетариата»[1]. Но революцию нельзя искусственно вызвать. Она вырастает из объективно назревшего общеполитического кризиса. Такой кризис был создан первой мировой войной. Она ускорила созревание во всех воюющих странах революционной ситуации, основными признаками которой являются кризис политики господствующих классов, обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов и значительное повышение вследствие этого революционной активности масс. Для превращения революционной ситуации в революцию необходима способность передового класса подняться на штурм империализма. А такую готовность масс организует партия, стоящая на позиции марксизма.

Неравномерность экономического и политического развития приводит к тому, что вызревание социалистической революции в отдельных странах происходит неравномерно. Оно происходит прежде всего там, где противоречия империализма наиболее обострены и где подготовлены силы, способные разрешить эти противоречия. Таким образом, возможна победа социализма в одной стране, если даже эта страна экономически менее развита, чем другие капиталистические страны.

Это была новая теория социалистической революции. Она учитывала обстановку, созданную развитием империализма, и творчески обобщала опыт революционной борьбы пролетариата всего мира. Ленинская теория революции развязывала инициативу рабочих в борьбе за свержение своей национальной буржуазии. Она указала пролетариату каждой страны путь спасения от неисчислимых бедствий, порождаемых империализмом.

Первым по такому пути пошел героический рабочий класс России под руководством своей революционной партии во главе с великим Лениным.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 308.

3. **Военные действия в 1914—1915 гг.** Германский стратегический план, разработанный фельдмаршалом графом Шлиффеном, бывшим в 1891—1905 гг. начальником имперского генерального штаба, исходил из концепции сокрушительного внезапного удара и стремления избежать войны на два фронта. Полагаясь на запоздание с развертыванием русской армии, Шлиффен хотел сосредоточить на границе нейтральной Бельгии почти $^{9}/_{10}$ всех германских вооруженных сил, оставив лишь слабые заслоны на южном участке Западного фронта и на границе с Россией. Покончив одним ударом с Бельгией и Францией, он предполагал затем обрушиться всеми силами на царскую Россию и закончить войну в течение нескольких месяцев. Однако план Шлиффена потерпел крушение из-за авантюризма германской военной доктрины, игнорировавшей реальное соотношение сил между воюющими группировками. Германское военное командование недооценило быстроту, с которой русская армия, развернув свои силы, сковала германскую армию на Востоке и нанесла серьезное поражение австро-венгерским войскам.

Немецкие войска обрушились через Бельгию на Северную Францию, ставя целью захват Парижа и окружение французской армии. Когда германское командование, казалось, было близко к осуществлению своего замысла, оно вынуждено было ослабить войска, действовавшие во Франции, ввиду неожиданного вторжения русских в Восточную Пруссию. 26 августа 1914 г. из 2-й и 3-й немецких армий были взяты два корпуса и одна кавалерийская дивизия для отправки на Восток. Это изменило соотношение сил на Западном фронте в пользу Франции и облегчило ее победу в сражении на Марне.

Еще перед войной русский генеральный штаб считал опасным предоставить Германии возможность разгромить Францию и поэтому с целью отвлечения с Западного фронта части германских сил планировал одновременное наступление против Германии и Австро-Венгрии.

Однако с начала войны развертывание русских сил и их операции были поставлены в полную зависимость от обстановки на Западном фронте. Тотчас же после объявления войны французский посол Палеолог обратился лично к Николаю II с требованием о скорейшем наступлении русских войск на Берлин. Иначе, заявил он, Франция рискует быть раздавленной. Под нажимом французов русское командование отдало приказ 1-й и 2-й армиям, не закончившим еще развертывание своих сил, начать наступление в Восточной Пруссии.

Наступление русских войск вначале развивалось успешно. 1-я армия под командованием генерала Ренненкампфа 20 августа под Гумбиненом нанесла серьезное поражение 8-й германской армии генерала Притвица. Тем временем 2-я армия генерала Самсонова перешла южную границу Восточной Пруссии в тылу армии Притвица. Боясь попасть в русские «клещи», Притвиц от-

дал своей армии приказ об отступлении к Висле. Но германское верховное командование отменило приказ Притвица и назначило вместо него командующим 8-й армией генерала Гинденбурга и начальником штаба Людендорфа. Положение германских войск в Восточной Пруссии оставалось критическим. Однако преступное бездействие Ренненкампфа спасло немецкую армию от разгрома. Ссылаясь на утомление войск и необходимость подтянуть пополнение и запасы, Ренненкампф отказался от преследования поспешно отходившего противника. 1-я армия до 23 августа оставалась в районе гумбиненского сражения, а затем наступала крайне вяло и нерешительно.

Убедившись в бездействии Ренненкампфа, новое германское командование оставило против его армии незначительный заслон и почти все свои силы направило против армии Самсонова, которая продвигалась в глубь Восточной Пруссии. Из-за отсутствия у русских авиаразведки перегруппировка немцев осталась незамеченной. Два корпуса армии Самсонова были окружены и почти целиком погибли. Остальные части 2-й армии отошли к русской границе. После этого 8-я германская армия, усиленная переброшенными с Западного фронта корпусами, атаковала войска Ренненкампфа и в середине сентября вытеснила их из Восточной Пруссии.

Неудача операции в Восточной Пруссии объясняется неоправданной поспешностью наступления 1-й и 2-й русских армий, вызванной энергичным давлением со стороны Франции, а также неспособностью царского военного руководства наладить согласованные действия двух своих армий. Оперативная разведка была организована плохо. Русские штабы легкомысленно относились к сохранению военной тайны. Они передавали незашифрованные оперативные радиограммы, которые перехватывались немцами.

Совершенно иначе сложилась обстановка на Юго-Западном фронте. Русские армии вторглись в Галицию, разбили во встречных боях австро-венгров и 3 сентября 1914 г. заняли Львов. Продолжая успешное наступление, русские войска отбросили противника за реку Сан. Крупнейшая австрийская крепость Перемышль была блокирована и 9 марта 1914 г. капитулировала. В результате поражений боевой состав австро-венгерских армий в Галиции уменьшился почти наполовину. Они потеряли около 400 тыс. солдат и офицеров.

Разгром австро-венгерских войск не был полным. Однако по настоянию союзников русская Ставка приостановила преследование австрийских армий и произвела рокировку 4-й, 5-й и 9-й армий с реки Сан к Средней Висле, а 2-ю армию перебросила с Нарева в район Варшавы, намереваясь наступать крупными силами на Берлин. В свою очередь германское командование, опасаясь потери промышленной Силезии, предприняло наступление на Варшаву. В кровопролитных сражениях под Варшавой и

Ивангородом, в которых участвовало около 900 тыс. человек, русские войска поставили в критическое положение 9-ю германскую армию и наголову разбили 1-ю австрийскую армию. Однако преследование велось нерешительно, и 9-я германская армия ускользнула из окружения.

В ноябре 1914 г. 9-я германская армия, усиленная тремя дивизиями за счет новых формирований, неожиданным броском пыталась окружить 2-ю русскую армию в районе Лодзи. Но русские войска сами создали угрозу окружения главной обходящей группы немецкого генерала Шеффера, которая и была полностью разгромлена. Успешным контрнаступлением в районе Лодзи русские армии вновь оказали существенную поддержку западным союзникам, которые в это время вели напряженное сражение во Фландрии. Германское командование вынуждено было отказаться от попытки захвата Дюнкерка — важнейшего узла коммуникаций, связывавших Францию с Англией. Вместо быстрой победы до «осеннего листопада» германское командование должно было в конце 1914 г. перейти к обороне.

Известной компенсацией за военные неудачи для центральных держав явилось вступление в войну Турции. Еще перед войной Германия использовала противоречия в лагере Антанты, чтобы добиться экономического и политического преобладания в Турции. 2 августа 1914 г. между Германией и Турцией был подписан договор о союзе. Однако Турция с согласия Германии решила оставаться нейтральной до тех пор, пока не будет завершена мобилизация. С целью выигрыша времени военный министр Энвер-паша даже вступил с Россией в переговоры о союзе.

10 августа в Мраморное море вошли немецкие крейсеры «Гебен» и «Бреслау». Они были пропущены англичанами, не желавшими перехода черноморских проливов под контроль России. Английское правительство опасалось, что в случае захвата Россией проливов она может выйти из войны еще до полной победы над Германией. Турция объявила, что она якобы купила «Гебен» и «Бреслау» у Германии. Но на кораблях остались немецкие команды, и все «отуречивание» свелось к маскараду: германский флаг был заменен турецким, а матросы надели фески. Командующим турецким флотом был назначен германский адмирал Сушон.

С прибытием германских кораблей соотношение сил на Черном море изменилось в пользу Турции. Это укрепило влияние в турецком правительстве авантюристических панисламистских кругов во главе с Энвер-пашой.

После сражения на Марне и русских побед в Галиции Германия стала торопить Турцию со вступлением в войну с целью оттянуть русские силы к Кавказу и заставить англичан держать большую армию в Египте. Германия предоставила Турции заем при условии вступления ее в войну сразу же после получения первого взноса. Но турецкое правительство колебалось.

Форсируя развязку войны, Энвер-паша решил поставить свою страну перед совершившимся фактом. С его ведома 16 и 17 октября 1914 г. германо-турецкий флот напал на русские суда в Черном море, обстрелял Севастополь, Феодосию, Новороссийск, Одессу. С этого дня Турция фактически вступила в войну. В декабре 3-я турецкая армия предприняла наступление в Сарыкамышском направлении с целью окружения и уничтожения сосредоточивавшейся здесь Кавказской армии, но в результате русского контрманевра была разгромлена, потеряв более 78 тыс. из общего состава армии в 90 тыс. Потери русских были в три с половиной раза меньше турецких. Победа русских под Сарыкамышем облегчила англичанам оборону Суэцкого канала. В 1916 г. царские войска овладели крепостью Эрзерум и городами Трапезунд и Эрзинджан.

Турция могла быть в 1916 г. окончательно сокрушена, если бы не отказ союзников координировать свои военные действия с Россией.

После падения Перемышля русские армии начали успешное наступление в Карпатах. К весне 1915 г. они овладели горными проходами и готовились выйти на венгерскую равнину, чтобы окончательно сломить сопротивление Австро-Венгрии. Под влиянием русских побед Италия 23 мая 1915 г. вступила в войну на стороне Антанты.

Активные действия русских армий вынудили германское командование в 1915 г. перейти к стратегической обороне на западе и сосредоточить свои усилия на востоке с целью разгрома русской армии. С Западного фронта были переброшены лучшие корпуса для охвата русских армий, сражавшихся в Польше и Галиции и нанесения им фланговых ударов. Из переброшенных с Западного фронта германских корпусов была сформирована ударная армия под командованием генерала Макензена.

Если в начале войны Германия и Австро-Венгрия имели на Восточном фронте 50 пехотных и 13 кавалерийских дивизий, а на Западном — 83 пехотные и 10 кавалерийских дивизий, то к сентябрю 1915 г. положение изменилось. На Востоке сражалось уже 137 пехотных и 24 кавалерийские дивизии, а на Западе — 90 пехотных и одна кавалерийская дивизия. При этом следует иметь в виду, что против России были брошены самые боеспособные дивизии.

Таким образом, в начале войны Россия отвлекала на себя 31% всех сил врага, а в 1915 г. уже 50%.

В мае 1915 г. 11-я армия Макензена и 4-я австрийская армия начали наступление в районе Горлицы. На участке прорыва противник имел превосходство в пехоте вдвое, а в артиллерии — в 6 раз. 2 мая после интенсивной артиллерийской подготовки неприятель прорвал русские позиции. Царское командование не сумело разобраться в обстановке и организовать контрманевр. Вместо быстрого отвода своих армий за реку Сан с целью пере-

группировки и организации мощного контрудара во фланг или тыл наступавшего противника оно бросало по частям прибывающие подкрепления в бесплодные контратаки. Все же, несмотря на подавляющий перевес в силах и пассивность царского командования, наступление австро-германских войск развивалось медленно. Русские солдаты упорно сопротивлялись и часто переходили в контратаки. Только 22 июня русские войска оставили Львов.

В начале июля германское командование, пытаясь взять русские армии в Польше в гигантские клещи, предприняло атаку на Седлец своим левым флангом на Наревском направлении, у Прасныша, а правым флангом — на Люблинском направлении, между Западным Бугом и Вислой, на север.

Русские войска испытывали страшный недостаток в вооружении, и особенно в снарядах. Дневной расход снарядов был установлен из расчета одного-двух выстрелов на орудие, в то время как вражеская артиллерия засыпала русские позиции градом снарядов. Не хватало даже винтовок; нередко пополнения вливались в боевую линию безоружными с приказом подбирать винтовки убитых товарищей. Русские войска 22 июля 1915 г. оставили Варшаву, а затем и Новогеоргиевск и отошли на линию Рига — Ковно — Брест — Ковель.

Развивая успех, немецкие войска начали атаки на Ковенском направлении. 9 августа комендант Ковенской крепости генерал Григорьев, не оказав сопротивления, сдал крепость. Русские войска вынуждены были отойти на линию Гродно — река Стырь. В конце августа немцы предприняли крупное наступление на Вильненском направлении. Они прорвали русский фронт у Свенцян и заняли Вильно. Этим, собственно, и был исчерпан наступательный порыв германской армии. Контрударами в районе Двинска и Ровно к зиме 1915 г. германское наступление было остановлено. Фронт стабилизировался на линии Рига — Двинск — Барановичи — Пинск — Дубно.

Русские войска были вытеснены из Галиции, Польши, Литвы, части Прибалтики и Белоруссии, но план окружения русских армий в Польше не был осуществлен. Однако потери их были исключительно велики. Плохо вооруженная русская армия должна была миллионами жертв расплачиваться за экономическую и военную отсталость своей страны, а также за бездействие союзников на Западном фронте.

Война 1914—1918 гг. происходила на новой технико-экономической основе. В отличие от прежних войн она характеризовалась огромной протяженностью театров военных действий, участием миллионных армий, массированным применением различных видов военной техники. В связи с этим базой боевого снабжения становится все соответствующим образом организованное народное хозяйство. Таким образом, из особенностей ведения и

обеспечения войн эпохи империализма вытекает необходимость военно-экономической мобилизации тыла.

Россия оказалась неподготовленной к войне. Рассчитывая, что война будет кратковременной, царское правительство даже приблизительно не предвидело тех высоких требований, которые война предъявит к работе тыла, и собиралось вести ее за счет запасов мирного времени и производительности казенных заводов, без мобилизации частной промышленности. Поэтому оно почти ничего не предпринимало в первый период войны для перестройки экономики с целью удовлетворения нужд армии.

Технико-экономическая отсталость России и ее зависимость от иностранного капитала уже в начале 1915 г. вызвали острый кризис боевого снабжения русской армии. В первые же месяцы войны иссякли запасы снарядов и были установлены голодные нормы расходования их. Не хватало даже винтовок и патронов к ним.

В 1915 г., когда стало ясно, что война приняла затяжной характер, воюющие государства вступили на путь «регулирования» экономики. В России оно началось с запозданием, причем инициатива мобилизации промышленности принадлежала не правительству, а буржуазии. Еще в январе 1915 г., когда возникли затруднения со снабжением армии снарядами, Совет съездов представителей промышленности и торговли в докладной записке председателю Совета министров предлагал «все дело заказов и приемки сосредоточить в одних руках, достаточно авторитетных, имеющих право не только давать заключения, но и решать. Эта организация должна быть создана из правительственных чинов с участием представителей промышленных организаций». Инициативу капиталистов активно поддержало верховное командование царской армии, и в мае 1915 г. было учреждено Особое совещание по артиллерийскому снабжению, в которое вошли виднейшие представители финансовой олигархии А. И. Путилов, А. И. Вышнеградский и другие.

Всероссийский съезд представителей промышленности и торговли в Петрограде 27—28 мая 1915 г. решил организовать Центральный военно-промышленный комитет и районные комитеты в провинции для объединения промышленников в целях обеспечения армии боеприпасами и военным снаряжением. В течение двух месяцев было создано 78 областных и местных военно-промышленных комитетов. В них вошли видные промышленники, представители банков, верхушка буржуазной технической интеллигенции. Военно-промышленные комитеты привлекли к обслуживанию нужд фронта 1300 средних и мелких предприятий и создали до 120 собственных заводов и мастерских. В то же время значительно расширили свои функции союзы земств и городов, образовавшие в июле 1915 г. на паритетных началах Главный комитет по снабжению армии («Земгор»). Буржуазия претендова-

ла на руководство всем делом военно-экономической мобилизации тыла.

Однако царское правительство, опасаясь политического усиления буржуазии и стремясь сохранить за собой последнее слово при решении экономических вопросов, в августе 1915 г. создало Особое совещание по обороне и подконтрольные ему совещания по снабжению топливом, продовольствием, по перевозкам, а также их рабочие органы — комитеты и бюро — для непосредственного регулирования различных отраслей народного хозяйства (Металлургический комитет, Комитет по делам суконной промышленности, «Центросахар», «Центромука» и пр.). В «Особые совещания» и комитеты наряду с правительственными чинами вошли члены законодательных палат, представители Центрального военно-промышленного комитета, земского и городского союзов. Положения об «Особых совещаниях» наделяли распорядительной и исполнительной властью только председательствующих в них министров и их местных уполномоченных. Все постановления «Особых совещаний» утверждались председательствующими. Общее руководство деятельностью всех совещаний было предоставлено председателю Особого совещания по обороне. Он имел право собственной властью приостанавливать решения всех совещаний, о которых ему обязаны были подробно сообщать.

В результате мобилизации промышленности Россия добилась известных успехов в военном производстве. Если до войны производственная мощность оружейных заводов составляла 525 тыс. винтовок в год, то к началу 1917 г. годовой выпуск винтовок достиг 1600 тыс. штук. Довоенный уровень производства пулеметов за время войны был превзойден в 25 раз. Резко увеличили свою производительность и заводы, изготовлявшие артиллерийские орудия. В 1915 г. было изготовлено 2106, а в 1916 г. — 5135 орудий. Крупных успехов достигла химическая промышленность, которая до войны находилась в полной зависимости от импорта материалов и полуфабрикатов. Значительно увеличилось производство взрывчатых веществ.

Несмотря на относительно быстрый рост военного производства, в русской армии в течение всей войны остро ощущался недостаток винтовок, пулеметов, артиллерийских снарядов, ружейных и пулеметных патронов, взрывчатых веществ.

Царское правительство и буржуазия даже во время войны не сумели должным образом использовать важнейшие открытия и изобретения русских новаторов. В 1915 г. в России был построен и испытан первый в мире танк. Но это выдающееся изобретение не было оценено и использовано военным ведомством. Профессор Московского университета Н. Д. Зелинский создал в 1915 г. угольный противогаз, являвшийся в то время наиболее совершенным средством защиты при газовых атаках. Но царское военное руководство долгое время игнорировало это изобретение.

Вследствие того что отечественная промышленность не в состоянии была обеспечить нужды фронта, приходилось приобретать вооружение за границей. Правительство разместило в других странах крупные военные заказы. Сумма их составляла 7694 млн. золотых рублей. Оплата русских заказов сначала производилась из сумм Государственного банка, а затем главным образом за счет внешних займов. В течение войны было заключено внешних займов на сумму 8,5 млрд. руб. Из них на долю Англии и Франции пришлось 8,1 млрд. руб. Англия во время войны стала главным кредитором России.

Союзники предоставляли России транспортные средства для перевозки военных грузов при условии обеспечения обратных рейсов грузами хлеба, масла, леса, спирта и важного стратегического сырья, в котором сама Россия испытывала крайнюю нужду. Франция соглашалась предоставлять России новые займы лишь при условии отправки сотен тысяч русских солдат на французский и македонский фронты.

В течение войны русские войска, истекая кровью, не раз спасали союзников от разгрома. Вторжением в Восточную Пруссию Россия отвела угрозу, нависшую над Парижем. Приняв на себя в 1915 г. главный удар германской военной машины, Россия дала возможность союзникам накопить резервы и боеприпасы; германские атаки на Верден были парализованы. Во Франции сражался русский экспедиционный корпус. Но союзники вели себя вероломно. Когда в 1915 г. германское командование перенесло свои главные усилия на Восточный фронт и плохо вооруженные русские армии вынуждены были отступать под натиском немецких полчищ, союзники ничего не сделали, чтобы облегчить тяжелое положение России. Они не только не помогли ей активными военными действиями, но и задерживали поставки русской армии военной техники и боеприпасов. По свидетельству бывшего начальника Главного артиллерийского управления генерала Маниковского, «на наши просьбы уступить нам из наличных запасов готовые винтовки было отвечено отовсюду категорическим отказом».

Как известно, одной из главных целей вступления России в войну был захват проливов. Но Англия и Франция уклонялись от каких-либо формальных обязательств в этом вопросе. Правда, в марте 1915 г. в связи с успехами русских войск в Галиции союзники дали согласие на уступку России после войны Константинополя и проливов. Однако, как оказалось в дальнейшем, эта уступка была мнимой. Англия не оставила свою идею нейтрализации проливов, т. е. открытия их для военных судов всех наций. В этом нас убеждают, в частности, записки начальника британского генерального штаба генерала Вильсона, который утверждает, что английский военный министр Китченер был против Дарданельской операции, а когда она вопреки его желанию началась, он всячески стремился ее затянуть. Вильсон (тогда генерал

для связи с французской армией) настаивал на посылке крупных сил, притом сразу, а не «пакетами», чтобы победоносно закончить операцию, пока на Западе было спокойно. На это Китченер ответил приблизительно так: «Неужели Вы думаете, что мы действительно заинтересованы в быстром окончании этой операции? Ведь, вступив в Мраморное море, флот неизбежно приведет к крушению Турции, а тогда возникнет немедленно проклятый вопрос о Дарданеллах. Наша дипломатия имела глупость обещать Константинополь и проливы России, которая немедленно и потребует реализации своей мечты и нашего обещания. А ведь это приведет к немедленному распаду Антанты, к разрыву с Россией, что сейчас, когда Германия не сломлена, абсолютно недопустимо».

В. И. Ленин с большой проницательностью разгадал маневры союзников. В статье «О сепаратном мире» он писал: «Известно, что Россия надеется получить его (Константинополь. — *Е. Ч.*) и что Англия не хочет дать его, а если даст, то либо постарается затем отнять, либо обставит «уступку» условиями, направленными против России» [1].

Действительно, чтобы облегчить себе в будущем отказ от своих обязательств, союзники включили в текст соглашения множество оговорок. Россия могла получить свою долю добычи «при условии, если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах». Англия ставила условием своего согласия предоставление ей свободы коммерческой деятельности в присоединяемых к России областях Турции, раздела азиатской Турции между Англией и Францией и исключительного господства в нейтральной зоне Персии.

4. Рабочий класс в годы войны. Война внесла существенные изменения в численность и состав рабочих. Эти изменения были вызваны перестройкой промышленности для обслуживания нужд войны, отвлечением от работы в промышленности в результате мобилизаций части кадровых рабочих и особыми условиями пополнения рабочего класса в годы войны.

Как и следовало ожидать, больше всего число рабочих возросло в производствах, связанных с работой на войну. За три года (1914—1916) численность рабочих, занятых в обработке металлов, увеличилась на 66,5%. В то же время уменьшилось число рабочих в текстильной промышленности, бумажном и полиграфическом производствах. Общий прирост численности промышленных рабочих за годы войны равнялся примерно 400 тыс. человек.

В годы войны особенно быстрыми темпами количество рабочих увеличивалось в Петрограде с его развитой металлообрабатывающей промышленностью.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 187.

Вместе со структурными сдвигами в составе рабочих в годы войны произошли и значительные качественные изменения.

В самом начале войны, когда рабочим не предоставлялись льготы по призыву, около 25% их было мобилизовано в армию. Общее же число промышленных рабочих, мобилизованных в 1914—1917 гг., составило 1 млн. человек. Это означало, что промышленность лишилась не менее 30% довоенного количества рабочих и не менее 40% всех рабочих-мужчин. На производство пришли новые люди, большей частью женщины и подростки, никогда не работавшие на фабриках и заводах. С 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. удельный вес работниц в общей массе рабочих повысился с 31 до 40%, а подростков — с 10,5 до 14%. Широкое вовлечение в производство женщин и подростков, получавших пониженную заработную плату, несомненно, усиливало эксплуатацию пролетариата.

Основным источником пополнения рабочего класса, как и раньше, было безземельное крестьянство. Вместе с тем во время войны на заводы поступали городские мелкие хозяйчики, которые хотели уклониться от военной службы. На промышленные предприятия направлялись также в принудительном порядке беженцы и военнопленные. На заводы Урала и Сибири вербовались рабочие из стран Дальнего Востока.

Во время войны увеличилась концентрация пролетариата, особенно в металлообрабатывающей промышленности, где рабочие были заняты выполнением почти исключительно военных заказов.

Рост дороговизны и военные неудачи вызвали весной 1915 г. подъем стачечного движения. В апреле в Петрограде и Москве произошли продовольственные волнения, вылившиеся в разгром лавок и избиение торговцев. В мае имела место всеобщая забастовка в Иваново-Вознесенске. В ней участвовало больше 31 тыс. человек. Рабочие устроили демонстрацию перед городской управой, требуя упорядочить торговлю и понизить цены на продукты. В июне разыгрались кровавые события в Костроме. Здесь была расстреляна многотысячная демонстрация рабочих Большой льняной мануфактуры.

В ночь с 8 на 9 августа в Иваново-Вознесенске были расклеены большевистские прокламации, призывавшие рабочих и солдат сплотиться, чтобы повернуть оружие против настоящего врага — правительства, превратив братоубийственную резню в гражданскую войну. Полиция арестовала нескольких членов Иваново-Вознесенского комитета РСДРП. 10 августа в знак протеста против репрессий вспыхнула забастовка, в которой приняло участие 25 тыс. человек, или 80% всех рабочих города. Когда 8-тысячная демонстрация рабочих двинулась к тюрьме, чтобы силой освободить арестованных, солдаты открыли по демонстрантам огонь; 30 рабочих было убито и 53 ранено.

События в Иваново-Вознесенске вызвали массовые стачки и демонстрации протеста в Петрограде, Москве, Нижнем Новгороде, Туле, Харькове и Екатеринославе. Эти выступления были одним из ярких проявлений революционного кризиса, назревание которого происходило с весны 1915 г.

5. Буржуазия и царизм в годы войны. Образование «Прогрессивного блока». Поражения царских войск, расстройство экономики страны и рост рабочего движения заставили русскую буржуазию забить тревогу. На Всероссийском съезде представителей промышленности и торговли 27 мая 1915 г. В. В. Жуковский предложил принять резолюцию «об объединении, по примеру наших союзников, всех промышленных и торговых сил страны для того, чтобы дать армии все необходимое и вовремя». Вслед за тем П. П. Рябушинский, сославшись на Англию и Францию, где в кабинет вошли, по его словам, «самые лучшие люди, в которых верит страна», заявил, что настала пора и у нас выдвинуть «некоторых крупных лиц» в качестве кандидатов на пост министров. Съезд потребовал немедленно созвать законодательные учреждения.

В связи с продолжавшимся отходом русских войск и обострением внутриполитической обстановки и в самом правительстве активизировалась группа министров (А. В. Кривошеин, С. Д. Сазонов, П. Л. Барк, П. А. Харитонов), ставившая своей задачей работать при поддержке Государственной думы. Но на пути к объединению общественных сил вокруг правительства по-прежнему стояли Н. А. Маклаков и И. Г. Щегловитов, которые не желали считаться с Государственной думой и которых буржуазная общественность в свою очередь обвиняла в германофильстве и в провоцировании внутренних беспорядков с целью вывода России из войны. Кривошеин на аудиенции у царя доложил о необходимости правительству опереться на общественные силы, что было немыслимо без увольнения наиболее дискредитированных министров. Это мнение было поддержано и в Ставке. Николай II согласился на увольнение Маклакова, Щегловитова, Сухомлинова. Таким образом, была расчищена почва для благожелательной встречи «обновленного» кабинета с Думой.

19 июля открылась сессия Государственной думы. В декларации Горемыкина были фразы о привлечении «общественных сил» к делу обороны. Но он не стал говорить об «общей политике», заявив, что для программных речей теперь не время.

В дебатах по поводу правительственной декларации лидеры буржуазных фракций упрекали правительство в несоблюдении внутреннего мира. По словам Милюкова, «власть точно нарочно все делала, чтобы распылить народный порыв», охвативший в начале войны «все национальности, все общественные группы, все политические течения». Милюков призывал правительство изменить приемы управления: «Снимите путы, дайте стране внутренний мир, прекратите разжигание национальных распрей, и вы

вызовете новый порыв энтузиазма, вы дадите народу возможность сосредоточить всю свою мысль на задаче момента: все для войны» [1].

Но внутри самого правительства царила растерянность и тревога. На заседании Совета министров 4 августа Горемыкин обратил внимание на то, что «в Москве неспокойно и каждую минуту можно ждать вспышек». На следующем заседании 6 августа военный министр Поливанов заявил, что «армия уже не отступает, а попросту бежит». Сильное волнение вызвало сообщение Поливанова о намерении царя отстранить великого князя Николая Николаевича и самому вступить в верховное командование армией. За исключением Горемыкина, все остальные министры считали необходимым умолять Николая II повременить с переменой командования до наступления перелома на фронте.

Министры жаловались на изоляцию правительства. «Армия и население,— говорил на заседании Совета министров 9 августа государственный контролер Харитонов,— надеются не на нас, а на Государственную думу и военно-промышленные комитеты». Щербатов заметил, что доверия к правительству нет и у царя. Таким образом, «оно висит в воздухе, не имея опоры ни снизу, ни сверху» [2].

При таком положении дел лидер либеральной группы министров Кривошеин пришел к заключению, что единственным выходом из создавшегося тупика может быть только соглашение с Государственной думой на определенной программе, но для этого надо создать в ней сплоченное большинство из монархических фракций, от националистов до кадетов.

11 и 12 августа происходили совещания членов Государственной думы и Государственного совета с участием представителей думских фракций прогрессистов, кадетов, левых октябристов, земцев-октябристов, партии центра и части националистов, а также членов двух групп Государственного совета: академической и центра. Эти совещания положили начало так называемому «Прогрессивному блоку».

На первом из них Ефремов предлагал добиваться путем петиции царю ухода Горемыкина и образования ответственного министерства из среды общественных деятелей. Но это предложение не было поддержано представителями других фракций, причем наибольшее сопротивление оно встретило со стороны кадетов. По их мнению, общественные деятели не были подготовлены руководить государством в «нынешние критические минуты» и быстро сдадут свои позиции «улице» [3].

---

[1] «Государственная дума Четвертый созыв. Стенографические отчеты». Сессия четвертая. СПб., 1916, стб 103.

[2] А. Н. Яхонтов. Тяжелые дни. «Архив русской революции», т. XVIII. Берлин, 1926, стр. 40, 52—53, 58, 59.

[3] На совещании в Москве у А. И. Коновалова В. А. Маклаков говорил: «Общественное министерство крайне опасно. Люди, взявшие министерские по-

На второй встрече представителей различных фракций и групп законодательных палат была избрана комиссия для редактирования программы «Прогрессивного блока», которая могла бы стать программой нового кабинета.

При обсуждении проекта программы члены редакционной комиссии сошлись на том, что цель этого документа — обеспечить «сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами». Но в поисках лозунгов, за которыми пошли бы массы, межфракционная комиссия встретилась с большими трудностями. В угоду правым участникам блока комиссия решила не включать в программу социальные реформы, а в отношении политических лозунгов проявила исключительную сдержанность.

Вместо свободы образования обществ и союзов большинство членов комиссии нашли достаточным восстановление деятельности профсоюзов и рабочей печати на основе реакционных «Временных правил» 4 марта и 26 апреля 1906 г. Комиссия отвергла предложение об амнистии 5 рабочих депутатов IV Думы. Платформа по вопросам национальной политики была составлена в самых неопределенных и уклончивых выражениях.

Но центр тяжести платформы блока лежал не в программе законодательных работ, а в смене министерства. Он определялся следующими словами соглашения: «Создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы». Такая формула предполагала образование коалиционного кабинета, состоящего из бюрократов и буржуазных деятелей и ответственного не перед законодательными учреждениями, а перед царем. Практически члены блока добивались создания новых ведомств по регулированию экономики в интересах войны, во главе которых были бы поставлены общественные деятели.

Таким образом, «Прогрессивный блок» предпочитал оставить руководящую роль в управлении государством за полуфеодальным дворянством в обмен на некоторые уступки и возможность для буржуазной общественности участия во власти. Это свидетельствовало о политической дряблости русской буржуазии и ее «властебоязни».

В основе «Прогрессивного блока» лежал компромисс между полуфеодальными, умеренно-правыми (прогрессивные националисты и партия центра) и буржуазными (октябристы, кадеты и прогрессисты) элементами с равнением на самые умеренные — фракцию националистов. Единственно, что привело на время к объединению разномастных фракций Государственной думы и

сты, погибнут и дадут сигнал к выступлению улицы помимо легальных органов.. Надо оставить все как есть, поставить Кривошеина премьером, и общественные деятели могут быть там как сведущие люди». РОБИЛ, ф. 225, папка V, д. 8[б] (листы не нумерованы).

Государственного совета,— это «тревожность момента», неотступный страх перед революцией.

Главный лидер «Прогрессивного блока» Милюков не раз подчеркивал «политическое значение» блока как «спасательного пояса тонущей монархии», как «последнее средство найти мирный выход из ситуации, которая со дня на день становилась все более угрожающей». Вместе с тем участники блока пытались овладеть движением масс, внушая им, что оппозиционные речи в Думе и есть та «настоящая борьба», которая приведет к политическому обновлению страны. Шульгин называл участников блока пожарными, ставившими своей задачей тушить революцию и раздувать огонь войны: «Мы хотели стать между улицей и властью. Наша цель была, чтобы массы оставались покойными, так как за них говорит Дума» [1].

Внутри парламентского блока, несмотря на увеличение удельного веса буржуазных элементов, сохранились, по сути дела, те же противоречия, что существовали и раньше в третьеиюньском блоке. Не удивительно поэтому, что постановления Думы по самым актуальным вопросам политической жизни страны (крестьянский, рабочий, национальный, продовольственный) принимались по-прежнему правооктябристским или октябристско-кадетским большинством. Но сохранение в Думе двух большинств — черносотенного и либерального — обусловило и продолжение политики бонапартистского лавирования между ними царского правительства, что было отличительной чертой третьеиюньской системы до самого свержения царизма в России.

17 августа программа блока обсуждалась в совете старейшин Государственной думы. Против программы высказались только крайние правые и националисты-балашевцы, полагавшие, что военное время малопригодно для реформ. Фракции трудовиков и меньшевиков заверили, что, даже не входя в блок, они окажут фактическую поддержку усилиям, направленным к осуществлению намеченных блоком задач [2].

О путях реализации программы блока, и прежде всего его главного требования «министерства общественного доверия», среди его членов единодушия не было. Прогрессисты, которые вообще усвоили себе тактику «левее кадетов», считали, что программа должна быть доложена через депутацию царю. Всякие же переговоры с министерством Горемыкина недопустимы. Но прочие участники блока склонны были видеть в программе только материал для соглашения с правительством. Если же соглашения не будет, то и блок уничтожится, так как он может существовать только при условии сговора с правительством. Предъявление же «ультиматумов» и вообще борьба с правительством

---

[1] В Шульгин. Дни. Л., 1925, стр. 85.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 245, д. 307 , л 144.

хотя бы и парламентскими средствами должна быть на время войны устранена [1].

Тем временем внутри правительства увеличились расхождения в оценке внутриполитического положения и средств борьбы с надвигающейся революцией. Либеральствующие министры во главе с Кривошеиным не надеялись с помощью репрессий остановить приближающуюся бурю, так как в армии происходит сильное брожение и правительство не может с уверенностью рассчитывать на нее. Поэтому они высказывались за «примирительный» курс внутренней политики. По мнению Кривошеина, кабинет в настоящем составе, как не отвечающий общественным ожиданиям, должен уступить место другому, которому страна могла бы поверить.

В Совете министров один только Горемыкин возражал против соглашения с «Прогрессивным блоком». Но вне официального правительства были влиятельные реакционные круги во главе с «Советом объединенного дворянства», которые вовсе не собирались расстаться со своей политической монополией. Председатель Совета А. П. Струков обратился к Горемыкину с письмом, в котором предостерегал от политики уступок и заявлял, что «только незыблемость основ существующего порядка в соединении с твердой и единой правительственной властью в центре страны и на местах оградит страну от шатания мыслей и внутренней смуты» [2].

Мобилизация черной сотни вместе с успехом русского флота в Рижском заливе укрепила реакционное течение в правящих верхах. Николай II назначил на 22 августа свой отъезд в Ставку. Вступление царя в верховное командование означало прекращение колебаний власти, отказ от соглашения с думским большинством на платформе «министерства доверия», оставление Горемыкина и удаление министров, подозреваемых в сочувствии парламентскому блоку, обуздание либеральной печати и роспуск Государственной думы после рассмотрения внесенных в нее правительством военных законопроектов.

Первоначально участники блока хотели отложить окончательную формулировку своей программы до переговоров с правительством, но угроза роспуска, нависшая над Думой, заставила их поторопиться 24 августа программа была подписана группой националистов-прогрессистов, партией центра, фракцией земцев-октябристов, думской группой «Союз 17 октября», фракциями прогрессистов и кадетов и тремя группами Государственного совета: академической, центра и беспартийных. В шести фракциях Государственной думы, вошедших в блок, насчитывалось 236 депутатов (всего в Думе к концу IV сессии было 397 депутатов). Если учесть, что вместе с группами, вступившими в блок, обычно голосовали национальные группы (18 депутатов) и так назы-

[1] См.: «Красный архив», 1932, № 1—2 (50—51), стр. 144.
[2] ЦГАОР СССР, ф 434, оп. 1, д. 34, л. 240.

ваемая независимая группа (14 депутатов), то в общем блок располагал 268 голосами против 52 голосов правых и 57 голосов русской национальной фракции, т. е. большинством, превышающим две трети всего состава Думы.

Приняв решение о повороте правительственного руля вправо, Николай II, чтобы выиграть время для перелома на фронте и заключения финансовых соглашений в Париже и Лондоне, предложил до роспуска Думы обсудить программу «Прогрессивного блока» в Совете министров. Программа блока не смущала царских министров. Они понимали, что она составлена «с запросом» и в ходе переговоров представители блока пойдут на уступки. «Если только обставить все прилично и дать лазейку,— говорил С. Д. Сазонов,— то кадеты первые пойдут на соглашение. Милюков — величайший буржуй и больше всего боится социальной революции. Да и большинство кадетов дрожат за свои капиталы»[1].

Решительным противником соглашения с думским блоком выступил Горемыкин. Не то чтобы его пугал «радикализм» его программы; он даже допускал, что часть программы «могла бы быть принята правительством в дальнейшей деятельности». Но, по мнению Горемыкина, всякие разговоры с блоком бесполезны, так как он непрочен, не имеет корней в народе и поэтому соглашение с ним не укрепит положение правительства, а лишь разожжет политические страсти[2]. 29 августа Горемыкин без ведома остальных министров выехал в Ставку, чтобы получить согласие царя на немедленный роспуск Думы и увольнение «либеральных» министров, которые в его глазах были «хуже Думы».

2 сентября была прервана сессия Государственной думы. Выслушав царский указ о роспуске Думы, депутаты громко прокричали традиционное «ура!» и тихо разошлись.

После роспуска Думы прогрессисты предложили было отозвать своих представителей из Особого совещания по обороне и объявить «забастовку» буржуазных организаций, обслуживающих нужды войны. Однако сентябрьские стачки, охватившие сотни тысяч рабочих и проходившие под большевистскими лозунгами, произвели, как писал царю 16 сентября 1915 г. управляющий министерством внутренних дел князь Щербатов, «отрезвляющее действие» на буржуазию[3]. Из боязни новых выступлений рабочих «Прогрессивный блок» решил воздержаться от каких бы то ни было протестов по поводу роспуска Думы. Девизом блока было «сохранение спокойствия». На съездах земского и городского союзов, состоявшихся в сентябре в Москве, было решено направить к царю особую депутацию для представления всеподданнейшего адреса. В этом адресе в самых почтительных выраже-

[1] «Архив русской революции», т. XVIII. Берлин, 1926, стр. 114.

[2] См. там же, стр. 107.

[3] «Доклад князя Щербатова царю 16 сентября 1915 г.». ЦГАОР СССР, ф. 627, оп. 1, д. 14, л. 4.

ниях проводилась мысль об «обновлении» правительства путем включения в его состав «лиц, сильных доверием страны». Но царь отказался принять депутацию и сделал союзам выговор за вмешательство в политику. Непримиримая позиция правящих кругов по отношению к домогательствам либеральной буржуазии не изменила ее стремления «отложить счеты» с властью до окончания войны.

Образование «Прогрессивного блока» означало на первый взгляд расширение оппозиционного фронта за счет «олиберализания» правых кругов, но в то же время вело к умеренности, обесцвечиванию лозунгов буржуазной оппозиции. Вместо консолидации либеральные силы растворились в бесформенно-рыхлом блоке, у которого по существу не было программы, являвшейся альтернативой правительственному курсу. Изолированный от демократических сил, «Прогрессивный блок» оказался бессильным и бесплодным.

Роспуск Государственной думы вовсе не означал разрыва между главными элементами третьеиюньского блока — черносотенными крепостниками и либеральной буржуазией. После роспуска Думы сотрудничество буржуазной «общественности» с царским аппаратом власти приняло даже более широкие размеры. Достаточно указать на кампанию по выборам от рабочих в военно-промышленные комитеты, в которой единым фронтом выступали правительство, буржуазия и социал-шовинисты.

6. Борьба большевиков против социал-шовинизма. Неуклонный рост забастовочного движения приводил к падению производительности труда на фабриках и заводах. Репрессии не достигали цели. Более дальновидная часть буржуазии по примеру своих западных собратьев хотела, опираясь на социал-шовинистов, привлечь рабочих к участию в «национальной обороне». Инициатива либеральной буржуазии нашла поддержку у царского правительства, которое было не прочь распространить политику бонапартистского лавирования на рабочих.

Первый Всероссийский съезд военно-промышленных комитетов в июле 1915 г. при обсуждении проекта положения о военно-промышленных комитетах признал главным его недочетом отстранение от участия в мобилизации промышленности представителей рабочих. Съезд постановил создать рабочее представительство в военно-промышленных комитетах. Это должно было пробудить в рабочих «активный и здоровый интерес к делу национальной обороны», парализовать стачечное движение и обеспечить классовый мир. Учитывая репрессии, обрушившиеся на большевиков, капиталисты надеялись провести от рабочих в военно-промышленные комитеты социал-шовинистов и таким образом добиться сотрудничества буржуазии с пролетариатом в империалистической войне.

Инициатива промышленников нашла сочувственный отклик у меньшевиков, которые призывали рабочих принять участие в

выборах. Спор среди меньшевиков шел только из-за формулировки мотивов вхождения в военно-промышленные комитеты. Открытые шовинисты, вроде Потресова или Гвоздева, прямо говорили, что надо идти в комитеты для «обороны». Центристы (Чхеидзе, Мартов, Троцкий) высказывались за участие в военно-промышленных комитетах с целью использовать их для «организации распыленных сил пролетариата и для контроля над деятельностью буржуазии».

На первом же заседании бюро Центрального военно-промышленного комитета после съезда 4 августа было решено привлечь в него представителей рабочих от наиболее крупных заводов, работающих на оборону. Единственными легальными организациями, при содействии которых можно было осуществить такое представительство, были больничные кассы. Заместитель председателя ЦВПК Коновалов беседовал с представителями больничных касс Путиловского, Невского и других заводов, но все они отказались войти в ЦВПК, заявив, что не уполномочены на эту роль своими избирателями. Поневоле пришлось делать выборы непосредственно от рабочих по заводам, и притом по всем, как работающим, так и не работающим на оборону. Министр внутренних дел обещал не препятствовать выборам и лишь выразил желание, чтобы они происходили не в один день.

Сначала проводились собрания рабочих, на которых принципиально решался вопрос об отношении к военно-промышленным комитетам. Затем избирались выборщики по норме: один выборщик на тысячу рабочих. Эти выборщики на общегородском собрании должны были избрать своих представителей в Центральный и Петроградский военно-промышленные комитеты.

Русское бюро ЦК РСДРП приняло постановление о тактике бойкота военно-промышленных комитетов, предусматривавшее использование избирательной кампании в агитационных целях при непременном отказе от вхождения рабочих в сами комитеты. Избирательная кампания, в которой приняло участие более 200 тыс. рабочих от 101 предприятия, приобрела большое политическое значение. Петербургский комитет РСДРП выработал проект наказа выборщикам, в котором говорилось, что усилия пролетариата должны быть направлены на завоевание власти через превращение империалистической войны в гражданскую и что участие в военно-промышленных комитетах было бы изменой революционно-интернационалистскому знамени.

Собрания рабочих стали ареной ожесточенной борьбы между большевиками и меньшевиками. Сочувствие рабочих было явно на стороне большевиков. Меньшевиков, призывавших к поддержке войны, прерывали криками. «Долой с завода!» Не помог меньшевикам на выборах и их блок с эсерами.

Боясь провала, меньшевики изменили тактику. Они стали избегать критики большевистского наказа и даже уверяли, что к войне относятся отрицательно, а в военно-промышленные коми-

теты идут для того, чтобы использовать их в целях сплочения сил рабочего класса и защиты его интересов. Так, выступая на заводе «Эриксон», Гвоздев, изгнанный правдистами перед войной из правления Петербургского союза металлистов, уверял, что «комитеты послужат нам для связи с рабочими других заводов. Мы будем в них добиваться Всероссийского рабочего съезда» [1]. В результате такой маскировки социал-шовинистов на некоторых заводах («Новый Лесснер», «Эриксон» и др.) в выборщики прошли кандидаты блока меньшевиков и эсеров.

На общегородском собрании выборщиков 27 сентября было принято предложение большевиков не участвовать в выборах. Собрание предупредило социал-шовинистов, что если они все же войдут в военно-промышленные комитеты, то «против них, как изменников и противников воли петроградского пролетариата, будет вестись решительная борьба» [2].

Меньшевики, однако, не сложили оружия. В буржуазных газетах было опубликовано письмо Гвоздева, в котором он настаивал на признании собрания 27 сентября незаконным на том основании, что на нем присутствовал под фамилией одного выборщика от Путиловского завода представитель Петербургского комитета РСДРП. После ареста нескольких выборщиков-большевиков были назначены вторичные выборы.

На собрании выборщиков 29 ноября от имени большевиков, межрайонцев и эсеров-интернационалистов была оглашена декларация об отказе выбирать. После этого 79 человек ушли с собрания. Оставшиеся социал-шовинисты избрали 10 человек в ЦВПК (9 меньшевиков и 1 эсер) и 6 в Петроградский областной военно-промышленный комитет (4 меньшевика и 2 эсера) и приняли политическую резолюцию, в которой требовали немедленного созыва Государственной думы, как «единственной сейчас общенародной трибуны и возможного организующего центра».

Вступление социал-шовинистов в военно-промышленные комитеты вопреки ясно выраженной воле подавляющего большинства петроградских рабочих вызвало среди них сильное возмущение. Как сообщал начальник Петроградской охранки директору департамента полиции 3 декабря 1915 г., избранным членам Центрального военно-промышленного комитета было предложено отказаться от участия в нем, в противном случае они будут вывезены с завода «на тачке» [3].

Петроградские рабочие, игравшие ведущую роль в рабочем движении России, своим отказом сотрудничать с буржуазией в деле «обороны» оказали большое влияние на исход всей кампании по выборам в военно-промышленные комитеты. Царское правительство и капиталисты, учтя опыт избирательной кампании

[1] «Красный архив», 1933, № 2 (57), стр. 68.
[2] «Социал-Демократ», 7 ноября 1915 г.
[3] См.: «Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг.». Документы и материалы. Л., 1958, стр. 363.

в столице, стремились провести выборы в областные и местные комитеты «втемную». Так, например, в Москве предвыборные собрания вообще не были разрешены. Многие рабочие не знали, куда и зачем выбирают. Понятно, что «рабочая группа», избранная в таких условиях, не отражала подлинного настроения рабочей массы.

Однако в целом ряде промышленных городов попытка фальсифицировать мнение рабочих путем устройства «слепых» и «немых» выборов не удалась. В Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове, Луганске рабочие отказались выбирать своих представителей в военно-промышленные комитеты. К февралю 1917 г. из 244 комитетов «рабочие группы» были созданы в 58 комитетах.

Деятельность «рабочих групп», направленная к срыву стачек, к попыткам организовать петиционное движение для поддержки буржуазно-помещичьей Думы, окончательно сорвала маску с гвоздевцев. Сознательные рабочие бойкотировали «рабочие группы». Московские профсоюзы отказались вступать в какие бы то ни было сношения с «военно-промышленными социалистами».

В январе 1916 г. по указанию ЦК РСДРП началась кампания за роспуск «рабочих групп». В их адрес посылались резолюции рабочих организаций с требованием немедленно сложить свои полномочия. Так, в заявлении самарского профсоюза портных «Игла» говорилось: «Вы не борцы за права рабочих, а торгаши, подобные кадетам и октябристам. Вы добиваетесь своих эгоистических целей на костях своих же товарищей. Вы предаете миллионы тружеников и делаете несчастными их жен и детей... Вы иуды, предатели, а не представители рабочих». Таким образом, попытка буржуазии отравить сознание рабочих ядом шовинизма потерпела неудачу вследствие высокого уровня классовой сознательности российского пролетариата, во главе которого находилась партия большевиков.

В свете приведенных фактов вряд ли можно согласиться с мнением некоторых историков о понижении общего уровня сознательности рабочего класса России во время войны. По словам П. В. Волобуева, «наиболее ярко это отразилось на изменении в соотношении сил между основными политическими направлениями внутри рабочего движения. Если перед войной большевики доминировали в нем, ...то в годы войны их влияние на *весь* пролетариат, хотя и временно, ослабло... Война вместе с тем способствовала известному усилению позиций мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров — в рабочем классе. Они всплыли на волне оборончества и лжепатриотизма» [1]. Ту же мысль развивают И. П. Лейберов и С. В. Тютюкин. Лейберов пишет о заметном усилении в годы войны влияния мелкобуржуазных партий, опиравшихся на рабочую аристократию и мелкобуржуазные слои

[1] П. В. Волобуев. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964, стр 40—41.

рабочего класса [1]. По мнению С. В. Тютюкина, в начальный период войны многие рабочие поддались «патриотическим» иллюзиям и настроениям, и это изменило соотношение сил между основными политическими направлениями в рабочем движении [2].

Надуманность концепции о расширении влияния мелкобуржуазных партий на пролетариат во время войны опровергается признаниями лидеров этих партий. По воспоминаниям О. А. Ерманского, «партии как единой, меньшевистской организации, собственно, не было, начиная с самых низов» [3]. Еще в более безотрадном положении находилась партия эсеров. В листке инициативной группы социалистов-революционеров, вышедшем в феврале 1917 г., говорилось: «Партии нет... Она развалилась» [4]. «Что касается, в частности, эсеровских кругов в Петербурге,— писал В. Зензинов, — то здесь партийная эсеровская организация была разбита — кое-где на окраинах работали лишь одиночки, распространяли вразнобой самодельные прокламации» [5].

Напротив, партия большевиков, несмотря на бешеные репрессии царизма, не только не утратила своих основных позиций в пролетарском революционном движении, завоеванных в 1912—1914 гг., но и умножила их по сравнению с меньшевиками и эсерами. Не подлежит сомнению, что то единство рабочего класса на платформе революционного марксизма, которое было достигнуто к середине 1914 г., когда «правдистская» тактика объединила $^4/_5$ сознательных рабочих России, не было существенно поколеблено и в годы войны.

В 1916 г. наблюдался значительный рост стачечного движения. Всего в этом году на предприятиях, подчиненных надзору фабрично-заводской и горной инспекции, бастовало 1172 тыс. рабочих против 571 тыс. в 1915 г. По сравнению с предвоенным подъемом рабочего движения резко изменилось соотношение экономических и политических стачек. Если в 1914 г. участники экономических стачек составляли 22%, то в 1915 г.— 72% и в 1916 г.— 73%. Это объясняется обновлением состава рабочих и трудностью проведения политических стачек в военное время. Новые слои рабочих вовлекались в революционное движение

---

[1] См.: «Первая мировая война. 1914—1918». М., 1969, стр. 286.

[2] См.: С. В Тютюкин. Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России. 1914—1917 гг. М., 1972, стр. 19, 88, 188.

[3] О. А. Ерманский. Из пережитого. М.—Л., 1927, стр. 121.

[4] Цит. по кн. «Партия большевиков в Февральской революции 1917 года». М., 1971, стр. 104.

[5] В. Зензинов. Февральские дни. «Новый журнал», кн. XXXIV. Нью-Йорк, 1953, стр. 190. Ср. доклад петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции (октябрь 1916 г.): «...Социалисты-революционеры совершенно оторваны от масс и не имеют никакого практического значения и влияния нигде за исключением лишь печати; программа их, изложенная в силу цензурных условий малопонятным языком, недоступна массам...». «Красный архив», 1926, № 4 (17), стр. 9.

прежде всего на почве борьбы за немедленное улучшение их материального положения. Экономические стачки являлись для рабочих школой классовой борьбы. Вместе с тем следует учесть, что мобилизация промышленности и недостаток рабочих рук создавали благоприятную почву для борьбы за улучшение условий труда. В 1915—1916 гг. полным или частичным удовлетворением требований рабочих закончились 70% всех экономических стачек, тогда как в 1911—1914 гг.— лишь 38%.

Усилившаяся в период войны концентрация пролетариата облегчала рост политической сознательности и организованности рабочих. Забастовки принимали все более массовый и упорный характер. Если в 1914 г. на одну забастовку приходилось в среднем 378 бастующих, то в 1916 г.— 711. Среднее число потерянных рабочих дней за одну забастовку составляло в 1916 г. 3318 против 1628 в 1914 г.

Рабочие различных групп производства и разных районов неравномерно участвовали в стачечном движении.

Наибольшую активность в стачечной борьбе проявляли, как и в предвоенные годы, металлисты. С августа 1914 г. по декабрь 1916 г. число бастующих металлистов составило 51% всех забастовщиков, тогда как текстильщики — самый многочисленный отряд российского пролетариата — дали за этот же период 28% участников стачек. У текстильщиков процент политических стачечников в 1915—1916 гг. равнялся 8, а у металлистов — 56. Объяснялось это тем, что менее квалифицированный состав текстильных рабочих и более плохие (по сравнению с металлистами) условия труда побуждали их вести борьбу главным образом за непосредственное улучшение своего экономического положения. Следует, однако, учесть, что текстильщики быстро подтягивались к авангарду рабочего класса. Если в 1915 г. текстильщиков бастовало всего 104 тыс., или 19% к общему числу стачечников, то в 1916 г. они дали уже 350 тыс. стачечников, или 32% всех участников стачек в стране.

Впереди в забастовочной борьбе шли рабочие Петрограда, в составе которых в годы войны увеличился удельный вес металлистов — наиболее сознательного отряда рабочего класса. Петроград с августа 1914 г. по декабрь 1916 г. дал 32% всех участников стачек и 75% всех политических стачечников в стране.

9 января 1916 г. по призыву Петербургского комитета большевиков в столице произошли забастовки в память жертв 1905 г. На Выборгской стороне состоялись демонстрации рабочих. Солдаты при встрече с рабочими приветствовали их криками «ура». В начале февраля на экономической почве возникла забастовка в некоторых мастерских Путиловского завода. Командующий Петроградским военным округом князь Туманов выступил с угрозой, что, если в течение трех дней работы не возобновятся, завод будет закрыт и все военнообязанные будут отправлены на фронт. В знак протеста по призыву большевиков забастовал весь

завод, свыше 21 тыс. человек. Завод был закрыт, 2 тыс. путиловцев были призваны на военную службу.

В провинции из многочисленных стачек 1916 г. выделяются забастовка рабочих судостроительного завода «Наваль» в Николаеве, продолжавшаяся около двух месяцев, всеобщая стачка шахтеров Горловско-Щербиновского района в Донбассе и забастовка рабочих Брянского завода в городе Бежице. Эти забастовки были подготовлены большевиками и проходили под их руководством. Начавшись на экономической почве, они вылились в протест против войны и царского самодержавия.

Еще в августе 1915 г. в связи с ростом стачечного движения военный министр внес в законодательные учреждения законопроект об оставлении призванных на действительную службу рабочих на заводах, выполняющих заказы для армии, с подчинением их воинской дисциплине. Но думская комиссия по военным и морским делам признала указанный проект малоудачным, так как речь в нем шла о милитаризации не всех, а только части рабочих. По заключению комиссии, разделение рабочих на две группы — свободных и как бы прикрепощенных к заводу — даст обильную пищу для недовольства. Рассмотрение законопроекта решено было отложить до внесения в Думу законопроекта о полной милитаризации заводов.

В соответствии с этим пожеланием Поливанов в феврале 1916 г. внес в законодательные учреждения законопроект о мобилизации промышленных предприятий, устанавливающий закрепление всех без изъятия рабочих на службе данного предприятия. При обсуждении этого законопроекта в думской комиссии по военным и морским делам земцы-октябристы признали правительственный проект в принципе вполне приемлемым, так как государственная власть должна вмешиваться во взаимоотношения предпринимателей и рабочих, образовывая из рабочих кадры работообязанных. Но прогрессисты, левые кадеты и меньшевики считали, что данный проект ничего, кроме еще большего раздражения и недовольства, в рабочую среду не внесет. По мнению Коновалова, подобная мера была бы возможна и даже целесообразна в начале войны, но теперь она крайне опасна. При этом он сослался на записку «рабочей группы» ЦВПК, в которой подчеркивалось, что парализовать все разрастающееся забастовочное движение было бы возможно лишь восстановлением профессиональных союзов, введением арбитража и т. п. Законопроект не получил дальнейшего движения [1].

В качестве антитезы милитаризации труда второй съезд представителей военно-промышленных комитетов в феврале 1916 г. одобрил проект примирительных камер, выработанный «рабочей группой» ЦВПК. Но сознательные рабочие отнеслись к идее примирительных камер резко отрицательно. Так, в Москве правле-

[1] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 446, лл. 161, 165.

ние профессионального общества печатного дела, обсудив 23 сентября 1916 г. вопрос о примирительных камерах, пришло к выводу, что последние «вредны для интересов рабочих и полезны лишь предпринимателям, которые в этих камерах находят средство для прекращения классовой борьбы рабочих за свои интересы» [1]. С другой стороны, Особое совещание по обороне и министерство торговли и промышленности признали учреждение примирительных камер «несвоевременным» [2]. От поддержки каких бы то ни было проектов примирительных камер отказались и представительные организации крупного капитала, усмотрев в них опасное «расшаркивание» заправил ЦВПК Гучкова и Коновалова перед рабочими [3].

По инициативе «рабочей группы» ЦВПК во время второго съезда представителей военно-промышленных комитетов в феврале 1916 г. была образована организационная комиссия по созыву Всероссийского рабочего съезда, на котором должен был родиться «Всероссийский союз рабочих». Однако правительство, опасаясь использования съезда «пораженцами», не разрешило его. Впрочем, и сами гвоздевцы скоро охладели к идее рабочего съезда, понимая, что выборы делегатов могут дать большинство противникам классового сотрудничества с буржуазией.

Вообще воротилы промышленных монополий разочаровались в целесообразности рабочего представительства в военно-промышленных комитетах. В составленной в департаменте полиции 10 мая 1916 г. записке о возникновении, составе и деятельности военно-промышленных комитетов и «рабочих групп» этих комитетов указывалось, что Совет съездов представителей промышленности и торговли явно недоброжелательно относится к политике ЦВПК по рабочему вопросу.

В докладе петроградской охранки от 6 июля 1916 г. приводилось постановление меньшевистской «Центральной инициативной группы» о необходимости «отозвать Рабочую группу, так как большинство петроградских рабочих не стоит на точке зрения обороны, а потому Рабочая группа не может представительствовать петроградский пролетариат» [4]. Точно так же и «Рабочая группа» Московского областного военно-промышленного комитета, как доносил начальник Московского охранного отделения 23 августа 1916 г. в департамент полиции, «по-прежнему не пользуется никаким авторитетом и совершенно игнорируется рабочими организациями» [5].

Действуя старыми, репрессивными мерами, правительство желало свалить вину за безуспешность своей борьбы со стачками на рабочее представительство в военно-промышленных комитетах.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 246, д. 347, т. 4, л. 226.
[2] ЦГВИА СССР, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 209.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 97, оп. 4, д. 93, т. 11, л. 166.
[4] ЦГАОР СССР, ф. 97, оп. 4, д. 93, т. 1, л. 61.
[5] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 246, д. 347, т. 4, л. 125.

Товарищ министра внутренних дел А. В. Степанов, выступая в Особом совещании по обороне, охарактеризовал забастовки, происходившие в Петрограде, Брянске, на Коломенском заводе, в Донбассе, как забастовки, вызванные столько же экономическими причинами, сколько и политическими, под заметным воздействием рабочих групп при местных военно-промышленных комитетах [1]. 26 марта 1916 г. министр внутренних дел Штюрмер представил в Совет министров записку, в которой признал «совершенно недопустимым... наблюдающееся ныне в промышленных комитетах, функционирующих в крупных центрах, стремление рабочих к выделению в особые группы», стремящиеся использовать эти комитеты, как «новую и исключительно благоприятную для их организационных и революционных начинаний форму так называемых «легальных возможностей» [2]. 18 июня 1916 г. Совет министров признал необходимым упразднить рабочие группы при военно-промышленных комитетах [3].

В октябре 1916 г. в Петрограде по призыву большевиков начались стачки протеста против империалистической войны и дороговизны. Два пехотных полка отказались стрелять в рабочих. В 181-м запасном полку, укомплектованном в большинстве рабочей молодежью Петрограда и солдатами, побывавшими на фронте, вспыхнуло восстание; полк был выведен из столицы.

26 октября 1916 г. был назначен военный суд над кронштадтскими матросами — участниками военно-морской организации большевиков. Им угрожала смертная казнь. По призыву Петербургского комитета большевиков в столице начались массовые забастовки и демонстрации рабочих. Царский суд не посмел приговорить моряков к смерти. Эта связь между рабочим движением и военными выступлениями ярко свидетельствовала об общенародном значении стачечной борьбы рабочих.

Опираясь на солдат из рабочих, большевики проводили огромную революционную работу в армии и флоте. При Петербургском комитете большевиков была создана военная организация, установившая связь со многими частями гарнизона и Балтийского флота. В действующей армии большевистская пропаганда с наибольшим размахом велась в армиях Северного фронта, что объяснялось близостью его к рабочим центрам — Петрограду и Риге. На Западном фронте работали М. В. Фрунзе, А. Ф. Мясников.

Под воздействием большевистской агитации солдаты начинают понимать, что война выгодна только господствующим классам обеих воюющих сторон, иллюзия об «освободительном» характере войны рассеивается. Среди солдат укрепляется мысль о международной солидарности трудящихся без различия национальностей.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 97, оп. 4, д. 93, т 11, лл. 204—205.
[2] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 348, л. 67.
[3] Там же, л. 191.

Большевики разъясняли солдатам, что действительно прочный и демократический мир невозможен без революции, и в качестве одного из шагов к революционному выходу из войны рекомендовали солдатам отказываться идти в наступление. В конце 1916 г. было немало случаев отказа воинских частей идти в наступление. В окопах появлялись плакаты: «Хотим мира!», «В наступление не пойдем!».

Общение с армией, которое происходило через письма, а также через находившихся в деревне раненых солдат, усиливало революционные настроения и среди крестьян.

Уже в самом начале войны по стране прокатилась волна стихийных крестьянских выступлений. Мобилизованные запасные и их жены требовали немедленной выдачи пособий, а также решения земельного вопроса. Призывники громили сборные пункты, вокзалы, лавки, полицейские участки и помещичьи усадьбы. На Урале выступления мобилизованных крестьян переплетались с выступлениями рабочих горных заводов. Волнения запасных не прекращались и по пути следования на фронт. По официальным данным, половина губерний России была охвачена выступлениями мобилизованных.

Во время войны кулацкая верхушка стремилась воспользоваться уходом на войну активной части крестьян для форсированного выдела из общины; напротив, оставшиеся в деревне крестьяне-бедняки и прежде всего солдатки требовали прекращения землеустройства до возвращения призванных. На этой почве возникали конфликты, нередко выливавшиеся в крупные волнения. Во избежание дальнейших «осложнений» главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин циркулярным письмом 29 апреля 1915 г. предложил губернаторам приостанавливать землеустроительные работы при отсутствии договоренности между обществом и лицами, добивающимися выдела. Вместе с тем продолжались выступления крестьян и против помещиков.

Летом 1916 г. вспыхнуло массовое восстание узбеков, казахов, киргизов и туркмен против царизма, империалистической войны и отчасти против местных феодально-байских элементов. Непосредственным поводом к восстанию явился царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации на военно-тыловые работы коренного мужского населения в возрасте от 19 до 43 лет включительно.

Первая вспышка восстания произошла в городе Ходженте Ферганской области. Восставшие — городская беднота, кустари — 4 июля осадили полицейский участок, требуя прекратить составление списков призываемых. На помощь полиции из крепости были вызваны войска, которые рассеяли толпу.

События в Ходженте явились сигналом к выступлениям во многих городах, кишлаках и аулах Средней Азии. Восставшие требовали отменить мобилизацию рабочих. Ярость масс усиливалась вследствие злоупотреблений и лихоимства «туземной» ад-

министрации при составлении списков рабочих. Пользуясь отсутствием у мусульманского населения метрик, местные власти вносили в списки стариков и несовершеннолетних из числа бедняков и за взятки освобождали от призыва богатеев. Повсеместно происходили нападения на канцелярии и дома волостных управителей, уничтожение списков рабочих и официальных бумаг, избиение представителей «туземной» администрации, кровавые схватки населения с полицией и войсками. Вместе с тем восставшие в отдельных случаях расправлялись и с баями, торговцами и ростовщиками.

Особенно широкий размах восстание приняло в Казахстане и Киргизии, где уже в июле началась подготовка к вооруженному сопротивлению мобилизации рабочих. В горах устраивались мастерские по изготовлению боеприпасов и холодного оружия. Восстание началось в первых числах августа в Верненском уезде Семиреченской области. Повстанцы нападали на пункты стратегического значения, небольшие отряды войск и казачьи станицы. В действиях повстанцев, по отзыву Куропаткина, «замечалась некоторая организованность: части их имели особые значки — знамена; у некоторых... на шапках были надеты однообразные металлические бляхи».

В сентябре 1916 г. центр восстания переместился в Тургайскую область. Во главе восставших стали Амангельды Иманов, в юности батрачивший у баев, и большевик Алибий Джангельдин. В октябре 1916 г. в Тургайской степи было образовано до 20 партизанских отрядов, ядром которых были рабочие-горняки, батраки. Амангельды объединил отряды и создал из них повстанческую армию. В условиях суровой зимы он сумел обеспечить снабжение повстанцев продовольствием, фуражом и юртами. Среди восставших поддерживалась железная дисциплина.

Умело маневрируя, уклоняясь от невыгодных боев с превосходящими силами царских войск, Амангельды вел героическую партизанскую войну. Отряды восставших неожиданно нападали на карательные войска и железнодорожные станции, разрушали телеграфные линии. Восстание в Тургайской области продолжалось до Февральской революции 1917 г., но и после свержения царизма повстанцы, руководимые Амангельды Имановым, вели бои с войсками Временного правительства, сохранившего старый колонизаторский режим в Средней Азии.

Часть русских переселенцев из бедняков открыто сочувствовала восставшим. Однако в целом восстание 1916 г. протекало изолированно от революционных выступлений русского населения. Объясняется это экономической и культурной отсталостью местного коренного населения, существованием у него патриархально-феодальных отношений, что обусловливало значительное влияние на трудящихся-казахов и киргизов феодально-байских и клерикальных элементов.

С началом войны усилили свою деятельность панисламистские кружки, занимавшиеся шпионажем и агитацией за объединение всех мусульман под властью Турции. Играя на ненависти местного коренного населения к царизму, баи и муллы развернули агитацию за объявление «газавата» и истребление всех русских. При этом феодально-клерикальные круги мечтали о возвращении старых, феодально-деспотических порядков и своего прежнего безраздельного господства над местным населением.

Феодально-клерикальным элементам удалось организовать вооруженные выступления под панисламистскими лозунгами в Пишпекском, Пржевальском и южной части Джаркентского уезда (Семиреченская область), в Джизакском уезде (Самаркандская область), на Гургене и в низовьях Теджена (Закаспийская область). Это были районы, мало затронутые капиталистическим развитием, где слабее было влияние русской культуры и наиболее прочно сохранились патриархально-феодальные отношения и влияние фанатически настроенного духовенства.

Восстания в этих местах приняли характер феодально-монархических и религиозно-националистических выступлений. Так, в Джизакском уезде, в селении Богдан, 14 июля 1916 г. на совещании «влиятельных лиц» было провозглашено образование независимого ханства во главе с потомком чардаринского бека. Лозунгом феодально-националистических восстаний было истребление «неверных», т. е. русского и вообще немусульманского населения. Повстанцы нападали на русские селения и производили поголовную резню всех жителей. Подобные действия были на руку царской администрации, которая со своей стороны разжигала межнациональную рознь, чтобы не допустить создания общего фронта революционной борьбы всех народов Российской империи.

Для подавления восстания народов Средней Азии на новый, «Туркестанский фронт» были направлены войска из других военных округов и даже из действующей армии. Карательные отряды творили зверскую расправу над беззащитным населением. Они истребляли мирных жителей, сжигали кибитки, уничтожали посевы, захватывали скот и имущество.

Опыт восстания 1916 г. указывал народным массам национальных окраин царской России на необходимость объединения национально-освободительного движения с русским революционным движением, возглавляемым партией большевиков.

8. Военные действия в 1916 г. К 1916 г. война приняла затяжной, позиционный характер. Фронт и на западе, и на востоке стабилизировался, территория воюющих стран на протяжении многих тысяч километров была прорезана линиями траншей и оплетена густой сетью проволочных заграждений.

Крушение германского плана «молниеносной» войны в сущности было равносильно проигрышу войны австро-германским блоком, ибо его людские и материальные ресурсы были неизме-

римо меньше, чем ресурсы Антанты. Всего у стран Антанты в январе 1916 г. было 365 дивизий против 268 дивизий центрально-европейских держав, т. е. почти на 100 дивизий больше. Правда, на Восточном фронте австро-германские войска имели превосходство в технических средствах, но в целом — и в численности войск, и в их вооружении — страны Антанты превосходили противника. Единственно, что спасало германскую коалицию от разгрома, — это несогласованность действий союзников. Последние не желали рассматривать весь театр войны как единый фронт. Военные действия в 1914—1915 гг. показали, что, несмотря на наличие двух фронтов, германскому командованию удавалось перебрасывать свои войска с одного фронта на другой и бить союзников поодиночке.

При выработке плана кампании 1916 г. царское командование предусматривало нанести главный удар на Балканах. Этот план был отвергнут союзниками прежде всего потому, что успешные операции русских войск на Балканском полуострове усилили бы влияние царизма в этом районе, приблизили бы его к Константинополю и проливам. На совещании военных представителей стран Антанты в Шантильи (Франция) в декабре 1915 г. было решено сокрушить германскую военную машину согласованными ударами на главных театрах войны. Наступление на Восточном фронте было намечено на 15 июня, а на Западном — на 1 июля.

Германское верховное командование понимало, что затягивание войны приведет Германию к катастрофе. Считая русскую армию уже неспособной к серьезным наступательным действиям и находя вместе с тем бесперспективным наступление в бескрайние просторы России, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Фалькенгайн предпринял новую попытку нанести сокрушительный удар своим противникам на Западе. Объектом наступления был избран Верден. Австро-Венгрия намеревалась нанести поражение Италии. Перед своим Восточным фронтом германское командование ставило чисто оборонительные задачи.

Однако при составлении плана 1916 г. немецкий генеральный штаб допустил два решающих просчета: он ошибся в оценке боевых возможностей русской армии и не учел медленности развития операций в условиях позиционной войны. В первой мировой войне наступательные средства отставали в своем развитии от средств обороны. Армии зарывались в землю, создавая сильно укрепленные полосы, прорвать которые при тогдашних огневых средствах было очень трудно.

8 февраля 1916 г. немцы начали ожесточенные атаки у Вердена. Англичане наотрез отказались предпринять наступление на своем участке фронта ранее второй половины 1916 г. Французское командование стало настойчиво требовать помощи у России. 18 марта русские войска перешли в наступление на Двинском и

Вильненском направлениях. Весенняя распутица и несогласованность действий русских корпусов помешали достичь успеха. Тем не менее германское командование вынуждено было временно прервать осаду Вердена.

Общее наступление на Восточном фронте предполагалось начать 15 июня, но настойчивые призывы о помощи итальянцев, которые под ударами австрийских войск поспешно откатывались на юг, заставили русское командование ускорить наступление.

Первоначально царской Ставкой была дана директива, согласно которой главный удар должны были наносить армии Западного фронта из района Молодечно — Ошмяны на Вильно, а армии Северного и Юго-Западного фронтов — вспомогательные удары с целью отвлечения сил противника. Однако в ходе подготовки операций было решено, что Юго-Западный фронт, не дожидаясь готовности других фронтов, должен перейти в наступление. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов в основу своего стратегического плана положил идею нажима на всем фронте с ударом сразу в нескольких местах. У противника было подавляющее превосходство в артиллерии, особенно тяжелой, и пулеметах. Его позиции состояли из трех сильно укрепленных полос. Прорыв такой линии казался невозможным. Но Брусилов рассчитывал на тщательность подготовки и внезапность атаки.

21 мая 1916 г. в 4 часа утра русская артиллерия открыла огонь по всему фронту. В полдень русская пехота двинулась в наступление. Долговременные позиции австро-венгров и немцев были прорваны в нескольких местах. Это затрудняло противнику маневрирование резервами. 24 мая русские войска заняли Луцк, а 2 июня овладели Черновицами.

Фронт был прорван на протяжении 350 *км*, а глубина прорыва доходила до 70—120 *км*. Русские захватили 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов, огромное количество военного имущества. Потери противника убитыми, ранеными и пленными составляли 1,5 млн. человек.

Брусиловский прорыв поставил Австро-Венгрию на грань военной и политической катастрофы. Германское командование должно было прекратить наступление у Вердена и перебросить на Восток 11 дивизий, а австрийцы с Итальянского фронта — 6 дивизий, чтобы закрыть гигантскую брешь, образовавшуюся в Галиции. Это позволило англо-французам начать наступление на реке Сомме. Против Австро-Венгрии и Германии выступила Румыния. С конца 1916 г. германское командование вынуждено было перейти к обороне.

Наступление русских армий на Юго-Западном фронте все же не дало решающих стратегических результатов. Оно не было поддержано армиями других фронтов. Англо-французское командование не воспользовалось благоприятной обстановкой, со-

зданной русским наступлением, для столь же решительного удара с Запада. Подтянув крупные резервы и перегруппировав силы, австро-германское командование сумело остановить наступление русских войск, которые из-за расстройства железнодорожного транспорта не получали своевременно резервы и боеприпасы. В октябре 1916 г. военные действия на Восточном фронте вновь приняли позиционный характер.

9. Перед бурей. Ограниченность промышленного потенциала России и неспособность царизма обеспечить регулирование военной экономики вызвали расстройство всего народного хозяйства. Промышленность испытывала острый недостаток в топливе и металле. Железнодорожный транспорт не справлялся с резко возросшим объемом перевозок, с эвакуацией населения и промышленных предприятий из пограничных районов, с доставкой топлива и сырья заводам и продовольствия городам.

Общие расходы России на войну лишь до марта 1917 г. превысили 30 млрд. руб. Около трети военных расходов было произведено за счет внешних займов, а остальные пришлось покрывать с помощью внутренних займов и усиленного выпуска бумажных денег. Официальный курс рубля к марту 1917 г. понизился до 55, а покупательная способность — до 27 коп. Государственный долг России возрос с 8,8 млрд. на 1 января 1914 г. до 33,6 млрд. руб. на 1 января 1917 г.

Вследствие недостатка рабочих рук, реквизиции для армии лошадей и прекращения импорта сельскохозяйственных машин посевы продовольственных и кормовых культур за два года войны сократились на 11,4%. За 1914—1917 гг. валовой сбор продовольственных и кормовых хлебов составил 13,5 млрд. пудов. Этого было достаточно, чтобы обеспечить хлебом армию и города. Но помещики, кулаки, торговцы не продавали хлеб, рассчитывая, что цены на него повысятся. Еще хуже обстояло с сахаром и мясом. Цены на мясо в крупных городах в середине 1916 г. поднялись на 200—220% по сравнению с 1914 г. Тысячи людей каждодневно по нескольку часов простаивали во всевозможных очередях. В донесениях царской охранки отмечалось, что очереди за продовольствием превратились в своеобразные политические клубы, которые были «равноценны по влиянию революционным митингам и десяткам тысяч революционных прокламаций» [1]. Начальник Петроградского охранного отделения в октябре 1916 г. доносил в департамент полиции, что «экономическое положение массы... более чем ужасно... Даже в том случае, если принять, что рабочий заработок повысился на 100%, то все же продукты повысились в цене на 300% в среднем. Невозможность добыть даже за деньги многие продукты питания и предметы первой необходимости, трата времени на простой в очередях при

[1] «Царская охранка о политическом положении в стране в конце 1916 г.». «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 205.

получении товаров, усилившиеся заболевания на почве скверного питания, антисанитарных жилищ (холод и сырость из-за отсутствия угля и дров и пр.) сделали то, что рабочие в массе готовы на самые дикие эксцессы голодного бунта»[1].

Военная и внутриполитическая обстановка в конце 1916 г. складывалась неблагоприятно для царизма. Блестяще начатое наступление Брусилова захлебнулось в кровопролитных боях на реке Стоход. 21 сентября царь приказал Брусилову остановить «наши безнадежные атаки». Разгром румынской армии привел к удлинению фронта русских армий на 500 *км*.

Бешеная дороговизна, обострение продовольственного кризиса усиливали революционные настроения на фронте и в тылу, активизировали стачечную борьбу рабочих, достигшую своей кульминации в октябре 1916 г. В стране созрела революционная ситуация.

Но, как подчеркивал В. И. Ленин, «для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому»[2].

Внешним проявлением распада царского режима была «министерская чехарда». Только за шесть месяцев перед революцией (сентябрь 1916 — февраль 1917) сменилось три председателя Совета министров (Б. В. Штюрмер, А. Ф. Трепов, Н. Д. Голицын), два министра внутренних дел (А. А. Хвостов, А. Д. Протопопов), два министра юстиции (А. А. Макаров, Н. А. Добровольский), два министра земледелия (А. А. Бобринский, А. А. Риттих). «Министерская чехарда» усиливала дезорганизацию власти. Упорные слухи об измене в правящих верхах еще более роняли ее престиж в народе.

Одним из признаков кризиса правящей верхушки было также усиление влияния на государственные дела безответственных, темных сил дворцовой камарильи, отражавшей интересы наиболее реакционных и авантюристически настроенных кругов полуфеодального дворянства и выступавшей против малейших уступок не только народу, но и буржуазной общественности.

К сожалению, истинное понимание кризиса верхов осложняется традиционной в советской историографии схемой «двух заговоров» — заговора буржуазии и заговора царизма в канун революции.

Истоки этой версии восходят еще к первой мировой войне. Именно тогда буржуазная оппозиция обвиняла правящую клику в том, что та нарочно вызывает «внутренние беспорядки» и ведет Россию к поражению, чтобы иметь законное основание заключить сепаратный мир. При этом либералы муссировали слухи о «близком дворцовом перевороте», явно желая запугать царя и заставить его пойти на соглашение с думским блоком.

---

[1] «Красный архив», 1926, № 4 (17), стр. 10, 11.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218.

В первые дни революции буржуазные лидеры продолжали раздувать легенду об организации ими заговора против Николая II, реализации которого помешала революция. По словам А. И. Гучкова, подготовка дворцового переворота к началу марта 1917 г. была завершена: «Группа твердых людей должна была собраться в Питере и на перегоне между Царским Селом и столицей проникнуть в царский поезд, арестовать царя и выслать его немедленно за границу. Согласие некоторых иностранных правительств было получено. Они знали, что царь собирался заключить с Германией сепаратный мир. К сожалению, революция предупредила нас...» [1].

Версия о «двух заговорах» обрела как бы вторую жизнь в лекциях М. Н. Покровского, прочитанных им в 1923—1924 гг.

Как известно, Покровский в своих ранних работах считал фоном всей русской истории борьбу двух капиталов: торгового и промышленного. «Последняя дуэль» их произошла во время первой мировой войны. По Покровскому, «в начале войны несомненно доминировал торговый капитал. Задача захвата проливов — это был эпизод борьбы России за торговые пути. Промышленный капитал в первые месяцы отнесся к войне довольно прохладно, но постепенно, по мере того как война оказывалась великолепным рынком, по мере того как, с другой стороны, прекращение всякого вывоза отнимало у торгового капитала всю прелесть войны... интересы торгового и промышленного капитала должны были переместиться». Разочаровавшись в войне, царизм («политический сгусток» торгового капитала) решает разогнать Государственную думу и заключить сепаратный мир. Промышленный капитал в лице «Прогрессивного блока» нашел себе союзника среди генералитета. Последний был «руками формировавшегося заговора», а «мозгом его была кадетская партия. И вот, когда все уже с обеих сторон было готово: с одной стороны, готов был разгон Думы, а с другой стороны, должен был последовать арест Николая... как раз в это время произошел питерский взрыв, который был полнейшей неожиданностью для обеих сторон» [2].

Впоследствии концепция о «двух заговорах», осуществлению которых помешала «мускулистая рука питерского пролетария», получила «третье рождение» в «Истории гражданской войны в СССР». Но если у Покровского главным в обоих заговорах был внешнеполитический аспект (за или против сепаратного мира), то теперь они рассматривались как «заговоры против революции». Выход из войны рисовался уже не как цель «заговора царизма», а как средство, чтобы обрушиться против революции. Главным в обоих «заговорах» становился, таким образом, их

[1] Цит. по кн.: А. И. Верховский. На трудном перевале. М., 1959, стр. 228.

[2] М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М.—Л., 1927, стр. 172, 177, 179.

внутриполитический аспект [1]. До последнего времени эта версия была широко распространена в научной и учебной литературе.

Между тем один из самых активных «заговорщиков» — А. И. Гучков в своих воспоминаниях признал, что практически для реализации «заговора» ничего не было сделано и вся «подготовка» свелась к разработке всевозможных, порой фантастических, вариантов переворота [2].

Дело в том, что среди участников «заговора» не было единодушия. Они все время колебались из-за опасения, что насильственное отречение царя может стать сигналом к выступлению «улицы». Боязнь народа сковывала их действия. Многие буржуазные лидеры начисто отвергали идею дворцового переворота. Родзянко решительно высказывался против переворота, ибо эта авантюра, по его убеждению, приведет к «смуте» [3]. Член Государственной думы Б. А. Энгельгардт считал, что «менять во время бури капитана, хотя и негодного, опасно» [4]. Один из вождей кадетской партии — князь Павел Долгоруков находил, что дворцовый переворот «не только не желателен, а скорее гибелен для России, так как среди дома Романовых нет ни одного, кто мог бы заменить нашего государя» [5].

Формула «заговор буржуазии» игнорирует неодолимое тяготение либеральной оппозиции к соглашению с царизмом. И объясняется это тем, что она гораздо больше боялась революции, чем реакции. Страх перед революцией, своего рода «народобоязнь» определяла политическую линию русской буржуазии. Она лавировала между самодержавием и демократией, предавая последнюю и угодничая перед первым. Этим буржуазия оттолкнула от себя массы. В результате она оказалась на деле, по определению Ленина, нейтрализованной борьбой революции и контрреволюции, бессильной и бесплодной, не способной решать исторически назревшие задачи коренного преобразования страны. Самым ярким и убедительным подтверждением политического банкротства русской буржуазии, ее неспособности к самостоятельному, творческому, прогрессивному действию явилось отсутствие у нее воли к власти.

В. И. Ленин неоднократно разъяснял, почему наша буржуазия боялась даже «думать об организации *своего* класса в государственную силу» [6]. В полемике с «веховцем» А. С. Изгоевым, считавшим, что «место падающего класса стремится всегда занять другой класс», Ленин писал: «Не всегда, г. Изгоев. Бывает так, что оба класса, и падающий и «стремящийся», изрядно

---

[1] См.: «История гражданской войны в СССР», т. 1. М.—Л., 1936, стр. 55.
[2] См.: «Последние новости», 9 и 13 сентября 1936 г.
[3] См.: М. В. Родзянко. Крушение империи. Л., 1927, стр. 211.
[4] РОБИЛ, ф. 306, д. 3, п. 306, стр. 726.
[5] «Буржуазия накануне Февральской революции». Сборник документов. М.—Л., 1927, стр. 164.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 139.

уже прогнили... Чувствуя эту свою гнилость... либеральная буржуазия... боится «занять место» падающего класса, а *все* усилия направляет на то, чтобы... только не доводить падающего до «падения» [1].

Некоторые историки думают, что вывод Ленина о «властебоязни» русской буржуазии неприменим к периоду первой мировой войны, когда помещичье-буржуазные фракции Государственной думы образовали «Прогрессивный блок». Так, В. С. Дякин видит в требовании блока «правительства, пользующегося доверием страны», стремление буржуазии к захвату власти [2]. Действительно, в думских кулуарах и либеральных кружках циркулировали списки лиц, намечаемых в состав кабинета «общественного доверия», причем в качестве премьер-министра фигурировали М. В. Родзянко, князь Г. Е. Львов и А. И. Гучков. Но сами лидеры буржуазных фракций не принимали эти кандидатуры всерьез. Националист граф В. В. Мусин-Пушкин писал главе либеральных бюрократов А. В. Кривошеину: «Дума смеется над возможностью министерства Родзянки, не говоря уже о кн. Львове, хотели одно время Гучкова, но теперь только и хотят и говорят о Вас. В последнем совещании (в совете старейшин 17 августа) Родзянко резюмировал прения так: мы стосковались о власти. Милюков сказал: мы власти теперь не ищем... нужно только переменить главу правительства (Горемыкина.— *Е. Ч.*) на умного бюрократа. Шингарев: дайте нам только живого человека, и мы, не отождествляя себя с правительством, пойдем с ним. Маклаков: и будем его поддерживать. Ефремов подтвердил то же» [3]. Таким образом, «Прогрессивный блок» предпочитал оставить власть в руках царской бюрократии.

Но, быть может, по мере углубления кризиса «верхов» менялась и позиция думского блока? Нет, заметного сдвига в этом направлении не произошло даже на нашумевшей ноябрьской сессии Думы в 1916 г.

Наибольший успех выпал на долю Милюкова. В своей речи 1 ноября он квалифицировал всю деятельность правительства во главе со Штюрмером как глупость или измену. Сославшись на широкое распространение слухов о предательстве, о тайных силах, пытающихся подготовить почву для позорного мира, оратор продолжал: «...как вы будете опровергать возможность подобных подозрений, когда кучка темных личностей руководит важнейшими государственными делами». Мало того, по словам Милюкова, власть, стремясь поскорее кончить войну, хотя бы вничью, намеренно, путем провокации, вызывает народные волнения, так как это может служить мотивом для заключения сепаратного мира. С этим правительством думское большинство

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 154.

[2] См.: В. С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967, стр. 97.

[3] ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 290, л. 13.

не может вести Россию к победе и поэтому будет бороться с ним всеми законными средствами до тех пор, пока оно не уйдет [1].

Речи Милюкова и других лидеров думских фракций не были разрешены к опубликованию военной цензурой. Но это только усилило их резонанс. Корреспондент «Социал-Демократа», заграничного органа большевистской партии, писал из Петрограда: «Думские речи, не допущенные к печати, вызывают громадный интерес. Они переписываются везде и всеми. Во всех учреждениях машинистки пишут речи Милюкова, Маклакова, они распространяются десятками тысяч». Запрещенные речи разлетелись по всей стране, они проникли также в армию, причем нашли живой отклик даже среди «нижних чинов».

Чем же объяснить интерес к буржуазно-помещичьей Думе? Как могло случиться, что речи Милюкова, Чхеидзе и других «героев» 1 ноября с их нескрываемым страхом перед революционными выступлениями и призывами к спокойствию приобрели такую популярность? Ленин характеризовал конфликты между черносотенными помещиками и либеральной буржуазией как «мелкие раздоры». Но отсюда не следует, что буржуазия составляла вместе с помещиками-полукрепостниками одну реакционную массу, что столкновения первой со вторыми не играли никакой роли в политике, что они не могли давать повода к демократическому движению, что эти конфликты можно было игнорировать. «Опыт русской революции, как и опыт других стран, — писал В. И. Ленин, — неопровержимо свидетельствуют, что когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д.» [2].

Конфликты либеральной буржуазии с царизмом приобрели особое значение в 1916 г., когда Россия быстро шла к новой революции. Разумеется, речь Милюкова 1 ноября вовсе не была «штурмовым сигналом к революции», о чем трубили буржуазные деятели в 1917 г., когда им было выгодно муссировать легенду о «заглавной» роли Думы во второй русской революции. Но несомненно также и то, что столкновения буржуазной оппозиции с правительством были умело использованы большевиками в интересах политического просвещения масс.

Характерно, что сами думцы были напуганы неожиданным резонансом в стране на их словесные громы в адрес правительства. Хотя новый премьер-министр принадлежал к той же правой группе Государственного совета, что и его предшественник, они

---

[1] Как известно, главной задачей созданной Временным правительством в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии было обнаружить в действиях царских министров наличие государственной измены. Но произведенное в этом направлении расследование никаких фактов не установило.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 280.

решительно отвергли мысль о парламентском бойкоте кабинета Трепова. Когда же фракции меньшевиков и трудовиков устроили обструкцию при появлении 19 ноября на думской трибуне Трепова, они были исключены на 8 заседаний. Из декларации Трепова выяснилось, что с уходом Штюрмера правительственный курс остается без перемен и ни на какие уступки блоку новый председатель Совета министров не пойдет. Тем не менее Дума отвергла формулу прогрессистов с выражением недоверия правительству и требованием ответственного министерства и решила занять выжидательную позицию в надежде, что Трепову удастся вывести из своего кабинета Протопопова и других распутинцев. Даже переход черных сил в самом конце 1916 г. в наступление (отставка Трепова и утверждение А. Д. Протопопова в должности министра внутренних дел, назначение И. Г. Щегловитова председателем Государственного совета, распространение слухов о досрочном роспуске Думы и превращении ее в совещательное учреждение) не вызвал отпора со стороны думского большинства. Родзянко ограничился вызовом в Петроград председателя «Совета объединенного дворянства» А. Д. Самарина и московского губернского предводителя дворянства П. А. Базилевского для переговоров о передаче дела, начатого Думой, в случае ее роспуска в руки «объединенного дворянства» [1].

Далека от действительности и версия о «заговоре царизма». По словам Ленина, правительство Николая II проявляло полнейшую «беспомощность», «дикую растерянность», «полную потерю головы» [2]. Отсутствие во внутриполитическом курсе целенаправленности и решительности не дает оснований характеризовать его как «заговор царизма».

Некоторые историки утверждают, что царизм считал самым страшным для себя врагом буржуазную оппозицию и упускал при этом из виду другую, более грозную и все нарастающую опасность со стороны революционного народа: царь и его окружение полагали, что «положение не так трагично и все устроится» [3]. Нам, напротив, кажется, что Николай II не решался править «железной рукой», без Государственной думы, опасаясь еще большего обострения революционного движения. В беседах с последним министром внутренних дел Протопоповым он высказал «сомнение на счет крайней правой политики, вместит или не вместит ее страна» [4]. В отличие от своей истерично-экзальтированной жены царь едва ли видел доказательство народной любви в инсценированных Протопоповым телеграммах от мифических черносотенных союзов, в которых выражались верноподд-

[1] См.: «Дневник Базилевского». РОБИЛ, ф. 15, папка IV, ед. хр. 1, л. 30.

[2] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 152.

[3] В. С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967, стр. 184, 267, 287; Р. Ш. Ганелин. Царизм, буржуазия и американский капитал. «Исторические записки», т. 81, стр. 141.

[4] «Падение царского режима», т. V, М.—Л., 1926, стр. 275.

данические чувства. Недаром он отсоветовал Александре Федоровне принять председателя черносотенного «Союза русского народа» А. И. Дубровина [1], а сам 29 января 1917 г. имел беседу с А. А. Клоповым, уговаривавшим царя назначить ответственное министерство во главе с князем Г. Е. Львовым [2].

О решимости Николая II избрать путь реакционной диктатуры обычно судят на основании его повеления Н. А. Маклакову заготовить проект манифеста о роспуске Государственной думы. В этом проекте, который Маклаков лично привез 11 февраля царю, не говорилось об изменении статуса Думы, а только о роспуске «настоящей Гос. думы» с назначением новых выборов в нее на 1 декабря 1917 г. [3]. По мысли Маклакова, распустив оппозиционную Думу и получив отсрочку на полгода, объединенное однородное правительство с успехом окончило бы войну, а это вызвало бы такой «общий подъем и радость», который облегчил бы восстановление государственного порядка [4].

Но царь продолжал колебаться. По-видимому, он не так уж был уверен, что «сила за ним и надо всю страну сжать в кулак», как писала А. Н. Родзянко 12 февраля З. В. Юсуповой [5]. Оставляя у себя проект манифеста, Николай II сказал Маклакову, что это на всякий случай, что он еще не знает, как поступить, и что вообще вопрос требует обсуждения со всех сторон [6]. Протопопов был, пожалуй, прав, объясняя нерешительность царя тем, что «положение страны требовало все же опоры на Думу» [7]. Да и сам Протопопов после доклада П. Г. Курлова о неблагополучии в петроградском гарнизоне пришел к заключению, что о роспуске Думы не может быть и речи [8].

К тому же даже в ультраправых кругах не было согласия относительно путей «восстановления государственного порядка». В «Сводке общих положений и пожеланий» [9], представленных А. А. Римским-Корсаковым Протопопову 15 января 1917 г., равно как и в записке М. Я. Говорухи-Отрока [10], которая являлась как бы дополнением к записке кружка Римского-Корсакова, в качестве условия «жесткого» курса внутренней политики выдвигалось требование закрыть Думу и превратить ее в совещательное учреждение. А в более умеренной записке «православных

---

[1] См.: «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V. М.—Л., 1927, стр. 201.
[2] ЦГИА СССР, ф. 1092, оп. 1, д. 15, л. 124.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 1003, лл. 1—2.
[4] См.: «Падение царского режима», т. V. М.—Л., 1926, стр. 289.
[5] См.: «Красный архив», 1926, № 1 (14), стр. 245.
[6] См.: «Падение царского режима», т. I. Л., 1924, стр. 208.
[7] «Падение царского режима», т. IV. Л., 1925, стр. 25.
[8] См.: П. Г. Курлов. Гибель императорской России. Берлин, 1923, стр. 207.
[9] См.: «Красный архив», 1927, № 1 (20), стр. 242—244.
[10] См.: А. А. Блок. Последние дни императорской власти. Пг., 1921, стр. 126—140.

русских кругов Киева», представленной царю Щегловитовым приблизительно в это же время, единственной записке, о которой известно, что она была прочтена и одобрена Николаем II, предлагалось лишь «поставить Гос. думу на указанное ей основными законами место» [1].

Еще меньше оснований имеет широко распространенный тезис о том, что царизм хотел установить реакционную диктатуру, чтобы заключить сепаратный мир и тем развязать себе руки для расправы с «внутренним врагом».

Прежде всего нуждается в пересмотре представление о том, что идея такой диктатуры в крайних правых кругах ассоциировалась с желанием заключить сепаратный мир. Ни одна из «правых» записок, даже в завуалированной форме, не высказывалась за такой мир. Напротив, в «Сводке» Римского-Корсакова, например, подчеркивалось, что «водворение порядка» необходимо для победоносного конца войны: «Только при таком условии возможно, когда придет время, заключение выгодного и славного мира. При другой обстановке победа над врагом приведет к той же революции» [2].

Единственное отличие крайне правых кругов от либералов состояло в том, что первые были против тотального разгрома Германии, ибо это повлекло бы уничтожение последнего оплота монархизма и торжество республиканских идей в Европе. Вот почему ультрареакционеры предпочитали, чтобы война закончилась «вничью», восстановлением довоенных границ [3].

Если с точки зрения ультраправых диктатура должна быть введена безотлагательно, то Николай II намеревался «взять поводья на себя» только после победоносного завершения войны, которое, по его мнению, существенно укрепит власть и ослабит революционные настроения. В беседе с иркутским генерал-губернатором А. И. Пильцем 22 января 1917 г. царь сказал: «Я знаю, что положение очень тревожно; мне советовали распустить Государственную думу... Но я на это не могу пойти... В военном отношении мы сильнее, чем когда-либо; скоро, весною, будет наступление, и я верю, что бог даст нам победу, а тогда изменятся и настроения» [4].

---

[1] «Красный архив», 1926, № 5 (18), стр. 207—210.

[2] «Монархия перед крушением. 1914—1917». Бумаги Николая II и другие документы. М.—Л., 1927, стр. 98.

[3] Ср. мнение Челнокова о Штюрмере: «Он принадлежит к той партии, которая, хотя и желает победы России, но вместе с тем очень не желает умалить престиж кайзера. Она боится, что победоносная война откроет двери либеральным течениям со стороны союзных нам Англии и Франции и что это послужит к невыгоде самодержавия». Записки Н. П. Вишнякова «Думские воспоминания и впечатления» за 1912—1913 гг., книга 6. ЦГАОР СССР, ф. 875, оп. 1, д. 20, л. 225.

[4] Цит. по кн.: Г. Е. Рейн. Из пережитого. 1907—1918, т. II. Берлин, б/г, стр. 161.

Осенью 1916 г. в «верхах» воюющих государств усилились настроения, которые Ленин определил как поворот от империалистической войны к империалистическому миру. С особой силой эти настроения давали себя знать в стане австро-германских империалистов, но желание выйти из войны наблюдалось и в России.

Но велись ли официальные и ответственные переговоры между Россией и центрально-европейскими монархиями и завершились ли они сговором?

С первого взгляда ответ Ленина кажется предельно ясным: ведь первый же абзац его статьи «О сепаратном мире», опубликованной в «Социал-Демократе» 6 ноября 1916 г., гласит: «Между Россией и Германией ведутся уже переговоры о сепаратном мире. Эти переговоры официальные, и в главном обе державы уже столковались». Но тут же Ленин указывает, что приведенное им сообщение взято из бернской социалистической газеты («Бернер Тагвахт») «на основании имеющихся у нее сведений». Этими словами Ленин хотел подчеркнуть, что вопрос о достоверности данного сообщения он оставляет всецело на ответственности редактора цитируемой им газеты, т. е. Р. Гримма. Более того, Ленин не исключает умышленной дезинформации общественного мнения со стороны воюющих держав: «Разумеется, одинаково возможен обман и со стороны России, которая не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире, и со стороны Германии, которая не может не попытаться рассорить Россию с Англией независимо от того, ведутся ли переговоры и насколько успешно» [1].

Нам думается, что ариадниной нитью, при помощи которой можно было бы ориентироваться в лабиринте запутанных и противоречивых толков о сепаратных переговорах, могут служить следующие слова В. И. Ленина: «Чтобы разобраться в вопросе о сепаратном мире, мы должны исходить не из слухов и сообщений о том, что происходит теперь в Швейцарии и чего проверить по существу дела невозможно, а из непреоборимо установленных *фактов политики* за последние десятилетия» [2].

К сожалению, некоторые историки, видимо, не различают объективные тенденции, толкавшие царизм на поиски мира, и слухи о русско-германских переговорах, распространявшиеся противником и требующие тщательной проверки. Так, А. В. Игнатьев утверждает, что царское правительство, подстегиваемое быстрым нарастанием революции и знавшее об угрозе дворцового переворота, неоднократно предпринимало шаги к сепаратному миру. Русско-германские переговоры якобы велись в нескольких местах и по различным каналам. В подтверждение он

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 184.
[2] Там же, т. 30, стр. 184—185.

ссылается на встречу 6 июля 1916 г. в Стокгольме А. Д. Протопопова с германским банкиром Фрицем Варбургом [1].

Весной 1916 г. русская парламентская делегация во главе с товарищем председателя Государственной думы Протопоповым посетила Англию, Францию и Италию. На обратном пути в Стокгольме и произошло свидание Протопопова с немецким банкиром, которому Протопопов постарался придать характер крупного дипломатического события, вызванного желанием Германии осведомиться о возможности прекращения войны [2].

Сперва ни дипломатические, ни думские круги не придавали стокгольмской встрече особого значения. После частного совещания членов Государственной думы, на котором Протопопов информировал о своей беседе с Варбургом, Родзянко счел нужным в письме А. А. Бубликову, опубликованному 4 августа в петроградских и московских газетах, удостоверить строгую лояльность своего товарища. Родзянко до поездки Протопопова за границу советовал царю назначить его министром торговли и промышленности [3]. Но Протопопов, который очень понравился царю, был назначен 16 сентября 1916 г. на важнейший пост в правительстве — управляющим министерством внутренних дел. К этому времени его стокгольмское свидание, по словам Амфитеатрова, «еще не обросло легендами, репутации германофила он еще отнюдь не имел» [4]. Не удивительно, что некоторые деятели «Прогрессивного блока» расценивали назначение Протопопова как «колоссальную победу общественности». «После министра-октябриста не так уже будет страшен министр-кадет» [5]— заявил А. И. Коновалов. Благоприятные отклики вызвало назначение Протопопова и за границей.

Но провал продовольственной программы Протопопова (отмена твердых цен, запрещений вывоза, реквизиций и т. п., стеснений частной инициативы), а главное, его явное бессилие остановить надвигающийся революционный ураган вызвали в буржуазных кругах разочарование. Много повредили Протопопову также толки об участии Распутина в его назначении, приближение им к себе «генерала от провокации» Курлова, освобождение В. А. Сухомлинова, преследование печати и общественных организаций. В буржуазной прессе развернулась травля Протопопова как «перебежчика» и «германофила», холопа реакции, провоцирующего народные «беспорядки».

Сторонники концепции «двух заговоров» указывают, что союзники подозревали царя в подготовке сепаратного мира и

---

[1] См.: А. В. Игнатьев. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М., 1966, стр. 40, 42, 48, 120.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 552, лл. 17—18.

[3] См.: «Переписка Николая и Александры Романовых», т. IV. М.—Л., 1926, стр. 342.

[4] А. Амфитеатров. Этюды. «Русская воля», 15 декабря 1916 г.

[5] «Буржуазия накануне Февральской революции». М.—Л., 1927, стр. 141.

поэтому-де толкали лидеров «Прогрессивного блока» на путь дворцового переворота [1]. Между тем английский и французский послы доносили своим правительствам, что Николай II и Александра Федоровна никогда не пойдут на сепаратный мир с Германией [2].

Можно сказать, что инициатива переговоров о сепаратном мире исходила почти во всех случаях от Германии или Австро-Венгрии, а реакция русского правительства была отрицательной.

Почему же царизм не пошел на сепаратные переговоры о мире? Почему он играл пассивную роль в сепаратных контактах с Германией? Эмигрантский историк С. П. Мельгунов, пытаясь реабилитировать последних Романовых перед судом истории, уверяет, что царь и царица видели в сепаратном мире «национальный позор», они органически не могли нарушить «рыцарскую верность» своим союзникам [3]. Конечно, советские историки не могут удовлетвориться таким идеалистическим объяснением. Позиция царской четы диктовалась инстинктом самосохранения: на мало-мальски почетный мир рассчитывать было нельзя, а капитулянтское признание военного поражения грозило царизму катастрофой. В победоносном окончании войны правящие сферы видели единственный шанс предотвратить торжество революции. «Мир без победы — это немедленная революция» [4],— заявил предпоследний премьер-министр А. Ф. Трепов.

Из всего сказанного следует, что царизм и буржуазия бились в неразрешимых противоречиях и, взаимно отталкиваясь, не могли обходиться друг без друга. И это было вполне закономерно, так как полуфеодальный царизм, утратив в 1905—1906 гг. надежду на лояльность крестьянства, не мог удержаться без поддержки буржуазии и прикрытия самодержавия представительными учреждениями. В свою очередь, буржуазия, напуганная ростом революционного движения, испытывала неодолимое тяготение к соглашению с царизмом. Вот почему правящие круги так и не решились разогнать Государственную думу и изменить «Основные законы», а буржуазная оппозиция — совершить дворцовый переворот.

---

[1] См.: И. И. Минц. История Великого Октября, т. I. Свержение самодержавия. М., 1967, стр. 461—462.

[2] Например, Бьюкенен сообщал в Лондон: «Единственный пункт, в котором мы можем рассчитывать, что царь останется тверд, — это вопрос о войне, тем более что государыня, фактически управляющая Россией, сама непоколебима в решении продолжать войну во что бы то ни стало». Д. Бьюкенен. Моя миссия в России, т. 2. Берлин, 1929, стр. 42.

[3] См.: С. П. Мельгунов. Легенда о сепаратном мире (канун революции). Париж, 1957, стр. 494—495.

[4] М. Палеолог. Царская Россия накануне революции. М.—Пг., 1923, стр. 220. Из дневника Л. А. Тихомирова, запись 16 октября 1916 г.: «Собственно, я не слышу ни единого слова о том, чтобы заключать мир. Этого, я думаю, никто не хочет, и, вероятно не заключат мира (уж, конечно, неизбежно постыдного). Россия ответила бы отчаянной, гибельной революцией». ЦГАОР СССР, ф. 634, оп. 1, д. 27, л. 38.

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

1. Историография. Свержение самодержавия — важнейшая веха на пути к Великой Октябрьской социалистической революции. В. И. Ленин еще в 1905 г. предвидел, что победа буржуазно-демократической революции в России «будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот» [1].

Февральская революция 1917 г. в России была по социально-экономическому содержанию буржуазно-демократической. Перед ней, как и перед первой русской революцией, стояла задача уничтожить царское самодержавие, землевладение и привилегии помещиков, национальное угнетение. Однако обстановка в стране в 1917 г. отличалась от обстановки 1905 г. За десятилетие 1907—1917 гг. произошел дальнейший рост капиталистических отношений, усилилось размежевание классов. Первая мировая война ускорила концентрацию производства, развитие монополистического капитализма и его перерастание в государственно-монополистический капитализм. Таким образом, создавались объективные предпосылки социалистической революции.

Война 1914—1915 гг. обострила до предела конфликт между производительными силами и производственными отношениями, между пролетариатом и буржуазией, между империалистическими государствами и угнетенными народами колоний и зависимых стран. Она стала исходным пунктом общего кризиса капитализма. По определению Ленина, «война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства» [2].

В первые дни Февральской революции В. И. Ленин находился в Швейцарии. О событиях в России он мог судить лишь по противоречивым сообщениям буржуазной прессы. Тем не менее Ленин еще в «Письмах из далека» с гениальной проницательно-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 120.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 197—198.

стью определил причины победы, своеобразие и перспективы развития русской революции. Владимир Ильич видел в этой революции первый шаг к превращению империалистической войны в гражданскую войну за социализм. «Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним, ни только русским» [1],— писал он.

Первое письмо Ленин начинает с выяснения вопроса, как могло свершиться «чудо» свержения царизма в течение нескольких дней.

Быстрота, с которой рухнула монархия, объясняется в значительной мере тем, что рабочие использовали богатейший опыт классовых битв 1905—1907 гг.

Первая русская революция «глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру *все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров...» [2].

Империалистическая война породила невиданной силы всемирные кризисы — экономические, политические и национальные, ускорив в огромных размерах ход истории, и на одном из особенно крутых ее поворотов, по выражению В. И. Ленина, «телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться *сразу*» [3].

Еще в 1917 г. кадеты и меньшевики выдвинули концепцию, согласно которой русская буржуазия оказалась главной силой, ликвидировавшей царизм. По мнению А. И. Потресова, в национально-освободительном движении против царизма «Россия цензовая, Россия третьеиюньского представительства совершенно преобладала над демократической Россией, над Россией крестьянской и особенно рабочей... В то время как у цензовиков энергия и политическая инициативность высоко поднялась над обычно низким уровнем их классовой гражданственности, деятельность и мысль передовой демократии и пролетариата, наоборот, представляла картину необычайной растерянности, невероятной подавленности... Пролетариат... плелся в хвосте за

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 399.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 12.
[3] Там же, стр. 13.

событиями»[1]. Точно так же П. Н. Милюков, выступая на Государственном совещании 14 августа 1917 г., утверждал: «Неверно, что своей победой революция обязана неорганизованной стихии. Она обязана этой победой Государственной думе (смех слева, аплодисменты справа), объединившей весь народ, а не отдельные партии и давшей санкцию перевороту»[2].

Развивая миф о низложении монархии Государственной думой, Милюков писал: «Вмешательство Государственной думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии»[3]. Но в дальнейшем Милюков внес «поправку» в свою концепцию о роли Государственной думы во второй русской революции. Он признал, что революция совершилась не Государственной думой и против ее воли, но что она «победила с того момента, когда во главе ее стала не сила, а символ: законопослушная четвертая Дума»[4].

В согласии с исправленной концепцией Милюкова американский историк У. Чемберлин писал, что Государственная дума хотела спасти монархию и «меньше всего хотела неконтролируемого движения снизу», что царизм свергла «толпа рабочих в поддевках и солдат в серых шинелях». Но «восставшие массы не могли создать ничего конкретного вместо старого порядка». Поэтому «попытки сформировать новое правительство неизменно были связаны с Думой, которая... была единственной национальной ассамблеей, существовавшей во время революции»[5].

Ныне в западной исторической литературе мало кто оспаривает, что судьбу царизма решили народные массы. Но буржуазные историки продолжают упорно утверждать, что массы действовали анархически, стихийно, без организованного участия революционных социалистических партий, для которых Февральская революция явилась полнейшей неожиданностью. У. Чемберлин свою юбилейную статью о второй русской революции начинает с традиционной для англо-американской историографии фразы: «Падение русской империи 12 марта 1917 г. было следствием одного из наиболее стихийных, неподготовленных, неорганизованных и никем не руководимых массовых выступлений в истории»[6].

---

[1] А. Потресов. Роковые противоречия русской революции. «Дело», 1917, № 3—6, стр. 117.

[2] «Государственное совещание». М.—Л., 1930, стр. 128.

[3] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I. Противоречия революции. София, 1921, стр. 39.

[4] П. Милюков. Россия на переломе, т. I. Париж, 1927, стр. 28.

[5] W. Chamberlin. The Russian Revolution. 1917—1921, vol. I. N. Y. 1935, pp. 73, 80.

[6] W. Chamberlin. The first Russian Revolution. «Russian Review», 1967, vol. 26, № 1, p 4.

Некоторые советские историки 20-х годов неправильно представляли себе соотношение стихийности и организованности в Февральской революции. М. Н. Покровский полагал, что большевики были захвачены революцией «совсем внезапно»[1]. С точки зрения Я. А. Яковлева, «никакого действительного руководства ходом революции» со стороны большевистских центров «не было и не могло быть»[2]. К. И. Шелавин сделал попытку выяснить численность и состояние большевистской партии в канун Февральской революции. Он установил, что большевики к февралю 1917 г. насчитывали в своих рядах тысячи передовых рабочих и этим заложили фундамент своей конечной победы. Вместе с тем Шелавин недооценил организующую роль большевистской партии в февральские дни, заявляя, что «никакого организационного центра восстания у большевиков в решающий момент не оказалось»[3].

Приблизительно так же трактует соотношение стихийности и сознательности П. В. Волобуев. Исходя из неверного положения об усилении в годы войны стихийности в рабочем движении и укреплении в нем влияния мелкобуржуазных партий за счет большевиков, он утверждает, что Февральская революция «выросла на основе стихийного революционного подъема. Стихийный революционный взрыв, происшедший 23 февраля и положивший начало революции, никем не готовился и никто его не мог предвидеть (в том смысле, когда он произойдет)»[4]. Так же изображает ход событий в первые дни Февральской революции и Х. М. Астрахан. Он пишет: «Снятие заводов» 23 февраля происходило стихийно. Заранее оно не планировалось»[5]. Такие утверждения расходятся с твердо установленными фактами. 23 февраля забастовки происходили главным образом на Выборгской стороне. И именно здесь, по свидетельству члена подпольного Выборгского комитета большевиков Н. Ф. Свешникова, «в 20-х числах Райком принял решение принять меры к снятию с работ работниц на фабриках 23 февраля, когда праздновался Международный женский день. То политическое оживление, которое чувствовалось на заводах и фабриках в районе, а также заминка с хлебом в эти дни создали очень благоприятную почву для агитации»[6]. С утра 23 февраля на заводах и фабриках большевики на митингах призывали к расширению движения, после чего многие рабочие выходили на улицу. Особенно

---

[1] М. Покровский. Очерки русского революционного движения XIX—XX вв., М., 1924, стр. 213.

[2] Я. Яковлев. Февральские дни 1917 г. «Пролетарская революция», 1927, № 2—3 (61—62), стр. 97—98.

[3] К. Шелавин. Рабочий класс и ВКП(б) в Февральской революции. Л., 1927, стр. 24, 59.

[4] «Свержение самодержавия». Сборник статей. М., 1970, стр. 33.

[5] Там же, стр. 127.

[6] Н. Свешников. Отрывки из воспоминаний. «Петроградская правда», 14 марта 1923 г.

воинственно были настроены женщины. Они явились на предприятия и снимали с работ[1]. П. В. Волобуев также находит, что вопреки предостережениям В. И. Ленина «в февральские дни стихийно, снизу сложился временный блок пролетарски-интернационалистских и оборонческих элементов» на платформе... революционного оборончества![2]. Однако активные участники Февральской революции единодушно подчеркивают, что социал-оборонцы в отличие от большевиков всячески пытались сдерживать нарастающее движение. На некоторых предприятиях Выборгской стороны, по воспоминаниям И. Матвеева, члена большевистской партии с 1917 г., рабочего завода «Старый Лесснер», «меньшевики-оборонцы выкрикивали: «Нужно раньше войну кончить и тогда только свергать самодержавие!»[3]. Как вспоминает В. Н. Залежский, «освобожденные восставшими рабочими большевики и ликвидаторы с первых же шагов разошлись — одни пошли в рабочие кварталы, к массе, другие — в Думу»[4]. Далека от действительности и «концепция» И. П. Лейберова о том, что межрайонцы, левые эсеры и часть меньшевиков-интернационалистов проводили в февральские дни «подлинно революционную тактику»[5]. Ведь даже самая левая из названных групп — «Межрайонка»[6] — явно отставала от размаха движения, на ее лозунгах все время сказывалась недооценка революционных возможностей рабочего класса. Так, в ночь на 25 февраля, когда движение уже стало перерастать во всеобщую политическую стачку, межрайонцы выпустили листовку, в которой призывали петроградский пролетариат всего лишь к «трехдневной стачке протеста против арестов и расстрела рабочих Путиловского завода». Одновременно они выпустили специальный листок к солдатам, но в нем, по свидетельству И. Юренева, «не звали к непосредственному восстанию», так как еще не были уверены в том, что «настоящий бой есть решающий»[7]. По воспоминаниям В. Зензинова, на информационном совещании представителей левых партий, происходившем вечером 26 февраля на квартире А. Ф. Керенского, Юренев «высказывался против форсирования событий, утверждал, что начавшееся движение не может иметь успеха, настаивая даже на необходимости успокоить взволнованные рабочие массы». «Нет и не будет никакой революции,— упрямо твердил он...— Движение в войсках сходит

---

[1] См.: «Правда», 5 марта 1917 г.

[2] См.: «Свержение самодержавия». Сборник статей. М., 1970, стр. 38.

[3] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 383, л. 6.

[4] В. Н. Залежский. Первый легальный ПК. «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 139.

[5] «Свержение самодержавия». Сборник статей. М., 1970, стр. 118.

[6] В нее вместе с левыми меньшевиками-интернационалистами входили отошедшие от партии большевики-примиренцы, сторонники объединения с меньшевиками. Идейно «Межрайонка» была близка к Троцкому.

[7] И. Юренев. Межрайонка (1911—1917 гг.). «Пролетарская революция», 1924, № 2 (25), стр. 140—141.

на нет, и надо готовиться к долгому периоду реакции...». Юренев твердо настаивал на позиции: «выжидать и наблюдать»[1]. Только большевики сразу же поддержали массовые выступления рабочих и солдат. Передовые питерские рабочие-большевики, следуя славным традициям 1905 г., проявляли замечательную революционную инициативу, руководя боевыми действиями масс.

В статье П. В. Волобуева сделана попытка «поднять» значение буржуазии как одного из основных участников февральской битвы против царизма наряду с рабочими и солдатами. В связи с этим он пишет об «известной модификации в феврале большевистской формулы 1905 г.: «Буржуазная революция против буржуазии»[2]. Собственно, такой формулы у большевиков не было, но как видно из дальнейшего изложения, автор имеет в виду известную формулу Ленина: «Победа буржуазной революции у нас невозможна, *как победа буржуазии*»[3]. «В действительности,— замечает П. В. Волобуев,— революция формально закончилась победой буржуазии, поскольку государственная власть оказалась в ее руках»[4]. Но смысл ленинской формулы заключался в другом: буржуазия не была и не могла быть ни движущей силой, ни тем более гегемоном революции, и это блистательно подтвердилось в 1917 г. Основными участниками Февральской революции были пролетариат и передовое крестьянство (солдаты). Буржуазия же, учитывая победное шествие революции, «признала» и даже поспешила провозгласить ее своей, но сделала она это с затаенной мыслью «обмануть и предать ее»[5]. Абсолютизируя победу буржуазии и недооценивая сознательность массового революционного движения, П. В. Волобуев приходит к ложному тезису о неподготовленности пролетариата, оказавшегося после февраля в плену иллюзий революционного оборончества, к роли вождя новой революции[6].

В монографии Э. Н. Бурджалова[7] поставлен изрядно запутанный в исторической литературе вопрос, почему Таврический дворец — местопребывание Государственной думы — стал своего рода «цитаделью революции». Этот вопрос является частью более широкой проблемы, насколько сильны были в народе парламентские иллюзии. Некоторые мемуаристы, например С. Д. Мстиславский, объясняли это тем, что дворец расположен

---

[1] В. Зензинов. Февральские дни. «Новый журнал». Нью-Йорк, 1953, кн. XXXIV, стр. 209—210.

[2] «Свержение самодержавия». Сборник статей. М., 1970, стр. 38.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 44.

[4] «Свержение самодержавия». Сборник статей. М., 1970, стр. 38.

[5] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 46.

[6] См.: «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». Сборник статей. М., 1970, стр. 21.

[7] См.: Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

в «военном городе», где находились казармы тех гвардейских полков, в которых началось солдатское восстание [1]. Бурджалов, не входя в разбор этой гипотезы, справедливо полагает, что топографический фактор имел второстепенное значение. Автор замечает, что мысль об устройстве 14 февраля, в день открытия думской сессии, мирного шествия к Таврическому дворцу не встретила сочувствия рабочих. К Таврическому дворцу рабочие не пошли и в первые дни революции: петроградский пролетариат не возлагал никаких надежд на Думу [2]. Но положение коренным образом изменилось 27 февраля, когда против царизма поднялись солдатские массы, в основном мелкобуржуазные, неустойчивые, колеблющиеся. Новые социальные слои, впервые вступившие в революционную борьбу, видели в Думе подобие народного представительства, а в думских лидерах — борцов против царского режима. Вот почему клич: «В Таврический дворец! К Государственной думе!» — встретил широкую поддержку в народных массах. Движению к Думе способствовало и то, что днем 27 февраля по городу распространились слухи, что царь распустил Думу, но она не подчинилась царскому указу и решила не расходиться [3]. Примерно так же рисует дело и В. С. Дякин. По его словам, «около 14 час. отряды восставших солдат и вооруженных рабочих взяли на себя охрану Таврического дворца. Под их охраной открылось частное совещание членов Думы» [4].

Между тем один из очевидцев — кадет Л. А. Оболенский прибытие революционных войск в Таврический дворец изображает совсем в другом свете. По его воспоминаниям, к зданию Государственной думы днем 27 февраля «начали подходить... вооруженные винтовками солдаты и рабочие. Сначала толпа бушует за решеткой, затем каким-то образом проникает внутрь двора... Для ее успокоения выходили депутаты социалистических фракций и уговаривали ее охрипшими голосами. Наконец, эти уговоры перестали действовать... Во дворе раздаются выстрелы, и в Думу кто-то вносит раненого офицера из охраны Таврического дворца. Вот врывается в Думу взвод солдат...» [5].

Вообще Э. Н. Бурджалов и В. С. Дякин, по-видимому, переоценивают престиж Думы в солдатской массе. Примечательно, что Т. И. Кирпичников, старший унтер-офицер, сыгравший из-

---

[1] С. Мстиславский. Гибель царизма. М., 1927, стр. 75.

[2] 24 февраля на одном из самых крупных митингов у Казанского собора с речью выступил член ПК РСДРП И. Д. Чугурин, призвавший к решительной схватке с царизмом. Меньшевика-оборонца, предложившего идти с мирными требованиями к Государственной думе, рабочие заставили замолчать. «Партия большевиков в Февральской революции 1917 года». М., 1971, стр. 153.

[3] См.: Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967, стр. 202—203.

[4] В. С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967, стр. 327.

[5] Л. Оболенский. Первый день революции в воспоминаниях очевидца. ЦГАОР СССР, ф. 5881, оп. 1, д. 784, лл. 5, 6 и 7.

вестную роль в восстании Волынского полка, в своих воспоминаниях вовсе не упоминает о Государственной думе[1]. Видный эсер В. Б. Станкевич рассказывает, как он утром 27 февраля пытался убедить толпу солдат, ворвавшихся в школу прапорщиков на Кирочной и вооружившихся винтовками, идти к Государственной думе и как его слова были встречены недоверием: «Не заманивает ли в западню?»[2]. Даже главный творец мифа о том, что восставшие полки прибыли в Таврический дворец для поддержки Государственной думы, П. Н. Милюков в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в августе 1917 г. совершенно определенно заявлял, что «движение не стояло ни в какой связи с роспуском Думы»[3].

В самом деле, разве могла Дума снискать расположение масс, если она всячески открещивалась от революционных выступлений и, больше того, пыталась их очернить. Даже 23 февраля, когда в Петрограде начались массовые выступления рабочих, кадеты пустили слух о провокации: царские власти нарочно спрятали хлеб, чтобы «голодные бунты» оправдали желанный правительству сепаратный мир[4].

Но и сам Э. Н. Бурджалов вносит существенную поправку к своему утверждению о тяготении восставших солдат к Государственной думе, указывая, что 27 февраля они устремились в главный центр революции, к рабочим Выборгской стороны[5].

Часть солдат и рабочих днем 27 февраля действительно прибыли к Таврическому дворцу, находившемуся в эпицентре восстания, но не потому, что они ждали как чего-то естественного присоединения Думы к революции, а скорее с целью осведомления о ее позиции и намерениях, с кем Дума — с народом или с царизмом.

Как уже упоминалось, организация революционного движения отставала от его стремительного размаха. В различных районах столицы восставшие инстинктивно искали руководителей[6]. Этим и воспользовались левые депутаты Думы А. Ф. Керенский, М. И. Скобелев и другие, чтобы объявить прибывшим к Таврическому дворцу солдатам и рабочим о «присоединении» Думы к революции. Неискушенные в политике широкие массы, далеко еще не уверенные в повсеместном и окончательном торжестве

---

[1] См.: С. П. Мельгунов. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961, стр. 29.

[2] «Февральская революция». М.—Л., 1925, стр. 401—402.

[3] «Падение царского режима», т. VI. М.—Л., 1926, стр. 352.

[4] См.: З. Н. Гиппиус. Современная запись. ОРГПБ им. С.-Щ., ф. 481, оп. 1, д. 1, л. 96.

[5] См.: Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967, стр. 188.

[6] См. М. И. Калинин. За эти годы. Статьи. Беседы. Речи. Книга третья. М.—Л., 1929, стр. 432.

революции, поверили, что в лице Государственной думы у них появился неожиданный союзник.

По мнению Э. Н. Бурджалова, тяга к Думе породила новый этап движения. Еще не спала первая волна революции, направленная против царизма, как поднялась вторая волна, имевшая целью не допустить установления буржуазного правительства и создать подлинно народную власть[1]. «Вторая революционная волна,— пишет Э. Н. Бурджалов,— не достигла своей главной цели: буржуазия не была устранена от власти...»[2]. Но она и не ставила такой цели! Эта волна поднялась не вообще против установления буржуазной власти, как полагает Э. Н. Бурджалов, а против попыток думского комитета сохранить монархию, оторвать восставшую армию от народа и утвердить свое единовластие.

Концепция Бурджалова дает неверное представление о реальном соотношении классовых сил в тот период. В самом деле, если широкие массы рабочих и солдат объективно боролись в мартовские дни не только против сохранения в любой форме монархии, за полное уничтожение царизма, но и против перехода власти к буржуазии, то в таком случае надо признать ошибочным и курс большевистской партии на мирное развитие революции, ибо он был обусловлен необходимостью длительной терпеливой пропагандой помочь массам изжить иллюзии в отношении буржуазного Временного правительства.

2. Свержение царизма. Образование Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В традиционный день памяти жертв первой русской революции 9 января 1917 г. в Петрограде, по призыву большевиков, бастовало 145 тыс. рабочих. Стачки и демонстрации состоялись также в Москве, Харькове, Баку. Революционные выступления 9 января явились смотром боевой готовности рабочих к решительному штурму царизма. Начальник петроградской охранки в своем докладе министру внутренних дел от 19 января 1917 г. с тревогой констатировал, что «идея всеобщей забастовки со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой она была и в 1905 году»[3]. Всего за январь — февраль 1917 г. только на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, бастовало 676 тыс. человек, из них участников политических стачек в январе было 66%, в феврале — 95%.

Росло революционное настроение и в армии. В январе 1917 г. на Юго-Западном фронте произошло восстание 223-го пехотного Одоевского полка. Сильное революционное брожение наблюдалось среди крестьян. Полицейские донесения отмечали, что «де-

---

[1] См.: Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967, стр. 281—282.

[2] Там же, стр. 362.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 247, д. 307, лит. А, л. 18.

ревня дышит 1905 годом». Недовольство охватило демократическую интеллигенцию. Студенты Московского университета 12 января провели уличную демонстрацию.

При первых признаках революционной бури среди участников «Прогрессивного блока» началось смятение. Лейтмотивом их тактики были новые попытки «образумить» царя. Члены Государственной думы и Государственного совета, входившие в Особое совещание по обороне, возбудили ходатайство о проведении совместного заседания всех «Особых совещаний» под председательством царя, чтобы открыть ему глаза на всю серьезность положения в стране [1]. На это царь ответил, что ему лучше видно, когда настанет время собрать совещание под своим председательством [2]. Не произвела никакого впечатления на Николая II и записка М. В. Родзянко. Родзянко умолял царя последовать примеру Александра I, который «в тяжкую годину, когда стране угрожала неминуемая гибель, не поколебался доверить власть лицу, облеченному общественным доверием» [3].

Некоторые надежды лидеры «Прогрессивного блока» возлагали на конференцию союзников, происходившую в Петрограде 19 января — 7 февраля 1917 г. В давлении союзников на Николая II буржуазные деятели видели последний шанс добиться «смягчения внутреннего курса» и тем предотвратить революцию в России. Но прибывшие в Петроград военно-политические миссии союзных держав не разделяли опасений либеральной оппозиции о близости революции в России и не проявили особого желания побудить царя пойти на соглашение с «Прогрессивным блоком».

Исчерпав все средства лояльного воздействия на власть, прогрессисты впали в глубокое уныние. Отражая настроение обреченности, господствовавшее среди участников «Прогрессивного блока», В. В. Шульгин писал, что он «предпочитает во время кораблекрушения оставаться на корабле и не пересаживаться в шлюпки» [4].

Из состояния прострации прогрессистов пытались вывести меньшевики. «Рабочая группа» ЦВПК пригласила рабочих в день открытия думской сессии, 14 февраля, к однодневной стачке и мирной демонстрации у Таврического дворца, чтобы заявить о своей решимости поддержать Думу в борьбе с царской властью и потребовать от нее создания правительства «народного спасения». Меньшевики явно рассчитывали окружить Думу атмосферой всеобщего доверия и таким путем поднять ее престиж.

---

[1] См.: «Журналы заседаний Особого совещания по обороне 1 и 4 февраля 1917 г.». ЦГВИА СССР, ф. 369, оп. 1, д. 180, лл. 202, 205—207.

[2] См.: Б. А. Энгельгардт. Из потонувшего мира. РОБИЛ, ф. 306, д. 3, стр. 46.

[3] «Красный архив», 1925, № 3 (10), стр. 86.

[4] «Дни», 21 июля 1923 г.

Большевики вместо шествия к Государственной думе призвали рабочих к забастовкам и демонстрациям под лозунгами: «Долой царскую монархию!», «Война войне!», «Да здравствует Временное революционное правительство!»

Опасаясь превращения мирной манифестации в революционные выступления, буржуазные политики хотели ее сорвать. 10 февраля в кадетской газете «Речь» рядом с обращением командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова, увещевавшего рабочих оставаться 14 февраля у станков, было напечатано письмо Милюкова, в котором он называл призыв к забастовке провокацией, идущей от охранки, и советовал воздержаться от участия в демонстрации.

14 февраля бастовали 84 тыс. рабочих. На Невском состоялись демонстрации. Но на улицах, прилегающих к Таврическому дворцу, было тихо. Революционная волна шла мимо Думы, которая, по горькому признанию Родзянки, была низведена «на роль чуть ли не пассивного зрителя» [1].

Во второй половине февраля Петербургский комитет РСДРП выпустил обращение «Ко всем рабочим, работницам Петрограда» с призывом к решительному выступлению против царизма. «Рабочий класс и крестьяне, — говорилось в воззвании, — одетые в серую шинель и синюю блузу, подав друг другу руки, должны повести борьбу со всей царской кликой, чтобы навсегда покончить с давящим Россию позором» [2].

Особое внимание большевики уделяли Путиловскому заводу, выступление которого обычно поднимало на борьбу весь пролетариат столицы. 18 февраля прекратила работу лафетно-штамповочная мастерская; рабочие добивались увеличения расценок на 50%. Администрация отказалась удовлетворить это требование и уволила забастовщиков. Тогда остановились все цехи. 22 февраля по распоряжению военного начальства завод был закрыт. Конфликт на Путиловском заводе явился предвестником массовых революционных выступлений питерских рабочих, которые привели к свержению царизма.

23 февраля на предприятиях Петрограда произошли собрания в ознаменование Международного женского дня; работницы с возгласами «Хлеба!», «Долой войну!», «Верните наших мужей!» вышли на улицу. В этот день бастовало около 90 тыс. человек. Охрана «порядка и спокойствия» в столице была передана военным властям. Выборгский районный комитет с участием членов Бюро ЦК и Петербургского комитета РСДРП принял решение о продолжении забастовки и организации на следующий день демонстрации на Невском проспекте.

24 февраля число бастующих достигло уже 200 тыс. Рабочие устремились на улицу. Пробиваясь через полицейские заставы и

---

[1] М. Родзянко. Крушение империи. Л., 1927, стр. 223.

[2] «Листовки петербургских большевиков», т. II. М.—Л., 1939, стр. 248.

цепи солдат, массы рабочих с пением «Марсельезы» и криками «Долой царя!», «Хлеба и мира!» заполняли Невский проспект.

Успех революции зависел от того, удастся ли рабочим привлечь на свою сторону солдат. Общая численность гарнизона Петрограда в это время составляла 180 тыс. человек. Помня об уроках 1905 г., большевики развернули решительную борьбу за войско. Рабочие собирались группами около солдатских казарм и патрулей и убеждали солдат и казаков не стрелять в народ. Под воздействием агитации рабочих все чаще наблюдались случаи отказа войск разгонять демонстрации.

25 февраля политическая стачка в Петрограде стала всеобщей. Демонстрации принимали все более массовый характер. У Казанского собора и на Знаменской площади непрерывно происходили митинги. Демонстранты бесстрашно приближались к солдатам. Женщины со слезами на глазах кричали солдатам: «Товарищи, отнимите ваши штыки, присоединяйтесь к нам!» Солдаты волнуются ... еще секунда — и штыки понемногу поднимаются [1]. На Знаменской площади казаки дали залп по конным городовым, разгонявшим митинг, и обратили их в бегство. Такое поведение солдат и казаков вселяло в рабочих веру в близкий переход войск на сторону революции.

Вечером 25 февраля командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов получил из Ставки «повеление» царя «завтра же прекратить в столице беспорядки». Войсковым начальникам было приказано открывать огонь по демонстрантам. Охранка производила повальные обыски и аресты. В ночь на 26 февраля было арестовано около 100 человек, в том числе пять членов Петербургского комитета большевиков. Царское правительство готовилось к последней отчаянной попытке потопить в крови разгоравшееся рабочее восстание.

Утром 26 февраля рабочие направились к солдатским казармам, чтобы «снять» солдат и «вооружить революцию». Мосты охранялись густыми цепями полиции и солдат. Набережные были оцеплены юнкерами. На улицах, прилегающих к Невскому, находились дозоры из учебных команд. Но солдатские патрули разгоняли демонстрантов неохотно и в ряде случаев даже отдавали им свое оружие. Среди демонстрантов появились рабочие, вооруженные винтовками. Политическая стачка перерастала в восстание.

К полудню рабочие Выборгского, Нарвского и других районов прорвались на Невский проспект. На Знаменской площади начался митинг. Вдруг раздались залпы. Рабочая кровь обагрила заснеженную площадь. По всему Невскому проспекту засады городовых вели стрельбу из винтовок. Поле сражения осталось за царским правительством.

Хабалов и Протопопов послали Николаю II победные реляции. «Войска действовали ревностно, — телеграфировал Прото-

[1] См.: «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 163.

попов, — порядок восстановлен и есть основания думать, что в понедельник (27 февраля. — *Е. Ч.*) рабочие станут на работу». Ободренный видимостью «успокоения», Совет министров постановил прервать сессию Государственной думы до апреля.

Между тем в настроении войск петроградского гарнизона произошел перелом. Солдаты подвергались интенсивной агитации со стороны рабочих, убеждавших солдат в том, что царское самодержавие нужно уничтожить, потому что при царе войне не будет конца, рабочие будут голодать, а крестьянам не видать земли. Эти правдивые слова глубоко проникали в сердца одетых в серые шинели крестьян, зажигая их желанием присоединиться к своим братьям-рабочим. Уже 26 февраля под воздействием рабочих солдаты 4-й роты запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка взялись за оружие. Восстание павловцев было началом перехода войск Петроградского гарнизона на сторону революции.

Вечером 26 февраля на заседании Выборгского районного комитета большевиков, который в связи с арестом членов Петербургского комитета выполнял его функции, из информации с мест выяснилось, что среди рабочих прочно удерживается революционное настроение. Делегат броневого дивизиона обещал от имени своих товарищей выступить на помощь восставшим рабочим в боевом порядке[1]. Выборгский районный комитет постановил продолжать забастовку, добиваясь перевода ее в вооруженное восстание, брататься с солдатами, захватывать склады оружия.

В ночь на 27 февраля учебная команда лейб-гвардии Волынского полка поклялась не стрелять в народ. Пришедший утром в казарму начальник учебной команды был убит солдатами. Остальные офицеры бежали. Солдаты двинулись к находившимся по соседству Преображенскому и Литовскому полкам и увлекли их за собой. Восставшие полки под звуки «Марсельезы» направились через Литейный мост к рабочим Выборгской стороны. Здесь с утра на заводах шли митинги, на которых большевики призывали продолжать борьбу до полной победы над самодержавием. Кое-где пробовали выступать меньшевики. Они считали призыв к вооруженной борьбе «безумием» и уговаривали рабочих прекратить забастовку. Но рабочие их не слушали, они создавали боевые отряды, доставали оружие, нападая на полицейские участки и военные склады. Многотысячная толпа рабочих двинулась в центр, чтобы соединиться с восставшими солдатами и овладеть правительственными учреждениями. Прикрывавшая Литейный мост рота Московского полка, атакованная с двух сторон, была быстро смята. Рабочие соединились с восставшими солдатами и вместе с ними захватили Главный арсенал. Слияние рабочих демонстраций с солдатским восстанием не было случайным, в этом

[1] См: В Каюров. Петроградские рабочие в годы империалистической войны. М., 1930, стр. 132.

проявилась руководящая роль пролетариата в революционной борьбе. Рабочие первыми поднялись на штурм самодержавия и своим примером увлекли в бой солдатскую массу.

Вооруженные рабочие и солдаты освободили политических заключенных. Выпущенные из тюрем большевики тотчас же стали во главе революционного народа. Они приняли активное участие в революционной агитации еще не присоединившихся к рабочим войсковых частей. Если вечером 26 февраля было 600 восставших солдат, то через сутки их было уже 66 700. Во всех частях, которые переходили на сторону революции, солдаты разоружали офицеров.

В полдень 27 февраля Хабалов телеграфировал в Ставку о необходимости «прислать немедленно надежные части с фронта» [1]. Вслед за тем в Ставке была получена телеграмма от председателя Совета министров, в которой указывалось на полную растерянность Хабалова и на желательность командировать в Петроград для подавления восстания пользующегося популярностью и авторитетом в войсках боевого генерала [2]. Николай II назначил вместо Хабалова главнокомандующим Петроградским военным округом с диктаторскими полномочиями генерала Н. И. Иванова и повелел с «возможной спешностью» отправить в распоряжение Иванова пехотные и кавалерийские полки из действующей армии.

Тем временем восстание охватило и гарнизоны ближайших к столице городов. Революционные солдаты занимали железнодорожные станции, чтобы не допустить продвижения карательных войск к Петрограду. В самой столице на вокзалах были расположены восставшие войска на случай, если бы прибывающие с фронта части попытались оказать сопротивление.

Вечером 27 февраля Хабалов стал стягивать оставшиеся под его командованием войска к Дворцовой площади. Утром 28 февраля последние защитники царского режима, сложив оружие, покинули Адмиралтейство. Столица оказалась полностью в руках восставшего народа.

27 февраля в Петрограде был распространен манифест ЦК большевистской партии «Ко всем гражданам России». Манифест призывал рабочих и солдат выбирать представителей во Временное революционное правительство, перед которым ставились задачи укрепления республиканского строя, конфискации помещичьей земли и хлебных запасов, введения 8-часового рабочего дня и прекращения империалистической войны путем непосредственного обращения к народам всех воюющих стран.

В начале всеобщей политической стачки петроградские рабочие по опыту 1905 г. приступили к созданию новой революционной власти в форме Советов. В. И. Ленин подчеркивал, что

---

[1] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 126, л. 43.
[2] ЦГВИА СССР, ф. 2005, оп. 1, д. 105, л. 45.

«в феврале 1917 года массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, — вот кто создал эту форму пролетарской власти» [1].

Большевики горячо поддержали инициативу рабочих. Они первыми среди всех других партий выступили с призывом создать Совет. Сообщив о массовом переходе солдат на сторону народа и призывая к продолжению борьбы, большевики Петрограда в листовке, изданной 27 февраля, писали: «Для победы нам нужна организованность, нам нужен руководящий центр движения. Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст Временное революционное правительство». В обращении к рабочим и солдатам, выпущенном Выборгским комитетом большевиков, указывалось, что избранные депутаты должны собраться на Финляндском вокзале. Здесь под охраной вооруженных рабочих и восставших полков Совет мог начать свою работу.

В решающий момент революции большевики находились в гуще масс, непосредственно участвуя в уличной борьбе. Многие из них пали смертью храбрых. Однако большевистские организации неоднократно подвергались разгрому, и ко времени Февральской революции легальных организаций большевиков почти не осталось. Этим воспользовались социал-шовинисты (Н. Д. Соколов, Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, Н. Н. Суханов, К. А. Гвоздев и другие), чтобы перехватить инициативу у большевиков. Днем 27 февраля они поспешили в Таврический дворец и, решительно никем не уполномоченные, объявили себя Временным исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов. От имени Исполкома было напечатано воззвание к восставшим рабочим и солдатам с призывом выбирать своих представителей в Совет.

Первое заседание Совета открылось в 9 часов вечера 27 февраля. На нем присутствовало около 50 депутатов. Большинство из них пришли с устными мандатами. Никакой проверки правильности выбора произведено не было. Кроме «рабочей группы» Центрального военно-промышленного комитета и думской фракции меньшевиков, на заседание Совета были допущены под видом представителей «литературных групп» интеллигенты типа Суханова. Председателем Совета был избран лидер меньшевистской фракции Государственной думы Н. С. Чхеидзе, товарищами председателя — эсер А. Ф. Керенский и меньшевик М. И. Скобелев. В президиуме и Исполнительном комитете большинство составили также меньшевики и эсеры. От большевиков в Исполком Совета вошли П. А. Залуцкий и А. Г. Шляпников.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 6.

Однако под напором народных масс Совет действовал как революционная власть. Для дальнейшей организации революционных выступлений Совет решил образовать военную комиссию. На первом заседании Совет избрал также продовольственную комиссию. Совет поддержал инициативу рабочих, начавших организацию милиции, которая в будущем стала ядром Красной гвардии. По настоянию солдатских масс Совет рабочих депутатов 2 марта принял постановление о сохранении в городе революционного гарнизона. Был запрещен выход черносотенных газет и решен вопрос об издании органа Совета — газеты «Известия», первый номер которой вышел 28 февраля. Совет принял решение об изъятии всех финансовых средств из распоряжения старых властей и взял на себя функцию контроля за расходованием их. 8 марта Совет принял решение об аресте всей семьи Романовых и водворении царя в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

Однако эсеро-меньшевистские лидеры Совета уверяли, что в отчаянных условиях разрухи рабочие и солдаты без поддержки буржуазии якобы не справятся с государственным управлением. Не веря в творческие возможности народа, соглашательское руководство Петроградского Совета решило передать власть буржуазии.

Победоносное восстание солдат и рабочих столицы повергло членов Государственной думы в полное смятение. По воспоминаниям Б. А. Энгельгардта, «все казались подавленными и растерянными»[1]. Встревоженные депутаты молча выслушали царский указ о перерыве думской сессии, а затем собрались на частное совещание в так называемом полуциркульном зале.

Открывая собрание, Родзянко заявил, что весьма трудно принять какое-либо решение, так как «мы еще не знаем соотношения сил». «Левый» кадет Н. В. Некрасов предложил передать власть какому-нибудь пользующемуся большим доверием военачальнику, например генералу А. А. Маниковскому. В это время были получены сведения, что революционными войсками взяты Арсенал, Петропавловская крепость и Выборгская тюрьма, из которой выпущены политические заключенные. Учитывая победное шествие революции, прогрессист В. А. Ржевский нашел предложение Некрасова о передаче власти царскому генералу неприемлемым и предложил организовать комитет из членов Думы для связи с армией и народом. Трудовик В. И. Дзюбинский полагал, что иного выхода, кроме создания новой власти, нет и предлагал взять власть самой Государственной думе. А. Ф. Керенский просил уполномочить его и Н. С. Чхеидзе объехать восставшие войска, чтобы объявить им, что Государственная дума солидарна с ними и их поддержит. Возражая левым депутатам, Милюков считал, что для создания новой власти «еще не настал момент... Что

[1] РОБИЛ, ф. 306, д. 3, стр. 735.

же нам остается делать? Поехать, как предлагает Керенский, и успокоить войска? Но вряд ли это их успокоит». Из соседнего зала доносятся крики и бряцание ружей. Родзянко просит поторопиться с принятием решения, ибо «промедление времени смерти подобно». В полной сумятице принимается предложение о создании особого комитета, который должен быть избран немедленно советом старейшин. Объявляется перерыв, во время которого совет старейшин избирает Временный комитет под председательством Родзянки «для водворения порядка и сношений с лицами и учреждениями» [1]. Члены Государственной думы еще надеялись, что «порядок» будет ими восстановлен сообща с царскими властями.

Но стремительное развитие революционных событий вынудило буржуазных политиков изменить свою тактику. В условиях, когда царское правительство практически перестало существовать, Временный комитет Государственной думы не мог ограничиться технической задачей — посредничеством между восставшими массами и царской властью. Он был поставлен перед выбором — либо признать революцию как совершившийся факт и стать во главе движения во избежание «полной анархии», либо погибнуть вместе с царизмом.

Родзянко долго отказывался брать власть, ссылаясь на то, что это было бы «прямым революционным актом», на который он, как верноподданный, никогда не пойдет [2]. В это время в Таврический дворец явилась депутация офицеров Петроградского гарнизона и заявила, что офицеры могут сохранить влияние на солдат лишь при условии, если Дума возглавит движение и введет его в мирное русло. Получена была также телефонограмма, что офицеры Преображенского полка решили поддержать Государственную думу. Это приободрило упавших духом членов Думы. «Теперь нам нечего задумываться», «в нашем распоряжении надежная войсковая часть»,— послышалось со всех сторон. «Родзянко,— вспоминает Энгельгардт,— поднял голову и встретился со взглядом Милюкова. Тот многозначительно и уверенно трижды наклонил голову, подавая знак «надо решаться». Родзянко выпрямился в кресле и с размаху ударил ладонью по столу. «Хорошо, господа,— громким голосом произнес он,— я беру власть в свои руки. Но отсель прошу всех беспрекословно мне подчиняться... Александр Федорович,— добавил он, обращаясь к Керенскому,— это особенно к вам относится». Керенский встал: «Я готов действовать в полном согласии с Временным комитетом Государственной думы,— сказал он,— однако примите во внимание, нам придется считаться и с тем, что сейчас бурлит в бюджетной комиссии». Взоры всех невольно обратились в сто-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 5990, оп. 1, д. 3, лл. 1—2; д 2, лл. 1—10.
[2] РОБИЛ, ф. 306, д. 3, стр. 736.

рону кабинета бюджетной комиссии, где заседал Совет рабочих депутатов»[1].

В ночь на 28 февраля Временный комитет обратился к народам России с воззванием, в котором заявлял, что он берет на себя инициативу «восстановления государственного и общественного порядка». Впредь до образования нового правительства Временный комитет назначил для заведования отдельными частями государственного управления комиссаров из членов Думы.

Одним из первых шагов Временного комитета была попытка подчинить себе восставшие войска и использовать их для подавления «беспорядков» в столице. В ночь на 28 февраля в военную комиссию Совета рабочих депутатов явился Родзянко и объявил о назначении председателем комиссии и комендантом Петроградского гарнизона члена Государственной думы полковника Б. А. Энгельгардта. Вслед за тем Родзянко от имени Государственной думы обратился к войскам гарнизона с приказом, в котором настоятельно призывал солдат покинуть улицы и вернуться в казармы, сдать оружие и слушаться своих офицеров. Подобные же призывы звучали в выступлениях Родзянко, Милюкова и других членов Временного комитета. Намекая на Совет рабочих депутатов, они твердили об опасности двоевластия и о необходимости подчиняться исключительно приказаниям Временного комитета Государственной думы. Таким образом, буржуазные лидеры хотели противопоставить армию рабочим, лишить Совет вооруженной опоры и покончить с двоевластием.

В. С. Дякин утверждает, что высшее военное командование приказало сперва задержать, а затем вернуть обратно эшелоны с карательными войсками, так как поверило, что Временный комитет во главе с Родзянко контролирует положение в столице и сумеет восстановить порядок без кровопролития[2]. На самом же деле не только Ставка, но и думские деятели связывали свои расчеты на «восстановление» порядка в Петрограде с прибытием «надежных» войск с фронта. С этой целью Временный комитет пытался вступить в контакт с генералом Ивановым. Председатель военной комиссии Государственной думы Энгельгардт встретился в Таврическом дворце с полковником В. Н. Доманевским, командированным начальником генерального штаба в распоряжение Иванова. Энгельгардт готов был действовать заодно с Ивановым, но для этого последний должен был признать законной власть Временного комитета. Доманевский допускал такую возможность, но и его, и Энгельгардта смущало настроение солдат, находящихся под командованием Иванова. «Мы опасались, — признается Энгельгардт в своих мемуарах, — что охрана порядка в глазах солдат будет тождественна восстанов-

[1] РОБИЛ, ф. 306, д. 3, стр. 736—737.

[2] См.: В. С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967, стр. 353.

лению царской власти» [1]. Эти опасения имели под собой достаточные основания. Воинские части, снятые с фронта для усмирения революционной столицы, еще в пути переходили на сторону восставшего народа.

Когда Иванов поздно вечером 1 марта добрался до Царского Села, он узнал, что перешедшие на сторону революции солдаты царскосельского гарнизона двигаются к станции брататься с его отрядом. Неуверенный в собственных солдатах, Иванов в панике отбыл в Вырицу. В ночь на 2 марта он опять двинул свой эшелон на Петроград. Член военной комиссии Временного комитета Государственной думы генерал Н. М. Потапов грозил расстрелом помощнику комиссара путей сообщения А. А. Бубликова, профессору Ю. В. Ломоносову, если он будет чинить помехи на пути Иванова [2]. Но рабочие-железнодорожники перекрыли пути специально поваленным поездом, и Иванов был вынужден вернуться в Вырицу [3]. Тем временем восстали солдаты гарнизона Луги. Они решили никого не пропускать в Петроград, даже литерные поезда [4]. Убедившись в невозможности продвигать эшелоны с карателями к Петрограду и страшась их возмущения, начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев 2 марта приказал «те части, кои еще не отправлены, не грузить, а те, кои находятся в пути, задержать на больших станциях» [5].

Таким образом, военное командование отказалось от попыток организовать карательный поход на Петроград «в более крупном масштабе» ввиду явной «ненадежности» войск, а вовсе не потому, что оно было дезориентировано ложными известиями, будто Временный комитет овладел положением в столице и может сохранить незыблемым монархический строй, не прибегая к вооруженной силе.

Между тем провокационный приказ Родзянки о возвращении солдат под команду реакционных царских офицеров подлил масла в огонь. Слухи о том, что офицеры запирают солдат в казармах, отбирают оружие, заставляют присягать царю, вызвали новую волну самосудов и насилий над офицерами. Перепуганный Энгельгардт 1 марта издал противоречивый приказ по гарнизону, в котором опровергнул слухи об отобрании оружия у солдат и в то же время обещал принять самые решительные меры против таких действий со стороны офицеров, вплоть до расстрела виновных. Но возбуждение солдат не улеглось.

Чтобы не допустить использования армии в контрреволюционных целях и обеспечить пролетарское руководство солдатским

---

[1] РОБИЛ, ф. 306, д. 3, стр. 742—743.

[2] См.: Ю. В. Ломоносов. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. Стокгольм — Берлин, 1921, стр. 41—42.

[3] См.: «Падение царского режима», т. V. М., 1926, стр. 324.

[4] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. X, д. 131, л. 1.

[5] Там же, д. 127, л. 178.

движением, большевики развернули энергичную работу по организации солдат. В ночь на 28 февраля находившиеся в Таврическом дворце члены Бюро ЦК рекомендовали солдатам, являвшимся за указаниями, немедленно возвратиться в свои части и произвести выборы в Совет [1]. На следующий день, 28 февраля, в Совет стали прибывать солдатские депутаты. Большевики предложили объединить рабочих и солдат в едином Совете. Меньшевики, стремясь сохранить влияние буржуазии на армию и изолировать солдат от рабочих, возражали против этого. Открытые социал-шовинисты прямо заявляли, что вовлечение солдат в политическую жизнь разложит армию и сделает ее небоеспособной. Меньшевики-«интернационалисты» говорили, что в случае включения представителей от солдат в Совет пострадает его «пролетарская чистота». Все же на заседании Совета 1 марта было решено предложить солдатам немедленно избрать своих представителей в Совет. На этом же заседании Исполнительный комитет Совета был пополнен представителями от солдат: Ф. Ф. Линде, А. И. Падериным, А. Д. Садовским и другими. Объединение солдат с рабочими в общем Совете было закономерным результатом их совместной борьбы, которая и решила судьбу царизма.

Обсудив вопрос об «угрожающем поведении Временного комитета Государственной думы по отношению к революционному войску», Совет по предложению солдатских депутатов постановил обратиться к гарнизону с призывом: не выдавать офицерам оружия и хранить его под контролем ротных и батальонных комитетов. Это постановление легло в основу знаменитого Приказа № 1, выработанного самими солдатскими депутатами.

Поздно вечером 1 марта в военную комиссию Временного комитета явилась делегация солдат от войсковых частей Петроградского гарнизона, которая заявила, что солдаты не могут доверять офицерам, не принявшим участия в революции, и требуют издания приказа об установлении новых отношений между офицерами и солдатами, введения выборности командного состава, предоставления солдатам контроля по всем хозяйственным вопросам. Энгельгардт заявил, что Временный комитет считает издание такого приказа невозможным. Тогда представитель от солдат повернулся кругом и на ходу сказал: «Тем лучше! Сами напишем!» [2]. Содержание приказа было продиктовано группой солдатских депутатов секретарю Исполнительного комитета Совета меньшевику Соколову.

Приказ № 1 вводил в армии и флоте комитеты из выборных представителей от солдат и матросов и устанавливал, что во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. Ору-

[1] См.: «Шестой съезд РСДРП (б-ков)». Протоколы. М., 1958, стр. 59.
[2] РОБИЛ, ф. 306, д. 3, стр. 737.

жие должно находиться в распоряжении и под контролем солдатских комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам. Вне службы и строя солдаты пользуются равными правами со всеми гражданами, отменялось титулование офицеров: ваше превосходительство, ваше благородие и т. п. — и воспрещалось грубое обращение офицеров с солдатами, в частности обращение к ним на «ты».

Приказ № 1 подчинил Петроградский гарнизон политическому руководству Совета и лишил офицерство и Временный комитет Государственной думы возможности использовать армию в интересах контрреволюции.

3. Двоевластие. В первые дни революции реальная власть была в руках Петроградского Совета. В его распоряжении находились вокзалы, телеграф, типографии. Восставшие рабочие и солдаты выражали недоверие думскому комитету и шли за Советом. Такое положение не устраивало социал-соглашателей. Еще 27 февраля Суханов в беседе с Милюковым откровенно заявил, что «форсировать движение сейчас ни для кого уже нет нужды, оно и без того слишком быстро катится в гору» [1]. Страх перед революционностью масс толкал лидеров Совета на путь переговоров с думским комитетом об организации правительственной власти.

В. И. Ленин указывал, что «с точки зрения марксизма, «соглашательство» народнических и меньшевистских вождей есть проявление колебаний мелкой буржуазии, боящейся довериться рабочим, боящейся порвать с капиталистами» [2].

На заседании Исполкома Совета 1 марта открытые социал-шовинисты высказались за введение представителей Совета в буржуазное правительство. Меньшевики-«интернационалисты» (Чхеидзе, Стеклов, Суханов), опасаясь прямым участием в правительстве скомпрометировать себя в глазах масс, настаивали на образовании чисто буржуазного правительства и установлении «контроля» за его деятельностью со стороны Совета. Большевики предложили составить правительство из представителей только социалистических партий. Отвергнув предложение большевиков, Исполнительный комитет Петроградского Совета постановил предоставить формирование правительства Временному комитету Государственной думы. Своих представителей в новое правительство Исполком решил не посылать, а предъявить ему следующие требования: немедленное введение демократической республики и созыв Учредительного собрания, полная и немедленная амнистия по всем политическим и религиозным делам, свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, организация армии на началах самоуправления, создание народной милиции,

---

[1] Н. Суханов. Записки о революции. Книга I. Берлин — Петербург — Москва, 1922, стр. 118.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 130.

отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений, сохранение в городе и неразоружение Петроградского гарнизона. Лидеры Совета обошли в проекте соглашения с думским комитетом наиболее жгучие вопросы революции — о войне и мире, о земле, о 8-часовом рабочем дне. Они опасались, что постановка этих вопросов «отпугнет» буржуазию и она откажется от власти.

Резкие возражения со стороны представителей Государственной думы вызвало требование Совета об организации армии на началах самоуправления. После долгих дебатов была принята компромиссная формула: «При сохранении строгой воинской дисциплины в строю, устранение для солдат всех ограничений в пользовании всеми общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам России».

Требование Исполнительного комитета Совета о немедленном введении демократической республики было отвергнуто думским комитетом, настаивавшим на праве нового правительства сохранить монархию. Переговоры были прерваны.

Однако намерение буржуазных лидеров восстановить поверженную монархию было абсолютно неприемлемо для масс. Когда Милюков, выступая 2 марта на митинге в Таврическом дворце, на вопрос о судьбе династии ответил, что власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу, а наследником будет Алексей, раздались продолжительные негодующие крики: «Долой Романовых!», «Да здравствует демократическая республика!» Солдаты и рабочие долго оглашали воздух проклятиями по адресу ненавистной монархии. Поздно ночью во Временный комитет явилась депутация от офицеров гарнизона, которая заявила, что ни в одном полку нельзя будет ручаться за жизнь офицеров, если Милюков не откажется от своих слов. На другой день Милюкову пришлось печатно «разъяснять», что заявление в пользу Романовых является его «личным мнением»[1].

При таком накале антидинастических страстей думский комитет, не оставляя своих монархических поисков, вынужден был маневрировать: в переговорах с делегацией Исполкома Совета рабочих депутатов он согласился оставить вопрос о форме правления открытым до Учредительного собрания.

2 марта вопрос о власти обсуждался на пленуме Петроградского Совета. Депутаты-большевики подвергли проект соглашения суровой критике. Они требовали, чтобы Совет объявил себя Временным революционным правительством. Защищая свою капитулянтскую позицию, эсеро-меньшевистские лидеры ссылались на то, что пролетариат якобы «распылен, неорганизован» и что поэтому надо «использовать» буржуазию для «окончательной победы над царизмом, для завоевания и закрепления демократизма в стране». Они утверждали, что условия вручения власти

[1] См.: «Известия Комитета петроградских журналистов», 3 марта 1917 г.

буржуазии обеспечивают демократии «полнейшую свободу борьбы с этим врагом и полную победу над ним в недалеком будущем». Учитывая недоверие рабочих к буржуазии, эсеро-меньшевистские лидеры выдвинули формулу об «условной поддержке» буржуазного правительства и предложили избрать из состава Совета особую комиссию для «революционного контроля» за его действиями.

Большинство депутатов Совета не разбиралось в политической обстановке. Они аплодировали большевикам, выступавшим против всяких сделок с буржуазией, и вместе с тем встретили овацией демагогическое выступление Керенского, призывавшего Совет санкционировать его вступление во Временное правительство в качестве министра юстиции. Сбитый с толку лживыми фразами соглашателей о необходимости использовать Временное правительство в интересах революции, пленум Совета одобрил предложение Исполкома о передаче власти буржуазии. В этом решении проявилось одно из самых глубоких противоречий Февральской революции. Совет рабочих и солдатских депутатов, единственный правомочный орган победившего народа, добровольно отдал власть буржуазии.

3 марта была опубликована декларация о составе и программе Временного правительства. Председателем его и министром внутренних дел назначался крупный помещик князь Г. Е. Львов, близкий к кадетам. Он в сущности был номинальным главой правительства. Управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков характеризовал Львова как «воплощение пассивности», который «сидел на козлах», но даже не пробовал собрать вожжи»[1]. Самой влиятельной фигурой в правительстве был министр иностранных дел П. Н. Милюков, прозванный «Дарданельским» за свою ярко выраженную программу империалистической политики. Военным и морским министром был назначен лидер «Союза 17 октября» А. И. Гучков, который в период реакции был ревностным слугой Столыпина-вешателя. Министром торговли и промышленности был назначен текстильный фабрикант, прогрессист А. И. Коновалов. Портфель министра финансов получил крупнейший сахарозаводчик и землевладелец М. И. Терещенко. В правительство вошел и А. Ф. Керенский, назначенный на второстепенный пост министра юстиции. За исключением Керенского, Временное правительство состояло из представителей крупной буржуазии — октябристов, кадетов и прогрессистов.

Передовые рабочие и солдаты с разочарованием встретили сообщение об образовании буржуазного правительства и о признании его Советом. 3 марта около тысячи рабочих и солдат Петрограда, собравшись на митинг, постановили, что это прави-

---

[1] В. Д. Набоков. Временное правительство (воспоминания). М., 1924, стр. 66, 67.

тельство «не является действительным выразителем народных интересов», что Совет должен немедленно устранить его и объявить себя Временным правительством. Когда на митинге в Таврическом дворце Милюков объявил, что в состав правительства вошел князь Львов, раздались крики: «Это цензовая общественность!» Бурные протесты вызвали также слова Милюкова о назначении Гучкова военным министром. Чтобы продолжить свою речь, Милюков не остановился перед заведомой ложью, заявив, что «вот теперь, когда я в этом зале говорю с вами, Гучков на улицах столицы организует победу». В действительности же Гучков в это время вместе с членом Временного комитета Государственной думы В. В. Шульгиным тайно отправился в Псков для переговоров с царем.

28 февраля Николай II выехал из Ставки в Царское Село, рассчитывая превратить его в плацдарм карательных отрядов, нацеленных на революционный Петроград. Ввиду захвата революционными войсками станций Тосно и Дно царский поезд вынужден был проследовать на станцию Псков, где находился штаб Северного фронта. Здесь царь получил телеграмму от генерала Алексеева о необходимости издать манифест о даровании ответственного перед представителями народа министерства, возложив образование его на Родзянко[1]. После долгих уговариваний царь согласился издать такой манифест, но это решение запоздало. В разговоре по прямому проводу с генералом Рузским в ночь на 1 марта Родзянко сообщил, что эшелоны, высланные с фронта в Петроград, «взбунтовались» и что он сам «висит на волоске и власть ускользает у него из рук». Поэтому предложение о назначении ответственного министерства недостаточно. «Ненависть к династии дошла до крайних пределов... Грозные требования отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определенными требованиями... Со страшной болью передаю Вам об этом, но что делать»[2].

Еще 28 февраля Временным комитетом Государственной думы был составлен проект акта об отречении Николая II. Предполагалось, что к царю с требованием подписать такой акт должен явиться Родзянко с членом Государственной думы С. И. Шидловским. Но железнодорожники отказались предоставить Родзянко поезд без разрешения Совета. В Исполнительном комитете Совета заявили, что эта поездка может состояться при условии, если в проекте акта об отречении будет опущена вторая его часть, т. е. о передаче престола сыну. Тогда Временный комитет решил тайно отправить делегатов к царю. Инициатор конспиративной поездки к царю А. И. Гучков полагал, что только немедленное «добровольное» отречение царя могло еще спасти монархический строй и династию Романовых, а Россию от «кро-

[1] ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 10, д. 126, л. 149.
[2] «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 55—57.

вопролитной междуусобной войны». «Надо действовать тайно, быстро, никого не спрашивая... Надо дать России нового государя... Надо под этим новым знаменем собрать то, что можно собрать... Для отпора» [1].

2 марта Гучков и Шульгин выехали в Псков к царю. В пути они хотели встретиться с генералом Ивановым, чтобы убедиться, какие шансы может иметь его карательная экспедиция, но встреча не состоялась.

Еще до прибытия делегатов Временного комитета Николай II по совету главнокомандующих фронтами согласился отречься от престола. Прибывшие поздно вечером 2 марта Гучков и Шульгин в беседе с царем заявили, что рассчитывать на подавление революции вооруженной силой невозможно. «Как бы ни казалась та или другая воинская часть лояльна в руках своего начальника,— сказал Гучков,— как только она соприкоснется с Петроградским гарнизоном и подышит... воздухом, которым дышит Петроград, эта часть перейдет неминуемо на сторону движения, и поэтому всякая борьба для Вас бесполезна». Вместе с тем посланцы думского комитета не скрывали от царя, что у них самих почва ускользает из-под ног. «Так как было страшно, что мятеж примет анархический характер,— говорил Гучков,— мы образовали так называемый Временный комитет Государственной думы и начали принимать меры, пытаясь вернуть офицеров к командованию нижними чинами. Кроме нас, заседает еще комитет рабочей партии, и мы находимся под его властью и цензурою. Опасность в том, что, если Петроград попадет в руки анархии, нас, умеренных, сметут, так как это движение начинает нас уже захлестывать». Шульгин и Гучков подчеркнули, что, по их убеждению, единственный путь спасения династии — это «передать бремя верховного правления в другие руки». Около 12 часов ночи царь подписал манифест об отречении в пользу своего брата Михаила. Затем по просьбе Гучкова и Шульгина царь подписал указы о назначении председателем Совета министров князя Г. Е. Львова и верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича.

Однако в отсутствие Гучкова и Шульгина между Временным комитетом Государственной думы и Исполнительным комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов было достигнуто соглашение о предоставлении права самому народу в лице Учредительного собрания избрать форму правления. Поэтому после передачи из Ставки текста манифеста об отречении Николая II в пользу Михаила Временный комитет немедленно разослал телеграммы начальнику штаба верховного главнокомандующего и всем главнокомандующим фронтами, а также в Москву о неоглашении его до особого распоряжения. «Провоз-

[1] «Отречение Николая II». Воспоминания очевидцев. Документы. Л., 1927, стр. 174.

глашение императором великого князя,— сообщал 3 марта по прямому проводу Родзянко генералу Рузскому,— подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому». При откладывании вопроса о форме правления до Учредительного собрания,— многозначительно заключал Родзянко,— «возвращение династии не исключено» [1].

В полдень 3 марта произошло свидание членов думского комитета и Временного правительства с Михаилом Романовым. На этом совещании за провозглашение Михаила императором высказались только Милюков и Гучков. Милюков доказывал, что «для укрепления нового порядка нужна сильная власть и что она может быть такой только тогда, когда опирается на символ власти, привычный для масс. Таким символом служит монархия. Одно Временное правительство, без опоры на этот символ, просто не доживет до открытия Учредительного собрания. Оно окажется утлой ладьей, которая потонет в океане народных волнений» [2]. Милюков и Гучков понимали, что восстановление свергнутой монархии «подействует на народное воображение, как удар хлыстом» [3], что для удержания Михаила на троне понадобилось бы арестовать Совет, ввести осадное положение, пролить море крови. Несмотря на это, они считали необходимым предпринять такую попытку. Милюков советовал великому князю в эту же ночь оставить Петроград с его революционным гарнизоном и, не теряя ни минуты, выехать в Москву, где якобы еще были верные царю войска» [4]. Таким образом, Милюков замышлял монархический переворот против той революции, которая привела его к власти. Другие участники совещания, например Родзянко и Шульгин, тоже хотели бы сохранить монархию, но они не видели реальной силы, при помощи которой Михаил мог бы удержаться у власти [5]. Не располагая военной силой, последний отказался от трона. После его отказа Милюков и Гучков решили не участвовать в правительстве. С большим трудом удалось уговорить их взять свои отставки назад и тем преодолеть «кризис власти» еще в процессе формирования Временного правительства.

---

[1] «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 28.

[2] В. Шульгин. Дни. Л., 1927, стр. 238.

[3] П. Н. Милюков. Воспоминания, т. II. Нью-Йорк, 1955, стр. 316.

[4] См.: П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859—1929. Париж, 1929, стр. 33.

[5] В это время поступило сообщение, что когда прибывшие из Пскова Гучков и Шульгин объявили в железнодорожных мастерских манифест Николая II, то это вызвало волнение среди рабочих, которые угрожали Гучкову арестом. Рабочие хотели уничтожить царский манифест, но Гучкову удалось передать его неизвестному человеку в форме инженера путей сообщения, который и доставил этот документ в Таврический дворец.

Крутой переход от гнета царизма к свободе, втянув в политическую деятельность миллионы мелких хозяйчиков, вызвал в них соглашательские настроения, которые проникли и в среду рабочих. В. И. Ленин указывал, что «гигантская мелкобуржуазная волна» захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику [1].

Всеобщее упоение свободой, настроения примирения и братания подогревались легендой о революционной роли Государственной думы в февральские дни. Однако члены Государственной думы покорно подчинились указу царя о перерыве думской сессии и вместе с царскими властями принимали меры, чтобы подавить революцию. Но, как только определилась победа восстания в Петрограде, думцы круто изменили тактику и перешли к «признанию», а затем и к «прославлению» революции. Они поспешили пристегнуть свое знамя к знамени народа, изобразить февральский переворот как «национальную» революцию, «самую солнечную, самую праздничную, самую короткую и самую бескровную из всех революций, которые знает история» и которую-де осуществила «вся Россия снизу доверху». Извращая факты, буржуазная пресса пыталась создать вокруг Думы ореол «застрельщика» и «вождя» революции. В приветствиях Государственной думе от всевозможных буржуазных организаций неизменно подчеркивалась «великая заслуга» Думы, «подготовившей и указавшей путь к свободе». Мутный поток буржуазной дезинформации оказывал влияние на неискушенные в политике массы. Изъявления благодарности Думе имели место даже со стороны демократических слоев населения.

Однако и буржуазия, экономически окрепшая в годы войны, лучше подготовленная к политическому господству, чем пролетариат, не обладала достаточной силой для захвата и удержания власти.

В результате создалось беспрецедентное в мировой истории переплетение двух властей: буржуазной власти в лице Временного правительства и его местных органов и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих и солдатских депутатов.

Двоевластие начало складываться еще до сформирования Временного правительства, когда восставшие рабочие и солдаты парализовали попытки думского комитета подчинить своему контролю войска Петроградского гарнизона. Двоевластие проявилось и в том сокрушительном отпоре, который дали революционные массы монархическим происках буржуазии. Под давлением масс Временное правительство вынуждено было 7 марта принять постановление об аресте бывшего царя.

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 156.

Военный министр А. И. Гучков в письме к начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву 9 марта сделал следующее признание о «действительном положении вещей» в Петрограде: «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует, лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов» [1].

В ночь на 28 февраля Московское областное бюро ЦК и МК большевиков обратились к рабочим с призывом всеобщей стачкой и массовыми демонстрациями поддержать восстание питерских рабочих и солдат против царизма. Прокламация призывала также выбирать Совет рабочих депутатов.

С утра 28 февраля в Москве началась всеобщая политическая забастовка. В течение всего дня нескончаемым потоком на Красную площадь и к городской думе (теперь здание Центрального музея В. И. Ленина) двигались демонстрации рабочих, сметая по пути полицейские заслоны. На площади перед думой выступали большевики, призывавшие рабочих немедленно идти в казармы, чтобы привлечь солдат на сторону революции. К Спасским, Покровским и другим казармам с площади отправились рабочие во главе с депутатами Совета. Солдаты охотно согласились присоединиться к рабочим.

2 марта рабочие и революционные части Московского гарнизона заняли Кремль, Арсенал, вокзалы, телеграф, телефон, Государственный банк. Арестовали командующего военным округом и губернатора. К вечеру того же дня Москва полностью оказалась в руках восставшего народа.

Московский комитет большевиков опубликовал проект наказа депутатам в Совет. В нем была изложена большевистская программа борьбы за демократическую республику, конфискацию помещичьей земли, за революционный выход из империалистической войны. От крупных предприятий, где сохранились большевистские организации, в депутаты Совета избраны были большевики или им сочувствующие. Но в первом составе Совета преобладали представители мелких и средних предприятий, где рабочие не имели достаточного опыта революционной борьбы. Они послали в Совет меньшевиков и эсеров. Из общего числа 626 депутатов большевиков было 51, а вместе с сочувствующими 250. В президиум Совета от большевиков были избраны В. П. Ногин и П. Г. Смидович. Председателем Совета был избран меньшевик А. М. Никитин. Реальная вооруженная сила в Москве на-

[1] «Революционное движение в России после свержения самодержавия». М., 1957, стр. 429—430.

ходилась в руках Совета рабочих депутатов, который во многих случаях и действовал как орган власти. Но под влиянием меньшевиков он признал общим органом управления Москвы буржуазный «Комитет общественных организаций».

Вслед за Петроградом и Москвой волна революционных выступлений прокатилась по всей стране.

Трудно согласиться с В. С. Дякиным, что в дни революции деятели Государственной думы, изображая себя перед провинцией хозяевами положения в столице, «тем самым способствовали более быстрому «принятию» революции органами власти, на местах» [1]. Нам представляется — «принимала» ли царская администрация революцию или занимала выжидательную позицию — это ничего не могло изменить в победном шествии революции по стране. Представление о том, что в провинцию революция пришла «по телеграфу», едва ли верно. Достаточно, мол, было Бубликову разослать 28 февраля по всей сети железных дорог депешу, что Дума взяла на себя организацию новой власти, как царские чиновники тотчас капитулировали перед революцией. Эта идиллия совсем не похожа на то, что происходило в действительности. Всюду по получении известий о восстании в Петрограде рабочие по призыву большевиков выходили на улицу, братались с солдатами, разоружали полицию, освобождали политических заключенных из тюрем, смещали и арестовывали представителей царской администрации, создавали отряды народной милиции и выбирали депутатов в Совет. Дружное и стремительное выступление рабочих и столь же быстрое и единодушное присоединение к ним солдат парализовали всякую возможность сопротивления со стороны старых властей.

В первые же дни Февральской революции рабочие и солдаты повсеместно стали создавать Советы. В большинстве Советов у руководства оказались меньшевики и эсеры. Такие Советы принимали решения о поддержке Временного правительства.

Те немногочисленные Советы, в которых с момента их возникновения преобладало влияние большевиков (Иваново-Вознесенск, Екатеринбург, Красноярск), осуществляли рабочий контроль над производством, устанавливали 8-часовой рабочий день, удаляли с предприятий наиболее реакционных представителей администрации, создавали отряды рабочей милиции, поддерживали захват крестьянами помещичьей земли. Местные органы Временного правительства здесь не играли почти никакой роли.

Весть о победе революции в Петрограде вызвала массовые выступления в армии и флоте. В Кронштадте еще 27 февраля члены военной организации большевиков начали открытую агитацию за немедленное выступление. К рассвету 1 марта весь Кронштадт перешел на сторону революции. Главный командир

---

[1] В. С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967, стр. 353.

Кронштадтской крепости, ярый реакционер вице-адмирал Вирен, зверски обращавшийся с матросами, был расстрелян. Днем 1 марта состоялся митинг солдат, матросов и рабочих, на котором был избран «Комитет общественного движения», а также избраны представители в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, среди которых находился один из руководителей подпольной большевистской организации в 1915 г. — И. Д. Сладков.

2 марта началось восстание матросов, солдат и рабочих в Гельсингфорсе. 3 марта подняли красные флаги линкоры «Павел I», «Андрей Первозванный» и «Слава». Восстание быстро охватило все корабли и войска гарнизона. Матросы обезоружили и арестовали офицеров. Командующим флотом вместо убитого восставшими вице-адмирала А. И. Непенина был избран начальник минной обороны вице-адмирал А. С. Максимов, известный во флоте гуманным обращением с матросами.

5 марта в Кронштадте был создан Совет рабочих депутатов, а на следующий день — Совет военных депутатов, которые объединились 10 марта в Совет рабочих и солдатских депутатов. Последний сосредоточил в своих руках всю полноту гражданской и военной власти. Совету были подчинены старший военно-морской начальник в Кронштадте, все командиры частей, городское хозяйство, промышленные предприятия. Совет ввел 8-часовой рабочий день, определял размеры заработной платы, установил контроль над производством, распределением и потреблением, организовал охрану крепости и общественного порядка в городе. Он отказался привести войска к присяге Временному правительству, заявив, что «свободному народу присяга не нужна».

14 марта Кронштадтский Совет принял резолюцию с требованием прекращения войны, опубликования тайных договоров и контроля над внешней политикой Временного правительства. Кронштадтский Совет одним из первых решительно поддержал большевистский лозунг: «Вся власть Советам!»

Высшее командование задерживало известия о революции, не допускало на фронт газет, запрещало посылку солдатских делегатов в Петроград и приезд делегаций петроградских рабочих и солдат в действующую армию. Однако сообщения о революции различными путями проникали на фронт. Солдаты устраивали демонстрации с красными знаменами и революционными песнями. Во многих частях солдаты отказывались подчиняться реакционным царским офицерам, выбирали новых командиров, преимущественно из демократически настроенных прапорщиков. Под влиянием Приказа № 1 Петроградского Совета в действующей армии и тыловых формированиях стали создаваться солдатские комитеты.

Известия о революционном перевороте в столице быстро распространились и в деревне. По воспоминаниям одного крестья-

нина, деревня, узнав о свержении царя, «словно переродилась, повеселела, каждый чувствовал, что как-то весело стало на душе и на сердце, как будто кто свалил с плеч тяжелый, непосильный камень»[1]. Крестьяне на сходках принимали приветствия питерским рабочим и солдатам, свергшим царское правительство, и заявляли о своем желании действовать заодно с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Крестьяне прогоняли земских начальников, волостных старшин и избирали волостные и сельские комитеты, а также делегатов для установления постоянной связи с Советами рабочих депутатов.

В первые же дни революции крестьяне развернули борьбу за уничтожение помещичьего землевладения. В ряде губерний уже в марте состоялись уездные съезды крестьян, которые высказывались за передачу помещичьих земель без всякого выкупа в распоряжение волостных правлений. В ответ на рост крестьянского движения Временное правительство издало 9 марта распоряжение о привлечении крестьян к судебной ответственности за участие в «аграрных беспорядках». Вместе с тем оно вынуждено было санкционировать существование волостных крестьянских комитетов и обещало начать подготовку земельной реформы, для чего при министре земледелия был создан Главный земельный комитет и на местах губернские и уездные комитеты.

После получения известий о свержении самодержавия к созданию Советов и уничтожению старых органов власти приступили рабочие и демократические слои населения на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Азербайджане. Медленнее развивалась Февральская революция в Средней Азии, где промышленный капитализм был слаб, а пролетариат малочислен. Но и здесь по примеру Петрограда в первые же дни революции возникли Советы рабочих и солдатских депутатов. 3 марта в Ташкенте образовался Совет рабочих депутатов, а 5 марта гарнизонный Совет солдатских депутатов, объединившиеся вскоре в Совет рабочих и солдатских депутатов. В русских поселках создавались Советы крестьянских депутатов, среди коренного населения — Советы мусульманских рабочих депутатов и союзы трудящихся мусульман.

Временное правительство, стремясь изолировать Туркестан от революционного влияния центра и сохранить старый, военно-колониальный режим, оставило нетронутым весь аппарат царской власти во главе с генерал-губернатором Куропаткиным. Под давлением масс, требовавших удаления царских чиновников, 31 марта на объединенном заседании Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета мусульманских депутатов и Совета крестьянских депутатов было принято постановление о смещении и аресте Куропаткина и его помощников. Здесь же был избран новый командующий войсками военного округа.

---

[1] «1917 год в деревне». М. — Л., 1929, стр. 41.

Однако управление гражданскими делами края было возложено на трех комиссаров Ташкентского исполнительного комитета, в котором преобладали царские чиновники и буржуазная интеллигенция.

После победы Февральской революции в России широко развернулось национальное движение. Это движение испытывало сильное влияние буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий. Национальная буржуазия, стремясь к власти и желая привлечь на свою сторону трудящиеся массы и изолировать их от влияния русского революционного пролетариата, выдвигала лозунги ликвидации национального гнета и широкой автономии и даже притворно отмежевывалась от империалистической политики русской буржуазии.

На Украине националистические партии — Общество украинских прогрессистов и Украинская социал-демократическая рабочая партия — создали в Киеве 4 марта Центральную раду, лидерами которой были М. С. Грушевский, В. К. Винниченко и С. В. Петлюра. 19 марта в Киеве Центральной радой была организована демонстрация, участники которой требовали политической автономии для Украины.

Латышские буржуазные националисты созвали 12—13 марта в Валмиере земское собрание из волостных старшин, писарей, учителей, которое избрало Временный Видземский (Лифляндский) земский совет из представителей кулачества и буржуазной интеллигенции. Стремясь укрепить власть кулачества в латышской деревне, земское собрание предоставило право избирать милиционеров в волостях только земельным собственникам.

В Ташкенте в марте 1917 г. образовалась буржуазно-националистическая организация «Шуро-и-Исламия», в которую вошли представители узбекской буржуазии, феодалов и мусульманского духовенства. Шуроисламисты выражали доверие Временному правительству и одобряли его курс на продолжение войны. Такую же позицию по отношению к Временному правительству заняли и казахские буржуазные националисты — алашордынцы.

Наряду с националистической струей в национальном движении пробивается интернациональное течение, проникнутое недоверием трудящихся масс к своей буржуазии и стремлением к единству с русским революционным движением. Так, в обращении финских рабочих Гельсингфорса к русским рабочим и солдатам 19 марта подчеркивалось, что русские рабочие, свергнув царизм, не только расчистили русскому народу путь к свободе, но освободили также и финский народ от оков деспотизма. Выражая открытую признательность и самую искреннюю благодарность, гельсингфорские рабочие обещали и впредь сохранять дружественные чувства к русским рабочим. Собрание польских рабочих Петрограда 2 марта, приветствуя революционное движение российского пролетариата, торжественно заявило: «Мы приложим все наши силы, чтобы вместе с вами довести до конца на-

чатое дело свержения ненавистного самодержавного строя»[1].

Одним из острых, насущных вопросов Февральской революций, волновавшим широчайшие массы народа, был вопрос о войне и мире.

В обращении «К населению России» 6 марта Временное правительство заявило о своей решимости свято выполнять заключенные царем договоры с союзниками, в том числе и тайные, и продолжать войну до победного конца. Это заявление было встречено союзниками с явным удовлетворением. США, Англия и Франция 9 марта признали Временное правительство.

Однако курс Временного правительства на продолжение империалистической войны резко противоречил стремлению исстрадавшихся масс к миру. На митингах рабочие и солдаты требовали от Петроградского Совета, чтобы он немедленно обратился к международной демократии с призывом оказать давление на свои правительства для скорейшего заключения мира и предложил Временному правительству взять на себя инициативу мирных переговоров.

Эсеро-меньшевистские лидеры Петроградского Совета были сторонниками войны до победы. Но в условиях, когда массы были охвачены стихийной ненавистью к империалистической войне, нельзя было открыто заявлять, что война ведется ради захвата чужих земель. Поэтому социал-соглашатели выдвинули идею «революционного оборончества».

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов 14 марта опубликовал манифест «К народам всего мира», в котором заявил, что «наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире». Обращаясь к германским рабочим с призывом сбросить с себя «иго полусамодержавного порядка», манифест, однако, не выдвигал такого же лозунга перед пролетариатом союзных стран. Совет обещал «всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов» и заверял, что революционная Россия будет вести войну лишь для защиты завоеваний свободы от посягательств извне. Подобное заверение было сплошным обманом, так как Совет поддерживал Временное правительство, которое не собиралось, да и не могло, не изменяя своей классовой природе, отказаться от завоевательной программы русских капиталистов и помещиков.

Разоблачая лицемерие эсеро-меньшевистских лидеров, В. И. Ленин в письме к Я. С. Ганецкому от 17 марта писал: «Надо очень популярно, очень ясно, без ученых слов излагать рабочим и солдатам, что свергать надо не только Вильгельма, но и королей английского и итальянского. Это во-первых. А второе и *главное* — свергать надо *буржуазные* правительства и *начать с России,* ибо иначе мира получить нельзя»[2].

---

[1] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 4 марта 1917 г.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 422—423.

Однако, введенные в заблуждение красивыми фразами об оборонительных целях войны, широкие массы поверили вначале, что после падения царизма война со стороны России утратила империалистический характер и теперь необходимо защищать революцию от иностранного нашествия. «Революционным оборончеством» были захвачены прежде всего мелкобуржуазные слои населения, но оно проникло и в среду рабочих, которые в начале войны не поддались угару шовинизма.

Ленин требовал строго отличать стихийные, несознательные оборонческие настроения обманутых буржуазией масс, которые *«действительно* от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают» [1], от оборончества эсеро-меньшевистских лидеров, на деле поддерживающих империалистическую политику Временного правительства.

Приветствуя обращение Петроградского Совета «К народам всего мира», рабочие и солдаты предлагали потребовать от Временного правительства открыто заявить о желании русского народа кончить войну без аннексий и контрибуций. Между тем союзники, игнорируя стремление русского народа к миру, добивались от Временного правительства активных, наступательных действий на фронте. 20 марта французский посол Палеолог пожелал получить от Милюкова ясный ответ, «хочет ли Россия продолжать сражаться бок о бок со своими союзниками до окончательной победы». 23 марта Милюков заявил, что Россия попрежнему будет вести войну за захват Константинополя и проливов, Армении и Галиции. Съезд кадетской партии (25—27 марта) одобрил заявление своего лидера и выразил «полное доверие Временному правительству и его иностранной политике, основанной на верности заключенным союзам».

Заявление Милюкова вызвало новую волну возмущения против империалистической политики Временного правительства. Тогда по совету соглашательских лидеров Временное правительство опубликовало 28 марта воззвание «К гражданам России», в котором лицемерно заявляло, что «цель свободной России не господство над другими народами... не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». Но в этой же декларации говорилось, что Временное правительство будет полностью соблюдать свои обязательства в отношении союзников. Это означало, что тайные договоры, заключенные между союзниками и царским правительством, например о разделе Турции или Австро-Венгрии, сохраняли свою силу.

В первые же дни революции с исключительной силой проявилось революционное творчество масс. Наряду с Советами рабочие создавали новую, совершенно неизвестную раньше форму

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 160.

объединения непосредственно на предприятиях — фабричные и заводские комитеты. Широко развернулось движение за восстановление и организацию профсоюзов. Большинство их в марте — апреле 1917 г. строилось по признаку цеха, профессии, что вело к распылению профессионального движения. Многие профсоюзы находились под влиянием мелкобуржуазных партий. Во имя продолжения войны меньшевики и эсеры требовали от профсоюзов «временного» отказа от экономической борьбы.

В отличие от профсоюзов фабзавкомы объединяли всех рабочих предприятия независимо от профессии и ближе стояли к рабочей массе. Они возглавляли борьбу рабочих за 8-часовой рабочий день, удаление особо ненавистных представителей администрации, повышение заработной платы и изменение правил внутреннего распорядка, за улучшение снабжения рабочих, устройство библиотек, клубов. Фабзавкомы также играли видную роль в упрочении завоеванных политических свобод, организации милиции, борьбе с саботажем буржуазии, охране предприятий и в установлении рабочего контроля над производством.

Соглашательские лидеры Советов были решительными противниками развертывания экономической борьбы рабочих, рассматривая ее как попытку расколоть «единый революционный фронт», в который они включали и буржуазию. Особенно энергично они возражали против немедленного введения 8-часового рабочего дня. На заседании Петроградского Совета 5 марта только фракция большевиков настаивала на декретировании 8-часового рабочего дня (30 депутатов из 1200). Но влияние большевиков в рабочей массе было значительнее их удельного веса в Совете.

На пленуме Петроградского Совета 7 марта было установлено, что на большинстве заводов рабочие не приступили к работе, требуя немедленного введения 8-часового рабочего дня и других улучшений в условиях труда. Движение приняло такой размах, что предприниматели принуждены были идти на уступки. На многих предприятиях хозяева согласились впредь прием и увольнение рабочих производить только с разрешения фабзавкомов. 10 марта петроградское общество заводчиков и фабрикантов подписало соглашение с Советом о введении на предприятиях 8-часового рабочего дня, о признании фабзавкомов и учреждении примирительных камер.

Из Петрограда движение за введение 8-часового рабочего дня перекинулось в Москву и другие промышленные центры страны. На многих предприятиях ограничение рабочего времени восемью часами происходило явочным порядком. Большинство капиталистов, учитывая невыгодное для них соотношение сил, открыто не выступали против 8-часового рабочего дня: они сокращали, а иногда и вовсе останавливали производство под предлогом недостатка сырья и топлива, необходимости ремонта и объявляли расчет части или даже всем рабочим.

Борьба за 8-часовой рабочий день сочеталась с борьбой за повышение заработной платы и вообще за улучшение условий труда. При этом рабочее движение создало новые формы борьбы против капиталистов — насильственное отстранение администрации и установление рабочего контроля на предприятиях. Осуществление его рабочие начинали с выяснения действительного положения на предприятиях. Фабзавкомы проверяли наличие сырья и топлива на складах, состояние финансов, обоснованность увольнения рабочих. Вслед за тем рабочие добивались, чтобы все распоряжения администрации, касающиеся внутреннего распорядка, как-то: нормировка рабочего времени и заработной платы, прием и увольнение рабочих, распределение отпусков и т. д.— отдавались только с ведома и согласия фабзавкомов. В случае саботажа администрации фабзавкомы брали в свои руки организацию производства. Они сами вступали в переговоры с соответствующими органами относительно заказов, финансирования и дальнейшей судьбы предприятия. Фабзавкомы организовывали охрану предприятий, не допускали распродажи оборудования и его умышленной порчи, принимали меры к снабжению предприятий сырьем и топливом.

Рабочий контроль явился шагом к диктатуре пролетариата, так как он подрывал власть капиталистов на предприятиях, ослаблял и расшатывал их политическое господство. Через контроль над производством фабзавкомы под руководством большевиков готовили кадры из рабочих, способные после победы социалистической революции управлять промышленностью.

4. Всемирно-историческое значение Февральской революции. Вторая русская революция оказала могучее влияние на борьбу рабочих против империалистической войны и классового угнетения во всем мире. Оценивая международное значение этой революции, В. И. Ленин говорил: «Рабочие всего мира с восторгом и надеждой смотрят на революционных рабочих и солдат России, как на передовой отряд всемирной освободительной армии рабочего класса» [1].

Социал-шовинисты, опасаясь перенесения революционных событий из России в Западную Европу, выступали против использования в своих странах русского опыта. Они убеждали рабочих, что в капиталистических развитых государствах нужна «парламентская» борьба, а не революция. Напротив, интернационалисты, особенно группа «Спартак», вокруг которой объединялись лучшие представители германского пролетариата, видели в Февральской революции в России начало «всемирно-исторической борьбы пролетариата с классовым господством капитала».

Под влиянием русской революции в листовках и документах спартаковцев появляется призыв к революции в Германии. В одном обращении к рабочим они писали, что русские рабочие сво-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 187.

ей героической борьбой «подняли знамя Интернационала из грязи и ужасов войны, подняли так высоко, что оно радостно развевается на несущем весну мартовском ветре, как светящийся маяк пролетариев всех стран... Немецкие рабочие и работницы! Сделайте то же самое!»

Февральская революция усилила антивоенное и революционное стачечное движение рабочих во всех воюющих странах. В апреле 1917 г. в Германии вспыхнула массовая стачка, в которой принимали участие сотни тысяч рабочих военной промышленности Берлина, Лейпцига и других городов. Бастующие рабочие наряду с экономическими требованиями выставили и политические: заключение мира без аннексий и контрибуций, отмена осадного положения и цензуры, свобода союзов и собраний, освобождение политических заключенных, равное избирательное право во всех частях Германской империи. В Берлине рабочие по призыву спартаковцев приступили к выборам в Совет рабочих депутатов.

Русская революция получила отголосок и на фронтах империалистической войны. На Западном фронте широкое распространение получили так называемые «Десять заповедей» французского солдата. Некоторые из них, например требование уравнения в правах солдат с офицерами, воспроизводили соответствующие пункты русского Приказа № 1.

На Восточном фронте после Февральской революции широкое распространение получило братание русских солдат с немецкими и австрийскими. Русские солдаты-большевики снабжали немцев брошюрами и газетами, разъяснявшими империалистический характер войны и значение революционных событий в России. Братание усиливало стремление солдат к миру.

Февральскую революцию совершили миллионные массы рабочих, крестьян, солдат, боровшихся за мир, хлеб, землю, свободу, за свержение самодержавия. Гегемоном революции был пролетариат, выступавший в союзе с широкими массами крестьянства. Союз рабочих и крестьян под руководством большевистской партии явился той великой общественной силой, которая свергла царизм и обеспечила победу революции.

Всесильным ускорителем и «режиссером» революции явилась первая мировая война.

Используя опыт первой русской революции, рабочие и солдаты создали Советы. Это имело решающее значение в дальнейшей борьбе трудящихся за завоевание диктатуры пролетариата, за ликвидацию капитализма и построение социалистического общества.

Революция пробудила к политической жизни миллионы мелких хозяев, неискушенных в политике. Эта мелкобуржуазная волна вынесла на гребень революции партии меньшевиков и эсеров, которые добровольно отдали завоеванную рабочими и солдатами власть в руки буржуазии. Временное правительство, су-

ществовавшее рядом с Советами, не хотело прекращения империалистической войны, оттягивало решение аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания, подавляя попытки крестьян отобрать помещичью землю, продолжало царскую политику национального угнетения.

3 апреля в Россию из эмиграции вернулся В. И. Ленин. Встреча его в Петрограде вылилась в волнующую демонстрацию. С броневика, освещенного прожекторами, прозвучала вдохновенная речь В. И. Ленина, которую он закончил призывом: «Да здравствует мировая социалистическая революция!»

На другой день после приезда Ленин прочел на совещании большевиков — делегатов Всероссийской конференции Советов — свои знаменитые тезисы о задачах пролетариата в развернувшейся революции. В этих тезисах он изложил программу борьбы партии за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

Большевистская партия, вооруженная Апрельскими тезисами В. И. Ленина, уверенно развернула борьбу за революционный выход из империалистической войны, за власть Советов.

ПЕРЕЧЕНЬ АРХИВОВ, ФОНДЫ КОТОРЫХ ИСПОЛЬЗОВАНЫ В КНИГЕ

Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР — ЦГАОР СССР

Центральный государственный исторический архив СССР — ЦГИА СССР

Центральный государственный военно-исторический архив СССР — ЦГВИА СССР

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР — ЦГАЛИ СССР

Центральный партийный архив — ЦПА

Ленинградский партийный архив — ЛПА

Архив внешней политики России — АВПР

Московский областной исторический архив — МОИА

Ленинградский областной исторический архив — ЛОИА

Отдел письменных источников Государственного Исторического музея — ОПИГИМ

Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — РОБИЛ

Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) — ОРГПБ им. С.-Щ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Глава I. Вступление России в эпоху империализма. Назревание революционного кризиса 5

Глава II. Русско-японская война 1904—1905 гг. 56

Глава III. Революция 1905—1907 гг. 99

Глава IV. Столыпинская реакция (1907—1910 гг.) 211

Глава V. Новый революционный подъем (1910—1914 гг.) 242

Глава VI. Внешняя политика России в 1906—1914 гг. 304

Глава VII. Россия в годы первой мировой войны 353

Глава VIII. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. 407

Перечень архивов, фонды которых использованы в книге 445

Евгений Дмитриевич Черменский

ИСТОРИЯ СССР

Период империализма

Редактор *М. Б. Огнянов*

Художник *В. Н. Юдкин*

Художественный редактор *А. Ф. Сергеев*

Технический редактор *В. В. Новоселова*

Корректоры *Л. П. Михеева* и *К. А. Иванова*

Сдано в набор 15/II 1974 г. Подписано к печати 27/IX 1974 г. 60×90¹/₁₆. Бум. книжно-журн. № 2. Печ. л. 28,0 Уч-изд. л. 30,88. А11599. Тираж 110 тыс. экз.

Издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59 Заказ № 76.

Цена без переплета 83 коп., переплет 21 коп.

1 р. 04 к.